

ЛОБАНОВСКИЙ

Александр
Торбунов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга посвящена выдающемуся футболисту и тренеру Валерию Васильевичу Лобановскому (1939—2002). Тренер «номер один» в советском, а затем украинском футболе, признанный одним из величайших новаторов этой игры во всём мире, Лобановский был сложной фигурой, всегда, при любой власти оставаясь самим собой — и прежде всего профессионалом высочайшего класса. Его прямота и принципиальность многих не устраивали — и отчасти именно это стало причиной возникновения вокруг него различных слухов и домыслов, а иногда и откровенной лжи. Автор книги, спортивный журналист и историк Александр Горбунов, близко знавший Валерия Васильевича и друживший с ним, развенчивает эти мифы, рассказывая о личности выдающегося тренера и приводя множество новых, ранее неизвестных фактов, касающихся истории отечественного спорта.

- [Лобановский](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. В. ЛОБАНОВСКОГО](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
-

Лобановский

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1909

(1709)

Самые тёплые слова благодарности автора —

семье Валерия Васильевича Лобановского:

его жене Аделаиде Панкратьевне,

дочери Светлане, зятю Валерию,

внукам Ксении и Богдану —

за помощь и поддержку,

а также предоставленные фотоматериалы

из домашнего архива.

Александр Торбунцов

ЛОБАНОВСКИЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды в Советском Союзе в период очередной околофутбольной реформы, граничившей с глупостью, спортивные власти страны приняли решение, запрещающее работать с командами высшей и первой лиг тренерам, у которых не было физкультурного образования. При проверке выяснилось: единственным таким специалистом оказался ставший к тому времени тренером «номер один» в советском футболе и высоко котиравшийся в футболе европейском Валерий Лобановский. О решении тут же «забыли».

Лобановский-игрок привлекал зрителей на трибуны дриблингом, умением запутать соперника, проходами по левому флангу и угловыми. Корнеры в его исполнении приводили в восторг публику в Москве, Тбилиси, Ленинграде, Донецке, Ереване. И, конечно же, в Киеве. Трибуны поначалу замирали, а потом взрывались, когда Лобановский, подойдя с мячом к угловому флажку и установив мяч, разбегался с математически точно выверенного им расстояния и так посылал мяч с угла поля, что он либо внезапно «нырял» в ближний угол ворот, либо летел в дальний. Часто из скопления игроков в штрафной площадке вылетал прыгучий Олег Базилевич и забивал с передач Лобановского красивые голы.

К корнерам, как, впрочем, абсолютно ко всему, что он в жизни делал, Лобановский относился основательно, тщательно рассчитывая каждый шаг. «Семь раз отмерь, один раз отрежь» — эта поговорка с юношеских лет трансформировалась у Лобановского в простейшую формулу, которой он следовал до конца дней: «Надо думать». Его решения почти всегда выглядели на удивление точными. Они были пропитаны логикой, и неизвестно, что стояло за ними — многочасовые размышления или моментальное озарение. Одно, впрочем, часто тесно связано с другим.

Всё, что соседствовало с «авось», мышление Лобановского не допускало категорически.

Собственным примером, результатами, умением работать высокопрофессионально ему удалось заразить футболистов профессией. «Тренера без игроков не существует» — лозунг Лобановского, которого долгое время сопровождал имидж исключительно жёсткого человека, ни в грош своих футболистов не ставившего. Однако за всю свою тренерскую жизнь он по большому счёту не отчислил ни одного игрока. Всегда, при

любой власти Лобановский оставался таким, каким был, — самим собой. Менялись времена, менялись руководители, менялись эпохи — на него это не влияло. Да, разумеется, и он менялся («Не меняются только идиоты» — его выражение), но — не подстраивался ни под кого, не старался показаться «удобным». Оставался — и это, пожалуй, самое главное — профессионалом высочайшего класса и человеком, которого футболисты многих поколений — и в «Днепре», и в киевском «Динамо» — называли «Папой».

Лобановский — невероятный труженик, тщательно укрывавший от посторонних доброту и справедливость, поражавший умением находиться в тени своих воспитанников, но одновременно удивительным образом настолько целенаправленно на них воздействовать, что они из средних игроков превращались в классных, из способных — в талантливых, а из талантливых — в звёзд европейского футбола.

«Да, мы были хорошими игроками, да — умелыми, — говорит Владимир Веремеев из знаменитого динамовского состава середины 70-х. — Но в масштабе мирового футбола — средними. Среди нас не было таких феноменальных футболистов, как Беккенбауэр, Кройф, Платини, Марадона. Случайно, как это иногда бывает, за счёт воли и везения мы могли бы время от времени обыгрывать кого-нибудь из грандов, но выиграть большой приз в обычных условиях нам было не по силам: не хватало мастерства. А тренировочная методика Лобановского позволяла раскрыть все ресурсы организма, вывести нас на максимум, и именно благодаря этому мы уже не случайно, а целенаправленно и уверенно побеждали лучшие клубы и сборные». В рейтинге пятидесяти лучших команд за всю историю мирового футбола «Динамо» (Киев) на очень высокой — двадцатой — позиции. Ни одной другой команды с постсоветского пространства даже рядом нет с этим списком.

И так было с тремя поколениями игроков в киевском «Динамо» при Лобановском — в середине 70-х, в середине 80-х и в конце 90-х, когда тренер вернулся домой из «эмиграции». Он — один из немногих специалистов в мире, если не единственный, кто добивался высоких результатов и с клубом, и со сборной.

«Динамо»-1975 и «Динамо»-1986, если их сравнивать (а без сравнения не обойтись хотя бы потому, что оба «Динамо» выигрывали европейский Кубок кубков), — команды совершенно разные. Если в 75-м «Динамо» практически полностью состояло пусть и не из звёзд, но из высокоталантливых футболистов, то одиннадцать лет спустя перед публикой предстала «команда-звезда», к созданию которой всегда

стремился Лобановский.

Лобановский не из хитрецов и не из интриганов. Для того чтобы убедить в чём-то самого серьёзного (по статусу, принадлежности к властным структурам) человека, ему вполне хватало твёрдости, веры в правильность задуманного и прямого взгляда. Основным критерий у него был предельно прост — достижение результата, который вовсе не сводился к банальному счёту на табло после конкретного матча, а включал в себя многие и многие составляющие, в частности беспрестанное совершенствование тренировочного процесса и подходов к строительству игры.

Как и каждого творческого человека, Лобановского на протяжении всей жизни сопровождала волна слухов и домыслов. Без упоминания о выдумках, несуразностях, а иногда и откровенной лжи, написанной о Лобановском, в этой книге, увы, не обойтись. Злопыхатели не могли простить ему независимости, нежелания под кого-то подстраиваться, нескрываемого презрения к воинствующим дилетантам — и набрасывались на него по поводу и без оно. И продолжают набрасываться по сей день, даже после его ухода из жизни. И я, как человек, близко знавший Валерия Васильевича, чувствую себя обязанным перед памятью о нём, а потому не могу не отреагировать на эту кампанию невежества и клеветы.

Творческий процесс Лобановский называл «дорогой», которая, говорил он, «и днём дорога, и ночью дорога, и в ясный день, и в сумерки». Главная трудность — не в движении, а в выборе пути. В футболе он достиг уровня, позволявшего ему не отвлекаться на мелочи, а смотреть на процесс в целом. «Лобановский стоит особняком в нашем футболе», — говорил его коллега Виктор Прокопенко. Стоял.

Запомнился Валерий Васильевич гармоничным сочетанием в себе эмоционального — в основном для близко знавших его людей — и рационального, иногда с подчёркнутой внешней терпимостью к тем из окружающих, чьи поступки он, мягко говоря, не одобрял.

До последнего своего возвращения в киевское «Динамо» Лобановский никогда не работал в условиях рыночных отношений, контрактной системы, немыслимого для прежних лет уровня материального стимулирования, сопутствующего карьере игроков. Но новыми для него они не стали, потому что ещё в советские времена, отрывая драгоценное время от чисто тренерской деятельности, он серьёзно занимался вопросами организации футбольной жизни в стране и постоянно выдвигал новые идеи, которые существовавшим общественно-политическим строем отвергались как «вредоносные».

В творческом наследии Валерия Лобановского есть книга — «Бесконечный матч». Она была написана в 1987— 1988 годах и увидела свет в издательстве «Физкультура и спорт» в 1989 году. Вышла книга тиражом 150 тысяч экземпляров — немыслимая для нынешних времён цифра — и моментально превратилась в библиографическую редкость.

Мне выпала честь помогать Валерию Васильевичу в работе над этой книгой. Для меня то время стало временем совершенно нового постижения футбола. Мы и прежде, познакомившись в 1975 году, а затем подружившись, много общались, постоянно обсуждали футбольные и не футбольные вопросы. Но в дни совместной работы, которую, к слову, сложно было спланировать и выполнять на регулярной, раз и навсегда заданной основе (ритм жизни тренера не позволял ему неделями заниматься только книгой, на неё чаще всего выделялось внезапно возникавшее свободное время), мы разговаривали с Валерием Васильевичем часами. И это были счастливые часы в моей жизни.

Валерий Васильевич предполагал, что в будущем мы сможем спокойно, никуда не торопясь, заняться тщательной подготовкой нового издания «Матча», а также его мемуаров. Но время это, увы, так и не наступило...

Многое о Лобановском я узнавал и беседуя с его женой Аделаидой Панкратьевной, дочерью Светланой, зятем Валерием, его другом артистом Олегом Борисовым, партнёрами по чемпионскому составу киевского «Динамо» Андреем Бибой, Анатолием Сучковым, Виктором Серебряниковым, Валентином Трояновским, тренером той команды Вячеславом Соловьёвым, коллегами Валерия Васильевича — Олегом Базилевичем, Никитой Симоняном, Юрием Морозовым, Сергеем Мосягиным, Михаилом Команом, Анатолием Пузачем, футболистами нескольких поколений, игравшими под началом Лобановского, его помощниками Владимиром Веремеевым, Михаилом Ошемковым и, конечно же, с братьями Суркисами, Григорием и Игорем, взвалившими на себя тяготы руководства клубом в новейшие времена.

Всё это, а также возможность ознакомиться с личным архивом Лобановского, позволило добавить к общеизвестным биографическим фактам эпизоды малоизвестные и не известные до сей поры вовсе.

Уровень Лобановского таков, что он не нуждается ни в восхвалении, ни в осуждении. Только в самом трудном — в понимании.

Глава 1

«ХЛОПЦЫ, У МЕНЯ БРАТ РОДИЛСЯ!..»

6 января 1939 года, вечером, в канун Рождества, в семье Александры Максимовны и Василия Михайловича Лобко-Лобановских в Киеве родился сын. Его нарекли Валерием, и Александра Максимовна настояла, чтобы в свидетельстве о рождении мальчик был записан, как и её старший сын Евгений, под фамилией Лобановский. Она не хотела, чтобы у сыновей в будущем были неприятности из-за двойной фамилии, разделённой чёрточкой.

Двенадцатилетний Женя выбежал 7 января на улицу и радостно крикнул ровесникам: «Хлопцы, у меня брат родился! Назвали Валерием. Как Чкалова!»

Происхождением Александра Максимовна — из семьи революционеров. Её брат, Александр Максимович Бойченко, был генеральным секретарём ЦК комсомола Украины, писателем — киевским Николаем Островским: прикованный тяжёлой болезнью — анкилоз — к постели, он написал повесть «Молодость». Её перевели на многие языки, по ней была создана пьеса «Кровью сердца». «Из племени Павки Корчагина», — говорили о таких, как Бойченко.

Василий Михайлович происходил из «противоположного лагеря». Он — из польского графского рода. Один его брат, Иван Михайлович Лобко-Лобановский, был известным киевским педиатром; второй, Владимир Михайлович, преподавал одно время в харьковском институте, а затем стал военным в Белоруссии, дослужился до генерала. Однажды, когда киевское «Динамо» играло в Минске, он подошёл к Лобановскому, представился. В Киев не приезжал. В семье Лобановских, надо сказать, не было принято поддерживать отношения с дальними родственниками, собираться, скажем, вместе на дни рождения, по случаю праздников, встречать Новый год. Валерий Васильевич вообще на протяжении всей жизни сторонился больших компаний, особенно тех, в которых оказывались незнакомые люди. И у него это всегда получалось.

Жили «революционерка» и «граф» в окраинном тогда городском районе Сталинка дружно, безмерно друг друга уважая, обоих детей воспитывали в строгости и справедливости.

Василий Михайлович, невысокого роста, добродушный, мягкий, к категории спорщиков не относившийся, кем только не работал: железнодорожником, вагоновожатым на десятом трамвайном маршруте, магазинером на Киевском мельзаводе № 2. Без фундаментального образования, интеллигент от природы. «Человек глубокой внутренней культуры, молчаливо противившийся всякой несправедливости, он уважал свободу и подарил её детям в самом важном — в выборе жизненного пути», — говорил о Василии Михайловиче журналист Валерий Березовский. Василий Михайлович умер в марте 1960 года, месяц не дожив до 56-летия, несколько месяцев — до серебряной награды Валерия и больше года — до первой победы сына с киевским «Динамо» в чемпионате СССР. Её отмечали в первой собственной квартире Валерия, полученной в «Динамо»: он пригласил всех школьных друзей, пришли мама и брат, ребята из института.

Александра Максимовна, женщина крупная, высокая, волевая, занималась домом, детьми, вела хозяйство, работала одно время телеграфисткой, подсобной работницей в учреждении, потом — секретарём в исполкоме Московского района Киева.

У бабушки Валерия, мамы Василия Михайловича, образованнейшей женщины, была потрясающая библиотека, по счастью, почти полностью уцелевшая во время немецкой оккупации Киева. Женя и Валера садились у книжных шкафов, листали великолепно изданные книги — один только Шекспир, старинные тома собрания сочинений которого были «одеты» в свиную кожу, чего стоил!

Особый вклад в становление Лобановского внёс Александр Бойченко. Впервые в его дом Валерка попал пятилетним, и его потом всегда тянуло к дяде, прикованному к постели, но продолжавшему напряжённо работать и заражавшему племянников жизнелюбием и оптимизмом. «Дядя оставался жизнерадостным и общительным человеком, — рассказывал Евгений Лобановский. — Ему как воздух необходимо было общение с людьми, особенно с детьми. Он и сам, как ребёнок, радовался встречам с нами». Александр Максимович племянников любил, старался передать им всё духовно ценное, приобретённое в жизни. Женя и Валера жадно слушали его рассказы, ловили каждое слово. Для Валерия дядя стал непререкаемым авторитетом. Когда в 1950 году дядя ушёл из жизни, одиннадцатилетний Валерий сказал, что хочет быть похожим на него. По словам Александры Максимовны, Валерий не только внешне — высокий лоб, разрез в нижней части подбородка, крепко сжатые губы, твёрдый взгляд волевого человека — напоминал ей брата, но прежде всего — поразительным трудолюбием,

гипертрофированным порой чувством ответственности и целеустремлённостью.

Олег Базилевич назвал первым крупным достижением Лобановского то, что Валерий — один из немногих мальчишек послевоенной поры, который вышел из интеллигентной семьи и сумел в совершенстве освоить футбольные премудрости. Случай в социальной иерархии того времени редчайший. Базилевич, впрочем, и сам — такой «случай».

Брат Женя вспоминал, что первой футбольной площадкой Валерия был пустырь, располагавшийся сразу за домом, в котором они жили. Мяч гоняли и в Голосеевском лесу, у прудов, — на поляне между сосновыми рощами. Там же, на полянке Голосеевского леса, Валера почти ежедневно делал утреннюю зарядку, основательную, с пробежкой. После коллективных баталий (иногда его звали играть старшие ребята) Валера отправлялся в свой двор и отрабатывал удар, изо всех сил лупя мячом по деревянному забору, за которым жил сосед. Тот возмущался грохотом, особенно по вечерам. А удары у Валерия были такие, что порой выламывались доски. Александра Максимовна сердилась, Василий Михайлович посмеивался, а Женя привычно брал молоток и гвозди и чинил забор. Спустя годы Женя говорил, что уже тогда младшего брата «отличали редкостное упорство, целеустремлённость, сосредоточенность и организованность», помогавшая ему не терять и минуты даром. Футбол, учёба, книги... В любом, в зависимости от времени суток, порядке.

Воля и упорство — от родителей. В семье Лобановского из поколения в поколение рассказывают историю (Александра Максимовна — внучке Свете, Света — своим детям, внукам Валерия Васильевича Ксении и Богдану) из детства Валерия. Когда гитлеровцы захватили Киев, Александра Максимовна с детьми и мужем успела спрятаться в селе Рославици примерно в 20 километрах к югу от столицы. (Василия Михайловича поначалу забрали в армию, но сразу демобилизовали из-за серьёзных проблем с сердцем.) Их приютила какая-то полуслепая женщина. Женя с саночками ходил по окрестным сёлам, меняя то, что они сумели захватить из Киева — посуду, одежду, книги, — на продукты. Ходил, пока было, что менять. Приютившая Лобановских женщина всегда старалась дать маленькому Валерочке молочка, как только предоставлялась такая возможность. Ему и своей внучке. Внучке иной раз не хватало, и невестка этой доброй женщины, мама девочки, обижалась на свекровь: «Вот, ты даёшь чужому мальчику, а своей кровинушке не хватает...» — «Так он же совсем маленький», — со слезами на глазах отвечала свекровь и гладила Валерочку по светленькой головке.

Когда в ноябре 1943 года Киев был освобождён, Лобановские собрали вещи, взяли в дорогу скудные съестные припасы и отправились домой. Транспорта, разумеется, никакого. Валере не было и пяти лет, но он не пошёл к отцу па руки. Слышал разговоры взрослых о проблемах Василия Михайловича с сердцем. И, возможно, всё уже понимал. Шёл 20 километров, как и все, пешком. В ненастный ноябрьский день, под холодным дождём, по бездорожью. Ещё и нёс что-то лёгкое.

После войны Александра Максимовна подрабатывала вышиванием скатертей. Григорий Иосифович Спектор, администратор киевского «Динамо» времён тренерства Лобановского, однажды у каких-то людей совершенно случайно обнаружил скатерть, вышитую Александрой Максимовной, купил её и принёс Лобановским в подарок.

Жили после войны трудно. Женя учился, Валеру отдали в детский сад. Александра Максимовна рассказывала, как по пути с работы она заходила за ним в садик, они шли домой, садились на крылечко в скромном дворике одноэтажного барака с кучей соседей. «Мамочка, — спрашивал Валера, — есть что-то покушать?» — «Нет ничего, сыночек». — «Ну, пошли спатки». Фотография маленького Валерочки — той, детсадовской поры: светловолосый мальчик на стуле, в ботиночках, чулочках, один из которых — на левой ножке, с дыркой на коленке, в коротких штанишках, в застёгнутой на три пуговицы тёмной курточке из плюша с белым отложным воротничком, перешитой из каких-то старых вещей, — всегда стояла у Александры Максимовны на серванте.

На Аду, жену Валерия Васильевича, этот рассказ бабушки Шуры произвёл неизгладимое впечатление. Она всю жизнь держала перед глазами эту картинку (крылечко... нечего кушать... «спатки»...) и всякий раз, когда у Лобановского выдавался выходной день (полдня, несколько свободных часов), старалась приготовить что-нибудь вкусное, заранее справляясь, чего бы ему хотелось. Однажды Валерий отругал Аду. Он позвонил ей и сообщил, что скоро приедет. У неё было повышенное давление, но она об этом Валерию не сказала, а поинтересовалась, как всегда, его пожеланиями. Он признался, что не отказался бы от пирожных наполеон к чаю. И она со своим давлением помчалась за пирожными. Когда Валерий узнал об этом, он очень строго попросил Аду никогда больше так не делать. Столь же строго запретил ей водить машину, отчитав при этом своих школьных друзей, взявшихся помочь Аде получить права.

Пустырь пустырём, а по-настоящему Валера увлёкся футболом в первом классе. Поступил в специализированную детско-юношескую спортивную школу. Именно с того момента началось его футбольное

становление — мальчишка, приклеившийся, как и многие его сверстники (не говоря уже о взрослых), к репродуктору, из которого голос Вадима Синявского рассказывал осенью 1945 года о турне московского «Динамо» по Великобритании, безмерно счастлив был, оказавшись в футбольной колее.

Лобановский рассказывал мне, что помнит, как взрослые слушали репортажи из Англии, а он от взрослых в эти моменты не отходил, прислушивался к радиоголосу, но только потом, спустя годы, узнал, что репортажи вёл Вадим Синявский. И о том узнал, что Синявский приезжал в субботу, 21 июня 1941 года, в Киев на запланированное на 22 июня торжественное открытие нового республиканского стадиона матчем чемпионата страны между киевскими динамовцами и московскими армейцами. В четыре утра Киев подвергся бомбардировкам, игру, понятно, отменили, Синявский спешно отправился в Москву и через несколько дней отбыл на Западный фронт военным корреспондентом. Так и не сказав тогда в микрофон: «Говорит Киев!» — он произнёс эту фразу через два года и четыре с половиной месяца, когда первым рассказал по радио об освобождении города.

Однажды Лобановскому подарили неиспользованный билет на несостоявшийся 22 июня 1941 года матч. История с этим уникальным документом эпохи произошла в 60-х годах. Валерий ещё играл в Киеве. В кои-то веки у него выдался свободный вечер, и они вместе с Адой — молодая семейная пара жила тогда на улице Героев Революции — собрались в театр. «Как сейчас помню, — рассказывает Ада, — надела новое платье, туфли на высоком каблуке». Вышли из дома. Навстречу — группа ребят. «У нашего товарища, — говорят, — вот-вот защита диплома, а его на 15 суток забрали в милицию — дудел на стадионе во время игры». Ада вместо театра вернулась домой, а Валерий со студентами отправился в отделение милиции. Его, конечно, узнали. Парня отпустили. А спустя несколько недель этот парень пришёл к Лобановским. Принёс письмо. В целлофановом пакетице, аккуратно встроеном в бумажный лист, — билет на матч 22 июня 1941 года. Письмо, напечатанное на пишущей машинке, в архиве Лобановского сохранилось. «Пользуясь несчастным случаем с горном как случаем, передаём в вечное пользование эту футбольную реликвию. Четыре года войны на передовой и восемнадцать мирных лет — возраст этого билета. Человек, сохранивший билет, носил его всю войну на груди как талисман. Носил — и уцелел, носил — и обретал мужество (меньше всего это нужно понимать как намёк)...»

Отец парня мечтал вернуться в мирный Киев и снова — па футбол.

Валерий был растроган: подарок ценнейший. Один из руководителей украинского футбола Николай Фёдорович Фоминых во второй половине 70-х выпросил у Лобановского билет для демонстрации на какой-то выставке. Тогда билет и пропал.

А в сентябре 1948 года девятилетнему Валере подарили 30-страничную брошюру блокнотного формата под названием «Динамо» (Киев). Издательство «Московский большевик» (было и такое) выпустило в том сезоне в серии «Спортивные биографии лучших футбольных команд страны» небольшие книжицы о ЦДКА, ВВС, «Локомотиве», «Спартаке», динамовских коллективах Москвы, Тбилиси, Минска, Ленинграда и Киева — обо всех, словом, участниках розыгрыша первенства СССР по первой группе.

С брошюрой Валера не расставался. Дома она всегда лежала на столе, когда он делал уроки. В школе вместе с одноклассниками заполнял после каждого тура напечатанную на развороте таблицу чемпионата и огорчался вместе с ними результатами киевского «Динамо», занявшего в итоге десятое место и дважды — 5:0 и 6:1 — разгромленного блиставшим в конце 40-х годов ЦДКА.

Брошюры были однотипными. Отличались одна от другой лишь небольшими статьями о команде, фотографиями футболистов и краткими сведениями о них (бросается в глаза такая деталь: рост самого высокого на тот момент киевлянина, защитника Абрама Лермана, был 178 сантиметров, а рост остальных колебался в диапазоне 163-176 сантиметров).

Статью о динамовской команде Валера зачитал до дыр, дословно (и как потом я убедился, надолго) запомнив некоторые пассажи из неё, в частности, тот, в котором авторы выражали надежду на то, что «вскоре киевские динамовцы порадуют любителей футбола дружной игрой, темпераментом, соединённым с разумным расчётом, остроумием и завершённой комбинацией».

Лобановский процитировал мне этот отрывок на память летом 1999 года на балконе своей кипрской квартиры и попросил по возвращении в Москву проверить, насколько точно он запомнил формулировку. Вернувшись домой, проверил: почти слово в слово.

Третьеклассник Валера Лобановский и представить, разумеется, не мог, что пройдёт время и ему вместе с ровесниками выпадет честь выполнить это пожелание. Из тех игроков, имена которых девятилетний Валера мог без запинки назвать, разбуди его посреди ночи, к моменту его появления в основном составе киевского «Динамо» остался лишь вратарь Олег Макаров.

Лобановский учился в 39-й школе. Сейчас между «тройкой» и «девяткой» поставили «единичку», она теперь 319-я, имени Героя Украины Валерия Васильевича Лобановского, в ней 3 сентября 2014 года был открыт бюст великого тренера. И находится школа не на Краснозвёздном проспекте, а на проспекте Лобановского. Когда в ней учился Валерий, она была одной из четырёх украинских школ Киева.

Через семь лет после смерти Лобановского на втором её этаже по инициативе тогдашнего директора Светланы Колесниковой и одноклассников Валерия создали музей: фотографии, книги, какие-то его награды, аттестат зрелости, велосипед, подаренный Валерием своему другу Николаю Шевченко, парта... Не та, конечно, за которой сидел Лобановский. «Просто, когда мы только задумывали организовать музей в школе, — говорит одноклассник Валерия Жорж Тимошенко, — посчитали, что парта — атрибут совершенно необходимый. “Парту Лобановского” мы искали по всей Украине, однако даже в глухих уголках страны парт послевоенного образца уже не осталось. Но мы нашли выход. Сели, повспоминали, нарисовали эскиз нужной нам парты и заказали её в киевской мастерской. Получилось очень похоже на оригинал».

«Рыжим», по воспоминаниям одноклассников, Лобановского называли за глаза. Он всегда выделялся из толпы. Не боялся слыть «белой вороной», очень часто поступал по-своему, вопреки устоявшимся стереотипам. «Рыжий, — говорит Юрий Рост, — не столько обилие веснушек и пожар на голове, сколько мировоззрение и образ жизни: лукавая простодушность, скрывающая терпящий насмешки ум, снисходительность к глупости, театральность и естественность».

Называли Валерия, понятно, и «Лобаном». Когда он заиграл и стал в городе узнаваем, к «Лобану» с гордостью добавляли — «наш». В глаза его называли «Подсолнухом». Он быстро сгорал на солнце, на лице выступали веснушки, а волосы становились ярко-оранжевыми. Сидел Лобановский, по свидетельству неизменного вратаря школьной футбольной команды Жоржа Тимошенко, у окна. Солнце в погожие дни подсвечивало его уши так, что и они светились. Улыбка, чуть склонённая голова дополняли картину — и в самом деле подсолнух!

На прозвища Лобановский не обижался. Мог и сам дать намертво приклеивавшееся к человеку. Володю Басенко — соседа по парте — прозвал «Человеком в футляре»: было смешно наблюдать, как Володя перед тем, как выйти на школьную футбольную площадку, снимал на кромке поля калоши, играл, после матча калоши надевал и уходил, как чеховский персонаж. Только что без зонтика и тёплого пальто на вате. «Человеком в

футляре» школьные товарищи называли Басенко ещё долго. До той, пожалуй, поры, пока он не стал референтом Михаила Горбачева.

Лобановский не был похож на остальных ребят. Он никогда не дрался, не любил сердиться, всегда переживал, когда приходилось это делать, не ругался, не злословил, не унижал. Его всегда выбирали на роль миротворца в возникавших в классе конфликтах. Валерию доверяли, слово его становилось решающим, но гордыней он не страдал.

Вместе с одноклассниками бегал на Совские ставки, на Выдубецкое озеро, на пятое Глинище и обязательно на Голубое озеро на Дедоровке. Но в плавании Валерка не был таким маэстро, как в футболе. Нежиться на пляжах не любил. Кожа у него была такая, что не загорал он, а сгорал. К тому же время было жалко тратить на безделье.

После смерти Лобановского одноклассники вспоминали, как их поражало отношение Валерия к такому привычному для большинства явлению, как лень. Лень Лобановский считал болезнью, говорил, что её можно и нужно лечить. Зачем? Для чего? «Для того чтобы, не швыряя бездумно драгоценное время, получать знания — ведь мы ничего толком не ведаем о многообразии мира вокруг нас». Отговорку «Я не понимаю» не признавал: «Неправда, ты просто ленишься и не хочешь понять, надо в этом разобраться». Готов был объяснять каждому, обсуждать любой вопрос, настаивал, чтобы уроки делали вместе.

Подчиняя себя жёсткому расписанию, приучал к этому же одноклассников, поневоле старавшихся брать пример с человека, распределявшего ежедневные дела буквально по минутам и тщательно выполнявшего составленный на день план. План этот включал в себя неременный поход после уроков в посёлок монтажников, в яр, где ставили ворота из кирпичей и портфелей и два часа играли в футбол. Затем шли обедать к Вале Коваленко, после чего отправлялись к Лобановским пить клюквенный морс. Сделав — вместе — домашнее задание, расходились по своим делам. Кто-то занимался в оркестре народных инструментов, кто-то отправлялся в шахматную секцию или литературный кружок, кто-то — на репетицию хора или в балетную студию.

А Лобановский ехал в футбольную школу. Александре Максимовне увлечение сына по-прежнему не нравилось («Все дети как дети, — говорила она, — а у моего мяч в голове и на голове»), и она иногда вилкой прокалывала мячи, которыми сын жонглировал в коридоре длинного, барачного типа одноэтажного деревянного дома 68 по Большой Васильковской улице (в двух шагах от Голосеевской площади), в небольшой двухкомнатной квартире которого (№ 3) Лобановские жили.

Василий Михайлович увлечение сына поощрял. Отца, старавшегося ежедневно исподволь прививать сыновьям такие основополагающие, по его мнению, черты характера, как порядочность, честность, самостоятельность, твёрдость при отстаивании принятых решений и умение отвечать за свои поступки, привлекала не страсть сына к футбольному мячу, а поразительное трудолюбие, позволявшее Валерию преуспевать в любом занятии. Посещал Валерий и репетиции струнного оркестра, но продолжалось это недолго — не хватало времени.

Где старшеклассник Лобановский научился так танцевать, никто в толк взять не мог, но все заметили, насколько он преобразился после превращения их мужской школы в смешанную — а произошло это в девятом классе. Прекрасно, кстати, Лобановский танцевал всегда, и дочь свою Свету научил многим классическим танцам.

«Девочки, пришедшие к нам, — вспоминает Тимошенко, — обращали внимание на Валеру, а он на них вроде бы нет. В школе с их приходом начали организовывать танцевальные вечера, на которых все играли в “почту” — писали записки друг другу и передавали почтальону, чтобы он вручал адресату под тем или иным номером: бумажки с цифрами прикалывали к курточкам, пиджакам и платьям. И тут я впервые обратил внимание, как менялся наш Лобан. Он как-то незаметно повзрослел, стал стройным, лёгким, стремительным, модно подстриженным. Вальсировал с девочками так, будто парил над танцевальной площадкой. И весь он светился каким-то новым светом».

Стройность, лёгкость, стремительность, модная стрижка и «новый свет» — не столько от футбола, сколько от взявшей Валерия в плен первой и, как потом оказалось, единственной в его жизни любви — к Аде Емельяненко, потрясающей красоты гордой двоюродной сестре Валериного одноклассника Валентина Коваленко.

Лобановский учился лучше всех, шёл на медаль. Он и получил её в итоге, серебряную. «Отлично» по пятнадцати из шестнадцати предметам: украинскому языку, украинской литературе, русской литературе, алгебре, геометрии, тригонометрии, естествознанию, истории СССР, всеобщей истории, конституции СССР, географии, физике, астрономии, химии, иностранному (немецкому) языку. Единственная «четвёрка» — по русскому языку. Ада рассказывала мне, что на оценку повлияла (так, во всяком случае, объяснили Валерию) одна неверно поставленная в сочинении запятая. В аттестате зрелости, выданном 2 июля 1956 года (за номером 059723), говорилось, что, «согласно параграфу 4 Положения о золотой и серебряной медалях “За отличные успехи и примерное поведение”,

утверждённого Советом Народных Комиссаров Союза ССР от 30 мая 1945 года», он «даёт его владельцу право поступления в высшие учебные заведения Союза ССР без вступительных экзаменов».

Учителя любили Валерия, он всегда всё знал, напоказ ничего не выставлял, был хорошо воспитан, уверен в себе, ни перед кем не заискивал. В критических ситуациях занимал, как он сам говорил, «сторону справедливости». Тимошенко вспоминает, как однажды старшеклассники из двух параллельных классов устроили в школе забастовку (это в середине 50-х годов!). Им не нравилось, что преподаватель математики тратил на уроках время не столько на объяснение предмета, сколько на посторонние разговоры. «Мы с Валерой, — рассказывал Тимошенко, — оказались в самом сложном положении. Он — председатель ученического комитета школы, я — комсорг. Учителя, конечно, начали давить на нас, настаивали, чтобы мы прекратили этот “акт гражданского неповиновения”. Я — к Валерию: “Что будем делать?” Он: “Поддерживать справедливость”, и мы примкнули к забастовщикам. В классе сразу заволновались: “Ну, теперь Рыжему медали не видать, как своих ушей!” Но медаль он получил. Правда, не золотую, на которую шёл. И уважения учителей не потерял. Они тогда апеллировали к родителям, в частности, к Александре Максимовне, но Валерий ни на йоту мнения своего о ситуации не изменил».

Педсовет обязал бастовавшие классы отработать время пропущенных уроков на стеклозаводе. Наказание — вместо математики убирать мусор и мыть стаканы — странное, конечно, но решению педсовета школьники подчинились беспрекословно. Ставший причиной забастовки учитель математики называл Лобановского «истинно христианскою душою».

Как-то раз Лобановского попросили позаниматься с отстающими детьми математикой. Директор школы рассказывал потом своей дочери Галине: «Выхожу в школьный двор, вижу — все лоботрясы на площадке, мяч летает, и голова рыжая мелькает. Какая там математика!...»

Однажды Лобановского исключили из школы. На два дня. Он с группой ребят пропустил уроки. Вместо этого устроили футбольный матч. Происходило это поздней осенью, было уже холодно, шесть школьников сильно простудились. Виновником случившегося назвали Валерия, и он свою временную «дисквалификацию» крепко переживал, думая в первую очередь о маме, продолжавшей оставаться противницей «забавы с мячом». Потом, когда Лобановский стал играть в команде мастеров, Александра Максимовна, смирившаяся с выбором сына, стала за него переживать, на одном из матчей на стадионе, куда она пошла, разнервничалась так, что ей стало плохо, и Валерий настоятельно попросил маму если и смотреть

футбол, то только по телевизору.

Фотографии Валерия Лобановского, игрока и тренера, на обложках журналов в советское время — редкость необычайная. Припоминается только одна, цветная: в седьмом номере журнала «Физкультура и спорт» за 1986 год. Приурочен номер к победе киевского «Динамо» в финале Кубка кубков над мадридским «Атлетико». На экземпляре, сохранившемся в архиве Лобановского, сбоку написано его рукой: «Дорогой маме на добрую память. Валерий. 1986 г.». Александра Максимовна успехам сына радовалась.

Одноклассники Лобановского вспоминают, что он был прирождённым игроком, никогда не смирялся с поражением. Ребята — человек семь-восемь — частенько собирались у Лёвы Каца, круглого сироты, которого воспитывала тётя. Во что только не играли за большим овальным столом: в шашки обычные и шашки-поддавки, в шахматы, карты (предпочитали преферанс), уголки, в подобие настольного футбола — «игроками» служили трёхкопеечные монеты, а «мячом» — копейка! Лева завёл амбарную книгу, вписывал туда результаты соревнований по всем видам «олимпийской программы», в конце года подводили итоги, и победителем объявлялся тот, кто набирал наибольшее количество очков. Лобановский, безудержно азартный, неизменно на протяжении шести лет либо побеждал в общем зачёте, либо занимал место в первой тройке. В преферансе, требующем точного расчёта и незаурядных аналитических способностей, равных ему не было. «Ему всегда была нужна только победа, — говорит Валентин Тарашук. — Страшно не любил проигрывать. Если что не по нему, закипал. Шахматные фигуры, бывало, по всему столу разлетались. Другие могли в каких-то видах наших застольных соревнований и пониже место занять, уступить, а Лобановский — никогда!»

Александра Максимовна к «посиделкам» у Лёвы Каца относилась одобрительно. Говорила: «Наверное, мы можем быть спокойны за наших детей. Никакого хулиганства, никакого пьянства».

Однажды в школе, в выпускном уже классе, организовали чемпионат по шахматам. Лобановский вышел победителем турнира, не проиграв ни одной партии. Удостоверение, подтверждающее получение им второго разряда, Лобановскому вручил председатель Федерации шахмат Украины Владимир Иванович Капустин. С чего вдруг председатель посетил второстепенный турнир? Дело в том, что директорствовал в школе Герой Советского Союза, командир партизанского отряда имени Кармелюка Василий Максимович Яремчук — легендарная личность. Он учил мальчишек ценить дружбу и часто в разговорах с ними повторял любимую

фразу из «Тараса Бульбы»: «Нет уз святее товарищества». На приглашение Яремчука Капустин не мог не откликнуться. Стоит заметить, что, если бы не директор, чемпионат школы Лобановскому вряд ли покорился бы. Дело в том, что перед турниром Яремчук вызвал к себе одноклассника Валерия — Валентина Таращука и попросил его в чемпионате не участвовать: Таращук в тринадцатилетнем возрасте стал кандидатом в мастера по шахматам, выступал за юношескую сборную Украины, участвовал в более представительных турнирах, нежели первенство школы. Он, к слову, и прирастил Лобановского к шахматам. В комнату Каца иногда заходил брат Лёвиного дяди Исер Куперман, чемпион СССР по русским и стоклеточным шашкам, будущий чемпион мира.

«Нет уз святее товарищества...» — школьных и институтских друзей Лобановский никогда не забывал, встречался с ними, когда выдавались редкие свободные часы, ездил с ребятами за город, на полянке играл с ними в «дыр-дыр», оставлял одноклассникам билеты на матчи. Приехав однажды из Бразилии, позвал всех «на кофе по-бразильски» — выставил на стол большую железную коробку с надписью: «Подарок правительства Бразилии. Таможенной пошлине не подлежит», кофеварку, пятнадцать чашечек и сам каждому варил кофе. Приглашал на новоселье в квартиру на Суворова, когда вернулся из Днепропетровска в Киев, помогал с устройством в гостиницы Одессы и Днепропетровска, когда друзья приезжали в эти города в командировку. Охотно раздавал друзьям привезённые из-за границы пластинки с джазовой музыкой. В институте даже планировался как-то диспут между почитателями классической музыки и джазовой. Валерию отвели роль защитника «музыки духовной нищеты», как в конце 50-х годов в Советском Союзе называли джазовые композиции.

Лобановский не любил выделяться, но и как все быть — не хотел. В моду тогда входили джинсы. Валерий их не надевал никогда. Школьные друзья, подражая Лобановскому, тоже проигнорировали джинсы. На выпускное фото ребята из класса «А» фотографировались в галстуках. В «Б» — идея Лобановского — решили фотографироваться без галстуков. Идею реализовали таким образом. У Тимошенко была белая тенниска с широким отложным воротничком. У Бори Шевченко — единственный в классе пиджак. Так и переодевались по очереди. На выпускном фото, на котором снимок каждого — в овале, все ребята из 10 «Б» в одинаковой одежде. Тимошенко вспоминает, что безгалстучный класс произвёл в школе фурор.

Одевался Лобановский (это уже когда заиграл сначала в дубле, а потом

в основном составе «Динамо») у портного Степы в ателье индпошива 2-го разряда, доплачивая мастеру до «люкса» — подчёркнуто стильно, с особым шиком, носил брюки-дудочки и бобочку. Ходил со спортивной сумкой, что тогда было в диковинку, в парикмахерской просил сделать кок, и у него единственного среди ребят было серебряное кольцо с камешком-бирюзой — с ним Лобановский не расставался, считая своим талисманом.

«Лобановский, — вспоминал о донецком периоде Валерия массажист «Шахтёра» Владимир Ткаченко, — всегда — перед домашним матчем или на выезде — был одет солидно, с иголочки: костюм, белая рубашка, галстук, тёмные очки». Для поработавших с Лобановским футболистов не существовало мелочей. Они брали с него пример даже в одежде. Виктор Чанов, уехавший в Израиль играть за «Маккаби», на первую игру приехал в костюме и при галстуке. «У тебя что, свадьба?» — изумились новые партнёры. «Почему свадьба? Игра», — ответил Чанов. Спустя время многие игроки «Маккаби» стали приезжать на матчи гладко выбритыми и в костюмах.

Работники персонала сборной СССР отмечали, что киевские динамовцы всегда выходили на тренировку в чистой форме (а стирали тогда игроки, между прочим, сами), кожаные бутсы у них были в идеальном состоянии, для правильного содержания обуви в сумочках динамовцев находилось место для гуталина, щёточки и бархатной тряпочки.

Уже будучи тренером, одевался Лобановский всегда просто, но строго и красиво. За пополнением гардероба следила Ада, приобретающая мужу рубашки и костюмы без примерки. Как-то уже после возвращения из Кувейта, когда все привыкли к тому, что тренер предпочитает спортивную одежду, Лобановский появился на «Динамо» в новом костюме. «Прибавляете, Васильич! Выглядите безукоризненно, — восхитился Анатолий Пузач. — Но это, как я понимаю, ненадолго. Скоро, наверное, опять облачитесь в спортивную форму». — «Кирилыч, — ответил Лобановский, — начиная с сегодняшнего дня, на протяжении месяца ты меня ни разу не увидишь в одном и том же костюме». Так и произошло.

Известный спортивный педагог Михаил Борисович Корсунский проделал в Киеве после войны поистине титаническую работу, убеждая самых больших городских начальников непременно открыть для послевоенных мальчишек настоящую детскую футбольную школу. И такая школа была создана в 1950 году, а семь лет спустя Корсунскому, под тренерским началом которого юношеская сборная Украины трижды (первый раз в 1952 году!) выигрывала чемпионаты страны, присвоили

звание «Заслуженный тренер СССР» — событие для специалиста по детско-юношескому футболу уникальное.

«Корсунский, — вспоминает украинский журналист и кинодокументалист Семён Случевский, в командах Михаила Борисовича тренировавшийся и игравший, — умел убеждать не только партийных бонз, но и пацанов, многие из которых жили в полуподвалах, большинство в коммуналках, почти все — в бедности. Нас, мальчишек, он убеждал, точнее, соблазнял, гениально просто. Тогда в Киеве, как и в других городах, царил дворовый футбол (мы предпочитали говорить пусть неграмотно, но понятнее: доровой), субкультура, которая нынче, увы, потеряна навсегда. Михаил Борисович мотался по дворам Киева — на мотоцикле с коляской, в кожаной куртке и сапогах — и посматривал на наши азартные бои на асфальте, на грунтовке. А потом, как фокусник, только не из шляпы, а из мотоциклетной коляски, вынимал настоящие футбольные мячи: с камерами, со шнуровкой на крышках».

Разъезжая по городу на мотоцикле, Корсунский, например, нашёл в одном из дворов Виктора Каневского, будущего партнёра Лобановского по киевскому «Динамо», капитана команды, друга Валерия.

В созданной по инициативе Корсунского школе гороно (городской отдел народного образования) начинал учиться и Валера Лобановский, на которого как-то во время игры мальчишек на поляне в Голосеевском лесу обратил внимание детский тренер Николай Чайка. Шестеро «корсунских», в том числе и Лобановский, выступавший в юношеской сборной республики под номером «10», стали игроками основного состава «Динамо», выигравшего в 1961 году чемпионат Советского Союза.

Лобановского Корсунский сразу выделил: «У него есть всё, чтобы стать выдающимся центрфорвардом — быстрый ум, редкий глазомер, поразительная для его высокого роста ловкость и координированность движений, мощный накатистый бег, отличная прыгучесть, комбинационный дар, трудолюбие, смелость, точность ударов и передач, филигранная техника и тонкий дриблинг».

Знаменитый журналист Лев Иванович Филатов вспоминал:

«Июль 1957 года. Пишу из Киева отчёт о Всесоюзных юношеских соревнованиях в “Советский спорт”. Несколько строк из него:

“Левый полусредний Валерий Лобановский (именно так, через «а»), получив мяч из глубины обороны, быстро продвинулся вперёд. Удар он произвёл неожиданно, скрытно, и вратарь тбилисцев только пожал плечами, когда мяч лёг в сетку за его спиной... Была выстроена ‘стенка’. Однако Лобановский разглядел брешь и точно направил мяч в дальний

верхний угол ворот. Счёт сравнялся”.

Матч тот выиграли тбилисцы, но уж Лобановский, левый инсайд, в этом никак не мог быть повинен. Не могу ручаться, но не исключено, что эти строки положили начало огромной литературе о Валерии Лобановском во всесоюзной периодике. Да и как бы я, автор, вместе с редакционными работниками, мог бы перевернуть фамилию, если бы этого 18-летнего юношу прежде упоминали? Во всяком случае, я его запомнил, да и как было не запомнить долговязого, рыжего, мастерски управлявшегося с мячом.

Со следующего года он в “Динамо” и, как свой, коренной, земляк, пользовался дополнительным расположением киевского стадиона. Есть игроки чрезвычайно полезные, но в глаза не лезущие, такой сотворит нечто замечательное, а половина зрителей прозевает. Левый крайний Лобановский был обречён на то, что малейшее его движение было различимо, он был подсуден и близоруким, и профанам. Будучи рослым, массивным, он не оставлял впечатления пробивного силача, давилы, он как бы даже стеснялся пользоваться природой отпущенными преимуществами, норовил пускать в ход только те приёмы, которые разучил, понял, освоил. И сутулился, пригибался, никогда не выпрямлялся во весь свой богатырский рост, не пошевеливал гордо плечами, ему вроде бы хотелось выравняться с остальными, чтобы в игре быть на равных. Так мог бы вести себя жираф в компании с антилопами. Казалось, он не знает, как распорядиться руками, куда их деть, они у него выглядели слабоватыми, как бы смущёнными. Да и весь он со всеми своими прилежно разученными умениями был на поле фигурой мало того что заметной, ещё и привлекавшей внимание странноватостью, обособленностью, и это заставляло размышлять, как он вообще оказался в футбольном отряде. Мой коллега Мартын Иванович Мержанов постоянно повторял: “Лобановского укоротить бы сантиметров на десять, цены бы ему не было”».

Роста своего Валерий, надо сказать, в юношеском возрасте действительно стеснялся и порой специально сутулился.

Упомянутый Филатовым штрафной, после которого мяч влетел в тбилисские ворота, Лобановский ещё в юношеских командах отрабатывал до умопомрачения. Точно так же, как потом стал отрабатывать подачу мяча с угла поля. Всего он достигал огромным трудом. И уже на подходе к дублирующему составу «Динамо» был таким, каким его привыкли видеть в тренерской роли, — трудолюбивым, целеустремлённым, неординарным, на всё имеющим своё мнение, ни под кого не подстраивавшимся. «Может быть, в ту пору у нас это и вызывало усмешку, — вспоминает Евгений Котельников, капитан юношеской сборной Украины, победившей в

союзном чемпионате в 1957 году, выросший вместе с Лобановским на Сталинке, — но Валерий упорно делал то, что считал нужным». Залов в ту пору было мало, поэтому зимой многие ребята из футбольной юношеской команды переключались на хоккей. А Валерий, на лёд не вступавший, к хоккею так и не прикипевший, без усталости работал с мячом везде, где только мог, в частности, дома, в коридоре. И весной на первых тренировках в плане техники выглядел заметно сильнее «хоккеистов». Равных по технике ему не было.

Котельников, в десятилетнем возрасте прошедший отбор в школу киевского «Динамо» (начавшую функционировать ещё до войны, в 1933 году), вместе с партнёрами по команде был пораждён, когда к динамовцам присоединился Валера Лобановский, перешедший из ДСШ № 1. «Он демонстрировал необыкновенную любовь к футболу, — вспоминает Котельников. — В нашем тогдашнем представлении такое отношение давало нам даже повод думать, что он немножко сумасшедший, но Валеру это не смущало. Приходили мы, скажем, на танцы. Сбрасывались, покупали вино, угощали девчонок. В общем, пили все. Кроме Валерки Лобановского, который в молодости был просто фанатичным режимщиком».

Была в игроцкой карьере Лобановского — как, впрочем, и многих его партнёров по киевскому «Динамо»: Трояновского, Базилевича, Бибы, Ануфриенко, Кроценко, — футбольная школа молодёжи с почти забытой в новейшие исторические времена аббревиатурой ФШМ, появившейся в 1954 году (там Валерий тренировался у Владимира Балакина). Из лучших игроков школы выделили группу стипендиатов. «Взяли на ставку» — так тогда это называлось. Им платили по 800 рублей в месяц, серьёзные в то время деньги. «Практически на уровне материнской зарплаты», но словам Базилевича. Сергей Богачек, игравший в той команде, говорил, что они «ощущали себя богачами. Денег хватало не только на карманные расходы. Часть зарплаты многие из нас отдавали родителям, удивлявшимся тому, что за бестолковую, по их мнению, беготню ещё и деньги приплачивали».

В Киевский политехнический институт Валерий поступил в 1956 году, но диплом ему выдавал Одесский политех. Перевод был вынужденным. После конфликта с Масловым (о чём речь впереди) Лобановский отправился играть в «Черноморец» и поставил перед собой задачу не только заниматься футбольными делами, но и завершить, наконец, обучение в вузе.

При поступлении в Киевский политехнический Лобановского, несмотря на школьную медаль (вузы, особенно технические, устанавливали

свои правила), проверяли на знание математики. Устная проверка принесла «отлично», письменная — «хорошо». Хватило Валерия на два года очного обучения. Потом последовали перевод на заочное отделение, академические отпуска, ходатайства о восстановлении: сборы, тренировки, матчи, постоянные поездки игрока сначала дублирующего, а потом основного состава киевского «Динамо» — всё это с каждодневной вдумчивой учёбой не стыковалось. Одногоруппники вспоминают, что он был «толковым студентом и неплохо учился, но потом футбол стал занимать в его жизни основное место».

Когда было время, Лобановский играл за сборную теплоэнергетического факультета, потом и это перестал делать. Однажды команда его факультета играла против команды металлургического факультета на институтском стадионе. Конечно, Лобановский с партнёрами выиграл, но один из них пожурил Валерия: «Ты не очень-то и старался, а ведь мы все на тебя играли». Стали спорить. Партнёр предложил: «Попади с одиннадцатиметрового в перекладину десять раз». Лобановский попал двадцать пять раз подряд, а затем так запустил мяч в сторону улицы, что его с трудом отыскивали.

И в студенческом чемпионате города «политехи» во главе с Лобановским побеждали, обыграв в финале с крупным счётом 3:0 не кого-нибудь, а «профильных», можно сказать, соперников из Института физкультуры. Один гол забил Валерий, два — его товарищ Евгений Снитко, который так и не вырос в игрока высокого класса, хотя подавал надежды. Лобановский уже тогда «ко всему в жизни относился не по возрасту серьёзно. Его оценки отличались взвешенностью и прагматизмом, а для себя он ставил жизненные задачи повышенной трудности и старался подтянуть до своего уровня других». Он и Снитко уверял, что тот может играть на приличном уровне, звал его в «Динамо», но тот Валерия не послушался («Там, — говорил, — такие ребята подобрались, затопчут, что клопа»), уехал играть в Ровно — так, по его словам, и «загубил талант в заштатных командах».

«Учился Валерий удивительно легко, во все поездки брал с собой конспекты и учебники, — рассказывал Станислав Видяев, часто бывавший у Лобановских дома (его Валерию ставили в пример: «Зачем тебе футбол? — говорила Александра Максимовна. — Становись, как Славик, инженером»), — У нас был замечательный преподаватель математики Алексей Дмитриевич Яновский, он хорошо относился к Валере. Делая переключку, обычно громко вопрошал: “Лобановский есть?” Вопрос повторял, а потом резюмировал: “Лобановского нет. Ну, ничего, этот хоть

математику знает. А вот была у меня в группе известная гимнастка, так мне легче было обучить интегральному исчислению свой портфель, чем её»».

Не только математика, но и сопромат, о котором выпускники технических вузов всегда вспоминают с содроганием, был для Лобановского «семечками». Души в Валерии не чаял доцент Дебrivный, страстный футбольный болельщик. Он вёл практические занятия по сопромату. Как-то после ответа Лобановского на зачёте Дебrivный стёр с доски все ответы Валерия, нарисовал ворота, «расставил» футболистов и принялся «играть»: «Вот здесь — Серебряников, вот здесь — вы. Сюда надо было мяч посылать в последнем матче, а вы что сделали?» — «По телевизору, — отбивался Лобановский, — ориентироваться легче».

Профессор Антон Павлович Арнадский рассказывал, что в киевском политехе Лобановский не так-то уж и часто приходил на экзамены, но когда приходил, то знал не меньше, чем на «четвёрку». Однажды профессор работал дома, услышал звонок в дверь. Открывать пошли его сыновья-близнецы. Арнадский слышал, что вошедший о чём-то ребят спрашивает, но те молчат. Профессор забеспокоился, вышел в коридор. Оказалось: мальчишки, увидев футбольного кумира, потеряли дар речи.

После второго курса учиться Лобановскому стало невозможно: практически все занятия были «завязаны» на чертежах. Их требовалось выполнять еженедельно и при этом постоянно консультироваться с преподавателями. Времени на это не было. А чертёжную доску не возьмёшь с собой на сборы или на матчи, как учебники и конспекты.

«Черноморец», пробившийся к тому времени в класс «А», нуждался в усилении состава. В Киев на переговоры с Лобановским, оказавшимся по воле Маслова в дубле столичного клуба, отправился председатель Черноморского бассейнового совета добровольного спортивного общества «Водник» профессионального Союза работников морского и речного флота П. Досич. В поезде он наизусть выучил собственноручно составленный «меморандум» из четырёх пунктов: гарантированное место в основном составе; соответствующие статусу ведущего футболиста условия; квартира; институт. «Тебе, Валера, — душевно сказал Досич, — пора уже заканчивать вуз. У нас тоже есть политехнический институт, мы оформим перевод. Нужно лишь твоё согласие».

Над предложением «Черноморца» Лобановский, по свидетельству Ады, раздумывал пять минут.

В Одессе Лобановские — Валерий, Ада и родившаяся меньше года назад Света — получили квартиру в центре города — в доме 42 на улице Бебеля, прямо напротив здания КГБ. После решения бытовых проблем —

весьма, к слову, оперативного — Лобановский вплотную занялся переводом в местный институт. Ему надоело брать академический отпуск, потому что-то сдавать, снова хлопотать об отпуске: к тому времени студенческий стаж футболиста насчитывал почти девять лет.

8 февраля 1965 года студент В. Лобановский написал заявление на имя тогдашнего ректора ОПИ профессора С. М. Ямпольского: «Прошу зачислить меня в Одесский политехнический институт в связи с тем, что я переехал на постоянное место жительства в г. Одессу. До этого времени я учился в Киевском ордена Ленина политехническом институте на заочном отделении теплоэнергетического факультета». К заявлению прилагалась академическая справка из киевского вуза за №117547: «Выдана гр. Лобановскому Валерию Васильевичу в том, что он обучался с 1956 по 1965 г. в Киевском ордена Ленина политехническом институте на теплоэнергетическом факультете, специальность — промтеплоэнергетика. Отчислен по собственному желанию по приказу № 610 от 29.12.1964». Прилагались также ходатайство бассовета «Водник» с содержащейся в нём просьбой зачислить на 5-й курс теплоэнергетического факультета (заочное отделение) игрока команды мастеров класса «А» «Черноморец» «тов. Лобановского В. В.», справка о том, что Лобановский действительно является игроком «Черноморца».

Рапорт на имя ректора написал декан теплоэнергетического факультета Ю. Денисов. В нём, в частности, было указано, что «при переводе студента Лобановского В. В. на 5-й курс заочного факультета ему необходимо доедать следующие экзамены: термодинамика, компрессоры, вентиляторы и насосы, диалектический и исторический материализм».

Прилагалась и автобиография, написанная Лобановским:

«Лобановский Валерий Васильевич. Родился 6 января 1939 г. в семье служащего. В 1946 г. я поступил в 39-ю среднюю школу Киева, которую окончил в 1956 г. В 1953 г. принят в ряды ВЛКСМ (принимали в Шевченковском РК ЛКСМУ, комсомольский билет № 36176331. — А. Г.). В 1956 г. поступил в Киевский ордена Ленина политехнический институт на теплоэнергетический факультет.

В 1965 г. я перевёлся в Одесский политехнический институт на теплоэнергетический факультет. С 1959 г. я выступал за футбольную команду “Динамо” (Киев). В 1965 г. я перешёл в команду мастеров “Черноморец” (Одесса).

Отец — Лобановский Василий Михайлович, служащий, работал на Киевском мельзаводе № 2, магазинером. Умер в 1960 г.

Мать — Лобановская Александра Максимовна, пенсионерка.

Брат — Лобановский Евгений Васильевич, служащий, работает заместителем начальника отдела в проектном бюро “Гипросахар” в г. Киеве.

Моя жена, Лобановская Аделаида Панкратьевна, 1940 г. рождения, студентка ордена Ленина Киевского государственного университета им. Т. Шевченко, юридическо-экономического факультета.

Моя дочь, Лобановская Светлана Валерьевна, 1963 г. рождения.

В настоящее время проживаю в г. Одессе по ул. Бебеля, 42, кв. 15.

28.04.65 г.».

6 апреля 1965 года появился приказ по Одесскому политехническому институту № 69-к:

«1. Лобановского Валерия Васильевича зачислить студентом 5-го курса заочного отделения теплоэнергетического ф-та гр. ПТ-513 как переведённого из Киевского политехнического института». Автобиография, судя по дате её написания, появилась в личном деле Лобановского уже после того, как Ямпольский подписал приказ. Связано это с тем, что игрока «Черноморца» в это время в Одессе не было: сначала он вместе с командой готовился к сезону, а потом отправился на матчи в Тбилиси (15 апреля) и Кутаиси (21 апреля). Первую домашнюю встречу «Черноморец» проводил на своём стадионе 27 апреля, а на следующий день Лобановский отнёс автобиографию в институт.

«Курировать» учёбу популярного футболиста поручили заместителю декана Леониду Андрееву. Спустя многие годы Леонид Павлович рассказывал журналисту «Вечерней Одессы» Александру Галясу: поскольку ввиду постоянных поездок на матчи В. Лобановский всегда имел текущие задолженности, то они договаривались заранее, когда он сможет сдать тот или иной зачёт или экзамен, и Андреев выдавал ему направление на сдачу.

«Все знали, — вспоминал Л. Андреев, — что он прекрасный футболист. Но для многих было откровением, что он к тому же толковый студент. Во всяком случае, у преподавателей проблем с ним не возникало.

В одной из книг мне довелось прочесть, что, дескать, несмотря на постоянные разъезды, В. Лобановский в институте учился на “отлично”. Звучит красиво, но от истины далеко. По документам в личном деле легко подсчитать, что за весь срок обучения студенту В. Лобановскому пришлось сдать 39 экзаменов, из которых по 10 он получил “удовлетворительно”, по 19 — “хорошо” и только по двум — “основы техники безопасности и противопожарная техника”, а также “теплоэнергетические установки” — “отлично”».

Ещё один ветеран Одесского политехнического института, Вадим Пашковский, как истинный болельщик, сразу договорился с Лобановским: поскольку необходимость выполнять лабораторные работы никто не отменял, они будут находить «приемлемые варианты». «Курсовой проект, — вспоминал Пашковский, — он должен был защищать как раз у меня. Когда Валерий приехал, то собралась вся наша лаборатория. Мне запомнилась гладкая, культурная речь Лобановского. Да и проект был написан грамотно, хорошим языком. Оценку мы ему поставили, конечно, “отлично”».

Дипломный проект студента В. В. Лобановского назывался «Газоснабжение вспомогательных цехов сталепрокатного завода им. Дзержинского». Защита была назначена на 21 июня 1966 года. «Конечно, — рассказывал В. Пашковский, — я не мог не побывать на защите Валерием дипломного проекта. Он вышел с чертежами, гладко и красиво рассказал о своей работе, о проделанных расчётах. Вопросы ему задавали доцент Александр Михайлович Козак и инженер по технике безопасности Лев Абрамович Виноградов. Зачитали рецензию, он ответил на замечания. Получил оценку “хорошо”».

Ректор Одесского политехнического института оказался каким-то дальним родственником Лобановского — что называется, седьмая вода на киселе. Но выяснилось это позже.

Лобановский при подготовке к защите диплома все чертежи выполнял сам. А это многонедельный труд. Как-то ехал в такси на тренировку с двумя партнёрами по «Черноморцу» и с тубусом, в котором аккуратно разместил подготовленные чертежи. Тубус положил под заднее окно. И — забыл. Когда хватился, машины в зоне видимости уже не было. Дети партнёров, подростки, занялись поисками: узнавали, куда звонить о пропаже, бегали и в конце концов тубус нашли, за что были вознаграждены накрытым для них Лобановским «сладким столом».

Аде Валерий час защиты диплома назвал, но когда она пришла, он складывал чертежи: уже защитился — волновался так, что перепутал время.

Постановлением Государственной аттестационной комиссии (протокол №29 от 21.06.1966 г.) Валерию Лобановскому была присвоена квалификация «инженерпромтеплоэнергетик». В архиве теперь уже Национального политехнического университета хранится папка с документами студента ОПИ В. В. Лобановского. Заявления, копии приказов, студенческий билет № 631517, зачётка, копия диплома У №980350, обходной лист... В зачётке и в студенческом билете одинаковые

фотографии стандартного размера 3х4. Они запечатлели семнадцатилетнего первокурсника Киевского политехнического. Дипломанта же Валерия Лобановского так и не сфотографировали. В 2011 году на фасаде одесского вуза установили мемориальную доску в честь одного из самых знаменитых его выпускников.

Глава 2

«ЗОЛОТЫЕ» КИЕВСКИЕ МАЛЬЧИКИ

Весьма странную, надо сказать, историю поведал читателям московской еженедельной газеты «Твой футбол» в декабре 1995 года писатель Александр Нилин. В статье «Непонятый Лобановский» он пишет:

«В конце 50-х Георгий Глазков, тренировавший юношескую сборную СССР, рекомендовал Лобановского в дубль команды мастеров киевского “Динамо”. В дубле этом Лобановский претендовал на место центрфорварда. Но ему не только не поручили этой роли, но и очень скоро выжили за своенравие, принятое за капризность не по чину (таланту, то есть). Лобановский ушёл доучиваться в Политехнический институт».

Глазков не имел никакого отношения к появлению Валерия в динамовском дубле. Когда в 1958 году Олега Александровича Ошенкова, уволенного годом раньше, вернули в киевское «Динамо», первым его шагом было приглашение в команду большой группы выпускников Футбольной школы молодёжи, среди которых, несомненно, выделялся Лобановский. Он с первых же игр стал звездой дублирующего состава, на матчи которого в Киеве публика во многом стала валом валить из-за него — он стал её любимцем. Никто никуда его из дубля не выживал. А в Политехническом он не доучивался, а учился.

«Если вам кто-то скажет, что зритель стал ходить “на Лобана”, когда он в 1960 году закрепился в основном составе “Динамо”, — не верьте. Он полюбился киевскому болельщику ещё во времена его выступлений за дублирующий состав». — Журналист Виталий Галинский хорошо помнит те годы, когда он, школьник, мчался на динамовский стадион на матч дублёров, для того чтобы насладиться игрой Лобановского.

Нилин же пишет далее, что Глазков (уже как тренер главной сборной!) снова приехал в Киев и, не обнаружив Лобановского в дубле, спросил Михаила Комана (бывшего тогда якобы тренером киевского дубля): «А рыжий где?» «Тот сделал вид, что не понял», и тогда Глазков «на Комана наорал и потребовал возвращения списанного Валерия не просто в дубль, но в состав».

Георгий Фёдорович Глазков тренером главной сборной, причём случайно, был на протяжении всего одного матча — 6 сентября 1959 года, в

Москве с Чехословакией. Двумя другими играми национальной команды в том году руководил Михаил Иосифович Якушин, а с 1960 года в сборную вернули Гавриила Дмитриевича Качалина, наказанного в конце 1958 года за крупное (0:5) поражение в Лондоне от англичан в товарищеском матче.

К тому моменту, когда Глазкову доверили — на одну встречу — сборную, Лобановский сыграл в основном составе (не в дубле!) «Динамо» четыре матча, дебютировав в Москве (в присутствии, надо полагать, Глазкова) в игре против ЦСК МО. Так что не стоило «орать» на Комана и требовать возвращения «списанного Валерия» в дубль!

Кстати, о Комане. В 1959 году в тренерский штаб «Динамо» входили Олег Ошенков, Виктор Шиловский и Виктор Терентьев. 31-летний Коман в том сезоне, последнем для него как для игрока, выходил на поле один раз, а тренером стал в 1960 году.

Поздравляя Михаила Михайловича Комана по телефону с новым, 1996 годом, я на всякий случай решил уточнить у него ситуацию с Глазковым. «Полное враньё! — удивился Коман. — Откуда он взял такое?..»

Неоправданно, на мой взгляд, забывают, что команду «золотых» киевских мальчиков, нарушившую в 1961 году московскую чемпионскую гегемонию, строил Олег Александрович Ошенков. С «Динамо» он в 1954 году выиграл первый для клуба Кубок СССР, за два года до этого взял в чемпионате «серебро». Потом, в 1956 году, руководители с Ошенковым расстались, но осенью 58-го, извинившись, вновь позвали его в команду, обещая карт-бланш на время полной её реконструкции. На обещания партийные и советские начальники всегда были горазды, но об обещаниях быстро забывали. Случай с Ошенковым исключением не стал. Летом 59-го его вновь уволили, посчитав, что «Динамо» слишком мало на тот момент набрало очков. Но именно эта команда, уже без Ошенкова, стала в 60-м году вице-чемпионом, а год спустя — чемпионом. Терпения тогдашним украинским партийным и спортивным руководителям не хватило. Терпения, о котором говорил великий Виктор Александрович Маслов: «Любая, даже на первый взгляд незначительная перестройка в игре требует для совершенствования длительного срока, терпения и веры. К сожалению, терпение — одно из самых дефицитных качеств в футболе. Его не хватает ни болельщикам, ни руководителям, ни — подчас — и самим тренерам. Тем более что всякая перестройка, а она чаще всего происходит в ходе чемпионата, связана ещё и с риском и частенько оплачивается очковой валютой».

Ошенков, известный прежде как игрок ленинградских команд «Динамо» и «Зенит», впервые возглавил киевское «Динамо» в 1951 году.

Лобановский был убеждён, что именно тогда началось постепенное восхождение киевского клуба на высшие позиции в советском футболе: Ошенков начал коренную ломку старых представлений о футболе. Раньше как было? Заканчивался сезон, наступала «зимняя спячка», во время которой кто играл в хоккей, кто делал одолжение — себе ли, тренеру? — и приходил в зал побаловаться мячиком, кто вообще ничего не делал несколько месяцев. Ошенков эти обычаи поломал. «Уже в январе, — рассказывал Лобановский, — все, будьте любезны, в зал для тщательно продуманной работы по физической подготовке, в которую он иногда даже включал элементы... бокса. Игры — на снегу, не дожидаясь, когда он растает, ничего страшного, полезно, и удовольствие огромное. Новый тренер настоял, чтобы все футболисты учились — в вечерних школах, техникумах, институтах, справедливо полагая, что общая культура необходима для футбола, интеллектуальный уровень которого постоянно возрастает. Это положение верно и по сей день. При равной степени одарённости, положим, двух игроков, тот из них, вне всякого сомнения, длительное время будет демонстрировать высокий класс, кто воспитан и образован лучше. Возможности его выше».

Именно с Ошенкова начался в киевском «Динамо» период постепенного преодоления психологического барьера, связанного с безраздельной гегемонией в советском футболе трёх столичных команд — «Спартак», «Динамо» и армейской. Тогда казалось, что первое место московские клубы разыгрывают между собой, а уж остальным — что достанется. По этой причине как сенсационные восприняты были победы «Зенита» (1944) и киевского «Динамо» (1954) в Кубке страны.

«Другое дело, — говорил Лобановский, — что Олегу Александровичу довелось период этот только начать, обозначить, а продолжили другие, но такова тренерская жизнь: неудача — и тебе ищут замену, о чём ты не всегда даже догадываешься. Не хочу рассуждать на тему, справедливо это или нет. Примеров “за” и “против” можно привести много. Но команда принадлежит не тренеру. Она — под властью июлей, от реальностей футбола чаще всего далёких, но желающих видеть её, “свою”, впереди. Желательно причём постоянно впереди. А так не бывает».

Что делать тренеру в том случае, когда нет результата, когда со всех сторон слышится критика, когда его обвиняют в несостоятельности, когда задуманное им новое представляется публике и общественности трусостью? Лобановский отвечал на этот вопрос так: «Есть два пути. Первый — прекратить всяческие эксперименты, вернуться к апробированным способам ведения игры, тем более что сиюминутный

результат они гарантируют в гораздо большей степени, нежели те, на разработку которых необходимо время. Второй — продолжать, ни на шаг не отступая от цели. Несмотря на поражения и критику, на ропот и непонимание. Путь этот намного сложнее. Тренерам нужно доверять. Недоверие превращает их, зачастую весьма и весьма способных, в ремесленников».

Воздействовали на Ошенкова тогда две стороны: руководство и игроки, большинство из которых находились в солидном для футбола возрасте: новое они воспринимали с трудом, в форму входили медленно, постепенно, и основные их помыслы направлены были на то, чтобы им не мешали жить и играть так, как они привыкли.

Подготовка к сезону 1959 года была скомкана не по вине возвратившегося в клуб Ошенкова. В конце предыдущего года «Динамо» провело утомительнейшее сорокадневное турне по Египту, Судану и Эфиопии и вернулось домой после Нового года в «разобранном» состоянии. Эта поездка была грубейшей методической ошибкой, но не поехать в турне команда не имела права по политическим соображениям. В результате подготовительный период был фактически сорван. Ни о какой серьёзной, насыщенной разнообразными тренировками программе не могло быть и речи. Только постепенный ввод в форму. Контрольные матчи на южных сборах команда провела неплохо, но на пресс-конференции в Киеве Ошенков дал им реальную оценку: «Команда значительно омолодилась. Это создаёт хорошие перспективы. Но потребуется ещё немало времени, пока сплав молодости и опыта достигнет необходимой прочности. Победы будут, но не сразу. Может быть, даже не очень скоро. Однако к концу сезона многие новые игроки станут опорой команды. И пусть удачные контрольные матчи не настраивают на благодушный лад. Они ровным счётом ни о чём не говорят. Вы поймёте меня, если допустите, что на юге не так мы были хороши, как ещё плохи другие команды. Но они разыграются, и тогда нам станет трудно, потому что мы ещё не “переболели” процесс омоложения команды».

«Слушать такой прогноз на сезон, — вспоминал Лобановский, — многим было неприятно. В команде сложилось общее мнение, что тренер специально “темнит”, нас убаюкивали победные результаты в товарищеских матчах, когда мы обыгрывали всех подряд. Но начался чемпионат, и выяснилось, что прав оказался Ошенков — теперь уже нас обыгрывали все кому не лень».

Искать Ошенкову первое время не мешали. Он вернулся к схеме 3—3—4; футболисты, в том числе Лобановский, с удовольствием приняли,

они чувствовали, что заметно прибавили в игре, а очков... не было, каждая ничья воспринималась как желанный результат.

Тренера стали нещадно критиковать. Он просил только одного — времени и терпения. «Время, — говорил Ошенков, — создаст перелом». Ему не хотели верить. И отстранили в разгар сезона после того, как динамовцы проиграли и Москве «Локомотиву» — 0:3. Перед следующим матчем, со «Спартак»», киевским футболистам сообщили, что в команде новый тренер — 34-летний Вячеслав Дмитриевич (Соловьёв).

«Победа тогда над спартаковцами 1:0, — рассказывал Лобановский, — не свидетельствовала о резкой перемене в игре и настроении. Новый тренер только знакомился тогда с командой, в целом крепкой и сплотившейся, как ни парадоксально, будучи под огнём критики и во власти постоянных неудач.

Футболисты, как водится в таких случаях, моментально навели справки о новом наставнике, но ничего, кроме того, что он блистал в знаменитой “команде лейтенантов” и беспощаден к нарушителям режима, узнать не смогли. Последнее обстоятельство давало основание предполагать, что в команде воцарится железная дисциплина».

С Соловьёвым Лобановский, несмотря на разницу в возрасте, поддерживал дружеские отношения вплоть до последних дней Вячеслава Дмитриевича. Даже несмотря на то, что Соловьёв обиделся на Лобановского в мае 1986 года, когда Валерий Васильевич, призванный на замену Малофееву в сборной, не включил его в тренерский штаб. Потом, правда, понял Лобановского, позвавшего тех, с кем он вместе работал в 1983 году, до несправедливого увольнения из сборной. Они частенько, когда Валерий Васильевич приезжал в Москву, встречались, и Лобановский к советам своего бывшего тренера всегда внимательно прислушивался. Когда я возвращался в Москву из поездки в Кувейт, Лобановский непременно отправлял со мной для Вячеслава Дмитриевича подарки.

«Обаятельный человек, Соловьёв-тренер не душил нас своим авторитетом игрока, был тактичен и исключительно требователен, — рассказывает Лобановский в книге «Бесконечный матч». — Мы не могли, например, поверить, что он отчислит за нарушение режима на сборе ведущего центрального защитника, игрока в то время уже “в возрасте”, но опытного и надёжного. Соловьёв как сказал, так и сделал, не став слушать ничьих возражений. Ему хотелось создать чистый во всех отношениях молодёжный коллектив в киевском “Динамо”, в честолюбии молодых он видел перспективу и решительно шёл к намеченной цели. “Сила команды, — говорил Соловьёв, — начинается с дисциплины и порядка. О них я буду

печся, не щадя усилий, и добьюсь своего”».

19 июля 1960 года Лобановский вместе с партнёрами оказался в центре самого, пожалуй, громкого скандала в чемпионатах СССР. В «Лужниках» киевляне встречались с ЦСКА, который, так же как и «Динамо», претендовал на лидирующие позиции в предварительном турнире первенства. При счёте 1:1 арбитр из Риги Эдгаре Клавие назначил на 65-й минуте пенальти в ворота ЦСКА — пенальти совершенно справедливый, за грубую игру Дубинского и Крылова в штрафной площадке. Никто из армейцев и не спорил. Вратарь Коротких удар Лобановского с «точки» отбил, но судья остановил игру и потребовал перебить пенальти: ещё до удара защитник ЦСКА Багрич вошёл в штрафную площадку, что правилами запрещено. Лобановский на этот раз был точен. Матч после этого стал чрезмерно жёстким. Клавие удалил с поля игрока ЦСКА Крылова. Армейцы в этот момент производили замену. Вместо Амбарцумяна в игру вступил Бровкин, и получилось так, что поле одновременно покинули удалённый Крылов и заменённый Амбарцумян. Публике показалось, что Клавие удалил их обоих, и возмущённые зрители рванули на поле. Досталось и Клавису, и киевлянам. Судье — больше:, ему по пути в раздевалку попросту надавали тумаков. В футболистов, решивших скрыться на всякий случай в подтрибунном помещении, только плевали.

ЦСКА настаивал на переигровке, просил об этом киевлян. Но через три дня после скандала армейскому клубу засчитали поражение, аннулировав количество забитых и пропущенных мячей. Крылова дисквалифицировали на два года. Четырёх зрителей (из нескольких десятков задержанных) народный суд присудил к лишению свободы — от полутора до пяти лет. В Киеве, опасаясь армейской мести, нескольких футболистов призывного возраста, в том числе Лобановского, на всякий случай отвезли в часть МВД на Подол, дали им форму, незаряженные автоматы, текст присяги, который следовало зачитать, держась одной рукой за оружие, и тем самым обезопасили от повесток в армию. Настоял на этом Соловьёв. «Чтобы ЦСКА неповадно было», — сказал бывший, между прочим, игрок «команды лейтенантов».

«Лобановский, — вспоминает Семён Случевский, не пропускавший ни одного матча дублирующего и основного составов киевского «Динамо», — был технарём от Бога, со своим оригинальным почерком. Во-первых, при владении мячом — удивительно мелкое перешагивание, будто детский шарик короткой ниточкой привязан к его ногам. Во-вторых, и это был его фирменный стиль, странное, непредсказуемое раскачивание своим длинным корпусом вправо-влево, и это больше всего запутывало

защитников команды соперника — вроде по всем законам биомеханики он должен рвануть в ту сторону, куда резко наклонился; оборонец туда, а “Рыжему” хватало доли секунды, чтобы оторваться в другую сторону».

«Его корпус, — характеризовала Лобановского киевская пресса, — раскачивается, словно маятник — вправо, влево, вперёд, назад, укрывая мяч. Огромный рост создаёт у защитника иллюзию неповоротливости, однако все манёвры проводятся на большой скорости — ведь ноги-то длинные, стало быть, длинный и шаг, и многие защитники попросту не успевают за его перемещениями... Да и сбить Лобановского с ног непросто — у него прекрасная координация движений, гибкость, помноженная на силу, что позволяет ему действовать в манере “таранного форварда”».

В программке к московскому матчу «Локомотива» с киевским «Динамо» 25 мая 1962 года Лобановский был представлен так: «В грозной линии нападения киевлян выделяется Валерий Лобановский. Дриблинг и финт, сочетающиеся со стремительным, хотя и не видимым для зрителей рывком, — вот “оружие”, которым пользуется в совершенстве левый крайний динамовцев. И нет ничего удивительного в том, что соперники, как правило, вынуждены создавать вокруг Лобановского зону усиленной охраны, что облегчает участь его партнёров по нападению. Опасен “одиннадцатый” киевлян и при стандартных положениях: штрафных, свободных, угловых». «Локомотив» тот матч у динамовцев выиграл (3:2), и двум своим забитым голам Валерий не радовался.

«Так получилось, что мне крупно повезло, — рассказывает в блоге на сайте dynamo.kiev.ua болельщик киевского «Динамо» под ником «diletant». — Я успел застать Лобановского в бытность его игроком. Прошло очень много времени с тех пор, многое стёрлось из памяти, но некоторые моменты помню, как сейчас.

Когда футболисты появлялись из тоннеля на предматчевую разминку, болельщики на трибунах начинали пристально вглядываться в появляющихся в тёмном проходе игроков “Динамо”, пытаясь разглядеть своих кумиров и определить стартовый состав. Как только из тоннеля появлялась долговязая фигура Лобана, сразу по трибунам проносился радостный гул: “Лобан есть!” Конечно, все динамовцы пользовались любовью и уважением взыскательной киевской публики, но отношение к Лобану было особенным. Народ уже предвкушал зрелище от игры одиннадцатого номера киевлян. И надо сказать, Лобановский почти всегда оправдывал эти надежды. Тут надо сказать, что сама фамилия Лобановского уже была поводом для поднятия настроения. Дело в том, что когда, перед началом матча, фамилии игроков набирались на электронном

табло, то из-за того, что в его фамилии много букв, редко удавалось это сделать с первого раза. Все неудачные попытки сопровождались доброжелательным смехом, шутками. И когда фамилия уже появлялась, наконец, на табло, раздавались бурные аплодисменты. Что ещё вспоминается, так это дриблинг Лобановского, мяч был как будто приклеен к его бутсе! Один на один Лобан мог обыграть любого!»

После того как Лобановский закрепился в основном составе «Динамо», с газетных страниц ему принялись советовать «разнообразить игру, не замыкаться на выполнении функций крайнего нападающего, чаще появляться в центре атаки, а при потере мяча побыстрее приходить на помощь своей обороне». «Иногда, — вспоминал один из «великих монстров» киевской футбольной журналистики Леонид Генрихович Каневский, — дело доходило до полного абсурда. В отчётах об одном и том же матче динамовцев в разных изданиях приходилось читать полярные мнения об игре Лобановского. Один рецензент писал, что ему понравилось, как нападающий умело сбрасывал головой мячи под удар партнёрам, а другой размышлял, что при своём высоком росте Лобановский мог бы этот приём выполнять лучше».

Из года в год Лобановский совершенствовал свою игру. Локальный, очень небольшой диапазон действий на левом фланге киевского «Динамо» сменила на закате карьеры игра яркого универсала, плеймейкера в «Шахтёре». «Уверен, — говорит Олег Базилевич, — что Лобановский мог бы ещё не один год успешно играть. Нам пришлось играть вместе после ухода из «Динамо», и я видел всю эволюцию Лобановского-футболиста. Но всё это было уже на периферии, вдали от главных футбольных событий тех лет. Честно говоря, мы не думали тогда о возможной тренерской карьере, все помыслы были только на футбольном поле. И я уверен, что предложи в конце карьеры Лобановскому выбирать: или стать тренером, или играть ещё, он бы выбрал второе. Он, по-моему, так и не наигрался в футбол». Базилевич считает, что если бы Лобановский остался в киевском «Динамо» и играл рядом с пришедшими на смену ветеранам Мунтяном, Веремеевым, Бышовцем, то наверняка бы раскрылся в своих новых качествах, о которых до того никто и не подозревал.

Лобановский не относился к категории футболистов «жадных» — и жадностью своей наносящих вред командной игре. Изощёренный технарь, он тонко чувствовал, когда можно сыграть индивидуально, высвободить при своей атаке зону, в которую могли ворваться для получения паса инсайд Трояновский или же полузащитники Войнов или Серебряников, а когда следует моментально отдать мяч партнёру и открыться для ответной

передачи.

Если бы технологии, применяемые в футболе XXI века для определения наиболее значимых коалиционных связей между игроками во время матча, можно было «машиной времени» отправить в начало 60-х годов века прошлого, в киевское «Динамо», то компьютеры непременно обратили бы внимание на две динамовские пары: Лобановский — Трояновский и Лобановский — Базилевич. Во втором случае взаимодействие происходило во время угловых, отработанных обоими до автоматизма («угловая» история продолжилась затем в «Черноморце» и «Шахтёре») и частенько приносивших успех. Когда Лобановский во время атак «Динамо» смещался к лицевой линии между линией штрафной и угловым сектором и практически лишался возможности либо прострелить вдоль ворот, либо сделать нацеленную передачу, он старался попасть мячом в соперника так, чтобы мяч выкатился на угловой. Публика в этом секторе трибуны киевского стадиона вскакивала на ноги в предвкушении подачи Лобановским корнера. Чисто футбольных стадионов, без беговых легкоатлетических дорожек тогда у команд класса «А» не было, и Лобановский, в полном соответствии с давным-давно произведёнными расчётами, отходил под определённым углом к мячу метров на двенадцать — пятнадцать, на высокой скорости разбежался и с нужной для данного конкретного эпизода подкруткой (от неё зависело, куда будет падать внезапно прекращавший свой полёт мяч — «сухой лист» — в район ближней штанги, дальней, в центр вратарской площадки или же сразу окажется в воротах) отправлял мяч в скопление своих и чужих. Подкручивал Лобановский мяч внутренней частью стопы правой ноги. «Как вратарь, — говорил Евгений Рудаков, — я понимал, что голы Лобановского от углового флажка были во многом следствием ошибок вратарей. Но их же надо было заставить ошибиться! И я знаю, сколько труда на тренировках вкладывал Лобановский в отработку своего знаменитого удара».

С чего вдруг Лобановский решил сделать угловые мощным оружием? И когда это произошло? Ему было 15 лет, когда он 21 июня 1954 года в товарищеском матче киевского «Динамо» с датским любительским клубом «Викинг» увидел, как Георгий Граматикопуло забил гол непосредственно с углового.

«Граматикопуло стал для меня примером. В подражание ему я стал пробовать подавать угловые. Но вообще-то я играл на месте центрфорварда. И в конце концов, тренеры мне просто запретили подавать угловые удары, аргументируя тем, что у меня высокий рост и я должен

использовать его для игры головой в штрафной площади. В киевском “Динамо” меня тоже поставили в центр. И тоже рекомендовали использовать высокий рост для игры головой, а не уходить на край подавать угловые. Но вот в 1960 году меня переместили на край, и теперь угловой слева в нашей команде выполняю я. Делаю это всегда внутренней частью подъёма, придавая мячу вращательное движение в сторону ворот. Расчёт при выполнении такого удара должен быть очень точным. Небольшая ошибка приводит к тому, что мяч срезается и уходит за линию ворот.

После того как в одном из матчей прошлого чемпионата я плохо выполнил несколько угловых ударов, болельщики прислали мне письмо, в котором рекомендовали не мудрствовать и посылать мяч на 11-метровую отметку. Действительно, послать мяч туда не так уж сложно. Но им почти всегда овладевают защитники. Резанный угловой удар более коварен для обороняющихся. Если прежде работа над этим ударом велась мной время от времени, то теперь я стал работать над техникой его исполнения. Много мячей послал я на тренировках и в играх через верхнюю планку ворот. Но постепенно всё чаще мне удавалось провести удар так, что после него возникали острые ситуации у ворот. Готовясь к сезону 1961 года, я настойчиво тренировал резанный удар. И не только для подачи углового, ведь в состязаниях случается, что игрок получает право пробить в непосредственной близости от ворот. Резанный удар позволяет обойти стенку. На тренировочных занятиях я ставлю несколько стоек, стараясь послать мяч в обход их. Работа кропотливая, требует терпения. Часто приходилось трудиться над ударом в свободные от тренировки часы. И ещё одно замечание. Иногда угловой не подают, а разыгрывают. Опыт показывает, что целесообразно использовать оба приёма. Кстати, в нашей команде розыгрыш углового удара нередко применялся и с правой стороны, и мы при этом забивали голы».

Подавал Лобановский от углового флажка так, что предвидеть траекторию полёта мяча было невозможно. «Мяч, — говорит Олег Базилевич, — вращался в разные стороны и сбивал вратарей с толку. Но я-то хорошо знал, когда мяч полетит к Серебряникову на ближнюю штангу или ко мне — на дальнюю».

Для скептиков из нового времени, сомневающихся в действенности cornerов в исполнении Лобановского: напрямую с угловых в основном составе он забил девять голов. Ещё двадцать шесть забили с его передач от угла поля Базилевич, Серебряников, Турянчик.

Нападающий ташкентского «Пахтакора» Геннадий Красницкий,

обладавший самым, наверное, мощным ударом среди советских футболистов своего поколения, был поражён, когда, познакомившись с Лобановским во время турне олимпийской сборной СССР по Южной Америке, увидел, как киевский форвард после общих тренировок оставался на поле и без устали подавал свои знаменитые угловые. «В нашем деле, — говорил Красницкий, — особенная радость — послать мяч точно, куда метился. Я понимаю, что такой удар надо репетировать. Образцом в этом смысле мне служил Валерий Лобановский. Но таким прилежанием я похвастаться тогда не мог».

Что же до пары Лобановский — Трояновский, то Михаил Михайлович Коман охарактеризовал её так: «“Валет” (Трояновский) выдавал “Лобану” такие филигранные передачи, которые никто не мог перехватить. А тот в своём “балетном номере” сам разбирался с защитниками и забивал. Или отдавал назад Валентину, который успел открыться и в свою очередь разбирался с защитниками. Иногда забивал. Иногда вновь пасовал Валерию».

Трояновского называли «игроком Лобановского»: «Валет» всё время искал на поле «Рыжего» и отправлял мяч ему в ноги. Таких технарей, как Трояновский, воспитанник «Ленкузни», в «Динамо» конца 50-х — первой половины 60-х, пожалуй, не было. В динамовском дубле он заиграл с пятнадцати лет и был скромен до невероятности. Знавшие его близко люди рассказывали, что «Валет», фонтанировавший каскадами финтов, на поле никаких авторитетов не признававший и моментально, по-мужски, отвечавший соперникам, раздражавшимся от того, что их так «возят», в быту преображался и, даже попав на Крещатик, старался проскочить проходными дворами неузнанным.

Скромность скромностью, но за «нарушение спортивного режима» Трояновского довольно быстро из «Динамо» попросили, отправили сначала в «Колхозник» (Ровно), а затем в винницкий «Локомотив», но потом, правда, в Киев вернули. В чемпионский, можно сказать, состав.

«Сегодня, — рассказывал о первых своих сезонах в «Динамо» Трояновский, — сказали бы, что мы играли в романтический футбол — скорее, по интуиции, чем придерживаясь тренерских установок. Да и какие тогда были установки! Главное было — не щадить: ни себя, ни соперника. С режимом бывало всякое. Старались всё делать так, чтобы тренеры не видели. Хотя и тогда было достаточно умных и рассудительных ребят, которые знали, для чего выходят на поле, — Коман, Сабо, Турянчик, Лобановский».

Лобановского в качестве примера тех, кто «вызывал в плане

отношения к соблюдению режима дикую зависть» («Казалось, что они только тем и занимаются, что демонстрируют свою заботу о родных и близких, родительском доме, селе...»), Трояновский поставил в один ряд с дисциплинированными выходцами из Западной Украины. Сам Трояновский, с режимом, мягко говоря, не друживший, в сборную не попадал, сменил семь команд — от Ровно до Сахалина. Николай Петрович Морозов сказал ему в 1967 году, когда оба оказались в одесском «Черноморце»: «Нравился ты мне ещё мальчишкой, но в сборную взять никак не мог: начальство запах спиртного на расстоянии чуяло».

«Ещё при Соловьёве, — рассказывал Василий Турянчик, — Лобановский хотел и меня себе подчинить — чтобы передачи только ему отдавал. Я ему сказал: “Валера, я — центральный защитник, а не твой хавчик. Я пас отдам тому, кто в более выгодном положении находится”. Хотя, честно признаюсь, любил ему дальние передачи отдавать — у Лобановского просто шикарный приём мяча был!»

Почему же и Трояновский, умевший не только финтить и обводить соперников, но и отменно пасовать, «выбрал» на поле Лобановского?

Он объяснял это, во-первых, тем, что они с Лобановским, с которым, несмотря на то что жили в одном районе, до «Динамо» не встречались, в команде «сдружились». То ли левый фланг их «объединил», то ли потому, что они оба «были застенчивые и сторонились весёлых компаний» и на всех сборах, во всех поездках, в том числе и за границей, жили в одной комнате.

Во-вторых, объединению их на поле во многом поспособствовал Соловьёв. Он занимался поиском наиболее эффективных сочетаний в атаке. Попробовал поставить Трояновского распасовщиком на правом фланге к Игорю Зайцеву. Не сложилось. Тогда «Валет» был переброшен на место левого инсайда, поближе к Лобановскому. «И тут, — вспоминал Трояновский, — произошло чудо: я сразу же понял, что ему нужно попасть мячом точно в ногу. Не на ход дать, а — в ногу. И дальше он с защитником сам справится. И пошла игра».

Трояновский рассказывал, что о футболе Лобановский «мог говорить день и ночь» и «сторонился внимания окружающих». У Лобановского уже тогда была машина. Когда выдавалось свободное время, он забирал школьных друзей, Трояновского; они выезжали за город отдохнуть, и Лобановский, пока не находили совершенно безлюдное место, из машины не выходил.

...Посторонних людей Лобановский сторонился всегда. Однажды, было это в мае 1986 года незадолго до нового назначения в сборную вместо

Эдуарда Малофеева, Лобановский приехал в Москву. Мы договорились, что после нескольких встреч, намеченных на первую половину дня, он придет к нам домой пообедать. Пока Валерий занимался делами, в нашу квартиру на улице Павла Андреева неожиданно, без предварительного звонка, нагрянули кинодокументалисты Валентин Венделовский и Дмитрий Коваленко, с которыми мы познакомились в Хельсинки. Разумеется, оба были оставлены на обед. Васильич появился в середине дня, был представлен гостям, но за накрытый стол садиться не стал, сослался на неотложные дела и попросил проводить его до такси.

Пока «ловили» машину (а это на нашей улице сделать не очень-то легко), объяснил: «Пойми, не готов вот так вот близко общаться с совершенно для меня незнакомыми людьми, а обеденный стол, да ещё с напитками, согласись, предвещает общение близкое. И есть темы, обсуждать которые не хотелось бы. Я не сомневаюсь в том, что ребята это замечательные, но...»

Его невозможно было представить в толпе. Только — отдельно от всех. Когда выезжали на матч, Лобановский просил Трояновского, чтобы тот в автобусе сел к окну — не хотел, чтобы с улицы его видели. «Он не любил ничего коллективного, — вспоминал Трояновский, — ни собраний, ни культпоходов. Даже общую зарядку делал в одиночку, в сторонке». К зазнайству и тем более к проявлению высокомерия, стремлению показать своё превосходство над другими это не имеет никакого отношения. По части же игроцкой... Трояновский (и не только он) всегда говорил, что в истории советского футбола Лобановский был левым крайним нападающим «номер два». Первым, конечно же, вне конкуренции проходил тбилисский динамовец Михаил Месхи. Говорят, тренеры сборной СССР на Лобановском проверяли кандидатов на место правого защитника: пропуском в команду становилась хорошая игра против него.

Очень похоже на то, что «Футбольное» — одно из сорока лирических отступлений в поэме «Треугольная груша» — написано Андреем Вознесенским в 1962 году именно о левом крайнем Лобановском.

Левый крайний!
Самый тощий в душевой,
Самый страшный на штрафной,
Бито стёкол — боже мой!
И гераней...
Нынче пулей меж тузов,

Блещет попкой из трусов
Левый крайний.
Левый шпарит, левый лупит.
Стадион нагнулся лупой,
Прожигательным стеклом
Над дымящимся мечом.

Правый край спешит заслоном,
Он сипит, как сто сифонов,
Ста медалями увенчан,
Стольким ноги поувечил.

Левый крайний, милый мой,
Ты играешь головой!

О, атака до угара!
Одурение удара.
Только мяч, мяч, мяч,
Только — вмажь, вмажь, вмажь!..

Трояновский рассказывал, что уже в игроцкие годы Лобановский был невероятно популярен и узнаваем. Как-то киевляне были в Москве. Лобановский с Трояновским захотели посмотреть на стадионе «Динамо» матч других команд, но забыли в гостинице билеты участников чемпионата, дававшие право на проход на любую игру. Дёрнулись было к кассам — огромная очередь. Но болельщики узнали Лобановского, подняли крик, провели к контролёрам; те, конечно же, Лобановского пропустили. «Заодно и я прошёл», — смеялся Трояновский.

Корсунский, как мы помним, предсказывал Лобановскому будущее центрфорварда. О том, центрфорвард он или нет, разгорелись спустя годы нешуточные страсти.

Журналист Аркадий Галинский, большой мастер создавать умозрительные конструкции, утверждал, например, что «Лобановский и сам понимал, что коронное его место, на котором он может добиться наибольшего успеха, — центр нападения. И вот когда он стал, наконец, центрфорвардом киевского “Динамо”, когда его пригласили на это же амплуа в сборную СССР, он согласился... перейти на левый край».

Да, в дубле динамовской команды и какой-то небольшой отрезок времени в основе Лобановский действительно играл на позиции центрального нападающего. Но появившийся в «Динамо» Вячеслав Соловьёв фактически сразу перегруппировал силы в атаке таким образом, что Лобановский оказался на левом фланге. Перемен требовали объективные обстоятельства, о которых Соловьёв и поведал Лобановскому в разговоре с глазу на глаз.

Вакансия на левом фланге образовалась после завершения игроцкой карьеры Виктора Фомина. По словам Леонида Каневского, «Соловьёв сразу же нашёл с двадцатилетним Лобановским общий язык и полное взаимопонимание, но игроку для этого пришлось наступить на горло собственной песне».

Это в ХХI веке футбол настолько универсален, что постоянные переводы из линии атаки в полузащиту или же из обороны в середину поля ни у кого не вызывают удивления. Тогда же амплуа было свято. Лобановскому нравилось играть центральным нападающим, куда его определил Ошенков, а Соловьёв предложил ему левый край. Лобановский до хрипоты спорил с тренером, но тот сумел всё же перебороть упрямство игрока и настоять на своём.

«Где-то прочитал, — говорил Лобановский, — что Соловьёву было, дескать, легко осуществлять любые перестановки игроков. Мы, мол, безропотно меняли амплуа в интересах команды, и это помогло нам определиться на тактических позициях, способствующих нашему признанию. Нет, всё обстояло не так просто, как казалось со стороны. Другой вопрос, что в целом в команде тогда установилась деловая, товарищеская атмосфера. И истинный факт — стремление каждого видеть свой клуб на передовых позициях».

Тогда в центре атаки основного состава «Динамо» успешно действовал Виктор Каневский, и Соловьёв не видел никакой необходимости менять более опытного и более универсального — применительно к этой позиции — центрфорварда. А вот на левом фланге атаки «Динамо» образовался вакуум, и Соловьёв принял решение отправить Лобановского в эту зону.

Лобановский, на взгляд Соловьёва, играл в центре атаки чересчур прямолинейно. «Делать из него и Каневского сдвоенного центра, как это было в аркадьевском ЦДКА с Бобровым и Федотовым, я не хотел в принципе, — говорил тренер (а он сам играл в той команде). — На мой взгляд, Каневский не очень хорошо взаимодействовал с Валерием, тот это чувствовал и часто не отдавал Виктору передачи, стараясь самостоятельно решить тот или иной эпизод. Я заметил, что, несмотря на всё

индивидуальное мастерство Лобановского, его хитроумную обводку, финты, манеру укрывать мяч корпусом, соперники постепенно изучили его и начали всё чаще выигрывать единоборства, действуя по мере необходимости вдвоём, а то и втроём. И хотя Валерия тогда это совершенно не пугало, со стороны подобные вещи казались для нас совершенно неперспективными...»

Раз-другой Соловьёв объединял Лобановского с Каневским в центре, но это были лишь эпизоды, продолжения не имевшие. Даже после домашнего разгрома (8:1) ереванского «Спартак» 5 июля 1962 года.

И в сборную СССР Лобановского в сентябре 1960 года Гавриил Дмитриевич Качалин пригласил на матч в Вене с Австрией — это была дебютная игра Лобановского в национальной команде — не на роль центрфорварда, а на место левого крайнего нападающего. Да, во втором для Лобановского матче за сборную (он же оказался для него и последним) Качалин в Варшаве поставил киевского динамовца центральным нападающим, но через час игры — а она у Лобановского на этой позиции не пошла — заменил Красницким. Оба сыграли только потому, что не смог поехать в Польшу Виктор Понедельник — главный в те годы центральный нападающий в советском футболе. А ещё ведь были Красницкий, Гусаров, Севидов.

Галинский выступил с резкой критикой решения Соловьёва о переводе Лобановского на левый фланг, назвал его «ошибочным», объяснил интригами Каневского («Каневский, — писал он, — как только открылась вакансия на левом краю, и настоял — на правах премьера, — чтобы переведён туда был именно Лобановский, причём дал понять руководству клуба, что в противном случае он из команды уйдёт»), а Лобановского обвинил в том, что тот «в этой ситуации проявил очевиднейшую слабость характера».

В чём же в таком случае могла заключаться «сила характера»? А в том, по Галинскому, что Лобановский должен был «постоять за себя»: у него, мол, была такая возможность, поскольку он, Галинский, устроил тогда Лобановскому и Трояновскому тайную встречу в Москве, на квартире Константина Симонова, с Константином Ивановичем Бесковым, тренировавшим ЦСКА и пожелавшим увидеть в составе своей команды обоих киевских нападающих. Однако «покинуть украинскую столицу Лобановский так и не решился». Не стал этого делать и Трояновский. Затея Галинского заведомо была обречена: оба футболиста были аттестованы в МВД. Да и кто бы их тогда из Киева отпустил?

Соловьёва, как тренера, выигравшего с киевским «Динамо» «серебро»

в 60-м и «золото» в 61-м, состав линии нападения полностью устраивал. А почему он должен был не устраивать, если забивали и Каневский (32 гола при Соловьёве), и Лобановский (30), и Базилевич (27)?

Галинский утверждал, что аналогичной с ним точки зрения относительно позиции Лобановского на поле придерживались такие специалисты, как Аркадьев и Качалин. Однако Борис Андреевич Аркадьев по данной теме никогда не высказывался, во всяком случае публично, а Гавриил Дмитриевич Качалин в центре нападения сборной СССР, с которой он работал в начале 60-х годов, видел только Понедельника. Лишь улыбку вызывает замечание Галинского о том, что «Каневского, по словам его товарищей, не на шутку беспокоила мысль, что 22-летний и, прямо скажем, более одарённый Лобановский вскоре перетянет одеяло популярности на себя — в киевском “Динамо” и в сборной страны». Ну, конечно: особенно — в сборной! Каневский, дебютировавший в ней в августе 1958 года, провёл в её составе в общей сложности пять неполных (только два — целиком) матчей за пять лет. В сборной он, как, впрочем, и Лобановский со своими двумя играми за национальную команду, не котиrowался совершенно.

«Отношения с Лобановским у меня и в игроцкие годы были очень хорошими, ровными, — говорит Виктор Каневский. — По-моему, только один человек попытался бросить на них тень. Обидно, что сделал это прекрасный и умный журналист Аркадий Романович Галинский. Я хотел даже по свежему впечатлению написать ему о том, что во многом он не прав. Никаких конфликтов у нас с Лобановским не было. Он прекрасно играл на левом краю и имел все основания быть довольным своей позицией. Я бы даже сказал, что Лобановским он стал именно там, слева. У нас с ним всегда были очень хорошие, тёплые отношения. Иначе разве играли бы потом вместе в Одессе? Да и стал бы он мне помогать, когда все от меня отвернулись: одни — опасаясь быть заподозренными в каких-либо связях с отказником, другие — просто из равнодушия к чужой судьбе. Один он был со мной в самое тяжёлое для меня время. Я этого никогда не забуду! Когда он был в Сан-Франциско, я слетал к нему туда. Вместе со своими друзьями. Они были поражены, увидев, как мы с Валерием встретились. Как родные!»

Каневский, еврей по отцу (мама у него украинка), столкнулся с проявлениями антисемитизма, когда его, приглашённого тренировать сборную Алжира, оформившего все документы и сидевшего на чемоданах, вдруг без объяснений от поездки отстранили и отправили вместо него другого специалиста. «На ушко» дали понять, что связано это с его

еврейским происхождением.

«А ведь когда играл, — говорит Каневский, один из сильнейших советских футболистов 60-х годов, пять лет подряд выводивший киевское «Динамо» на поле с капитанской повязкой на руке, — даже намёка не было на национальную принадлежность». Алжирская история заставила Каневского подать заявление на выезд в Израиль на постоянное местожительство.

Его прорабатывали на собраниях, исключили из партии, отобрали удостоверение мастера спорта, называли изменником, фамилию перестали упоминать в футбольных справочниках, изображение убрали с командных фотографий киевского «Динамо», сделанных в первой половине 60-х годов (например, в книге «Атакующая вершины» о динамовской команде ни разу не назвали Каневского — это капитана-то чемпионского состава 1961 года!), и десять лет затем продержали в статусе «отказника». Не выпустили Каневского по той причине, что он, работая главным тренером «Днепра» — команды, принадлежавшей оборонному предприятию «Южмаш», — будто бы знал какие-то тайны и секреты ракетного производства и потому выезду за границу не подлежал. А ведь на территории завода он бывал лишь тогда, когда ему необходимо было обсудить с начальством финансовые вопросы, касающиеся футбольной команды «Днепр».

Лобановского Каневский называет «самым порядочным» из своих друзей. «Под маской строгого человека, — говорит он, — скрывается, уж я-то знаю, очень добрый, участливый к чужому горю и обязательный человек. Валера всегда остро реагировал на несправедливость». За Каневским в Киеве стали следить, как за преступником. Машина наружного наблюдения КГБ постоянно дежурила возле его дома. От Каневского, два года работавшего на стройках (строил, в частности, дома культуры на Черниговщине), все отвернулись — старые знакомые дорогу стали переходить, увидев его издали. Боялись, и Каневский их понимал.

Все, кроме Лобановского, который, уходя из «Днепра» в «Динамо», именно Каневского порекомендовал в свои преемники. Только он приходил к Виктору, как и прежде, с Адой в гости. Только он добился создания дочерней для киевского «Динамо» областной команды «Динамо-Ирпень» и настоял, чтобы эту команду тренировал Каневский. Необходимость появления дочерней команды Лобановский объяснил руководителям просто: можно обкатывать там резервистов, а попутно «прятать» перспективных футболистов призывного возраста. Только он, наконец, очень многое сделал для того, чтобы глухая стена, воздвигнутая перед Каневским, рухнула и Виктор уехал бы в Америку. Именно Лобановский,

по словам Каневского, «сумел убедить Щербицкого в том, что я — не “враг народа”».

Лобановский, конечно, с Щербицким на тему «проблемы Каневского» не встречался, но окружению первого секретаря постоянно вдалбливал: «Пусть Виктор занимается тем, чем хочет заниматься, и едет туда, куда хочет ехать».

С «Динамо-Ирпень» Каневский выиграл чемпионат республики, вышел во вторую лигу. Команду перевели в Белую Церковь, Каневский собрался было поработать в динамовской футбольной школе, но принявший симферопольскую «Таврию» Вячеслав Дмитриевич Соловьёв, с которым Каневский уже работал в Ташкенте, позвал его за собой, и Виктор поехал в Симферополь. Дела, казалось, налаживались, но когда «Таврия», которую Соловьёв вместе с помогавшим ему Каневским за сезон вывел в первую лигу, поехала в азиатское турне, фамилию Каневского из списка делегации вычеркнули.

Фразу: «Никуда Каневский не уедет. Не поедет, и всё» — приписывают Щербицкому. Журналист Дэви Аркадьев, друг Каневского, поинтересовался у Константина Продана, двадцать лет работавшего помощником Щербицкого, произносил ли это первый секретарь ЦК КПУ. «Владимир Васильевич, — категорично ответил Продан, — не мог сказать такого!» Как — можно, полагаю, не сомневаться, — не по распоряжению Щербицкого выбрасывали из книги «Атакующая вершины» страницы с упоминанием фамилии Каневского — лизоблюды постарались, бдительность проявили.

Ещё до проблем, возникших у Каневского, у Лобановского была схожая история, связанная с графой «национальность» в паспорте, — с центральным защитником Петром Найдой, с которым Валерий вместе играл в «Черноморце» и которого пригласил в Днепропетровск. «Почему я ушёл в своё время из “Черноморца”? — вспоминает Пётр Найда. — Когда отец выехал на постоянное место жительства за границу, я, как тогда водилось, стал невыездным.

Даже в соседнюю Болгарию не мог поехать с командой. А в “Днепре” нашлись люди, сумевшие пробить этот кордон. У Лобановского был прекрасный контакт с генеральным директором “Южмаша” Макаровым, предшественником экс-премьера Украины Кучмы, а у того, в свою очередь, — прямая связь с Брежневым. За меня поручились, дали характеристику, прямо как на Героя Советского Союза. С “Днепром” я объездил полсвета. Как же мне не уважать Лобановского как тренера и человека? Более авторитетной личности в украинском футболе не знаю».

Взаимоотношения Лобановского со сборной Советского Союза были, стоит заметить, своеобразными. По свидетельству известного историка спорта Акселя Вартаняна, в 1960 году, почти сразу после завершения победного для советского футбола розыгрыша Кубка Европы, тренера сборной СССР Гавриила Качалина обязали в недельный срок разработать и представить подробный план подготовки команды к отборочным играм чемпионата мира-62 и предложили «пересмотреть состав команды, изменив его в сторону омоложения, и ввести в него молодых перспективных футболистов». В числе прочих оказался и Лобановский. Правда, ненадолго.

«В новом составе, — дипломатично объяснял Качалин на страницах еженедельника «Футбол» после поражения 4 сентября 1960 года в Вене от австрийцев со счётом 1:3, — наша сборная ещё не представляет монолитного коллектива, и необходимо время, чтобы молодые игроки почувствовали уверенность в своих силах, а команда в целом добилась согласованности, взаимопонимания, “чувство локтя” в линиях и звеньях. Проигрыш в Австрии ни в коей мере не должен сбить нас с намеченного курса».

В докладной же записке на имя руководителя Федерации футбола Валентина Гранаткина слова Качалин подобрал иные: «Задачу не выполнили. Слаба морально-волевая подготовка, низка игровая дисциплина... В темпе уступили австрийцам. Неплотно играли в обороне, нечётко страховали...» Гавриил Дмитриевич выставил за игру восемь «двоек», одну из которых получил 21-летний Лобановский, в сборной дебютировавший. По нему Качалин прошёлся в докладной записке отдельно: «Пытался пройти плотную оборону только с помощью обводки. Обводил до “потери сознания”. Все попытки заканчивались срывом атаки».

Качалин предоставил Лобановскому ещё одну возможность — в матче 31 мая 1961 года в Польше. Но успешно конкурировать с лучшим левым нападающим СССР Михаилом Месхи так и не получилось.

Незадолго до игры в Польше сборная принимала в Москве английский клуб «Астон Вилла» и проиграла 0:1. «Нет сыгранности, — приводит Вартанян фрагменты из рецензии «Комсомольской правды». — Нетто выглядел довольно беспомощно на месте центрального защитника. Плохое впечатление оставили Войнов и Воронин. Но самым слабым звеном было нападение. Форварды говорили на разных языках. Лобановский совершенно не справился с ролью центрального нападающего».

После проигрыша в Польше Лобановскому вновь досталось от Качалина: «Фон движения слабый. Передерживает мяч. Дважды не отдал Месхи и Иванову, находившимся на голевой позиции. Играет бездумно.

Предложений на свободное место нет. Партнёры его и он партнёров не чувствует. Огрызается, не слушает советов. Играет без угроз воротам. Труслив, вверху не играет. Много технического брака».

Больше Качалин Лобановского в сборную не вызывал.

В январе 1962 года 30 потенциальных участников чемпионата мира в Чили (из сорока поначалу названных) были приглашены Гавриилом Качалиным на тренировочный сбор, проходивший в Москве. Список кандидатов в сборную был обсуждён и одобрен во всех инстанциях. Журналист из газеты «Труд» Юрий Ваньят, побывав на одном из занятий сборной, поинтересовался у Качалина: «Почему нет Лобановского?» Вопрос на тот момент был вполне уместен, поскольку по итогам победного для киевского «Динамо» чемпионата СССР 1961 года Лобановский считался сильнейшим нападающим команды, из которой тренер сборной пригласил только Каневского и Серебряникова. В трёх контрольных матчах перед чемпионатом мира со сборными Люксембурга, Швеции и Уругвая в составе советской команды не было, стоит заметить, ни одного (!) игрока из клуба — чемпиона страны. Только московские футболисты, два грузинских (Чохели и Месхи) и Виктор Понедельник из ростовского СКА. Беспрецедентный случай! Более того, почти весь март команда Качалина провела на сборах в Венгрии, сыграла там с четырьмя венгерскими клубами, и только в одной из встреч принял участие игрок киевского «Динамо» — Каневский. Только Каневский дважды, сыграв в общей сложности три тайма, выходил на поле в четырёх матчах сборной СССР с клубами Бразилии, Коста-Рики и Колумбии незадолго до чемпионата мира.

Можно, разумеется, причислить Гавриила Дмитриевича Качалина к ненавистникам киевской команды, имевшим прохладные отношения (или вовсе их не имевшим) с тренером «Динамо» Вячеславом Дмитриевичем Соловьёвым. Но скорее всего, Качалин раз и навсегда убедил себя в том, что серьёзно рассчитывать можно только на игроков из московских клубов.

Что же до вопроса Ваньята о Лобановском, то Качалин ответил на него так: «К сожалению, “звёздная болезнь” у этого бесспорно способного футболиста прогрессирует. Коллектив киевского “Динамо” весьма обеспокоен этим, пытается воздействовать на гордеца и индивидуалиста. Но, к сожалению, Лобановский неправильно воспринимает критику товарищей».

Надо сказать, из чемпионского состава киевлян 9 января 1962 года президиум Федерации футбола СССР включил в список 33-х лучших игроков страны по итогам сезона-61 всего четырёх динамовцев, причём ни один из них не стал первым в своём амплуа. Сабо — второй среди правых

полузащитников, третьими названы Базилевич (правый крайний), Серебряников (правый полусредний) и Каневский (центральный нападающий). Лобановскому на позиции левого крайнего «выборщики» предпочли Михаила Месхи, Юрия Мосалёва из ростовского СКА и Вячеслава Спиридонова из московского «Локомотива». С Месхи, понятно, конкурировать было невозможно, он по праву считался «номером один» на этой позиции, но Лобановский в чемпионате 1961 года был явно сильнее — по всем показателям игроков СКА и «Локомотива». Более того, тогда же, в январе, всесоюзная Федерация футбола утвердила список сорока кандидатов в сборную СССР для подготовки к чемпионату мира в Чили. И Лобановский, в отличие от Спиридонова, в этом списке оказался. Другой вопрос, что никуда он потом не поехал.

Первыми номерами в списке 33-х лучших игроков 1961 года названы три футболиста московского «Торпедо», по два из тбилисского «Динамо», ЦСКА и «Спартак» и по одному из московского «Динамо» и СКА. Это обстоятельство полностью подтвердило, какими предпочтениями руководствовался Гавриил Качалин, отбирая футболистов в национальную команду, — фактически без киевлян, в отличном стиле выигравших чемпионат Советского Союза.

В список 33-х по итогам 1962 года Лобановский попал — на второе, после Месхи, место. Составлялся список на этот раз по бразильской схеме: 1—4—2—4.

«Жаль, — писал Аркадий Галинский в 1965 году, — что так и останется, по-видимому, не раскрывшимся до конца дарование Валерия Лобановского. Трудная судьба у этого футболиста! В Бразилии, Англии, Италии о нём много писали, а вот многочисленным, сменявшим друг друга тренерам киевского “Динамо” он был решительно “невпроворот”. Только Олег Ошенков не считал его “белой вороной”.

Между тем мне трудно представить себе более опасную для противника связку в центре, чем тандем Федотов — Лобановский, хоть они ни разу вместе не играли и, вероятно, никогда уже вместе не сыграют...»

Галинский себе не изменяет. Ради создания очередной умозрительной конструкции выдумывает конфигурацию подходящих, по его мнению, для этой конструкции пазлов. Ну в каких Бразилии, Англии и Италии в те годы, когда советский футбол варился в собственном соку и на относительном виду находилась только сборная СССР, могли много писать о Лобановском? В европейских кубковых турнирах киевское «Динамо», как и другие советские клубы того времени, не участвовало. Матчи всесоюзного чемпионата у себя дома-то транслировались по телевизору через пень-

колоду — с невнятной картинкой, фиксировавшей обычно одной камерой, так что невозможно было разобрать действия того или иного игрока, — а уж до зарубежных телезрителей они вообще не доходили. Единственный отправленный за границу очерк о Лобановском «Внимание: Лобановский!» (текст А. Марьямова, фото В. Шустова) был подготовлен агентством печати «Новости» в 1963 году, но нет сведений о том, где он был опубликован. В расширенной подписи к одной из фотографий сказано: «Наконец-то свободный вечер. Поставив машину в центре города, Ада и Валерий отправляются в парк, на берег Днепра, где можно посидеть в уютном кафе или послушать концерт на открытой эстраде».

И никто из тренеров «Динамо», коих во времена пребывания Лобановского в этой команде было трое, «белой вороной» Валерия не считал. Ни Ошенков, при котором Лобановский заиграл в основном составе, ни Соловьёв, у которого любимец киевской публики всегда был на первых ролях, ни даже Маслов, расставшийся с Лобановским только по причине строительства совершенно нового варианта командной игры, в которую форвард, по его мнению, не вписывался.

И — какой «тандем»? Владимир Федотов дебютировал в сборной СССР 28 октября 1970 года. До этого момента у него практически не было шансов попасть в национальную команду — настолько высокой была конкуренция на каждую позицию. В 1965 году, когда Галинский «сконструировал» тандем Федотов — Лобановский, в центре нападения сборной СССР верховодил Валентин Иванов; потом стали появляться Банишевский, Малофеев. На чемпионат мира 1966 года Николай Морозов, так и не решившийся настоять (Бесков непременно сделал бы это) на включении в состав команды отменно, словно и не были в тюрьме пропущены годы, заигравшего в «Торпедо» Стрельцова, повёз Малофеева и Банишевского.

При следующем тренере сборной, Михаиле Якушине, на позиции центрального нападающего заиграли Стрельцов, Малофеев и Бышовец. По-прежнему в строю находился Банишевский... До появления Федотова было очень далеко, а Лобановский в 1968 году стал тренером.

С утра до ночи Соловьёв убеждал динамовцев в том, что они сильнее всех остальных. Тренер никому не давал обещаний: «станем призёрами или чемпионами», но игрокам мысль о возможности достижения самых крупных в истории киевского «Динамо» успехов внушал постоянно, и прониклись ею все.

Сила убеждения — великое дело. Футболистов не смущали даже такие поражения в первом круге предварительного турнира 1960 года, как 1:5 от

ленинградского «Адмиралтейца». «Прибавив значительно в круге втором, — вспоминал Лобановский, — мы стали поговаривать ни много ни мало, как о золотых медалях, и здесь уже Соловьёву приходилось нас сдерживать, не нас даже, а наше залихватское настроение. “Поймите, — говорил он, — переоценка собственных возможностей не менее опасна, чем недооценка. Мы только-только стабилизировали состав, что торпедовцы сделали давно. Не собираюсь вас уговаривать не гнаться за ними, но как бы в этой погоне вы не перегорели до такой степени, что на финише и другие вас сомнут”».

Перед очной встречей в Киеве с «Торпедо» — центральным, пожалуй, событием сезона — у киевлян имелись шансы на то, чтобы обойти автозаводцев внутри «золотой шестёрки» команд, оставшихся после предварительного турнира, — такова была тогда формула первенства. Но только в случае победы. Поражение же фактически выводило в чемпионы «Торпедо».

Ажиотаж вокруг того матча Лобановский каждый раз вспоминал, когда видел переполненные трибуны киевского стотысячника перед официальным международным матчем. Тогда, правда, всё было обставлено несколько торжественнее — музыка, горы цветов...

«Наполовину наши надежды убил Борис Батанов, забивший мяч уже на третьей минуте, — рассказывал Лобановский. — Но нас нельзя было остановить. Счёт мы сравнивали (Виктор Серебряников), а затем произошёл момент, который мы иногда с Йожефом Сабо вспоминаем и переживаем до сих пор. Мы вдвоём остались против пустых ворот — нас вывел Базилевич, хотели протолкнуть мяч за линию, но только помешали друг другу и пробили выше. Следующий момент приходит на память, когда видишь недобросовестное судейство. Сабо сделал точнейшую передачу на вылетавшего из глубины Базилевича, удар — гол, огорчённый вратарь торпедовцев Пеликанов кричит на своих защитников, понуро стоящих перед воротами, а затем зло швыряет мяч в центр поля, куда мы уже бежим, счастливые и довольные. Но... арбитр Крылов не позволил нам радоваться долго (а может быть, и не позволил стать чемпионами — уже тогда?), принял совершенно абсурдное решение, назначив от ворот “Торпедо” свободный удар за мифическое положение “вне игры”. Второй гол забили соперники, в конце матча мы трижды попадали в штангу, но, как говорит Михаил Иосифович Якушин, “удар в штангу есть не что иное, как разновидность промаха”.

Прав оказался тогда Соловьёв: игра с “Торпедо”, прорвавшим брешь в чемпионской гегемонии “Спартак”, “Динамо” и ЦСКА, отняла у киевских динамовцев столько сил и нервной энергии, что они едва не лишились не

только “серебра”, но и “бронзы”. Лишь ничья или победа в последнем матче в Ростове-на-Дону могла принести нам второе место. С огромным трудом сыграли 1:1».

О золотых медалях в Киеве задумались не по ходу сезона-61, когда всё у «Динамо» практически с самого начала двухэтапного чемпионата складывалось наилучшим образом, а сразу после «серебра» 1960 года.

«В своём зале на улице Чекистов, — сообщала болельщикам газета «Киевский комсомолец» от 25 января 1961 года в заметке «Динамо́вцы готовятся», — футболисты проходят разностороннюю подготовку к будущему сезону...» Была помещена фотография с такой подписью: «В. Лобановский, почти не прыгая, ставит блок, вытянув свою длинную руку над волейбольной сеткой...» «К тому же выясняется, — продолжал автор, — что Войнов, Каневский и Турянчик получили шофёрские права... Скоро, видно, появятся и машины... Учатся в институте физкультуры М. Коман, В. Терентьев, Й. Сабо, В. Кравчук, А. Шитый, В. Турянчик, В. Ануфриенко... Идут экзамены в школе тренеров, где можно встретить Н. Кольцова, А. Сучкова, И. Зайцева и В. Ерохина... “Сушит мозги” в Политехническом институте В. Лобановский...» Слово «сушит» Лобановского повеселило.

В первом круге одним из важнейших стал матч в Киеве с динамовцами Москвы. Хозяева поля после гола, забитого Игорем Численко, проигрывали. Во втором тайме Базилевич, Лобановский и Каштанов забили Льву Яшину три мяча. Лобановский пробил пенальти в правый от себя угол, и вытянувшийся в полёте за мячом Яшин спасти свою команду не сумел — настолько точным был удар.

Во втором круге московское «Динамо» взяло такой мощный реванш у киевлян, что об их вероятном чемпионстве говорить на время перестали. 0:5, голы Сабо и Кольцова в свои ворота, пропущенный Макаровым мяч метров с сорока... За самодовольство лидеры группы были жестоко наказаны.

Перед финальной стадией киевляне расположились на третьем месте. И на этом этапе они не проиграли ни одного матча из десяти. Решающими, понятно, можно назвать все, но стоит всё же выделить обе игры с лидировавшими после групповых турниров чемпионами-60 торпедовцами.

«Торпедо», которое Виктор Александрович Маслов, будущий тренер киевлян, превратил в высокочлассную команду, выстроенную вокруг Шустикова, Воронина, Гусарова, Метревели, Иванова, за второе чемпионство подряд намерено было сражаться до конца. В Киеве 15 сентября динамовцы выиграли 2:0 и впервые в чемпионате обошли «Торпедо». Голы забили Трояновский и Биба, которым ассистировали

Серебряников и Лобановский.

И «Динамо» стало чемпионом! Ещё не закончилась игра с «Авангардом» (счёт был 0:0), как по стадиону объявили, что торпедовцы проиграли в Ташкенте и киевляне — чемпионы!

Разговоры о том, что харьковский «Авангард» в киевском матче 17 октября 1961 года не «упирался» как следует, не утихают и по сей день. Ещё как «упирался»! «Как черти! — вспоминал Владимир Щегольков, человек прямой и честный. — По тем временам звание “мастер спорта” значило побольше любых премиальных, и Харьков бился за мастерские значки. Тем, кто намекает на “договорник”, могу лишь сказать: лучше бы мы играли с какими-нибудь москвичами: харьковчане не щадили ни себя, ни нас».

Иной вопрос, что игра фактически закончилась, потеряла смысл после объявления диктора по стадиону. Тут уж остановились все — и киевляне, и харьковчане. В «игру» вступила публика, 67 тысяч зрителей, присутствовавших при знаковом событии: впервые в истории советских чемпионатов было прорвано «московское оцепление», и прорвал его Киев во главе с московским тренером.

Бродила версия о том, что динамовцы ещё до игры узнали от репортёров украинского ТАСС о поражении торпедовцев (в Ташкенте из-за разницы во времени игра завершилась раньше, чем началась в Киеве). Почти все старые динамовцы всегда говорили и говорят о сообщении диктора минут за пятнадцать до конца игры. Но Йозеф Сабо, например, помнит: «Выходя на игру с харьковским “Авангардом”, мы уже знали, что “Торпедо” проиграло в Ташкенте». Знали руководители, но игрокам ничего не говорили.

Так или иначе, чемпионов-триумфаторов пронесли на руках по кругу стадиона и унесли в раздевалку. Для публики это была своя, родная команда: в некоторых матчах в стартовом составе играли восемь уроженцев Киева.

В раздевалку принесли огромный шоколадный торт, появилось шампанское.

Со стадиона динамовцы отправились на базу на Нивках. Там — отметили, но без фанатизма. Соловьёв нашёл какую-то вместительную ёмкость, налил шампанское, нарезал туда фрукты. Выпили, по воспоминаниям Андрея Бибы, «по фужеру, не больше, ведь сезон тогда ещё не закончился». Золотые медали вручили после возвращения команды из Англии, где она провела за неделю три товарищеских матча (1:2 и 0:2 от «Астон Виллы» и «Эвертона» и 1:1 в Лондоне с «Арсеналом»): вручили

тринадцати футболистам, сыгравшим не менее чем в пятнадцати встречах: таковы были тогдашние правила. Ещё до поездки в Англию, 25 октября 1961 года, в Киеве «Динамо» получило чемпионский приз. «В среду тысячи киевлян, — писал «Киевский комсомолец», — пришли на стадион им. Хрущева, чтобы приветствовать своих любимцев по поводу вручения им высшей награды — командного Кубка чемпионов страны. Под бурные аплодисменты Председатель Федерации футбола СССР тов. Гранаткин тепло приветствовал динамовцев и вручил капитану команды Виктору Каневскому почётный приз. После торжественной части состоялся матч между “Динамо” и шведским “Хаммарбю”. Игра прошла при полном преимуществе киевлян, но кроме В. Лобановского никто не сумел забить гол».

Во время короткого турне по Англии, к слову, динамовцы едва не устроили Валерию «тёмную». Перед игрой с «Астон Виллой» в Бирмингеме он не явился на установку. Соловьёв чуть не поседел. Чтобы никто не услышал о том, что один игрок «пропал», Вячеслав Дмитриевич накрыл подушкой и одеялом телефонный аппарат, открыл в туалетной комнате все краны, душ. Лобановский появился в последнюю минуту, объяснил: заплутал в магазинах. Ему не успели даже «напихать», но после проигрыша все были на нервах, решили его проучить. «Но потом, — рассказывал Каневский, — передумали. Во-первых, он оказался не робкого десятка, а во-вторых, магазины мы в итоге признали смягчающим обстоятельством...»

После победы в чемпионате СССР многие динамовцы, в том числе и Лобановский, купили первые в своей жизни автомобили — марки «Москвич-407».

«Спустя 25 лет, 17 октября 1986 года, — рассказывал Лобановский, — мы сидели в номере московской гостиницы “Пекин” с Вячеславом Дмитриевичем Соловьёвым. Я был в Москве в командировке, он заехал повидаться. Мы и не вспомнили бы об этой дате, если бы не заговорил о ней заскочивший на минутку наш друг народный артист СССР Олег Иванович Борисов, работавший в своё время в Киеве в Театре Леси Украинки. И началось: “А помнишь... Болельщики... Пономарёв...”

“А помнишь, Валерка, — сказал мне Соловьёв, — как ты тогда после игры заявил: сейчас такое состояние, что, кажется, могу до сорока лет играть!” Что ж, мне тогда было двадцать два, я и представить себе не мог, конечно, будучи в чемпионском настроении, что играть мне судьбой определено ещё шесть с половиной лет, а потом...»

«Болельщики, — вспомнил Борисов, — в каком-то едином порыве

свернули принесённые с собой газеты в жгуты и подожгли их. Весь стадион — в факелах. Незабываемое зрелище!» Факелы запылали во время игры, после объявления результата «Торпедо». На поле стало жутковато. Кто-то из наших подбежал к арбитру и сказал: «Товарищ судья, может быть, закончим, а? А то ведь сейчас стадион вспыхнет».

«Пономарёв покойный, Александр Семёнович, тогда “Авангард” тренировал, — рассказал Соловьёв. — Скамейки почти рядом были. Так, когда диктор информацию из Ташкента выдал, он подбежал, обнял — когда вы ещё видели, чтобы тренер соперников во время игры с поздравлениями подбегал! — и сказал: “Наконец-то и киевское ‘Динамо’ в чемпионы пробилось”».

Для завсегдатаев «брехаловки» — Мекки болельщиков возле филармонии (в каждом городе, где были команды высшей, да и не только высшей, лиги, стихийно возникали такие) — Лобановский всегда был кумиром. Они заприметили его ещё в дубле, ходили на динамовские тренировки на кортах, высматривая копну рыжих волос на высокорослом худом парне.

Давид Боровский, известный во всём мире театральный художник, начинавший в Театре Леси Украинки подмастерьем в четырнадцатилетнем возрасте, рассказывал мне, как выяснял расписание первых в сезоне — январских — тренировок «Динамо» — «надо было успеть взглянуть на Лобана: как он после отпуска? — ещё до отъезда команды на южные сборы». Давид отпрашивался из театра на часок-другой, мчался на «Динамо» и вместе с такими же, как он, ценителями динамовской игры, заполнявшими пространство вокруг сеточного ограждения кортов, восторженно наблюдал за динамовцами — Базилевичем, Каневским, Трояновским... И особенно — за Лобановским, на публику чеканившим мяч огромными ногами, обутыми в полукеды 47-го размера, массивными бёдрами, вовремя подставленными плечами и головой, — до тех пор, пока на площадке не появлялся тренер и не давал команду на построение.

2 июля 1984 года Давиду, многие годы уже работавшему в Москве в Театре на Таганке, исполнилось 50 лет. Находился он в тот момент в Киеве. Я позвонил Лобановскому, обрисовал ситуацию, и через полтора часа в дверь квартиры, в которой остановился Давид с женой Мариной, позвонили и вручили подарок — футбольный мяч с автографами футболистов киевского «Динамо». В фамилии юбиляра, правда, в «запаре» перепутали одну букву, и мяч, на котором написано «Давиду Буровскому», нашёл своё место в московском мемориальном музее «Мастерская Давида Боровского» в Большом Афанасьевском переулке.

На тренировки «Динамо» — посмотреть на Лобановского — ходили и дети. Известный журналист и фотохудожник Ефим Шаинский вспоминает, как в январе 1961-го смотрел морозным днём, стоя в снегу по колено, за игрой в «дыр-дыр» с участием Войнова, Бибы, Каневского и Лобановского, мчался за улетевающим в сугроб мячом с другими мальчишками, радовался удаче, гордо передавал мяч в руки Лобановского, покрасневшегося, в синей вязаной динамовской шапочке, в перчатках, слышал в ответ «Спасибо» и млел от похлопывания по плечу.

«Помню, — рассказывает Шаинский, — мой товарищ Жора появился во дворе с рукой в гипсе, которую гордо всем демонстрировал. “Пробрался на тренировку динамовцев, — с достоинством, смакуя каждое слово, вещал он. — Стоял у самой штанги. Когда пробил Лобановский, хотел остановить мяч. Рука не выдержала”. Тогда многие завидовали Жоре, пострадавшему не от кого-нибудь, а от Лобановского».

Глава 3

ПРОДУМАННОЕ РЕШЕНИЕ МАСЛОВА

Маслов — тренер от Бога. В «Торпедо» его постигла судьба, вполне характерная для представителей тренерской профессии, одной из самых бесправных профессий в стране. О том, что он больше не руководит клубом, который приводил к «дублю» — победе в чемпионате и Кубке, Маслов узнал то ли от секретарши, то ли от уборщицы. С ним даже не захотели разговаривать те, кто ещё вчера превозносил его тренерские качества до небес. Ему не простили второго (!) места в первенстве и поражения в финале Кубка. Таким было отношение к специалисту со стороны дилетантов. Маслов не переносил дилетантов. Но их больше, и за ними — сила.

Его чутьё на футбольные новшества было поразительным. Он предвосхищал многие тактические находки, а также новинки в тренировочном процессе, которые потом с восторгом перенимали за рубежом, забывая, что появились-то они у нас, но не были поняты и должным образом оценены. Так случилось, к примеру, с тактическим построением в четыре хавбека. Маслов в киевском «Динамо» апробировал эту схему ещё до того, как она «прозвучала» на чемпионате мира 1966 года в исполнении англичан.

Виктор Александрович, как опытный камнетёс, отсекал всё лишнее, чтобы вырубить модель команды, способной воспроизвести придуманный им образ игры. «Нельзя требовать от футболиста того, что он не в состоянии выполнить, — говорил он. — Надо либо приспосабливать новшество так, чтобы дарование игрока было наилучшим образом использовано, либо искать другого исполнителя, что мы и делаем в киевском “Динамо”. Это не рецепт, а принцип».

Внешне грубый, недоступный, он даже при самых жестоких разносах старался оставаться справедливым, потому что сам много натерпелся от несправедливости. Он понимал, что киевские динамовцы начали потихоньку отставать в плане организации игры от основных соперников, и первейшую свою задачу видел в том, чтобы сделать команду структурно более подвижной, мобильной, применяющей более сложную систему взаимозаменяемости, отказавшись от игры в обороне силами в основном

защитников. Природный ум, которым обладал Маслов, помог ему определить то лучшее, что осталось у команды после работы с ней Ошенкова и Соловьёва, сохранить это и дополнить своим, новым.

«Маслов, — вспоминал Лобановский, — морщился, когда мы с Базилевичем, получая мячи на флангах, как и прежде, демонстрировали технику на месте, технику обводки по своим “желобкам”. Он хотел — и требовал от всех без исключения игроков — значительного расширения диапазона действий, неутомимых манёвров в атаке по всему её фронту, заставлял освобождать фланговые зоны для внезапных подключений по ним полузащитников и даже защитников, неукоснительно претворял в жизнь один из основополагающих своих тактических принципов — постоянное создание численного большинства во всех фазах игры, боролся всеми методами против передержек мяча, красотой ради красот, громко клял тех, кто ожидал пас, стоя на месте.

Для того чтобы играть так, как он требовал, нужны были несколько иные тренировочные методы, нежели те, которыми в команде обходились прежде. Маслов видоизменил и характер тренировок, и тренировочные средства, серьёзный акцент сделал на атлетическую подготовку как в подготовительном периоде, так и во время чемпионата.

Не стану утверждать, что новшества Маслова понравились всем. Мы — и я в том числе — наивно полагали, что вполне можно было бы обойтись известными нам способами ведения тренировок, не меняя при этом так кардинально организацию игры. Нам не дано было тогда понять то, что уже понимал Маслов. Я дискутировал с тренером по ряду вопросов и был убеждён в своей правоте. Я считал более разумным в соревновательный период, когда много нагрузок выпадает в матчах, тренироваться только с мячом. Не мог я понять, зачем всем надо делать одинаковый объём работы, я считал, что одна группа людей должна быть занята в основном так называемой черновой работой, а другая — “ювелирной”, благодаря которой и ставится точка в общем успехе. И наконец, гораздо ближе мне по игровому духу были привычные методы игры, традиционные проходы по флангу, пусть затяжные по времени, но красивые и эффективные, и мне трудно было поверить, что они тормозят командную игру.

Тренерская правота Маслова оказалась намного выше моей правоты игрока. Я не собираюсь рассуждать на тему, стоило ли Маслову возиться тогда со мной и обращать в свою веру, но сейчас бы я, по всей вероятности, поступил бы с Лобановским-игроком так же, как поступил он: разругавшись со мной в раздевалке ярославского стадиона после ничьей с

“Шинником” 2:2, он перестал ставить меня в основной состав, и я понял, что в этой команде мне больше не играть.

Не скажу, что понимание этого доставило мне огромную радость. Я был раздосадован и зол на Маслова, его действия казались мне верхом несправедливости, я считал себя незаслуженно обиженным и, любя безмерно киевское “Динамо”, мечтал доказать свою правоту в то время, когда играл в команде другой.

Между тем Маслова резко критиковали за результаты, за шестое место в 1964 году, за невысокую результативность, за... зонный принцип в обороне, который он применял в чистом виде. Слава богу, у людей, ответственных за судьбу команды, хватило терпения, и Маслову было предоставлено время, которым он умело воспользовался, выведя киевское “Динамо” на уровень высокого международного класса в 1966—1968 годах».

«Мало того что под руководством Севидова киевская команда выиграла в 1971 году чемпионат страны, — «атаковал» Маслова Аркадий Галинский, — она ещё вернула себе тот дух, который определял её лицо начиная со второй половины 20-х годов (когда команда была создана) и который в 1964—1970 годах был, казалось, утерян безвозвратно. Хотя, между прочим, именно в эти годы киевское “Динамо” добилось неслыханных, по сравнению с прошлыми временами, успехов: в течение трёх лет подряд побеждало в первенстве СССР, дважды выигрывало Кубок и два раза занимало в чемпионатах страны 2-е место! Но если до 1964 года приматом стратегии киевлян была атака, то в 1964—1970 годах — практичная игра от обороны: выигрыш на своём поле, ничья на чужом».

Если называть вещи своими именами, то это утверждение, выдуманное всего лишь для того, чтобы голословно унизить признанного всем футбольным миром Маслова, приписать ему то, чего он никогда не делал, — форменное враньё. 50,9 процента масловских побед одержано на выезде и на выезде же — всего 41,5 процента от всех матчей, сыгранных вничью. Что же до показателей так называемой «практичной игры от обороны», то киевское «Динамо» периода Маслова (без учёта первого сезона — 1964 года, когда новый специалист приглядывался к команде, и последнего — 1970-го, когда тренера, не дожидаясь завершения чемпионата, уволили) забило 281 мяч (56,2 гола в среднем за сезон и 1,7 — за матч), пропустило всего 91 мяч (18,2 в среднем за сезон) и проиграло лишь 15 матчей (3 в среднем за год) — выдающееся достижение для одного из самых сильных на тот момент чемпионатов в Европе. Дважды при Маслове (в 1966 и 1968 годах) «Динамо» выигрывало «Приз агрессивного

гостя» — его получала команда, больше других набиравшая очков на чужих полях.

Цифры же, сопровождавшие три масловских чемпионских года, вообще феноменальные: 65 побед и всего лишь 8 (за три сезона!) поражений, 74 матча из 110 сыграно «на ноль», разница забитых и пропущенных мячей: 175 (1,6 в среднем за игру) — 53 (0,48).

«Аркадий Романович, — говорил Лобановский, — был блестящим журналистом и, отчасти, даже прогрессивным человеком... Однако Маслов добился, чтобы ему “нашли квартиру” в Москве: спецкор “Советского спорта” пытался вмешиваться в тренировочный процесс и на весь Союз трубил о порочной тактике тренера Маслова!.. А ведь ему, великолепно владевшему пером, футбольные обыватели верили... Но стоит ли “красиво” писать о футболе, если выхолащивается сама идея и остаются одни слова?»

Принято считать, что Маслов, назначенный на должность старшего тренера киевского клуба 4 января 1964 года, разом избавился от них обоих — и Лобановского, и Базилевича. Но Базилевич в 1965 году сыграл за «Динамо» 25 матчей, забил 8 мячей. В том же 65-м Лобановский сыграл за «Черноморец» 28 матчей и забил 10 мячей, став лучшим бомбардиром команды. Базилевич поначалу был заявлен за «Динамо» (Киев) и на чемпионат 1966 года.

«Просто пришёл день, — рассказывает Базилевич, — когда Маслов решил, что я ему больше не нужен. У него было своё видение игры, и он создавал такую модель команды, в которую я не вписывался. С Лобановским случилась та же история. Никаких там “не сошлись характерами” не было. Не подходил Маслову Лобановский, а подходил Хмельницкий — вот вам одна замена. Не подходил Базилевич, а подходил Поркуян — вот вам вторая замена. И не было никаких скандалов. Так решил Маслов, и точка!»

Первой мишенью Маслов, перестраивавший игру команды, выбрал Лобановского. Группировок, будто бы созданных в команде специально «под Маслова» с участием Лобановского, в «Динамо» не было и в помине. Лобановский ему просто мешал работать над строительством новой команды.

«Валера, — говорит Василий Турянчик, не раз выводивший киевское «Динамо» на поле в роли капитана, — был очень упрямый, не хотел играть в пас, стараясь самостоятельно решить тот или иной эпизод. Несмотря на индивидуальное мастерство Лобановского — хитроумную обводку, финты, манеру укрывать мяч корпусом, соперники постепенно изучили его и начали всё чаще выигрывать единоборства, действуя по необходимости

вдвоём, а то и втроём. Соловьёв с этим ещё как-то мирился, а когда “Динамо” возглавил Маслов, он начал подбирать себе исполнителей под систему 4—4—2. Лобановский не сошёлся с тренером во взглядах на игру и ушёл из команды».

«Такие конфликты, — подтверждает Андрей Биба, — как правило, решаются в пользу тренера и носят личный характер. Но в данном случае возникшее противостояние наставника и игрока имело, если угодно, судьбоносные последствия для всего отечественного футбола. Годы спустя, отвечая на вопрос, как бы он сам поступил по отношению к игроку Лобановскому, оказавшись на месте Маслова, Валерий Васильевич сказал: “Точно так же, как ‘Дед’ — расстался бы с Лобановским”. Из этого можно сделать вывод, что тренер Маслов, обративший самое пристальное внимание на функциональную подготовку игроков, оказался в каком-то смысле предтечей тренера Лобановского, предлагавшего своим подопечным просто космические тренировочные нагрузки».

«Лобановский, — считал Михаил Коман, работавший и с Виктором Александровичем, и с Валерием Васильевичем, — пошёл дальше “Деда”, когда поставил тренировочный процесс на научные рельсы и научил команду прессинговать на половине поля соперника. Более мощного коллективного оружия, чем прессинг, в футболе не существует, а чтобы в совершенстве владеть им, функциональная подготовка игроков должна быть на высочайшем уровне».

По версии английского журнала «World Soccer», Лобановский и Маслов вошли в 2010 году в список лучших тренеров мира последнего полувека.

«Какими бы великолепными специфическими данными ни был одарён футболист, — говорил Лобановский, — он не должен, не имеет права строить игру только на использовании своих выигрышных качеств. Между прочим, это прекрасно понимал Маслов, который отчислил из команды индивидуалиста Лобановского, самостоятельные действия и трюки которого нравились публике, но шли вразрез с той командной игрой, которую мыслил этот выдающийся тренер. Справедливость масловского решения я понял, естественно, не сразу, но когда понял, обрадовался, потому что это дало мне хороший толчок для последующей работы. Это было поразительно сложно сделать (но в высшей степени необходимо) — напрочь забыть, как ты сам играл в эту игру, не вспоминать о своём футбольном прошлом и ни в коем случае не навязывать футболистам своих представлений игрока».

Перестройку командной игры Маслов начал с коренных изменений

действий в обороне. Он уже тогда — в 1964 году — приступил к работе над прессингом, что спустя годы позволило английскому журналисту Джонатану Уилсону назвать Виктора Александровича основателем этого приёма, без которого мировой футбол представить в XXI веке невозможно.

Работа над тем, чтобы в каждом игровом эпизоде иметь в защите численное превосходство и умело страховать партнёров, велась трудно, но успешно: киевская команда стала пропускать меньше всех мячей.

Следующим шагом Маслова и стало исключение из состава Лобановского. Причём без замены на его позиции левого крайнего. Этим шагом Маслов нажил себе в Киеве огромное количество врагов, принявших за обличье тренера в деспотизме, упрямстве, непонимании местных реалий. Маслов твёрдо стоял на своём. Созданную им «пустоту» на левом фланге регулярно — и эффективно — заполняли по очереди полузащитники Биба, Медвидь, Серебряников и левый защитник Островский. Игровые схемы Маслова начиная с 1964 года, когда он отправил в запас Лобановского, по 1966 год включительно менялись — от 1—4—3—3 до 1—4—4—2, «сочинённой» Масловым одновременно с Альфом Рамсеем.

После поездки олимпийской сборной СССР в Южную Америку — отправилась она туда 2 декабря 1963 года, а вернулась накануне новогодних праздников — Лобановского приглашали в московское «Динамо». После турне он остался в столице. Ада приехала к нему: в шубке, но в туфельках. Ударили морозы. Валерий отправился на переговоры в «Динамо» с тренером Александром Семёновичем Пономарёвым. Ада ждала его в коридоре Центрального совета общества. Валерий вышел: «Ответ надо давать сейчас. Не знаю, что и делать». «Вижу, — вспоминает Ада, — что не очень ему хочется оставаться. Говорю: да ну их, тут морозы вон какие (будто у нас морозов не бывает!). Так и уехали. Хотя тогда приглашение в московское “Динамо”, ставшее в тот год чемпионом, о многом говорило».

Если бы Лобановский мог заглянуть вперёд и увидеть, что у него не будут складываться отношения с Масловым, он, вполне возможно, приглашение москвичей тогда бы принял.

Лобановский очень не хотел уезжать из своего города, менять свою команду на другую. Однолюб по натуре, он конфликт с Масловым сильно переживал, в какой-то момент в 64-м замкнулся в себе, всё свободное время старался проводить только с семьёй. Выносил на улицу детскую коляску, и они с Адой шли гулять с семимесячной Светочкой. Тренировки и матчи за дублёров не отнимали, конечно же, столько времени, сколько тренировки и матчи за основной состав. Приходилось, понятно, летать на игры дублёров,

но всё равно он стал свободнее. Ада рассказывает, что Валерий признавался ей тогда, что не может понять Маслова, был страшно этим огорчён, виду старался не подавать, но более или менее пришёл в себя только в «Черноморце», когда, пожалуй, впервые стал задумываться над тем, чем заняться после завершения игроцкой карьеры.

Отчисленным из команды Виктор Александрович вовсе не отказывал в футбольных способностях. Просто он считал, что они не могли играть в его футбол, который за годы его работы в Киеве стал футболом будущего. Лобановский и другие уходили от Маслова, но — не из футбола.

Аркадий Галинский «истинной причиной» конфликта Маслова с Лобановским называет... нежелание Лобановского пить водку, выставленную на стол во время командного обеда по распоряжению Маслова. Дело якобы обстояло таким образом. Динамовцы возвращались с первого для тренерской поры Маслова подготовительного сбора из Леселидзе. Летели самолётом из Адлера в Киев. Из-за плохих погодных условий рейс перенаправили в Симферополь. Вылет в Киев откладывался на несколько часов. «И тогда Маслов, — пишет Галинский, — попросил администратора команды заказать обед в ресторане аэропорта и подать на стол водку. Когда футболисты увидели перед собой запотевшие графинчики с сорокаградусной, они глазам не поверили: в киевском “Динамо” такого прежде не бывало! Маслов поднял тост — за удачу в предстоящем сезоне. Выпили все, кроме Лобановского — он до своей рюмки даже не дотронулся. Заметив это, Маслов попросил его всё-таки за успех команды выпить, но когда Лобановский сделать это отказался, Маслов зло по его адресу выругался. Лобановский, в свою очередь, что-то сказал в ответ».

Галинского в ресторане Симферопольского аэропорта, понятно, не было. Гораздо больше поэтому веры человеку, там присутствовавшему. Тем более что человек этот в тот момент был капитаном киевского «Динамо». Виктор Каневский говорит о том, что Галинский преувеличил. Да, обед Маслов организовал, водку на стол официанты поставили, Лобановский выпивать не стал. Но всем было известно, что Лобановский в годы игроцкой карьеры к водке не прикасался: он мог позволить себе шампанское, но не крепкие напитки:

«Всё было совсем не так. Днём раньше Маслов, узнав, что двое наших ребят выпили, решил, что будет лучше, если игроки не станут пить в одиночку, таясь — ведь запретный плод желанный, — а сядут за стол и все вместе за обедом пропустят рюмку-другую. Разве это пьянство? Мы выпили, а Лобановский действительно отказался, и это никого не удивило, в том числе Маслова. Никто даже внимание на это не обратил. Все знали,

что Валерий очень дисциплинированный. Потому-то Маслов и слова не сказал, а тем более не настаивал, да ещё в резкой форме. Говорю это как очевидец того, может, и не совсем обычного обеда в аэропорту».

И ещё одно немаловажное обстоятельство, о котором рассказывали хорошо знавшие Маслова люди: Виктор Александрович, к хорошему столу с выпивкой всегда относившийся уважительно, никогда, ни при каких обстоятельствах никого не заставлял выпить, если человек не желал этого делать.

И пошла после «водочной выдумки» Галинского, утверждавшего, что «Маслов до конца своей жизни простить Лобановскому не мог» антиводочного демарша, писать губерния. Порой, что называется, до потери пульса. Оказывается, «Маслов надолго затаил обиду: сколько лет прошло после того ресторана, Маслов тренировал “Арарат”, Лобановский — киевское “Динамо”. Через неделю — финал Кубка кубков в Базеле. Матч с “Араратом” — рядовой. Так казалось. Но произошло нечто странное и страшное: не игра — побоище. Ереванцы бросались на каждый мяч, не щадя ни себя, ни соперника. Блохина увезли в больницу, наложили пять швов на распоротую ногу, травмированы Мунтян, Колотов, Онищенко. Что это было: случайность, жажда борьбы или тренерская установка? Задание тренера, трижды подряд приводившего киевлян к чемпионству и, в конце концов, “выжитого” из Украины? Месть Лобановскому за ту невыпитую стопку водки?..».

«Водочная» версия, выдуманная Галинским, не работает ещё и по той простой причине, что практически одновременно с Лобановским из «Динамо» Маслов «попросил» и некоторых других футболистов, которых не видел в составе строившейся им новой команды, но которые, в отличие от Лобановского, за обедом в ресторане Симферопольского аэропорта выпивали. Войнов, Каневский, Базилевич... Конечно, уход Войнова и Каневского публика перенесла менее болезненно, нежели уход Лобановского и Базилевича — 25-летнего и 26-летнего футболистов. Самый возраст — играть. Но Маслов на даты рождения внимание не обращал. Он руководствовался только соображениями целесообразности и принял для себя решение: эта четвёрка, какими бы популярными игроками они ни были, ему в «Динамо» не нужна.

К моменту резкого похолодания Маслова в отношении к Лобановскому киевское «Динамо» провело в чемпионате СССР всего восемь матчей. Это был первый сезон Маслова в команде. В сообщении о его назначении говорилось: «начальником и старшим тренером киевской команды “Динамо”», то есть с огромными полномочиями и не менее огромными

ожиданиями успешного выступления в чемпионате страны и розыгрыше Кубка.

Перед сезоном Маслов был сдержан. Выдавать авансы — ни новым работодателям, ни прессе — не собирался. Сказал лишь, что место, занятое «Динамо» в прошлом году (в 1963-м — девятое), «явно не соответствует возможностям команды», и озвучил задачу, назвав её «вполне посильной», — место в пятёрке. В пятёрку, однако, масловское «Динамо» не попало, оставшись на шестом месте и пропустив при этом на пятое ещё одну украинскую команду — донецкий «Шахтёр» с Олегом Александровичем Ошенковым во главе. Некоторой компенсацией за невыполнение задачи стала победа в Кубке СССР. Достойный, надо сказать, результат для тренерского дебюта: скачок вверх на три ступеньки в таблице и Кубок.

В восьми встречах первенства киевляне взяли всего 10 очков (в те времена за победу начисляли 2 очка): три выигрыша и четыре ничьи. Как-то раз, когда игра в чемпионате не клеилась, Маслов зашёл в столовую на базе, внимательно оглядел столы, за которыми не оказалось ни одного свободного места, и произнёс: «О! Полная столовая, а как голик забить — никого не найдёшь!»

Маслов, помимо того что первым, ещё до Рамсея, ввёл — не в теории, а на практике — систему 4—4—2, придумал новую позицию. Игрока, поставленного Масловым в зону перед двумя центральными защитниками, стали называть «волнорезом», «чистильщиком» для первой оборонительной линии, составленной из полузащитников. Спустя годы футболистов этого амплуа стали называть «опорниками».

С развитием игры в зоне перед центральными защитниками стали действовать два, а то и три хавбека с огромным набором функциональных обязанностей. Тогда же, в 64-м, когда футбольный мир ещё и не думал о новых возможностях, открывавшихся для игры в обороне и атаке благодаря появлению в центральной зоне игрока, способного усилить центр защиты и активно начинать командные действия в нападении, Маслов обнаружил в составе «Динамо» родившегося для реализации этой идеи футболиста — Василия Турянчика. Он и стал первым «волнорезом» в киевском «Динамо» — и в европейском футболе вообще.

Маслов, как и Соловьёв, был сторонником жёсткой игровой дисциплины при обеих тактических схемах, которыми он оперировал (сначала 4—3—3, затем 4—4—2). Он выступал за существенное расширение зон действий футболистов. «Наличие таких “узких” специалистов, как, например, правый крайний Базилевич и левый крайний Лобановский, — говорит Олег Базилевич, — его не устраивало. Мы и сами

понимали необходимость перестройки нашей тактики и с удовольствием использовали бы наши умения в русле новых требований». Базилевич называет стиль, присущий Маслову, «крайне авторитарным» и с сожалением свидетельствует: «Он даже не попытался найти с нами общий язык». Именно это нежелание разговаривать и послужило, по мнению Базилевича, причиной преждевременного ухода из «Динамо» большой группы футболистов, находившихся в расцвете сил, — Каневского, Войнова, Бибы, Лобановского и самого Базилевича.

Но Базилевич тем не менее не жалеет эпитетов, когда говорит о Маслове, первом специалисте, разрушившем стереотипы. Маслова, часто вступавшего в противоречия с болельщиками, журналистами и, конечно же, футболистами, Базилевич называет «талантливейшим тренером», «великим тактиком», видевшим «на годы вперед».

Что до «авторитаризма», тем более — «крайнего», то это всё же не про Маслова. Друзья-нападающие были вынуждены уйти из команды, потому что Маслов, приступивший к тщательной разработке схемы 4—4—2, на что, разумеется, требовалось время (и Маслов в Киеве его получил — тренерское счастье — в полном объёме!), не видел в её рамках для них места. Начни он с ними тогда разговаривать, разъяснять свои задумки — ни к чему бы это не привело: только бы потерял время. Восемь классов образования, из подручных средств на тренировках только секундомер и свисток, феноменальный, без видеозаписей, объём знаний о сопернике, интуиция, поставленная в основу тренировочного процесса, — и десять титулов: четыре чемпионства и шесть кубков СССР с разными командами: это всё — Маслов. Он даже матерился по-доброму — никто на него не обижался.

У Лобановского свои воспоминания о Маслове. 2 мая 1964 года в раздевалке ярославского стадиона после матча с «Шинником» у игрока с тренером случилась серьёзная перепалка. О её содержании динамовские ветераны вспоминают примерно так. Вели 2:0, но закончили 2:2. Маслов обиделся. Собрал команду и давай чихвостить по одному. Дошёл до Лобановского: «Валера, что ты делал на поле?» — «Понимаете, Виктор Александрович, в команде есть ювелиры и чернорабочие». Маслов взглянул на него из-под бровей и сказал: «Валера, у меня все будут чернорабочими, но исполнение должно быть ювелирным». Так, к слову, спустя два года и произошло: «чернорабочие» Маслова три сезона подряд «ювелирно» гоняли в чемпионатах СССР всех, кто попадался им на поле.

Незадолго до этого, после московского матча со «Спартаком» — того самого, в котором Маслов Лобановского заменил, Валерий по возвращении

команды в гостиницу первым делом принялся собирать вещи. «Всё, — вспыхнул, — уезжаю в Киев!» Валентин Трояновский вспоминал, что с трудом отобрал у Лобановского сумку («Ты что, с ума сошёл?») и еле-еле успокоил.

После же Ярославля Маслов окончательно для себя уяснил, что Лобановский в деле строительства новой команды ему не помощник, и сослал любимца публики в дубль. У Маслова был карт-бланш, и местные руководители знали, что стоит им вмешаться в кадровые вопросы, Маслов моментально уедет, наплевав на мнение, спущенное с чиновничьих вершин, и пробурчав на дорожку что-нибудь вроде: «Тогда сами и тренируйте...»

Лобановский между тем, помимо того что действительно был любимцем киевской публики (после его фактического изгнания из основного состава зрители, и без того баловавшие своим вниманием динамовских резервистов, валом стали валить на матчи дубля на стадионе «Динамо»), имел за плечами серьёзный послужной список. В «Динамо» к 1964 году он был третьим (после Войнова и Каневского) по количеству проведённых за клуб матчей. По части дисциплины и отношения к тренировкам у Маслова к нему претензий не возникало: между прочим, Лобановский был комсоргом команды (старший тренер — капитан — комсорг: таким был в футбольных коллективах руководящий «треугольник»; Маслов, когда его упрекали в том, что он не воспитывает футболистов, отвечал: «Воспитывают пусть комсомол или партия»).

Отстранённый от первой команды, Лобановский не поехал с ней на майские выездные матчи. В Кутаиси киевляне сыграли 0:0, в Баку проиграли 0:1. Не игравшего в основе «Динамо» Лобановского старший тренер олимпийской сборной СССР Вячеслав Соловьёв включил в число 19 футболистов, которым предстояло в матчах с ГДР решить судьбу путёвки на Олимпиаду-64. 23 апреля советские олимпийцы проводили в Киеве товарищескую встречу с болгарами. Лобановский после первого тайма был заменён на Валерия Фадеева. Против ГДР Лобановский не играл (а играть пришлось три матча: в Лейпциге 31 мая наша команда проиграла 0:1, в Москве 7 июня С таким же счётом выиграла, а в дополнительной встрече на нейтральном поле в Варшаве 28 июня была разгромлена 4:1; Соловьёв использовал в трёх матчах 20 футболистов, тренер сборной ГДР — всего 14). Места ему не нашлось по вполне понятным причинам: у него не было игровой практики, и включение его тренером в расширенный список — не более чем проявление Соловьёвым желания поддержать Валерия. Отсутствие Лобановского сказалось на игре олимпийской сборной

негативным образом, ослабило её. Соловьёв практиковал схему 4—2—4, и на левом фланге атаки самой мощной выглядела связка Лобановский — Севидов. Оказавшиеся на позиции Лобановского Бурчалкин (два матча) и Фадеев сыграли с ГДР слабо.

Соловьёв видел в Лобановском одного из лидеров олимпийской команды. Под «псевдонимом» — как сборная динамовских клубов СССР — она на исходе 1963 года летала в турне по Южной Америке. «Из игроков, подтвердивших свою репутацию, — отмечал в еженедельнике «Футбол» сопровождавший команду в роли переводчика Лев Костянян, кадровый разведчик, знаток многих иностранных языков, безумно любивший футбол и много лет писавший о нём, — в первую очередь надо выделить А. Бибу, В. Маслова, С. Котрикадзе, В. Серебряникова и В. Лобановского». Лобановский забил в турне четыре гола, причём один из них — в ворота чемпиона Перу «Альянса» — непосредственно с углового удара, на второй минуте матча, что во многом предопределило уверенную (3:0) победу.

Маслов, убирая Лобановского из состава и делая тем самым первый — и самый, наверное, важный — шаг на пути к освобождению любимца киевской публики из «Динамо», руководствовался сугубо футбольными причинами. Их время от времени пытаются подменить историями-домыслами (одна нелепее другой) о произошедшем летом 1964 года событии, поразившем весь футбольный Киев.

Доводилось слышать, например, что Маслов расстался с Лобановским, поскольку нападающий категорически отказался участвовать в договорном матче. Об этом в «Книге о футбольных тактиках» поведал побывавший в Киеве и от кого-то это услышавший Джонатан Уилсон. «Другие, — ссылается он на неназванных «других», — полагают, что отношения между Масловым и Лобановским испортились во время игры в Москве против “Спартака”, 23 апреля 1964 года. Лобановский забил гол за “Динамо”, киевляне выигрывали 1:0, когда он был заменён — впервые за его карьеру — за 20 минут до конца матча. Затем “Спартак” сравнял счёт, и игра закончилась вничью, что привело к предположению: Маслов договорился об исходе матча заранее с тренером “Спартака” Никитой Симоняном, а Лобановский был заменён потому, что отказался содействовать их соглашению».

В вышеприведённом абзаце Уилсон нагромождает одну, мягко говоря, неточность на другую. 27 апреля в московском матче со «Спартаком» Лобановский голов не забивал. И выигрывали со счётом 1:0 не киевские динамовцы, а спартаковцы!

Удивительное дело, но в своих записках, озаглавленных «За кулисами футбола», неточно повествует о ходе игры спартаковцев с киевлянами и Арк. Галинский, на неточности этой выстраивая объяснение замене Лобановского Масловым, который, по мнению автора, «бесповоротно решил избавиться от фаворита киевских болельщиков». «Удобный случай, — пишет Галинский, — подвернулся 27 апреля 1964 года в Москве на матче со “Спартак”, когда киевляне вели со счётом 1:0. На 70-й минуте Маслов заменил Лобановского защитником Левченко. Цель замены была на первый взгляд логична — тренер укреплял оборону. Но рассуждать так могли только непосвящённые. В действительности присутствие Лобановского на поле, который, как правило, оттягивал на себя двух игроков противника, является большим гарантом удержания победного счёта (но ведь в той ситуации выигрывал «Спартак»! — А. Г.), нежели количественное увеличение защиты. И спартаковцы в конце концов сравнивали (? — А. Г.) счёт».

Лобановский, вопреки утверждению англичанина, был заменён в своей карьере не впервые. Да, его действительно меняли в киевском «Динамо» очень редко, но — меняли. И не из-за травм, коих у Лобановского, по счастью, не было, а по игровым соображениям. Замена, произведённая Масловым, — из этого ряда. В матче со «Спартак» у Лобановского не шли его коронные удары и совсем не ладилась игра. «С каждым матчем он играет всё хуже, — с сожалением констатировал на страницах еженедельника «Футбол» Валерий Короленков в комментарии о встрече киевлян со спартаковцами. — И не знаю, чем это объяснить».

Самое же поразительное, конечно, — суждение о том, что Маслов (!) договорился (!!) с Симоняном (!!!), а Лобановский был заменён, потому что «отказался содействовать их соглашению». Даже если допустить — теоретически, конечно, — реальность этой чуши, то возникает вопрос: о чём мог быть договор между тренерами? Что, Лобановский своим присутствием на поле мог помешать достижению ничейного результата? Наоборот, он мог только поспособствовать этому, забив, скажем, ответный гол (ведь «Динамо»-то проигрывало!). Но в том-то и фокус домыслов Уилсона и Галинского: они изначально, конструируя событие «под себя», придумали, будто это «Динамо» вело в счёте, а потому, дескать, Лобановский был заменён для того, чтобы он не забил ещё один киевский гол и не нарушил тем самым «договорённость» между тренерами (по Уилсону) или (по Галинскому) чтобы киевляне достигнутый перевес могли удержать.

Проверить, как протекал матч «Спартак» — «Динамо» (Киев), Уилсон

не стал, а поверил «вбросу» Галинского, поставившего всё с ног на голову. Попутно поверил англичанин и тому, кто наплёл ему о сговоре между Масловым и Симоняном, в котором якобы не пожелал участвовать Лобановский.

В Киеве Маслов проработал до 24 сентября 1970 года. Увольняли его безобразно (как и из «Торпедо» в начале 60-х годов, когда об отставке тренеру сообщила уборщица). Михаил Коман назвал это «самой позорной страницей в истории киевского “Динамо”». О принятом решении Маслову в Киеве не сказали. Когда команда отправилась на календарный матч в Москву с ЦСКА, в столицу откомандировали заместителя председателя Спорткомитета Украины Адриана Мизяка, курировавшего зимние виды спорта. В день игры Маслов сидел в своём номере гостиницы «Россия» вместе с входившим тогда в тренерский штаб Бибой, Михаилом Команом и врачом команды Сергеем Поповым. В дверь постучали. Какой-то незнакомый человек настойчиво попросил Маслова выйти на минутку в коридор. Там-то Мизяк и объявил Маслову об увольнении. В номер Маслов вернулся минут через десять. Оглядел всех и совершенно спокойно сказал Бибе: «Сходи-ка, Андрюша, в буфет и принеси коньячку, пару бутылок». После первой рюмки Маслов и сообщил им, что он уже больше не тренер «Динамо».

Установку на игру Маслов не проводил, на скамейке, естественно, не сидел, наблюдал за матчем с трибуны. После матча сел в автобус, отправлявшийся с командой в аэропорт Внуково, попрощался с футболистами и вышел из автобуса возле станции метро «Юго-Западная». Коман был поражён тем, что «такая глыба, как Маслов, может расплакаться на глазах других людей: я бы никогда не поверил, если бы сам не видел его слёзы».

Поостыв, Виктор Александрович сделал то, что исключительно редко делают тренеры, оказавшиеся в таком положении: пригласил к себе своего сменщика Александра Севидова и долго и обстоятельно рассказывал, на кого, с его точки зрения, Севидову следует опираться в работе, кто может подвести, подробно характеризовал каждого футболиста и работника команды.

Отдельно выделил игрока, которого на первых порах вроде бы «не заметил». «Там, Саша, в дубле мальчик есть один, — сказал Виктор Александрович Севидову, — игрок должен быть потрясающий. Я его не дёргал — рановато было, да и сейчас ещё время не совсем пришло. Ты тоже сразу не наседай, сбереги его для футбола. Блохин его фамилия...»

Глава 4

ЗАВЕРШЕНИЕ КАРЬЕРЫ ИГРОКА

Конфликт с Масловым и уход из «Динамо», после чего последовал вынужденный переезд сначала в Одессу, а затем в Донецк, — возможно, ключевой момент в футбольной жизни Лобановского, заставивший его совершенно иначе взглянуть на тренерскую профессию и в немалой степени подтолкнувший его к тренерству.

Вадим Николаевич Пашковский, у которого Лобановский защищал курсовой проект в Одесском политехническом институте, рассказывал, что Валерий в разговоре с ним о причинах ухода из киевского «Динамо» жёстко сказал: «Маслову нужно мясо, из которого он будет делать фарш».

Юрий Войнов, возглавлявший «Черноморец» и немедленно, как только узнал о том, что Валерий оказался ненужным «Динамо», позвавший его в команду, отмечал, что уже тогда «в нём проявился тренерский талант». Войнова привлекало то, что Лобановский «критически осмысливал события, происходившие в отечественном и мировом футболе».

Почему Войнов, один из самых ярких игроков советского футбола второй половины 50-х — начала 60-х годов, пригласил Лобановского? «Мне, выросшему в Ленинграде, — говорил он, — импонировали врождённая интеллигентность Лобановского, его ершистый характер, эрудиция и юмор. Когда он появился в киевском “Динамо”, моя футбольная карьера была на излёте. Однако восьмилетняя разница в возрасте не мешала нам поддерживать товарищеские отношения. В нём подкупали настойчивость и желание достичь поставленной цели. Он очень много читал — книги и периодику. Никогда не слышал от него нецензурных слов». Войнов считал, что Лобановский в то время играл превосходно, называл его чрезвычайно одарённым, своеобразным футболистом и говорил, что уход Валерия из Киева «не поддаётся никакой логике».

Лобановский и прежде не пропускал ни одной публикации о футболе в периодической печати. В «Черноморце» он вплотную занялся изучением всех доступных тогда книг и статей, подготовленных известными специалистами, советскими и зарубежными. В специально заведённой папке он хранил вырезки из еженедельника «Футбол» — в частности, публикации Альфа Рамсея и Отто Глория, серию статей Виктора

Александровича Маслова о чемпионате мира, «разбитую» на четыре номера в конце 1966 года под общим заголовком «Мы говорим: “Современный футбол”». Именно тогда Лобановским были сделаны первые пометки в книге Бориса Андреевича Аркадьева «Тактика футбольной игры», раздобытой с огромным трудом и зачитанной потом, как говорится, до дыр.

Олег Базилевич, по воле Маслова тоже оказавшийся вне «Динамо» и тоже затем перебравшийся в «Черноморец», вспоминает, какие бурные диспуты они устраивали с Лобановским в Одессе после чемпионата мира 1966 года в Англии. Это был первый чемпионат, полностью показанный советским телевидением. «Мы, — рассказывает Базилевич, — вместе анализировали игру лучших на тот момент команд — Англии, Германии, Португалии, — сравнивали её с игрой, продемонстрированной сборной СССР». Друзья задавались вопросом: почему наша команда, не уступая в подборе исполнителей ни немцам, ни португальцам, тем не менее им проиграла?

В Одессу Лобановского пригласил Юрий Войнов. Маслов предлагал Войнову остаться в «Динамо» и помогать в роли селекционера, но руководители украинской футбольной федерации попросили выдающегося полузащитника киевского клуба и сборной СССР возглавить одесскую команду. Хорошо зная и Лобановского, и Базилевича, Войнов не стал им предъявлять по части физической подготовки такие же требования, как к остальным игрокам. «Я, — рассказывал он, — прекрасно понимал, что они способны готовиться к матчам самостоятельно. И моих ожиданий они ни разу не обманули».

На загородной базе «Черноморца» к Лобановскому поселили Валерия Поркуяна, которого новый лидер одесской команды взял под свою опеку. Поркуян, как он сам говорит, брал с Лобановского пример. Как и тот, не жалел себя ни в матчах, ни на тренировках.

Историк спорта Аксель Вартанян особо отмечает контрольную встречу «Черноморца» с алма-атинским «Кайратом», проходившую в преддверии сезона-65. В центре этой товарищеской по статусу игры оказался Валерий Лобановский. Вот что пишет о конфликте с его участием В. Рыкунов, автор заметки в «Советском спорте» «Пять удалений с поля» (его цитирует Вартанян):

«Защитник “Кайрата” Федотов, решив приостановить атаки Лобановского... грубо его снёс. В результате игроки обменялись бранными репликами. Вскоре уже Лобановский грубо сыграл с форвардом “Кайрата” Рожковым, который в ответ ударил по ногам своего обидчика. Судья

приостановил игру и попросил обоих нарушителей удалиться с поля. После долгих препирательств Лобановский и Рожков покинули его».

За годы игроцкой карьеры арбитры шесть раз заносили в протокол фамилию Лобановского в разделе «предупреждения». Первый — в Киеве — датирован 31 мая 1961 года. В матче с ереванским «Спартакoм» московский судья Сергей Алимoв записал: «За обоюдное неспортивное поведение».

Потом было: «Систематически разводил руками, разжигая страсти на трибунах, и [за] симуляцию падения в штрафной площади и апелляцию к трибунам». Авторство сей записи принадлежит ленинградскому рефери Александру Алову. Ему же — «За апелляцию к зрителям на решение арбитра». Два следующих предупреждения — «За симуляцию повреждения» (москвич Сергей Архипов) и «За попытку ударить соперника» (ещё один москвич, Николай Хлопонин). Все пять, когда Лобановский играл за киевское «Динамо». В «Черноморце» он был предупреждён лишь однажды, ленинградцем Юрием Якобсоном «за нетактичное поведение по отношению к судье», а в «Шахтёре» ни разу.

Претензии к судьям у Лобановского возникали регулярно; они к тому давали повод, но, играя, например, за «Шахтёр», Лобановский никогда не переводил их в плоскость «разборок», а мог лишь, пристроившись в шаг к бежавшему от эпизода арбитру, будто бы ненароком поинтересоваться: «А что, сейчас за это не свистят? Правила изменились?» — и, не дожидаясь ответа, бежал дальше.

В фокусе внимания одесских болельщиков в день старта нового чемпионата страны, 15 апреля 1965 года, оказался Тбилиси, где «Черноморец» играл с местным «Динамо». Чемпион прошлого года против дебютанта лиги. Чемпион вырвал победу минут за десять до конца и не без труда заработал первые два очка.

«В начале второго тайма, — вспоминал вратарь одесситов Георгий Городенко в беседе с журналистом Михаилом Спиваковским, — после голов Толи Коршунова и Валеры Лобановского мы повели 2:1, но ещё в конце первой половины встречи арбитр назначил “пендель” в наши ворота. Бить подошёл сам Слава Метревели, и со стороны это выглядит как восхождение палача на эшафот. Мне, соответственно, в этом спектакле отводится роль жертвы. И тут происходит следующее: ко мне подходит Лобан и говорит: “Я сейчас покажу большим пальцем правой руки угол, в который якобы будет бить Метревели, а ты уже посмотри и скумекай, заметил он этот жест или нет, а потом определись, куда будешь прыгать”. Я говорю Валерию: “Хорошо!” — и начинаю думать, увидел Слава

спецсигнал или нет. А про себя думаю, что вообще-то обычно пенальтисты волею-неволею всегда бросают взгляд в сторону угла, в который будут бить. И, как мне показалось, Метревели посмотрел в угол, противоположный тому, что показал Лобановский. Слава разбегается, я угадываю направление удара, мяч летит далеко не в самую “шестёрку”, и я ловлю его! Что вам сказать, стадион застыл в гробовой тишине».

26 июня 1965 года игра с киевлянами в Одессе. Динамовцы устроили откровенную охоту на Лобановского. Турянчик, Левченко и Медвидь сбивали с ног левофлангового одесситов одиннадцать раз! Судья исправно фиксировал нарушения и увещевал «мстителей», укоризненно похлопывал их по плечу. Видя беспомощность арбитра, навести порядок взялись товарищи Лобановского. После коротких рукопашных схваток матч оказался на грани срыва. Тут бы арбитру употребить власть. Но литовский рефери Кестутис Андзюлис и в такой экстремальной ситуации, чреватой массовыми беспорядками, продолжил миротворческую деятельность. Ада, на том матче побывавшая, рассказывала мне, что у неё осталось полное ощущение: динамовцы были настроены вывести Валерия из игры. Проигрывая 0:2, «Черноморец» отыгрался. Лобановский свой гол забил: на тот момент, к началу июля, он с семью мячами возглавил бомбардирскую гонку.

Лобановскому стало полегче, когда в «Черноморец» перебрались Базилевич и Каневский, но всё равно игра его подвергалась постоянной критике — за проявления чрезмерного индивидуализма на поле. Проведя в Одессе ещё и следующий сезон 1966 года и забив в 35 матчах чемпионата СССР и розыгрыша Кубка 11 мячей (всего в составе «Черноморца» — 63 игры, 21 гол), Лобановский уехал.

К тому времени до Донецка дошли слухи о том, что в «Черноморце» у Лобановского с Базилевичем дела не очень-то ладятся. Футбольный мирок тесен. Один из помощников Олега Ошенкова прознал об этом, рассказал Олегу Александровичу, а тот сообщил партийному куратору «Шахтёра» Николаю Васильевичу Каледину, заведовавшему в Донецком обкоме КПСС одним из ключевых отделов — административных органов, о желании видеть обоих футболистов в своей команде. Их пригласили на беседу. «Оба сразу понравились, — вспоминает Николай Каледин. — “Знак качества” игры обоих сомнениям не подвергался. Современный, с некоторым налётом сарказма Базилевич и вдумчивый, серьёзный Лобановский». Каледин говорит, что так и «не привык их разделять: вошли в мою жизнь вдвоём, вдвоём и остались».

Во время беседы с Лобановским и Базилевичем обговорили

финансовые условия — контрактов тогда не было и в помине. Профессии «футболист» в стране не существовало. Все были «любителями». Донецкие «любители» числились на производстве. Все об этом были прекрасно осведомлены. Время от времени приезжали проверяющие, наказывали формально какого-нибудь «стрелочника», и всё продолжало двигаться своим чередом. Игроки «Шахтёра» числились на средних должностях на шахтах, например крепильщиками, но никогда — забойщиками или проходчиками. На такую вспомогательную позицию оформили и Лобановского с Базилевичем.

Лобановский был прикреплен к «Макеевуглю». Сразу после того, как он первый раз отправился туда за зарплатой, произошёл такой эпизод. В кабинете управляющего трестом раздался звонок директора шахты. «В нашу кассу, — докладывал он, — пришёл парень, просит выдать зарплату. “Я, — говорит, — Лобановский”. Кассир ему: “Ну и что?” Парень настаивает: “Я, мол, должен получить зарплату”. Кассир: “На каком участке работаешь?” Молчит. Что делать?» — «Немедленно выдать! — приказал управляющий. — Это же игрок “Шахтёра”».

Разбирая дома старые бумаги, Каледин нашёл в них несколько ведомостей. Типа: «За победу над чемпионом СССР командой “Динамо” (Киев) премировать...» И перечень, начиная с О. А. Ошенкова, — по 95 рублей. «Сейчас, — говорит Каледин, — показать кому, скажут: “Вот нищета была!”».

С первых дней новички «Шахтёра» принялись «пахать» до изнеможения, подавая пример партнёрам (а среди них были такие старожилы донецкого клуба, как Владимир Сальков и Виктор Носов — будущие известные тренеры). Надо сказать, в коллективе их приняли доброжелательно. Лобановский с Базилевичем после напряжённой работы в общей группе оставались на поле отрабатывать свои «коронные номера»: финты, удары по воротам. Потом — вдвоём — подачу угловых. Местные мальчишки становились в очередь носить Лобановскому мячи к углу поля. Синхронными действиями, все об этом помнили, игроки знатно отметились ещё в киевском «Динамо».

Донецкие тренеры пытались загонять их на базу, но тщетно. Уходили с поля только после захода солнца и отключения электричества. Когда снимали бутсы, из-под ногтей сочилась кровь. Во время дополнительных тренировок Лобановский и Базилевич обращались друг к другу по отчеству: «Васильич», «Петрович».

Летописец «Шахтёра» Марк Левицкий написал, что «Лобановский и Базилевич появились в “Шахтёре” 15 июня 1967 года в матче против

кутаисского «Торпедо», и оба забили по мячу». Это не так. Марк Юрьевич запамятовал, а проверять, понадеявшись на внутренний «компьютер», не стал. Лобановский дебютировал в «Шахтёре» 2 апреля 1967 года в домашнем матче против «Зенита» (2:0), а первый гол в составе донецкой команды забил в следующей встрече, тоже состоявшейся в Донецке, в ворота минского «Динамо» (хозяева, увы, проиграли: 1:4). До упомянутой Левицким игры с кутаисцами в гостях Лобановский провёл за «Шахтёр» восемь матчей в чемпионате СССР и один в розыгрыше Кубка и забил три гола. Всего же в первый свой сезон в Донецке Лобановский с Базилевичем и «примкнувший к ним» Анатолий Пилипчук забили больше половины шахтеровских мячей: 23 из 43 — 9 Лобановский, по 7 Базилевич и Пилипчук.

Появившись в «Шахтёре» ранней весной 1967 года, Лобановский не стал с первых же дней высказывать Олегу Александровичу свои соображения по организации игры в том или ином матче. 28-летний футболист старался (поначалу — для себя) детализировать действия увиденных им на южных сборах соперников и применительно к каждому предлагать в игре что-то своё, пусть даже и не отретпетированное на тактических тренировках.

23 июня 1967 года «Шахтёр» играл в Тбилиси с местным «Динамо». С командой в столицу Грузии полетел Каледин. Не потому, что отвечал в обкоме за спорт и обязан был находиться рядом с командой не только на домашних матчах, но и на выездных, а по поручению первого секретаря областного партийного комитета Владимира Ивановича Дегтярёва. Дегтярёв, собственно, просил Каледина слетать в Тбилиси несколькими неделями раньше — с двумя просьбами к тогдашнему партийному руководителю Грузии Василию Павловичу Мжаванадзе, но Каледин сумел подгадать поездку к матчу.

Просьбы же, как рассказывал спустя годы Николай Васильевич, были такими: «Мы возводим в Донецке памятник Ленину, и не хватило гранита — гранит надо было достать! Кроме того, приближался День шахтёра, а область исчерпала лимит на спиртное. Дегтярёв через меня просил Мжаванадзе выручить».

Вот к Каледину перед вылетом из Донецка и обратился Лобановский: «Николай Васильевич, если мы в центр обороны в помощь двум центральным защитникам не отрядим третьего, грузины нас разорвут». Каледин подошёл к летевшему с ними председателю областной Федерации футбола Евгению Акимовичу Лопухину, крупнейшему, по его оценке, «организатору угольной промышленности»: «Что делать? Лобановский

предлагает разумный вариант для игры в Тбилиси, но к Ошенкову сам идти не хочет». Каледин с Лопухиным разработали метод подхода к Олегу Александровичу. Первым в самолёте к тренеру подошёл Лопухин, завёл беседу о тактике на матч. И, будто бы невзначай, сказал: «А что, если попробовать трёх центральных защитников?» Ошенков ему: «Вы что, издеваетесь?» «Спустя какое-то время, — вспоминал Каледин, — к Ошенкову подсел я: “Евгений Акимович говорит, что у вас есть идея насытить игроками оборону? По-моему, очень интересная мысль”. Ошенков возмущённо ответил, что это не он говорил о трёх защитниках в центре обороны, а как раз Лопухин. Однако на следующий день по дороге на разминку сообщил: “Я подумал. Наверное, есть смысл сыграть защитный вариант. Брошу вперёд Базилевича с Лобановским, а остальные будут отбиваться”».

Предложение Лобановского, о чём Ошенков, понятно, не догадывался, сработало. Матч складывался непросто. Тбилисцы открыли счёт в первом тайме, продолжали наседавать, «Шахтёр» успешно оборонялся. За четыре минуты до конца встречи Лобановский подал угловой и — 1:1. Если верить справочникам, ответный гол забил Александр Григорьев, но у Каледина в памяти остался Базилевич. А на 89-й минуте тбилисцы сбили возле своей штрафной площадки Лобановского. «Надо сказать, — рассказывал Каледин, — Валерий Васильевич падал исключительно красиво. Он выпрямлялся во весь рост и буквально плашмя летел на газон. Был при этом весьма убедителен! Любой судья давал свисток».

Если в Тбилиси за минуту до завершения матча арбитр назначил штрафной в опасной близости от динамовских ворот, значит, нарушение правил было 300-процентным.

Пробивать штрафной Лобановский решил сам. Отошёл от мяча шагов на пять. Стадион неистовствовал. Лобановский остановился, взглянул в сторону трибун и отошёл ещё на несколько метров. Публика совсем сошла с ума: свист, крики, коллективная жестикуляция. Хладнокровие Лобановского в такой ситуации поражало. Он разбежался и мощным ударом вколотил победный гол.

История с волевой победой в Тбилиси и превосходно забитым голом Лобановского имела весёлое продолжение. Поручение Дегтярёва Каледин выполнил за день до игры. Калединский тест воевал вместе с одним из помощников Мжаванадзе Лазарем Андреевичем Пирадовым. Тест позвонил Пирадову и попросил устроить Каледину встречу с Мжаванадзе. «Ведут меня через приёмную, — вспоминал Каледин. — Там все члены бюро ЦК Компартии Грузии собрались, удивляются, что какого-то русского

проводят в кабинет без секунды ожидания. Первый секретарь тепло меня встретил, я ему изложил проблему: “Догулялись, на День шахтёра водки нет. И гранит закончился”. Он хохочет: “Что, не знаете, гранита в Грузии нет. Мы пользуемся армянским”. Однако же подписал бумагу, чтобы в счёт их лимитов отправить в Донецк гранит. И по водке приказал полугодовой лимит выдать».

Попутно Мжаванадзе распорядился устроить для донецкой делегации приём после матча. Сам он в последний момент посетить его из-за неотложных дел не смог. Каледин взял с собой нескольких человек, в том числе Лобановского. Представляя тех, кто с ним пришёл, назвал Лобановского, не упоминая фамилии, «специалистом по холодильным установкам» (в дипломе у Валерия Васильевича: «инженерпромтеплоэнергетик»). А когда настала пора Лобановскому — в порядке очереди — произносить тост, представил уже по-другому, полностью: «капитан “Шахтёра” Лобановский». Воцарилась гробовая тишина, в которой вдруг — бабах! — официант уронил поднос. «Лобановский, — рассказывал Каледин, — спокойно, очень хорошо сказал о дружеских отношениях с тбилисскими динамовцами, шок прошёл, ледок растаял. И здесь Васильич оказался на высоте».

Спустя полтора месяца после матча в Тбилиси Лобановский решил высказать свои соображения относительно игрового построения на ближайший матч Ошенкову лично, без посредников (стоит заметить, Олег Александрович на этот раз сам к нему обратился). В Донецк приехало киевское «Динамо». Матчи против своей бывшей, но по-прежнему родной команды — он был плоть от плоти динамовцем — становились для Лобановского принципиальными, значимыми, отличались от других. Тем более что «Динамо» тренировал Виктор Маслов, превративший команду в безоговорочного лидера советского футбола. Весной «Шахтёр» в Киеве проиграл «Динамо» вчистую — 0:3. На 7 августа был назначен в Донецке матч второго круга. Лобановский предложил сфокусировать в середине поля все усилия на полной нейтрализации тех динамовских полузащитников, которые вели динамовскую игру, — Йожефа Сабо и Владимира Мунтяна, и оставить свободным ещё одного киевского хавбека, Фёдора Медвидя. Медвидь не обладал организаторскими способностями, присущими его более техничному и гораздо основательнее тактически оснащённым партнёрам, и не был в состоянии вести ту игру, к какой динамовцы при Маслове привыкли.

«Пусть делает, что хочет, — убеждал Лобановский (по свидетельству Аркадия Галинского) Ошенкова, рассказывая ему о том, как, по его

мнению, следует действовать против Медвидя. — Важно, что этот вариант у «Динамо» абсолютно не наигран. А наше нападение тем временем доставит киевской защите уйму хлопот».

Олег Базилевич помнит эту историю так: «Мы с Валерием выдвинули предложение: при потере мяча игроки «Шахтёра» немедленно переходят к плотной персональной опеке полузащитников динамовцев, что позволял сделать уровень функциональной готовности нашей команды. Олег Александрович это предложение принял, и оно сработало».

Всё примерно то же самое, что у Галинского. Кроме одного: не Валерий предложил, а «мы с Валерием». Сути, впрочем, это не меняет. Лобановский и Базилевич прекрасно были знакомы со всеми методами ведения игры масловским «Динамо». Им было известно, что Маслов старается избегать кардинальных изменений определённого им на конкретную игру тактического варианта, на перемены идёт неохотно, на действия соперника обычно не реагирует, играет «от себя». Не привыкшие к жёсткой борьбе за мяч в условиях плотного скопления игроков в середине поля киевляне принялись играть чересчур резко. Медвидь несколько раз «обрезал» партнёров в центре поля, и донецкая атакующая пружина, как и предсказывал Лобановский, угрожающе выпрямлялась.

Незадолго до перерыва произошёл неприятный инцидент, в какой-то степени смазавший впечатление от матча. Сабо в простейшем, казалось, эпизоде исключительно грубо сыграл против Лобановского, который чудом избежал травмы. Футболисты «Шахтёра» за Лобановского вступились, на грубость ответили грубостью. Игра остановилась, на поле выбежали даже Ошенков и Маслов. Харьковский арбитр Филипп Тюриков не отважился удалить с поля киевских зачинщиков инцидента — в Киеве потом пришлось бы держать ответ перед спортивным и партийным начальством. Разгоревшиеся страсти остудил гол-шедевр Базилевича после углового — такого же шедевра в исполнении Лобановского. Так был открыт счёт. Базилевич забил и второй гол, когда Лобановский с партнёрами поймал киевлян на контратаке. Базилевич на огромной скорости домчался до штрафной, ловко обманул Островского и точно пробил — мяч от штанги юркнул в ворота Банникова. В итоге: 2:1 в пользу «Шахтёра».

Игра с киевским «Динамо» обоим будущим тренерам запомнилась. Базилевич считает, что «она показала: мы с Лобановским уже можем самостоятельно генерировать продуктивный тренерский замысел». Киевский журналист Валерий Мирский назвал тот матч «днём рождения отечественных футбольных полководцев новой формации». Скорее это был день зарождения прогремевшего спустя несколько лет тренерского тандема.

В составе «Шахтёра» Лобановский провёл немало великолепных матчей, забив 14 мячей в 50 встречах, но игра с киевским «Динамо» считается в его донецкой карьере лучшей. Марк Левицкий вообще полагает, что Лобановский-игрок в полной мере проявил себя именно в донецкой команде. В «Динамо» он был классическим левым крайним с ограниченной зоной действий, в «Шахтёре» — хозяином игры. Ошенков позволял Валерию на поле творить, его амплуа свидетельствовало о роли «свободного художника», тренером поощрявшейся. «На поле он, — говорил Левицкий, — рисовал картину яркими мазками и делал это с превеликим удовольствием». Как всегда, Лобановский был замечен на поле, но, в отличие от прошлых игроцких лет, старался избавляться от проявлений индивидуализма, получал удовольствие от подыгрыша, стал явным поборником коллективного футбола. Базилевич вообще считает, что Лобановский в Донецке играл в манере будущего Кройфа, снабжая партнёров голевыми передачами и успевая угрожать воротам соперника.

Популярность у Лобановского в Донецке была невероятная. Однажды «Шахтёр» встречался с московским «Динамо». Лобановский из-за травмы принять участие в игре не мог, но на стадион приехал и сел в «гражданской одежде» не на трибуну, а на скамейку запасных. Зрители, увидев копну его светлых волос, принялись во время матча требовать его появления на поле. Скандировали не менее получаса, не переставая, — до тех пор, пока Олег Александрович не попросил диктора по стадиону объявить: «Лобановский не играет по причине травмы».

«В Донбассе, — писал Марк Левицкий в книге «С “Шахтёром” навсегда!», — о Лобановском осталась добрая память и как об игроке, и как о тренере соперника, и как о личности, возвысившейся над своими современниками».

Левицкий жил неподалёку от Ошенкова. Однажды они встретились утром на улице, и тренер, оглядевшись по сторонам, полушёпотом сказал Левицкому: «Вы знаете, Лобановский и Базилевич слушают Би-би-си». Левицкий, с этого же начинавший каждый новый день, воскликнул: «Не может быть! Какой ужас!» «И смотрю при этом, — рассказывал Марк, — в глаза Олегу Александровичу: серьёзно он всё это или шутит?»

А через год Лобановский решил завершить карьеру футболиста. Будучи капитаном команды, глядя уже на многое с «масловской колокольни», он не мог играть в футбол, который культивировал донецкий клуб, разошёлся во взглядах с тренером Ошенковым.

В «Советском спорте» 28 июля 1968 года появилась заметка «Футболист уходит...». Автор, журналист Валерий Березовский,

симпатизировавший и Ошенкову, и Лобановскому, признал, что оба они одинаково любят своё дело, одинаково болезненно переживают неудачи, но каждый из них понимает футбол по-своему и каждый свою точку зрения считает единственной. Заметка сопровождалась монологами:

Лобановский: «Я не удовлетворён положением дел в команде. Играть так, как мы играем, дальше нельзя. Мне претит антифутбол. А то, во что мы играем, и называется антифутболом. Не в узком — в широком смысле слова. Потому что рассчитывать на удачу, на случай в современном футболе нельзя. Надо найти чёткий водораздел между атакой и обороной, ничем не пренебрегая. Надо создавать ансамбль, коллектив единомышленников, подчинённых одной игровой идее. Я давно твержу, пусть кому-то обидно будет это слышать, что в нашей команде неправильный подбор игроков.

И ещё: футболиста надо уважать. Нельзя требовать, чтобы человек улыбался, когда ему плохо, чтобы больной человек делал вид, будто он здоров. Я больше не хочу пытаться счастья в других командах — я больше не играю...»

Ошенков: «Надо уметь довольствоваться тем, что есть. Надо заставить себя наступить на горло собственной песне ради интересов коллектива, ставшего тебе родным. Мы играем в такой футбол, какой есть и в который мы можем играть. Я тоже был бы рад иметь в своей команде “всех звёзд мира...” Надо подавать пример молодым, а не заражать их своим настроением. Надо быть бойцом...»

Березовский признавался в разговоре со мной, что столкнулся тогда Лобановского и Ошенкова лоб в лоб «не без провокационного умысла»: Валерию Макаровичу хотелось начать серьёзный разговор о взаимоотношениях внутри коллектива, между игроками и тренером. Цели журналист добился: небольшая заметка вызвала лавину споров и самых разнообразных откликов. Споры вертелись вокруг двух основных точек: что такое команда — творческий коллектив или армейское подразделение и должно ли быть единоначалие или каждый себе голова? Сам Березовский выступал за «творческий коллектив». «Я, — говорил он, — вправе высказать свою собственную точку зрения, но с законной радостью должен подчеркнуть, что она нашла понимание у таких тренерских авторитетов, как Николай Петрович Старостин, Константин Иванович Бесков, в какой-то степени у Никиты Павловича Симоняна. Объективности ради скажу, что свои сомнения и даже возражения высказывали Михаил Иосифович Якушин, Евгений Иванович Горянский...» Забавно видеть среди тех, кто не за единоначалие, а за «вече», одного из самых авторитарных тренеров отечественного футбола Константина Ивановича Бескова, не терпевшего

малейших возражений со стороны игроков и весьма жёстко обходившегося с теми, кто осмеливался ему возражать.

«Ошенков требовал полного подчинения, — вспоминает Каледин. — Валерка тоже не всегда правильно поступал, считал своё мнение единственно правильным. Они ссорились». Рассказывают, что однажды во время теоретического занятия в «Шахтёре» Лобановский вдруг встал и пошёл к выходу из зала. Олег Александрович в ужасе: «Валера, ты куда?!» — «Надоело. Одно и то же. Сколько можно это слушать?» — ответил Лобановский. 14 июля 1968 года Лобановский сыграл в составе «Шахтёра» свой последний матч — ставший вообще последним в его карьере футболиста — в Москве против «Динамо» (0:2). Я наблюдал за этим матчем с трибуны и могу засвидетельствовать: Лобановский отдавался игре, как всегда, полностью, и представить себе было невозможно, что на поле он никогда больше не выйдет.

В программке к матчу ЦСКА — «Шахтёр» 18 июля 1967 года Лобановский всё ещё фигурировал как капитан донецкой команды, но во встрече участия не принимал. В интервью с Олегом Ошенковым, опубликованном в той же программке (а они, как известно, готовятся заранее: текст был отправлен в типографию 17 июля), донецкий тренер, отвечая на вопрос о лучших игроках «Шахтёра», сказал: «В “Шахтёре” подобрались игроки примерно равного уровня, где опыт ветеранов (Головкин, Базилевич, Лобановский) удачно сочетается с задором молодых (Губич, Зима, Евсеенко)».

Уход Лобановского — ЧП огромного масштаба! Моментально всё стало известно находившемуся по делам в Москве первому секретарю обкома: Ошенков сообщил о случившемся помощнику секретаря. Дегтярёв, не пропускавший ни одного матча и всегда команду поддерживавший, встал на сторону тренера. Главный редактор местной газеты «Социалистический Донбасс» Игнат Захарович Доманов, член бюро обкома по должности, после звонка Дегтярёва вызвал вечером к себе в кабинет журналиста Марка Левицкого, отвечавшего в издании (пусть и в статусе внештатника) за спортивный раздел: «Откладывай в сторону все дела и немедленно делай материал против Лобановского: звёздная болезнь, нарушение дисциплины и всё такое». Смелости Левицкого, члена партии и, конечно же, изрядно рисковавшего, можно только поаплодировать. По его словам, он отказался: «Два дня назад в отчёте о матче я расхваливал игру Лобановского и Базилевича. А теперь стану критиковать?» Ещё несколько журналистов отказались писать материал под диктовку обкома. Этот демарш сошёл им с рук.

Статью о «звёздной болезни» Лобановского поручили написать Юрию Исааковичу Шварцу, члену президиума Донецкого облспортсоюза. Он с заданием справился.

«К сожалению, — писал, в частности, Шварц в материале «Конец “звёздной болезни”», опубликованном в «Социалистическом Донбассе» 27 июля 1968 года, — в последнее время в команде появилась ржавчина, которая разъедала коллектив. Имя ей — В. Лобановский. Любители футбола знают его как игрока, мастерски владеющего дриблингом и подачей кручёных мячей. Но мало кому было известно, что это закоренелый индивидуалист, противопоставляющий себя всему коллективу. С приходом в команду В. Лобановскому были предоставлены все условия для творческого роста. Однако он неправильно понял доброе к нему отношение. Зазнайство, тщеславие, пренебрежительное отношение к своим товарищам изнутри подрывали коллектив, расшатывали в нём моральные устои. Успехи “Шахтёра”, а их было не так уж много, Лобановский относил только на свой счёт, а в неудачах, как правило, винил всю команду, только не себя.

Все попытки руководства “Шахтёра” образумить этого мастера футбола, требование подчинить его действия и поведение интересам коллектива, выполнению стоящих перед ним задач и, что самое главное, изменить своё надменное, пренебрежительное отношение к товарищам, особенно молодым, — наталкивались на непреодолимый барьер. “Звёздная болезнь”, которой страдал и раньше этот именитый футболист, в полной мере дала о себе знать в последних матчах, проведённых командой в Москве, и закончилась неприкрытым саботажем с его стороны.

Так больше продолжаться не могло. На общем собрании команда единодушно приняла решение отчислить Лобановского из своего коллектива за систематическое нарушение игровой дисциплины, противопоставление интересам команды, неблагоприятное, пренебрежительное отношение к товарищам и прямой саботаж, выразившийся в отказе играть в отдельных матчах».

Знаменитый незрячий массажист Владимир Ткаченко, проработавший в «Шахтёре» без малого полвека, рассказывал о продолжавшемся почти три часа собрании, после которого пути-дороги донецкого клуба и Лобановского разошлись. Ошенков пожаловался тогда приехавшему на собрание Дегтярёву на футболиста, сказав, что тот «оспаривает тренерские решения, требует к себе повышенного внимания, сколачивает группировки, плохо себя ведёт». Ошенков предложил первому секретарю обкома КПСС узнать мнение игроков: правда ли, что Лобановский мешает ему, тренеру,

работать?

«За» Лобановского не выступил никто. Ткаченко назвал это «предательством». Мог бы, наверное, выступить Базилевич, но его на том собрании не было. У Базилевича сохранилось в памяти, что и его, и Лобановского на собрание вообще «забыли пригласить», но обвинили в «отрыве от коллектива» и прочих «стандартных вещах». Но не пригласить — не могли, и Лобановский на собрании, конечно, присутствовал и, как мог, отбивался.

Дегтярёв встал на сторону тренера. Услышав от Ошенкова, что с Лобановским невозможно работать, он поначалу пытался ситуацию сгладить. «У Дегтярёва, — рассказывает Каледин, — была своеобразная манера изъясняться, несколько грубоватая. Это не означало, что он хотел кого-то обидеть. Тот, кто с ним долго работал, всё мог определить по интонации. Лобановский же был человек непривычный. Он высказал заодно и Дегтярёву». После этого первый секретарь обкома дал Ошенкову свободу действий в отношении Лобановского.

У Базилевича своя версия произошедшего. «Там была обычная футбольная интрига, — говорит он, — и разрешилась она не в нашу пользу. Ошенков то ли приревновал нас, то ли почувствовал возможную конкуренцию по части тренерства. Мы начали высказывать своё мнение руководству команды. Кому это понравится?»

Лобановскому, а заодно и Базилевичу, пришлось уйти. Футболистам, разбредшимся после собрания по комнатам, было не по себе. Лобановский собрал вещи и перед тем, как сесть в машину и уехать с тренировочной базы, с сумкой на плече зашёл к каждому. По воспоминаниям Ткаченко, «поблагодарил, пожал руку, пожелал удачи и попрощался. И это несмотря на то, что его никто не поддержал!». Ничего удивительного в отсутствии поддержки на собрании не было. Лобановский уходил, а они оставались, и поддержка Лобановского могла негативно сказаться на их карьере.

Владимира Ткаченко поражало, как Лобановский, тщательно следивший за своей спортивной формой и каждый вечер накануне матча ровно в 22.30 приходивший в массажный кабинет, относился к нему, обычному массажисту. Они часто вместе парились. «Даже в выходной, — вспоминал Ткаченко, — он заезжал за мной на машине, и мы отправлялись на базу в сауну». Валерий с Адой несколько раз приходил к Ткаченко домой — поздравить с какой-нибудь датой или с праздником. Жена открывала дверь. Ткаченко выходил, брал Лобановского за руку: «Валерчик, заходите».

Однажды, уже много лет спустя, «Шахтёр» летел в Тбилиси из Адлера.

Вдруг появились киевские динамовцы, улетающие из Адлера в Кутаиси. Лобановский, возглавлявший в ту пору и «Динамо», и сборную страны, подошёл к Ткаченко: «Володя, здравствуй!» — и они обнялись.

Лобановский приглашал Ткаченко на работу в киевское «Динамо», присылал за ним врача и администратора, но Ткаченко, как он сам говорил, «не рискнул уехать из Донецка».

Известный вратарь сборной СССР Юрий Дегтярёв (однофамилец партийного секретаря), дебютировавший в «Шахтёре» при Лобановском, считает, что тот «фактически был играющим тренером, давал советы Ошенкову, как поступать в той или иной ситуации, и Ошенкову это, конечно, не нравилось». Именно Лобановский вместе с Базилевичем — это к вопросу о «пренебрежительном отношении» к молодым игрокам — обратились к Ошенкову с предложением дать шанс девятнадцатилетнему талантливому парню, и дублёр, дважды побеждавший в юношеском чемпионате континента и выигравший с резервной донецкой командой малые золотые медали, сыграл 20 ноября 1967 года в Донецке против ЦСКА полный матч (2:1, оба гола забил Лобановский). «Никакого величия, — вспоминает Юрий Дегтярёв, — Лобановский не проявлял. Со всеми у него были ровные товарищеские отношения».

Валерий Яремченко, будущий тренер, только-только тогда появился в «Шахтёре». Он вспоминает, как поддерживал его, молодого игрока, Лобановский. «Находясь на поле рядом с ним, я обретал уверенность», — говорит Яремченко. Он утверждает, что уже тогда он и его партнёры по донецкому клубу «понимали, что на наших глазах растёт будущий большой тренер». Донецких игроков поражало, что у Лобановского всегда было своё мнение по футбольным делам, и мнение это он не стеснялся высказывать в присутствии не только Ошенкова, авторитет которого считался непререкаемым, но и «большого начальства».

...«Социалистический Донбасс» на сутки опередил публикацию в «Советском спорте», в которой Лобановский заявил о том, что уходит сам. За донецкой статьёй последовало отчисление и Базилевича, о котором в продиктованном обкомом материале не было ни слова. Спустя несколько недель в Донецке отправили в отставку Ошенкова.

Остаётся только догадываться, как поступил бы Лобановский-тренер с Лобановским-игроком в том случае, если бы игрок усомнился при всей команде в правильности проведения теоретического занятия и демонстративно ушёл с него. Соловьёв, Маслов, Ошенков укрепили Лобановского в простой мысли: тренерская правота всегда выше правоты игроцкой. И своих футболистов потом Лобановский учил тому же.

«Обо мне сложилось тогда такое примерно мнение: игрок неплохой, но скандалист...» — говорил мне Лобановский. Из киевского «Динамо» после конфликта с Масловым попросили, из «Шахтёра», не сработавшись с Ошенковым, сам ушёл. Случались ещё споры с Соловьёвым по позиции на поле, попытки объяснить тренеру сборной СССР Гавриилу Дмитриевичу Качалину, какой должна быть тактика — «только классическая, понятная». Когда же у Лобановского, тренировавшего «Днепр», поинтересовались насчёт «классической тактики», он ответил: «Не понимаю, о чём вы говорите».

Публично говоря о том, что «тренерская правота Маслова оказалась намного выше моей правоты игрока», Лобановский вполне мог пополнить список тренеров с правотой повыше, нежели у него, добавив к Виктору Александровичу Соловьёва, Качалина (пусть и очень мало он с ним в общей сложности работал) и Ошенкова.

Владимир Ткаченко рассказывал, как через несколько лет после того памятного собрания в «Шахтёре» он повстречался в Симферополе с прилетевшим на кубковый матч донецкого клуба с местной командой Ошенковым — в ту пору руководителем отдела футбола в украинском Спорткомитете. Олег Александрович зашёл к Ткаченко в гостиничный номер, попросил сделать массаж. Потом посидели, поговорили, и Ошенков сказал: «Несмотря на то что у меня с Лобановским были сложные отношения, я его очень уважаю и ставлю как тренера на первое место в СССР. У него большое будущее».

Глава 5

САМЫЙ МОЛОДОЙ ТРЕНЕР

По датам всё выглядело так: 14 июля 1968 года «Шахтёр» с Лобановским в составе провёл матч чемпионата страны в Москве с «Динамо», 18 июля против ЦСКА Валерий уже не играл, 27 июля появилась статья в «Социалистическом Донбассе», 28 июля — монологи Лобановского и Ошенкова в «Советском спорте».

Лобановский действительно не собирался больше играть, хотя ещё приглашали: 29 лет, по тогдашним меркам, — не возраст. Он вообще намеревался вычеркнуть себя из футбола, заняться серьёзным делом, которому учился («У меня же специальность!»), и даже не читать ничего больше о футболе.

Не тут-то было.

Он никак не мог свыкнуться с мыслью, что не надо больше выходить на поле: во сне ещё играл. Закончил действительно рано. «Сам решил, — говорил он. — Но, как видно, волевые решения, даже если сам их принимаешь, могут доставить нестерпимую боль. Таков футбол: отдать ему полтора десятка лет (полжизни было тогда для меня) и потом начисто забыть о нём может далеко не каждый. Я не смог. Скоро, очень скоро почувствовал, что порвать с футболом — выше моих сил...»

Размышлял ли он о тренерской профессии в игроцкие годы? Думал о том, в каком направлении будет развиваться футбол? Старался поставить себя — мысленно, разумеется, — на место Соловьёва, Ошенкова, Маслова? Вряд ли. Если и происходило это, то эпизодически, случайно.

Виктор Серебряников рассказывал мне во второй половине 70-х (когда память при вполне ясном уме ещё не подводила), что, по его наблюдениям, Лобановский давно задумал стать тренером. В конце 50-х, после чемпионата мира в Швеции, Лобановский показывал ему перевод статьи какого-то французского тренера о том, в каком направлении развивается футбол (скорее всего, это была вырезка из журнала «Спортивные игры», публиковавшего подобного рода материалы). «И я, — сказал Серебряников, — понял, о чём мечтает этот парень».

Партнёры Лобановского по динамовской команде начала 60-х годов предполагали, что он готовит себя к тренерской работе. Нельзя было не

обратить внимание на его особую тягу к знаниям, умение отстаивать свою точку зрения.

И вот через три с небольшим месяца после ухода, 31 октября 1968 года, команду днепропетровского «Днепра» на матч с куйбышевским «Металлургом» вывел новый старший тренер, 29-летний Валерий Лобановский. Матч этот и следует считать началом его блистательной тренерской карьеры. Сам Валерий Васильевич говорил мне в конце 80-х, что, если бы у него не получилось в «Днепре», он ушёл бы из тренерского цеха.

Случай — и только он — главенствовал в ситуации с появлением Лобановского в должности главного тренера «Днепра». Надо сказать, что само это появление заставило основную массу людей из советского футбольного мира, привыкших к ходам ординарным, касались они спортивной области или же какой-то иной, недоумённо пожимать плечами: 29 лет, отсутствие тренерского опыта, только-только закончил играть!..

В Киеве на стадионах — сначала Центральном, а потом на «Динамо» — агрономом трудился Леонид Михайлович Кривошеев. Скромный человек, за полями ухаживавший, словно за своими детьми, дневавший и ночевавший на них, — почему и славились они в Союзе, он безмерно любил футбол, знал всё про каждого игрока «Динамо». Сам Кривошеев — из Днепропетровска. В знакомцах у него, причём близких, был директор «Южмаша», знаменитый в стране производственник Александр Максимович Макаров. Однажды Макаров, приехав по делам в Киев и встретившись на полчаса с Кривошеевым, в разговоре с ним обмолвился: «Ищем тренера для “Днепра”». Кривошеев и предложил: «Возьмите Валерку Лобановского. Парень играть уже закончил. Задатки тренерские». «Днепр» выступал тогда во второй группе класса «А», по-нынешнему — в первом дивизионе.

Только люди Макаровского масштаба могли пойти на такой риск. Лобановского пригласили в Днепропетровск для разговора. В Киев за ним приезжал заместитель директора «Южмаша». Жили тогда Лобановские на улице Героев Революции, напротив Владимирской горки. В квартире на пятом этаже. Дом без лифта. (Ада вспоминает, как она таскала наверх детскую коляску — Светочка тогда была маленькая. Как-то она оставила коляску на короткое время внизу, и её украли.) Гость из Днепропетровска не сулил Валерию «золотые горы», рассказывал за ужином о городе, заводе, о Макарове, желании сделать хорошую футбольную команду. Сошлись на том, что Лобановский приедет посмотреть команду, игроков и переговорить с Макаровым.

Валерий приехал — и из директорского кабинета вышел новым главным тренером «Днепра».

Ещё одна версия появления Лобановского в «Днепре» была обнародована Юрием Борисенком, одним из многочисленных «мифологизаторов» жизни и деятельности тренера, в июне 1998 года в российском политическом еженедельнике «Профиль». Суть её — в протекции будущего главы КГБ СССР Виктора Чебрикова, работавшего одно время вторым секретарём Днепропетровского обкома КПСС. Согласно Борисенку, он будто бы призвал к себе Лобановского: «Треба потрудитися, зробіть добру команду».

Чебриков действительно работал вторым секретарём обкома в Днепропетровске, но раньше, в 1964—1967 годах, и возглавлял, к слову, промышленный отдел, а к спорту — ни в Днепропетровске, ни затем в Москве — никакого отношения не имел. В 67-м бывший днепропетровский партийный вождь, а на тот момент генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев «бросил» Чебрикова на укрепление органов госбезопасности: его назначили начальником управления кадров всего советского КГБ. Лобановский в те годы вовсе ещё играл — за «Шахтёр».

Существуют ещё две, не менее «правдивые» версии появления Лобановского в «Днепре».

Согласно одной из них, Макаров и Лобановский случайно оказались в купе поезда, причём Валерий «ехал работать куда-то инженером» (уж не на «Южмаш» ли?..). И Макаров, которому «надоели» прежние тренеры, сумел уговорить его. Согласно другой, Щербицкий позвонил Макарову и стал всячески расхваливать Лобановского: «Тебе нужен тренер-революционер, молодой, с фантазией... Много у него новаторства, а линию ЦК ты знаешь: поддерживать всё новое, особенно на производстве. А футбол и есть самое что ни есть производство». Вот только откуда взялись эти версии, неизвестно, а потому и веры им нет.

На основании того, что Лобановскому удалось вовлечь «в судьбу команды всесильного (или как минимум способного на многое)» директора Южного машиностроительного завода Александра Максимовича Макарова, авторы книги «Лобановский. Послесловие» Артем Франков и Дмитрий Харитонов делают вывод: Лобановский начинал «классическим менеджером» и больше, нежели тренером, был администратором.

Это, стоит заметить, распространённая, на много лет продуманная затея: выставить Лобановского не футбольным тренером высокого класса, не Мастером в профессии, а деловым, предприимчивым человеком, своего рода хозяйственником, снабженцем, умевшим в нужное время, в нужном

месте ладить с сильными мира сего и благодаря этому добиваться время от времени успехов на футбольном поле.

Лобановского это клеймо, насколько я знаю, оскорбляло.

Московский «Книжный клуб» издал целую серию биографических очерков о футбольных людях, советских и зарубежных. Общую редакцию серии осуществлял журналист Валерий Винокуров. По всей вероятности, он, а не автор очерка о Лобановском Алексей Кузнецов, написал на последней странице: «Споры о том, тренер ли он от Бога или просто талантливый менеджер, постепенно лишаются смысла. Другое дело, что менеджерские эти обязанности, которые он отлично выполнял и о которых так любят говорить его критики, порой совершенно заслоняют его тренерские, творческие достижения. Наверное, и великим тренером в полной мере его назвать нельзя...»

В январе 2002 года, когда в Москве проходил очередной розыгрыш «Кубка Содружества», мой друг и коллега Павел Алёшин принёс мне пять экземпляров этого очерка и попросил, чтобы Лобановский расписался на них. В один из вечеров, когда мы сидели в номере Лобановского в гостинице украинского посольства, я ретранслировал Васильичу просьбу об автографах. Очерк этот, судя по тому, что он сразу открыл книгу на последней странице, Лобановский уже видел и, судя по всему, читал. «У менеджеров, — сказал он мне, закрывая книгу и возвращая её, — автографы не берут. Пусть расписывается тот, кто это сочиняет».

Если же вернуться к реальному «Днепру» 1968 года, то 65-летний Макаров, много чего и кого повидавший на своём веку, сразу смог оценить уровень 29-летнего Лобановского, ставшего в результате самым молодым тренером в истории отечественного футбола. Лобановский изложил Макарову свою программу жизнедеятельности команды. В деле реализации этой программы каждому отводилась своя роль: Макаров, понимая важность развития футбола в городе, взял на себя ту часть программы, которая была связана с неукоснительным выполнением всех необходимых для команды условий (зарплаты, премии, квартиры, автомобили — всё, разумеется, в разумных пределах), а также организацию тренировочных сборов, укладку нового поля на стадионе и строительство базы для «Днепра» (на месте, предложенном Лобановским, облетевшим территорию на южмашевском вертолёте). За Лобановским оставалась спортивная часть, в чистом виде тренерская, в которую Макаров не вмешивался.

Александр Максимович, на приём к которому следовало записываться за месяц, распорядился выдать Лобановскому пропуск-вездеход по «Южмашу» и принимал тренера раз в неделю — в обговорённый заранее

час они обсуждали дела команды, сиюминутные и на перспективу. Макаров интересовался, например, сколько денег необходимо команде на выезд сразу в два города. Лобановский называл цифру. Макаров снимал трубку и говорил: «Сейчас к вам придёт Лобановский. Сделайте так, как он скажет».

Макаров одобрил предложения Лобановского, связанные с финансовыми наказаниями нарушителей дисциплины: «Днепр» ещё в первой лиге ввёл при Лобановском систему штрафов, став, возможно, пионером по этой части в советском футболе.

Пути Господни неисповедимы. Конечно же, знаменитый впоследствии вратарь Владимир Пильгуй, написав в конце 1969 года заявление о переходе из «Днепра» в московское «Динамо», в какой-то степени подвёл Лобановского, на вратаря рассчитывавшего, и рассчитывавшего, можно предположить, не только в днепропетровской команде, но и в той, о которой постоянно думал, — киевском «Динамо». До этого Пильгуй сообщал Лобановскому о приглашениях, но о московском «Динамо» не сообщил. Фраза динамовского тренера Адамаса Голодца: «Твою кандидатуру одобрил Яшин» — заставила молодого голкипера забыть обо всём на свете и дать обещание: если «Днепр» в высшую лигу не выйдет, то он переедет в Москву. Лобановский, которого Пильгуй не сумел найти по телефону во время отпуска и предупредить, пришёл, по словам вратаря, «в ярость» и не пожелал разговаривать с ним, когда Пильгуй, наконец, до него дозвонился.

По-своему на отъезд Пильгуя отреагировал и Макаров. Он распорядился отобрать у беглеца двухкомнатную квартиру, которую голкиперу только-только пробил Лобановский (Пильгуй даже не успел в ней прописаться), уволил в горячке отца вратаря, возглавлявшего на заводе лабораторию (потом, правда, остыв, быстро восстановил в должности).

Однажды в московской квартире Владимира Пильгуя раздался телефонный звонок: «Это Макаров. Я в Москве на сессии Верховного Совета. Хочу заглянуть к вам». Гость, разумеется, был достойно принят. Во время встречи он обратился к жене Владимира Ирине: «Я пришёл просить... руки твоей мамы». Тёща Пильгуя, Анна Матвеевна, отвечала за организацию питания в пансионате «Южмаша», в котором время от времени проживали футболисты «Днепра» и куда иногда заезжал отдыхать Макаров. Знакомы Анна Матвеевна и Александр Максимович были давно. Руки её он попросил после того, как похоронил жену. Было Макарову тогда 80, с Анной Матвеевной он прожил 13 лет, до смерти...

Итак, 31 октября 1968 года состоялся официальный тренерский дебют Лобановского — в домашнем матче «Днепра» с куйбышевским

«Металлургом» (в программке к встрече тренером хозяев поля всё ещё значился Леонид Родос). Первым тренером-соперником Валерия Васильевича стал Фёдор Сергеевич Новиков, известный впоследствии по работе ассистентом у Бескова в «Спартаке». Днепропетровские футболисты вели после первого тайма (2:0), но во втором пропустили два мяча. До завершения сезона «Днепр» под руководством Лобановского провёл ещё два матча. Оба — на своём поле: с саратовским «Соколом» (0:0) и воронежским «Трудом» (2:0). И Лобановский занялся вопросами комплектования команды. Из Киева он пригласил толком там не игравших защитника Шпакова (после вынужденного завершения карьеры игрока — тяжёлая травма, — Александр Александрович успешно работал в Киеве в детском футболе и известен как первый тренер Андрея Шевченко) и полузащитника Назарова, из Одессы позвал хавбека Мирошина, внимательно просматривал тренировки и матчи местных молодых игроков.

Люди, приглашавшие Лобановского в «Днепр», не задумывались о возрасте нового тренера. Он же если и задумывался, то лишь о трудностях, которые его ждали. Опыт, полагал Лобановский, придёт со временем: все когда-то начинали на ровном месте. Сил и желания работать — не занимать. Железные нервы надо иметь — вот что более всего беспокоило его. Работа Ошенкова, Соловьёва и Маслова, которую Лобановский наблюдал, беспокойству этому содействовала.

«Играть в футбол, — говорил он спустя годы, — много легче, чем тренировать, — это я понимал и прежде, ещё когда играл, и потому не завидовал тягчайшей тренерской доле. Но одно дело — знать умозрительно, совсем другое — прочувствовать на собственной шкуре. Впрочем, помимо желания и сил, было ещё одно немаловажное обстоятельство: к тому времени я, для себя разумеется, обобщил лучшее в творчестве тех тренеров, с которыми работал и спорил во время работы, но которые заложили в меня довольно большой объём специальной информации. Я надеялся использовать её на практике, развивая и совершенствуя. Тренерская работа необычайно сложна. Легко растеряться, за тысячью мелочей забыть о главном, за деревьями не увидеть леса. Столько всего надо учесть! На поле приходилось распоряжаться мячом, теперь предстояло распоряжаться людьми».

С первых шагов Лобановский принял это для себя как главную, самую первую заповедь. Стал приглядываться к игрокам, старался их понять, принять их такими, как они есть: их характеры, настроения, запросы, вникнуть в семейные и личные дела, копался порой даже в таких пустяках, которые, казалось бы, вовсе никакого отношения к футболу не имеют...

Часто возникает вопрос: может ли тренер быть с игроками запанибрата или он должен держать определённую дистанцию? Однозначного ответа нет — всё должно идти естественным путём. Прежде всего это зависит от характера наставника. Если он искусственным образом начнёт приближать к себе людей, заискивать перед ними, выказывать своё расположение и готовность дружить или так же искусственно будет строить непреодолимую преграду между собой и футболистами, сразу же начнутся сложности: игроки очень тонко чувствуют фальшь, наигранность, неестественность и соответствующим образом отвечают.

«Для себя, — рассказывал Лобановский, — я твёрдо усвоил с первых же дней: тренер должен свято помнить, не забывать ни на миг, что работает с людьми, которые в значительной степени делают из него тренера. А люди в отличие от роботов имеют душу, часто довольно ранимую, иногда — строптивую. Тренер, безусловно, должен досконально разбираться в футбольном деле, но это одна сторона медали. Другая — тренер обязан одинаково хорошо понимать и душу игры, и душу людей.

Спустя год после того, как возглавил «Днепр», я не мог судить, стал ли я тренером. Не хорошим тренером, посредственным или плохим, а именно тренером. Ибо убеждён, что можно работать и год, и два, и много-много лет, а тренером так и не стать. Не тренером по должности, предусмотренной штатным расписанием команды, а тренером по призванию, по велению свыше, если хотите. Одного желания мало. Вряд ли стоит перечислять все качества, которые необходимы тренеру, о некоторых из них я уже говорил. Их очень много, без одного какого-то можно, наверное, прожить, но не исключено, что один малюсенький минус, малозаметная, не бросающаяся в глаза черта характера или какое-то жизненное обстоятельство вдруг всё и перечеркнёт.

Наверное, и у меня есть не одно такое минусовое качество, наверное, за первый год работы и я допустил не одну ошибку. И, вероятно, со стороны они были виднее. Нелегко всё скрупулёзно проанализировать, я даже ловлю себя на том, что не в состоянии подробно рассказать, как прошёл для меня первый, казалось бы, самый памятный год работы. Но кое-что я понял, и главное в этом «кое в чём» — осознанная уверенность в правильности выбора профессии. В том, что профессия эта — на всю оставшуюся жизнь, я уже не сомневался».

Отправляя занимавшегося в «Днепре» селекцией Павла Куприенко просмотреть игру потенциального новичка, Лобановский обязательно просил подробно, насколько это возможно, узнать о человеческих качествах футболиста. Он старался иметь полную информацию о каждом игроке.

«Валерий Васильевич, — вспоминает Пильгуй, — с каждым футболистом побеседовал с глазу на глаз. Причём не только на тему “быстрее, выше, сильнее”. Расспрашивал про родителей, есть ли жена или девушка, какая квартира... Прежде ни один тренер об этом с нами не говорил. Васильич же старался поближе узнать игроков. Для него мелочей не было. Он отслеживал меню в столовой на базе. При нём молоко за пару часов до игры наливать перестали. Профессиональный подход во всём. Сейчас этим не удивишь, а в 1969-м многое для нас было в диковинку».

Футбол меняется и совершенствуется на глазах. То, что вчера было хорошо, сегодня — недостаточно хорошо или даже очень плохо. Спорят о футболе много, и споры эти бесконечны. На практике Лобановский, наконец, понял, что спорить *вообще*, абстрактно, отвлечённо можно сколько душе угодно. Но ради чего?..

Необходимо было как можно скорее отрешиться от привычки анализировать игру команды по линиям. Лобановскому казалось, что разделение игроков по линиям, сплошь и рядом встречающееся, к слову, и по сей день, — это дань традициям. Футбол стал таким насыщенным и многоплановым, что решать проблемы ведения игры можно только комплексно. На разборах игр, на теоретических занятиях по тактике нет смысла, был убеждён Лобановский, говорить, как играет линия обороны или линия атаки. Речь должна идти о том, как играть в обороне и как играть в атаке. Потому что решает эти проблемы команда в целом, в том числе и вратарь. «В каждой атаке, — говорил Лобановский, — непременно участвуют семь-восемь игроков (в отличие от тех, кто считает атакующих по числу проникших в штрафную площадку соперника, я говорю об атаке в целом), защищаются тоже семь-восемь, иногда — больше».

Первый год пребывания в «Днепре» убедил Лобановского, — и при убеждении этом он оставался до конца своих дней! — что самое пристальное внимание тренеры должны сосредоточить на тактике. Он считал, что «именно в ней скрыты те дополнительные резервы, которые позволяют усилить игровую мощь, поднять класс. В самом деле, многие команды добились отменных достижений в физической подготовке, заметно выросло техническое умение, постигаются — когда успешно, когда нет — тайны психологической настройки, волевой закалки игроков, а вот тактическая бедность и однообразие набили оскомину».

Безусловно, действенны тактические ухищрения только тогда, когда они базируются на отличной физической, технической и психологической готовности. Без этого не реализовать никакие тактические задумки.

На взгляд Лобановского, тактические возможности безграничны. «Не

собираюсь, — говорил он, — забираться глубоко в дебри, приведу один хрестоматийный пример. Как противоборствовать активным атакующим действиям соперника? Форм достаточно много, но вот одна из них, возникшая не так давно, — прессинг. Всем слово это знакомо, но многие ли изучили досконально эту форму, многие ли ею пользуются? Единицы. Более того, ряд тренеров категорически отрицают возможности прессинга. Ну, ладно, это их личное дело — принимать или не принимать то или иное тактическое средство, но когда, скажем, в сборную, стремящуюся вести игру в современном ключе, попадает способный футболист из команды отрицающего прессинг тренера, очень сложно его за несколько дней научить синхронности в использовании столь простого, казалось бы, метода. А прессинг ведь такая штука, что, если хотя бы один из игроков выпадает из него, труба дело...»

Полноценный дебют Лобановского в роли тренера в 1969 году был таким, каким и положено быть тренерскому дебюту, и запомнился он навсегда. Это позже команда почувствовала уверенность в своих силах. А сначала...

Началось с того, что, выступая в турнире «Подснежник» (проводились тогда такие соревнования ранней весной), «Днепр» несколько неожиданно вышел в финал. Лобановский признавался, что его это даже напугало. «Во-первых, — пояснял он, — несколько нарушался тренировочный процесс, к которому я, зелёный новичок в этом деле, готовился, конечно же, очень и очень добросовестно и тщательно. Во-вторых, на нас сразу стали смотреть иначе, ждать удач. И даже требовать их. Но вмешались обстоятельства, которых предвидеть я не мог: незапланированные и очень нелёгкие игры в полуфинале и финале — с московским “Локомотивом” и тбилисским “Динамо”, перенапряжение физическое и моральное, вызванные этим травмы нескольких игроков — всё это сказалось на состоянии команды. Старт в чемпионате, первом моём “тренерском” чемпионате — было это во второй группе класса “А”, в третьей, украинской, подгруппе, — оказался весьма горьким: в третьем туре мы проиграли во Львове “Карпатам” с убийственным счётом 1:6! Вслед за тем — поражение уже дома, перед родными зрителями, от кировоградской “Звезды”...

Можете понять моё состояние? Вот тогда я узнал, что такое настоящий нервный тренерский стресс. Самое ужасное заключалось в том, что под сомнение была поставлена вся наша весенняя тренировочная работа».

Лобановский заколебался. Ночами просиживали с тренером Анатолием Семёновичем Архиповым, чемпионом, к слову, СССР по хоккею 1951 года в составе команды ВВС, судили-рядили, думали,

сомневались, самим себе доказывали свою же правоту. Им стоило большого труда остаться на прежних позициях. Закрадывалось сомнение: правильно ли они поступили, резко изменив привычный, устоявшийся уклад жизни команды, потребовав от игроков более ответственного подхода к тренировочным занятиям, к самой игре.

«Футбол, конечно, игра, — размышлял Лобановский, — но такая игра, которая не терпит, когда к ней относятся как к развлечению, иждивенчески. Успеха на поле можно добиться только при полной мобилизации сил. Футболисты, свыкшиеся с мыслью, что в высшую лигу пробиться невозможно и незачем туда рваться, незаметно, может быть, для самих себя потеряли ориентир, цель. А как без цели? Они привыкли жить несколько вольготно, и вернуть им боеспособность можно было, лишь нацелив их на трудную задачу и “подкрутив гайки”. В наших условиях рано было играть на доверии, и мы установили строгий контроль не только в игре, на тренировке, но и в быту. Мы исходили из конкретных, реальных условий».

Когда «Днепр» на старте первенства стал проигрывать, многие объясняли поражения ещё и так: молодой тренер — опыта мало, а желания утвердиться хоть отбавляй, вот и загонял команду. «Не могу с этим согласиться, — отвечал Лобановский. — Тренировались мы много, верно, насколько это возможно весной, но в разумных пределах. Перегрузки хотя и были неизбежны, но сильного переутомления игрокам не принесли, потому что мы сочетали высокие нагрузки с паузами для отдыха. Откуда мне были известны оптимальные нагрузки? Прежде всего — из собственного опыта. Кроме того, из медицинских исследований. И наконец, из необходимого каждому тренеру качества — интуиции».

Только спустя какое-то время, когда Лобановский теснее стал сотрудничать с Олегом Базилевичем — тренером, работавшим в командах второй лиги, и с учёным Анатолием Михайловичем Зеленцовым, ему стало ясно, что опыта, медицинских наблюдений и интуиции не всегда достаточно, нужны и специально разработанные, научно обоснованные программы тренировочных занятий, помогающие поддерживать оптимальный уровень нагрузок в подготовительный и соревновательный периоды.

С первых дней в «Днепре» Лобановский повёл себя столь уверенно, что сразу же, по свидетельству Павла Куприенко, «было видно: это действительно его дело». В рутинной повседневной работе Лобановский выстроил систему, основанную на высочайшей дисциплине всех, кто имел отношение к команде. Все вопросы решались чётко и в срок. Каждый вечер тренеры и административный состав собирались в номере Лобановского на

тренировочной базе в Приднепровске, докладывали о проделанной работе и получали, вспоминает Куприенко, «листочки с заданиями на завтра».

Мелочей для Лобановского не существовало. В те времена, например, и близко не было такого разнообразия бутс (с шипами на любые погодные условия) для игроков, как в XXI веке, и из положения выходили кто как может. Лобановский вместе с сапожником «Днепра» Леонидом Василевицким принял решение заменить обычные для того времени кожаные шипы на металлические. Тяжёлые стальные и гнувшиеся на жёстком поле алюминиевые не подошли. Тогда один из токарей «Южмаша» предложил выточить шипы из титана, но для этого требовалось разрешение от Макарова. Оно было получено. Наточили столько, что хватило надолго. Владимир Пильгуй вспоминает, что всю свою карьеру футболиста играл в бутсах с титановыми шипами.

Единственным, пожалуй, человеком, кого Лобановский, придя в «Днепр», знал, был Андрей Биба. В 1966 году Биба был назван лучшим футболистом СССР. Это до сих пор выглядит удивительным: в тот год сборная Союза стала четвёртой на чемпионате мира — небывалый успех, — но никто из триумфаторов Англии опередить Бибу в референдуме еженедельника «Футбол» не сумел. Бибу же в сборную по каким-то своим, только ему ведомым соображениям тогдашний тренер Николай Петрович Морозов не взял, и игрок выступал только за клуб, выигравший чемпионат страны.

Сезон спустя, Виктор Александрович Маслов объявил Бибе, к которому неплохо относился, что намерен реконструировать состав, два года подряд выигрывавший всесоюзное первенство, и Андрею места в нём тренер уже не видит.

Его, тридцатилетнего, Маслов перевёл на тренерскую работу — помогать в поиске игроков для «Динамо» — и отправил в командировку на юг, где все команды, в том числе украинские, проводили подготовительные тренировочные сборы. Биба рассказывал, что дня три-четыре он присматривался, а потом попросился к днепропетровцам поиграть. И выяснилось, что он намного сильнее тех, к кому присоединился. Его стали уговаривать выступить за «Днепр». Биба — ни в какую. Но на него сумели надавить с помощью Щербицкого — Владимир Васильевич передал Андрею свою личную просьбу помочь «Днепру». Биба остался. На сезон, как он полагал. Но «Днепр» возглавил Лобановский, который сказал Андрею Андреевичу, что очень рассчитывает на его помощь. «Я ответил, что вообще-то не против поиграть, — рассказывает Биба, — но всё будет зависеть от жены, которая совсем не хотела, чтобы я оставался в

Днепропетровске. Не знаю, каким образом, но Лобановскому удалось уговорить Лидию. Так я остался в «Днепре» ещё на один сезон. И вновь играл хорошо. За четыре тура до конца чемпионата мы обеспечили себе первое место. Однако пробиться в высшую лигу сквозь сито переходного турнира не удалось, и я вернулся в «Динамо», полгода, правда, до этого поиграв в черниговской «Десне»».

Знал Лобановский, разумеется, и Николая Пинчука, который одно время вместе с ним играл в киевском «Динамо» и так же, как и Биба, по приезду Лобановского в Днепропетровск «вводил его в курс дела», рассказывая о том, кто, как и на каких позициях играет. Но Пинчук быстро понял, что на требовательность нового тренера во время работы общение в быту никоим образом не влияет и никакие отношения не помогут: нерадивость Лобановским моментально пресекалась, от кого бы она ни исходила.

«Те методики, которые затем принесли пользу «Динамо», — рассказывал Пинчук, — испытывались на нас. Во время занятий мы умирали. Тогда казалось, что легче через день играть, чем ежедневно у Лобановского тренироваться. При этом тренировки проходили дважды в день, плюс часовая зарядка. В матчах хотя бы была возможность отдохнуть. Тогда же играли одним мячом, а не десятью, как сейчас. Только мяч вылетел — мальчики подают новый. В наше время мяч вылетал на трибуну, и пока его возвращали, можно перевести дыхание. На тренировках пауз почти не было. Даже во время кроссов срезать углы не удавалось. В тех местах, где можно было схалтурить, предусмотрительный Лобановский ставил помощников. Больше всего меня удивляло, зачем нам бегать 800-метровки. Это же страшная дистанция. 400 метров, один круг — это ещё понятно. А 800? Самое интересное, что эту дистанцию Лобановский бегал вместе с нами и приходил на финиш первым. Готовность у него была блестящая. Откуда это? Ведь в годы игровой карьеры бегать Валерий не любил».

Лобановскому-игроку времён киевского «Динамо» приписывают фразу: «Бегают много те, кто не умеет играть в футбол». Для него не существовало тогда таких понятий, как атлетизм, участие в отборе мяча, коллективные действия.

Лобановский-игрок, и всем это было известно, не любил кроссы и предлагал Ошенкову не заниматься «ненужной беготнёй». Когда Лобановский возглавил «Днепр» и на тренировочных сборах его команда тренировалась на юге рядом с «Шахтёром», донецкие футболисты с ужасом наблюдали за тем, какие нагрузки предлагались их днепропетровским

коллегам, иногда от этих нагрузок терявшим сознание. За физическую подготовку в «Шахтёре» при Ошенкове отвечал Семён Панченко. «Слушай, голубчик, — обратился он к Лобановскому, — а чего же ты со мной спорил, когда я давал нагрузки?» Лобановский улыбнулся: «Тогда я игрок был, а сейчас — тренер».

Как-то раз весной в Сочи на тренировочный сбор перед сезоном прилетела команда из Южно-Сахалинска, в которой завершал карьеру игрока Валентин Трояновский (в Сочи всегда одновременно готовились десятки команд). Когда Трояновский посмотрел, как тренируются днепропетровцы, ему, по его словам, «стало страшно». Он сразу вспомнил, как Лобановский-игрок недолюбливал занятия по физической подготовке. Знакомые футболисты из «Днепра» подходили к Трояновскому: «Валет, хоть бы ты ему сказал. Загонит. Ноги протянем». «Если они не будут бегать, то чего тогда будут стоять?» — отвечал «Валету» Лобановский-тренер.

Один из лучших российских тренеров Курбан Бердыев первый раз увидел тренировки киевского «Динамо» в Леселидзе, когда играл за «Кайрат». Динамовцы занимались на соседнем поле в разное с алма-тинскими футболистами время, и Бердыев имел возможность наблюдать за ними. Бердыев и на своих-то тренировках уставал так, что едва добирался до гостиничного номера, а когда смотрел на работу киевлян, думал, что он бы с них «просто не выполз». «Нет, — говорит Бердыев, — не всё я от Лобановского взял, от других тренеров — тоже, есть и что-то своё, но работы Лобановского я прочитал и через себя пропустил — многое применял, работая ещё в Казахстане».

Когда Лобановский говорил в «Днепре» игрокам, что надо быстрее избавляться от мяча, ему возражали прежде всего те, кто видел его на поле: «Васильич, а почему вы сами сразу не избавлялись от мяча, когда играли?» — «Я играл неправильно, — отвечал Лобановский, — а вы делайте, как я говорю, правильно».

Почему «Днепру» не удалось выиграть в 1969 году финальную пульку за выход в высшую лигу?

Сопоставление всевозможных фактов и свидетельств подсказывает — в виде одной из версий случившегося, — что решающий матч со «Спартак» из Орджоникидзе (в 1969 году команду тренировал Андрей Иванович Зазроев, капитан киевского «Динамо», выигравшего в 1954 году Кубок СССР), фактически финальный, группа днепропетровских футболистов могла «слить». По весьма, не исключено, прозаической причине — нежеланию перебраться классом выше и зарабатывать

(учитывая бонусы за победы!) меньше, чем в лиге первой. Ещё одна версия — проиграли, чтобы Лобановского убрали из тренеров. Увиденное в том матче для Лобановского стало шоком. Вряд ли случайно он, приобретя такой опыт, вдруг поменял перед следующим сезоном почти половину состава «Днепра».

«До прихода Лобановского, — вспоминал правый защитник тогдашнего «Днепра» Владимир Сергеев, — нам не нужны были никакие первые места, мы не стремились попасть в высшую лигу. Если честно, то у коллег была чёткая материальная заинтересованность. Они опасались, что в высшей лиге не сумеют заработать такие деньги, какие им платили за обычную игру, и вообще не хотели слыть худшими среди лучших».

Николай Пинчук вспоминает, что после того, как «мы проиграли “Спартак” и сыграли вничью с хабаровским СКА, Лобановский удивлялся: “Как такое могло случиться? Меня спланировали?”». «Если кто-то и планировал, — говорит Пинчук, — то за моей спиной... Я всё же предполагаю, что Валерия Васильевича могли “спланировать” прежде всего его “любимчики”. Они понимали, что при условии выхода в высшую лигу Лобан их отчислит. Валерий набрал бы более сильных. Их логику понять можно: в первой лиге бегать надо меньше, вторые-третьи места команда занимает, деньги платят. Зачем что-то менять?»

Журналист Дэви Аркадьев, побывавший на финальном турнире, рассказывает, что «уже на следующий день среди специалистов и журналистов, съехавшихся в Симферополь, пошли разговоры о том, что несколько опытных игроков “Днепра” оказались “пятой колонной” в том матче: “сыграли” против своей команды. Разумеется, и — против Лобановского».

«В книге Аркадьева, — сказал в разговоре с Андреем Бибой журналист Максим Максимов, — тебя и ещё нескольких игроков обвинили чуть ли не в том, что вы “продали” переходную игру, не позволив “Днепру” выйти в высшую лигу!..» — «Это, — ответил Биба, — была неумная “шутка” со стороны журналиста! Суди сам: если бы “Днепр” тогда вышел в высшую лигу, меня бы на руках носили, так как я был капитаном команды и правой рукой молодого тренера Лобановского!.. Он попросил помочь ему в становлении команды. Ну и как после этого я мог его подвести? Кстати, с Валерием Васильевичем мы дружили до его последних дней».

Думается, что дело скорее в другом. Футболисты «Днепра», обыгравшие в первом матче финального турнира вильнюсский «Жальгирис», своего основного соперника, посчитали, что никто их остановить в Симферополе не в состоянии. Кроме того, Лобановский

провёл после первого матча на жаре основательную тренировку, отобравшую у и без того «наевшихся» в сезоне игроков немало сил, и выставил во встрече со «Спартак» всех тех, кто играл за «Днепр» весь год практически без замен.

Возможно, сказалось и то обстоятельство, что игры проходили в Симферополе, а разместились команда в Алуште. Мало того что постоянно приходилось преодолевать не самый приятный путь через Ангарский перевал, так ещё и грунт на тренировочном поле в Алуште был гораздо жёстче, чем на стадионе в Симферополе.

Нельзя, впрочем, исключать, что всё в один момент совпало: самоуверенность футболистов после первой победы, усталость, не совсем правильно подобранное место дислокации и, скажем так, продуманное нежелание некоторых игроков «сей момент» выходить в высшую лигу.

«Как хорошо, что мы не выиграли финальную “пульку” 1969 года, — сказал спустя время Лобановский. — Сегодня мне ясно, что тогда нам в высшей лиге делать было нечего. В 1970 году команде не хватило пяти мячей до высшей лиги. Может быть, и это неплохо. Потому что в 1971 году всего хватило, и даже слишком. Кривая идёт вверх, и потолка не видно. Это, по-моему, самое главное».

Работа в «Днепре» продолжалась пять лет, с октября 1968-го по октябрь 1973 года. В Днепропетровске у Лобановского и близко не было игроков высокого класса. Да никто бы из них и не пошёл в команду не высшей лиги, тем более к человеку, только-только закончившему играть и тренерским делом никогда прежде не занимавшемуся.

Футболистов — в дополнение к тем, кто уже играл в «Днепре», — Лобановский брал из второй лиги. На них, когда-то игравших классом-двумя выше, перестали обращать внимание. «Это были отыгранные, никому не нужные люди, — говорит Леонид Колтун, игравший той порой в «Днепре» в воротах. — И вдруг Лобановский их собирает. А ведь просто собрать мало — нужно их объединить и физически подготовить. Я не могу передать, как он над нами издевался! Как мы его только не называли... “Пиночет” — это было самое ласкательное. Но потом, когда пришёл результат, когда мы стали получать всё, мы поняли, что это действительно тренер. В конце жизни футболисты стали называть его “папа” — это надо заслужить!»

При Лобановском «Днепр» стал комплектоваться с расчётом на выход в высшую лигу. Он и местным доверял (Пильгуй, Шнейдерман, Христьян, Снитько, Романюк, Лябик), и иногородние появились довольно высокого уровня (Сергеев, Богданов, Евсеенко, Пилипчук, Найда, Цунин). Именно

при Лобановском, как говорил Леонид Василевицкий, Днепропетровск «забеременел высшей лигой».

Вторая попытка прорваться в высшую лигу оказалась неудачной: у «Кайрата» по сравнению с «Днепром» оказалась лучше разница забитых и пропущенных мячей. Стартовала днепропетровская команда в 1970 году отменно: тринадцать туров подряд без поражений при восьми победах. Затем проиграли два матча — на своём поле слабенькой кишинёвской «Молдове» и во Львове «Карпатам». Произошло это в те дни, когда Лобановский в составе группы советских тренеров находился на чемпионате мира в Мексике. Узнав о двух проигрышах, он сказал Олегу Александровичу Ошенкову: «Нельзя было их оставлять...»

Вернувшись из Мексики, Лобановский задал такую трёпку команде, что игроки взмолились о пощаде. Дома после этого было выиграно всё, но на выезде, в частности в Куйбышеве, Москве и Ашхабаде, случались и поражения. Не позволил «Днепру» обойти «Кайрат» даже удивительный финишный рывок: 30 набранных очков из 34 возможных в семнадцати турах (причём в девяти последних матчах чемпионата «Днепр» одержал девять побед подряд!).

Попытка же «номер три», наконец, удалась. «Днепр» прошёл турнир первой лиги на одном дыхании, без каких-либо спадов и за пять туров до конца обеспечил себе место в высшей лиге. Оставалось только опередить «Локомотив» в борьбе за «малые золотые медали». Опередили.

Благодаря выходу «Днепра» в высшую лигу Лобановский получил звание «Заслуженный тренер Украины». К званиям, надо сказать, он относился с иронией: «Попробуй представить “заслуженного тренера” Голландии или любой другой страны».

Характеризуя игру «Днепра» после первого круга чемпионата в первой лиге в 1971 году, заслуженный мастер спорта Виктор Ворошилов писал в еженедельнике «Футбол-хоккей»: «Среди лидеров есть коллектив, который не первый год находится у самого порога высшей лиги, но никак не откроет туда дверь. Это “Днепр”. Он и в прошлом году отличался строгой, хорошо налаженной игрой. Состав “Днепра” стабильный, в нём ежегодно появляются два-три игрока, прошедших стажировку в командах высшей лиги. В нынешнем сезоне заиграли Пилипчук и Евсеенко, вернулся Лябик. В связи с этим несколько видоизменились атакующие порядки днепропетровцев. Левый крайний нападающий Романюк — игрок техничный, с неплохим ударом; в центре — работоспособный разыгрывающий, быстрый Лябик; справа — опытный Пилипчук. В полузащите прошедший хорошую школу Евсеенко, внешне незаметный, но

знающий своё дело Шнейдерман; напористый, видящий поле Еринько и техничный Федоренко создают прочный плацдарм для организации атак. На фоне этих линий слабее выглядит оборона. Защитники прямолинейны, недостаточно техничны, тяжеловаты. Но в общем, команда ровная, хорошо сыгранная, в ней всё тщательно подогнано, каждый игрок знает свои обязанности. Правда, в отличие от прошлого года днепропетровцы стали смелее импровизировать, отходить от шаблона».

На два обстоятельства в этом комментарии Лобановский обратил внимание. Первое — оценка по линиям, совершенно не практиковавшаяся в его команде. И второе — замечание об импровизации. «Понимаю, — говорил он, — что сказано нам в плюс, но хотелось бы пояснить, что в 1971 году нам удалось так смоделировать игровые ситуации, что у игроков высвободилось время для импровизационных начал в рамках командной игры, и незамеченным это остаться, безусловно, не могло. “Домашних заготовок” у нас было достаточно. Я считал своим долгом прививать команде тягу к футболу умному, к игре, хорошо проработанной на тренировках. Не совсем, видимо, верной была и реплика Ворошилова в адрес нашей обороны. Оборонялись мы не четырьмя защитниками, а коллективно, бывало, девятью футболистами, а вот надо же, пропустили меньше всех в лиге — 30 мячей в 42 играх, причём в девятнадцати встречах вообще уходили “сухими”, и забили больше всех — 83».

Чем запомнился первый для 33-летнего тренера сезон в высшей лиге? Тем, прежде всего, что проскочил он как один день. Ещё, разумеется, первым матчем, в котором была одержана первая победа — над 1ДСКА 2:1. Шестым местом, когда от второго призёра — киевского «Динамо» — днепропетровцы отстали лишь на очко. Рецензиями, в которых «Днепр» «провоцировали» (оценка Лобановского) на так называемый атакующий футбол на любом поле против любого соперника. Правда, в серьёзном итоговом обзоре заслуженный мастер спорта Виктор Дубинин заметил:

«...успех “Днепра”, дебютанта высшей лиги, свалился как снег на голову. Из первой лиги — сразу в группу ведущих клубов! За шумом международных событий в нашем футболе “Днепр” незаметно оказался впереди и если кому и уступал в технических результатах, так разве что будущему чемпиону. Изредка “Днепр” поругивали за тяготение к обороне на чужих полях. Но что спрашивать с дебютанта, задача которого — закрепиться в высшей лиге? “Днепр” намного перевыполнил этот план, показав умение не столько защищаться, сколько нападать, и напомнил всем о некогда громкой славе родного города. Окончательно суждение о достоинствах “Днепра”, поздравляя его с первым большим успехом,

выносить не следует до будущего чемпионата...»

Запомнился Лобановскому 1972-й и тем, что его «Днепр», стремившийся к демонстрации гармоничного футбола, к действиям в зависимости от возникающих обстоятельств, сразу же принялась «прессовать пресса». «Несколько разочаровал “Днепр”, — писал, например, Валерий Мирский в «Правде Украины» после того, как дебютанты дали не где-нибудь, а в Киеве настоящий бой действующим чемпионам — динамовцам. — Откуда у дебютантов такой ненужный практицизм? Ведя в счёте, “Днепр” во втором тайме отступил назад и стремился в основном к одному — удержать результат».

А ещё Лобановскому запомнился сезон самыми тесными контактами, которые установились у него и возглавившего донецкий «Шахтёр» в первой лиге (он вышел тогда в высшую) Олега Базилевича с кандидатом педагогических наук из Киевского института физкультуры Анатолием Зеленцовым. Признав, что без науки футболу не обойтись, они довольно часто встречались, подробно разбирали совершенно новую для футбола (и для командных видов спорта вообще) идею моделей тренировочных режимов, выводивших тренировочную работу в команде на совершенно иной уровень. «Во время одной из таких встреч, проходивших в жарких дебатах (мы с Базилевичем обычно ставили под сомнение любое произнесённое Зеленцовым слово, веря только серьёзным аргументированным доказательствам), — вспоминал Лобановский, — неожиданно у кого-то вырвалось: “Вот бы поработать вместе в команде иного уровня, чем ‘Шахтёр’ или ‘Днепр’!”».

Ещё в начале 70-х они поняли, что пришло время детально разобраться в методике тренировочного процесса. Базилевич работал тогда в Институте физкультуры. К опыту лёгкой атлетики он обратился лишь потому, что в футболе — ни в специальной литературе, ни в практической работе коллег — не удалось обнаружить даже намёка на разработку чего-то подобного. Популярный (и насаждавшийся сверху) девиз «Чем больше работы, тем выше спортивные достижения» был не только поставлен Лобановским, Базилевичем и Зеленцовым под сомнение, но и полностью дезавуирован последующей деятельностью.

Подход «не на глазок» Лобановский начал применять с первых своих тренерских шагов. «Днепр» первым из советских клубов стал использовать в работе видеоманитофон. Его, как и видеокамеру, Лобановский привёз из Мексики, с чемпионата мира, — огромный, ещё с бобинами. (Уезжая в Киев, всю эту аппаратуру он оставил команде.) До этого в специально разработанных Лобановским таблицах плюсы или минусы в графах «удар»,

«передача», «отбор мяча», «перехват» и т. д. во время матчей ставили его помощники, врач, массажист и даже водитель клубного автобуса!

Когда после выхода «Днепра» в 1971 году в высшую лигу у Лобановского спросили, что он понимает под профессиональным отношением футболиста к делу, ответ был таким:

«Я считаю, что нам, прежде всего, удалось хорошо организовать игру команды. Люди выполняли всё, что от них требовалось, соблюдали строжайшую игровую дисциплину. Кроме того, мы смогли привить ребятам чувство профессионального отношения к делу, чувство ответственности за свою игру, за игру своей команды.

Профессиональное отношение — это очень просто. Приходит человек на тренировку и полностью отдаёт себя тренировке, выходит на игру — отдаётся игре, проводит свободное время — и оно направлено на то, чтобы правильно подготовиться к матчу».

В высшей лиге в 1972 году дебютант «Днепр» стартовал вполне прилично. Дома он обыграл ЦСКА (2:1), сыграл вничью с «Зенитом» (3:3). После победы над армейским клубом (первым тренером-соперником Лобановского в высшей лиге был Валентин Александрович Николаев, приводивший ЦСКА в 1970 году к чемпионству) еженедельник «Футбол-хоккей» написал: «Старший тренер “Днепра” В. Лобановский всем своим игрокам поставил за игру “пятёрки”. Прощён был даже Пилипчук, не забивший пенальти».

В третьем туре, 15 апреля 1972 года, «Днепру» предстояло сыграть в Киеве. На этот день в столице Украины пришлось торжества по случаю открытия нового сезона. Для 33-летнего Лобановского это был принципиальный матч. На киевском центральном стадионе он впервые появился в роли тренера. 70 тысяч зрителей аплодисментами встретили его фамилию. Во внутреннем дворике стадиона перед матчем к Лобановскому подошёл капитан тогдашнего «Динамо» Вадим Соснихин, пожал руку, поприветствовал.

В первом тайме «Днепр» открыл счёт. Романюк воспользовался точной передачей Шнейдермана, обыгравшего на левом фланге Фоменко. Романюк же мог почти сразу забить второй гол: мяч после его удара скользнул по перекладине. «Днепр» организационно превосходил киевлян, у которых никак не могли наладить взаимодействия впервые игравшие вместе нападающие Бышовец, Пузач и Блохин. Пока динамовцы неторопливо разыгрывали мяч, днепропетровцы успевали сосредоточить в обороне значительные силы и в контратаках быстро проходили середину поля. После перерыва, однако, сначала Блохин сквитал один гол — это был

первый мяч, забитый выдающимся форвардом в чемпионатах СССР, — а затем вышедший на замену вместо Бышовца Виталий Шевченко обеспечил «Динамо» победу.

Лобановский был доволен. Не проигрышем, разумеется, а тем, что его команда сумела показать игру, им задуманную. «Днепр» действовал по схеме 1—4—4—2. Перед матчем он говорил, что команда настроена только на победу, но и при поражении не огорчится — но только в том случае, если произойдёт это в равной борьбе. Борьба и была — между чемпионом СССР на его поле и дебютантом турнира — равной.

В этом памятном для Лобановского матче в динамовском составе играли девять футболистов, с которыми Лобановский — вместе с Базилевичем — меньше чем через два года начнёт продвигаться к европейским вершинам.

Статистика «Днепра» в первом сезоне в высшей лиге наглядно отделяет матчи, проведённые командой на своём поле, от матчей, сыгранных на выезде. Контраст разительный. На своём поле 9 побед, 5 ничьих и 1 проигрыш (чемпиону — «Заре») с разницей забитых и пропущенных мячей 26—11; на выезде — 3 победы, 5 ничьих, 7 поражений: с таким же, как и дома, общим счётом, но только в пользу соперников (11—26).

Иногда «Днепр» подвергали жёсткой критике за осторожный футбол на выезде, как, например, после московской игры с «Локомотивом» — тоже новичком высшей лиги. «“Днепр”, — писал в еженедельнике «Футбол-хоккей» журналист Олег Кучеренко, — благодаря очку, вымученному у “Локомотива”, на какой-то момент занял третью строчку в таблице. Для дебютанта — несомненный успех. Но какой же ценою было добыто это трижды проклятое очко! Всё можно понять — и отсутствие особых притязаний у дебютанта, и сложность пребывания первого года в высшей лиге, и желание во что бы то ни стало закрепиться в ней... Играть так, как играли футболисты “Днепра” с “Локомотивом”, значит, не уважать себя как игроков... Недоумение и смех вызывали действия Поркуяна, чуть ли не с центра поля откидывавшего мяч своему вратарю в ситуации, когда на него никто не нападал, и Пилипчука, демонстрировавшего дриблинг по направлению к своим воротам».

Но мало того что «Днепр» занял в чемпионате очень высокое для дебютанта — шестое — место, так он ещё получил за сезон престижный приз «За волю к победе», присуждаемый команде, первой пропускавшей мяч, но затем матч выигрывавшей! У «Днепра» были три такие победы. Помимо этого, днепропетровцы в пяти встречах, проигрывая, счёт

сравнивали. Плоды охаянного «практицизма»?.. С «Локомотивом» же «Днепр» играл именно так, как должна была играть команда, которая не собиралась в Москве проигрывать. И — не проиграла. Что же до Поркуяна и Пилипчука, игравших некогда в киевском «Динамо», то очевидцы лучших матчей с участием «Днепра» в первом его сезоне в высшей лиге отмечали резкие метаморфозы, произошедшие с этими футболистами по сравнению с киевскими временами: постоянное движение, громадный объём работы, участие не только в атакующих действиях, к которым они привыкли, но и в оборонительных, к которым их подготовили на тренировках.

«И в нашем внутреннем чемпионате, — отмечал в итоговом по сезону 1973 года обзоре Виктор Александрович Маслов, — появились команды, откровенно пользующиеся в матчах на чужих полях методами закрытой игры. Постоянно так действует “Днепр” и добивается при этом турнирных успехов». В 1973 году короткий отрезок времени «Днепр» после победы над киевским «Динамо» возглавлял турнирную таблицу! Тренеру киевлян Александру Севидову приписывают фразу, произнесённую тогда в адрес Лобановского: «На моё место метишь?»

От «Днепра» в высшей лиге стали требовать высокого уровня в каждой игре. «Если бы мы, — реагировал Лобановский на подобные предложения, — попытались играть так, как нам бесконечно советуют, мы бы сломались через пять-шесть матчей и физически, и психологически и вернулись бы, в конце концов, в первую лигу».

Перед окончательным отъездом Лобановского в Киев в столовой на базе «Днепра» накрыли столы, пригласили всех — до последнего сторожа. Приехал Виктор Каневский, которому Лобановский оставлял команду. Обстановка была раскованной. Лобановский в один из моментов пошутил относительно того, что Леонид Василевицкий, сапожник команды, болел за московское «Динамо». А Василевицкий ему в ответ: «Да “Динамо” вас в 61-м, когда вы впервые чемпионами стали, 5:0 обыграло!» Лобановский: «Не было такого». — «Если не было, я вам делаю кроссовки, а если было, то вы мне отдаёте брелок с эмблемой чемпионата мира». Пospорили. Лобановский к Каневскому: «Витя, скажи». — «Да как не было, Валера? — удивился Каневский. — Нам ещё Сорокин чуть не с центра поля положил!» Под смех и общие аплодисменты Валерий Васильевич встал, снял с ключей брелок и протянул Василевицкому. «Лобановский, — рассказывает сын Василевицкого Игорь, — звал отца с собой в Киев, обещал сразу двухкомнатную квартиру, но отец остался в Днепропетровске».

По подсчётам Дмитрия Москаленко, хорошо знающего

днепропетровский футбол, статистика была такова. Под руководством Лобановского «Днепр» провёл на уровне первой лиги (вторая группа класса А) 132 матча: 79 выиграл, в 30 была зафиксирована ничья и 23 проиграл (на двух не присутствовал). Разница мячей: 220—109. В высшей лиге: 58 игр, 21 победа, 19 ничьих, 18 поражений. Мячи: 73—74. В Кубке СССР: 17 игр, 5 побед, 3 ничьи, 9 поражений. Мячи: 14—18. Итого, при Лобановском «Днепр» сыграл 207 матчей: 105 побед (ровно 100 в чемпионате), 52 ничьи и 50 поражений. Мячи: 307—201.

Глава 6

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КИЕВ-1

Одним из первых на совершенно новый уровень тренерской работы Лобановского в «Днепре» обратил внимание известный киевский журналист Михаил Михайлов. «Стояло лето 1970 года, — писал он в статье «Молодо — не зелено» в начале 1972 года. — Мы сидели на стадионе киевских армейцев. Игра была скучной — одна из тех, когда зрители судачат о чём угодно, только не о том, что происходит на поле. Вдруг меня спросили:

— Как вы думаете, кто бы мог заменить Маслова, если он уйдёт?

Позиции Маслова были ещё достаточно сильны, динамовцы ещё, казалось, вполне могут поправить свои дела, и потому вопрос показался мне странным.

— А вы разве собираетесь освобождать Маслова?

— Нет, что вы! — ответил мне человек, имеющий прямое отношение к судьбе команды. — Но просто любопытно: кто бы мог справиться с такой серьёзной командой, кроме Маслова?

Я подумал и ответил:

— Пожалуй, Лобановский.

И стал перечислять достоинства этого тренера. Меня внимательно выслушали и покачали головой.

— Наверное, вы всё же ошибаетесь. Слишком молод».

Хорошо знавшие Михайлова коллеги говорят, что историю эту он не сочинил. Уже тогда, в 70-м, в Киеве время от времени заводили разговоры о возвращении 31-летнего Лобановского в «Динамо» в новом качестве. Дело оставалось за «малым»: Лобановский должен был убедить всех (или хотя бы тех, кто был вправе принимать решение) в своей состоятельности и пригодности для качественной работы в «Динамо». Работой в Днепропетровске Лобановский убедил всех.

Тому же Галинскому во всём виделись только интриги. Аркадий Романович всегда считал себя (во всяком случае, стремился к этому статусу) человеком, регулирующим многие процессы футбольной жизни из-за кулис, своего рода серым кардиналом. «В 1972 году в конце сезона, то есть ещё за год до приезда Лобановского в Киев, — писал Галинский, — он

позвонил мне (из Днепропетровска в Москву) и сказал, что его вызывают в украинскую столицу и что там, как он понял, разговор пойдёт о его переходе на тренерскую работу в киевское “Динамо”. Предположив, что Севидов, возможно, вступил с местными властями в какой-то конфликт, я обеспокоился этим, позвонил в Киев и спросил у Севидова, что у него там происходит. Выяснилось, что “на Шипке всё спокойно”. На следующий день Лобановский звонит мне уже из Киева, обескураженный тем, что утром в ЦК Компартии Украины ему говорили о необходимости принять киевское “Динамо”, а несколькими часами спустя в городском и республиканском советах общества “Динамо”, а также в Спорткомитете УССР его встретили чуть ли не в штыки. Поняв, что за спинами обоих — Севидова и Лобановского — плетётся какая-то интрига, я посоветовал последнему возвратиться, не мешкая, в Днепропетровск, что он и сделал».

Скажу сразу, что и эта конструкция Галинского не выдерживает никакой критики. Не говоря уже о детальном разборе её основных связей.

В конце сезона 1972 года Лобановского действительно вызывали в Киев, но разговор о его возможном (подчёркиваю: возможном) переходе в «Динамо» шёл только в ЦК, причём на уровне не секретарском: он встречался с помощником Владимира Щербицкого Константином Проданом. Продан по просьбе, не исключено, Щербицкого знакомился с отлично зарекомендовавшим себя украинским тренером и интересовался его реакцией на возможное предложение: «А вот если бы мы...» То есть просто зондировал почву. Лобановский ответил дипломатично: «Я ещё не готов». Сам он тогда уходить из «Днепра» не хотел. В городской и республиканский советы общества «Динамо» Лобановский даже не заходил, а в Спорткомитете решал некоторые организационные вопросы, связанные только с «Днепром». Динамовские начальники и руководители Спорткомитета знали, конечно, о визите Лобановского в ЦК, но о содержании разговора с Проданом не ведали. На всякий случай из недр этих организаций по «устному телеграфу» понеслось: Севидова менять нет необходимости, надо дать ему время, Лобановскому ещё рано — слишком молод.

Тогда, в 72-м, после заключительного домашнего матча «Днепра» в чемпионате Лобановского возле стадиона ждала многотысячная толпа. Он вышел из подтрибунного помещения — высокий, стройный, в модном светлом плаще чуть ниже колен. В этом плаще он всегда сидел на скамейке запасных на осенних матчах. Плащ считался «фартовым». Оставшийся год спустя на хозяйстве в «Днепре» Виктор Каневский просил Лобановского не увозить этот плащ. У тренеров свои заморочки. Точно так же Юрий

Андреевич Морозов просил у Лобановского «фартовую» шапку, когда тот менял головной убор. Считалось, что если что-то «помогает» Лобановскому, то это «что-то» должно помочь и другим.

Ада с хорошим их днепропетровским знакомым, председателем облсовпрофа Василием Прокофьевичем Пятаковым стояла в сторонке. Она наблюдала, как толпа двинулась по направлению к Лобановскому, потом остановилась, люди зааплодировали и принялись скандировать: «Васильич, оставайтесь! Дайте нам слово!» Лобановский остановился и громко произнёс: «Остаюсь!» Вздых облегчения, и толпа расступилась.

Судьба Севидова была решена не после злополучного кубкового финала с «Араратом» 1973 года — финал легко превратился в повод-аргумент, а после того, как «Динамо» проиграло чемпионат СССР 1972 года ворошиловградской «Заре». Это стало сигналом не только для партийно-спортивного руководства Украины: пора, мол, искать для «Динамо» нового тренера. Активно принялись работать в этом направлении городское и республиканское общества «Динамо», соответствующие отделы Спорткомитета.

Владимир Кулик, возглавлявший украинский Спорткомитет во второй половине 60-х — первой половине 70-х годов, в начале лета 1973 года добился приёма у Владимира Щербицкого и предложил назначить на пост главного тренера киевского клуба Лобановского. Щербицкий сомневался: стоит ли брать малоизвестного тренера, пусть даже своего, киевского, — не лучше ли пригласить титулованного специалиста из Москвы?

Сложно сказать, знал Щербицкий в момент встречи с Куликом, что один из руководителей республиканского «Динамо», Михаил Бака, уже вёл в Москве переговоры — как говорится, на всякий случай, ни к чему не обязывающие. Но известно, что знаменитый в прошлом динамовский футболист Михаил Семичастный, старший тренер отдела футбола и хоккея Центрального совета общества «Динамо», уже порекомендовал Баке кандидатуру Константина Ивановича Бескова. Бесков к тому времени вывел московское «Динамо» в финал европейского Кубка кубков (1972), был уволен и находился в состоянии простоя. Семичастный прежде поинтересовался у Бескова, с которым вместе играл в «Динамо», согласится ли тот, если последует приглашение из Киева, и, услышав «да», сообщил об этом Баке.

Между тем Михаил Макарович Бака, пришедший к руководству республиканским советом «Динамо» как раз из Днепропетровска, был очень хорошо осведомлён о том, как работали Лобановский и Базилевич. Сначала начальнику отдела футбола Спорткомитета Украины Николаю

Фоминых об «удивительных достижениях в сфере функциональной подготовки профессиональных спортсменов» поведал — со слов Базилевича — Валерий Мирский, приступивший к работе в отделе по предложению Баки, а потом он же рассказал Баке о том, что два друга не только углубились в теорию новейших приёмов функциональной подготовки, но и применяют её в каждодневной работе — в «Шахтёре» и «Днепре» соответственно. Мирский вспоминает, что Бака посоветовал ему съездить и посмотреть, «с чем это едят». «Только не к Базилю поезжай, — сказал Бака, — а к Лобану. Тот поосновательней». И Мирский стал ездить в Днепропетровск, «как на работу».

По свидетельству Валерия Мирского, в середине лета 1973 года Бака сообщил ему и Николаю Фоминых, что начинается поиск нового главного тренера для «Динамо». «Дело, — сказал Михаил Макарович, — не столько в турнирных результатах, сколько в необходимости положить конец практике управления командой путём задабривания игроков всякого рода подачками». По словам Баки, первый заместитель председателя городского совета «Динамо» Сергей Сальников предупредил Севидова о возможном отстранении от работы с командой. Назвал Бака Мирскому и Фоминых имена двух кандидатов на замену Севидову — Бесков, диалог с которым он собирался вести сам, и Качалин, к которому для разговора должен поехать Фоминых. Качалин в то время работал с московским «Динамо».

Известно также, что в конце лета 1973 года Валерию Лобановскому позвонил первый помощник Щербицкого Константин Константинович Продан, справился о том, как идут дела, поздравил с турнирными достижениями и попросил, если последуют предложения, не переходить в другие команды, предупредив: «Не исключён вариант с киевским “Динамо”. Сейчас вопрос в стадии обсуждения». Именно тогда, летом 73-го, встретившись с Базилевичем в Сочи, Лобановский рассказал ему о состоявшемся звонке, и оба тренера впервые, пока без деталей, обсуждали возможность совместной работы. «Я до сих пор не понимаю, — говорит Базилевич, — как это Лобановский додумался до этой сумасшедшей идеи — работать вместе!..»

Ни один из динамовских футболистов не мог сказать ничего плохого о Севидове. И — не сказал. У тех, кто работал с Масловым и Севидовым, была возможность сравнивать: Севидов, в отличие от Виктора Александровича, — миротворец. Уравновешенный, спокойный, никогда не повышал голоса. «Александр Александрович, — делится наблюдениями Валерий Мирский, частенько игравший с Севидовым в шахматы, — со своим тихим голосом и обаятельной улыбкой напоминал скорее доктора

Айболита, нежели тренера». Динамовских игроков полностью устраивало ещё одно присущее Севидову качество: он постоянно, из недели в неделю, заботился о повышении их материального состояния — доплаты, премии, новые звания, автомобили, замена квартир... Тренерский авторитет такая заботливость, несомненно, укрепляла. Но, позаботившись о регулярной выдаче пряников, Севидов даже не знал, где находится кнут. Он предполагал лишь, что кнут ему не понадобится. «Севидов, — считает Мирский, — оставался для футболистов старшим братом и повивальной бабкой их запросов даже тогда, когда его беспробудное добродушие начало откровенно мешать делу». После домашнего матча, например, он, вместо того чтобы объявить о немедленном отъезде на базу для проведения необходимых восстановительных мероприятий, мог поинтересоваться у футболистов, кто из них желает отправиться туда добровольно. Находились двое-трое из молодых. Буряк, Колотов, Блохин уже тогда понимали важность правильного времяпрепровождения после напряжённой игры. Стерильные условия: баня, массаж, витамины, продуманное докторами меню, хорошие продукты, сон на свежем воздухе в Конча-Заспе — рядом сосновый лес.

«Надо заметить, — писал всё тот же Галинский, — что команду отобрали у Севидова, когда ей осталось провести в первенстве страны всего три матча, причём против несильных команд, и если бы эти встречи киевляне выиграли, они, безусловно, стали бы чемпионами. После того как Севидов уехал из Конча-Заспы, на базу привезли нового тренера — Валерия Лобановского. Те, кто всю эту акцию задумал и осуществил, видимо, рассчитывали, что воленс-ноленс команда будет играть на победу в чемпионате и таким образом Лобановский сразу станет тренером, выигравшим золотые медали. Однако футболисты встретили его угрюмо, и Лобановский от управления командой в оставшихся матчах благоразумно отказался. Это поручили Михаилу Коману. Но поскольку настроение у футболистов не улучшилось, играли они безо всякого подъёма и вместо шести победных очков сумели взять только три. В результате — серебряные медали».

Запущенная версия легко подхватывается, становится для непосвящённых чуть ли не бесспорной истиной, и вот уже кандидат экономических наук Роберт Воскеричян заявляет ничтоже сумняшеся: «Интригу, благодаря которой Лобановский сменил Севидова, можно, конечно, назвать хитрой, я бы определил её как коварную, подлую и т. п., тем более что подобную попытку он делал ещё в 1972 году, но футболисты тогда воспротивились. Лобановский выпихнул Севидова за три тура до

конца первенства. Это всем известно!...» «Подло выпихнул» — и точка! Всем же «известно»...

Что ж... Во-первых, Лобановского после отъезда Севидова на базу не привозили и футболисты никак не могли встретить его «угрюмо». Команде он был представлен — причём в качестве тренера, который начнёт работать с ней с 1 января, а пока будет только присматриваться и знакомиться с игроками, — уже после того, как динамовцы выиграли на своём поле первый после финала матч чемпионата — у «Зенита» (2:0), и не было заметно, чтобы они «играли безо всякого подъёма».

Первая встреча Лобановского с футболистами «Динамо» произошла во Львове, за сутки до встречи с «Карпатами». В номере люкс гостиницы «Львов» 19 октября 1973 года его представил игрокам тогдашний председатель Спорткомитета Украины Владимир Кулик. Он вспоминал, как в полной тишине Олег Блохин сказал: «До сих пор мы работали, теперь будем вкалывать». О том, как тренировался «Днепр», в футбольном мире знали все.

Во-вторых, играть «Динамо» в чемпионате оставалось не три матча, а четыре, причём только один из них — на своём поле, что в условиях исключительно напряжённого календаря внутреннего первенства, наслаивавшегося на участие киевского клуба в розыгрыше Кубка УЕФА, выглядело делом весьма сложным. И набрали киевляне, которыми руководили Коман и Терентьев, в этих оставшихся встречах не три очка, а пять: победы над «Зенитом» в Киеве и «Пахтакором» в Ташкенте, выигрыш по пенальти во Львове у «Карпат» (дававший одно очко) и поражение по пенальти в Алма-Ате от «Кайрата». Но и их не хватило для того, чтобы достать лидировавший «Арарат», который взял на этом же четырёхтуровом отрезке семь очков. Киевское «Динамо» здорово подкосило крупное поражение в Москве от ЦСКА 0:3 — ещё с Севидовым, за несколько дней до кубкового финала.

Севидова не могли спасти даже хорошие отношения, сложившиеся у него с футбольным куратором «номер два», секретарём ЦК КПУ Яковом Погребняком. Погребняк, самый молодой первый секретарь партийного обкома (ему в 1966 году, когда он возглавил Ивано-Франковскую область, не было и 38 лет), стал и самым молодым в СССР секретарём ЦК республиканской компартии (43 года в 1971-м). Спорт в ЦК КПУ по должности обязан был курировать секретарь по идеологии, но им тогда был Фёдор Данилович Овчаренко, крупный учёный-химик, академик, и спорт, как самому молодому, «отдали» Погребняку. Чемпионат СССР 1971 года киевское «Динамо» с тренером Севидовым и куратором от ЦК

Погребняком выиграло. И когда Овчаренко заменили другим секретарём по идеологии, Валентином Ефимовичем Маланчуком, спорт новичку передали, но футбол оставили за Погребняком. Решение принял Владимир Васильевич Щербицкий, в мае 1972 года сменивший на посту первого секретаря Петра Шелеста.

Погребняк полагал, что это всего лишь рутинная зона ответственности, менее значимая, нежели торговля, которую он, в числе прочего, курировал. Но Щербицкий постоянно интересовался предматчевыми деталями («А по какой тактике будут играть?»; «А Мунтян выйдет?»; «А как себя чувствует Колотов?»), и Погребняку пришлось выработать свою схему подготовки к играм. После появления в «Динамо» Лобановского он взял за правило в день матча непременно говорить с тренером, узнавать все новости и во всеоружии представлял перед Щербицким.

После поражения в финале Кубка СССР 1973 года Погребняк не спал всю ночь. На работу, по его словам, «шёл с ватными ногами, чувствовал, что достанется». За футбол Погребняку доставалось больше, чем за вместе взятые торговлю, машиностроение, лёгкую промышленность и транспорт, входившие в кураторский круг секретаря ЦК. В ЦК все собирались к девяти утра. Щербицкий обычно приезжал в десять. Погребняк утром после фиаско в финале ничем заниматься не мог — ждал звонка. Звонок раздался без четверти десять. Погребняк даже не помнил, поздоровался с ним тогда Щербицкий или нет, запомнил лишь слова футбольного куратора «номер один»: «Яков Петрович, чтобы я такого позора, как вчера, больше не видел. Делайте, что хотите. Подумайте, как укрепить тренерский состав “Динамо”».

Это был приказ. Погребняк собрал «консилиум»: он сам, заместитель председателя Совета министров Владимир Ефимович Семичастный, заместитель министра внутренних дел генерал-лейтенант Иван Никифорович Катаргин, председатель совета добровольного спортивного общества «Динамо» Михаил Макарович Бака, заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды КПУ Леонид Макарович Кравчук (будущий первый президент Украины), заведующий сектором физкультуры и спорта того же отдела Иван Иванович Клопов. Прозвучала фамилия Лобановского (первым, возможно, произнёс её ещё перед «консилиумом» сам Щербицкий; в точности это неизвестно).

Во всех республиканских политбюро в те времена, по примеру Политбюро ЦК КПСС, обедали вместе. В украинском Политбюро обед накрывали на двенадцать персон: первый секретарь, пять обычных

секретарей, председатель Совета министров, председатель Президиума Верховного совета, глава КГБ, командующий военным округом, руководители Киева и профсоюзов. Обедали обычно на скорую руку, полчаса, не больше. Затем обсуждали самые важные дела.

Погребняк, постоянный участник обедов, описывал их так:

«Секретарь ЦК, отвечавший за село, говорит, например: у нас не хватает крупного рогатого скота, который даёт высокие надои. Не можем мы вырастить! А потому желательно закупать, скажем, в Норвегии. Щербицкий интересуется, сколько это будет стоить. Секретарь сообщает сумму в валюте. Первый секретарь обращается к председателю Совета министров Ляшко: Александр Павлович, что вы на это скажете? Тот идею одобряет — дело, мол, нужное — и обещает выделить деньги из резерва...

Множество вопросов. То строителей надо было перебросить на строительство крупнейшего металлургического завода в Кривом Роге, то разобраться с поставками мяса в Москву — первый секретарь МГК Гришин, он же главный куратор и болельщик “Спартак”, всё время возмущался, что недодаём...

Спорить на обедах мы тогда, кстати, спорили и точку зрения свою отстаивали очень активно. Но когда решение принималось, действовали в соответствии с ним и на люди отдельного своего мнения не выносили. В интересах дела».

Во время обеда, проходившего после «консилиума», Щербицкий справился у Погребняка: кого будем брать на «Динамо»? Погребняк назвал Лобановского. Щербицкий согласился. На решение это, по словам Погребняка, повлияли объективные факторы: хорошо играл, хорошо работал в «Днепре», «да и своего, родного тренера хотелось...».

По поручению Политбюро (пускай и устному) Погребняк пригласил Лобановского для беседы. Беседа продолжалась около двух часов. До этой встречи Погребняк и Лобановский знакомы не были. Погребняк вспоминает, что перед ним предстал «высокий, худощавый молодой человек, державшийся настороженно». Выслушав предложение, соглашаться не спешил, сказав: «Одно дело заниматься “Днепром”, другое — “Динамо”. Ведь вы потребуєте одних побед... Мне надо разобраться». Погребняк его успокоил: «Завтра же требовать не станем, хотя и неудачи долго терпеть не хочется».

На следующей встрече договорились о том, что Лобановский будет представлен команде, начнёт с ней знакомиться, а через месяц принесёт в ЦК предложения по развитию клуба. Предложения Лобановский разрабатывал вместе с Базилевичем, фамилию которого — как человека, с

которым он намерен работать в тандеме, — назвал в кабинете Погребняка на следующей встрече. «В назначенный день, — вспоминал Яков Петрович, — фундаментальная программа Лобановского лежала передо мной: укрепление состава, оснащение спортивной базы, создание условий для подготовки молодых талантов, улучшение материальных условий футболистов и их семей...»

Погребняк курировал «Динамо» до 1987 года. У него была прямая телефонная связь с Лобановским. Перед особо ответственными матчами Валерий Васильевич звонил Погребняку, и они обговаривали сумму премиальных за победу. «В день игры, — рассказывал Погребняк, — во время обеда в зале для членов Политбюро Щербицкий интересовался, будут ли играть Блохин с Буряком, спрашивал, кто из игроков травмирован, всё ли нормально в команде. Я подробно отвечал, а потом говорил о премии. Владимир Васильевич обращался к председателю Совета министров Ляшко с вопросом: “Александр Павлович, найдём?” — “Если надо, найдём!” — кивал Ляшко. За международные матчи, выигрыши чемпионата или Кубка СССР каждый игрок мог получить дополнительную приличную премию».

Вряд ли в какой-либо другой советской республике местный ЦК компартии столь тщательно занимался делами футбольной команды, как в Киеве. И всё, разумеется, шло от «головой» — от Щербицкого, прекрасно осознававшего, какая важная роль отведена футболу в жизни общества, и за футбол всегда переживавшего по-болельщицки. Но только Лобановский, по словам Погребняка, решал, кому и какую дать квартиру, машину. Если в ЦК пытались подсказать ему, назвать какие-то фамилии, Лобановский отвечал: «Нет, это — команда. Подошла очередь следующих игроков. Пусть они не ведущие, но тяготы тренировочные переносят наравне со всеми».

По датам события, связанные с назначением Лобановского, реконструируются следующим образом:

10 октября 1973 года, среда. Проигранный киевским «Динамо» в Москве финал Кубка СССР «Арарату».

11 октября, четверг. Щербицкий утром выговаривает Погребняку, Погребняк собирает «консилиум», на котором принимается решение уволить Севидова и поставить на киевское «Динамо» Лобановского. О решении Погребняк докладывает членам Политбюро ЦК КПУ во время традиционного обеда. Щербицкий решение одобряет.

Погребняк звонит в Днепропетровск в обком партии, ставит в известность первого секретаря обкома Алексея Фёдоровича Ватченко о принятом решении, просит сообщить об этом директору «Южмаша»

Макарову, а затем звонит Лобановскому и вызывает его в Киев на понедельник, 15 октября.

12 октября, пятница. Мизяк приезжает на базу киевского «Динамо» в Конча-Заспу и объявляет Севидову об увольнении. С командой остаются Михаил Коман и Виктор Терентьев.

14 октября, воскресенье. «Динамо» играет в Киеве с «Зенитом» (2:0), а «Днепр» на своём поле — с московским «Динамо» (2:3) — последний матч Лобановского с днепропетровской командой.

15 октября, понедельник. Утренним рейсом Лобановский с Адой прилетают в Киев. Из аэропорта «Жуляны» Ада едет домой, Валерий отправляется в Спорткомитет Украины на короткое совещание с Куликом, а оттуда едет в ЦК на встречу с Погребняком. Договариваются встретиться на следующий день.

Лобановский звонит Базилевичу, рассказывает ему о сложившейся ситуации и предлагает поработать вместе. Базилевич отвечает согласием.

16 октября, вторник. В ЦК на встрече Погребняка с Лобановским присутствуют все члены «консилиума». Лобановский называет фамилию Базилевича. Договариваются о том, что официально оба тренера приступят к работе с «Динамо» 1 января 1974 года; неофициально же Лобановский начнёт знакомиться с командой и клубной инфраструктурой немедленно и в течение месяца будет готовить вместе с Базилевичем предложения по развитию «Динамо».

19 октября, пятница. Лобановский вместе с «Динамо» вылетает во Львов. Вечером перед ужином Кулик в номере люкс представляет команде Лобановского.

21 октября, воскресенье. В еженедельнике «Футбол-хоккей» (№ 42) в обзоре очередного тура журналист Лев Лебедев сообщает: «Кстати, старшим тренером команды стал сейчас В. Лобановский, сменивший на этом посту А. Севидова».

В 1973 году, если сравнивать с годом предыдущим, вопрос о перемещении в столицу республики решался иначе. Никакого зондирования. Лобановского вызвали в Киев. На Як-40 они с Адой, которой Валерий ничего не говорил о «Динамо» — сообщил только о совещании, прилетели утром в аэропорт «Жуляны». Ада поехала домой, Валерий — на короткое совещание в Спорткомитет, а оттуда напрямую в ЦК, к Погребняку. Никаких «да» или «нет». Только: «Вы должны возглавить “Динамо”».

«В октябре 73-го, — вспоминал Лобановский, — меня вызвали в Киев. Наверное, на очередное совещание, подумал я тогда, на день-два, не

больше. Поброжу по родному осеннему городу, в котором бывал изредка, наездами, и по которому скучал, где бы ни находился.

Бродить не пришлось. “Мы давно следим за вашей работой в Днепропетровске и предлагаем вам возглавить киевское ‘Динамо’, — ошарашили меня. — Подумайте. С ‘Днепром’ мы все вопросы уладим”. Я позвонил Базилевичу и сказал: “Петрович, похоже, есть возможность поработать вместе”. — “Понимаю, — с присущим ему юмором ответил он, — тебя выгоняют из ‘Днепра’, и ты просишься в ‘Шахтёр’, который в турнирной таблице выше”. — “Если бы так. — Мне было не до смеха. — Речь идёт о киевском ‘Динамо’ ”. — “???” — “Да, именно так, мне только что сообщили об этом”, — сказал я. “Отказываться нет смысла”, — ответил Базилевич.

На следующей встрече с приглашавшими я твёрдо назвал фамилию Олега. “В какой роли?” — спросили меня. “Ещё одного старшего тренера”, — ответил я. “Но ведь в штатном расписании...” — “Неважно, как его должность будет называться на бумаге. Главное — в сути”. Договорились, что официально мы приступим[^] работе с командой с января 1974 года. Пока же я буду постепенно знакомиться с ней, а Базилевич — заканчивать сезон в “Шахтёре”, который в итоге стал шестым в год дебюта в высшей лиге.

Были ли у нас сомнения? Конечно же. Связанные прежде всего с тем, что от киевского “Динамо”, пятикратного к нашему приходу в команду чемпиона, ждали (и всегда ждут) только самых высоких результатов. Гарантий от нас не требовали, да мы их и не дали бы — не страховое агентство, но сами-то понимали, что ничего иного, кроме как чемпионства, от нас не ждут.

Боялись ли мы? Нет, страха не было. Волнение — да. И нетерпение — скорее бы приступить к серьёзной работе.

Программное совещание, которое мы провели с Базилевичем и на котором выработали все основные принципы совместной деятельности, для себя шутливо окрестили “встречей в ‘Славянском базаре’”, памятуя обсуждение серьёзных творческих и вспомогательных вопросов между К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко. В принципах мы определились, дело было за их реализацией с помощью наших новых партнёров по “футбольному производству”».

В тандеме, формально, в соответствии с регламентными нормами в штатном расписании, разбитом на «начальника команды» (предполагалось, что занимается он только воспитательной работой) и «старшего тренера», Базилевич всегда оставлял за Лобановским главенствующую роль. Хорошо

знающий себе цену и уверенный в своих силах и уровне подготовленности, Олег Петрович называет Валерия Васильевича «бесспорным лидером» и говорит, что у него «даже в мыслях не возникало желания встать вровень с ним». Они сообща проводили установки на матчи: Базилевич знакомил команду с планом организации оборонительных действий команды, Лобановский — действий атакующих. «Мы оба, — говорит Базилевич, — вели процесс, и оба несли за него ответственность. Никогда не возникал вопрос, кто более, а кто менее авторитетен, так как я никогда не забывал, что нахожусь в роли второго лица... Надо сказать, Васильич ни разу не дал почувствовать, что он к моим функциональным обязанностям относится без должного уважения».

Футболисты, соглашаясь с тем, что в тандеме наблюдалось равенство, что Лобановский и Базилевич дополняли друг друга, тоже отмечают тем не менее заметное лидерство Лобановского, хорошо знавшего, как выстроить работу и с наибольшей эффективностью воплотить в жизнь замыслы — свои и Базилевича.

В условиях абсолютного единоначалия в Советском Союзе во всех сферах жизни тандем из двух старших тренеров в киевском «Динамо» выглядел, мягко говоря, непривычно. Все спрашивали: кому в тандеме принадлежит последнее слово? Никому. Все решения Лобановский и Базилевич принимали вдвоём, обсуждая их только между собой. Творческие споры окрыляли их, делали сильнее, продвигали в профессии вперёд. Даже во время игр, когда необходимо было вносить коррективы в действия команды, они сначала обменивались мнениями, а затем либо производили замены, либо уточняли функции того или иного футболиста на поле. Возглавить киевское «Динамо» пригласили, понятно, Лобановского, но Базилевич, когда Лобановский позвал его поработать вместе, никогда бы, уходя из «Шахтёра», ставшего при Олеге Петровиче вполне конкурентоспособной командой, не согласился на роль второго тренера. Даже при Лобановском. Лобановский, впрочем, и не предложил бы ему занять вторую позицию. Только — вместе. Иной подход характер их взаимоотношений и уровень профессионализма исключали. «Мне очень больно, — говорил спустя десятилетия после динамовского триумфа в середине 70-х Базилевич, — когда команду 1975 года называют командой Лобановского». Боль Базилевича понятна, потому что ту великую команду сделали они оба. И сам Лобановский никогда не называл её своей. Он, надо сказать, ни одну из команд, которые тренировал, не называл своей. Только — «нашей».

Последнее слово принадлежало обоим, но с кого следовало, в случае

неудачи, спрашивать? Если два года подряд (1974 и 1975) спрашивать было не за что — сплошные поощрения, то в 1976-м, когда всё, что сделали и «Динамо», и сборная страны, включая бронзовые медали монреальской Олимпиады, было названо «провалом», спросили по полной программе. Со всех. Олег Петрович, правда, считает, что спросили только с него одного, но говорит он это лишь потому, что его после знаменитого бунта-76 отправили в отставку, а Лобановского оставили.

«Но кто не мечтал бы работать в “Динамо”! — вспоминает о той поре Олег Базилевич. — От таких предложений не отказываются. Правда, была одна загвоздка: ни до, ни после мы не сталкивались с подобным прецедентом. В спортивном руководстве прямо так и заявили: “Два самостоятельных тренера — что два медведя в одной берлоге”».

Несмотря на записи в штатном расписании, работу на равных зафиксировали в официальном документе — в 1975 году в постановлении Президиума Верховного совета УССР о поощрении футболистов и тренеров киевского «Динамо»: «За заслуги в развитии отечественного футбола, завоевание Кубка обладателей Кубков европейских стран наградить: Почётной грамотой Президиума Верховного Совета Украинской ССР Базилевича Олега Петровича — старшего тренера, Лобановского Валерия Васильевича — старшего тренера».

Базилевич, несмотря на то что они с Лобановским достаточно хорошо знали друг друга и считали себя единомышленниками, с изрядной долей настороженности отнёсся к предложению совместной работы. Лобановский, однако, чётко сформулировал и обосновал свою идею: «Порознь выйти на более высокий уровень в современном футболе, работая с исполнителями иного класса, нежели в “Днепре” и “Шахтёре”, нам в ближайшее время вряд ли удастся. Значит, необходимо сложить наш потенциал, объединить наши наработки, “слить” наши “лаборатории” в одну и попытаться осуществить прорыв». Лобановскому удалось убедить руководителей («Как ему удалось сделать это, не знаю, — говорит Базилевич. — Убедить меня, что “игра стоит свеч”, ему было проще») — вопрос о тандеме был одним из первых, поставленных им во время разговора в ЦК.

Он «всё продумал до мелочей, — говорит Базилевич. — Что касается дележа чего-то, то уровень взаимоотношений у нас был иной: видимо, в детстве нас родители хорошо воспитывали... Кроме того, у нас была общая цель. Что касается идеи, которую мы собирались реализовать, то для этого необходимо было до мелочей продумать чёткую организацию процесса, создать новую инфраструктуру. И в этом Лобановский оказался

непревзойдённым специалистом!

Кроме теоретических разработок следовало создать в команде соответствующий микроклимат, чтобы люди, доверившие нам свои судьбы, своё здоровье, свои таланты, стали нашими единомышленниками. Всё, что было задумано, можно было реализовать лишь на взаимной деловой основе. Создавалось впечатление, что он спланировал шахматную партию — так чётко всё было просчитано».

Первое появление Лобановского в киевском «Динамо» в тренерском статусе обрастало домыслами; одна версия опережала другую, фактами не подтверждённую по простой причине — отсутствию достоверной информации, характерной составляющей не только советского футбола, но и остальных сфер человеческой деятельности.

Одну из таких историй выдумал (другого слова не подобрать) Аркадий Галинский. Самому Лобановскому отводилась в ней роль бессловесного статиста, способного без лишних вопросов одобрить действия Александра Петрашевского, «администратора» (так назвал его автор, резко принизив статус специалиста и даже, можно сказать, унизив его), команды, в которой тот тогда работал, — днепропетровского «Днепра». (Но Петрашевский никогда не был администратором. Если и приходилось ему — в киевском «Динамо» — в каких-то частных случаях выполнять на первых порах администраторские функции, то точно так же эти функции выполняли и Базилевич, и Лобановский. И так продолжалось до тех пор, пока на посту администратора не появился Григорий Спектор).

Петрашевский — из Днепропетровска. Играл в местных командах «Машиностроитель» и «Металлург», уезжал в тбилисское «Динамо» и ярославский «Шинник», сезон 1965 года провёл в составе «Днепра». Окончил Киевский институт физкультуры. Работал тренером в группе подготовки «Днепра», затем — в первой команде, где был помощником Лобановского. И в Киев его с собой Лобановский брал в роли тренера. За выход «Днепра» в высшую лигу Петрашевскому присвоили звание «Заслуженный тренер УССР». Евгений Рудаков рассказывал, что с ним после прихода Лобановского в «Динамо» постоянно занимался Петрашевский (тогда не было специальных тренеров и научно обоснованных упражнений для вратарей): отрабатывал угловые, стандарты, фланговые передачи. «Весь зимний подготовительный период перед сезоном 1973 года, — свидетельствует Олег Базилевич, работавший в то время с донецким «Шахтёром», — у меня в команде провёл помощник Лобановского в “Днепре”, наш общий друг и единомышленник Александр Петрашевский. Смотрел все мои тренировки и контрольные матчи, делал

записи. Нам на самом деле нечего было скрывать друг от друга — мы понимали тогда, что создаётся принципиально новая система подготовки футболистов и организации игры и свободный обмен идеями может только помочь ей утвердиться».

Но вернёмся к версии Галинского. В течение десяти лет он, по его собственным словам, размышлял на эту тему, «и вот однажды летом 1984-го, — пишет Аркадий Романович, — пришла мысль: а не связаны ли вызовы Лобановского в Киев и назначение его тренером “Динамо” с тем, что приятель Лобановского — администратор “Днепра” Петрашевский — является, в свою очередь, близким другом Валерия Щербицкого, сына первого секретаря ЦК КП Украины? Разыскать Петрашевского труда не составило, и вот уже он охотно и весело рассказывает, как было дело. Мне, говорит Петрашевский, очень хотелось перебраться в Киев, да только я не знал, как можно это сделать, не имея там жилья! Но как-то подумалось, что всё решилось бы наилучшим образом, если бы тренером киевского “Динамо” вместо Севидова стал Лобановский. А дальше уже сработала, по словам Петрашевского, его давняя дружба с Валерием Щербицким... Этот рассказ я записал, с согласия Петрашевского, на магнитофонную плёнку и вот слушаю: “Не было бы Петрашевского, — смеётся бывший администратор “Днепра”, — не было бы и тренера киевского “Динамо” Лобановского!».

В день публикации этой «конструкции» Галинского в «Советском спорте», 27 сентября 1991 года, мне позвонил возбуждённый Петрашевский и буквально выкрикнул: «Ты же понимаешь, я ничего этого не говорил! Галинский всё придумал! Надо что-то делать! Надо немедленно давать опровержение этой фразы!» — «А что опровергать, Алик? — мягко спросил я. — Магнитофонную запись?»

Я ни секунды не сомневался в том, что разговор с Петрашевским Галинский записал на магнитофон, подключённый у него дома к телефону. (Он записывал почти все телефонные разговоры. Чаще всего — без предупреждения). Ни секунды не сомневался я и в том, что Аркадий Романович, как всегда, изложил сказанное Петрашевским так, как ему было выгодно, и добавил при этом от себя то, что посчитал нужным. Вовсе не случайно он в качестве прямой речи привёл только одну фразу: «Не было бы Петрашевского, не было бы и тренера киевского “Динамо” Лобановского!» Эту фразу Петрашевский, не всегда, надо сказать, адекватно оценивавший свою роль при знаменитом тандеме киевского «Динамо» и считавший иногда, что то был не тандем, а триумвират, вполне мог произнести. Но он и предположить не мог, в каком контексте она будет

преподнесена публике!

Первый раз Галинский поведал о версии с Петрашевским на страницах киевской газеты «Комсомольское знамя» 20 марта 1991 года. Повторил он её спустя полгода — 27 сентября — в «Советском спорте». Потом дублировал регулярно в различных московских изданиях. В «Советском спорте» Галинский сообщил: «Всю эту историю я рассказал примерно полгода назад в киевской газете “Комсомольское знамя”, и опровержения до сих пор не последовало, хотя, как мне сообщили киевские коллеги, с публикацией ознакомились и Лобановский, и сын Щербицкого — Валерий».

Лобановскому и в голову не могла прийти мысль вообще что-то опровергать. Тем более — несусветные домыслы Галинского. Лобановский работал тогда в Эмиратах. О публикации в «Комсомольском знамени» ему рассказали. В разговоре со мной по этому поводу он только смеялся: «Ну Алик и даёт!.. Повеселил. Зачем вот только?..»

Сын же Щербицкого Валерий при всём желании не мог ни прочесть публикацию, ни опровергнуть её: за два месяца до этого, 22 января 1991 года, на 45-м году жизни он скончался и был похоронен на Байковом кладбище. Коллеги, на которых ссылается Галинский, подвели его, а сам он привычно не удосужился проверить факт, в конструкцию им прочно встроенный и на неё работавший.

И вот уже версию Галинского повторяет в собственном изложении журналист Василий Андреев в издававшемся в нулевые годы еженедельнике «Футбол. Хоккей» (не путать с традиционным «Футболом-хоккеем»): «...дружил молодой Петрашевский с сыном Щербицкого, первого лица украинской компартии. Сын, если верить Галинскому, сидел на наркотиках — и потакал отец всякой его слабости. Лишь бы вытянуть из пропасти. И задумал Петрашевский через приятеля скинуть Севидова. А на его киевское место поставить Лобановского. С ним перебраться в “Динамо”, ездить, зарабатывать, первая команда республики, лицо Украинской ССР... План сработал на все сто». Такое вот развитие «сказки», сочинённой Галинским, которого Андреев называет «первым врагом» Лобановского (вот только Валерий Васильевич об этом не знал...).

Вообще-то если исходить из версии Галинского, то всё должно было произойти ещё поздней осенью 1972 года, но тогда, как мы помним, состоялся лишь предварительный разговор помощника Щербицкого с тренером «Днепра». А ведь все обстоятельства уже тогда складывались в пользу жёсткого решения «хозяина» — Владимира Щербицкого — о немедленном переводе Лобановского из Днепропетровска в Киев. Во-

первых, если верить Галинскому, сын Валерий попросил папу — В. В. Щербицкого — заменить Севидова и поставить на его место Лобановского только для того, чтобы в Киеве наконец-то смог получить хорошую работу и жильё Петрашевский. Во-вторых, чемпионат СССР 1972 года Севидов проиграл. Мало того что это произошло в первый же год работы Щербицкого на новом посту (с 25 мая 1972 года), так ещё и проигран был турнир не кому-нибудь, а «Заре» из Ворошиловграда, в котором областную партийную организацию возглавлял недруг Щербицкого, его тезка Владимир Васильевич Шевченко. И, наконец, сам Лобановский показал в «Днепре» высокий уровень тренерской работы, сначала выведя команду в высшую лигу, а потом, в первый же сезон, заняв шестое место с отставанием от второго призёра чемпионата, кстати, киевского «Динамо», всего на одно очко. Но в том-то и дело, что версия — сочинённая!

А ещё добавил бы попутно, что если бы Петрашевский через сына Щербицкого имел такое колоссальное влияние на первого секретаря ЦК компартии Украины, то, наверное, он бы не пострадал вместе с Базилевичем после бунта 1976 года.

Итак, Севидова сняли, и сезон 1973 года команда завершала с Михаилом Команом и Виктором Терентьевым, но с ней уже ездил, не на все, правда, матчи, Лобановский. «В тренировочный процесс, — вспоминает Решко, — он не вмешивался. Первую тренировку с нами провёл накануне ответного — выездного — матча Кубка УЕФА против “Штутгарта”». На своём поле динамовцы выиграли 2:0 и имели неплохие шансы на выход в «еврокубковую весну». За сутки до игры в ФРГ Лобановский основательно погонял команду, нагрузив её скоростной работой. «На мой взгляд, — весьма неожиданным образом объясняет Решко проигрыш «Штутгарту» со счётом 0:3, не позволивший «Динамо» пройти дальше, — Валерий Васильевич это поражение спровоцировал сознательно. Чтобы начать 1974 год с нуля. Лобановский с Базилевичем собирались воплощать свои программы, научный подход. А подготовкой к еврокубкам форму пришлось бы форсировать. Иными словами, тренеры сделали всё, чтобы “Штутгарт” мы не прошли. Также тогда были заморозки, скользкое поле. Подогрева газона ещё не применяли, а мы имели только по одной паре бутс. Это усложняло задачу. Соперники вышли на прилипках, а мы — на шипах. Немцы лучше держались на ногах».

По силам ли было тренеру смоделировать одно-единственное занятие команды таким образом, чтобы «спровоцировать» её поражение с необходимым сопернику счётом и «сделать всё», чтобы не пройти «Штутгарт»? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует, полагаю,

обратить внимание на три немаловажных обстоятельства.

О первом сообщил Решко: немцы лучше стояли на ногах, поскольку у них была более пригодная для игры на скользком поле обувь. Второе — отсутствие у киевских футболистов игровой практики на протяжении длительного времени. Чемпионат страны команда завершила 1 ноября матчем в Ташкенте с «Пахтакором». В течение последующих шести недель, до ответной встречи в Штутгарте, киевляне выходили на поле лишь дважды: 7 ноября в Дании в матче Кубка УЕФА с «БК 1903» и 27 ноября в Киеве, когда они принимали «Штутгарт» на своём поле. Очень мало для футболистов, которые постоянно должны быть в игровом тонусе! И, наконец, Лобановский выставил в Штутгарте сильнейший на тот момент состав, две недели назад обыгравший немецкий клуб. Никаких признаков безразличия к игре со стороны динамовцев не наблюдалось. При счёте 0:0 только феноменальная реакция вратаря «Штутгарта» Хайнца спасла его команду от гола после коварного удара Мунтяна. Хозяева поля с огромным трудом за две минуты до перерыва сумели «пробить» великолепно игравшего Рудакова. И лишь блестящие слаженные командные действия «Штутгарта», показавшего, по утверждению западногерманского журналиста Ханса Блинкенсдорфера (отчёт которого опубликовал еженедельник «Футбол-хоккей»), лучшую игру в сезоне, помогла немцам додавить гостей в концовке матча — третий гол был забит на 87-й минуте.

Ну а что же футболисты «Динамо»? Как только игроки узнали о приходе новых тренеров, они моментально, в своём кругу, составили мнимый «список» на отчисление, который Лобановский с Базилевичем якобы уже положили на стол высокопоставленных руководителей как одно из выдвинутых ими условий, необходимых для обязательного выполнения.

На самом деле Лобановский и Базилевич не составляли никакого списка. Изучив состав «издали», они, как говорил Лобановский, пришли к выводу: состав вполне боеспособен. Полностью устраивало их и такое немаловажное обстоятельство, как возможность варьировать именно с этой группой игроков задуманными тактическими вариантами. Для их реализации дополнительно требовался лишь один высококвалифицированный футболист опорной зоны. Он — Анатолий Коньков — и был приглашён из донецкого «Шахтёра». Возможности Конькова хорошо знал работавший в Донецке Базилевич.

Кроме того, Лобановский и Базилевич даже в мыслях не допускали начинать свою деятельность в киевском «Динамо» с отчислений. Лобановский, о чём свидетельствует вся его тренерская карьера, всегда слыл категорическим противником отчислений игроков и прибегал к этой

крайней мере в редчайших, исключительных случаях — лишь тогда, когда понимал: ничего уже поделать нельзя.

Между тем разговоры о мифическом «списке» не утихали даже после ухода Лобановского из жизни. Владимир Мунтян, например, утверждает, что проходил в этом списке под «первым номером» и именно это послужило началом его «трений» с Лобановским. «Перед товарищеской встречей “Динамо” в Днепропетровске с “Днепром”, который тренировал Лобановский, — рассказывает Мунтян, — я утром выпил с друзьями. Выйти на матч, естественно, уже не мог. Этот случай, когда я подвёл ребят, из биографии, конечно, не вычеркнешь».

В Киеве Мунтяну устроили тогда разнос. Приехавший на собрание заместитель председателя Совета министров Владимир Семичастный вопрошал: «Как посмел кандидат в партию выпить стакан водки?» И вдруг в «Динамо» появляется Лобановский, которому, конечно же, доложили о прегрешениях Мунтяна. Но Лобановскому с Базилевичем, повторяюсь, и в голову не приходило составлять какие-то «списки», реагируя таким образом на поступившие «сигналы». Мунтян же за четыре сезона, проведённых в «Динамо» при Лобановском, мало того что играл столько же, сколько при Маслове и Севидове, так ещё и титулов (три чемпионата страны, Кубок СССР, европейский Кубок обладателей кубков и Суперкубок Европы) выиграл за четыре года больше, чем за предыдущие девять лет.

«Надо отдать Лобановскому должное, — говорит Мунтян. — Несмотря на некоторые разногласия между нами, он предоставил мне, тридцатилетнему ветерану, возможность выходить на поле в основном составе. Хотя мог бы обидеться, отправить надолго в запас и, в конце концов, поставить на мне крест. Но он этого не сделал».

После всех сложностей, возникших в «Динамо» в 1976 году, Мунтян решил уйти сам, но потом, отдохнув в Кисловодске, решение поменял и заработал вместе с командой свою седьмую золотую медаль чемпиона Советского Союза. «Спасибо Васильичу!» — не устаёт повторять футболист.

Лобановский всегда считал Мунтяна высококлассным игроком. Несколько матчей они провели вместе за дубль в 1964 году, когда Маслов выставил Лобановского из основного состава. Мунтян вспоминает, как однажды Лобановский не стал бить пенальти, а предложил сделать это ему. Мунтян не забил, но услышал от Лобановского не критические, а поощряющие слова: «Ничего, в следующий раз получится».

«Дабы освободить в киевском “Динамо” должность для Петрашевского, — продолжал гнуть «свою линию» Аркадий Галинский, —

был столь же бесцеремонно (как Севидов? — А. Г.) вышвырнут оттуда один из наиболее опытных и честнейших футбольных администраторов — Рафаил Фельдштейн». (Галинский продолжает упрямо называть Петрашевского «администратором» даже несмотря на то, что с первого дня пребывания в динамовской команде он занимал должность тренера, для которой ничего освобождать не требовалось.)

В этом утверждении Аркадия Романовича всё смешано в одну кучу. Нет никаких оснований сравнивать увольнения Севидова и Фельдштейна. Севидова отправило в отставку партийное и спортивное руководство Украины. Поисками же нового персонала для команды — в частности, врача, массажиста и администратора, как это всегда и везде происходит в ситуациях с кардинальными переменами, занялись Лобановский и Базилевич.

Лобановский обзвонил многих специалистов, в том числе главного футбольного врача страны Савелия Мышалова, чтобы узнать, например, их мнение о молодом докторе из Кемерово — Владимире Малюте, рекомендованном в «Динамо». После перехода из кемеровской больницы в футбольную команду Владимир Игоревич, к слову, «задержался» в киевском клубе на сорок с лишним лет.

Фельдштейна Лобановский и Базилевич хорошо знали. Он работал в команде несколько десятилетий («Мне, — говорил он, — оставалось четыре месяца до сорока лет в “Динамо”, что они, потерпеть не могли?») и выдавал обоим форму ещё тогда, когда они сами играли.

Новые тренеры, возможно, и оставили бы Фельдштейна на какое-то — переходное — время, хотя и видели на этом месте нового, энергичного человека. Но Рафаил Моисеевич сам помог им принять то решение, которое они приняли. Фельдштейн, продолжая оставаться в штате команды, принялся рассуждать об ошибочности замены Севидова молодым, неопытным тренером, ничем себя не проявившим. Нов коллективе, который намеревались создать тренеры, вовсе не требовался администратор, разваливавший всё изнутри. Так что Фельдштейна никто не «вышвыривал». Он сам всё сделал для прекращения своей работы в клубе. Преемником Фельдштейна стал Григорий Иосифович Спектор, которого тренеры других клубов, в частности Константин Иванович Бесков, ставили в пример своим администраторам.

В Киеве, стоит заметить, пошли разговоры о том, что Лобановский и Базилевич расстались с администратором команды только по национальному признаку: потому, что он — Фельдштейн. «Но ведь я тоже, — говорил на это Григорий Иосифович, — Спектор!»

Первые же рабочие дни под управлением Лобановского и Базилевича в январе 1974 года запомнились футболистам своей необычностью. Стоит сказать, что сезон тот динамовцы, по сути, начали в декабре, когда после короткого отдыха приступили к индивидуальному выполнению плановых заданий тренеров. Перед уходом в отпуск каждый футболист получил листочек, на котором было расписано, сколько и чем необходимо заняться во время отдыха. Это была новая форма работы, суть которой сводилась к принципу: ни одного потерянного часа. Поэтому, когда сразу после Нового года команда собралась вновь, все были уже в таком функциональном состоянии, которое позволяло немедленно, без раскачки, включиться в работу. Потекли обычные тренировочные будни. С той лишь разницей, что нагрузки сразу оказались очень высокими.

Необычным было всё: интенсивность занятий, их объём. Перед каждой тренировкой Лобановский и Базилевич проводили своего рода установку: детально рассказывали, что предстоит сделать, в каком порядке, на что будет направлено занятие. Предыдущие тренеры, разумеется, тоже составляли планы тренировок, но игрокам ничего не объясняли. Когда начался сезон, футболистам сразу стало понятно, на каком высоком уровне функционального состояния они пребывают. Они признавали: работа была проведена не зря.

22-летний Блохин и 20-летний Буряк спорили, терпеть ли дальше «жестокие, невыносимые», как казалось тогда молодым людям, нагрузки Лобановского или же всё бросить. Спорили, а потом терпели, стиснув зубы. И не только они, но все киевские динамовцы 70-х годов. Затёртое донельзя в XXI веке определение «легендарные» более чем применимо к игрокам того киевского «Динамо» — Рудакову, Трошкину, Фоменко, Решко, Матвиенко, Буряку, Конькову, Колотову, Веремееву, Мунтяну, Онищенко, Блохину.

А роптали поначалу, потому что никогда прежде ни один из динамовцев с такими нагрузками не сталкивался. «Мы, — вспоминает Онищенко, — ещё недопонимали, что так тренируется организм, закаляется характер». Но футболистов подкупало то, что делом это было новым, и со временем, говорит Онищенко, «мы уже не мыслили себе, как можно работать иначе». Когда Лобановский приглашал в сборную игроков из других клубов, киевские динамовцы посмеивались между собой, наблюдая, как тяжело их партнёры переносят нагрузки, ставшие для них обыденными.

Юрий Севидов, сын Александра Севидова и сам известный в своё время футболист и футбольный обозреватель, с присущей ему

безапелляционностью писал в июне 2006 года в газете «Советский спорт»: «Многие сейчас твердят: Блохин — приверженец идей Лобановского, его последователь. Это в корне неверно. Ещё в 1975-м, выслушав перед матчем очередную установку Валерия Васильевича, Олег обращался к выходящим на поле партнёрам примерно с такой фразой: “Ребята, забываем половину из того, что нам сейчас сказали!” А на сборах часто можно было видеть Блохина, пропускающего тренировки из-за какой-нибудь травмы. “А я что, идиот — вкалывать в таком режиме? — говорил звёздный форвард. — Лучше ногу немного подвернуть и побольше отдохнуть, чем погибаться неизвестно зачем!..” На мой взгляд, эти случаи лучше всего иллюстрируют отношение нынешнего наставника украинской сборной к тренерским постулатам Лобановского».

«Случаи», выбранные Севидовым для иллюстрации собственных представлений о происходившем, — чистой воды выдумка. Многие недоброжелатели Лобановского и сейчас считают, что в конце 73-го молодой тренер пришёл в Киев на «готовое место», воспользовавшись трудами Александра Севидова.

О «готовности» места можно спорить. Ясно, разумеется, что киевское «Динамо» не походило на руины в момент появления в команде Лобановского. И Лобановский всегда подчёркивал, что начинал не с нуля, что напряжённая работа велась и до него, что, наконец, в «наследство» он получил вполне конкурентоспособный коллектив. Однако в тренерском деле Лобановский преуспел куда больше, чем Александр Александрович. Это факт очевидный.

Но вернёмся к Блохину.

Во-первых, он никогда не входил в число игроков, придумывавших травмы. За все годы работы в киевском «Динамо» под руководством Лобановского (а это 14 лет!) Блохин пропустил не так уж и много тренировок. Все его травмы носили чисто игровой характер. Для того чтобы удостовериться в этом, достаточно полистать журналы занятий и поговорить с клубными докторами Виктором Берковским и Владимиром Малютой, а также с неизменным врачом советской сборной той поры Савелием Мышаловым. Против Киева всегда играли грубо. Средний показатель травматизма в «Динамо» во второй половине 70-х годов пребывал на цифре 30 эпизодов за сезон. Регистрировались, понятно, только серьёзные повреждения: переломы, рваные раны, сильные ушибы. Чаще всего в журнале встречались фамилии Колотова, Веремеева, Мунтяна, Онищенко, Блохина — основных игроков группы атаки. В 75-м, например, в Ереване незадолго до финала Кубка кубков Блохину распорол

ногу защитник «Арарата», жестоко сыграв в ногу. Пришлось зашивать глубокую рану на икроножной мышце, врач наложил несколько швов. В 79-м Блохин попал в знаменитую московскую клинику спортивной и балетной травмы ЦИТО (Центрального института травматологии и ортопедии). Операцию, длившуюся более часа, делала Зоя Миронова. Никита Симонян сказал тогда Блохину: «Хороших форвардов били всегда. Бьют и будут бить».

В молодые годы форвард исправно трудился на всех тренировках, в том числе и во время тяжёлых сборов. Время от времени, понятно, ныл, особенно поначалу, жалуясь на непривычные нагрузки. Но кто в киевском «Динамо» с приходом Лобановского и Базилевича не ныл?

Во-вторых, в 75-м году Блохин не имел ещё такого авторитета в киевском «Динамо», чтобы после установки предлагать партнёрам «забыть» о требованиях тренеров. Пусть даже он и бурчал постоянно — зачастую только потому, что привык так — бурчанием — реагировать на всё, что происходило вокруг (таким, к слову, он оставался и в тренерской жизни — работа его со сборной Украины с первых же дней перенасыщена примерами подобного рода). Но можно только представить, как бы отреагировали на подобные «установки» Блохина перед каким-либо европейским кубковым матчем ветераны — Рудаков, Трошкин, Фоменко, Решко, Матвиенко, Мунтян, Колотов, Веремеев, Коньков!

Что же до отношения Блохина к «тренерским постулатам Лобановского», то на той же странице «Советского спорта», на которой выступил Севидов-младший, партнёр Блохина по сборной СССР Олег Протасов, тренировавшийся у него в Греции, сказал следующее: «Тогда (в Греции, в «Олимпиакосе». — А. Г.) его методы были похожи на методы Лобановского. И это нормально — он только начинал тренерскую деятельность, а потому черпал многое именно у Валерия Васильевича, под руководством которого отыграл много лет. А сколько ещё людей училось у Лобановского! Все же основы оттуда».

В 1974 году в «Динамо», помимо прочих нововведений, был создан беспрецедентный для Советского Союза информационный футбольный центр, который возглавил Михаил Ошемков, сын Олега Александровича Ошенкова (у отца однажды при замене документов нерадивым паспортистом буква «м» в фамилии была заменена на «н»). Ничего подобного не было даже в Москве. «По глубине и обширности тематики, — говорит Ошемков, — мы не уступали даже хвалёному “банку информации” поляков, возглавляемому Яцеком Гмохом», — а этот банк, надо сказать, славился на всю Европу.

Михаил Ошемков хранит дома фотографию, на которой запечатлены его отец — Олег Александрович — и молодой тогда тренер «Днепра» Валерий Лобановский: они были в одной группе советских футбольных специалистов, выезжавших на чемпионат мира 1970 года в Мексику в качестве наблюдателей. Разглядывая привезённое отцом фото, Михаил и предположить не мог, что уже следующий чемпионат мира он будет не только смотреть по телевизору, но и записывать на видео, параллельно изучая иностранную прессу по заказу Лобановского и под руководством Лобановского. Они познакомились ещё в 1959 году, когда двадцатилетний Лобановский играл в команде, которую тренировал Ошенков-старший. Но тогдашняя встреча получила продолжение лишь осенью 1973-го. Михаил работал тогда в лаборатории научной информации Киевского института физкультуры и по собственной инициативе предложил Лобановскому подробнейшие сведения о сопернике «Динамо» по 1/8 финала Кубка УЕФА — западногерманском клубе «Штутгарт». С 1 января 1974 года Ошемков был зачислен в штат «Динамо». И летом записывал матчи чемпионата мира, в том числе и те, которые советским телевидением не транслировались, — ездил для этого в Ужгород, принимавший телесигнал из Венгрии, где показывали все игры.

С самого начала Лобановскому хотелось знать особенности игры защитников, против которых он выходил на поле, особенности команды, с которой предстояло сражаться. Только тогда можно придумывать, как обыграть противника. «В “Днепре”, — вспоминал Лобановский, — одной из наших целей было — владеть подробнейшей информацией о соперниках по первой лиге. Я чувствовал себя не в своей тарелке, если мало знал о тех, с кем через час предстояло играть. Это доходило до суеверия. Словно вышел на люди в мятых брюках или в рубашке с оторванной пуговицей. С годами это чувство обострилось и — стал замечать — иногда перерастало в чувство неуверенности, не страха, а именно неуверенности. А ведь это состояние, как ни маскируйся, и футболистам передаётся, особенно тем, с которыми давно работаешь и которые знают малейшие нюансы твоего поведения, даже если ты молчишь».

К счастью, в киевском «Динамо» дело было налажено таким образом, что подобные ощущения у команды возникали весьма и весьма редко. Всей информацией ведал там Ошемков. В его обязанности входили запись игры соперников на видеоплётку, обработка зарубежной прессы, сбор сведений из других источников.

Одним из высокопоставленных кураторов киевского «Динамо» во второй половине 60-х — первой половине 70-х был бывший глава КГБ

СССР Владимир Семичастный. «К команде киевского “Динамо”, — вспоминал он, — я имел самое непосредственное отношение. По существу, 14 лет был её шефом. Сын Щербицкого, когда отдыхал в Крыму, каждый день по три раза мне звонил: “Ну, что?”». На видном месте в своём домашнем кабинете Семичастный держал фотографию, на которой он запечатлён вместе с киевским «Динамо».

От Семичастного в плане выполнения так называемого «протокола», обсуждавшегося на традиционных посиделках в Конча-Заспе, зависело очень многое. Его подпись позволяла получать квартиры, машины, импортную одежду, премии, поощрения.

Семичастный подтверждает, что Лобановский никогда не слушал указаний чиновников: ни советских, ни партийных. Как бы те ни нажимали, он всегда стоял на своём. Семичастному Лобановский звонил нечасто. Только в случае возникновения форс-мажорных ситуаций, вызванных непонятным для него несоблюдением договорённостей, касающихся выполнения условий для того или иного футболиста, особенно для только что приглашённого в «Динамо» именитого новичка. Бюрократическая машина на уровне среднего ряда чиновников не могла не давать сбои, приходилось обращаться вверх. И по свидетельству Семичастного, Лобановский «всегда добивался своего!».

Сам Щербицкий на предматчевые встречи никогда в Конча-Заспу не приезжал. Перед каждой киевской игрой, за сутки с небольшим до её начала, из центра Киева за город отправлялись три чёрные «Волги». В них находились доверенные лица украинского партийного руководителя. Состав высокопоставленных посетителей клубной базы время от времени менялся — в зависимости от кадровых перемен, проводившихся сверху. В него по должности входили ответственные работники ЦК КПУ, Совмина и МВД. Уровень — заведующие отделами ЦК и генералы. Чаше других приезжали секретарь ЦК КПУ Погребняк, первый заместитель председателя Совета министров УССР Семичастный, первый заместитель министра внутренних дел Катаргин, заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК Возианов, его заместитель Ельченко, заведующий сектором физкультуры и спорта этого же отдела Клопов и председатель Спорткомитета Украины Бака.

Сразу за Чапаевкой кортеж поворачивал налево и въезжал на территорию базы. У главного входа машины притормаживали, гости выходили и не спеша направлялись по короткой аллейке к подъезду. Их непременно встречал администратор команды, по скрипучей лестнице провожал на второй этаж — в тренерскую. Если делегация заставляла кого-

либо из игроков за бильярдом — стол стоял в широком коридоре, переходившем в гостиную, — то все здоровались за руку, улыбались, спрашивали, как дела. Футболисты за глаза именовали делегацию «кавалькадой».

Дорогу гости, конечно, знали и сами, но без сопровождающего не делали ни шагу. В тренерской у каждой организации было своё место. Представитель ЦК садился за столиком, за которым располагался во время беседы Лобановский. На встречу выделялся час — так было заведено издавна. Лобановский появлялся перед посетителями ровно в 12 часов. Высокий, подтянутый, спокойный, серьёзный, с диковинной тогда деловой тетрадью в руках: он начал пользоваться ежедневником, который ему привозили из-за границы, когда о них в стране толком и не ведали, в начале 70-х. Тренировочный костюм, что называется, с иголочки, на кроссовках ни пятнышка. Излучавший уверенность Лобановский был моложе всех гостей. Поздоровавшись с каждым за руку, он садился и приступал к разговору.

Для Лобановского эти встречи были важны. Он стремился выжать из них максимум полезного для клуба. Часовые беседы выстраивал так, как считал нужным, но гостям при этом казалось, будто они сами структурируют её.

В самом начале Лобановский рассказывал о том, как идёт подготовка к игре, о травмированных, о сильных и слабых сторонах соперника. Потом в ход шла домашняя заготовка, предназначавшаяся для «убийства времени», — Лобановский не любил многословные суждения дилетантов, по-детски радовавшихся возможности высказать своё мнение одному из самых образованных тренеров Советского Союза.

Чаще всего останавливался на какой-то серьёзной статье — не обязательно на футбольную тему — из советской периодической печати. Плавню подведя к ней своё вступление, говорил примерно следующее: «Все вы, конечно же, читали нашу шумевшую статью... Так вот...» И дальше шло обстоятельное цитирование статьи — с выводами, применимыми к действительности. Лобановского слушали, не смея перебить. Во-первых, темой никто из приехавших не владел; во-вторых, срабатывал пиетет перед футболом. Представители власти — те же болельщики. Они были допущены в святая святых — на базу киевского «Динамо», — видели живьём кумиров публики и встречались с самим Лобановским.

Люди от Щербицкого между тем наделялись самыми широкими полномочиями касательно помощи «флагману украинского футбола». Лобановский никогда об этих полномочиях не забывал и после своей «домашней заготовки» напоминал собравшимся о договорённостях,

достигнутых на предыдущих встречах. Он называл эти договорённости «протоколом», хотя, разумеется, на бумаге никто ничего не фиксировал и подписями не скреплял. «В соответствии с предыдущим протоколом...» — говорил Лобановский и напоминал о том, что так и не поменяли пока одному игроку двухкомнатную квартиру на трёхкомнатную, другому не продали машину, третьему... и т. д.

В блокнотах делались пометки, туда же на исходе встречи заносился ориентировочный состав «Динамо» на завтрашний матч: сразу по возвращении в город листочек с отпечатанными на нём фамилиями одиннадцати динамовцев ложился на стол Щербицкому.

После встречи по традиции Лобановский провожал гостей в столовую на первый этаж. Стол был накрыт — закуски, борщ, сало, чеснок. «Если хотите, по 50 грамм, — предлагал тренер. — Я, к сожалению, не могу — скоро тренировка, надо к ней подготовиться».

После того как Леонид Кравчук возглавил отдел агитации и пропаганды ЦК КПУ, посещать команду перед матчами стал и он, особенно — перед матчами важными. «Мы, — рассказывает Кравчук, — собирали команду в зале и проводили самую примитивную накачку. Сегодня я бы себе никогда такого не позволил, но тогда это входило в должностные обязанности. Сейчас футболисты возмутились бы после первого же предложения, а тогда сидели и молча слушали. Я видел, что Лобановскому было крайне неприятно, но он ничего не мог поделать. К тому же он был человеком с хитринкой: понимал, что если я выступил, то взял долю ответственности на себя».

И так практически до самого отъезда осенью 1990 года в Эмираты Лобановскому постоянно приходилось заниматься тем, чем никогда не занимались его западноевропейские коллеги, восхищавшиеся профессиональной работой киевского тренера. Вот, к примеру, рутинное совещание 4 января 1990 года у секретаря ЦК КПУ Леонида Кравчука. Семнадцать приглашённых участников. В списке, в числе прочих, — первый заместитель председателя Совета министров Украины Анатолий Статинов, первый секретарь Киевского горкома партии Анатолий Корниенко, заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК КПУ Владимир Барсук, заместитель министра торговли УССР Антон Маковей, заместитель министра внутренних дел УССР Андрей Василишин...

Совещание посвящено «вопросам обеспечения выступления киевского “Динамо” в 1990 году». Вопросы такие: предоставление квартир; установка квартирных телефонов (постановили: в 1990 году установить телефоны на квартирах тех игроков и обслуживающего персонала команды, кто получит

жильё); приобретение личного автотранспорта; организация торговли промтоварами с учётом настоятельной просьбы команды оказать помощь в приобретении мебельных гарнитуров согласно списку, который будет предоставлен руководством команды; организация торговли продовольственными товарами.

На совещании назначили — из числа присутствовавших — исполнителей-контролёров по каждому пункту, определив их в графу «оказывает помощь».

Во второй половине 70-х годов возник заметный, но публично не обсуждавшийся конфликт в подходах к подготовке футбольных команд. Одна сторона конфликта была представлена киевским «Динамо», продолжавшим во главе с Лобановским развивать выбранное направление. Другая — почти всеми остальными клубами, а также сборной Советского Союза. «Деятельность той или иной команды, — говорил Лобановский, — определяется прежде всего оптимальной программой подготовки к тому или иному матчу, турниру. Можно проиграть состязание, потому что нет такой программы, которая гарантировала бы результат, но необходимо быть готовым к этому состязанию. Программа — не гарантия успеха, но даёт гораздо больше шансов на него, нежели стихийные действия».

В начале мая 77-го футболисты сборной Советского Союза попали на небольшое время в клубы. Тренеры киевлян поинтересовались в Управлении футбола Спорткомитета СССР, какие тренировки предложить сборникам, дабы они сохранили заданный им ритм. «Весёленькие», — ответили в Москве.

«Вот что, Валерий Васильевич, заканчивайте работать по-своему, работайте по нашим методическим указаниям», — заявили Лобановскому в начале 1977 года в Управлении футбола. Ответ получился достойным: «У вас есть указания, но нет методики».

На совещании, посвящённом неудачному выступлению сборной СССР в отборочном турнире к чемпионату мира 1978 года, Валентин Сыч объяснял тренировавшему тогда команду Никите Симоняну, что ему, во-первых, не хватает «въедливости», а во-вторых, что... «в коллективе должна быть стенгазета, должны проводиться комсомольские собрания и должны быть члены партии». «А теперь давайте с Лобановским разберёмся!» — прибавил заместитель председателя Спорткомитета СССР. Речь шла о том, чтобы разобраться с ним как с тренером клуба — основного поставщика футболистов в сборную.

Именно после того совещания Лобановский, вернувшись в Киев, в сердцах, но не без мечтательных ноток в голосе, бросил домашним: «Окна,

что ли, у них там, в Управлении футбола, поразбивать?..»

После триумфа 75-го года последовал всеобщий призыв равняться на киевское «Динамо». Но как равняться, никто не знал.

А после 76-го тренеру киевлян предложили работать, «как все». Лобановский уже в 29 лет понял, что нельзя работать в футболе «дедовскими методами», а ему в 38 указывали, что надо — «дедовскими».

«Понимаете, — сказали тогда Лобановскому в Москве, — в вашей команде много игроков сборной, а мы хотим, чтобы они работали в том же режиме, что и остальные кандидаты из других клубов».

«Пожалуйста, — ответил Лобановский, — приезжайте в Гантиади, где мы сейчас находимся, и берите сборников под свою опеку. Мы возражать не станем».

Никакой реакции.

«Более того, — продолжил Лобановский, — можете даже на необходимый вам период составить программу работы для всей команды киевского “Динамо”, и мы её в заданный вами период — выполним».

Вновь без реакции.

«Но заставить нас прекратить работать по-нашему — это у вас, извините, не выйдет», — заключил Лобановский.

Фазиль Искандер говорил, что самое многочисленное сословие, которое не учёл никакой Маркс, — чернь. И принадлежность к нему не зависит от имущественного статуса, образования и места жительства: «Это те, кто сам ничего не умеет и другим мешает».

Утверждения о том, будто при Лобановском после его возвращения из Кувейта все в украинском футболе работали по одной — его, диктаторской, «схеме — и смотрели только на киевское «Динамо», безосновательны. Лобановский, в 70-е и 80-е годы резко выступавший против диктата, никогда никому ничего не диктовал. Да и не смог бы сделать этого при всём желании. Клубные тренеры, особенно с появлением в их рядах иностранцев, — специалисты вполне самостоятельные. Некоторые из них, игравшие в своё время в Киеве, вышли из «тренировочного костюма» Лобановского и практиковали его методику. Иной вопрос — как практиковали? Слепое копирование выглядело нелепым.

Лобановский всегда был против вмешательства в его методы работы. В советские времена в ходе сезона, особенно в подготовительной его части, одни проверяющие из Москвы — из Федерации футбола, из центрального совета общества «Динамо», из Спорткомитета СССР — сменяли других. Каждого инспектора встречали администраторы команды, устраивали в гостиницу, кормили, поили, предоставляли транспорт для посещения

тренировок и матчей. Проверяющие — в Сочи, Гагре, Леселидзе, Гантиади, Ужгороде — не выпускали из рук методические указания и скрупулёзно сверяли количество упражнений, время, на них затраченное, общее тренировочное время с увиденным. Всё везде у них совпадало. Исключением было киевское «Динамо». Тренировки клуба не укладывались ни в какие заданные рамки. Вместо положенных 120 минут они могли длиться 70. Упражнения игрокам предлагались какие-то странные. Занятия состояли из непонятных серий с паузами между ними. В разъяснениях Лобановского звучал непривычный для футбола термин «аритмия». Спортивное и футбольное советское начальство не желало вникать в принципы работы киевского «Динамо» и не в состоянии было сделать это — зачем, когда есть возможность приказывать, в каком направлении надлежит следовать.

Из тренеров к поразившим воображение киевлянам обращались лишь Владимир Юрзинов, уже тогда слывший вдумчивым хоккейным специалистом, и Анатолий Евтушенко, регулярно добивавшийся успехов со сборной страны по гандболу. Они пытались с помощью Лобановского разобраться в сути применявшихся в Киеве методов тренировочного процесса и применить в своей епархии то, что можно было применить в их видах спорта.

Футбольные же тренеры — не обращались.

Одни — солидного уже возраста — исходили из привычного: «Яйца курицу не учат». Другие считали, что в киевском «Динамо» всё решал подбор игроков, а не какая-то там «программа», «модель». Третьим было попросту лень. Четвёртым просто не нравилось предложенное киевлянами — в частности, игра, которую называли «запрограммированной».

Лев Филатов обратил внимание на то, что Лобановский любит говорить о разработанной им и его единомышленниками тренировочной программе. «Он считает, — отмечал Филатов, — что работа по этой программе является решающим условием успеха в наши дни. Его не слишком понимают, а кто-то и не желает утруждать себя пониманием. Отчасти виноваты в этом сами авторы программы (О. Базилевич, А. Зеленцов, В. Лобановский), не умеющие изложить её достаточно популярно и злоупотребляющие усложнённой терминологией. Поэтому-то они, кроме самих себя, могут назвать всего лишь ещё трёх тренеров, разобравшихся в этой программе. Иначе говоря, метод, применяемый в киевском “Динамо”, пока не вышел за пределы клуба».

Базилевич, Зеленцов и Лобановский действительно не намеревались выступать в роли популяризаторов. Они, авторы программы, всемерно

желали заинтересовать идеей тех, кто готов был вырваться из замкнутого круга прежних представлений о ведении тренировочной работы (методические указания ничего не смыслящего в тренировочном процессе начальства — обязательное следование указаниям — проверка выполнения указаний) и подняться до уровня нового. Не желающих «утруждать себя пониманием» оказалось, как это всегда бывает при возникновении чего-то нового, необычного, больше, чем тех, кто всё делал для того, чтобы понять.

И дело не в усложнённой терминологии (она ведь не для публики, не для болельщиков, а для тех, кто считает себя специалистами) — дело в косности, лени, в нескрываемом стремлении «поставить на место» бог весть что возомнивших о себе молодых тренеров, без году неделя, в отличие от нас, стариков, всё повидавших, работающих в футболе.

Главный редактор еженедельника «Футбол-хоккей» Лев Иванович Филатов напечатал в 1977 году в трёх номерах (№ 38—40) статью Базилевича, Зеленцова и Лобановского «Стратегия игры и программа тренировки». Известный советский тренер, руководивший в своё время сборной, Михаил Якушин, внимательно прочитав все три номера, воскликнул: «Ничего не понял! Что они хотели сказать?» Другой, не менее уважаемый специалист, Евгений Горянский, полемизируя с авторами в том же издании, занудно рассуждал, в частности, о невозможности определения длины пробегаемой дистанции за счёт увеличения количества сделанных во время бега шагов в единицу времени. «Количество шагов в единицу времени может быть увеличено, — писал Горянский, — но ведь длина шага может быть меньше, чем раньше...» В пылу полемики опытный тренер не обратил внимания на то, что речь велась о... беге на месте и никто не собирался определять длину шага.

Нежелание понимать — свидетельство дефицита тренеров, готовых опираться на точные знания, учиться каждодневно и каждодневно же вносить в футбол что-то новое, своё.

Старая, как мир, проблема: опуститься в своих объяснениях совершенно новых идей до уровня, на котором пребывало большинство коллег, — или же заставить всех тренеров, пожелавших детально ознакомиться с новшеством, засесть за виртуальную парту, подняться до понимания изложенного в прессе, а затем — добро пожаловать! — отправиться за дополнительными сведениями к никому не отказывавшим Лобановскому и Базилевичу и посмотреть, как новые подходы осуществляются на практике.

Известный отечественный специалист Гаджи Гаджиев, один из самых квалифицированных в сегодняшнем тренерском цехе, говорил, что

поначалу мысли Базилевича, Зеленцова и Лобановского «облекались в такую сложную форму, что многие тренеры справедливо жаловались, что не понимают, о чём идёт речь», но это не помешало ему не только разобраться в разработках киевских новаторов, но и усвоить их, приняв не на веру, а осмысленно, и развивать в соответствии с условиями, в которых он в профессии оказывался. Гаджиев рассказывал, как на лекциях в Высшей школе тренеров говорили тогда, что статьи Базилевича, Зеленцова и Лобановского — полная ерунда, но на вопрос, в чём же эта ерунда заключается, не отвечали. Потому что не изучали, не читали, не знали, не понимали и вообще не интересовались. Лобановский как-то сказал Гаджиеву, встретив его в аэропорту: «Главное — не предавать направление».

В футбольном мирке Советского Союза над Лобановским и Базилевичем смеялись. Иногда в голос, иногда потихоньку. Называли, вкладывая в каждое определение сарказм, «аналитиками», «разработчиками», «лаборантами», «кибернетиками», «начётчиками» — за внедрение в футбол научной мысли, за моделирование тренировочного процесса, за учёт тактико-технических действий футболистов... «Мы привыкли, — говорил ещё Гёте, — что люди издеваются над тем, чего они не понимают». «Мы с пониманием относимся к вашему непониманию», — развивал фразу немецкого поэта Лобановский.

В XXI веке ни один из мало-мальски уважающих себя клубов не обходится без основательной научной лаборатории с мощным аналитическим центром. Руководитель аналитического штаба мюнхенской «Баварии» Михаэль Нимейер говорил в 2015 году (без ссылок на авторство, разумеется) то, что Лобановский и Базилевич пытались объяснить в Советском Союзе ещё в 1974-м: «Тактика футбола основана на двух вещах. Первое — это численное преимущество игроков на конкретном участке поля. Второе — это перемещение игроков по этому участку поля. Мы стараемся оценить, как лучше создать численное превосходство и как использовать особенности соперника в нашу пользу. Для достижения этих целей мы используем аналитику и IT-технологии». Над достижениями IT-технологий в футбольном деле в 2015 году никому в голову не пришло смеяться — в отличие от середины 70-х годов прошлого века, когда впервые в истории футбола к помощи науки обратились в киевском «Динамо».

«Хороший анализ, — говорит Нимейер, — требует точных данных ТТД (тактико-технических действий. — А. Г.) и полного видеоматериала. Этим занимается аналитический отдел клуба, взаимодействуя с тренером,

который умеет делать точные выводы на основании этого материала. Но для того, чтобы система работала, нужны правильные игроки. Даже хорошая стратегия не поможет, если в тактической схеме используются не те футболисты. Любая аналитика теряет смысл, если у вас нет игроков, которых требует система».

В «Баварии» образца XXI века — и не только в этом ведущем в мировом футболе клубе — приоритетными, как и в киевском «Динамо» после появления там Лобановского и Базилевича, считают данные ТТД, видеозаписи тренировок и матчей и сбор данных, технологию обработки базы данных, которая структурирует и анализирует данные в реальном времени для тренера. Нимейер считает, что «всё идёт от тренера», который рулит процессом. «В “Баварии”, — говорит Нимейер, — у Пепа Гвардиолы была большая команда аналитиков, поскольку тренер хорошо знал о пользе анализа». Когда Гвардиола только начинал в Мюнхене, он бросил фразу: «Аналитический отдел — самый важный в клубе». То же самое Гвардиола говорил, работая в «Барселоне» и «Манчестер Сити».

Анатолий Зеленцов, для которого Лобановский ввёл в штатном расписании новую должность — «тренер по научной работе», говорил, что его «главными единомышленниками в конце 60-х оказались Валерий Лобановский и Олег Базилевич, которые двумя руками поддерживали начинания и всеми силами способствовали внедрению в футбол научной мысли». Ещё возглавляя «Днепр», Лобановский «поднимал вопросы создания моделей и повышения интенсивности тренировочных занятий... Аналогов нашим наработкам в мире не существовало. Мы были первопроходцами».

Тогда, в середине 70-х, у Лобановского сложились тёплые, доверительные отношения с академиком Виктором Михайловичем Глушковым, директором Института кибернетики Академии наук УССР. Они могли беседовать часами, и Виктор Михайлович удивлялся познаниям Лобановского в вопросах, к футболу отношения не имевших, а Валерий Васильевич не верил, что Глушков прежде не интересовался футболом. «Мне понятно, — говорил Глушков, — почему наш спорт отброшен на 20 — 30 лет назад. Но трудно упрекать людей, которые не понимают, что такое моделирование. Это всё равно что упрекать слепого в том, что он не видит».

...Согласно распространённому мнению, киевское «Динамо» начало свой путь в розыгрыше Кубка кубков 1974/75 года с победы в финале Кубка СССР над «Зарей» 10 августа 1974 года. Это не так. В европейский турнир киевляне попали как финалисты Кубка страны 1973 года, когда в том самом

злополучном для Александра Севидова матче проиграли «Арарату», который как чемпион Советского Союза получил право играть в Кубке европейских чемпионов.

За две с лишним недели до финальной встречи с «Зарей» динамовцы узнали, что жребий выбрал им первого соперника в Кубке кубков — болгарский клуб. Правда, какой, было неясно, поскольку финал Кубка Болгарии к тому времени ещё не состоялся. После финала выяснилось, что играть предстоит с ЦСКА «Септемврийско знаме».

28 сентября 1974 года, за несколько дней до ответного матча с очень крепкой на тот момент болгарской командой, динамовцы праздновали день рождения защитника Трошкина. Естественно, не без возлияний. Что-то там произошло, и ребята подрались. Да так, что об этой истории узнали Лобановский и Базилевич. «Мы, тренеры, — сказал тогда на собрании в Конча-Заспе Лобановский, — не можем брать на себя ответственность за результат, если вы *так* готовитесь к матчам, и снимаем с себя всю ответственность». В Софии 2 октября на поле вышла крепко сбита команда, агрессивная и решительно настроенная. Болгар обыграли во второй раз с тем же счётом 1:0, что и дома, и вышли в следующий раунд Кубка кубков.

Понимание того, что можно не только побиться за Кубок кубков, но и выиграть его, пришло к команде после того, как 23 октября 1974 года во Франкфурте она обыграла в первом матче 1/8 финала «Айнтрахт» (3:2), дважды проигрывая по ходу встречи. Лобановский летал смотреть «Айнтрахт» во встрече с «Фортуной», победа (4:0) его впечатлила, и он сказал тогда, что «многое из того, что наша команда осваивает пока на макете, немцы без особых затруднений проделывают на поле, в игре».

Перед матчем немецкие футболисты, в том числе два свежеепечённых чемпиона мира Бернд Хельценбайн и Юрген Грабовски, уверенно предсказывали себе крупную победу (Хельценбайн называл даже счёт 4:0). Победить не вышло. Теперь, для того чтобы пройти дальше, немцам необходимо было выигрывать в гостях с разницей в два мяча. Но уже к перерыву киевской встречи счёт был 2:0 в пользу «Динамо» (итог — 2:1). Этим матчем завершался более чем успешный сезон — первый, в котором с командой работали молодые тренеры Лобановский и Базилевич. «Девять лет назад, стартуя в еврокубках, “Динамо” пребывало в хорошей форме, — говорил Виктор Александрович Маслов после киевского матча с «Айнтрахтом», на котором он неожиданно для местных футбольных людей появился. — Все уже тогда ждали от нас громких побед. Но это особые турниры. Победы в них требуют зрелости. Мне кажется, сейчас эта

зрелость пришла к киевлянам».

5 ноября 1974 года на послематчевой пресс-конференции Лобановский всё же снизил «градус эйфории» после двойной победы над немцами: «Да, максимальные задачи команды на сезон выполнены — победы в чемпионате, Кубке страны и выход в весеннюю часть Кубка кубков. Но по содержанию игры мы пока решили только программу-минимум. Игра “Динамо” ещё далека от совершенства. Мы знаем свои недостатки, и впереди нас ждёт большая работа».

Впереди динамовцев действительно ждали очень сильные противники. Дважды, дома и в гостях, победив в четвертьфинале турецкий «Бурсаспор», киевляне вышли в полуфинале на обладателя Кубка Голландии.

О голландском футболе в Советском Союзе знали к тому времени больше по названиям таких клубов, как «Аякс» — блистательный проповедник тотального футбола, и «Фейеноорд». В самой же Голландии серьёзную конкуренцию местным грандам вознамерился создать — и создал! — «футбольный департамент» всемирно известной фирмы «Филипс» — ПСВ из Эйнховена. В 1975, 1976 и 1978 годах — между прочим, время расцвета тотального футбола в Европе — ПСВ «Эйнховен» выигрывал чемпионаты Голландии.

Смотреть ПСВ в Голландию летал Базилевич. После того что он рассказал Лобановскому под видеопросмотр матча, Лобановский распорядился коллективный просмотр не устраивать — чтобы морально не травмировать команду. Игроки голландцев побаивались.

Да, в Киев ПСВ приехал на первый полуфинальный матч в роли лидера голландского чемпионата, с шестью игроками сборной страны и двумя шведскими сборниками в составе, с тремя выездными победами в турнире Кубка кубков в багаже. Но 9 апреля 1975 года на переполненном киевском стадионе-стотысячнике гости были биты со счётом 3:0. И даже после этого пиетет перед футболистами ПСВ у игроков не исчез.

Матч «Динамо» — ПСВ в Киеве произвёл сильное впечатление на европейских наблюдателей. Неделей раньше, 2 апреля, сборная СССР (она же на тот момент киевское «Динамо» с добавленным в динамовский состав за десять минут до конца встречи Фёдоровым из «Пахтакора») разгромила (3:0) турецкую команду в рамках отборочного турнира к чемпионату Европы в столице Украины. А где же ещё было принимать сборную, почти на 100 процентов составленную из игроков киевского «Динамо», как не в тогдашней футбольной столице Советского Союза?

Лобановский рассказывал, что они с Базилевичем предложили своим игрокам «продолжить турецкий матч и с первых же минут прессинговать

соперника по всему полю». Сил для этого, полагали тренеры, было достаточно. Но, обнаружив, что атлетичные голландцы к подобному развитию событий подготовились и в любой момент способны благодаря техническому мастерству и скоростным качествам вырваться из-под прессинга и провести опасные контратаки, Лобановский и Базилевич «отправили» на поле задание перестроиться, встречать соперника только на своей половине поля и, отобрав мяч, немедленно устремляться на скорости к воротам ПСВ. Два гола, забитые ещё в первом тайме, стали хорошим заделом для того, чтобы после перерыва играть, как принято говорить в футболе, «по счёту».

После третьего киевского гола голландцы в течение примерно сорока минут полностью диктовали свои условия игры. Динамовцы, справедливо посчитавшие результат вполне для себя достаточным перед ответной встречей, условия эти приняли. Однако не до конца. Они не позволили ПСВ забить хотя бы один гол, оставивший бы им надежду на выход в финал. Хотя, стоит сказать, гости были близки к тому, чтобы счёт «размочить».

По отдаче коллективной и по самоотдаче каждого футболиста киевляне в игре с ПСВ превзошли самих себя. Лобановский вспоминал об этом матче на примере Виктора Колотова:

«Более молчаливого человека я в жизни не встречал. Сам немногословен, но таких не видел. Если он говорил, то только по делу — ни одного лишнего слова. В глаза мог сказать любому всё, что о нём думает. Бил редкими словами по самолюбию, не щадя при этом и себя. Слышать неприятно, а что поделаешь — всё верно и сказано человеком, к которому претензий почти никогда ни у кого не возникало и возникнуть не могло — ни в быту, ни на тренировках, ни в игре. О работоспособности Колотова ходили легенды, шутники утверждали, что, если нужно, он и третий тайм отыграет, и четвёртый, причём с той же неутомимостью, что и первые два. Но я подметил одну характерную деталь. Если обычно футболисты стремятся хоть какие-то крупницы сил сберечь, то Колотов выкладывался за полтора часа весь, без остатка. Он знал, что ему работать 90 минут, и работал на полную катушку, доводя себя до состояния невменяемости. После игры с ПСВ — матча высокого уровня и большого напряжения, когда у футболистов не осталось никаких сил, когда мы с Базилевичем не могли стоять в раздевалке — ноги не держали, а сидели в креслах, из душевой вышел Колотов, оглядел всех внимательно и спросил в тишине: “Так они нам забили гол или нет?” Раздался мощный взрыв хохота. Во внутреннем дворике Центрального стадиона, как нам потом

рассказывали, он был принят за проявление неуёмного восторга. Кто-то из ребят, по-моему, Володя Мунтян, воскликнул: “Ну, ты даёшь, Витёк! Успокойся, осталось так, как было, — 3:0, если, конечно, судья им голик в протоколе не приписал”. — “Понятно”, — невозмутимо сказал Колотов и снова отправился в душевую».

Ещё в Киеве Лобановский попросил Михаила Ошемкова раздобыть пластинку с записью клубного гимна «Эйндховена». «Зачем?» — удивился тот. «Понадобится», — лаконично ответил Лобановский. Ошемков созвонился с представителями ПСВ, объяснил суть просьбы и получил заверения в том, что не возникнет никаких проблем — сразу после появления киевского «Динамо» в Эйндховене пластинка окажется в его руках. «Попроси, — сказал Ошемкову Лобановский, — чтобы поставили эту пластинку во время нашей предматчевой тренировки». Они с Базилевичем посчитали, что не будет лишним познакомить команду хотя бы с частичкой той атмосферы, в которую им придётся окунуться на матче.

Вряд ли кто-то в ПСВ всерьёз надеялся на то, что команда в состоянии забить три-четыре безответных гола в ворота набравшей ход «киевской машины». Расчёт на единственный шанс — быстрый гол, который мог бы (в теории, конечно) деморализовать гостей, так расчётом и остался. Единственная радость «Эйндховена» — первое поражение «Динамо» в турнире (1:2), ничуть, правда, проигравших не огорчившее: они вышли в финал Кубка кубков. Лобановского и Базилевича огорчило лишь случившееся в концовке встречи удаление (вторая жёлтая карточка) полузащитника Веремеева — одного из ключевых игроков середины поля, вынужденного из-за этого пропустить финал.

7 мая 1975 года, за неделю до финала в Базеле с венгерским клубом «Ференцварош», киевляне встречались в Ереване с «Араратом» в рамках чемпионата страны. И в голову тогда никому не приходило просить о переносе матча, мотивируя просьбу необходимостью лучше подготовиться к важной еврокубковой встрече.

Футболисты «Арарата» в силу каких-то одним только им ведомых причин принялись бить динамовцев нещадно. «Наша раздевалка после игры, — рассказывает Олег Базилевич, — напоминала полевой госпиталь, и наши замечательные врачи творили настоящие чудеса. Повреждения были абсолютно у всех игроков. Блохину, например, наложили несколько швов». Каким-то предметом, брошенным с трибуны, угодили в голову Лобановскому — в тот самый момент, когда он, привычно раскачиваясь, оказался не защищённым пластиковой крышей, нависавшей над скамейкой запасных. «Говорил же тебе, — шутил после игры Базилевич, —

раскачивайся в Ереване не вперед-назад, а из стороны в сторону». По пути в раздевалку между соперниками одна за другой возникали стычки. До массовой драки, по счастью, дело не дошло. В аэропорт динамовский автобус сопровождали милицейские наряды, перед которыми была поставлена задача обезопасить гостей от болельщиков, не скрывавших намерений «разобраться» с киевлянами.

Выходя в Швейцарии из самолёта, некоторые футболисты прихрамывали, многие поддерживали друг друга. Почти сутки отдыха в отеле «Интернасьональ», восстановительные мероприятия, непрерывающаяся работа врачей — и всё равно на первую тренировку Лобановский и Базилевич смогли «поднять» только девятых футболистов.

Над остальными продолжали колдовать Владимир Малюта и Виктор Берковский. Блохину они запретили даже бегать трусцой, Мунтян и Онищенко готовились в щадящем режиме. Их выступление в финале было под большим вопросом. Но вся тройка, как известно, сыграла, и Онищенко (два гола) с Блохиным сделали в финале счёт 3:0. В перерыве матча Лобановский поинтересовался у Блохина, сможет ли тот продолжать игру. Не настаивал на замене, вспоминает Блохин, а просто спрашивал, может, не стоит рисковать больной ногой. «Конечно, — говорит Блохин, — я ничуть не сомневался, что ребята и сами доведут дело до победы, только пусть уж лучше со мной. Второй такой игры в жизни может не быть. Не мог же я тогда заглянуть на одиннадцать лет вперёд и узнать, что судьба подарит мне ещё один точно такой же финал». Блохин на второй тайм вышел, забил третий динамовский гол «Ференцварошу», а спустя одиннадцать лет, уже в совершенно новом окружении партнёров, забил в победном финале гол и мадридскому «Атлетико».

Не думаю, что есть основания грешить на тренировавшего тогда «Арарат» Виктора Александровича Маслова, будто бы настроившего своих футболистов на игру так, чтобы они живыми динамовцев с поля не выпустили: тем самым, дескать, Маслов мстил киевскому «Динамо» за то, что клуб несправедливо обошёлся с ним в 1970 году. Это не так. Маслова никак нельзя поставить в один ряд с мелкими пакостниками. Леонид Буряк называет такие утверждения «чушью» и «сплетнями» и вообще считает, что «повреждения были случайными, ничего глобального не случилось, все сыграли в финале». Сыграли, конечно, хотя Блохин, Онищенко и Мунтян хорошо запомнили, в каком состоянии они были после «ереванского массажа».

Гораздо ближе, на мой взгляд, к объяснению происходившего в

Ереване версия, связанная с возможной просьбой, с которой футболисты «Арарата» обратились к коллегам из «Динамо»: дескать, и нам будет хорошо, если мы получим два очка, и вы без проблем подготовитесь к финалу. «Арарат» играл дома, и ему необходимо было выбираться из середины таблицы: перед матчем с киевлянами команда проиграла в Москве «Локомотиву» 1:4. В просьбе, очевидно, было отказано. И — понеслось. Причём арбитр Владимир Руднев, один из лучших в стране, не обращал на безобразные поступки ереванских футболистов никакого внимания.

Полтора часа финального матча в Базеле Владимир Веремеев (напомню, дисквалифицированный после полуфинала) провёл за воротами «Ференцвароша» с пометкой «foto» на одежде и фотоаппаратом в руках. Перед Базелем Лобановский настаивал, чтобы в состав делегации, отправлявшейся на финал, включили киевского фотохудожника «номер один» Иосифа Шаинского (сын которого Ефим пошёл по стопам отца и достиг в творчестве весьма высокого уровня). «Отец, — рассказывает Ефим Шаинский, — говорил, что согласен даже ночевать в самолёте, лишь бы сфотографировать исторический матч. Увы, в те годы одного лишь желания главного тренера, пусть даже Лобановского, в таких делах было недостаточно».

И Иосиф Шаинский одолжил фотокамеру Веремееву. Что-то Володя снимать, конечно, пытался, но прежде всего его захватила сама игра, и он не мог не «сопровождать» действия своих партнёров. Напереживался, как он сам рассказывал, больше, чем если бы играл.

Накануне финала в Базеле обе команды, согласно представленному УЕФА расписанию, тренировались на главной арене. Когда занятие уже заканчивалось, подкатил автобус с «Ференцварошем». Венгерские футболисты сразу в раздевалку не отправились, а выстроились вдоль ограды между трибуной и полем и стали наблюдать за соперниками. Лобановский показал психологический этюд. Он собрал игроков в центральном круге и сказал, чтобы по его сигналу они на максимально высокой скорости разбежались в разные стороны, а затем — опять же на скорости — вернулись обратно. «Когда уходили с поля, — вспоминает Мунтян, — посмотрели на венгров. Они стояли зелёные. Было заметно, что испугались». Футболисты «Ференцвароша» действительно смотрели на киевлян как на инопланетян. Динамовцы сразу почувствовали: их бояться.

Но и при счёте 2:0, в перерыве, Лобановский предостерегал: «Игра не закончена». (Оба гола были на счету Онищенко. Второй мяч в ворота «Ференцвароша» он забил на 39-й минуте. Он получил мяч на фланге, и

Мунтян, в полном соответствии с игровыми принципами, сделал забегание (почему-то потом это действие команды на поле стали называть «спартаковским», хотя первыми в европейском футболе, после «Аякса» и сборной Голландии начала 70-х годов, этот приём стало активно применять киевское «Динамо»), и Онищенко обязан был отпасовать мяч Мунтяну. Вместо этого форвард стал смещаться в центр. «Что же он делает?!» — возмущённо закричал на тренерской скамейке Базилевич. Онищенко тем временем точно пробил по воротам — гол, и Базилевич возглас возмущения без паузы завершил иной интонацией: «Молодец!») И даже когда Блохин забил третий мяч, вспоминает Онищенко, не было уверенности, что это победа. Лишь минут за десять до конца стало ясно, что отыграться у венгров не получится.

Спустя десятилетия после победного для Клёва финала их соперника называют «слабым». Но «Ференцварош» на пути к финалу прошёл «Ливерпуль», а затем «Црвену Звезду», обыгравшую, в свою очередь, мадридский «Реал», и вообще до финала никому не проигрывал. «Работали» против киевских футболистов и политические моменты.

«Запомнились попытки мадьяр давить на нас морально, — вспоминает Стефан Решко. — Они же нас воспринимали как совдепию, как паразитов. 56-й год остался в памяти каждого венгра навсегда. Поэтому много чего мы наслушались во время матча от игроков».

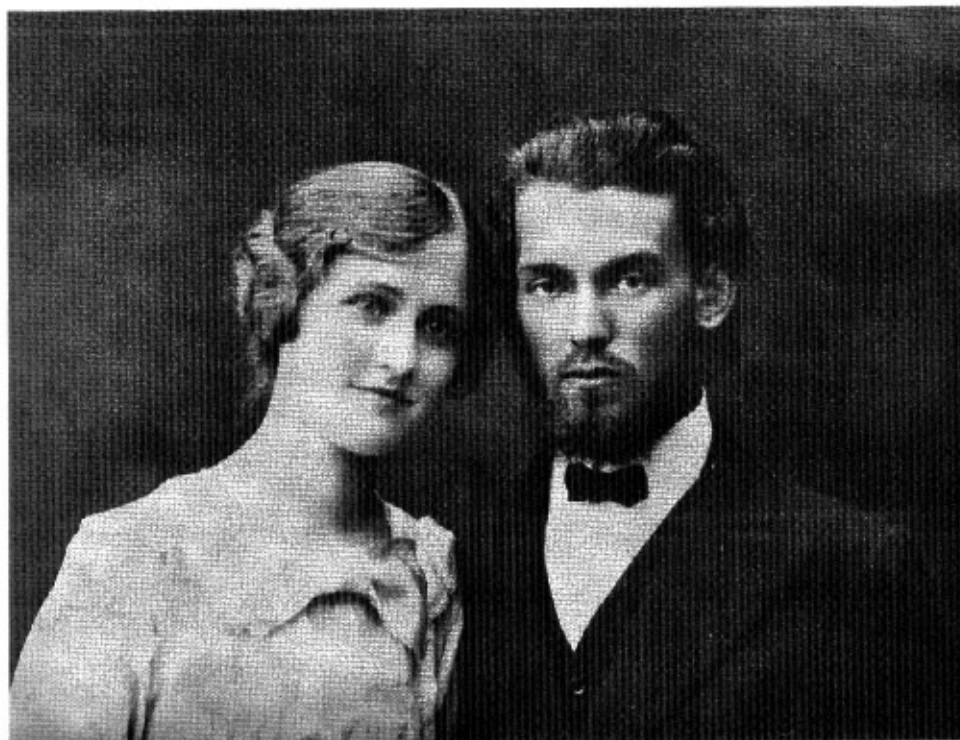
Киевляне привычно совершали с кубком круг почёта. Но получилось полкруга. К тем воротам, за которыми устроились болельщики венгерского клуба, динамовцы приближаться не рискнули. Как только они сделали попытку приблизиться, в них моментально полетели банки, фрукты, зажигалки, тяжёлые монеты, — эти места занимали в основном венгры, осевшие в Западной Европе после 1956 года.

Команда двигалась вдоль трибун с кубком, а возле опустевшего столика, на котором находился серебряный приз, стояли и наблюдали за своими футболистами Лобановский и Базилевич. Работавший на матче журналист Геннадий Радчук рассказывал, что когда брал экспресс-интервью у них, впервые увидел обоих тренеров улыбающимися, наконец-то переставшими хмуриться. «Сегодня, — писал Радчук в отчёте о финале в «Советском спорте» под заголовком «Победа, делённая на всех», — можно вспомнить, что та лёгкость, с которой на пути к финалу динамовцы устраняли своих соперников, порождала представление о некоторой слабости противников, да и финал теперь кажется лёгким и простым. Эти лёгкость и простота имеют глубокие корни в мастерстве команды, гибкости, волевом единстве и игровой монолитности ансамбля киевлян, а

не в тех или иных минусах соперника. Это ведь большое умение так построить и провести игру, чтобы выявить слабости противника и не только подчеркнуть их так, чтобы они бросились всем в глаза, а и использовать в своих интересах. В этом, прежде всего, большая заслуга В. Лобановского и О. Базилевича».

Lot

Бабушка Ульяна и дедушка Михаил. *Все фото из семейного архива*

Папа Василий Михайлович

Мама Александра Максимовна

Валера в детстве

С любимой игрушкой

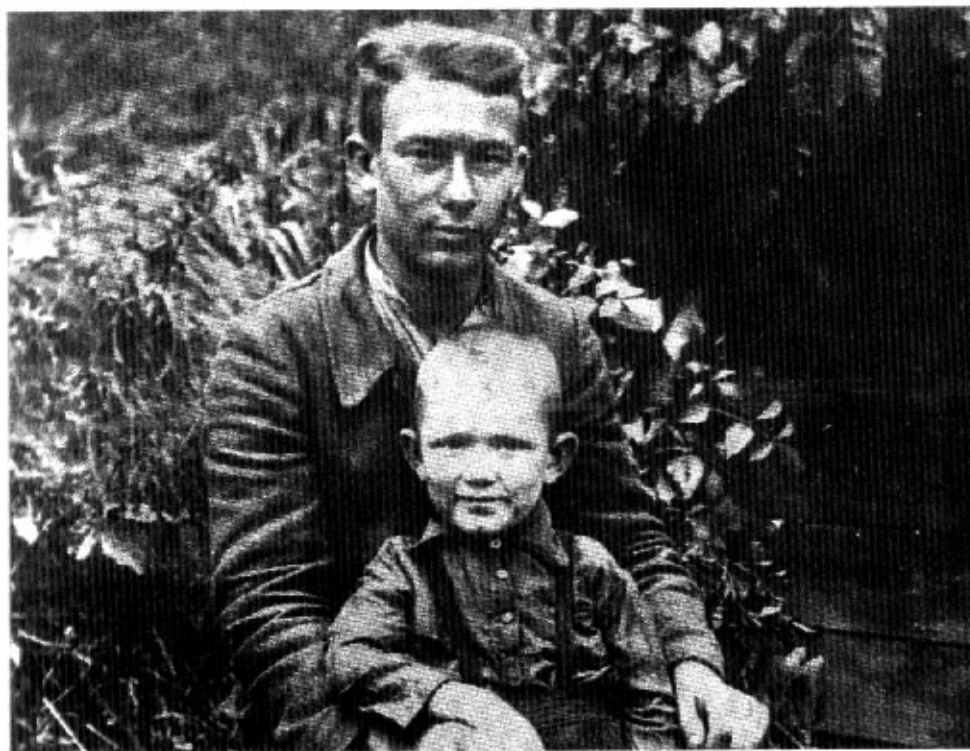

Брат Евгений Васильевич
Лобановский

Александр Максимович
Бойченко, дядя Валерия

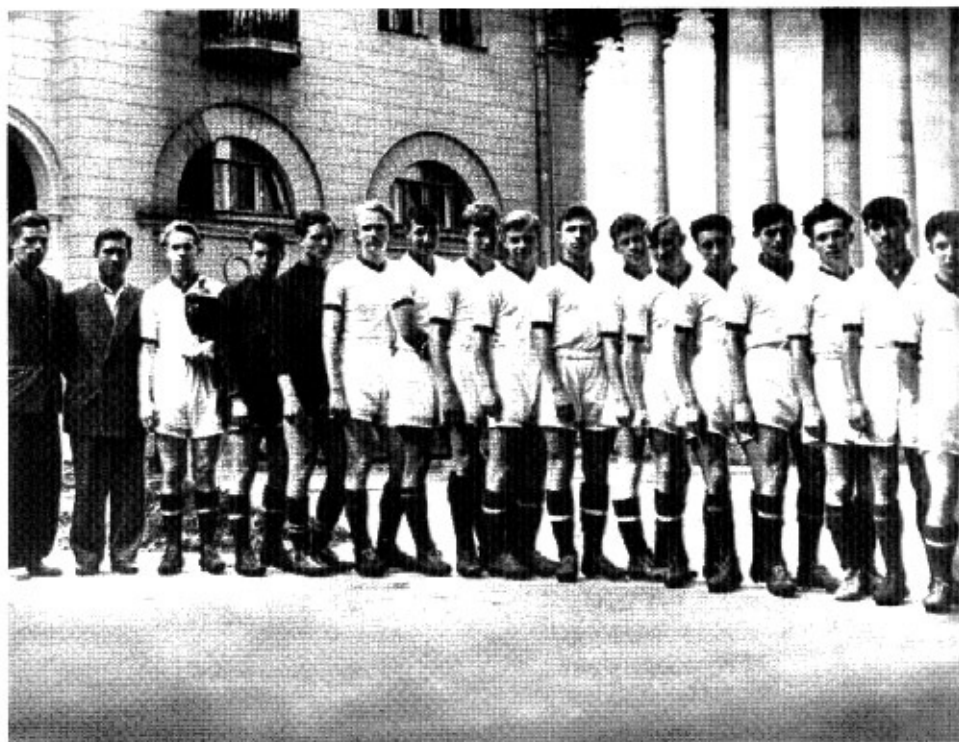
С братом Женей

Школьные годы

Молодежный состав
киевского «Динамо». Лобановский —
шестой слева

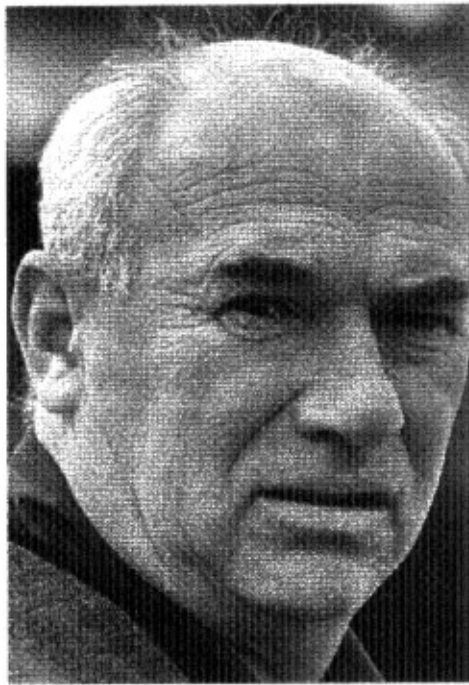
Олег Александрович
Ошенков

После принятия
присяги.
Лобановский —
третий слева

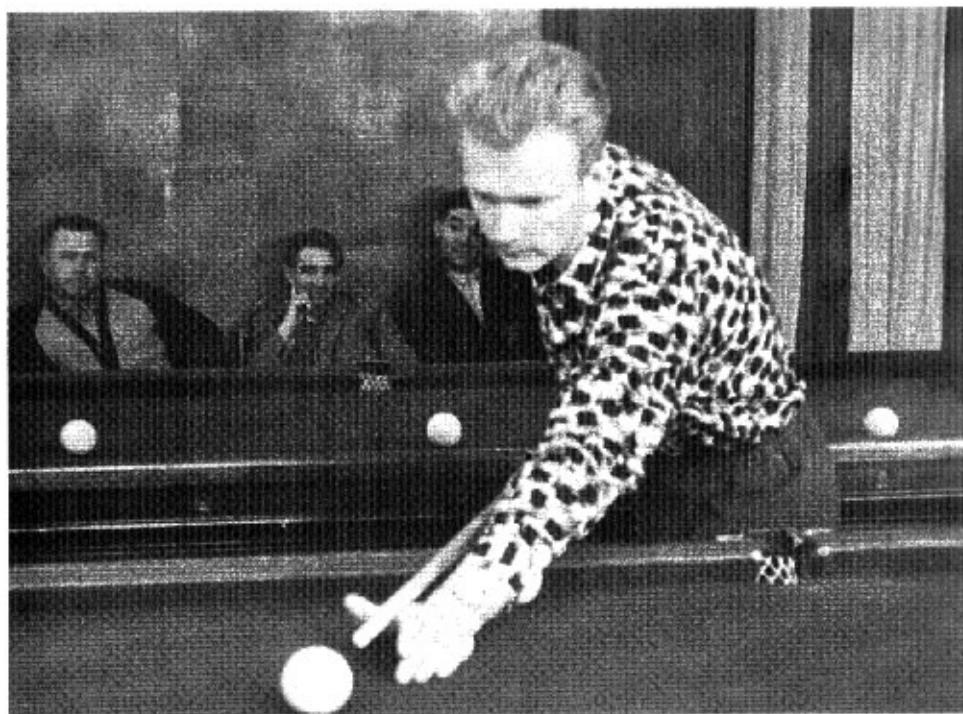

Вячеслав Дмитриевич
Соловьев

Виктор Александрович Маслов.
Из архива А. Хомича

Бильярд в минуты досуга на тренировочной базе

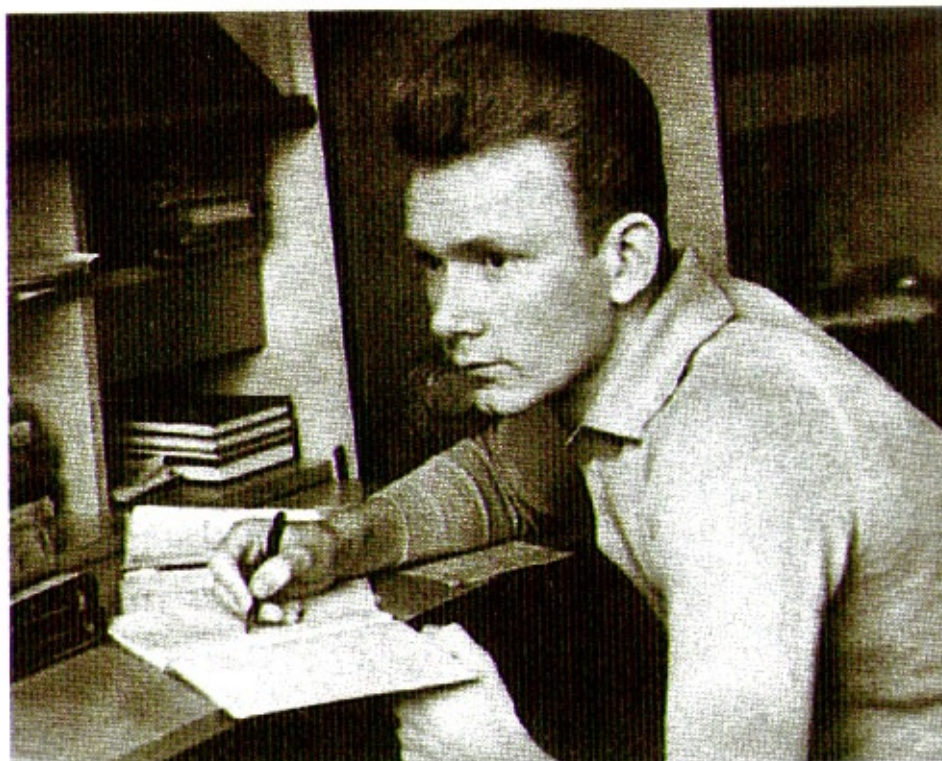

Виктор Каневский. Из архива А. Хомича

В тренировочном зале

Время для учебы
Валерий находил всегда

21-летний Валерий
Лобановский
с легендарным вратарем
киевского «Динамо»
Олегом Макаровым

Начало сезона.
Подъем флага
с капитаном «Спартака»
Игорем Нетто

Валерий Лобановский
атакует ворота Льва
Яшина. 28 августа 1960 г.
Из архива А. Хомича

Знаменитый
угловой

Чемпионская награда
из рук председателя
Федерации футбола
СССР В. Гранаткина.
«Динамо» (Киев) —
первый немосковский
чемпион СССР. 1961 г.

Путь к воротам открыт

В соперниках — московский «Спартак»

Капитан
олимпийской
сборной СССР
(крайний слева)

В футболке сборной
СССР

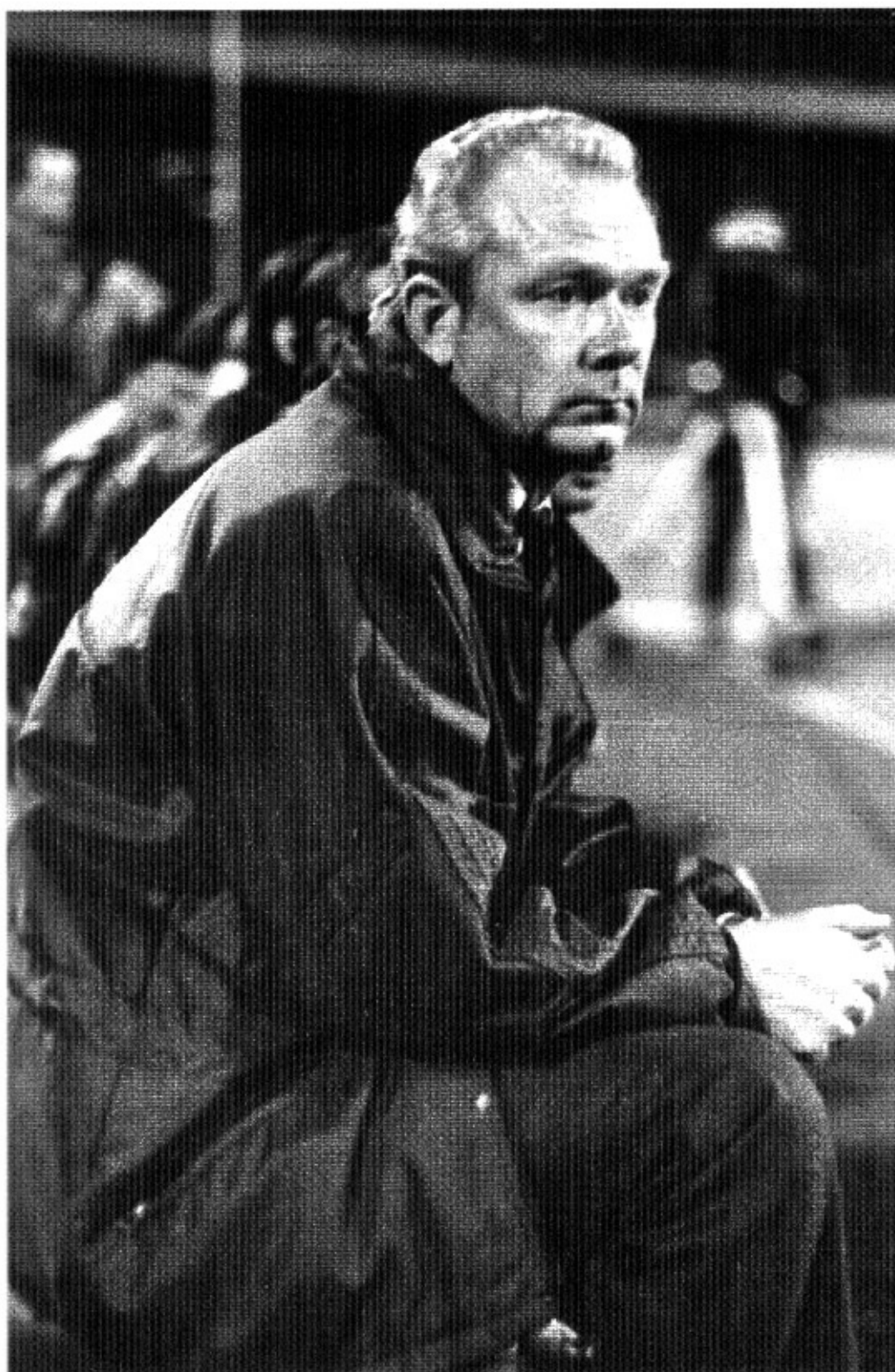
Тренер днепропетровского «Днипра»

Напутствие игрокам «Днепра». 1969 г. Из архива А. Хомича

«Днепр»-72: дебютант высшей лиги

На тренерской скамье

После финала Кубок кубков наполнили советским шампанским — крымским, мускатным, дефицитным, — которое заблаговременно, ещё в Киеве, закупил Александр Петрашевский: два ящика мускатного, закупил на свой страх и риск — не принято в футболе заранее заготавливать праздничные напитки. Перед отъездом он, правда, спросил Лобановского: «Брать?» — «Бери, — ответил Лобановский, — но только всем, кто спросит, ни в коем случае не говори, для чего ты это везёшь. Говори, что для подарков». Кубок вместил в себя содержимое почти восьми бутылок благородного напитка.

«Спортивную делегацию киевского “Динамо” в Базеле, — вспоминает Валерий Мирский, — возглавлял Бака. Одно из его правил — не пить спиртное на работе, а тем более с подчинёнными. Но тут что-то дрогнуло в этом железном организме. После отбоя, когда футболисты уже спали сном праведников, Михаил Макарович повёл тренеров в диковинный для советского человека гостиничный бассейн, совмещённый с баром, и на всю отпущенную ему советской властью валюту купил сумасшедший напиток по имени “виски”. Хватило на две бутылки. Где взяли деньги для остальных, история умалчивает».

Из Швейцарии команда прилетела прямо в Борисполь. Чартерных рейсов тогда не было. Посадить летевший в Москву самолёт в Киеве распорядились после согласования с партийным руководством Украины. Мотивировали интересами сборной Советского Союза, которой спустя три дня после Базеля предстояло играть в Киеве важный отборочный матч чемпионата Европы с ирландцами (с 1 января 1975 года Лобановский с Базилевичем были назначены тренерами ещё и сборной). Осенью 74-го команда, которую тогда тренировал Константин Бесков, проиграла в Дублине 0:3. Турнирная ситуация для СССР оказалась хуже некуда. Гонять команду через Москву было нецелесообразно — потеря времени. Тренеры к тому же обещали отпустить футболистов на несколько часов по домам. Сделать это можно было только в случае посадки в Киеве. Её и добились благодаря Щербицкому.

Когда российский ЦСКА в 2005 году выиграл Кубок УЕФА, в Москве десятки тысяч людей вышли ночью на улицы и площади, а потом отправились во Внуково встречать триумфаторов. Футболистов, тренеров, руководителей клуба принимали министр обороны страны Сергей Иванов и президент России Владимир Путин — однокашники по ленинградскому университету и разведшколе. Ценным подаркам, премиям, наградам не было конца.

Тридцатью годами раньше чествование было несопоставимо скромнее.

В Борисполе первым делегировали на трап самолёта капитана команды Виктора Колотова, поднявшего над головой кубок. В правительственном зале организовали небольшой фуршет — вторые лица из ЦК, Совмина, МВД и местного КГБ сказали пафосные тосты. На премиальные — по 705 долларов (иные российские и украинские «мастера» в новейшие времена за час пребывания в футболе столько получают) — игроки и тренеры, почти все, купили в Швейцарии на оптовом складе стереосистемы стального цвета — они потом несколько лет, напоминая о славной победе, стояли в красных углах квартир футболистов. Видеомагнитофоны не «потянули»: они стоили тогда около двух тысяч долларов.

Коробки развозили по домам встречавшие команду родственники и друзья. Футболисты же погрузились в автобус и отправились в Конча-Заспу готовиться, теперь уже в обличье сборной СССР, к отборочному матчу с Ирландией. На подготовку к реваншу были отведены всего два дня — 16 и 17 мая. Встречать команду в Борисполь Ада приехала с одиннадцатилетней Светой. «Валера, — сказала она мужу, — мы ждём тебя дома к обеду». — «Какой обед? — удивился Лобановский. — Мы заезжаем на базу. У нас сегодня восстановительная тренировка. Нам через два дня со сборной Ирландии играть».

На базу отправились с кубком. Динамовская «бабушка» Ольга Трофимовна Подуран выстелила для победителей ковровую дорожку. Столы уже были накрыты. Отмечали без фанатизма. «Теперь, — Лобановский говорил первым, — я могу продемонстрировать ответ на вопрос, который мне задавал Володя Онищенко: “Для чего мы столько трудились и проливали столько бочек пота?”». И поднял Кубок кубков.

На динамовскую базу поздравить футболистов приехали Яков Погребняк и Владимир Семичастный. Ждали Щербицкого, но он не прибыл. Лобановский остудил пыл игроков, полагавших, что первый секретарь компартии их непременно навестит, сказал, что в Москве и без того считают внимание к футболу в Украине чрезмерным.

Впрочем, осторожный Михаил Бака, представитель старой школы, не видел «происков Москвы», ставившей, как считалось в Киеве, палки в колёса киевскому «Динамо». Он утверждал, что высшее московское руководство «гордилось успехами украинских спортсменов» и никакого «чувства зависти» со стороны Москвы не было.

Накануне базельского финала журналисты киевской «Спортивной газеты» готовили два варианта подачи материалов об историческом для «Динамо» матче. Первый — короткий — на случай поражения. Второй — победный — на полторы полосы. Не спали всю ночь. Газету утром

следующего после финала дня расхватывали как горячие пирожки. Вышедший номер со своими автографами журналисты «Спортивной газеты» подарили Лобановскому. Он сохранил памятный экземпляр.

Московская пресса отнеслась к удивительному для советского футбола событию гораздо сдержаннее: в «Советском спорте» и «Футболе» были напечатаны отчёты, весьма, стоит заметить, квалифицированные, специального корреспондента этих изданий Геннадия Радчука, одного из лучших футбольных журналистов страны. В остальных газетах — тассовские сообщения, подготовленные на четвёртом этаже старого здания ТАСС на Тверском бульваре. Спустя день-другой, впрочем, можно было обнаружить публикации откликов на победу представителей, как было принято в то время говорить, различных категорий советских граждан. О подготовке таких откликов в газеты поступило распоряжение из отдела пропаганды ЦК КПСС.

На матч против ирландцев сборная вышла полностью в динамовском составе («разбавленном» за шесть минут до конца Фёдоровым из ташкентского «Пахтакора»), Была одержана победа — 2:1. Счёт не по игре: советская команда была на голову сильнее. Лев Филатов, подводя предварительные итоги по горячим — после матчей в Базеле и Киеве — следам, писал в еженедельнике «Футбол-хоккей»: «В этих итогах заложен для всех нас немалый и оптимистический смысл. Ну хотя бы то, что развеяны старинные рассказы о непреодолимости весенней несостоятельности в нашем футболе, создан пример продуманного, теоретически обоснованного подхода к решению тренировочных задач, да и ко всем другим сторонам многогранного футбольного дела, среди которых нет второстепенных.

Команда киевского “Динамо”, которой была доверена и роль сборной страны, выполнила всё, чего от неё ждали.

Было бы вполне достаточно, если бы она просто выиграла все те матчи, которые она выиграла. А она ещё выиграла их в хорошем стиле. И это самая яркая и самая приятная примета нынешней футбольной весны».

После матча с ирландцами европейским триумфаторам выдали по 940 рублей и часы стоимостью 180 рублей — от министра внутренних дел. С часами вышел казус. Бухгалтерия министерства не имела права пропустить по кассе больше 150 рублей на человека, и всем победителям Кубка кубков пришлось сбрасываться по 30 рублей — себе же на подарок. Ну а когда команда вышла с предложением, поддержанным Лобановским и Базилевичем (Лобановский потом, собственно, и контролировал реализацию этого предложения), чтобы всем победителям Кубка кубков

предоставили возможность приобрести за свои деньги новые автомашины и об этом сообщили Погребняку, то через месяц были составлены два списка по шесть футболистов в каждом и талоны на покупку автомобилей начали поступать.

Спустя несколько дней после возвращения из Базеля победителям в торжественной обстановке вручили грамоты ЦК компартии Украины, Верховного совета и Совета министров республики. А ещё Лобановского и Базилевича пригласили в кабинет секретаря ЦК КПУ по идеологии Валентина Маланчука, который, «заметно волнуясь», преподнёс тренерам команды подарочные издания книги Николая Островского «Как закалялась сталь».

А как отреагировали советские футбольные начальники на путь киевского «Динамо» к финалу Кубка обладателей кубков, на победу над «Ференцварошем» и успешное выступление сборной в отборочном турнире к чемпионату Европы?

Очень просто. В бумагах Лобановского обнаружили две отпечатанные в типографии Воениздата «Благодарности» в формате А-5. Под втиснутым в круг профильным изображением Ленина — текст. Первая «благодарность», подписанная начальником Управления футбола Спорткомитета СССР Анатолием Ерёминым и профоргом Управления Алексеем Парамоновым: «За хорошие показатели в социалистическом соревновании среди сотрудников Управления футбола в I квартале 1975 года». Вторая, за подписями тех же людей, выдана «старшему тренеру сборной команды СССР по футболу — победителю в социалистическом соревновании II-го квартала 1975 г. среди структурных подразделений Управления футбола Спорткомитета СССР».

О Суперкубке тогда не думали. В планы он не входил, в календаре УЕФА такого соревнования ещё не было, проводились встречи, которые европейские футбольные власти именовали неофициальными. Телеграмма из УЕФА за подписью генерального секретаря этой организации Ганса Бангертера в киевский клуб поступила в начале августа 75-го. В ней говорилось:

«Уважаемые господа! Поздравляем вас и вашу команду по случаю успеха в финале Кубка обладателей Кубков европейских стран, который состоялся 14 мая 1975 года в Базеле.

Этот матч, безусловно, явился отличной демонстрацией спортивного духа, честной игры и привлекательного футбола.

Вам, вероятно, известно, что как победителям Кубка обладателей кубков европейских стран вам предоставляется право сыграть в так

называемом “суперсоревновании” против обладателя Кубка европейских чемпионов, футбольного клуба “Байерн” Мюнхен. При этом мы направляем вам экземпляр Положения о проведении матчей. Будем очень признательны, если вы в кратчайшие сроки сообщите, заинтересованы ли вы в проведении этих игр.

Заранее благодарим вас за внимание к этому вопросу».

В предварительных переговорах, которые с УЕФА провёл Михаил Ошемков, выяснилось, что матчи предполагалось провести в сентябре — октябре. «Бавария» (в телеграмме — привычное для европейцев написание: «Байерн») тогда пребывала в европейских авторитетах, как и весь немецкий футбол: сборная выиграла в 72-м чемпионат Европы и в 74-м чемпионат мира, мюнхенский клуб на мировом первенстве представляли пять футболистов: Зепп Майер, Георг Шварценбек, Франц Беккенбауэр, Гюнтер Нетцер, Герд Мюллер. Первая встреча — в Мюнхене на «Олимпиаштадионе»: «Бавария» не сомневалась в общем успехе, ей было всё равно, где начинать; на первый домашний матч планировала собрать полные трибуны (сделать это, к слову, не удалось: стадион был заполнен наполовину).

На совещании в узком кругу руководящего состава «Динамо», проходившем 12 августа 1975 года в 10 часов утра в знаменитой комнате-каптёрке без окон под трибунами динамовского стадиона, Лобановский, повертев в руках телеграмму с подколотым к ней переводом, сказал: «Ну что же, сыграем» — и дал указание всем службам готовиться к матчам за Суперкубок.

Вечером накануне он детально обсудил ситуацию с Базилевичем, и они пришли к выводу: у «Динамо» есть шансы подтвердить уже завоёванную европейскую репутацию. Лобановского не смущали ни оставшиеся матчи чемпионата СССР, ни игры сборной в отборочном турнире к чемпионату Европы (для Суперкубка ведь необходимо было уплотнять календарь) — он верил в возможности команды, пребывавшей на хорошем ходу и ход не сбавлявшей, лишь корректируя иногда — в зависимости от турнирных событий — ритм при прохождении очередных соперников. Козырями Лобановского, помимо веры в уровень своей команды, был некоторый спад «Баварии», закономерный последовавший после ярких побед сборной на чемпионате мира-74 и клуба в Кубке чемпионов-75, и настойчивое стремление «Баварии» сыграть первый матч дома. Лобановский всегда считал, что в сшибке двух примерно равных соперников фактор ответного матча на своём поле имеет огромное стратегическое значение, даёт не только психологическое преимущество.

Козыри эти Лобановский и Базилевич обсуждали лишь в разговорах друг с другом, за пределы постоянных взаимных дискуссий не выносили, просчитав возможность дестабилизирующего воздействия козырей, не самых, к слову, очевидных, на команду.

Для себя всё уже решив, Лобановский и Базилевич на ближайшей тренировке собрали футболистов, рассказали о телеграмме, сообщили, что матчи за Суперкубок — неофициальные, что можно было соглашаться на них, а можно было и отказаться, и поинтересовались мнением игроков. Поверив в себя и в тренеров по ходу второго подряд успешного сезона, футболисты согласились: «Почему бы и не сыграть?»

В Москву отправили телеграмму с обоснованием своего согласия участвовать в матчах за Суперкубок. Окончательное решение — разумеется, неофициальное — в любом случае должны были принимать в ЦК КПСС, без вмешательства которого не обходилось ни одно событие, имевшее какую-либо степень значимости. В ЦК, на уровень сектора спорта отдела агитации и пропаганды, для «защиты согласия» вызвали Лобановского. Гарантий победы над немецким клубом не требовали (всё-таки не сталинские времена), но и скрывать заинтересованность в успешном результате в год тридцатилетия победы над Германией не стали. Убедить деятелей из ЦК согласиться на проведение матчей помог руководитель Спорткомитета СССР Сергей Павлов, которого, в свою очередь, убедил Лобановский.

В Мюнхен пошло письмо с просьбой выслать кассеты с записью матчей «Баварии» в чемпионате бундеслиги и Кубке чемпионов. «Бавария» в просьбе не отказала, оперативно отправила в Киев пакет с кассетами и подробное досье на каждого футболиста: «Пусть изучают».

Изучали игру «Баварии» тщательно, по полочкам разложив атакующие и оборонительные действия, разработанные Деттмаром Крамером. За несколько дней до первого матча, назначенного на 9 сентября, Лобановский отправился в Гельзенкирхен на игру «Баварии» с «Шальке-04» — понаблюдать за соперником с трибуны. Увиденное полностью его удовлетворило. Оставшиеся до матча два дня он провёл в Мюнхене, лишь изредка покидая номер в отеле — утром перед завтраком совершить неизменную пробежку по холмам возле олимпийского стадиона, днём — пообедать, вечером — поужинать и прогуляться перед сном. Остальное время Лобановский занимался разработкой стратегии на матч, плана на игру и задач для каждого футболиста.

Команду, прилетевшую московским рейсом «Аэрофлота», он встречал во Франкфурте. Когда Валерию Васильевичу доложили, что травмирована

большая группа динамовцев, он с присущим ему серьёзным выражением лица сказал: «Зачем мы тогда сюда прилетели? Может быть, сразу обратно?» И когда представители «Баварии» на первой после прилёта «Динамо» тренировке увидели всего восемь занимавшихся футболистов, то были сильно удивлены.

Немцы, надо сказать, были точны во всём — в предоставлении Лобановскому представительского автомобиля для поездки из Мюнхена во Франкфурт, в подаче комфортабельного автобуса, в выделении мобильного сопровождающего, мгновенно расправлявшегося с любыми возникавшими шероховатостями. Во Франкфурте Лобановский присоединился к команде и вместе с ней автобусом отправился в Мюнхен, рассказывая по пути Базилевичу об увиденном. В автобусе же было решено: Мюллера — уникального супербомбардира, готового забить в любом матче какому угодно сопернику, — необходимо любыми средствами «разменять», и фигурой для «размена» должен стать Стефан Решко.

Беседе с ним перед матчем в Мюнхене Лобановский уделил особое внимание. Коэффициент надёжности игры Решко привлекал Валерия Васильевича. Он отряжал этого защитника на персональную опеку забивных нападающих из команд соперников. Решко полностью выключил из игры болгарина Жекова, обладателя на тот момент «Золотой бутсы» лучшего бомбардира континента, Эдстрема из ПСВ, Сабо из «Ференцвароша». Теперь настала очередь несравненного Герда Мюллера — лучшего в то время форварда мира.

«У Мюллера, — говорил Стефану Лобановский, досконально изучивший игру немецкого нападающего, — потрясающее чувство гола. Забить он может любой частью тела. Сидя, стоя, лёжа. Мяч не мусолит. Либо обыгрывается, либо сразу бьёт. Одно-два касания, как правило. Стань его тенью. Повсюду следуй за ним. Полностью сконцентрируйся, повторяй все его движения: он — на скамейку, и ты — на скамейку! Даже если он вдруг вздумает пойти в раздевалку. И ты — туда же. Можешь ему и спинку потереть! Нас это устраивает... Ни в какие розыгрыши не вступай — тебя это не должно интересовать: всё внимание — на Мюллере, повторяю: ты — его тень! Возле штрафной он особенно опасен: бьёт из любого положения — в подкате, “из-за уха” — очень хитрый и коварный!.. Не забьёт Мюллер — никто больше не забьёт: вся игра в атаке построена в расчёте на него».

На предматчевой установке Лобановский попросил футболистов исключить, по возможности, Решко из розыгрыша мяча, ни в коем случае не отвлекать его от Мюллера — не мешать концентрации на «спецзадании».

Почти все фланговые атаки «Баварии», например, слева, от Румменигге, следовали на Мюллера. Даже Беккенбауэр во время своих подключений старался сыграть на Мюллера. Решко вступал с ним в борьбу в момент приёма мяча, а когда удавалось, действовал на опережение. После матча Мюллер пожал Решко руку и сказал: «Сегодня ты был сильнее меня!»

Олег Блохин, 23-летний тогда кандидат на звание лучшего футболиста Европы, возбуждённый игрой и потрясающим мячом, который телеканалы всех европейских стран «гоняли» по экранам с интервалом в полчаса, попросил Ошемкова поменять его майку на майку Беккенбауэра. В те времена не было принято меняться футболками, но Ошемков отправился в раздевалку «Баварии»: «В тот момент, когда я, постучавшись, вошёл, моё смущение можно было сравнить разве что с удивлением баварцев. Беккенбауэр как раз обсуждал что-то с тренером Деттмаром Крамером и менеджером Робертом Шваном. Разговор прервался, все трое недоумённо уставились на меня. Протягиваю тяжёлую, наверное, килограмма под два, пропитанную потом футболку винницкого производства. Вот, говорю, Блохин желает обменяться с вашим капитаном. Франц без лишних слов стянул свою адидасовскую “пятёрку”, и я поспешил обрадовать Олега».

Травмированный Мунтян, в Мюнхене не игравший, вспоминает первую свою послематчевую реакцию: «Повезло! Соскочили!» Спустя многие годы он в компании с Колотовым и Трошкиным смотрел видеозапись мюнхенской встречи и мнение своё изменил. «Я увидел, — вспоминает он, — что мы таким составом сыграли очень прилично. И не так уж сильно “возили” нас, как показалось по горячим следам».

В Советском Союзе не верили в возможности «Динамо» и по телевидению показывать мюнхенский матч не стали. О феноменальном результате в Мюнхене зрители узнали только из позднего выпуска новостей, из лаконичного сообщения диктора: «В первой игре за Суперкубок киевское “Динамо” со счётом 1:0 победило мюнхенскую “Баварию”. На 67-й минуте гол забил Олег Блохин».

Тридцать лет спустя, просмотрев видеозапись матча, Олег Блохин вспомнил, что, «оказывается, в том матче у нас практически никого не было на замене. На лавочке сидели травмированные Самохин, Мунтян и Онищенко да массажист, который, сами понимаете, не мог выйти на поле». Вспомнил он, как «Вите Колотову рассекли колено, но он доиграл матч»; вспомнил и состояние перед той игрой: «Когда мы в 75-м слышали фамилии Беккенбауэра, Мюллера, Майера, Шварценбека, когда мы понимали, что чемпионы мира будут играть против нас на переполненном

стадионе в Мюнхене, то, конечно, коленки тряслись. Как сейчас помню, я шнурки не мог завязать на бутсах! А ведь к тому времени мы уже немало матчей в Европе провели и Кубок кубков выиграли».

Блохин, превосходно сыгравший за киевское «Динамо» и сборную СССР во всех ключевых матчах в 1975 году, ошеломивший европейскую публику прекрасными голами в ворота «Баварии», получил «Золотой мяч» лучшего футболиста Европы. «Да вся та команда была гениальной, — говорил он спустя десятилетия. — И если “Золотой мяч” Блохину дали, это не значит, что другие были уровнем ниже. В составе образца 75-го года претендовать на этот приз могли человек пять-шесть — так просто сложилось... Только по стечению обстоятельств в коллективной игре выделялся я». Раймон Копа, знаменитый французский футболист, оценивая присуждение «Золотого мяча» Блохину, попросил обратить внимание на очень важное обстоятельство: «Триумф Блохина — это триумф киевской команды. На её примере можно видеть, что советские игроки придерживаются наступательной тактики и, как рыба в воде, чувствуют себя в рамках коллективного футбола».

Когда после победы «Динамо» в Суперкубке на секретариате ЦК компартии Украины обсуждали вопросы экономики и ораторы жаловались Владимиру Щербицкому на обстоятельства и трудности, украинский руководитель призвал их брать пример с киевского «Динамо». Лобановский рассказывал мне в конце 90-х, что именно тогда он понял, что хорошо делать дело можно при любой системе. «Тогда, — говорил Лобановский, — руководители призывали: “Надо работать”. Сейчас я говорю: “Надо работать”».

На континенте блистала команда, тренировавшаяся и жившая на старенькой базе в Конча-Заспе в спартанских условиях. Душевых кабин и туалетов в комнатах у игроков не было — всё общего пользования на двух этажах. Форму футболисты стирали сами. На окнах висели марлевые сеточки, ночью от ветра они смещались и от комаров не защищали. «Иногда до утра, — рассказывает Блохин, — не спали: гоняли этих кровососов, закрыв все окна».

На киевский матч за Суперкубок с «Баварией» пытались попасть сотни тысяч людей со всего Советского Союза (число только зафиксированных заявок от граждан и организаций со всей страны превысило 650 тысяч). В их числе были и будущий президент ФК «Динамо» (Киев), а тогда студент Одесского пищевого института Игорь Суркис с дедом — Яном Петровичем Горенштейном. Игорь ходил на все матчи «Динамо» в Киеве. «А тут, — вспоминает он, — такая игра, а я в Одессе. С утра места себе не находил:

как же я пропущу такое событие? Прихожу в институт, карманы пусты — какие деньги у приезжего студента? Но план в голове уже созрел. Начинаю издали. Говорю ребятам: “Вот сегодня такая игра... Давайте соберём копеек по 50 или по рублю и поставим на результат. Вся сумма — угадавшему”. А сам понимаю, что у организатора тотализатора и хранятся деньги. Мне бы только на дорогу до Киева собрать — 7 рублей 50 копеек на авиабилет по студенческому и копеек 20, чтобы добраться до аэропорта. А там я не пропаду — Гришина первая супруга Лина мне всегда поможет... Короче говоря, на мою “приманку” клюнули чуть ли не все мои одноклассники. Большинство ребят были или из Одессы, или из Ильичёвска, и родители каждый день давали им какие-то деньги — рубль или два. Словом, собрал я рублей 12 или 14, а это уже почти на дорогу в два конца, и после первой пары на такси рванул в аэропорт. Благо билет на самолёт можно было купить без проблем. Каждый час рейсы были».

Родителям Игорь звонить не стал — он же с занятий сбежал. Но его всё же «рассекретили». Совершенно случайно именно в день матча его решил провести в институте двоюродный брат, только-только вернувшийся из Владивостока, где он устанавливал на подводных лодках холодильное оборудование. Соученики ему и сказали, что Игорь уехал в Киев на футбол. Володя поделился новостью со своими родителями. «Естественно, — говорит Игорь Михайлович, — мой дядя, профессор, преподававший историю КПСС, как человек правильный, позвонил моим родителям. Но надо отдать должное отцу и матери: отлавливать меня до футбола они не стали, а взяли тёпленьким уже после матча, на квартире у брата — со скандалом и “напутственными” речами. После чего вручили “непутёвому” сыну деньги, чтобы расплатился с ребятами (победителем тотализатора я так и не стал). Утром я улетел в Одессу. Перед последней парой пришёл в институт и в торжественной обстановке вручил призовые победителю. Все пережитые неприятности в тот момент меня уже не касались. Я был на матче “Динамо” — “Бавария” и собственными глазами видел этот триумф! По сей день эта игра, победа в ней 2:0 стоит перед моими глазами».

«Динамо» вполне могло навсегда сохранить трофей у себя. Розыгрыш Суперкубка ведь был неофициальным. Привезли тогда огромную вазу, в которую вмещалось содержимое двух дюжин бутылок шампанского, вручили киевской команде и уехали. Через год известный импресарио Юрий Украинчик (он занимался организацией коммерческих матчей советских команд за рубежом и имел тесные контакты с УЕФА) в преддверии борьбы за Суперкубок между «Баварией» и «Андерлехтом»

прислал в Киев телеграмму, в которой просил переправить трофей в Брюссель. Как он сам рассказывал, на возврат «чаши» он не надеялся, телеграмму прислал «на всякий случай».

В Киеве рисковать не стали. Упаковали Суперкубок и отправили с коробкой в Брюссель через Москву Михаила Ошемкова. 36-килограммовый Суперкубок провёл в советской столице две ночи: первую у родственников Михаила Олеговича в Филях, вторую — в нашей тогдашней квартире в Сокольниках, куда мой друг Ошемков привёз кубок перед вылетом в Бельгию. «Андерлехт» по пути «Динамо» не пошёл и, обыграв «Баварию», навсегда оставил Суперкубок у себя.

Победы, одержанные в 1975 году, — знаковые ещё и потому, что обыграны были ведущие на тот момент клубы Голландии и ФРГ — стран, чьи сборные годом раньше подарили потрясающий финал чемпионата мира, образцово-показательную демонстрацию абсолютно всех элементов тотального футбола, заступившего в первой половине 70-х годов на царствование в тактике. Киевляне обыграли большую группу участников грандиозного финала, выступавших за ПСВ и «Баварию». «Эти победы, — писал в киевской газете «Комсомольское знамя» Валерий Мирский, — прославляющие советский спорт, советских людей, великую социалистическую Родину, несут нашему футболу перемены, давно стучавшиеся в дверь».

Редкий для середины 70-х не киевский игрок сборной СССР, спартаковец Евгений Ловчев, однажды признался болельщикам «Спартака» в том, что иногда мечтает поиграть за киевское «Динамо». На такое смелое заявление Ловчева подвигло знакомство с порядками в киевском клубе, которые, по его словам, он связывал с личностью Лобановского.

Спартаковский защитник был приглашён в сборную Союза перед отборочным матчем чемпионата Европы. Вместе с одноклубником вратарём Александром Прохоровым Ловчев отправился самолётом в Киев, а из аэропорта «Борисполь» — прямиком на динамовскую базу в Конча-Заспу: национальную команду Лобановский с помощниками собирал там, поскольку проще было принять трёх-четырёх «чужаков», чем везти всё киевское «Динамо» в Москву.

Спартаковцы попали на просмотр повторного матча киевлян за Суперкубок с «Баварией» и были вынуждены оправдываться, объяснять, почему они опоздали. Задержка произошла не по их вине. Да и не была она такой, чтобы за неё резко отчитывали приглашённых из Москвы игроков. Ловчеву, однако, полученная взбучка пришлась по душе, потому что свидетельствовала о порядке.

Привыкший в «Спартаке» к гвалту, сопровождавшему просмотр каждого, тем более победного матча, Ловчев был поражён тишиной в холле второго этажа тренировочной базы: динамовцы смотрели на экран молча, сосредоточенно. Лобановский лишь однажды нарушил тишину, спросив у Блохина: «Ты почему не был на точке, когда последовала передача Веремеева с фланга?» — «Да он плохо подал», — пытался оправдаться Блохин, забивший в ворота «Баварии» оба гола. «Я не спрашиваю о том, как подал мяч Веремеев, — сказал Лобановский. — Я спрашиваю: почему ты не был на своей точке?»

Ловчев не мог, конечно, не поинтересоваться потом, о какой «точке» шла речь. Оказалось, территория в штрафной или перед штрафной соперника у киевлян была поделена на зоны, и в них при стандартных ситуациях или фланговых передачах должны были врываться игроки, за которыми «точки» эти были закреплены. Догмы, разумеется, никакой не было, футболисты могли — это не возбранялось — оказываться не на своих, а на соседних «участках», но при этом требовалось занимать все «точки». Исключались — и это, убедился Ловчев, тщательно репетировалось на тренировках, — передачи наобум, во время которых все атакующие игроки располагались на одной линии.

Лобановский уже на следующий день после матчей не просто просматривал с футболистами записанные Ошемковым на японский катушечный видеомagnetофон игры, но проводил, используя повторы необходимых эпизодов, углублённое теоретическое занятие. Он акцентировал внимание игроков на ведении коллективных действий — немцами и голландцами прежде всего.

После просмотра в Конча-Заспе киевского матча с «Баварией» Лобановский потребовал принести ему все газеты с восторженными отчётами о победе киевлян в Суперкубке. «Об этом мы на время должны забыть», — сказал он.

Удивили спартаковца и установки перед тренировками. Они позволяли работать гораздо интенсивнее. Между сменой упражнений не возникало пауз. Игроки ещё в помещении узнавали, какое упражнение за каким последует. Расшифровывалась также направленность каждой серии. В других же командах объяснения происходили на поле непосредственно во время занятий: игроки несколько минут стояли и слушали тренера.

Товарищеский матч сборной СССР с Италией 8 июня 1975 года стоит особняком. Во-первых, проводился он в присутствии 70 тысяч зрителей в «Лужниках». Во-вторых, впервые в майках сборной на поле московского стадиона вышли в стартовом составе одиннадцать игроков одной команды

— киевского «Динамо», и один из них — Анатолий Коньков — забил в той встрече единственный гол. Даже на замену не вышел никто из «посторонних». Такое кадровое решение было, что и говорить, ударом по московскому футбольному начальству. И не только футбольному. В истории мирового футбола не отыскать аналога, когда какая-либо команда в полном составе становилась национальной сборной своей страны и одинаково успешно играла в обоих турнирах — для клубов и для сборных.

Вечером после матча мне довелось беседовать с капитаном итальянской сборной Факкетти, и, естественно, я поинтересовался его мнением. Факкетти считает, что наша сборная ныне выглядит здорово, и прямо сказал, что он не слишком огорчён проигрышем, ибо к этому привели действия соперника, выступавшего лучше, выглядевшего командой более сыгранной, умелой, крепче сколоченной: «У нас много молодых, и они растерялись, когда после перерыва советская сборная заиграла в голландском ключе, а особенно после пропущенного мяча, когда взаимозаменяемость ваших игроков совсем уже сбита с толку нашу молодёжь».

Сборная Италии была в то время оселком, на котором можно было проверить свои реальные силы, пусть даже в товарищеском матче. «Победой над такой командой мы вправе гордиться, — резюмировал «Советский спорт». — Сейчас немало говорят и пишут о благотворном сотрудничестве, установившемся между тренерами В. Лобановским и О. Базилевичем и спортивной наукой. Всё так. Плоды этого союза налицо — функциональные возможности, или, попросту говоря, беговая и атлетическая подготовка киевлян, составляющих основу сборной, выросли, и это отрадно. Но это только часть важной работы. Одна её сторона. Другая, не менее важная, чисто творческая часть — прерогатива и искусство только тренеров. И об этом нельзя забывать. Важно понимать, куда, к какому футболу зовут тренеры своих питомцев. И здесь В. Лобановский и О. Базилевич, представляя наш футбол вместе со своими игроками на всех уровнях, будь то в клубном турнире Кубка кубков или под флагом сборной страны, оказались на высоте. Истолкование игры киевлянами в высшей степени современно. В нём есть место и остроатакующему футболу, и нарочито замедленному розыгрышу мяча, подчас ставящему в тупик соперников».

«Тренера без игроков не бывает» — это убеждение Лобановский пронёс через все тренерские годы. Он считал, что когда у тренера единое с футболистами понимание цели — по максимуму! — можно решать самые серьёзные задачи.

«Я смотрю на них в раздевалке после матча — неважно какого, выигранного или проигранного, но забравшего все силы, — рассказывал Лобановский в книге «Бесконечный матч». — Тела, не остывшие от битвы, брошены в кресла, руки висят, словно плети, глаза полузакрыты. Ребята выложились полностью, и не надо ни о чём говорить. Пройдёт несколько минут, они примут душ, оденутся и станут похожими на сверстников, которые наблюдали за ними с трибун и по телевизору.

Бывает, возбуждение, царившее на поле, переносится в раздевалку, и тогда — либо чересчур громкие реплики, весёлые, с подначкой, безотносительно, быть может, к матчу, в котором одержана важная победа, либо разговор на повышенных тонах, со взаимными упрёками и излишним детализированием запомнившихся моментов, приведших, по мнению участников “экспресс-анализа”, к поражению».

Сколько же было таких вечеров в раздевалках стадионов разных городов и стран после матчей с «Зенитом» или «Пахтакором», «Ботафого» или «Утрехтом», сборными Ирана или Бразилии?.. Калейдоскоп стадионов, городов, стран, соперников. Реестра Лобановский не вёл, но за тридцать четыре года тренерской деятельности команды, которыми он руководил, провели примерно 1300 матчей.

Однажды знаменитый советский спринтер Валерий Борзов уговорил Лобановского помочь ему создать образ идеального футболиста из тех, с кем Валерий Васильевич работал в советские времена. Никогда ничем подобным Лобановский не занимался, отмахивался, когда его просили сравнить силу «Динамо»-75 и «Динамо»-86, слыл противником составления всевозможных «символических сборных». Но Борзову пошёл навстречу, и они, по словам выдающегося спортсмена XX века, пришли к мнению, что идеальным мог бы стать футболист с характером Блохина, скоростью Беланова, техникой Заварова, ударом Буряка, мощностью Конькова, рассудительностью Фоменко, выносливостью Яковенко, лидерскими качествами Колотова и универсализмом Бессонова.

«Спросите, скажем, у Виктора Матвиенко, у других футболистов из 1975 года о том, о чём спрашиваете меня, — говорит один из украинских футбольных тренеров Анатолий Крощенко. — Один не может стоять, другой — ходить...» А поинтересовались репортёры у Крощенко о том, как сказались в дальнейшем на игроках применявшиеся Лобановским и Базилевичем нагрузки в середине 70-х годов.

А ведь можно просто пройти по тому знаменитому составу, поразившему игрой не только Советский Союз, но и всю футбольную Европу. Плохо ходят или даже плохо стоят (так было, во всяком случае, по

состоянию на 2016 год) Трошкин, Матвиенко и Мунтян, которым исполнилось, соответственно, 69, 68 и 70 лет. Они перенесли операции, связанные с коленными и тазобедренными суставами, которые переносят и обыкновенные люди, а тем более занимавшиеся так называемым «большим спортом».

«Я, — говорил в начале 2017 года знаменитый итальянский футболист и тренер 57-летний Карло Анчелотти, — двадцать лет был профессиональным спортсменом и теперь не могу бегать. Моё колено вышло из строя, то же самое могу сказать про спину... И если мне сегодня скажут, что спорт полезен для здоровья, — не соглашусь».

Михаил Фоменко (68 лет) успешно работал на посту председателя тренерского совета Федерации футбола Украины, возглавлял национальную сборную страны, которую вывел в финальную стадию чемпионата Европы 2016 года во Франции. Играть Фоменко закончил рано, в 30 лет, но причина того — не нагрузки, а проблемы со спиной, они сопровождали Михаила с восемнадцатилетнего возраста. У него постепенно съехали межпозвоночные диски. «Из-за этого, — говорит Фоменко, — последние два года в “Динамо” я очень много травм получал — и с задней, и с передней поверхностью бедра начались проблемы. Даже финал Кубка кубков я играл после микронадрыва. На предматчевой разминке почувствовал боль и мог, в принципе, не сыграть в финале. Но массажист финалгоном натёр, и... То ли мазь жжёт, то ли надрыв болит — уже не разбираешь!»

В Леселидзе в 74-м, когда «Динамо», вместо того чтобы, как все, тренироваться с мячом (на ужасном, к слову, единственном поле), принялось накручивать круги по беговой дорожке, выполнять серии «5 по 300», «осваивать» барьеры, совершать прыжки, над киевскими футболистами смеялись. После выигрыша — внешне с лёгкостью — Кубка СССР и чемпионата страны смеяться прекратили.

Стефан Решко (68 лет) — прекрасно выглядит, следит за собой. Полковник МВД. «Мне кажется, — говорит Решко, — суть вовсе не в том, кто и как отзывается о нагрузках Лобановского, которые — чего уж лукавить — действительно порой казались запредельными, а в том, что он сумел результатами команды доказать свою правоту. Это была замечательная школа, не шедшая ни в какое сравнение с инфизкультами, которые все мы поголовно заканчивали. Хорошо помню, как мой партнёр по обороне Миша Фоменко — сегодня один из лучших украинских тренеров — конспектировал занятия Лобановского. То же самое делали и Володя Мунтян, и Володя Веремеев, и покойный Виктор Колотов...

Несомненно, что все они как тренеры “вышли из Лобановского”».

Леонид Буряк (63 года) — такой же подтянутый, как прежде, выглядит моложе своего возраста. Работал главным тренером и сборной Украины, и киевского «Динамо».

Владимир Веремеев (68 лет) — активно трудится в спортивном департаменте динамовского клуба.

Анатолий Коньков (67 лет) — и тренерской работой занимался, и Федерацию футбола Украины возглавлял, бодр и активен. Лобановский, к слову, рассказывал мне, как в начале 1975 года разговаривал с Никитой Павловичем Симоняном сразу после того, как возглавил с Базилевичем сборную СССР. Симонян, работавший тогда заместителем начальника Управления футбола, скептически отнёсся к приглашению в национальную команду Конькова: «Он же медленный, будет всю игру тормозить». Это потом, когда он сам стал тренировать сборную, не мыслил её без Конькова.

Владимир Онищенко (68 лет) — отличная тренерская карьера: возглавлял «Динамо», работал в штабе у Фоменко, в последнее время не очень-то востребован, но со здоровьем это никак не связано.

Олег Блохин (64 года) — образец спортсмена, всегда ладившего с режимом и дисциплиной. Много лет проработал тренером в Греции, в 2006 году под тренерским началом Блохина сборная Украины попала в восьмёрку сильнейших команд планеты на чемпионате мира в Германии, тренировал он и российский клуб «Москва», и киевское «Динамо». Играл Блохин на высшем уровне до 36 лет.

Рано ушёл из жизни Виктор Колотов, но нагрузки тут ни при чём. Жестокая психологическая травма, нанесённая Виктору футболистами украинской молодёжной сборной (они фактически «сдали», то есть без борьбы проиграли официальный матч сверстникам из Исландии; «Ребята, — спросил игроков Колотов в раздевалке после встречи, — что я вам сделал?»), несправедливое после исландского поражения увольнение, угнетённое состояние — этот «набор» своё гнусное дело и сделал...

Лобановский позвонил мне 4 января 2000 года. Сказал потухшим голосом: «У нас беда. Большая беда. Витя Колотов сегодня ночью умер». У Колотова в декабре 99-го было предынфарктное состояние. Его положили в Октябрьскую больницу. Сначала в реанимацию, потом в обычное отделение. Перед Новым годом он был в санатории. На Новый год сбежал оттуда. 4 января собирался вернуться. В ночь на 4-е скончался. «Жизнь — копейка», — добавил Лобановский. На похоронах была команда-75 практически в полном составе. Лобановский взял с собой тёмные очки. Глаза его были полны слёз. Он болезненно относился ко всему, что

напоминало ему о неизбежном конце. Этот бесстрашный человек чувствовал здесь своё бессилие. Света Лобановская видела отца со слезами на глазах дважды — когда умерли его мама Александра Максимовна и старший брат Женя.

...А мужество этих ребят?!

Бойцовских качеств одного только Стефана Решко с лихвой бы хватило на весь динамовский состав образца десятых годов XXI века — со всеми нанятыми на работу за большие деньги легионерами. Ловчев однажды разорвал ему надкостницу (Решко играл без щитков: неудобные они тогда были, мешали), так Стефан, видя, что нога в крови, не ушёл с поля. И нос ему ломали, и зубы выбивали, и с поломанной рукой он продолжал играть, пока не увидел, что она сильно распухла.

Веремеев, для того чтобы не выходить из игры, просил делать укол в пах. Мунтян выходил на поле на уколах и бился. После повреждения мениска играл! Матвиенко после операции ещё три месяца надо было восстанавливаться, лечиться, а он уже через три недели рвался тренироваться. У бесстрашного Онищенко было несколько сотрясений мозга. Блохин в финале Кубка кубков 1975 года играл со сложной повязкой на ноге, наложенной поверх остававшихся неснятыми швов — следов жестокой игры против него в Ереване. Никто не знал, что он играл с исколотым голеностопом, что из его колена выкачали двадцать кубиков жидкости, вместе с кровью. Перед вторым в его жизни финалом Кубка кубков рядом с Блохиным, получившим в матче за сборную надрыв приводящей мышцы, разминался Вадим Евтушенко: Блохин не знал, сумеет ли он сыграть. Сумел. У Колотова, «молчаливого капитана», как его называли, однажды после столкновения коленная чашечка оказалась на бедре. Он её поставил рукой на место и вернулся в игру.

Их никто — ни Лобановский, ни Базилевич, ни тем более «начальники» — не заставлял не обращать внимания на кровь, сотрясения мозга, неснятые швы, сдвинутые коленные чашечки... Они — сами. «У нас, — говорит Решко, — был коллектив, который хотел добиться успеха, не денег... Мы тоже хотели жить хорошо. И жили неплохо. Но мы так представляли себе жизнь: сначала выиграть, а потом что-то попросить...»

В обойме того «Динамо» было четырнадцать высококвалифицированных игроков. Они летали по Союзу на рейсовых самолётах, порой допотопных, выходили на поле через три дня на четвёртый и продолжали, не ноя, драться.

Тех, кто считает практиковавшуюся в «Динамо» систему «потогонной», Базилевич называет непрофессионалами. Подавляющему

большинству футболистов, поработавших с Лобановским и в 70-е, и в 80-е, и в 90-е годы, и в голову не приходит жаловаться на «загубленное» в Киеве здоровье. «Если кто и ломается, — говорит Базилевич, — только слабые и недисциплинированные: посмотрите, в какой отличной форме до сих пор находятся Демьяненко, Буряк, Кузнецов, Беланов, Заваров, Михайличенко и масса других, не менее “измочаленных” Лобановским футболистов!»

Глава 7

ЛОВУШКА-76

События развивались следующим образом. После возвращения с Олимпиады в Монреале и короткого отдыха в Ялте, перед осенним чемпионатом Советского Союза Лобановский с Базилевичем приняли решение расстаться с двумя футболистами — крайними защитниками Трошкиным и Матвиенко.

Предельный возраст — понятие относительное. Футболист должен быть использован в составе до тех пор, пока он полезен. Это было тренерским кредо молодых специалистов, и они вправе были, руководствуясь чисто спортивными мотивами — и только ими, — решать вопрос о пребывании в команде того или иного футболиста.

«Время меняет людей, — говорил Лобановский. — Я не исключение. Теперь я хорошо понимаю некоторый экстремизм нашего решения, во многом ошибочного, ибо сложившаяся ситуация (на Олимпиаду мы ехали только побеждать, а “взяли” лишь бронзу, начисто проиграли первую половину сезона) совершенно не требовала принимать такие меры, в результате которых два игрока сборной оказались внезапно не только вне сборной, но и вне клуба. Наверное, вполне возможен был вариант перевода обоих футболистов на какой-то период в дублирующий, к примеру, состав.

Эта ошибка стала завершающей в цепи многих, совершенных и нами, и футболистами.

Вольтова дуга замкнулась».

Вечернюю тренировку в воскресенье, за два дня до очередного календарного матча с «Днепром» в Киеве, команда проводила без Трошкина и Матвиенко. А на следующий день в полном составе явилась утром в республиканский Спорткомитет. Футболисты заявили, что не желают больше работать с Лобановским и Базилевичем, и уехали в Конча-Заспу продолжать подготовку к встрече с днепропетровцами, предупредив, что если тренеры там появятся, то они базу покинут. «Готовиться, — сказали они, — мы будем сами. Сами будем определять состав, решать, как играть, и отвечать за результат».

До матча и в последующие дни состоялась серия собраний, совещаний, призванных каким-то образом урегулировать конфликт,

«спустить» его на тормозах, примирить стороны. На одном из таких собраний — шестичасовом — тренеры услышали в свой адрес всё, что думали о них футболисты, и высказались сами. На другом — более коротком — был объявлен целый ряд решений и оргвыводов. Лобановский, например, с Базилевичем, а также Мунтян получили партийные взыскания. Условной дисквалификации подверглись Трошкин, Звягинцев, Матвиенко, Мунтян. Многие игроки получили выговоры и строгие выговоры. В таком состоянии команда не могла быть отправлена на запланированный турнир в Испанию, в котором вместо неё выступил ЦСКА.

Итак, конфликт. Там, где его не ждали. Но там, где, как выяснилось, он давно назревал.

Тогда тренеры рассуждали следующим образом: «Программа предусматривает лишь раскрытие функциональных возможностей футболиста, а помимо программы есть ещё масса вещей, необходимых игроку для наиболее полного проявления этих возможностей, — самоотверженность, смелость, риск, воля, мужество. К сожалению, некоторые игроки качеств этих не проявили. Программа даёт результат только тогда, когда подкреплена настойчивостью футболистов, их ответственным, профессиональным отношением к делу, упорными тренировками сверх программы по совершенствованию технических навыков».

С точки зрения футболистов, получалось так, что они, не успев как следует восстановиться после прошлогоднего сезона, стали выполнять огромный объём нагрузок с самого начала, с подготовки в Болгарии в условиях среднегорья. Накапливалась усталость от бесконечных перелётов, от постоянных интенсивных тренировок.

На собрании — и одном, и другом — игроки высказали свои претензии по подготовке, не углубляясь в теоретические тонкости (из-за отсутствия серьёзных знаний по этим вопросам), но основываясь на собственном самочувствии, физическом состоянии, опыте.

«Смысла вдаваться в расшифровку претензий нет, — говорил Лобановский. — Необходимо заострить внимание на том, почему же всё-таки не была реализована программа-76, в которой детально была расписана вся наша тренировочная и игровая деятельность с января по июль включительно».

Как ему представлялось, причины были следующие:

«Мы с самого начала своего пребывания в киевском “Динамо” решили отказаться от слова “эксперимент”, полагая, что в такой команде ставить эксперимент неразумно. Эксперимент имел место в командах, в которых

мы работали до этого, — “Днепре” и “Шахтёре”. Здесь же нужны были, прежде всего, высокие конкретные результаты.

Но отказаться от слова, ещё не значит отказаться от самого процесса. Мы буквально на ощупь, маленькими шажками двигались по программе в том же, например, 75-м году. Вполне оправданно много доверяли своей интуиции, игрокам, зачастую справедливо заменяя по ходу дела тот или иной режим программы на другой. Рождалось творческое взаимопонимание между нами и футболистами. Был контакт. Мы были единомышленниками. А если и существовали какие-то шероховатости в отношениях, то они сглаживались успехами.

Я бы сказал, что успехи подействовали усыпляюще на всех. Никто не мог представить себе, что возможен иной поворот событий. Нас всех — и тренеров, и игроков — не хватило, видимо, на то, чтобы реально и трезво взглянуть на кубки, суперкубки, призы и, забыв о них, начать новый сезон, продолжая эксперимент, развивая его и совершенствуя. Нужен же он был хотя бы по той простой причине, что никто и нигде в мире не тренируется по научным программам. Ситуация перед 1976 годом оказалась совершенно новой: цель — олимпийский турнир, время подготовки — полгода.

Если раньше мы двигались по программе осторожно, то сейчас шагали по ней, не допуская отступлений.

Надо заметить, что (сейчас это становится совершенно очевидным) плохую службу нам сослужил навязанный команде план, нацеливший её, по существу, только на Олимпиаду. Психология — дело серьёзное. Мы понимали прекрасно, что строго с нас спросят лишь за неудачу в олимпийском турнире. Расчёт на отдалённый результат не позволял критически оценить выполнение программы на определённом этапе. Мы смотрели в “завтра”, забывая, что сегодняшние неудачи — как с “Сент-Этьенном”, так и с чехами на чемпионате Европы — наслаиваются на состояние команды, и наслоение это невозможно, как оказалось, снять».

Наверное, тренерам следовало бы в самом начале подготовки поговорить серьёзно всем вместе с позиций творческого содружества единомышленников. Это способствовало бы главному — достижению взаимопонимания. Возможно, Лобановский и Базилевич отступили бы от каких-то положений своей программы (но не от главного, разумеется, не от программы!); возможно, подобная мера перенастроила бы игроков, спустила бы их с небес на землю. Но разговор не состоялся.

Разрушался контакт. Росла взаимная раздражительность. Её усугубили поражения динамовцев в Кубке чемпионов и сборной — в чемпионате

Европы, задевшие, безусловно, профессиональную гордость тренеров и игроков. Но даже после этих событий при достаточных усилиях с обеих сторон могло быть достигнуто взаимопонимание. Однако невидимая глазу трещина в отношениях между тренерами и футболистами продолжала расширяться, многое, вчера казавшееся очевидным и справедливым, сегодня выставлялось как несправедливое и субъективное. Контакт был потерян полностью. После неудачи в Монреале предполагаемый вывод из команды двух футболистов вызвал моментальную вспышку. Не будь этого повода, нашёлся бы другой, третий и события просто бы переместились во времени.

«Мы, — вспоминал Лобановский, — почернели тогда от переживаний, но теперь я понимаю: в жизни обязательно должно произойти нечто похожее на эту послемонреальскую историю. Она закалила всех её участников. Меня, во всяком случае, точно...

Сейчас, встречаясь изредка с игроками команды-75, мы не вспоминаем конфликт-76, а если и вспоминаем, то как досадный эпизод в нашей совместной деятельности. Мы соглашаемся, что допустили тогда ряд ошибок. Ребята признаются в своих ошибках, связанных прежде всего с “шалаяваляйским” настроением и неумением в отдельных решающих матчах превозмочь себя, выложиться до предела. В целом же футболисты из той команды во всём были бойцами. Даже в конфликте, о котором рассказано выше».

С тем, что в первой половине 76-го были допущены ошибки, Лобановский согласился не сразу. О первой своей реакции на возникшую после Монреаля ситуацию он говорил мне в августе 1976 года в Киеве: «Программа верная. Они заигрались. Жалко их. Поймут, может быть, потом». Виктор Колотов спустя годы назвал тот демарш «нашим эмоциональным взрывом».

Участниками бунта были все, кто прошёл школу Лобановского и стал тренером. «Опыт прожитых лет, — говорит Владимир Онищенко, — подсказывает нам, мне во всяком случае, насколько же мы были тогда прямолинейны и безапелляционны, пойдя на поводу у эмоций и совершенно неоправданного эгоизма. Сейчас бы мы так не поступили». «Разве они не могли в их возрасте совершать глупости? — размышляет о тренерах Владимир Трошкин. — Могли. Они поднялись на такую вершину, стали лучшими тренерами! Мы тоже, можно сказать, были звёздами. Вот и схлестнулись. Хотя всё можно было решить по-другому. Решить между собой, а не выносить “наверх”».

Тренеры тоже, не будь они тогда такими молодыми — Лобановскому

37 лет, Базилевичу 38, — поступили бы, по всей вероятности, иначе. «Если хотите, — говорит Базилевич, — это свидетельствует о нашем славянском менталитете: поднявшись на вершину, мы самоуспокаиваемся, какое-то время почиваем на лаврах, перестаём работать с прежней целеустремлённостью. Это касается не только игроков — мы с Валерием, наверное, тоже не избежали эйфории. И с высоты возраста, с позиции накопленной житейской мудрости понимаешь: мы тоже были не безгрешны, вели себя, может быть, слишком прямолинейно, безапелляционно — кто теперь знает? Повторяю: мы были молоды и честолюбивы, и этим всё сказано».

Первопричиной конфликта действительно была гипертрофированная, сверхэмоциональная реакция футболистов на нагрузки, усталость, но самое главное — на отсутствие победного результата хотя бы в одном из трёх важнейших турниров. «Всё, — вспоминает Базилевич, — моментально окрасилось в чёрный цвет, всё стало плохо: и нагрузки чрезмерные, и форма ведения тренировок не та, и тактика ошибочная... Никто почему-то не заикался полуголом ранее, когда “Динамо” выиграло всё подряд, в том числе — в футболках сборной СССР, и, кстати, было признано лучшей командой мира 1975 года в игровых видах спорта».

Последним матчем, который Лобановский и Базилевич проводили вместе, стал матч за третье место на Олимпийских играх в Монреале 29 июля 1976 года с Бразилией (2:0). Следующим должен был стать матч чемпионата СССР с днепропетровским «Днепром» (игра с «Шахтёром» 14 августа не состоялась, её перенесли), но игроки киевского «Динамо» потребовали от республиканского руководства увольнения обоих тренеров. Игроки заявили, что не выйдут на поле, если тренеры появятся на тренировочной базе. Это потом футболисты того поколения киевского «Динамо» — Владимир Трошкин, Михаил Фоменко, Стефан Решко, Виктор Матвиенко, Владимир Мунтян, Виктор Колотов, Анатолий Коньков, Владимир Веремеев, Леонид Буряк, Владимир Онищенко, Олег Блохин — спокойно признавали свою неправоту. Тогда же... Ультиматум оказал воздействие. Впервые Лобановского и Базилевича не было не только в раздевалке, но и на трибунах. Впервые на киевском стадионе были убраны скамейки, на которых во время игры сидели запасные, тренеры, врачи. Убрали их, чтобы зрители не обнаружили отсутствие тренеров и не поняли, что в команде происходит что-то неладное. Ту игру («Днепр» победил 3:1) Лобановский и Базилевич смотрели дома по телевизору. «Переживали так, — рассказывал Лобановский, — словно сидели на скамейке, обменивались по обыкновению репликами, совершенно забыв о том дурацком положении,

в котором оказались. Едва прозвучал сигнал на перерыв, я рефлекторно встал, чтобы идти в раздевалку, и... всё вспомнил»... Конфликт, как водится, потребовал разбирательства. Завершилось оно уходом Базилевича. Мог уйти из киевского «Динамо» и Лобановский. Но воздержался от опрометчивого шага.

По датам события той поры «разместились» следующим образом:

29 июля 1976, четверг. Матч на Олимпиаде-76 за третье место СССР — Бразилия.

13 августа 1976, пятница. Приём в Москве.

14 августа 1976, суббота. Несостоявшийся матч в Донецке.

15 августа 1976, воскресенье. Тренировка в Конча-Заспе. Баня. Заявление.

16 августа 1976, понедельник. Собрание.

17 августа 1976, вторник. Ультиматум.

18 августа 1976, среда. Матч с «Днепром» в Киеве.

19 августа 1976, четверг. Собрание в Конча-Заспе.

20 августа 1976, пятница. Тренировка в Конча-Заспе. Занятие проводил Лобановский. Базилевича и Петрашевского уже не было.

25 августа 1976, среда. В тренерской группе появился Коман.

«Сразу после возвращения из Монреаля, — рассказывает игравший тогда за «Динамо» Звягинцев, — я тайком на пару дней улетел в Донецк, чтобы сказать Салькову, что возвращаюсь в “Шахтёр”. Потом вернулся в Киев, позвонил Мише Фоменко — узнать, когда завтра отъезд на тренировку. Он мой вопрос словно мимо ушей пропустил, а попросил завтра к 10.00 подъехать к республиканскому Спорткомитету. Я сразу почувствовал: что-то стряслось. Назавтра еду к назначенному времени, стою на улице, жду неизвестно чего. Минут через пять Володя Онищенко возникает и, наконец, всё объясняет. Оказывается, пока я был в Донецке, в парной на тренировочной базе в Конча-Заспе ребята договорились “свалить” Лобановского. Для этого и решили собраться у начальника Управления футбола Фоминых, пригласив ещё и спортивного министра Баку. Сели вокруг большого стола, Колотов попросил у Фоминых лист чистой бумаги. Наш капитан написал коротенький текст, носивший сугубо ультимативный характер (дескать, или мы, или Лобановский — выбирайте), и пустил бумагу по кругу. 15 игроков поставили свои подписи... Ясное дело, разразился скандал. На следующий день нас собирают снова — теперь уже в присутствии начальства повыше: зампреда Совмина республики Семичастного, секретаря ЦК компартии Украины по идеологии Погребняка, всего динамовского генералитета. Поднимают

каждого: “Ты за смену руководства или нет?” Только один “малодушничает”, все остальные стоят на своём. Решение выносится такое: второго тренера Базилевича и начальника команды Петрашевского уволить немедленно, Лобановского — временно отстранить от руководства командой. Надолго ли? Наверное, до тех пор, пока мы, игроки, не поймём, что без Лобановского — никуда. И этот расчёт оправдался. В первом же матче — в Киеве против “Днепра” — с Пузачем на тренерской скамейке садимся в лужу — 1:3. И “мятеж” бесславно угасает.

Недели через две после “бунта”, когда страсти немного улеглись, Лобановский пригласил меня и сказал: “Ты сам, наверное, понимаешь, что мы должны расстаться. Зарплату можешь получать у нас до конца сезона, но как игрок ты мне больше не нужен”. Я поблагодарил его за всё, что он сделал для меня, а сам мысленно был уже в Донецке».

Донецкий журналист Марк Левицкий, касаясь послеолимпийского бунта в «Динамо», отмечал, что «Звягинцев, по некоторым версиям, которые он, правда, не признает, был одним из зачинщиков». И в это несложно поверить, если ознакомиться с многочисленными интервью бывшего футболиста и арбитра, в которых с такой страстью выливаются ушаты грязи на Лобановского и Базилевича (особенно — на Лобановского, причём уже после его смерти).

Ещё одним зачинщиком «заговора» считали Мунтяна, но, наверное, только потому, что на собрании все те, кто накануне обещал камня на камне не оставить от тренеров, притихли, а Мунтян, обиженный на тренеров за то, что его не взяли на Олимпиаду, выступил резко.

«С годами, — рассказывал Мунтян журналисту Дмитрию Гордону, — я острее чувствовал внутри какое-то беспокойство и всё хотел перед Васильичем извиниться за свои, может, не совсем правильные высказывания. Только по телефону (никак не удавалось с ним встретиться). Я когда в симферопольской “Таврии” работал, часто с ним по телефону разговаривал. Когда по 40 минут, когда по часу — долго. Всё расспрашивал о методике, хотел узнать, нет ли чего нового, делился своими наблюдениями. И вот однажды, улучив момент, говорю: “Васильич, хотел бы встретиться, извиниться”. Он отмахнулся: “Да нет, всё нормально, Володя”. Так и получилось, что... В общем, не поговорили...»

Колотов вспоминал, как однажды, в неудачном для «Динамо» выездном матче с «Мальме», посчитав свою замену «недоверием» к себе и, уходя с поля, сказал Лобановскому что-то обидное. Со стороны Лобановского не последовало никакой реакции. Ни сразу, ни потом. Колотов рассказывал, что ему долго ещё «было стыдно за те слова».

«Тренер, — говорил Колотов, сам ставший тренером, — всегда прав. А тогда, будучи игроком, я на многие вещи смотрел со своей маленькой колокольни, которая казалась иногда повыше Останкинской телебашни».

Можно ли представить, что Щербицкий тогда, в августе 76-го, когда самые высокопоставленные партийные чиновники денно и нощно занимались возникшими в «Динамо» проблемами, ничего о происходившем не знал? Возможно, но только в том случае, если поверить одному из самых известных мифотворцев той поры, телекомментатору Владимиру Маслаченко. «От развала “Динамо” спас я», — заявил он. И пояснил, что сказал о конфликте в программе «Время», а «эту программу смотрел Владимир Васильевич Щербицкий, и, услышав мои слова, он тут же вызвал председателя Спорткомитета... и поручил: “Давай-ка, родной, на базу и быстренько разберись. Всё, что угодно, делай, чтобы команда была сохранена”».

Маслаченко, впрочем, на полном серьёзе утверждал многое: и то, что Лобановский дал ему согласие возглавить рухнувший в 1976 году в первую лигу московский «Спартак» («Лобановскому тогда уже было определённо тесно в Киеве. Ему нужна была Москва! Он не поломал бы спартаковский стиль»), и то, что именно он, Маслаченко, заставил в мае 1986 года своим выступлением в телеэфире тех, кто принимал решение, вместо Малофеева поставить в сборную СССР Лобановского. Но всё это, конечно, не более чем мифы.

Почти всё должностные лица в Киеве, имевшие отношение к «Динамо», задолго до Маслаченко были подняты по тревоге. По указанию Щербицкого каждому из них немедленно выделили свою «делянку», на которой требовалось убедить футболистов отказаться от подписанных ими ультиматумов. Только после того как заявления будут отозваны, в ЦК пообещали пойти на компромисс.

Борису Онуфриевичу Бауле, тогдашнему первому заместителю председателя украинского совета общества «Динамо» (а фактически председателю, поскольку им всегда был по должности «свадебный генерал» из МВД), «достались» жёны игроков. С каждой из них он беседовал тет-а-тет. И каждой объяснил простую вещь: мест в Советском Союзе, где могут служить их мужья-офицеры, — хоть отбавляй: от Кушки до Дальнего Востока (куда в своё время сослали служить капитана олимпийской сборной СССР спартаковца Сергея Олышанского, чтобы заставить его выступать за ЦСКА). Наверное, мнение напуганных жён в какой-то степени сыграло свою роль. Однако более всего бунтовщиков убедило обещание высокого начальства пойти на основательные кадровые

перемены в тренерском штабе команды.

Резко выступил на собрании не подписавший заявление Решко. «В том, — сказал он, — что мы проиграли в четвертьфиналах Кубка чемпионов, чемпионата Европы и в полуфинале Олимпиады, на девяносто процентов виноват тренерский штаб. Игроки — на десять процентов. Тренеры увлеклись голой наукой и забыли, что футболисты — это живые люди и нуждаются в индивидуальном подходе. Лобановский и Базилевич почему-то решили, что мы — роботы. Но мы должны собраться коллективом, обсудить все ошибки и продолжить работу вместе. Потому что если бы не Лобановский и Базилевич, мы не выиграли бы ни Кубок кубков, ни Суперкубок, ни — даже! — бронзовые медали Олимпиады».

После собрания Онищенко набросился на Решко за то, что тот не подписал заявление. До серьёзной драки дело не дошло — обоих растащили в стороны партнёры. «Хочешь — уходи, — сказал в ответ Решко. — Кто тебя держит? А я хочу играть в этой команде. Считаю, что и тренеры должны остаться. Без них мы ничего бы не выиграли». Решко говорил об обоих тренерах — Лобановском и Базилевиче.

«В Конча-Заспе, — вспоминал Григорий Спектор, — состоялось разгромное собрание. Я чётко помню этот день. После обеда мы с Петрашевским вышли на улицу. Подъехал на машине Владимир Веремеев. Интересуюсь: “Как прошло собрание?” Он слегка замялся: “Плохо”. — “Что плохо?” — “Приняли решение убрать из команды Базилевича, Петрашевского, вас, Григорий Иосифович, и доктора Мал юту — за компанию”».

Но на следующий день Спектору домой позвонил Лобановский: «Ты почему не на работе?» — «Так меня же уволили!» — «Приезжай и работай». Доктора Малюту Лобановский тоже отстоял.

Утверждают, что сразу после того, как было объявлено об увольнении Базилевича, «Лобановский хотел уйти тоже, солидаризируясь с другом, но ему пригрозили привычной для тех времён фразой “тогда положишь партбилет на стол”», да и Базилевич посоветовал другу «не возникать». Однако утверждения эти далеки от истинного положения дел.

«Наверное, — рассказывал мне Лобановский, — после того как в результате конфликта был освобождён от должности Базилевич, я тоже мог хлопнуть дверью и уйти из киевского “Динамо”. И поступок этот никому бы не показался диковинным, наоборот, говорили бы: смотрите, какая солидарность. Опрометчивое решение всегда принять легче. Труднее — разумное, оптимальное. Мы пришли тогда к выводу, что в интересах дела мне необходимо остаться. От ухода пострадал бы не я — дело, которому

мы отдали столько сил, в правоте которого были уверены и которое надо было продолжать самым серьёзным образом на той почве, на которой оно давало уже хорошие всходы».

То же самое говорил мне в августе 1976 года на пустой трибуне стадиона «Динамо» и Базилевич, резко сдавший, поникший оттого, что произошло. Мы обсуждали сложившуюся ситуацию после моего прилёта в Киев. Да, у Лобановского с Базилевичем был уговор — «вместе пришли, вместе уйдём». Но при обсуждении — они вдвоём сидели в квартире Лобановского — решили, что в ответ на увольнение Базилевича Лобановский не должен вставать в позу и настаивать на своём, в знак солидарности, уходе. Валерий пытался по доступным ему каналам вернуть всё на круги своя, но ему объяснили, что сделать это невозможно по двум основным причинам. Первая: руководители высокого ранга, курировавшие команду, дали обещание футболистам, пойдя в какой-то степени у них на поводу, убрать из тренерского штаба Базилевича, к которому у игроков было больше всего претензий по части несдержанности в отношениях с ними. Ирония и сарказм Базилевича воспринимались футболистами, особенно тогда, когда не было результата, как неуважение к ним. Вторая: Щербицкий решение уволить Базилевича и оставить Лобановского одобрил. Рычагов воздействия на тех, кто мог бы тогда сохранить тандем, уникальный не только для советского, но и для всего европейского футбола, ни у Лобановского, ни у Базилевича не было.

«Для нас этот договор — “вместе пришли, вместе уйдём”, — вспоминает Базилевич, — был более значимый, чем любой документ, скреплённый семью печатями. Но жизнь распорядилась иначе».

«Мог ли Лобановский не подчиниться и уйти вместе со мной? — задавал вопрос Базилевич через 37 лет после событий. — Или, если иначе, будь я на месте Лобановского, покинул ли бы “Динамо”? Сейчас я думаю, что да, покинул бы. Но как бы я на его месте поступил именно тогда — сейчас уже очень тяжело сказать. Слишком уж зависимыми были люди в нашей стране. Да и что говорить, мы не были борцами против советской системы. Мы всегда были профессионалами, делающими своё дело...»

Лобановский с Базилевичем не стали, как многим хотелось бы это видеть, врагами. Их отношения остались прежними — равными и добрыми, и каждый из них всегда был уверен в помощи другого, когда одному из них приходилось трудно. «Наша дружба пережила и этот непростой этап и оказалась сильнее всех несправедливостей жизни, — говорит Базилевич. — Ответственность за разрушение нашего тренерского тандема лежит не на нас, а на тех руководителях, которые искали и

находили “жёсткие компромиссы” в ЦК КПУ...» Они не разошлись тогда, а расстались: без обид и отрицательных эмоций.

И когда у Базилевича в середине 90-х годов возникли серьёзные проблемы с трудоустройством, Лобановский всё сделал для того, чтобы Олег Петрович приехал работать в Кувейт.

Состав на «Днепр» «бунтовщики» называли сами. До часу ночи накануне игры ходили по базе и обсуждали произошедшее. Ни о какой подготовке к матчу не было и речи. Вольница. Ходили разговоры о том, что некоторые динамовцы тот матч с «Днепром» «сдали». Онищенко уверен, что этого не было.

...Когда у Трошкина, попытка отчисления которого из команды и привела к бунту, поинтересовались, сколь долго в нём сидела обида на Лобановского, он ответил: «Что вы, какая обида?! Обижаться можно на человека, когда ты точно знаешь, что он не прав. Первопроходцев же, к когорте которых относится Валерий Васильевич, ни в чём обвинять нельзя. Тем более что он полжизни, наверное, вложил в тот состав. Кроссы бегал — с нами, за столом сидел — с нами, в парную ходил — с нами... Заражал фантастической верой в победу, которая в итоге оказалась достижимой: мы всё-таки выиграли еврокубки, вошли в европейскую клубную элиту. А какой у него характер, это, по большому счёту, никого из нас не должно было волновать».

Конфликта под названием «август-76» могло не быть только при одном условии — достижении серьёзного результата в каком-либо из трёх международных турниров.

Либо победа в клубном Кубке европейских чемпионов, либо выигрыш титула чемпиона Европы среди сборных, либо, наконец, золотые олимпийские медали в Монреале.

Не случилось ни одного, ни другого, ни третьего.

Конфликт между тем назревал начиная с января 1976 года. Он тлел. Не мог не тлеть. Мог при крупной победе не разгореться до такой степени, до какой, в конце концов, разгорелся, но не тлеть — не мог. Молодые тренеры, на ура пролетевшие с «Динамо» и сборной 1975 год (а с «Динамо» — и 1974-й), совершили, на мой взгляд, грубейшую ошибку, настояв на разделении чемпионата страны, всегда цельного и цельностью своей всем — публике, футболистам, командам — привычного, на два чемпионата, весенний и осенний.

Идею, лишённую, как потом выяснилось, здравого смысла и неудачам в немалой степени поспособствовавшую, Лобановский и Базилевич продвинули тогда легко, с «позиции силы». Тренерам поверили на всех

уровнях.

Чем руководствовались Лобановский и Базилевич?

Во-первых, они поставили перед собой цель вообще перевести чемпионат СССР — раз и навсегда — на общеевропейскую схему «осень—весна», которая должна синхронизировать внутренний сезон с сезоном европейским.

Стоит заметить, что переход на эту формулу — уже в новейшей истории — российскому футболу ничего, кроме вреда, не принёс. По причине, прежде всего, абсолютной неподготовленности этого перехода в нашей, северной в общем-то, стране. Доходило до того, что в июле—августе в России в футбол не играли, зато интенсивно, тур за туром, проводили чемпионат во второй половине ноября — первой неделе декабря.

Во-вторых, Лобановский и Базилевич, фактически «выдернув» основной состав киевского «Динамо» (он же — основной состав сборной СССР) из весеннего чемпионата страны, к матчам еврокубка для клуба и к официальным встречам сборной готовились не через серьёзные календарные матчи внутреннего турнира, а через многочисленные товарищеские игры с не самыми, стоит признать, сильными европейскими командами. Так, считали они, — и переубедить их в тот момент никак не представлялось возможным, — можно было подготовиться гораздо лучше.

Бесконечные сборы, запредельные нагрузки, многонедельное отсутствие футболистов дома, слабые соперники в контрольных матчах, в большинстве случаев, можно сказать, второразрядные (не считать же иными болгарскую «Тракию», французскую «Берришони», швейцарскую «Этуаль Каруж»...), — весь этот набор пагубно сказывался на взаимоотношениях тренеров с футболистами: появились трещинки. С очевидной угрозой трансформации в трещины.

Главный редактор немецкого футбольного журнала Карл-Хайнц Хайманн, друживший с Лобановским, встретил однажды перемещавшуюся по Европе команду в аэропорту Парижа и сказал Валерию: «Скорее вы станете чемпионами мира по кругосветным путешествиям, нежели олимпийскими чемпионами!» Лобановский, по рассказу Хайманна, принялся энергично возражать, а на робкое замечание о том, что «длительное пребывание в самолётах и залах ожидания не способствует идеальной подготовке к турниру», ответил: «Об этом ты не имеешь ни малейшего понятия». «Но одной из положительных черт Лобановского, — вспоминал Хайманн, — было умение признавать собственные ошибки. Однажды, по прошествии многих лет, мы беседовали на совсем иную тему,

и он внезапно перебил меня: “Карл, ты помнишь наш разговор в парижском аэропорту? Ты был прав. Сегодня я знаю, что тогда ошибался!”».

Помимо киевских динамовцев (в большинстве матчей весеннего чемпионата «Динамо» играло молодёжным составом) Лобановский и Базилевич использовали в товарищеских встречах футболистов из других клубов. Таких в общей сложности было 17 человек. С чехословацкой командой в четвертьфинале чемпионата Европы играли из них трое: Ловчев (57 минут в Братиславе и полный матч в Киеве), Назаренко (вышел в Братиславе на 22 минуты на замену) и Минаев (36 минут во втором тайме киевской встречи). На Олимпиаду в Монреаль из этих семнадцати поехали только вратарь ЦСКА Астаповский, полузащитник московского «Динамо» Минаев, нападающие Назаренко (ЦСКА) и Фёдоров из ташкентского «Пахтакора».

Удивительными — объяснимыми, но тем не менее совершенно непонятными — выглядят три кадровых решения молодых тренеров. Они зря «отцепили» Мунтяна, одного из бесспорных «первых номеров» основного состава, готовившегося изо всех сил. Зря согласились с тем, что им навязали футболиста вопреки их воле и желанию (Кипиани). И зря не взяли в Монреаль такого авторитетного вратаря, как Рудаков.

Организационный хаос усугублялся ещё и тем, что сборники — не киевляне весной играли очень мало. Лобановский и Базилевич в контрольных матчах с клубами старались наигрывать своих, потому что впереди у них были игры Кубка чемпионов. Фёдоров, Назаренко, Астаповский, Минаев, Маховиков (московское «Динамо»), Сахаров («Торпедо») и Прохоров («Спартак») практически не играли в весеннем чемпионате страны, поскольку в составе сборной тренировались на киевской базе и разъезжали по европейским городам, в которых команда проводила контрольные встречи.

Ловчев, игравший чаще остальных не киевских футболистов, не мог спокойно наблюдать со стороны, как неважно выступает его родной «Спартак», и решил как-то отпроситься у Лобановского в Москву — хотелось помочь своей команде. Разговор у них вышел простым.

— Можно мне в Москву? Отпустите поиграть за “Спартак”, — попросил Ловчев.

— Женя, может, тебя вообще из сборной отпустить? — последовал ответ Лобановского.

Вряд ли этот мимолётный диалог повлиял на дальнейшую судьбу Ловчева, но, так или иначе, свой последний матч за сборную он сыграл за два месяца до начала олимпийского турнира — в Киеве четвертьфинал

чемпионата Европы с Чехословакией. И на Олимпиаду Ловчева, принимавшего с 27 января по 22 мая участие в тринадцати матчах сборной из семнадцати и дважды выводившего команду на поле в роли капитана, Лобановский и Базилевич не взяли.

Ошибки великих тренеров. Другим бы, не великим, масштаб этих ошибок! В 1976 году, пребывая под впечатлением невероятных побед киевского «Динамо» и сборной СССР, советские партийные и спортивные чиновники разрешили Лобановскому не выставлять основной состав «Динамо» в чемпионате Советского Союза — как предполагалось, промежуточном на пути к радикальным организационным переменам.

Идея тренеров была простой. Сборники-киевляне первую половину года готовятся к чемпионату континента и олимпийскому турниру в Монреале. Расчёт, понятно, был только на первые места. Второй состав киевлян участвует тем временем в однокруговом чемпионате страны, и совершенно не важно, какое место он там занимает. После победного Монреаля планировалось перейти на формулу «осень—весна» и провести до Нового года первый круг очередного домашнего первенства. Весной следующего года — второй, совместив тем самым сроки советского чемпионата с чемпионатами подавляющего большинства европейских стран. Синхронность в проведении чемпионатов важна не только для клубов, попавших в европейские кубковые турниры, но и для национальных сборных. Победитель чемпионата страны почти сразу же после успеха дома вступал в борьбу за Кубок европейских чемпионов. Ибо прежде советский футбол в этом турнире представлял прошлогодний чемпион, чаще всего высокий свой уровень к моменту старта в Европе не сохранявший.

В специальной прессе была организована дискуссия о переходе на новую формулу проведения чемпионатов СССР. Итоги дискуссии в пространной статье, опубликованной «Советским спортом», подвёл начальник Управления футбола Спорткомитета СССР Анатолий Ерёмин, пришедший в футбол с должности партийного секретаря одного из московских районов. Главным в статье был вывод: «Да, Управление футбола готово к переходу на “осень-весну”». Затем, однако, чьё-то волевое решение вывод этот отменило, один чемпионат расчленили на два, провели их, а после неудачного выступления сборной в Монреале во всём обвинили Лобановского и Базилевича.

Задуманные перемены не осуществились.

Всё рухнуло сначала в Сент-Этьенне в ответном четвертьфинале Кубка чемпионов. После выигрыша у французов 2:0 в Симферополе мало кто

готов был поставить на выход «Сент-Этьенна» в финал. Олег Блохин даже одну из своих книжек назвал «Гол, который я не забил» — речь об эпизоде, случившемся в гостевом матче на 65-й минуте при счёте 0:0. Блохин тогда в своём стиле — на скорости, ловко управляясь с мячом, — выскочил на французские ворота. Параллельным курсом с ним мчался слева Онищенко, Блохин допустил сразу две ошибки. Во-первых, он не отпасовал мяч партнёру, находившемуся в более выгодном положении. Во-вторых, не стал бить сам — пусть бы даже неточно пробил, но партнёры успели бы, пока французы вводили мяч в игру, вернуться в оборону. А он не пробил. Замедлил движение, и его достал защитник, которого он уже обвёл раньше. Попытка обвести его ещё раз не удалась. Двенадцать секунд прошло с того момента, как у Блохина отобрали мяч, до пропущенного киевлянами гола. Динамовцев, уверенно до этого эпизода контролировавших игру и способных довести её до нужного им счёта, пропущенный мяч подкосил. Минут пять спустя они получили второй гол, а в дополнительные тридцать минут — третий. В раздевалке Блохина не миновала жёсткая критика партнёров. «Ты думаешь, — выразил тогда Коньков общее мнение, — что если звание “лучшего футболиста” получил, то можно никого на поле не видеть?»

Затем — матч с чехословацкими футболистами на уровне сборных. Леонид Буряк в интервью украинскому еженедельнику «Футбол» называет поражение в Братиславе «политическим», напоминает о «вводе войск» и говорит, что «этот фон угнетал». Однако после ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году прошло восемь лет, страсти улеглись, не полностью, понятно, но — улеглись, а напряжение в четвертьфинальных встречах с чехословацкой сборной — что в Братиславе, что в Клёве — было вызвано в первую очередь тем, что чехословацкая команда на тот момент и по игре, и по количеству добротных футболистов в составе была, наверное, лучшей в Европе, что, собственно, и доказала, выиграв чемпионат континента.

В Братиславе сборная СССР проиграла — и Лобановский с Базилевичем это признали — из-за серьёзной ошибки стратегического характера. «Располагая неточными, как оказалось, данными о состоянии соперника, — вспоминает Базилевич, — мы предприняли попытку прессинговать на его поле, переоценив при этом возможности своих игроков».

И, наконец, рухнуло всё в Монреале: олимпийская бронза была расценена властями как провал. В полуфинале с ГДР Колотов не забил три таких мяча, которые он обычно забивал, — по словам Трошкина, «как

орехи щёлкал». И пенальти советская команда была наказана судьёй ошибочно...

Но в то же время, если говорить о результатах-76 без предвзятости, то ведь не всё так уж плохо.

Всем бы командам с постсоветского пространства (да и из Восточной Европы тоже) пережить такие «провальные» сезоны, каким принято для команд Лобановского и Базилевича считать сезон 1976 года!

Весной динамовцы играли в четвертьфинале Кубка европейских чемпионов, затем — уже в составе сборной — в четвертьфинале чемпионата Европы, в июле — опять же в составе сборной — стали бронзовыми призёрами Олимпиады в Монреале. Потом заняли второе место в чемпионате СССР, в осенней части Кубка европейских чемпионов прошли «Партизан» и ПАОК и вышли в континентальную «четвертьфинальную весну» 1977 года.

На фоне феерического выступления «Динамо» и сборной в 1975 году — да, неудача, но если фоном взять годы, когда советские команды — клубные и сборные — отовсюду вылетали и никуда не попадали, 1976-й вполне можно назвать годом успешным.

Четыре года спустя за бронзовые медали на московской Олимпиаде тренеры и футболисты сборной СССР получили государственные награды, Константин Иванович Бесков, в частности, — орден Дружбы народов. А за «бронзу» Монреале — разнос. По одной только причине: на Олимпиаде-76 в Монреале командой руководили не привычные московские тренеры, а «много о себе возомнившие» киевляне. Лобановского, можно сказать, предали анафеме. Валентин Гранаткин, сыгравший в своё время, в 30-е годы, несколько десятков матчей в воротах московского «Локомотива» и начинавший чиновничью карьеру в должности инструктора отдела пропаганды главной коммунистической организации страны, со «знанием» дела сказал тогда в Монреале журналисту Юрию Ваньюту, что «наступит час, когда Лобановский уйдёт из сборной, и после него наш футбол будет ещё лет десять харкать кровью...». Оценка «профессионала», что и говорить.

А ведь два совершенно одинаковых турнира: олимпийские, по футболу.

Вот только реакция на результат разная.

Напрасно, думается, Лобановский и Базилевич взвалили на свои плечи и на плечи футболистов дополнительную обузу — участие в олимпийском турнире. Их согласие не поддаётся логике даже с методической точки зрения. В том случае, если бы сборная попала, пройдя Чехословакию, в

финальную фазу чемпионата Европы, пусть и непродолжительную по времени (тогда в решающих матчах играли всего четыре команды), ей пришлось бы форсировать подготовку к этому скоротечному (16—20 июня) турниру, что резко повлияло бы на уровень готовности к Олимпиаде-76.

Расчёт на отдалённый победный результат — на Олимпиаду-76 (такое решение было принято партийными и спортивными властями) отправляли первую сборную страны — сыграл злую шутку. Вместо того чтобы сконцентрировать все силы на Кубке чемпионов и чемпионате Европы, Лобановский и Базилевич стали держать в уме турнир, который в мире профессионального футбола не котируется совершенно, но который в советские времена руководители всех мастей считали самым важным. Что в футболе, что в хоккее.

Перед Монреалем я провёл в Киеве несколько дней. Бывал на всех тренировках сборной, общался с Лобановским и Базилевичем. Оба заметно нервничали. За спиной вылет в Кубке чемпионов и поражение в четвертьфинале чемпионата Европы. Впереди — олимпийская неизвестность. Они уже знали, что не возьмут Мунтяна, продолжавшего усиленно тренироваться и почти не сомневавшегося в том, что окажется в составе, но не знали, как ему об этом сказать.

Бильярдный стол на старенькой базе в Конча-Заспе стоял на втором этаже жилого корпуса' почти напротив комнаты Лобановского. Как только тренеры, состав ещё не объявлявшие, туда заходили, «бильярдисты» замирали с киями в руках и шикали на тех, кто начинал вдруг гонять шары по столу или громко разговаривать: надеялись услышать из-за закрытой двери хоть какую-то «кадровую» информацию. Мунтяну о принятом решении выпало говорить Лобановскому — 30 июня. «У тебя, — по словам Мунтяна, сказал ему Лобановский, — прыжки слабые». Лобановскому потом, спустя годы, самому не хотелось вспоминать об этих «прыжках» — он морщился, когда возникал вдруг разговор на эту тему.

То, что Кипиани не сыграл на Олимпиаде-76 в Монреале ни минуты, не получил из-за этого бронзовую медаль и не был приглашён в состав сборной СССР на чемпионат мира 1982 года в Испанию, объясняют, доводилось читать, «тренерской ревностью». Сначала, дескать, Лобановский и Базилевич не захотели, чтобы на поле выходила яркая личность, грозившая затмить их игроков, а потом, в приступе «ревности», Бесков вообще не позвал грузинского полузащитника в команду.

Оба случая — и монреальский, и испанский — требуют всё же иного объяснения.

Кипиани, футболист, бесспорно, талантливый, не вписывался, как ни

банально это звучит, в игровую модель, разработанную на тот отрезок времени Лобановским и Базилевичем. В распоряжении тренеров были не менее талантливые полузащитники этого амплуа — Буряк и Веремеев, «вмонтированные» в киевскую игру, и это было их несомненным преимуществом перед хавбеком тбилисского «Динамо».

Надо сказать, что Кипиани Лобановскому и Базилевичу в олимпийский состав был навязан в последний момент. Партийными властями через власти спортивные, настаивавшими, по просьбе первого секретаря ЦК компартии Грузии Эдуарда Шеварднадзе, на том, чтобы в составе советской олимпийской футбольной команды обязательно был хотя бы один грузинский спортсмен. Лобановский и Базилевич Кипиани как игрока сборной рассматривали, но, обсудив его кандидатуру, решили не брать. В память тренерам засела невнятная игра Кипиани в обоих матчах чемпионата страны 1975 года между динамовскими командами Киева и Тбилиси. Это был своего рода конкурс, который Кипиани, действовавший очень медленно и старавшийся играть в основном на «чистых» мячах, без отбора, не выдержал.

Но напрасно, на мой взгляд, Лобановский и Базилевич демонстративно ответили тем, кто навязал им кандидатуру Кипиани, продержав полузащитника на скамейке запасных на протяжении всего турнира. Кипиани не причастен к просьбам и указаниям партийных и спортивных начальников, сам себя в состав не включал и по уровню мастерства к разряду «блатных» никак не относился. И не стоило, наверное, перед вылетом в Северную Америку, состоявшимся 4 июля, говорить о том, что «Кипиани стал исключением, поскольку подавляющее большинство футболистов прошло программу, рассчитанную на подготовку к Олимпиаде, и он, хорошо проведший матчи чемпионата страны, — свидетельство того, что дорога в сборную не была закрыта ни для кого».

Лобановский и Базилевич «пошли на принцип». Хотя вполне могли развернуть ситуацию в свою пользу. Сказались, полагаю, недостаток опыта и наследие триумфального 75-го. Да и вообще — в «ловушку-76» они загнали себя сами. Не только безапелляционными решениями с каскадом последующих оплошностей, дополнявших одна другую: организационных, тренировочных, кадровых, — но и регулярными, совершенно в той ситуации ненужными, заявлениями о предстоящих победах. 1975-й вскружил — не без этого — голову всем.

Если Лобановский о 1976 годе, признавая допущенные ошибки, говорил сдержанно, за рамки дипломатии не выходил и никого не обвинял, то у Базилевича свой взгляд на давние события.

Никогда до 2012 года он на сей счёт не высказывался. В 2012-м в прессе появились отрывки из книги Олега Петровича, к тому времени полностью не написанной. Представлялось невозможным обойти тему «1976». Базилевич и не думал её обходить, и стало понятно, насколько глубоко засела в нём обида, вполне, надо сказать, мотивированная, на тех, кто его уволил.

Базилевич вспоминает, как им с Лобановским пришлось в Спорткомитете СССР защищать программу подготовки «Динамо» и сборной. Даже после успешной защиты «было решено, что нам надо “оказать помощь”». Закавыченная формулировка «оказать помощь» подчёркивает присущий Олегу Петровичу сарказм (зачастую работавший против него): «Прислали из Москвы теоретика спортивной тренировки, крупного специалиста Марка Годика. Перед ним была поставлена задача: помочь нам разработать и спланировать программу подготовки к ответственному сезону».

Знающие Базилевича люди легко обнаружат сарказм в определениях «теоретик» и «крупный» и в расшифровке поставленной перед Годиком задачи: «помочь нам» — нам, собаку за два года в киевском «Динамо» и за год в сборной съевшим на разработке программы подготовки, в которой Лобановский, Базилевич и Анатолий Зеленцов принимали непосредственное участие и которая дала превосходный результат.

«В связи с короткими сроками подготовительного периода Марк Годи́к, — продолжает Базилевич, — предложил провести интенсивный учебно-тренировочный сбор в среднегорье — в болгарском Бельмекене — на высоте 2400 метров над уровнем моря, в условиях гипоксии, то есть недостатка кислорода. Это был базовый этап подготовки, нацеленный на повышение аэробных возможностей организма. При общем недостатке кислорода формирование аэробных качеств, в принципе, должно происходить быстрее.

Но никогда раньше мы не проводили подготовительный сбор в условиях среднегорья. Я, Лобановский, Зеленцов и Годи́к провели много времени в дебатах. К сожалению, была допущена, как говорится, коллегиальная ошибка. Мы сохранили интенсивность тренировочных нагрузок такой, какой она была на равнине, поставив, таким образом, под сомнение всё содержание нашей подготовительной работы».

Не понять, признаться, почему после успешной защиты собственной программы подготовки команды Лобановский и Базилевич согласились на прикомандирование к команде Марка Александровича Годика. Наверное, они могли настоять на том, чтобы этого не произошло. Хотя бы на

основании того простого факта, что ни в 74-м, ни в 75-м, когда «Динамо», а потом и сборная, пройдя определённый курс подготовки и уровень подготовки этой на протяжении сезона успешно поддерживая, добились всколыхнувших всю футбольную Европу результатов. Для Годика, при всём уважении к этому учёному, киевское «Динамо» и сборная СССР той поры — всего лишь теоретическая площадка, на которой ему из-за незнания многочисленных нюансов не так-то легко было развернуться. И не вступать при этом в мини-конфликты с тем же Зеленцовым, третий год занимавшимся научным обеспечением тренировочного процесса киевского «Динамо» и накопившим благодаря совместной работе с Лобановским и Базилевичем бесценный опыт, который у Годика — применительно к этой команде — конечно же, отсутствовал.

Тем более не понять, почему в итоге пошли на среднегорье на поводу у Годика (речь об интенсивности), а не стали развивать собственные наработки из 75-го, базируясь на той модели подготовки, но совершенствуя её при этом — ведь она же дала результат. Хотели обратить Марка Александровича в свою веру или же просто поверили ему?

Неоправданный эксперимент вместо апробированного режимами нагрузок подготовительного периода.

Не помню уже, куда держала путь команда, заселившись в московской гостинице «Украина» на ночь, — то ли в Киев после Бельмекена, то ли из Киева на очередной сбор. Скорее всего, в Киев. Помню лишь очень хорошо, что и в каких выражениях говорили о болгарском «курорте» Колотов и Веремеев, жившие в одном номере. Я приехал к Веремееву с материалом о нём, подготовленным для одного журнала. Поскольку внутри материала было интервью, которое я брал у Веремеева в начале января в его киевской квартире, мы договорились, что он ознакомится с текстом перед публикацией.

Пока Веремеев читал, мы с Колотовым говорили о бельмекенском сборе. «Это было настоящее издевательство над нашими организмами. Убийство интенсивностью. Как мы выдержали, не знаю», — сказал Колотов. «Ещё неизвестно, — оторвался от чтения Веремеев, — выдержали или нет. Выяснится потом. Опыты учёные проводят сначала на животных — крысах, кроликах. Здесь же — сразу на нас».

Базилевич переживает, что у него тогда не хватило настойчивости для того, чтобы убедить Лобановского, Зеленцова и Годика в ошибочности содержания тех тренировок, хотя он и «был категорически против».

Для Лобановского 1976 год стал очень важным не только в тренерской карьере, но и в жизни, многое помог переосмыслить. После «урока-76» он

принимал решения по поступавшим научным рекомендациям только сам, препарируя их, состыковывая приходящую из лаборатории информацию со своими знаниями методики тренировочного процесса и каждодневными видеопросмотрами занятий. Уже в марте 1977-го — всего-то ничего прошло со времени августовского конфликта — киевское «Динамо» впервые в истории вышло в полуфинал Кубка европейских чемпионов, обыграв дома не кого-нибудь, а «Баварию», и в составе победителей было восемь участников Олимпиады в Монреале: Трошкин, Фоменко, Решко, Матвиенко, Буряк, Коньков, Онищенко, Блохин. А ещё были и Рудаков с Мунтяном. И на полный матч — в марте! — всех хватило: голы динамовцы забивали на 82-й и 86-й минутах.

Никто, даже Зеленцов, понимавший задачи, поставленные Лобановским, и его идеи, не представлял в полной мере, чем руководствовался он, принимая то или иное решение. Ещё до отъезда на Арабский Восток Лобановский мог изменить тому или иному футболисту систему нагрузок, не обращая внимания на рекомендации лаборатории, о деятельности которой он всегда имел самую полную информацию. После возвращения из Кувейта Лобановский делал это регулярно. Им была найдена золотая середина дозирования нагрузок.

В осеннем чемпионате-76 дела у киевского «Динамо» с первых же туров пошли неважно. И не могли, наверное, пойти по-другому из-за бунта и его последствий. Когда команда, сыграв пять матчей (треть скоротечного однокругового турнира!), оказалась на предпоследнем, пятнадцатом месте, Лобановского вызвали в ЦК КПУ. Задали только один вопрос: «Вы гарантируете, что не вылетите из высшей лиги?» — «Гарантирую», — ответил Лобановский. Больше «Динамо» не проигрывало, в таблице в итоге оказалось вторым, попутно «на ноль» пройдя в 1/16 и 1/8 финала Кубка чемпионов югославский «Партизан» (3:0 и 2:0) и греческий ПАОК (4:0 и 2:0).

Глава 8

БЕССМЫСЛЕННОЕ ТРОЕВЛАСТИЕ В ИСПАНИИ

Устоявшееся мнение о том, что, дескать, отборочный турнир к чемпионату мира-82 сборная СССР прошла на ура под руководством одного только Бескова, которому ассистировали его зять Владимир Федотов, помогавший в непосредственной работе на тренировочном поле, и Геннадий Логофет, отвечавший за методическую сторону дела, нуждается в уточнении.

На протяжении значительной части отборочных соревнований рядом с Бесковым находились Лобановский и Ахалкаци. Оба «Динамо» — киевское и тбилисское — выступали в роли основных поставщиков футболистов для сборной. Бесков использовал в игровом составе по семь-девять игроков из этих клубов, и фактически с мая 1981 года Лобановский и Ахалкаци вошли в самый невероятный по составу штаб сборной Советского Союза за всю историю её существования. Вряд ли какое-то ещё «волевое» решение советского партийного и спортивного руководства столь же серьёзно навредило футболу — может быть, только решение о разгроме команды ЦДКА после неудачи на Олимпиаде-52.

Идея объединить в сборной трёх совершенно разных специалистов — Бескова, Лобановского и Ахалкаци — принадлежала не заместителю председателя Госкомспорта СССР Валентину Сычу (он её, впрочем, безоговорочно поддержал), а человеку, по инициативе которого в «Спартаке» в самый тяжёлый период существования клуба появился Бесков, — Андрею Петровичу Старостину. Она пришла ему в голову после первых трёх отборочных матчей к чемпионату мира 1982 года. Дважды осенью 80-го были обыграны исландцы, нулевая ничья — 30 мая 81-го — была зафиксирована в выездной встрече с Уэльсом.

Идея идеей, но для её воплощения требовалась такая «малость», как согласие Бескова. «Костя, — сказал Андрей Петрович, навестив Бескова в начале июня 1981 года в его квартире на Маяковской, — выходит так, что у тебя в сборной сразу два базовых клуба — тбилисское и киевское “Динамо”. Тебе же будет комфортнее, если присматривать за грузинами и киевлянами станут на тренировочных сборах их клубные тренеры

Лобановский и Ахалкаци. Они будут отвечать за готовность игроков, не будет никаких опозданий, никто не скажется больным, тебе останется лишь готовить команду к оставшимся играм».

Бесков, как он потом говорил, оставался в уверенности, что столь именитые и самостоятельные помощники проработают с ним только до конца отборочного цикла, а потому согласился. К дополнительным аргументам Андрею Старостину прибегать не пришлось: Бесков и без них понимал, что и тбилисцы, только-только выигравшие Кубок обладателей кубков европейских стран и пребывавшие потому в состоянии эйфории, и киевляне, безоговорочно лидировавшие в чемпионате СССР и считавшие себя — не без оснований — лучшими в стране, нуждаются в жёстком управлении. Не только в те дни, когда появляются в лагере сборной, но и в повседневной клубной жизни. Кто, как не Ахалкаци и Лобановский, способен лучше других жёстко управлять своими звёздами?

Начальник Управления футбола Спорткомитета СССР Колосков отправился с Бесковым к Сычу. Идея, преподнесённая Бесковым как своя, Валентину Лукичу понравилась, тем более что он, по словам Колоскова, «считал Лобановского одним из лучших тренеров новой формации». Сыч проконсультировался в ЦК КПСС, получил согласие и тут же — по телефону — оповестил о новшестве Ахалкаци и Лобановского. «Сработаетесь?» — спросил Колосков Бескова. Впрочем, Колосков не сомневался, что, прежде чем идти к нему, он, Бесков, уже продумал эту идею. «В сборной нам делить нечего, — отвечал Бесков, — а я буду лучше понимать потенциальные возможности игроков».

Потом всю группу принял председатель Спорткомитета Сергей Павлов и тоже поддержал предложение Бескова. «Если вы, Константин Иванович, — сказал Павлов, — считаете этот шаг нужным, преград мы чинить не будем. Мне просто не хотелось бы, чтобы у кого-то возникла мысль, будто это мы вам навязали такую кадровую комбинацию». Но когда Сыч приехал на первую тренировку с участием трёх тренеров, он, ни к кому конкретно не обращаясь, вздохнул: «Разве могут быть три директора на одном предприятии?..»

«Бесков, — говорит Колосков, — выбрал себе в консультанты (помощники) абсолютно несхожих людей! Лобановский — сторонник так называемого тотального футбола, уделявший огромное внимание научному анализу тренировочного процесса, сторонник жёстких игровых схем. И сам был упрям, резок, скор в решениях и действиях. Ахалкаци называли за глаза “хитрым кавказцем”. На всё он имел своё мнение, высказывал его, но не настаивал на своём, во всяком случае, в очных спорах. На деле же часто

поступал так, как сам считал нужным и правильным».

Лобановский не понимал, как может функционировать тренерский штаб, каждый член которого, имея собственные представления о подготовке команды и собственный накопленный опыт, в состоянии возглавлять сборную. Поначалу он решил отказаться от предложения. Но его, получив соответствующую просьбу из ЦК КПСС, попросили согласиться в ЦК компартии Украины. Когда Лобановский первый раз оказался на сборах руководимой Бесковым команды и встретился с Ахалкаци, то поинтересовался у тбилисского коллеги, как тот себе всё это представляет. «Посмотрим, Валерий Васильевич. Время покажет. Спросит Бесков — подскажем. Не спросит — помолчим. Так я себе это представляю», — ответил Нодар Парсаданович.

Никогда — ни до, ни после — Лобановский не оказывался в положении человека, не знавшего, что от него требуется. Но никогда он не видел себя и в роли стороннего наблюдателя, в которого вполне мог превратиться, формально относясь к реализации задумки Андрея Старостина.

Официально переход к тренерскому «троевластию» обставили публикацией документа, вышедшего из недр Управления футбола Спорткомитета СССР. В постановлении говорилось:

«Учитывая то обстоятельство, что игроки сборной СССР тренируются сейчас в основном в двух клубах — “Динамо” (Киев) и “Динамо” (Тбилиси), а также большой личный вклад в подготовку кандидатов в сборную тренеров этих клубов В. Лобановского и Н. Ахалкаци и опыт подготовки команд к ответственным международным соревнованиям, Спорткомитет СССР по предложению К. Бескова решил привлечь их к подготовке сборной СССР в качестве старших тренеров. Руководителем и главным тренером команды по-прежнему является К. Бесков. В состав тренерского совета сборной входят также Г. Логофет и В. Федотов».

Понятно, что правда у всех своя, и позднее, после провала в Испании, события эти по-разному представлялись их участникам.

Стоит подробно процитировать К. И. Бескова:

«В Испании сложилась ситуация, когда жизнь футбольной команды подчинялась отнюдь не футбольным законам. На заключительном этапе отборочного турнира подавляющее представительство в сборной имели игроки киевского и тбилисского “Динамо”. Случались накладки, когда они, например, с задержкой являлись на сборы или, наоборот, по мнению руководителей своих клубов, не успевали вернуться к сроку домой. У меня сложилось ощущение, что ни тренер киевлян Лобановский, ни Ахалкаци,

тренировавший тогда тбилисцев, не были заинтересованы решать вопросы так, как того требовали интересы дела. Необходимо было срочно устранить все искусственные преграды. Я предложил руководству Спорткомитета привлечь их к работе со сборной. Конечно, при этом отдавал себе отчёт, что возникнут определённые проблемы из-за различия и, быть может, даже несовместимости в подходе к некоторым аспектам футбола, но думал, что такая большая цель, как чемпионат мира, поможет сгладить противоречия.

Моё предложение было принято. Знаю, оно вызвало много споров, но я и сегодня (альманах «Футбол-89», в котором опубликованы эти высказывания Бескова, был сдан в набор 14 марта 1989 года, то есть почти семь лет спустя после испанского чемпионата мира. — А. Г.) убеждён, что на том этапе это было оправданно и принесло пользу. А потом произошло то, что, как теперь понимаю, не могло не произойти. Началось расслоение коллектива. Когда губительный процесс стал очевиден не только мне, я высказал мнение, что в дальнейшем Лобановского и Ахалкаци к совместной работе привлекать нецелесообразно, поскольку подошло время, когда требовалось единоначалие. Со мной согласились, и уже на ближайший товарищеский матч, со сборной ГДР, они не были вызваны. Но буквально накануне отлёта в Испанию меня поставили перед фактом: оба тренера едут на чемпионат мира. Я пошёл к руководству Спорткомитета. Тогдашний председатель Сергей Павлович Павлов и его бывший заместитель Валентин Лукич Сыч никак не отреагировали на мои доводы.

Надо сказать, что к тому времени с игроками у нас установились деловые контакты, мы хорошо понимали друг друга, рискну утверждать: им нравилось со мной работать.

Трудно, пожалуй, словами передать гнетущую обстановку тех дней. Лобановский и Ахалкаци заняли непонятную мне позицию. У нас возникли разногласия по тактическим вопросам, а отсюда и трудности в определении состава. Складывалось впечатление, что сборной руковожу не я, а Сыч. Вот характерный штрих. Матч СССР — Бразилия. Ведём 1:0. Напряжение колоссальное. В перерыве Валентин Лукич по-хозяйски входит в раздевалку и с порога, перебив меня, под недоумённые взгляды начинает обсуждать с Лобановским план игры на второй тайм.

Может быть, я слишком субъективен. Ни в коей мере не снимаю с себя вины. Но в силу названных сложившихся обстоятельств сборная не могла в Испании раскрыть свой потенциал».

Ни Колосков, ни Сыч, ни Павлов никогда и нигде не сказали ни слова о том, о чём говорил спустя годы Бесков: о просьбе Константина Ивановича перед матчем со сборной ГДР, об отстранении консультантов перед этой

игрой, о внезапном для Бескова возвращении двух тренеров в сборную непосредственно перед отъездом в Испанию. Жена Константина Ивановича Валерия Николаевна вообще посчитала, что когда Бесков «попросил руководство больше не привлекать киевского и тбилисского тренеров», Лобановский воспользовался тесными отношениями с заместителем председателя Спорткомитета СССР Валентином Сычём. Сыч, дескать, и порадел человеку, с которым у него были «тесные отношения», и, несмотря на просьбу Бескова, оставил его в сборной. Но Бесков (так, во всяком случае, считают хорошо знавшие его люди) по характеру был больше похож на человека, который в ответ на невыполнение своей просьбы мог сказать что-то вроде: «Тогда сами и тренируйте команду» и отказаться (пусть даже поначалу на словах) от дальнейшей работы с ней. Так что просьба об отстранении консультантов — если она вообще имела место — вряд ли была облачена в жёсткую, ультимативную форму.

Лобановский говорил мне, что в дни подготовки к чемпионату мира и непосредственно перед отъездом в Испанию в воздухе не витали ни намёки, ни даже полунамёки на то, что Константин Иванович настаивает на исключении их из состава делегации: «Если хотя бы полунамёк какой был со стороны Бескова, я в ту же секунду отказался бы ехать в Испанию в составе делегации и с удовольствием побывал на чемпионате мира в качестве полностью свободного в передвижениях и действиях наблюдателя».

Слово «исключение», стоит заметить, здесь вполне уместно, поскольку состав делегации утверждался (и не только спортивными властями, но и, как тогда называлось, «инстанциями» — ЦК КПСС и КГБ) загодя; необходимые формальности оформления выезда за границу тоже происходили заблаговременно. И Лобановский с Ахалкаци на всех этапах утверждения были в списках тех, кто должен был ехать в Испанию.

«Была бы моя воля, — говорил Лобановский уже после Испании, — я не стал бы ввязываться в это бессмысленное занятие. Всё решалось на уровне руководства республик — Украины и Грузии. По звонку из Москвы».

Бесков, Лобановский и Ахалкаци собирались втроём и обсуждали сроки выезда на чемпионат в заранее подобранную резиденцию. Лобановский убедил коллег ни в коем случае не лететь в Испанию за несколько дней до начала чемпионата. «К жаре, — аргументировал он своё предложение, — адаптироваться невозможно. Это говорю не я, а учёные. К тому же нет смысла пребывать в ожидании старта в нервной обстановке чемпионата мира среди темпераментных болельщиков, под пристальным

вниманием прессы». Сборная спецрейсом Москва — Севилья вылетела 13 июня, за сутки до начала матча с Бразилией. Во время утренней разминки было сущее пекло, вечером термометр показывал +35 градусов.

Колосков не отрицает, что перед матчем с поляками между Бесковым и Лобановским возник спор концептуального характера. Бесков выступал за щадящий режим подготовки к важнейшей встрече. Дней до игры было достаточно, и, по мнению Лобановского, команду надо было — после обследования футболистов — сначала нагрузить (вплоть до того, чтобы проводить по две тренировки в день), а затем снизить нагрузки, что должно дать эффект в нужное время. Валентин Сыч, насколько известно, выступил на стороне Лобановского, посчитав его предложение научно обоснованным и более верным с точки зрения современных подходов к тренировочному процессу.

Бесков на это заметил, свидетельствует Колосков: «Я всё-таки главный тренер, и решать мне». Лобановский тут же возразил: «Мы тоже приехали сюда не для того, чтобы выполнять роль мальчиков на побегушках». Бесков вспыхнул: «Тогда я снимаю с себя ответственность за результат игры». Сыч предложил прислушаться к мнению Валерия Васильевича. «В стане тренеров, — констатирует Колосков, — наметился явный раскол». Сам Колосков не считал себя вправе вмешиваться в спор. Он признается, что и по сей день не знает, чья концепция, Лобановского или Бескова, была в тот конкретный момент нужнее для сборной. «Конечно, — говорит Колосков, — задним умом хорошо рассуждать: раз мы не выиграли, значит, Лобановский был неправ. Однако кто знает, как бы сложилась игра при ином раскладе. И всё же думаю, что поляков мы не сумели пройти именно из-за тренерского конфликта. Пошатнулся авторитет Бескова, не сумевшего настоять на своём, и команда негативно отреагировала на это».

Поразительно, конечно, но факт остаётся фактом: Бесков, никогда не подпускавший начальство к командам, с которыми работал, вдруг моментально сдался под напором Сыча с его безапелляционными суждениями по любой теме, в том числе по той, в которой он, как говорят футболисты, «ни ухом ни рылом».

На втором испанском сборе в феврале 82-го Бесков, по свидетельству доктора Мышалова, сознательно отдал бразды правления Лобановскому, видя в нём мастера функциональной подготовки. Тренировки киевские футболисты переносили с улыбкой, не киевские — очень тяжело. «Бесков, — говорит Мышалов, — нервничал, а напрямую обсуждать с Лобановским ситуацию ему было неудобно». Константин Иванович попросил Мышалова:

— Доктор, посмотри по своим данным, как там у тебя всё это выглядит.

Попросил фактически выступить — с позиции медицины — инициатором снижения нагрузок. Мышалов знал, что Лобановского удивит, если предложение о снижении нагрузок будет исходить от врача команды, и решил заручиться поддержкой Ахалкаци:

— Поддержи меня, всем нам будет легче. Меня одного Валерий Васильевич и слушать не станет.

— Какие вопросы! — ответил Ахалкаци. Когда же на обсуждении проблемы Мышалов привёл данные из гроссбуха врача и сказал: «Вот и Нодар Парсаданович тоже...», Ахалкаци даже договорить не дал:

— Нет, я считаю, что всё идёт нормально.

Пресс-атташе «Спартака» Леонид Трахтенберг называет Бескова и Лобановского «непримиримыми врагами» и утверждает, что именно это «сгубило нашу сборную на чемпионате мира 1982 года в Испании». По словам журналиста, «в Испании Бесков и Лобановский даже не здоровались! Они общались только через Нодара (Ахалкаци)».

Трахтенберг рассказывает следующую историю:

«Перед матчем с бельгийцами, которые уже потеряли шансы на выход из группы, Лобановский попросил съездить к ним на тренировку, разузнать стартовый состав. Главный тренер Ги Тис его и не думал скрывать. Спокойно написал в моём блокноте 11 фамилий, сообщил, кого планирует выпустить на замену. Не обманул. Возвращаясь, навстречу Бесков: “Где состав?” — “Отдал Васильичу”. — “Напиши мне”. — “Зачем? Возьмите у него”. Константин Иванович усмехнулся: “Мне он не даст”».

В разных вариациях эту историю Леонид Трахтенберг рассказывает регулярно. История, что и говорить, занимательная. Но занимательность этой истории вместе со всеми её вариациями заключается лишь в том, что в ней напрочь отсутствует правда.

В сборной СССР на чемпионате мира 1982 года обязанности по изучению соперников и добыче информации о них были возложены на Михаила Ошемкова, многие годы занимавшегося тем же самым в киевском «Динамо». Активно занимались разведкой и два тренера — Владимир Федотов и Геннадий Логофет. Все детали наблюдений в дополнение к видеозаписям матчей с участием соперников советской команды Федотов, Логофет и Ошемков докладывали на совещании тренерского штаба в присутствии Бескова, Лобановского и Ахалкаци.

Перед матчем с бельгийцами Ошемков посоветовался с Лобановским: может быть, стоит подъехать в гостиницу, в которой проживала сборная

Бельгии, и попытаться разузнать состав на игру. «Попробуй», — сказал Лобановский. За журналиста Ошемков выдавать себя не мог — у него была аккредитация участника чемпионата, он входил в состав официальной советской делегации. Необходимо было «прикрытие». Ошемков и договорился с Трахтенбергом: «Поедем вместе. Я выступлю в роли твоего переводчика». Когда Михаил Олегович заехал за Трахтенбергом в гостиницу, в которой — в квартале «розовых фонарей» — проживала группа советских журналистов (приехавших, к слову, только на вторую половину чемпионата), Трахтенберга на месте не оказалось. Свои услуги — стать «прикрытием» — предложил известный телекомментатор Геннадий Орлов, но Ошемков, договорённость соблюдая, всё же дождался Трахтенберга.

«Мы, — рассказал мне Ошемков, — приехали в отель, в котором квартировала сборная Бельгии. Команды в гостинице не было — все рванули куда-то за сувенирами. Мы с Трахтенбергом, иностранными языками не владеющим, устроились в холле. Наконец, стали появляться бельгийцы. Я, убрав на всякий случай карточку участника, обратился к первому попавшемуся: нам необходимо поговорить с тренером. Спустился пресс-атташе сборной Бельгии. Я поговорил с ним о составе. Трахтенберг за всё это время не произнёс ни одного слова, хотя договаривались, что спрашивать будет он, как журналист. “Нет проблем”, — сказал бельгийский пресс-атташе. Он поднялся наверх, потом спустился с листочком бумаги. На листочке — состав. Ги Гис к нам не выходил. Он, по-моему, в Испании вообще ни с кем не разговаривал. Поблагодарив пресс-атташе, мы поехали в расположение нашей сборной. Когда въехали на территорию, Трахтенберг метрах в 150 от нас увидел Бескова, я дал Трахтенбергу листочек с составом, он чуть ли не на ходу выскочил из машины и с криком: “Константин Иванович, Константин Иванович!” помчался в направлении Бескова. О чём они разговаривали, я, разумеется, не знаю.

Что же до того, что Бесков и Лобановский в Испании не здоровались, а общались только через Ахалкаци, то это полнейшая ерунда. Я, в отличие от Трахтенберга, в команде находился постоянно и могу засвидетельствовать: Бесков и Лобановский, как интеллигентные люди, не только здоровались друг с другом, но и регулярно общались на профессиональные темы, связанные с тренировками и матчами».

Но известно также, что с каждым днём Бескова всё больше и больше раздражали и Лобановский, и Ахалкаци. Из себя он, правда, не выходил, дверьми не хлопал и разговаривать с обоими на темы, касавшиеся прежде всего тренировок и предстоявших игр, не переставал. Михаилу Ошемкову

показалось тогда в Испании, что равносторонний треугольник с вершинами Б, Л и А постепенно превращался в равнобедренный с острой вершиной Л. Происходило это, по словам Ошемкова, «довольно деликатно», и статус всех тренеров оставался прежним. Установки проводил Бесков, тренировки — тоже, а как принимались решения и кто был главнокомандующим, оставалось только догадываться, — даже тем, кто находился рядом с командой. «Взрослые, мудрые люди, — говорит Ошемков, — смогли найти общий язык. Но в стиле игры команды я, не знаю почему, ощущал почерк Лобановского. Может, потому, что мне этого хотелось?..»

Раздражение Бескова не только на Лобановского и Ахалкаци, но вообще на всех окружавших его в Испании людей вполне объяснимо. Он был выбит из привычной колеи единовластного управления игроками, помощниками, врачами, массажистами, администраторами.

После первого матча в Испании с бразильцами произошло то, чего Бесков явно не ожидал. «Игра, — вспоминает Савелий Мышалов, — началась в 21.00 и, соответственно, закончилась поздно. Пока вернулись в отель, поужинали, время к часу ночи подкатывало. Тем не менее, как обычно, я отправился в обход по номерам, чтобы оказать необходимую помощь тем игрокам, кому она требовалась. Освободился через час. Но, наверняка зная, что Константин Иванович не спит, заглянул и к нему. Он сидел один, и, увидев меня, хоть и по-доброму, но прямо-таки обрушился:

— Ну, где ты бродишь? Как вернулись после матча, никто, представляешь, Савелий, никто — ни Сыч, ни Лобановский, ни Ахалкаци — даже не заглянул! Они что — уже решили, что со мной покончено?»

Это действительно выглядело невероятным событием: тренеры после каждого матча — традиция! — всегда собирались, обсуждали под рюмочку-другую коньяку игру, снимали напряжение. Мышалов, позвав массажиста и администратора, всячески пытался успокоить Константина Ивановича, нёс, по его словам, «какую-то околесицу: не надо, дескать, принимать это близко к сердцу, все, включая тренеров, устали». — «О чём ты говоришь! — воскликнул в ответ Бесков. — Это же традиция — собраться вечером у главного. Нет, так не “устают”. Так дают понять, что тебя “похоронили”».

Бесков напрасно обижался. В ту ночь все действительно устали. Потом — после матчей с Новой Зеландией и Шотландией — традиция возобновилась. Садились все вместе, разговаривали, выпивали по рюмочке — никаких эксцессов с недопониманием. Считается тем не менее, что в Испании «Бесков выглядел отрешённым, существующим как бы от всех отдельно, ушедшим в себя. Он, чувствовалось, потерял контакт с командой,

замороженной многоголосицей, разноголосицей тренерских и начальственных указаний».

Согласно воспоминаниям Мышалова, перепады в настроении Бескова в Испании были разительные. То он был удручён отсутствием Лобановского и Ахалкаци в его номере после встречи с Бразилией. То вдруг в день матча с Шотландией весь светился, потому что ему позвонил тогдашний заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС Евгений Тяжельников, курировавший, в числе прочего, спорт, и сказал (цитирую в изложении Мышалова): «Константин Иванович, мы вам полностью доверяем. Вы на правильном пути. Не упускайте бразды правления, продолжайте идти своим курсом». Бесков попросил доктора рассказать об этом напутствии Сычу. Звонок Тяжельникова настолько приободрил Бескова, что после Шотландии он неожиданно разрешил, чтобы к женатым футболистам подселились их супруги, прилетевшие в Испанию в туристической группе. Разумеется, ненадолго: предстояло решать главную поставленную перед чемпионатом задачу — попасть в четвёрку сильнейших.

Игравший в той сборной Юрий Гаврилов между тем считает, что на момент встречи с Шотландией Бесков «в сборной уже мало что решал». «После поражения в первом матче от Бразилии, — сказал Гаврилов в интервью газете «Спорт-экспресс» 24 августа 2007 года, — Бескова отодвинули от тренировочного процесса. Отвечал за всё отныне Лобановский».

После переезда в Барселону на второй этап чемпионата настроение у Бескова вновь испортилось: перед Польшей в тренерской группе возникла серьёзная дискуссия, в том числе и по составу. Бесков возражал против включения в стартовый состав Шенгелии и ряда других игроков. Но, по утверждению Мышалова, Лобановский и Ахалкаци настояли на своём.

Сложно сказать, кого ещё, кроме Шенгелии, сыгравшего, к слову, в одиннадцати из тринадцати контрольных матчах и во всех встречах в Испании выходявшего в стартовом составе, не хотел видеть в игре с поляками Бесков. На чемпионате мира сборная СССР использовала 16 футболистов, но только 12 из них, включая вратаря Дасаева (он, а также Чивадзе, Демьяненко, Балтача, Бессонов и Блохин провели все игры от «звонка до звонка»), сыграли больше 50 процентов игрового времени (к вышеупомянутой шестёрке следует добавить Баля, Шенгелию, Боровского, Оганесяна, Гаврилова и Сулаквелидзе). Они и вынесли на своих плечах основную тяжесть нагрузки. Остальные — Родионов (всего 11 минут), Сулопаров (16), Андреев (37) и Дараселия (150) были, что называется, «на

подхвате». Никто из них не в состоянии был в полной мере с первых же минут сыграть на месте тех, кто составил в Испании костяк сборной.

«В раздевалке после Польши, — вспоминает Михаил Ошемков, — одни сидели молча, другие обсуждали игру по горячим следам. Тенгиз Сулаквелидзе, имевший единственный реальный момент для взятия ворот, клял себя на чём свет стоит. Ахалкаци тихо говорил на грузинском с двумя другими тбилисцами. В раздевалку вошёл пресс-атташе: “Константин Иванович, вас приглашают, пресс-конференция уже началась”. В ответ прозвучало: “Где Лобановский? Пусть пойдёт, расскажет...” “Где Лобановский?” — переспрашивает меня Валера Балясников, офицер безопасности. Я, конечно, знаю, но пожимаю плечами. “Константин Иванович, пойдёте, вас ведь ждут”. И Бесков нехотя, насупив брови, идёт на пресс-конференцию, как на эшафот».

На той пресс-конференции Бесков вольно или невольно дал старт последующей травле Олега Блохина. Сказал: «Он больше руководил, чем играл».

«Стрелки» после Польши умело были переведены на Лобановского, на игроков киевского клуба, выступавших за сборную, и вообще на «Динамо» (Киев). Моментально родилась версия, всячески затем подогреваемая: с какого-то момента испанской кампании Бескова аккуратно отстранили от тренерского руководства сборной (или же он самоустранился), и всем в команде стал заправлять Лобановский под диктовку Валентина Сыча.

Сыч действительно постоянно влезал в дела команды, зачастую с присущей ему бесцеремонностью. Вячеслав Колосков говорит, что то же самое Сыч делал и в хоккее: «он часто бывал в раздевалке и подогревал ситуацию».

В действительности же Лобановский и Ахалкаци и в мыслях не держали претендовать на первенство в руководстве сборной. Они постоянно были готовы ответить на любой вопрос Бескова о своих игроках, высказать своё мнение по любым моментам, имевшим отношение к тренировочному процессу и выбору тактических вариантов на конкретный матч. Такого, чтобы Лобановский и Ахалкаци работали в лагере сборной каждый со своими футболистами, не считаясь с коллегами, не было.

Если Бесков потерял управление командой или же решил для себя — в силу каких-либо причин эмоционального толка — отстраниться от руководства сборной, то это его вина и ничья больше, потому что это его решение, никем ему не навязанное. Как никем не навязано было и его решение о привлечении в сборную Лобановского и Ахалкаци. Эмоции Бескова, по свидетельству Ошемкова, на каком-то отрезке времени в

Испании «поплывшего», были, возможно, вызваны тем, что он наконец понял, насколько ошибочным было это решение: как же так, он допустил в святая святых своей тренерской кухни двух совершенно посторонних для него коллег, ставших нежелательными, в общем-то, свидетелями его рабочих частностей, приёмов, задумок, оплошностей!.. Бесков вдруг представил, что он — под мощным микроскопом, и микроскоп этот он собственноручно вручил Лобановскому и Ахалкаци.

После чемпионата мира заговорили о якобы полученном перед игрой с Польшей указании из Москвы: ни в коем случае не играть жёстко. Потому, дескать, и деликатничали в Барселоне. Слухи аргументировались политическими мотивами. Достаточно вспомнить, что происходило в начале 80-х в Польше и какими были в то время советско-польские отношения, в обострении не нуждавшиеся. Лобановский называл эти слухи «ерундой». На установке прозвучала лишь одна просьба на эту тему, вполне естественная для любого матча: не отвечать на грубость грубостью. Сборная собиралась выйти в полуфинал (турнирный парадокс: в четвертьфинальной группе советская команда не проиграла ни одной встречи и не пропустила ни одного мяча, но при равных с Польшей показателях — при одном выигрыше и при одной ничьей — дальше из-за худшей разницы забитых и пропущенных голов не прошла) и не хотела терять игроков из-за удалений и предупреждений.

Юрий Гаврилов считает, что тактика на матч с Польшей была выбрана ошибочная. «Нельзя было с поляками играть в шесть защитников! — сказал он в интервью журналисту Алексею Павлюченко для газеты «Спорт день за днём» 28 апреля 2014 года. — Ведь ситуация обязывала играть на победу! Лято, Смолярек и Бонек представляли серьёзную угрозу. Мне кажется, тренеры думали о том, чтобы не пропустить, а забить, мол, на авось получится. Блохин убежит или Шенгелия. Не получилось. Мы атаковали четырьмя футболистами. Этого мало! Лобановский, видимо, посчитал, что крайние защитники Сулаквелидзе и Демьяненко смогут поддерживать атаку. Но покрывать расстояния по 70 метров оказалось не так-то и просто».

За результат на чемпионате мира в Испании, на котором сборная СССР фактически вошла в восьмёрку лучших команд планеты, можно переживать долго, но прежде стоит признать, что команда Польши на тот момент была всё же сильнее советской. Во всяком случае, в матче, решавшем судьбу полуфинальной путёвки, она предстала сбалансированной в атаке и обороне и практически не позволила советским футболистам создать что-то серьёзное у своих ворот.

Прошёл мимо внимания рецензентов и такой исключительно важный момент: после демонстрации в первом тайме матча с Бразилией — матча, с точки зрения турнирной борьбы в группе ничего не решавшего, — высокого уровня физической готовности сборная, можно сказать, начала «сдуваться» и к игре с Польшей подошла в неважном функциональном состоянии. Это обстоятельство автоматически сказалось и на состоянии психологическом. Не был заложен фундамент атлетизма под будущее здание игры. Лобановский, скорее всего, был прав, когда настаивал на проведении в Испании в восьмидневном перерыве между матчами с Шотландией и Бельгией серьёзной тренировочной работы, которая стала бы подводкой к матчам второго этапа. Не стоило забывать, что полякам между играми с Бельгией и СССР календарь предоставил пять дней перерыва, а советской команде — всего два.

В интервью журналисту газеты «Спорт-экспресс» Станиславу Пахомову 3 августа 1996 года (14 лет прошло после Испании!) Бесков сказал, что руководители его «обманули»: «Была договорённость, что эти тренеры в Испанию не поедут. Но с моим мнением не посчитались». Но никаких условий Бесков не ставил, «да и нелогично это было бы, — говорит Вячеслав Колосков, — выиграть отбор с одним тренерским штабом, а в Испанию ехать с другим».

Более того, в том же интервью Бесков заявил, что если бы Лобановский и Ахалкаци на чемпионат мира не поехали, то сборная могла выступить лучше. У него на этот счёт сомнений не было: «Причина той неудачи — в возникших группировках. Киевляне шли советоваться к Лобановскому, тбилисцы — к Ахалкаци, находили у них понимание. Вполне нормальной была практика, когда со своими футболистами они обсуждали мои ошибки. Команда разделилась, не было единой идеи». В своей же книге «Моя жизнь в футболе» он объяснял произошедшее в Испании несколько иначе:

«Отношения в команде в тот момент были нормальные, благожелательные. Если кто-то и шёл к “своим” тренерам, к Лобановскому или Ахалкаци, то приватно, и я не думаю, что их разговоры как-то отразились на игре сборной. Не могу сказать, что глава нашей спортивной делегации В. Л. Сыч пробовал руководить командой, вмешивался в установки».

Лобановский, когда мы с ним обсуждали эту часть интервью Константина Ивановича, сказал мне, что оно лишний раз напомнило ему о его ошибке: «Ни в коем случае не следовало соглашаться на уговоры, брать на себя непонятные функции и — тем более — ехать в Испанию в роли

неизвестно кого. И потом ещё получать за это».

Что же до группировок в сборной, то они существовали во все времена. Кто бы ни был тренером команды, грузины всегда говорили друг с другом по-грузински, украинские футболисты тянулись друг к другу, как и спартаковцы. Но на игре это никогда не сказывалось.

Журналист Аркадий Галинский выдвинул, как всегда, свою версию того, для чего Лобановский и Ахалкаци согласились работать в штабе Бескова. «Обязанности старших тренеров, — написал он в статье «Дворцовые тайны футбола», опубликованной 10 октября 1992 года в «Независимой газете», — были несложными: они привозили в сборную своих игроков и затем увозили их обратно. В преддверии чемпионата мира 1982 года сборная провела около трёх десятков товарищеских и отборочных встреч, из которых проиграла всего две и вничью свела пять. А так как и ничейный результат отмечался премией, денежное вознаграждение Лобановского и Ахалкаци за их конвойные функции было, право же, неплохим».

Определяя Лобановского и Ахалкаци в администраторы, которым вменялось в обязанность контролировать процесс своевременной доставки футболистов сначала в сборную, а затем в свои клубы, Галинский представляет дело таким образом, будто оба специалиста пошли в «конвоиры» ради денег. Как же: около трёх десятков товарищеских и отборочных встреч, не только победы в которых, но даже ничьи — оплачивались!

Но и это — откровенная подтасовка фактов. Выдвинутая Гали неким версия стяжательства не проходит — не сходятся концы с концами. Команда СССР под управлением Бескова с момента его назначения на должность старшего тренера в сентябре 1979 года до чемпионата мира 1982 года действительно провела около 30 матчей на уровне сборных (в том числе на Олимпиаде-80 в Москве). Точнее — 29 (20 побед, 6 ничьих, 3 поражения). Но фокус в том, что с предложением о привлечении Лобановского и Ахалкаци Бесков обратился в сентябре 1981 года. На тот момент бесковская команда сыграла уже 20 матчей. Лобановский и Ахалкаци активно стали помогать Бескову — работать с ним вместе «в поле»! — с отборочного матча СССР — Турция, состоявшегося в Москве 23 сентября 1981 года. До конца года советская команда, руководимая «триумвиратом», провела ещё четыре официальных встречи, включая ничего для неё в турнире не решавшую «левую» с чехословаками в Братиславе, и благополучно попала на чемпионат мира.

В 1982 году до отъезда в Испанию сборная СССР сыграла четыре

товарищеских матча: в Греции, Аргентине, в Москве с ГДР и в Стокгольме со шведами. На игре (и перед игрой) с ГДР Лобановского и Ахалкаци в команде не было. Не летали они и в Швецию. Итог: до начала чемпионата мира Лобановский и Ахалкаци работали в сборной с Константином Ивановичем всего на семи матчах — пяти отборочных и двух товарищеских.

Лобановский и Ахалкаци не лезли к Бескову с советами по составу. Они принимали кадровые решения Бескова с первого дня пребывания в роли непонятно кого: перед остававшимися осенью 1981 года отборочными матчами; перед двумя почти двухнедельными (каждый) сборами в Испании, проходившими в январе и феврале; перед контрольными гостевыми встречами с Грецией, Аргентиной и Швецией; перед домашней игрой с ГДР. Своё мнение высказывали только в том случае, если Бесков интересовался им. А интересовался Константин Иванович соображениями Лобановского и Ахалкаци по составу — с того момента, когда, по его инициативе, они фактически стали его помощниками, и до чемпионата мира — крайне редко. Чаще, как ни покажется это странным на фоне разговоров о том, что Константин Иванович не желал видеть Лобановского и Ахалкаци в Испании, он стал это делать в дни чемпионата мира. Но и там последнее слово оставалось, разумеется, за ним.

И не стоит, полагаю, приписывать Лобановскому ошибки, допущенные на чемпионате мира-82. Ему и своих хватает.

Глава 9

ЛОБАНОВСКИЙ И БЕСКОВ

«Как о специалисте, — говорила в интервью газете «Спорт-экспресс» вдова Константина Ивановича Валерия Николаевна, — Бесков всегда отзывался о Валерии Лобановском с уважением. При этом открыто критиковал Валерия Васильевича за пристрастие к договорным матчам. Очки оттуда, очки отсюда — и на пьедестал. В этом всегда была разница между ними».

То есть, если следовать логике Валерии Николаевны и её знаменитого супруга, в тех случаях, когда киевское «Динамо» опережало в чемпионате «Спартак», происходило это за счёт появления у команды неизвестно откуда очков. Сам же Бесков, пожалуй, лишь однажды заявил, что «все украинские команды преподносили киевлянам очки на блюде»: «Я уверенно могу сказать о том, что украинские команды на своём поле регулярно играли с динамовцами вничью, а в ответной встрече в Киеве, как правило, отдавали им два очка».

Валерия Николаевна — из разряда футбольных жён, стремившихся вникать во все профессиональные дела мужа. Если, к примеру, Галина Дмитриевна Морозова даже на футбол не ходила, а Аделаида Панкратьевна Лобановская ни разу не сказала ни одного слова для СМИ, то Валерия Николаевна и по составу команд, которые тренировал её муж, высказывалась, и по качеству игры футболистов могла сказать своё веское слово, и по другим командам «пройтись»...

И не она одна затрагивала эту тему. «Из-за допинга, как и за “договорняки”, — говорит Александр Бубнов, — Бесков Лобановского недолюбливал. Не могу сказать, что недооценивал. Конечно, он признавал, что Лобановский выдающийся тренер. И Бесков не уставал повторять, что основной для нас тест в чемпионате СССР — это игра с киевским “Динамо”. Причём в Киеве. Бесков говорил: “Как вы в Киеве сыграете, такая вам и оценка”. За семь лет, что я выступал за “Спартак”, мы в Киеве только один раз проиграли. Прикладывали киевлян так, как никто и никогда не прикладывал».

С «прикладыванием» сверхэмоциональный Бубнов, надо сказать, погорячился. В те годы, когда Бубнов и Бесков были в «Спартаке» вместе, с

командой киевского «Динамо», которую тренировал Лобановский (83-й не в счёт: Лобановский уезжал в Москву в сборную), то есть с 1984-го по 1988-й (пять лет в общей сложности), спартаковцы играли десять раз. В Киеве они выиграли трижды. В 84-м, когда Лобановский, вернувшись из Москвы, приступил к строительству совершенно новой команды (заняли тогда динамовцы 10-е место), в 87-м и 88-м. Проиграли они в Киеве в эти годы дважды (а не один раз, как утверждает Бубнов): в 85-м и 86-м. И в Москве «Спартак» дважды проигрывал киевлянам.

Но это всё — локальные матчи. Что же до глобальных результатов, то за эти пять лет киевские динамовцы дважды выигрывали чемпионат СССР (против одной победы «Спартака») и завоевали европейский Кубок кубков. У «Спартака» в эти годы в еврокубках даже намёка на возможный успех не было.

Всего же за десять лет противостояния двух команд, когда их возглавляли Лобановский и Бесков, «Динамо» в семи случаях занимало место выше «Спартака», четыре раза при этом выигрывая титул.

Значимость противостояния «Спартак» — «Динамо» (Киев) явно преувеличена. Да и само противостояние — надуманное. В 50—60-е годы и в первой половине 70-х на матчи спартаковцев и киевских динамовцев серьёзного внимания не обращали. Они не были командами-антагонистами, им нечего было делить. Раздрай в отношениях, да и то в основном подогреваемый прессой и болельщиками (Олег Романцев называет его «искусственно нагнетавшимся»), начался после того, как Киев 12 ноября 1976 года «помог» «Спартаку» покинуть высшую лигу.

До 1961 года — когда киевская команда покончила с гегемонией московских клубов, выиграв чемпионский титул, — «Спартак» побеждал в чемпионатах СССР семь раз, а после 61-го — только пять. Киевское же «Динамо» с 61-го до 91-го, когда состоялся последний чемпионат Советского Союза, — тринадцать (при Лобановском — восемь): больше, чем московские спартаковцы, динамовцы и армейцы, вместе взятые (у них девять титулов за этот отрезок времени на всех), что позволяет говорить о безоговорочном превосходстве киевского «Динамо» в советском футболе в это время.

И только Бесков сумел длительное время держать в режиме конкуренции свою команду — «Спартак» — с киевским «Динамо». Но эта конкуренция, обставленная (спартаковской стороной, стоит заметить) как идеологическое противостояние «романтического бесковского (а впоследствии романцевского) футбола с прагматичным, застрахованным от любых неудач футболом Лобановского», становилась в рамках

продолжительного по времени турнира исключительно локальным событием. Если «Спартак» ставил перед собой задачу всенепременно, во что бы то ни стало обыграть Киев, то задачей «Динамо» была победа в чемпионате и добротное выступление в Европе. Это вовсе не означает, что Лобановский относился к матчам со «Спартаком» точно так же, как к остальным. Он их тоже выделял, но не до такой степени, чтобы заикливаться на выдуманном противоборстве «романтики» с «прагматизмом».

Секретарь ЦК компартии Украины Яков Погребняк рассказывает, что после побед «Динамо» над «Спартаком» в ЦК КПУ «звонили московские партаппаратчики и журили: “Обнимаетесь с грузинами и белорусами, а спартаковцы почему-то враги. Имейте в виду, за эту команду болеют Брежнев (в действительности Брежнев болел за ЦСКА. — А. Г.), Устинов, первый секретарь Московского горкома партии Гришин”». Погребняк передавал эти «установки» Лобановскому, на что тот неизменно отвечал: «Будем играть так, как всегда».

Ответил так Лобановский и в конце осеннего чемпионата СССР 1976 года, когда победа «Динамо» над «Спартаком» в Киеве фактически выставила спартаковскую команду из высшей лиги. Именно после вылета в первую лигу «Спартак» и возглавил Бесков.

Величие Бескова как тренера — в его понимании футбола, в отношении к игре, в способности разглядеть в игроке то, чего никто другой разглядеть был не в состоянии, — отрицать невозможно. Но невозможно отрицать и тот факт, что за годы тренерской работы (в высшей лиге советского футбола 11 лет — со «Спартаком», 6 — с московским «Динамо», 2 года — с ЦСКА и по году — с «Торпедо», «Зарей» и «Локомотивом») он лишь дважды (со «Спартаком», с восьмилетним интервалом) побеждал в чемпионатах СССР. А первое чемпионство в роли тренера Константин Иванович выиграл за год до своего шестидесятилетия. И не сказать ведь, что тренировочная работа увлекала его больше, чем собственно матчи и турниры. «Бесков тренер процесса, а не результата», — считает Александр Нилин. Семён Случевский, киевский журналист и кинодокументалист, работавший в творческой группе фильма «Невозможный Бесков», рассказывает, как в начале 90-х годов спросил у Бескова: «Признайтесь честно, вас “греет”, что, несмотря на меньшее количество трофеев, чем у “Динамо” Лобановского, в очных поединках перевес за вами и вашим “Спартаком”?» «Великий в прошлом футболист и тренер посмотрел на меня как на очумелого: “Вы что! Разве можно это сравнивать! Я бы с радостью поменялся такими показателями с Валерием

Васильевичем!»». «Бесков разучивал с футболистами гаммы и учил их исполнять, — говорит по этому поводу Случевский. — Лобановский преподавал науку, главная идея которой — побеждать».

Бескова спартаковские футболисты называли «Баринном», Лобановского киевские динамовцы — «Папой». Невозможно было представить, чтобы кто-то в «Спартаке» обратился к Бескову по привычно-футбольному: «Иваныч». К Лобановскому все поколения динамовцев, с которыми он работал, обращались: «Васильич».

Александр Бубнов рассказывает, что он интересовался у киевлян, почему так было. Демьяненко считает, что Лобановский спрашивал очень жёстко, даже жёстче, чем Бесков. Но манера разговора у Лобановского была иной. Если у Бескова всё было серьёзно, то у Лобановского очень часто с юмором. И киевские футболисты так же с юмором могли ему отвечать. И — отвечали. «У Бескова, — говорит Бубнов, — юмор грозил отчислением!» Киевлянин Владимир Бессонов рассказывал Бубнову, что «Лобановский при всей его жёсткости и упрямстве был блестящим психологом: знал, что, когда и кому позволить (или не позволить), и это шло на пользу команде».

Проявления тирании у диктатора Бескова не всегда тормозили у «красной линии», за которой наблюдались приступы самодурства. Тирания диктатора Лобановского была вызвана только необходимостью, имевшей отношение к футболу — тренировкам и матчам. Бескову ничего не стоило беспричинно расстаться с игроками, ещё вчера не предполагавшими, что подобное может произойти. Лобановский за тренерскую жизнь отчислил, быть может, двух-трёх футболистов, но только тогда, как, например, Бережного, когда всем — тренеру и команде — становилось понятно, что без этого шага не обойтись. Можно сказать и так: Бесков всё же больше любил себя в футболе, Лобановский — футбол в себе.

Как анекдот приводят ответ динамовцев на признание спартаковских коллег о том, что «тренировки Бескова — сплошное удовольствие»: «Тренировки Лобановского — удовольствие не меньшее: дожить бы до их завершения».

Отношения Лобановского с Бесковым были очень простыми, потому что их, этих отношений, за рамками футбола не было вовсе. Журналист Леонид Трахтенберг утверждает, что «в конце жизни Бесков помирился с Лобановским. Приезжал с женой к нему в Киев на юбилей. Делить им уже было нечего».

Но для того, чтобы кому-то с кем-то помириться, необходимо для начала поссориться. Нет ни одного свидетельства ссоры, случившейся у

Бескова с Лобановским или у Лобановского с Бесковым. Лобановский всегда относился к Константину Ивановичу как к высокопрофессиональному специалисту, с командой которого — так уж «легла футбольная карта» — у киевского «Динамо» с 1978 по 1988 год шёл на поле ожесточённый спор, почти всегда становившийся украшением чемпионата страны.

В ситуации, когда «Спартак» решил вдруг перед сезоном-89 избавиться от Бескова, Лобановский был на стороне Константина Ивановича.

«При всём моём уважении к Николаю Петровичу Морозову, назначенному в 1964 году старшим тренером сборной после увольнения Бескова, — говорил Лобановский, — я убеждён, что советская команда выступила бы на английском чемпионате мира 1966 года лучше и вполне могла если и не стать чемпионом, то уж в финале-то играть точно. Но только в том случае, если бы остался Бесков. Он начал кропотливую работу по формированию сборной, по постановке для неё игры. В работе этой он продвинулся далеко, но завершить её ему не позволили. И Бесков наверняка сделал бы то, чего не сумел (или не захотел) сделать Морозов, — добился возвращения в сборную Стрельцова».

И какой временной отрезок считать «концом жизни Бескова», когда он «помирился с Лобановским»? Допустим, тот, когда он перестал тренировать? Последний тренерский год Бескова — 1995-й (московское «Динамо»). Но Лобановский вообще не любил отмечать дни рождения. Юбилеи — тем более. Когда ему исполнилось 55 лет (1994 год), он находился в Кувейте. На шестидесятилетие (6 января 1999 года) братья Суркисы просили Валерия Васильевича остаться в Киеве, но Лобановский увёз команду на тренировочный сбор в Руйт, и поздравлять тренера люди, имевшие отношение к клубу, летали в Германию. До 65-летия он не дожил.

Бесковы на юбилей к Лобановскому в Киев не приезжали. Жена Лобановского Аделаида Панкратьевна подтверждает это. В другом материале Трахтенберг сообщил, что «в 90-е годы Константин Иванович несколько раз с супругой ездил в Киев по приглашению Валерия Васильевича». «И этого, — говорит Аделаида Панкратьевна, — не было».

Бесков считал Лобановского своим «главным оппонентом», утверждая, что их «соперничество шло в интересах футбола». Он категорично называл «заблуждением» теорию Лобановского о «команде-звезде» и столь же уверенно заявлял, что время доказало правоту его, Бескова, идей, а не идей Лобановского.

Это, конечно же, — к вопросу о «правоте идей», — истинному

положению дел, мягко говоря, не соответствует. Вся система развития современного футбола — и крупнейшие клубные турниры, и соревнования для сборных тому подтверждение — строится на атлетизме, высочайших скоростях командных передвижений, отменной технической оснащённости, разумной универсализации и умении быстро переходить из одной игровой стадии в другую.

Другое любопытно. «Не скажу даже, — поведал Леонид Буряк в интервью журналисту украинского еженедельника «Футбол» Валерию Пригорницкому, — что Бесков так уж плохо относился к Лобановскому. У Бескова была своя философия, своё понимание футбола, но как бы там ни было, он уважал Лобановского! Когда ему было уже 80, в Москве в манеже провели матч между ветеранами СССР и Англии. На игре присутствовали Колосков, Блаттер, Платини. Бесков, приглашавший меня в “Спартак” раза четыре, подозвал к себе: “Леонид, я хочу выпить с тобой рюмку коньяку. Ты уже не футболист, а мне по возрасту положено. Я хочу признаться тебе, что метод Лобановского более прагматичный и современный, поэтому ‘Динамо’ и побеждало в Европе”».

Буряк, который был единственным игроком в бесковской сборной, кому дозволялось исполнять длинные передачи, говорит, что, по мнению Константина Ивановича, «Лобановский был дальновиднее», и приводит слова Бескова о том, что «сейчас играют в тот футбол, который он (Лобановский) проповедовал».

Не стоит, впрочем, забывать, что под то или иное настроение Бесков мог сказать всё что угодно. Журналист Борис Духон, один из армии спартаковских летописцев, написал в «Московской правде»: «Вспомнился рассказ, услышанный от патриарха спортивной журналистики Льва Ивановича Филатова. Позвонил как-то ему Бесков и посетовал: не смог прочитать статью Филатова о Лобановском, потому что само имя Лобановского вызывает у него резко отрицательные эмоции».

Спартаковский футболист Виктор Пасулько рассказывал, по какой причине он не поехал в 1988 году в Сеул на Олимпиаду. О причине этой, по словам Пасулько, ему поведал Николай Петрович Старостин. Оказывается, после возвращения из ФРГ, где Пасулько в составе национальной сборной СССР стал серебряным призёром, футболист в одном из телеинтервью заявил, что «такого замечательного тренера, как Лобановский, не встречал». «И это, — говорит Пасулько, — не понравилось Бескову, который позвонил Бышовцу и попросил вычеркнуть меня из списка сборной».

После кончины Лобановского, Бескова потрясшей, он вспоминал, как

они познакомились ещё в бытность Валерия игроком. «Он был незаурядным футболистом, — сказал Константин Иванович, — и дабы обезопасить тылы, я предпочитал прикреплять к нему персонального опекуна. Но остановить Лобановского удавалось далеко не всегда... Яркий игрок, он стал поистине великим тренером. С его уходом осиротел не только украинский и отечественный спорт. Это большая потеря и для мирового футбола. Таких, как Лобановский, — единицы. Он обожал свою профессию, полностью подчиняясь её требованиям и законам. Несмотря на то, что “Спартак” и киевское “Динамо” были непримиримыми соперниками, с Валерием Васильевичем мы были в очень тёплых отношениях, работая вместе в сборной, легко находили общий язык».

Глава 10

КОМАНДИРОВКА В МОСКВУ

О возвращении в сборную с Лобановским заговорили сразу после чемпионата мира в Испании. Он приехал в Москву для разговора, и первое, что услышал от Вячеслава Колоскова перед тем, как отправиться с ним на Старую площадь в ЦК: «Имейте только в виду, что на этот раз никакого совместительства не будет».

Поначалу хотели оставить в сборной Бескова, но он категорически отказался покидать «Спартак». Только после этого остановились на кандидатуре Лобановского. Заручившись его согласием возглавить сборную, но переехать при этом в Москву по завершении сезона, Спорткомитет переправил 26 августа 1982 года через ТАСС в прессу следующую информацию:

«Спорткомитет СССР, принимая во внимание возросший объём работы, счёл необходимым, чтобы подготовку сборной страны по футболу возглавил старший тренер без совмещения работы в клубной команде.

Учитывая пожелание К. Бескова продолжать работу в «Спартаке», Спорткомитет удовлетворил его просьбу и освободил от обязанностей главного тренера сборной страны.

Старшим тренером советской сборной назначен В. Лобановский. После завершения нынешнего сезона он будет заниматься только делами сборной СССР».

Лобановский торговаться по вопросу совместительства не собирався. Первый отборочный матч чемпионата Европы в новом цикле — в Москве с финнами 13 октября 1982 года — Лобановский провёл, оставаясь тренером киевского «Динамо». К тому времени у него состоялись предварительные переговоры с Юрием Морозовым и он знал, кто заменит его в клубе. Лобановский последовательно настоял на кандидатуре Морозова в трёх украинских инстанциях — МВД, Совете министров и ЦК компартии. По этому поводу, разумеется, не устраивались специальные совещания, своё мнение тренер со свойственным ему умением убеждать высказывал в беседах с теми, кто принимал решение. С кандидатурой Морозова согласились не все. Как ни странно, некоторые проблемы возникли там, где Лобановский их не ждал, — в украинском и городском советах «Динамо», с

руководителями которых у него сложились доверительные отношения, и в МВД.

«Васильич, — говорил Лобановскому глава республиканского совета «Динамо» Борис Баула. — Зачем нам приезжий? Поставь своих хлопцев, которые у тебя играли. Мы тут за ними присмотрим».

Баула, крупный, сильный, правильный мужик, говорил то, что думали многие, но боялись сказать Лобановскому. Говорил, понимая: ни на что его слова повлиять уже не могут — Лобановский с заменой определился, везде, где нужно, её согласовал. Оставались несколько штрихов.

Высшее украинское руководство должно было договориться с союзным министерством, занимавшимся предприятиями оборонного значения — в их систему входил и «Зенит».

Морозова в разгар сезона надо было представить киевским начальникам, и сделать это можно было лишь во время приезда «Зенита» в Киев на матч чемпионата с «Динамо».

Ленинградский клуб, как и все почти динамовские соперники, остановился в гостинице «Москва». 31 июля 1982 года, в первой половине дня матча «Динамо» (Киев) — «Зенит», Лобановский в нарушение всех сложившихся за долгие годы традиций покинул Конча-Заспу и отправился в ЦК КПУ на встречу с Яковом Погребняком. Туда же из «Москвы» доставили Юрия Морозова. Морозов был представлен Лобановским, и «добро» на появление в Киеве нового тренера было фактически получено.

После матча мы с Лобановским (для него это было ещё одно нарушение традиций) приехали в «Москву», поднялись на седьмой этаж и в номере Морозова (в котором собрался зенитовский штаб, в том числе и Павел Садырин, который после отъезда Юрия Андреевича должен был возглавить «Зенит») подняли бокалы за «новое назначение», о котором, правда, официально объявят позже.

«После чемпионата мира, — рассказывал Лобановский в книге «Бесконечный матч», — меня пригласили возглавить сборную. Предстояли отборочные матчи первенства Европы с финнами, поляками и португальцами. Условие было довольно жёстким — уйти из киевского «Динамо» и полностью сосредоточиться только на работе со сборной.

С клубом расставаться было жаль, но я понимал (знал из опыта мирового футбола), что сборную должен тренировать только освобождённый специалист, не связанный с каждодневными заботами о клубной команде. Придерживаюсь этого убеждения и поныне, хотя сам участвую в эксперименте, отнимающем массу сил и до предела выматывающем нервы».

Договорились, что до конца 1982 года Лобановский продолжит «совместительство» в клубе и сборной, а с начала следующего года переедет в Москву и будет жить там — в служебной квартире (потом, кстати, это вменили ему в вину, заявив, что тренер сборной должен быть москвичом! Почему?).

«Признаюсь, — говорил Лобановский, — несколько колебался: принимать приглашение в сборную или не принимать? Причины колебаний объяснимы. Я понимал, что любой неудачный матч оставит меня без работы, как это не раз случалось с моими коллегами. Даже несмотря на то, что мне было предложено разработать программу подготовки команды на четырёхлетний период.

Стремление проверить свои силы на совершенно новом витке самостоятельной работы, желание сменить обстановку — всё это помогло мне принять решение и занять место тренера сборной, рабочий стол которого находился в здании Госкомспорта СССР на Лужнецкой набережной».

Квартира, в которой он жил, была расположена примерно в часе ходьбы от Госкомспорта, и Лобановский использовал каждую возможность для того, чтобы проделать этот путь по набережным пешком. Он называл этот час «прекрасным временем для раздумий!».

Лобановский, в общем-то, не был «человеком диалога». Если и высказывался по каким-то вопросам, не обязательно футбольным, то только для того, чтобы на ком-то проверить свою мысль. Она рождалась не в диалоге. В диалоге, быть может, только корректировалась. Лобановский размышлял наедине с собой. Он требовал тишины от окружающих в тех случаях, когда им могло показаться, что мешают ему не они, а внешние шумы — голоса из телевизора или же шум ремонта в квартире этажом выше.

Обдумывать было что. Перво-наперво — подробнейший план функционирования сборной на ближайшие четыре года, вплоть до мексиканского чемпионата мира. Затем — создание штаба всех сборных, способного решать сложные задачи подготовки к важным и ответственным соревнованиям. Без такого штаба, полагал тогда Лобановский, невозможно добиваться больших побед. Речь шла не о механическом формировании штаба, скажем, из тренеров команд высшей лиги, а из тренеров-единомышленников, которые в состоянии координировать работу всех сборных — от юношеских до первой.

Перед московским матчем с Португалией (27 апреля 1983 года) Лобановского привели в ужас результаты углублённого медицинского

обследования футболистов. Обследование проводила комплексная бригада кафедры футбола Института физкультуры во главе с Евгением Скомороховым. Бригада предложила провести в преддверии игры с португальцами щадящий сбор: два-три дня фактически отдыхать (минимальные нагрузки, восстановительные мероприятия — бассейн, баня, массаж), а затем четырёхдневная непосредственная подготовка к матчу.

Лобановский отверг это предложение и, понимая, что дело не в утомлении, а в физиологическом спаде, поступил по-своему. Уже вечером он дал игрокам такую нагрузку, что даже Никита Павлович Симонян схватился за голову: «Что он делает? Они же не побегут после таких тренировок!» «Такие» тренировки продолжались шесть дней подряд, на седьмой Лобановский снизил нагрузки, и команда не только побежала — полетела. Результат: 5:0. Рисковал Лобановский? Разумеется. Но только таким способом, а не «отдыхом в пансионате», можно было сбалансировать состояние футболистов, приехавших из разных клубов к тренеру, ни с одним из этих клубов в тот момент не работавшему.

1 сентября 1983 года советский самолёт-истребитель сбил на Дальнем Востоке южнокорейский лайнер с пассажирами на борту. Перед первой тренировкой сборной в Португалии на стадионе «Де Луш» (поначалу основное поле хозяева предоставить отказались, мотивируя это тем, что после сильного ливня газон можно повредить) советские футболисты были встречены толпой с плакатами «Убийцы!». Толпа мешала начать занятие на запасном поле, куда отправили советскую команду.

В гостиницу, в которой проживала советская команда, пробрался (именно — пробрался: в каком-то, по свидетельству Савелия Мышалова, «шпионском плаще», застёгнутом на все пуговицы и с поднятым воротником — чтобы не узнали) известный чехословацкий футбольный тренер Йозеф Венглош. И предупредил своих советских друзей, что «арбитр матча готовится сплавить» сборную СССР. «Вот и представьте, — говорит Мышалов, — как цинично и открыто всё это решалось, если даже специалист из Восточной Европы был в курсе дела».

Португальцы лишний раз подтвердили репутацию людей, умеющих профессионально работать с судьями — ещё на стадии назначения на игру. Заполучить на решающий матч арбитра, завершающего карьеру (последняя игра! судейские руководители, хорошо это понимая, спокойно отнесутся к любому фортелю уходящего с европейской арены рефери), — для этого необходимы прочные связи в УЕФА.

До эпизода с пенальти французский арбитр Конрат помогал хозяевам поля в рамках приличия. После пенальти всё стало ясно.

Португальский форвард Шалана, потеряв много сил при обводке, упустил мяч, который уже подхватывал капитан сборной СССР центральный защитник Чивадзе, и специально зацепился за ногу не успевшего сыграть в мяч Боровского — в надежде на штрафной с очень хорошей точки: эпизод случился примерно в полутора метрах от линии штрафной площадки. Конрат решил воспользоваться ситуацией — и назначил пенальти. Споры, понятно, не помогли. Жордао пробил точно.

«Ты сбил его?» — спросил Лобановский в раздевалке у Боровского. «Не трогал». Спустя двое суток Конрат сообщил французским репортёрам, что, посмотрев видеоповтор, убедился: нарушение было за пределами штрафной и пенальти назначен ошибочно. Между тем ошибка арбитра практически вывела Португалию в финальную стадию чемпионата Европы 1984 года.

За две недели до скандального матча Португалия выиграла у поляков во Вроцлаве 1:0. Весь футбольный континент знал, что Польша, которой ничего в турнире не светило, игру сдала. В польском составе не было сильнейших игроков — Круля, Урбановича, Буды, Бунцоля, Дзекановски, а также Бонека, звезды итальянского «Ювентуса».

Поляки даже не скрывали свою готовность сдать матч португальцам. Политические события той поры способствовали их желанию по максимуму насолить советской сборной. Мало того что тренер польской команды Антонин Пехничек не выставил на домашний матч с Португалией большую группу ведущих футболистов, а Бонека вообще не вызвал на тренировочный сбор, договорившись об этом с игроком по телефону, так своих ещё активно подзуживала пресса. Писали откровенно, за намёками не прятались: «Нам игра с Португалией во Вроцлаве ничем не может помочь, но португальцам победа сохраняет шанс... Раз уж не мы, то пусть лучше они поедут во Францию». Польские футболисты валялись в матче дурака. Пропустив гол, отыгрываться не полезли и вместе с португальцами ушли с поля довольными.

«Не утверждаю, — говорил Лобановский, — что нас подвели поляки, хотя, по свидетельству наблюдателей из сборной СССР, польские футболисты, которым игра ничего не давала, довольно инертно действовали на своём поле против португальской команды и уступили фактически без борьбы. Правда, на иной результат этого матча мы и не рассчитывали и делали всё, чтобы обойтись своими силами».

Вопрос — «сплавил» Конрат советскую команду или засудил её случайно? — так и остался без ответа. Арбитр не враг себе, чтобы даже спустя годы признаваться в криминальной истории. Можно поэтому

остановиться на промелькнувшей уже тогда версии: француз постарался сделать всё от него зависевшее, чтобы в финальной стадии чемпионата Европы в 1984 году во Франции участвовала сборная Португалии, матчи которой (игроки-то какие! — Шалана, Жордао, Пашеку, Бенту...) наверняка приедут посмотреть тысячи соотечественников. В отличие от сборной СССР.

«Железный занавес» резко ограничивал число граждан, имевших возможность выезжать за границу. Армия болельщиков в это число не входила и на крупные турниры, даже на те, в которых участвовала советская команда, никогда не ездила. Два-три десятка облечённых доверием туристов, входивших в составы специализированных групп (журналисты, артисты, футбольные тренеры), — не в счёт.

Проще говоря: интересы организаторов чемпионата, заранее считавших доходы от турнира, и Португалии, несказанно боявшейся советских футболистов, — совпали.

«После поражения в Лиссабоне чего только мы не наслушались и не начитались! — вспоминал Лобановский. — Людьми, не побывавшими не только в нашей раздевалке, но и вообще на стадионе “Де Луш”, была придумана версия об оборонительной установке, которую мы якобы дали на матч. Вымысел опровергли игроки, в частности Черенков и Дасаев. Обвинили нас и в том, что не тот выбрали состав на игру — никого, мол, практически не было из команд — призёров чемпионата, из состава обладателя Кубка страны, да и из других клубов, выступавших неплохо. Согласно такой логике, после окончания каждого сезона надо формировать новую сборную в соответствии с занятыми командами местами. Совершенно серьёзно декларировалось, что в футболе надо строить игру активную, созидательную, комбинационную, нацеленную на атаку, на победу, будто тренеры сборной только-только покинули школьные классы и ставят целью настроить команду на игру пассивную, разрушительную, некомбинационную, нацеленную на оборону, на поражение, а глубокомысленные рассуждения знающего толк в тактике, в вопросах подготовки команды, ведения игры журналиста могут стать для них откровением необычайным. Анализ футбольного матча с пеленой личных обид на глазах, мешающей разобраться в том, как команда готовилась к игре, как намерена была её вести и как вела, отнюдь не способствует, на мой взгляд, ни репутации обозревателя, становящегося штатным специалистом по поражениям команд, которые возглавляются определёнными тренерами, ни возможности болельщикам получать объективную информацию — истинную, а не подтасованную, сознательно

извращённую; ни умению абстрагироваться от результата. Ведь не будь этого злополучного пенальти, из-за которого переживали не только мы, но и арбитр (его я могу упрекнуть не в предвзятости, а в том лишь, что он не видел точное место нарушения), и рецензии на тот же самый матч, при той же самой игре были бы совершенно иными... Но ведь и это тоже верх дилетантизма!»

Нападки на Лобановского в прессе начались ещё до Португалии. Такое ощущение, что мстили ему за резкое выступление весной 1983 года в московском Доме журналиста, когда он усомнился в понимании представителями СМИ современного футбола и пытался убедить их в том, что во главе угла стоит только результат. Победа в Хельсинки над финнами 1:0 преподносилась как неудача. «Эти заметки после трудно выигранной в Хельсинки важной встречи, — писал не без налёта догматизма в «Известиях» журналист Борис Федосов, возглавлявший одно время Федерацию футбола СССР, — стремление ещё и ещё раз напомнить нашим ведущим игрокам и их наставникам, что все от них ждут смелой, наступательной, не только нацеленной на результат, яркой игры. И негоже тренерам пытаться укрыть футболистов и себя от нелюбимых порой суждений прессы, которая, особо подчеркну, выражает, как правило, мнение миллионов читателей». У Лобановского с Федосовым произошёл как-то долгий разговор, но когда Лобановский увидел опубликованный после этого материал, он был ошеломлён: «Что же он написал? Перевернул всё с ног на голову. Как с такими людьми прикажешь общаться?..» По свидетельству всех, кто знал Лобановского, он очень болезненно воспринимал подобные вещи.

Под Лобановского «копали» весь год, который он провёл в Москве. Негласно проявляли недоверие. Осенью 83-го Лобановский заболел и находился в Киеве. Симоняна вызвали к руководству Спорткомитета и сказали, чтобы Никита Павлович отправился в Киев: «Мы думаем, что болезнь Лобановского — симуляция: он просто боится ехать в Португалию». Симонян пытался объяснить, что Лобановский действительно болен, но был прерван на полуслове: поезжайте и разберитесь. Никита Павлович, входивший по должности в число работников Спорткомитета, вынужден был отправиться в Киев. Малоприятная миссия, что и говорить. В Киеве он встретился не только с лечащим врачом Лобановского, но и с главврачом больницы, в которой какое-то время лежал Валерий Васильевич. Ему, как он вспоминает, подтвердили что «у Лобановского действительно проблемы со здоровьем, но его “подлатали”, он транспортабелен и может лететь». Крепко дал тогда

Лобановскому знать о себе камень в почках, доставлявший дикие боли. Врачи настаивали на операции. Лобановский от неё отказывался, аргументируя отказ необходимостью лететь со сборной на матч в Лиссабон. Ограничились препаратами, снимавшими боль на полсутки.

Встретился Симонян в Киеве, разумеется, и с Лобановским. И спросил: «Валерий Васильевич, полетите?» Изумлению Лобановского, услышавшего такой вопрос, не было предела: «А почему вы спрашиваете? Конечно, полечу!» Симонян, понятно, рассказал Лобановскому о данном ему поручении. Лобановский усмехнулся и покачал головой. «Я вернулся в Москву, — рассказывает Симонян, — доложил и увидел, что мой доклад вызвал большое неудовольствие».

Многие из тех, кто хотя бы немного знал Лобановского и Симоняна, задавали Никите Павловичу вопрос: «Как вы работаете вместе? Как уживаетесь? Вы же совершенно разные люди!»

У взаимоотношений двух мощных фигур своя история.

В 1978 году, например, когда Симонян тренировал сборную СССР, в недрах Спорткомитета возникла идея, чтобы Лобановский пришёл в сборную в роли помощника Симоняна. Для Симоняна это было совершенно неожиданное предложение, и, подумав, он поинтересовался у начальников: «Как вы мыслите себе наше сотрудничество, если у нас совершенно разные взгляды, разные концепции подготовки команды и игры? Мы, наверное, будем постоянно конфликтовать. Из этого ничего путного не выйдет». Про себя же отметил и «несовместимость характеров», но говорить об этом не стал. 39-летний Лобановский виделся 52-летнему Симоняну излишне сухим, жёстким.

Никита Павлович сказал тогда то, что должен был сказать Константин Иванович Бесков в 1981 году, когда в его тренерский штаб сборной вводили Лобановского и Ахалкаци. Правда, там была совершенно другая история, потому что предложение об увеличении числа тренеров исходило не от руководства, а от самого Бескова.

Лобановский при озвучивании предложения Симоняну присутствовал, ответ Никиты Павловича, прямой и честный (а самое главное — точный), выслушал и с ним согласился. Он потом никогда об этом не вспоминал, и так и осталось непонятным: для чего он-то, действующий тренер одного из самых преуспевающих в стране клубов, соглашался идти помощником к тренеру сборной? А ведь он соглашался, коли был приглашён на разговор с Симоняном. В общем, хорошо для всех, что Симонян тогда проявил твёрдость.

Через год, в 79-м, Симонян и Лобановский случайно встретились в

поезде, ехали из Киева в Москву в вагоне СВ. Проговорили до полуночи. «Лобановский, — вспоминает Симонян, — прекрасный собеседник: знает литературу, интересуется искусством, архитектурой. Естественно, не ушли мы и от футбольных тем. И вдруг он сказал: “Всё-таки мы с вами могли бы сотрудничать, могли бы работать вместе. И — неплохо”». А осенью 1982 года Симонян стал первым, кого назначенный главным тренером сборной Лобановский пригласил в новый тренерский штаб. Вспоминая разговор в поезде, он говорил, что ему очень важно было тогда не услышать слова «нет» в ответ на размышления о возможном сотрудничестве.

«Наблюдать человека на расстоянии, слушать разговоры о нём — одно, — говорит Симонян, — а увидеть его непосредственно в деле — совсем другое. Мне нравится чёткость Лобановского, порядок на тренировках, последовательность, с которой он проводит в жизнь свою программу. Можно соглашаться с ней или не соглашаться (я, например, в какие-то моменты спорю с Валерием Васильевичем), но несомненно, что его система в целом приносит результаты».

Помощники Лобановского в сборной Морозов и Мосягин, не сговариваясь, определили Симоняну роль своего рода громоотвода, когда приходили к выводу о необходимости снижения нагрузок на каком-то этапе тренировочного процесса. Морозов всегда помнил болгарское среднегорье в 1976 году. Они просили, например, Симоняна: «Зайдите к нему, Никита Павлович, поговорите. Нас он не слушает». Симонян отправлялся в номер Лобановского, заходил и сразу же слышал: «Знаю, зачем пришли, Никита Павлович. Сейчас скажете, что надо снижать нагрузки. Так ведь?» «Васильич, — отвечал Симонян, — ребята действительно на пределе». И Лобановский приступал к доказательствам: «Неужели вы не понимаете, что только на базе высокофункциональной атлетической подготовки наша команда может добиться успеха? Как только мы снизим уровень готовности, нас будут ожидать неудачи». Симонян констатирует, что «жизнь подтвердила правоту Лобановского».

Состав и тактику Лобановский с помощниками обсуждал в узком кругу. Старший тренер не отбрасывал, а принимал убедительные доводы по составу команды, по игровым концепциям — он умел советоваться с коллегами. Как всякому нормальному творческому, ищущему человеку ему была чужда безапелляционность. Если хорошо знавшие Лобановского люди вдруг видели, как он поспешно с кем-то соглашался: «Да, да, конечно, вы правы» — и покидал место спора, то это означало одно: у затеявшего спор — ноль аргументов, несёт он полную околесицу, темой не владеет, разговаривать с ним бессмысленно. Если же Лобановский что-то важное в

высказываниях собеседника улавливал, он не останавливался до тех пор, пока не вытягивал из него рациональное зерно.

На установке на матч говорил только Лобановский. Лишь по ситуациям, связанным со стандартами, могли что-то подсказать Морозов и Мосягин.

Футбольный журнал «БЮТ», отметив в материале об инциденте в Лиссабоне «корректное поведение футболистов сборной СССР» («Можно только представить, как отреагировали бы на случившееся игроки, скажем, итальянской или испанской сборной») и «джентльменское поведение руководителей советской команды», продолжил: «То же самое можно сказать и о советской прессе. Она сосредоточила критику на недостатках в игре своей сборной, а не стала сетовать на судейскую ошибку». Но автор, понятное дело, не мог быть в курсе того, что пресса получила прямое указание из ЦК КПСС и Спорткомитета СССР не трогать судью, а «мочить» команду и Лобановского, по которому — сразу же после трансляции матча из Лиссабона — было принято давно вынашивавшееся на Старой площади и Лужнецкой набережной решение: уволить. Забавным в связи с этим выглядело опубликованное 12 декабря 1983 года (через месяц после лиссабонского матча и за несколько дней до заседания коллегии Спорткомитета) сообщение в «Правде»: «В. Лобановский подал заявление с просьбой освободить его от работы со сборной по семейным обстоятельствам. Удовлетворит Спорткомитет СССР его просьбу или нет, не станем предугадывать».

«Предугадывать» не стал отвечавший в этом издании за спорт журналист Лев Лебедев, обрушившийся ещё раньше с резкой критикой на тренера сборной. «Огонь» по Лобановскому, надо сказать, открыли, словно по команде, все спортивные и общеполитические газеты. Тренера — как всегда — обвиняли в том, что у него во главе угла приоритет результата над качеством игры, в пристрастии к так называемой «выездной модели». Пеняли за «неправильно выбранную трусливую тактику “добывания очков”», за «чрезмерное количество игроков обороны», за «псевдонаучную терминологию» и, разумеется, за «порочные методы тренировок».

В номере от 15 ноября «Советский спорт» превзошёл сам себя. В одном только отчёте о матче, переданном из Лиссабона Олегом Кучеренко, можно обнаружить: команда «проиграла прежде всего из-за неудачно выбранной *тактики*, из-за просчётов тренеров»; «игроки обороны и средней линии поля, видимо, выполняя *тактические* указания своих наставников, редко шли в наступление, мало помогали форвардам»; «тренеры сборной СССР В. Лобановский и Ю. Морозов не сумели

подсказать своим подопечным верные *тактические* ходы»; «видимо, на неудаче сказался в значительной степени неверный *тактический* вариант, выбранный нашими тренерами»; «именно *тактический* план наших тренеров оказался наиболее слабым звеном в действиях сборной СССР»... В небольшом комментарии Виктора Понедельника, соседствующем на газетной полосе с отчётом, вновь — «тактика»: «безынициативность и непонимание игроками друг друга в элементарных позициях объясняются прежде всего неубедительностью *тактического* варианта, выбранного нашими тренерами»; «*тактическая* система игры, выбранная старшим тренером В. Лобановским и его коллегами, сковала действия и инициативу футболистов»; «говоря сегодня о старомодном *тактическом* варианте игры сборной в Лиссабоне...».

Ничего случайного в таком бросающемся в глаза акценте на «неверно выбранную тактику» (восемь повторов одного и того же тезиса в двух заметках!) нет. Это — удар по Лобановскому, которого Спорткомитет через своё издание решил уязвить в той части футбола, в которой тренер особенно силён.

Обрушились на Лобановского и за «неверно выбранный состав». Утверждали, будто ряд игроков не соответствовали уровню сборной (в конце года Федерация футбола СССР опубликовала традиционный список 33-х лучших футболистов страны и включила в него лишь 12 игроков первой сборной, «ткнув» Лобановского: не на тех, мол, делал ставку...). В Лиссабоне между тем играли девять футболистов, разгромивших Португалию в Москве. Тогда пресса была от них в восторге и наперебой поздравляла Лобановского с точными решениями при выборе состава. Теперь же игрокам, которых после московского матча хвалили порой с чрезмерными в таких случаях эпитетами, приписывали всё подряд: отсутствие волевых качеств, самоотверженности, нежелание сражаться из всех сил...

Разумеется, никакого заявления Лобановского коллегия не рассматривала, потому что заявления этого не было в природе. В Спорткомитете лишь официально затвердили то, что руководитель этой организации Марат Грамов и должен был с подачи кураторов из ЦК КПСС утвердить.

«Отмечено, — говорилось в распространённом для прессы материале о заседании коллегии, — что, несмотря на принятые ранее меры и наметившиеся сдвиги в развитии клубного футбола, в выступлении сборных команд существенных изменений не произошло.

Управление футбола Спорткомитета СССР (начальник В. Колосков) и

Федерация футбола СССР (председатель Б. Топорнин) допустили серьёзные просчёты в организации подготовки сборных команд СССР, в подборе тренерских кадров.

Старший тренер сборной СССР В. Лобановский, имея все необходимые условия для продуктивной подготовки команды к выступлению в отборочных встречах чемпионата Европы, допустил на её наиболее ответственном, завершающем этапе грубые просчёты в планировании и организации учебно-тренировочного процесса, комплектовании сборной, игнорировал рекомендации о необходимости повышения психологической устойчивости спортсменов, в матчах на выезде избирал порочную, оборонительную, не отражающую современных тенденций развития мирового футбола тактику, обрекавшую команду на пассивную игру, лишавшую футболистов возможности полностью раскрыть свои способности, отдававшую инициативу сопернику. Главный тренер сборных команд страны Н. Симонян не проявил должной ответственности при решении вопросов комплектования и подготовки сборных команд.

Коллегия отметила, что недостаточная личная ответственность тренеров и ряда игроков за исход матчей является прямым следствием низкого уровня идейно-воспитательной работы.

Спорткомитет СССР признал выступление сборной команды СССР по футболу в отборочном турнире чемпионата Европы неудовлетворительным.

За допущенные серьёзные просчёты В. Лобановскому и Н. Симоняну объявлен выговор. Признано нецелесообразным использовать их в дальнейшем в качестве тренеров сборных команд страны.

Главной задачей футбольного сезона 1984 года Спорткомитет СССР считает успешное выступление сборной команды СССР на олимпийском турнире.

Коллегия Спорткомитета СССР рассматривала вопрос об итогах футбольного сезона 1983 года с учётом мнений и пожеланий трудящихся, изложенных ими в письмах, направленных в адрес Спорткомитета СССР, газеты «Советский спорт» и других изданий».

Накануне заседания коллегии, 14 декабря 1983 года, «Советский спорт» выделил для подборки выжимок из писем — редкий случай! — сразу два подвала. «Тренерская мысль позавчерашнего дня...», «так называемая “выездная модель”...», «расплата за примитивную тактику...».

За тридцать один год существования сборной СССР в ней произошла тридцать первая смена тренера (некоторые специалисты приходили в неё по три-четыре раза). Поразительный факт, особенно если сравнивать с

одной из самых сильных европейских футбольных стран — Германией: там за это же время проработали лишь три тренера.

«Выговор, — рассуждал Лобановский в книге «Бесконечный матч», — дело понятное: заслужили — получили. Но за явное обвинение в профессиональной непригодности ни перед Никитой Павловичем, ни передо мной не извинились даже тогда, когда приглашали возглавить сборную за три недели до её отлёта в Мексику. Более того, формулировка осталась, постановление не аннулировано. Так мы, которых “нецелесообразно использовать”, и работаем в сборной... фактически вопреки постановлению высшей нашей спортивной организации».

Когда их беспардонно «разжаловали», Симонян попросил, чтобы его одновременно освободили и от работы в Управлении футбола Спорткомитета. «Мы, — говорит он, — могли открыто и честно смотреть с Лобановским в глаза друг другу. Нам не в чем было друг друга упрекнуть. Но в футболе часто всем распоряжается судьба».

«Уничижительную характеристику тренеру, — отмечал 11 апреля 2000 года в еженедельнике «Спорт-экспресс футбол» историк спорта Аксель Вартанян, — дали люди, поставившие его во главе сборной. Неужели не ведали они тогда о методах работы Лобановского? Кому-то его принципы могут нравиться, кому-то нет, а некоторые достойны и осуждения (речь о прежнем, советском Лобановском). Но говорить о профессиональной непригодности действительно выдающегося тренера с мировым именем — это уже слишком. Приведённый документ позволяет усомниться в профессиональной состоятельности людей, его составивших».

В защиту Лобановского, Симоняна и всего тренерского штаба на заседании коллегии Спорткомитета выступил — и довольно резко — начальник Управления футбола Вячеслав Колосков. Его поддержал только Валентин Сыч. Колосков пытался объяснить Грамову и его заместителю Сысоеву, что Лобановский и его помощники создали вполне боеспособную команду, которая проиграла в Лиссабоне только из-за грубейшей и умышленной ошибки судьи. Но услышан не был. Да и не мог быть услышан, поскольку всё давно было predetermined. Выступление в защиту Лобановского стало началом серьёзного конфликта Колоскова с Грамовым и постепенного «выдавливания» Сыча из Спорткомитета.

Год киевское «Динамо» оставалось без Лобановского. Год, отмеченный снижением уровня игры, попытками кардинального изменения боеспособного ещё состава, седьмым местом в чемпионате. Со стороны многим казалось, что в Киеве действует чётко отлаженная, заведённая ещё Лобановским футбольная машина, все механизмы которой работают

исправно, и необходимо лишь время от времени проверять их, смазывать, что-то подтягивать, что-то заменять. На деле же обнаружилось, что всё обстояло далеко не так. Привыкшие к непреклонной воле Лобановского, к его исключительной требовательности и сверхсерьёзному отношению к делу и почувствовавшие малейшую слабину люди, причастные к киевскому «Динамо», включая, разумеется, и футболистов, стали сбиваться с ритма.

Теперь в Киев вновь пришёл Лобановский. Случилось это сразу же после проигрыша сборной в Лиссабоне. Приняли его в Киеве хорошо. С Морозовым, приступившим к переформированию команды, намерены были распрощаться. Лобановский предложил ему остаться в роли помощника. Морозов отказался, и Валерий Васильевич его понял. «Стремление к самостоятельной работе, — сказал он, — особенно если привык только к ней, всегда похвально».

Вернувшись в Киев из сборной, Лобановский продолжил начатый Морозовым процесс основательной смены поколений, совершенно сознательно «пропустил», можно сказать, чемпионат 1984 года, в котором команда заняла десятое (!) место. Но при Морозове в 83-м и при Лобановском в 84-м (и в начале 85-го) появились футболисты, о которых спустя короткое время заговорили не только в Советском Союзе, но и в Европе: Михайличенко, Яковенко, Яремчук, Рац, Заваров, Кузнецов, Беланов, Евтушенко...

Десятое место в 1984 году чудесным образом трансформировалось в победы в чемпионате и Кубке СССР год спустя, в выигрыш Кубка кубков, в выдающуюся игру в составе сборной на чемпионате мира-86, выход в полуфинал Кубка чемпионов в 1987-м и звёздный час на чемпионате Европы-88, когда футбольные специалисты разных стран называли команду Лобановского играющей в футбол XXI века.

Домой в 1983 году Лобановский вернулся с твёрдо принятым решением до конца дней своих работать только в клубе. Но перед Мексикой не выдержал...

Глава 11

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КИЕВ-2

Считается, что после возвращения из московской командировки Лобановский «решил наплевать на следующий сезон и ухлопал его на строительство новой команды». Никто, дескать, не одёргивал тренера, не давил на него.

Это не так.

Киев не тот город, в котором могли позволить — даже Лобановскому! — наплевать на новый сезон. Тем более что его в какой-то степени считали виновником неудач сезона-83: уехал в Москву, оставил тренера, который не справился с командой, так что давай теперь исправляй — так фактически встретили Лобановского в столице Украины.

Лобановский допускал, но только для себя или же в частных разговорах с близкими ему людьми, что в процессе обновления состава на год-другой можно сделать и шаг назад в турнирной таблице. Но в беседах с футболистами — один на один или же на общих собраниях — задача, как бы трудно ни шло обновление, ставилась предельно простая: победа в турнире.

Сезон же 1984 года, результат в котором был ещё хуже, чем год назад, вообще мог стать для Лобановского последним, если бы не Щербицкий. Начальство потребовало изменений в тренерском штабе. Михаил Фоменко, один из тогдашних ассистентов Лобановского, вспоминает, что наверху «покушались на Пузача, но его Лобановский не хотел терять ни при каких обстоятельствах. Тогда мы сели за стол, посоветовались и решили, что мой уход в черниговскую “Десну” устроит всех».

Для того чтобы, как говорят в футбольном мире, «попасть в Европу», нужно что-то выиграть дома: или занять призовое место, или победить в Кубке.

Сезон-84 киевское «Динамо» закончило, заняв десятое место, и Лобановский был близок к тому, чтобы на себе испытать последствия обычных в таких ситуациях оргвыводов. Во всяком случае, он знал, что за его спиной шли переговоры с кандидатами на пост старшего тренера «Динамо». Но руководители, ответственные за состояние футбольных дел, сумели разобраться в реальных и объективных условиях, сложившихся в

меняющей состав команде, и прислушались к мнению коллектива, выразившего пожелание продолжать работу с прежним тренером.

В команде по инициативе Лобановского состоялось очень важное и принципиальное собрание, на котором футболисты и тренер отошли от привычных при неудачах взаимных упреков и обсудили лишь один вопрос: «Хотим ли мы — и можем ли — работать на новом, более высоком качественном уровне?» Лобановский волновался перед тем собранием, как перед сверхважной игрой.

«Внешне, — делился он своими ощущениями, — это, безусловно, было незаметно — я давно, в молодые ещё годы, приучил себя к тому, чтобы не показывать своё душевное состояние, но готов был к любому исходу разговора.

Страсти подогревались и тем обстоятельством, что вокруг команды образовалась плотная пелена слухов, сеявших сомнения относительно единства наших помыслов и целей и даже дискредитировавших тренеров и ряд игроков. Удивительное всё же дело (никак не могу к этому привыкнуть, хотя должен был давно понять неизбежность этого): в дни неудач те, кто считает себя самыми ярыми приверженцами команды, делают вид, что не замечают никого из нас. Это ладно бы. Но за кулисами они же развивают бурную антикомандную деятельность и — самое поразительное — радуются, когда команда проигрывает, предрекают ей с торжествующим видом провалы, а если их пророчество не сбывается, они опять рядом. Впрочем, цену таким людям мы — и тренеры, и футболисты — уже знаем и стараемся относиться к ним по мере возможности снисходительно. Тем более что не только с нами, как выясняется, это происходит. О подобных явлениях говорил, например, Бесков, такие же ситуации знакомы Иванову, Морозову, Ахалкаци, Садырину...»

На собрании том говорили мало, но по делу. Лобановский объяснил футболистам, что его вызывают к руководству и ему нужно знать их мнение о возможности дальнейшей совместной работы. «Буду прям с вами, — сказал он. — Если решите работать со мной и руководство согласится с вашим мнением, мои требования не изменятся ни малейшим образом, принципы останутся теми же. В перспективу команды я верю». Игроки сказали, что о расставании не может быть и речи, они готовы активно участвовать в деле создания практически новой команды и вместе бороться за самые высокие результаты.

От «поставить задачу» до «выполнить» — дистанция солидная. Динамовский состав значительно видоизменился. Имена Кузнецова, Раца, Яковенко, Яремчука знакомы были многим, но не как основных игроков

киевского «Динамо». Теперь же они оказались на первых ролях, как и Беланов, приглашённый из одесского «Черноморца», — единственное приобретение клуба перед новым сезоном.

Из тактических соображений в различных интервью Лобановский сетовал на молодость и необстрелянность многих футболистов реконструированного состава, но сам при этом уже понимал: с этой командой можно делать серьёзные дела. Порукой тому было желание футболистов тренироваться не щадя себя по предложенной программе и играть, руководствуясь принципами современного футбола. У них горели глаза, когда они выходили на поле или тренировочную площадку — в грязь, дождь, снег, они ворчали потихоньку про себя, но не жаловались на усталость. Ни на Кавказе, ни в ФРГ, где динамовцы проводили подготовку к сезону.

В 1984 году, когда киевляне выступили в чемпионате СССР крайне неудачно, катастрофы, на взгляд Лобановского, не произошло: «Безусловно, поклонники нашей команды были в состоянии шока, а нам приходилось в конце сезона бледнеть и краснеть, встречаясь с любителями футбола. Но это была неудача, а не катастрофа. Подобный спад можно найти в биографии любого самого именитого — более именитого, чем наш, — клуба. Другое дело, что нам никак не удаётся пока найти такого сочетания оптимального режима подготовки с моральным состоянием команды, чтобы играть на высоком уровне не двухгодичными сериями (1974—1975, 1980—1981, 1985—1986), а более стабильно. Довольно сложно остаться мужественным при проигрыше и, наоборот, не слишком благодушествовать после победы, видеть то, что получилось не совсем удачно».

Спады в игре лишь на первый взгляд внезапны, на самом же деле в них нет ничего необъяснимого. Причины неудач всегда конкретны, реальны, их можно определить. И это необходимо сделать, поскольку, разобравшись в конкретных обстоятельствах, дело можно поправить. Говоря об объективных причинах неудач киевского «Динамо» в 1984 году, Лобановский прежде всего отмечал долгое отсутствие из-за травм большого числа ведущих игроков. Это, в свою очередь, делало болезненной естественную смену поколений.

С лёгкой руки некоторых журналистов ссылки на травмы признаются несостоятельными. Познавшие тренерскую долю согласиться с этим не могут. Наверное, и газете не очень приятно, когда из-за болезни её ведущего обозревателя на полосе появляется комментарий стажёра, ничего не дающий ни уму, ни сердцу, тогда как материал журналиста с именем прочитывается полностью и заставляет задуматься.

В футболе всё нагляднее. Не вышли на поле два-три закопёрщика, определяющих игровой тонус, задающих ритм игры всей команды, диктующих ход событий на поле, — и игра становится далёкой от задуманного.

В отсутствие опытных футболистов игра «Динамо» была подвержена резким перепадам. За более чем уверенной победой над ереванским «Араратом», например, могла последовать невыразительная игра на своём поле с тбилисскими одноклубниками. И такое на протяжении чемпионата случалось не раз.

«Так уж получилось, — говорил мне Лобановский в 1988 году, — что в сезоне, особенно во втором круге, у нас на поле выходило едва ли не полкоманды молодёжи. Огрехи в её игре вполне закономерны, они — от неопытности, от боязни допустить ошибку, потерять мяч, испортить игру. Но нет худа без добра. Неприятная для нас ситуация в 1984 году стала прологом к тому, что удалось сделать год и два спустя...

Большинство игроков старшего поколения либо вообще надолго вышли из строя, либо растеряли привычные качества и потому не сумели повести молодёжь за собой. Бессонов был болен в сезоне 1984 года 64 дня, Журавлёв — 61, Заваров — 50, Буряк — 43, а набравший было силу молодой Яковенко — 94. Некоторые же игроки, которых травмы миновали, — Лозинский, Хлус и другие, — просто снизили свой игровой уровень».

Лобановский всегда говорил, что базовая тактика киевского «Динамо» была, есть и будет одной: искать победу у ворот соперника. Но одно дело давать тактические установки на игру и совсем другое — выполнять их в процессе самой игры. Тренеры на протяжении сезона вели скрупулёзные стенограммы всех матчей, а затем внимательнейшим образом их анализировали. Главный вывод: коллективная надёжность игры команды в целом была на должном уровне, а вот индивидуальная у большинства игроков оставляла желать лучшего.

Вот и получалось, что, создавая в большинстве матчей достаточное количество голевых ситуаций, динамовцы не могли ими воспользоваться. Преодолеть же разрыв между коллективной надёжностью команды в целом и недостаточной надёжностью отдельных исполнителей, как правило, не удавалось.

К финальному матчу за Кубок СССР 23 июня 1985 года с донецким «Шахтёром» в «Лужниках» киевляне подошли в роли лидера чемпионата. Соперники находились на одиннадцатом месте. Но цифры в данном случае ни на что не влияли. Как известно, аутсайдеров в кубковых матчах не бывает. Более того, «Шахтёр» для «Динамо» — одна из самых «неудобных»

команд в последнее время.

Динамо́вцы выиграли 2:1.

Лобановский говорил об этом матче как об одном из самых важных в его тренерской карьере. Строилась новая команда. Необходимо было для неё что-то выиграть: «Динамо» оставалось без титулов с 1982 года, когда становилось серебряным призёром чемпионата и победителем Кубка. И именно с этого финального матча с «Шахтёром» для киевлян начался второй поход за Кубком кубков. Первый был в 1975 году, и с той поры в команде остались лишь Олег Блохин — на поле и Владимир Веремеев — в должности начальника команды.

...В футболе разведка крайне необходима, об этом говорилось не раз. Чем больше детальной информации, тем лучше.

Тренеры перед матчами обычно не встречаются, не принято. Нол де Руйтер из «Утрехта» и Лобановский нарушили это правило. Они беседовали, когда Лобановский ездил в Утрехт, и в Киеве, куда голландский тренер приезжал на календарный матч «Динамо» с «Шахтёром» в чемпионате страны. В подобных разговорах Лобановский не ставил перед собой цель выведать что-либо о команде — это бесполезно. «Мы, — рассказывал он, — обсуждали организацию и постановку дела в наших клубах, чтобы всё полезное использовать потом у себя в команде в силу конечно же своих возможностей. После игры с «Шахтёром» голландец был доволен и не скрывал этого. Ему понравилось, что ничего особенного в той встрече мы из себя не представляли. Действительно, матч получился натужным, хорошо, что взяли два очка, могло быть и хуже».

Как вести себя команде на «смотре́нах»? С одной стороны, хочется ошарашить наблюдающих, чтобы боялись. С другой — есть смысл замаскировать истинные возможности. «Без нашего на то желания, — говорил Лобановский, — у нас получился второй вариант».

В Утрехте на стадионе «Ниув Галгенваард» в матче первого раунда Кубка обладателей кубков 18 сентября 1985 года голландцы всё сделали для того, чтобы не дать киевлянам сыграть так, как они могут. Даже на основании просмотра невыразительного матча с «Шахтёром» Нол де Руйтер понял, что все динамовские атакующие варианты разрабатываются в глубине поля и координатором наступлений является Заваров. «Утрехт» приготовил гостям прессинг на трёх четвертях поля с быстрым отходом назад почти всех игроков и скоростными атаками: состояние голландцев на тот момент позволяло им заниматься таким требующим больших затрат делом.

«Своими ощущениями, — говорил Лобановский, — я никогда ни с кем

не делюсь. Пока хранишь их в себе — они сильны, стоит обсудить с кем-нибудь — расхолодишь и себя и собеседника».

В Утрехте даже при счёте 0:2 Лобановский сохранял полную уверенность: в Киеве голландцев мы обыграем с таким счётом, с каким нужно. Когда же Демьяненко за семь минут до конца встречи забил гол, который затем назвали «голом надежды», уверенность тренера окрепла. Было хорошо видно, что на перегруппировку сил в обороне при смене киевлянами направлений атак футболисты «Утрехта» затрачивают слишком много времени. Это непозволительная для современного футбола роскошь, подобной слабостью грешно не воспользоваться. Тем более что, разбирая матч сообща, в «Динамо» пришли к выводу: логическая связь между содержанием игры и её исходом отсутствовала.

А на 8-й минуте ответного матча в Киеве общий счёт стал 3:1 в пользу «Утрехта»... Гол Крюйса заставил на какое-то время смолкнуть стотысячные трибуны, но не вызвал ни малейших проявлений нервозности у киевской команды. Пожалуй, на скамейке тренеры переживали больше, чем футболисты на поле. «Когда я смотрел видеофильм о Пеле, — говорил Лобановский, — то обратил внимание, как невозмутимо бразильцы доставили мяч к центру поля после того, как шведы открыли счёт в финальном матче чемпионата мира 1958 года. Сравнение уровней матчей, конечно, неправомерно, но реакция на пропущенный гол была аналогичной. Мне показалось даже, что наши игроки, находившиеся в “эпицентре” гола, весело переговаривались и улыбались, доставая мяч из сетки. Уж как ни зол я был на них тогда, а отметил про себя: это — проявление уверенности и класса».

Полное удовлетворение от матча остаётся только тогда, когда достигнут результат и осуществлено задуманное. Матч с «Утрехтом» в Киеве запомнился именно по этой причине. Четыре забитых мяча не были пределом для динамовцев, после четвёртого они искусственно притормозили, и их можно было понять: дело сделано. Максимальное внимание обороне, спокойная игра в середине и впереди.

Лобановского обрадовало, что когда в концовке матча голландцы попытались изменить результат, динамовцы мгновенно поставили их на место и вернули предложенный с самого начала темп. После чего «Утрехт» стал попросту доигрывать матч.

Неправильно было бы утверждать, будто уже тогда киевляне поняли, на что они способны в этом розыгрыше. Нет, предстоял ещё один раунд в 1985 году, продолжалась упорная борьба за чемпионский титул, а после отпуска — начало следующего сезона — сезона чемпионата мира. И тем не

менее Лобановский утверждал:

«2 октября в Киеве мы получили огромный заряд уверенности в том, что преодолели основательную часть пути в строительстве новой команды, “команды для Европы”.

Вслух об этом никто не говорил. Более того, когда друзья пытались в частных беседах петь команде дифирамбы, я моментально обрывал их: выигран рядовой матч, обыгран один из пяти соперников, которых необходимо обыграть, чтобы вновь привезти Кубок кубков. Что такое один из пяти? Всего лишь одна пятая».

Какими сведениями о следующем сопернике — «Университате» из Румынии — располагали в Киеве? Из статистических, которые Лобановский называл вспомогательными, явствовало, что трижды команда выигрывала чемпионат страны, несколько футболистов входят в сборную, осенью 1977 года клуб переиграл в Кубке кубков московских динамовцев. Капитан «Университати» и сборной Румынии Штефэнеску заметил после жеребьёвки: «Победив киевское “Динамо”, мы можем твёрдо рассчитывать на повторение нашего лучшего результата в европейских турнирах — выход в полуфинал, а может быть, замахнёмся и на большее».

Динамо́вцы располагали видеозаписью ответного матча румын с «Монако», в котором обладатель Кубка Франции был убедительно переигран с нужным для «Университати» счётом 3:0. Поскольку первую встречу киевлянам предстояло проводить в гостях, на этот матч они и ориентировались в своей подготовке.

К тому времени, за несколько туров до финиша чемпионата страны, киевскому «Динамо» удалась игра в Москве со «Спартакoм», игра принципиальная всегда, а в данном случае, как говорят, — «за четыре очка»: спартаковцы, как и киевляне, входили в лидирующую группу. Хорошему настроению динамовцев способствовал не только результат, позволивший им оторваться в таблице от конкурентов (от «Спартакa» на пять очков, от «Днепра» — на шесть), но и то, что они сохранили уровень игры, показанный дома с «Утрехтом», а тот матч с голландцами Лобановский считал лучшим в сезоне.

«Румыны, — рассказывал Лобановский, — наблюдали нашу игру со «Спартакoм» и всё, казалось, предусмотрели для нейтрализации Заварова. Как только Заваров овладевал мячом, перед ним сразу же вырастали как минимум два футболиста “Университета”. Эта разумная, надо отметить, мера была неожиданной для Заварова, в первый момент не сумевшего поменять манеру. Не прошло и четверти часа, как Заваров, получив мяч возле своей штрафной площади, привычно двинулся вперёд и уткнулся в

двух соперников. К потере мяча не были готовы ни наш хавбек, ни его партнёры, и Быку открыл счёт.

Для Заварова, равно как и для всей команды, гол этот стал досадным, но раззадорившим уколom. Не прошло и десяти минут, в течение которых была устроена самая настоящая карусель на половине поля соперника, как Заваров забил два ответных мяча — один лучше другого — после атакующих операций, в которых со сменой направлений участвовали по пять-шесть человек. В этот отрезок времени мог забить и Евтушенко, а сразу же при счёте 2:1 и Блохин.

В завязавшейся затем на встречных курсах игре атаки обоих соперников пресекались загодя, и у меня нет оснований упрекать ребят за то, что примерно с середины второго тайма они начали потихоньку замедлять темп. Это в наших правилах — рациональное использование и контролирование сложившейся ситуации. Закономерность счёта поставил под сомнение болгарский арбитр Жежов, назначивший пенальти за восемь минут до конца встречи, в момент, когда наказанию должен был подвергнуться соперник. Со штрафного последовала рядовая передача в район вратарской площади, Балтача выпрыгнул выше всех и отбил мяч. Когда он приземлялся, в него врезался не успевший на передачу румынский игрок. Бывают сложности при определении пенальти, но проще этого эпизода и представить себе что-либо трудно».

Тем не менее счёт сравнялся, хозяева поля воспрянули духом, но не тут-то было. Концовку матча динамовцы провели, словно демонстрируя, как они будут играть через две недели в Киеве: четыре подряд острейшие атаки, на заключительной стадии которых блестяще играл румынский вратарь Лун г.

И продолжение последовало. На переполненном стадионе в Киеве 8 ноября уже к 13-й минуте счёт после ударов Раца, Беланова и Демьяненко был 3:0. За весь матч киевский вратарь Михайлов лишь дважды вступал в борьбу и оказался единственным, не побывавшим в штрафной площади «Университати».

После яростных атак, требовавших восстановления сил, киевляне переходили на так называемую «выездную модель», отдавали инициативу «Университате», встречали её футболистов на своей половине поля, пользовались скоростными контратаками, «отдыхали», а затем вновь принимались за массовую коллективную игру, в которой невозможно было определить, кто защитник, кто полузащитник, а кто нападающий. Свой гол левый защитник Демьяненко забил с позиции центрфорварда, а Блохина и Беланова не раз видели выполняющими подкат на подступах к своей

штрафной площадке.

Мирча Рэдулеску, тренер «Университати», поздравив киевскую команду в раздевалке, сказал примерно то же, что месяц назад Нол де Руйтер: «Свою команду, поверьте, я слабой не считаю. Но до того футбола, который мы увидели в исполнении “Динамо”, особенно в Киеве, нам расти и расти. Неплохо зная европейский клубный футбол, могу засвидетельствовать, что киевским игрокам вполне по силам выиграть Кубок, чего я и желаю им от души». Понятно, что эти добрые слова сказаны искренне, но в них есть и доля преувеличения, вызванного скорее всего желанием в некоторой степени реабилитировать себя: «Да, проиграли, но посмотрите кому!»

После «Университати» всё внимание киевские динамовцы сосредоточили на концовке чемпионата и выиграли его.

С десятого места в 1984-м «Динамо» шагнуло на первое в следующем году, да ещё с кубком в руках. Совсем неплохо! «Мы, — вспоминал Лобановский, — радовались, но радость была какой-то будничной, деловой. Это приятно, потому что победная эйфория никому ещё пользы не приносила, 1987 год это подтвердил.

Нас вполне устраивало отсутствие налёта сенсационности в анализе наших результатов: ничего особенного, дескать, не произошло, вот если бы какая-нибудь другая команда скакнула с десятого места на первое и победила в Кубке, тогда — невероятно, а к победам киевского “Динамо” все уже привыкли».

Победа в четвертьфинале Кубка кубков над венским «Рапидом» 4:1 в гостях — более чем достаточно. Поэтому перед ответным матчем Лобановский поставил такую задачу: обеспокоить результатом следующего соперника. Если не напугать, то хотя бы вызвать у него озабоченность.

Уже в первом тайме был повторен счёт венской встречи. Все проявили лучшие свои качества. Превосходства добились за счёт более чётких комбинационных действий, более высокой скорости, большей динамики, интенсивности и суммы технических умений.

После матча к Лобановскому подошёл тренер гостей Маркович. «Спросил, кого бы я выделил из его парней, — вспоминал Лобановский. — Я назвал Кранчара, Штадлера и Вилфурта. “А кого среди своих?” — “У нас не принято ни выделять, ни хаять”. — “Правильно, — сказал Маркович, — лучший игрок в киевском ‘Динамо’ — коллектив, командная игра. Вы играете в тяжёлый для соперника футбол, потому что играете просто. Правда, ещё до матча мы знали, что выходим на поле против будущего финалиста Кубка кубков”. При этом Маркович на всякий случай постучал

по деревянной спинке кресла в раздевалке.

Тренер “Рапида”, говоря о простоте, был прав, хотя простота эта кажущаяся — сыграть на опережение, дать и получить своевременный точный пас, своевременно и точно пробить по воротам... Просто? Куда уж проще! Но сколько же нужно работать всем коллективом для достижения такой простоты», — заключил Лобановский.

Принято считать, что каждый следующий соперник в европейском Кубке сильнее предыдущего. Лобановский придерживался этой точки зрения, соответствующей логике соревнований с двухраундовыми матчами, но признавался, что после «Рапида» не сомневался в участии «Динамо» в финале. Разумеется, о своих прогнозах не говорил никому, более того, запрещал дискутировать на эту тему в команде и принял меры, чтобы в расположение базы не попала ни одна газета с материалами о футболе. Соперники по полуфиналу — тренеры и футболисты пражской «Дуклы» — в интервью заранее «укладывали себя на лопатки», утверждая: «С такой командой, как киевское “Динамо” в его нынешнем состоянии, играть невозможно. Конечно, мы постараемся что-либо сделать, но уж очень ничтожны наши шансы».

«Я, — рассказывал Лобановский’ — прекрасно понимал тактическую уловку пражан и сам бы на их месте поступил точно так же. Сделав вид, что проиграли до игры (а газеты, надеялись они, будут прочитаны), они упорно продолжали работать, “забыв” или постаравшись забыть о наших 4:1 и 5:1 с “Рапидом”. Как мы узнали потом, видеозаписи этих матчей киевского “Динамо” футболистам “Дуклы” показаны не были, чтобы не подвергать испытанию морально-волевое состояние игроков.

Что собой представляет “Дукла”, мы знали. На ней обожглась сильная на тот момент лиссабонская “Бенфика” в четвертьфинале. Португальцы проиграли в гостях 0:1, а дома в присутствии 120 тысяч зрителей они уже в первом тайме забили два мяча, и вратарь “Бенфики” Бенту 45 минут оставался зрителем, которого абсолютно не касалось происходившее на поле. Стоило “Бенфике”, уверовавшей в своё превосходство, расслабиться, как Корейчик забил ответный гол. Это выглядело настолько невероятным, что до конца матча “Бенфика” так и не смогла собраться и при общем равенстве в счёте по сумме двух матчей вылетела из Кубка из-за гола, пропущенного на своём поле.

Расслабить соперника и нанести ему укол тогда, когда он этого не ожидает, — коронный номер пражан. Вот почему в перерыве первого нашего матча с ними в Киеве при счёте 3:0 я подходил в раздевалке к каждому игроку, наклонялся над ним и говорил, чтобы слышал только он,

одно и то же: “Счёт 0:0. Ничего не меняем в тактических построениях. Счёт 0:0. Внимание и ещё раз внимание! Ни в коем случае не пропустить. По-прежнему чередуем прессинг, взрывы с паузами, спокойной игрой”». Перед тем как команда пошла на второй тайм, я ещё раз сказал это всем.

Верность выбранного нами образа игры была подтверждена и во втором тайме: хотя нам и не удалось забить ещё несколько мячей, но в определённые моменты соперник не в состоянии был выбраться из-под командного прессинга — действия очень сложного, в нём ни один не должен “сачковать”, иначе всё становится бессмысленным. Когда же мы брали паузы, соперник с трудом приходил в себя. Но, не давая ему полностью отдышаться, команда вновь приступала к активным действиям. Матч с “Дуклой” в Киеве — образец ведения аритмичной игры».

Два гола Блохина, один Заварова принесли победу, которая по стандарту европейских клубов расценивается как гарантия успеха по сумме двух матчей. Мячей забитых могло быть и больше, и Лобановский, поздравив ребят, застыл в центре раздевалки, слушая, как они оживлённо обсуждают неиспользованные моменты. «Эй, компания! — воскликнул со своего места Демьяненко. — Давайте-ка лучше вспомним ситуации, когда Визек и шестой номер, Пелц, чуть не испортили нам настроение в конце. Помните, когда Витёк (Чанов) спас, а потом Серёга (Балтача)? Чехи не успокоились, поверьте мне, биться будут до конца». Демьяненко говорил редко, но всегда точно, ему никто не возразил, все, похоже, были согласны с резюме капитана.

Залихватских настроений в команде не было. Она почувствовала вкус побед, и свернуть её с этого пути было невозможно.

«Меня, — говорил Лобановский, — радовало, что в высоком игровом тоне находились не только молодые игроки, для которых весомые успехи в новинку, они как бы оглядываются ещё, озираются и не верят собственному счастью, но и футболисты опытные, среди которых выделялся переживавший, чуть было не сказал по привычке “вторую молодость”, нет, точнее будет — очередную молодость, Олег Блохин. Он работал наравне со всеми, на поле трудился — лучшего примера не надо, забивал, его вернули в сборную, в команде как к футболисту к нему относились с уважением. Соперники — боялись. И не потому, что он 11 лет назад получил “Золотой мяч”, а потому что и сейчас, в 34 года, был полон сил, горазд на выдумку и не выпадал из коллективной игры ни на миг».

В Праге особых сложностей у «Динамо» не возникло. Обменялись голами во втором тайме и вечером в гостинице с нетерпением ждали телевизионного сообщения о том, кто же достанется нам в финале (который

должен был состояться во Франции, в Лионе) — мадридский «Атлетико» или западногерманский «Байер».

Лобановский начал жить финалом с того самого момента, когда 16 апреля по чехословацкому телевидению сообщили, что соперником киевского «Динамо» стал мадридский «Атлетико», а затем и показали, как он этого добился в ответной встрече с «Байером» на поле соперника. Дома испанцы победили 1:0, и их шансы оценивались невысоко. Тем не менее уже в первом тайме они забили два мяча. Общий счёт 3:2 в их пользу. Луис Арагонес, тренировавший тогда «Атлетико», в телевизионном интервью сказал, что ещё с прошлого года не сомневался в выходе киевского «Динамо» в финал, а в успехе своей команды до поездки в ФРГ уверен не был. «Испанские команды попали в финал трёх европейских турниров, — отметил тогда Арагонес, — и нам было бы неприятно выступить хуже “Барселоны” и “Реала”».

«Несколько обстоятельств, — говорил Лобановский, — беспокоили меня, когда в ночь с 28 на 29 апреля мы поездом ехали в Москву, чтобы оттуда самолётом отправиться во Францию. Я практически не сомкнул глаз. Счастливый человек Ваня Яремчук, у него словно нет нервов. Войдя в вагон и поставив сумку, он сказал, ни к кому не обращаясь, а так, вообще: “Какая разница кого обыгрывать? Мадрид так Мадрид...” Потом добавил, выглянув на перрон: “Ох и толпа здесь соберётся 5-го утром!” Ивану действительно всё равно, против кого играть, будь то “Нива” (Винница) или московский “Спартак”, сборная Аргентины или “Атлетико”, пусть даже сборная Марса...

Я был далёк от оптимизма Яремчука из-за ряда, как уже говорил, обстоятельств.

16 апреля мы сыграли в Праге, а затем на десять дней ведущие игроки исчезли из нашего поля зрения. Сначала они поехали в Симферополь, тренировались в сборной, играли против сборной Крымской области, затем отправились в Румынию, на товарищеский матч с национальной командой этой страны (23 апреля), к нам попали 25 апреля, за два дня до важного календарного поединка со “Спартаком” в Киеве».

Заваров получил травму в Симферополе; к счастью, она оказалась лёгкой. Блохин же в своём сотом матче за сборную надорвал мышцу бедра. Травма для футболистов обычная, но для лечения требующая времени, которого, понятно, не было. Неделей здесь не отделаться. За Блохина в Киеве взялись оба динамовских доктора — Владимир Игоревич Малюта и Виктор Иванович Берковский. Дважды в день они информировали Лобановского. Ничего утешительного сообщить до отъезда не могли.

Блохин не тренировался. Травму он получил на ровном месте, соперники в этот момент не атаковали. Такое бывает. В данном случае причина однозначна: перенапряжение мышцы — сказались многочисленные матчи за клуб и сборную в марте и апреле, в общей сложности 15 игр менее чем за два месяца, отсутствие необходимого для восстановления времени.

Олег, конечно, поехал с командой на финал, выдержав интенсивный курс лечения, предложенный врачами, продолжал его и во Франции, Но даже в день игры, да что там в день, за несколько минут до матча Лобановский не знал, выйдет ли он на поле.

«Сам он, — рассказывал Лобановский, — страстно хотел играть во втором в своей жизни финале. Я был убеждён, что его выход на поле будет для нас дополнительным плюсом, медицина не говорила ни “да”, ни “нет”, оставляя всё на усмотрение игрока и тренера. Я прямо сказал Олегу, что очень рассчитываю на него, и мы условились принять окончательное решение после предматчевой разминки. Уславливаясь об этом, я уже не сомневался в том, что в протокол в стартовом составе надо вписывать Блохина: видел, что отступить он не собирается.

Я всегда наблюдаю за разминкой своей команды. В Киеве и Лужниках — из туннеля, ведущего на поле, в других городах — с бровки, стоя в определённой точке. На скамейку сажусь за несколько мгновений до начала матча, не говоря больше ни слова игрокам, — всё уже сказано в раздевалке. Я бы не стал называть это суеверием, это — своего рода традиция, установленный порядок действий перед матчем, неколебимый даже в мелочах, таких как определённое место в автобусе, как выход из автобуса последним, как молниеносный взгляд на трибуну (но это только в Киеве), на места, где сидят самые близкие мне люди — жена и верный помощник Ада и дочь Света.

Блохин подошёл к бровке и сказал, что всё в порядке, играть он может. Я кивнул в ответ и пошёл на скамейку, с которой трижды за матч вскакивал, приветствуя ребят, забивавших мячи в ворота Филлола, а потом, после финального сигнала австрийского арбитра Франца Верера как мальчишка помчался на поле поздравлять триумфаторов Кубка кубков, ловил себя на мысли, что несолидно, наверное, если смотреть со стороны, взрослому, довольно массивному человеку вот так вот мчаться чуть ли не вприпрыжку, но всё равно бежал — бог с ним, что там видно со стороны...

Давно заметил, что во всех финалах — любых турниров — не происходит так называемой разведки, когда соперники словно прощупывают друг друга, подавляют нервозность, входят в игру постепенно. Информация у тренеров имеется “от” и “до”, чрезмерное

волнение остаётся в раздевалках, а постепенный вход в игру грозит быстрыми неприятностями. Мы вынудили, как было справедливо отмечено в одном из отчётов о финале, сыграть соперника настолько плохо, насколько сильны были сами.

До матча возникали опасения, связанные с воздействием публики — треть её составляли прибывшие на игру сторонники “Атлетико”. Нам такая поддержка за рубежом и не снилась. Единственный выход заключался в следующем: на зрителя внимания не обращать, а игрой заставить болеть за себя остальные две трети, иначе говоря, около тридцати тысяч французов. Примерно с середины первого тайма французские любители футбола, которых не проведёшь, толк в игре они знают, откликнулись на нашу “просьбу”, удалось их очаровать, и на стадионе “Жерлан” загремело: “Киев! Ки-ев!”».

Ведущая сторона в матче к тому времени уже определилась — динамовцы не только забили мяч на 6-й минуте (это сделал Заваров, использовав отскок мяча от Филлола после удара Беланова), но и провели несколько серьёзнейших коллективных атак. Испанцы попытались перевернуть игру, захватить середину поля, на которой безраздельно царствовала четвёрка киевских хавбеков при поддержке Бессонова, Демьяненко и Кузнецова. Им не удалось сделать это ни в первом тайме, ни во втором. В первые минуты второго тайма они яростно набросились на ворота «Динамо», но все их поползновения осаждались грамотно выполнявшимся коллективным отбором, когда надо — прессингом и, самое главное, настойчивым продолжением активного поиска путей к воротам «Атлетико», в котором участвовали полевые игроки команды, составляя различные атакующие коалиции.

«Можно, — говорил Лобановский, — привести десятки восторженных отзывов об этом матче, опубликованных в зарубежной прессе и хранящихся в клубном архиве для истории. Но всё, что основывается на эмоциях, не может претендовать на серьёзный анализ, а только он помогает лучше понять игру, выявить её подводные рифы, дать объективную сбалансированную оценку».

Вот что писал на страницах еженедельника «Футбол-хоккей» дней десять спустя после встречи, когда страсти вокруг игры поулеглись, Никита Павлович Симонян (его отзыв высоко оценил Лобановский):

«Хочу поделиться одним наблюдением. Если в прошлые годы киевляне, добившись минимально выгодного для себя счёта, на этом успокаивались, то сейчас команда играет по-иному. Во всяком случае, внешне: продолжает развивать своё преимущество, наращивать скорость и

стремится забить столько, сколько получится. Шутка ли, из девяти проведённых в Кубке кубков матчей динамовцы шесть (!) выиграли с разницей в три и более мячей. Да у нас в чемпионатах за тридцать с лишним матчей обладатель приза “Крупный счёт” не всегда набирает столько побед.

Но, должен сказать, в прошлые годы команда довольствовалась минимальным не потому, что она этого хотела.

Просто в силу различных причин уровень её подготовленности не всегда соответствовал принципам, которые она проводит в жизнь на футбольном поле. А принципы эти всегда были направлены на одно — одержать победу в любом турнире. При этом команда стремилась к сбалансированным действиям в атаке и обороне, прекрасно понимая, что перекося в какую-либо из сторон ничего хорошего в современном футболе не приносит.

Сейчас команда играет так, что соперникам сложно к ней приспособиться. Кого, к примеру, следует нейтрализовать из тех, кто может забить гол? Вопрос не праздный, ибо только в нынешнем розыгрыше Кубка кубков у киевлян забивали восемь игроков: Блохин, Беланов и Заваров — по пять мячей, Евтушенко и Яремчук — по три, Демьяненко и Рац — по два, Яковенко — один. Опытный наш специалист Константин Иванович Бесков говорил мне: “Сегодня против киевского ‘Динамо’ играть сложно. Гораздо сложнее, чем раньше. Если вчера я знал, как строить игру против него, то сегодня эта команда демонстрирует острокомбинационную игру на высокой скорости, отменно функционально подготовлена, и приноровиться к ней трудно”».

Испанцы не были на «Жерлане» статистами. Но их удалось снять великолепной циркуляцией мяча — точной, синкопированной, ритмичной (один только второй гол чего стоит: «веер» слева направо в одно касание, играя с мадридцами в «кошки-мышки», развернули Рац, Беланов и Евтушенко, а заканчивал всё Блохин, перебросив мяч через Филлола, и Лобановский рассказывал, что тогда только окончательно поверил в победу), — но они предпринимали сверхусилия, чтобы выбраться из этой круговерти, надо отдать им должное, сражались до последних минут, и только в конце, между прочим, киевлянам удалось забить ещё два мяча.

Незадолго до перерыва они вынуждены были сделать перестановки в оборонительной линии, ничуть не повлиявшие, как показали события, на игру. Сергей Балтача, мужественный парень, порвал ахилловы сухожилия, с поля его унесли, позицию «либеро» занял Бессонов, а на фланге обороны стал действовать Баль. Ещё одну замену провели незадолго до конца

второго тайма. Захромал Заваров, вышел Евтушенко, убежавший, как лань, от всех защитников, переигравший вратаря и забивший последний гол.

«Коллективное осмысленное движение поставлено во главу угла в современном футболе, — говорил Лобановский. — Игровой прямоугольник стал таким же доступным, как баскетболистам — баскетбольная площадка. Футболистам, подготовленным, естественно, как подобает, не составляет труда промчаться 50-60 метров вперёд и столько же — назад. На поле не должно быть пассивных игроков. Общее движение. Ошибка должна быть моментально исправлена. Сегодняшний футболист не является одиноким солдатом, сражающимся в своём углу с противником. Он охватывает всё поле битвы, а на поле этом нет клочков, свободных от борьбы.

Средняя линия нашей команды в Лионе оказалась главной движущей силой, активно участвующей в созидательной и разрушительной игре. «Разрушение» ассоциируется с «отбойным молотком», сводящим на нет все попытки соперников ворваться в штрафную площадку. «Молоток» должен немедленно превращаться в «пружину», способную за считанные секунды распрямиться до противоположных ворот. Нет созидания и разрушения по отдельности. И когда я видел, как задуманная Томасом, да Сильвой и Кабрерой хитроумная атака срывалась благодаря коллективным усилиям не поймёшь кого — защитников или хавбеков, а то и Блохина с Белановым, а потом Демьяненко с Рацем, меняясь местами, мчались по левому флангу, а параллельно им справа на той же скорости шли Бессонов и Яремчук, а в центре запутывали манёврами соперников Заваров, Блохин и Беланов, я мысленно аплодировал команде, не зная даже, чем закончится этот эпизод. И таких эпизодов, часть из которых удалось реализовать, было много вечером 2 мая 1986 года, и телевидение многомиллионно тиражировало их по всему континенту».

Вечером 2 мая, принимая поздравления от официальных лиц из УЕФА и соперников, от работников советского посольства во Франции и лионцев, пришедших поздравить победителей руки и получить автограф на программке к матчу, поздравляя друг друга, киевские динамовцы не знали, конечно, что ровно через месяц в Мексике примерно в таком же составе они выйдут на поле стадиона в Ирапуато на матч со сборной Венгрии в программе чемпионата мира, а Лобановскому придётся готовить команду к этой игре.

Тридцать тысяч болельщиков «Атлетико» в Лионе перекричали, разумеется, дюжину сотрудников советских организаций, но потом, особенно после «веерного гола» в мадридские ворота, вошедшего во все, наверное, ролики забитых голов УЕФА, стали аплодировать киевскому «Динамо», и завершали победители финал под овации публики. Правда,

сразу после итогового свистка арбитра на стадионе на несколько мгновений воцарилась мёртвая тишина. «Своей замечательной игрой, — подметила испанская газета «Марка», — киевскому “Динамо” удалось превратить болельщиков “Атлетико” в своих восторженных почитателей. Киев, продемонстрировавший тотальный футбол, с феноменальными Заваровым, Яковенко, Бессоновым, Демьяненко и Блохиным в составе мог победить и со счётом 6:0».

Лобановский считал, что в команде, выигравшей Кубок кубков в 1975 году, «было больше ярких индивидуальностей», но у победителей финала-86 «есть все шансы выйти на более высокий уровень игры». Что они, собственно, и сделали — в том же 86-м в Мексике, где играли в составе сборной СССР, год спустя в Кубке европейских чемпионов, где по чистой случайности не попали в финал, и, конечно же, на чемпионате Европы-88 в ФРГ.

В Лион киевляне отправились на «чернобыльском фоне», толком ничего об аварии даже не зная. 27 апреля, на следующий день после случившегося взрыва четвёртого энергоблока на АЭС, сыграли в Киеве со «Спартак»». После матча Лобановский отвёз команду в Конча-Заспу — на восстановительные процедуры, нельзя было перед финалом еврокубка терять время. Евтушенко слышал, как в автобусе Лобановский говорил Пузачу о том, что на атомной станции что-то произошло. Вечером 28-го динамовцы поездом выехали в Москву, 29-го и 30-го жили и тренировались на динамовской базе в подмосковном Новогорске, а затем вылетели во Францию.

Лобановский о катастрофе знал, но об истинных её масштабах не ведал. Киевский тележурналист Валентин Щербачёв, которому в Париже собкор Гостелерадио Олег Максименко рассказал подробности, почерпнутые из французских газет, сообщил об этом Лобановскому и предложил рассказать обо всём футболистам. Лобановский, поняв масштабы аварии и непредсказуемые её последствия, назвал тем не менее газетные публикации «пропагандой» и запретил информировать футболистов. Они, впрочем, и без того понимали, что что-то не так, что дома произошло что-то серьёзное, потому что во всех вопросах, во всех телепередачах звучало одно слово — «Чернобыль». На установке на матч, как рассказывал Демьяненко, Лобановский, видя состояние игроков, сказал: «Ребята, у нас такая трагедия, поэтому мы просто обязаны выиграть, чтобы в такое время дать нашим людям повод и для радости. Прошу вас на полтора часа отогнать тяжёлые мысли и чувства и полностью сконцентрироваться на игре».

Вернувшись домой, футболисты стали спешно отправлять родных и близких кто куда мог. Первые попытки обезопасить их они предприняли ещё из Франции — по телефону. Ребятам помогал администратор «Динамо» Александр Чубаров, во Францию не полетевший и вернувшийся после того, как проводил команду в аэропорту Шереметьево, в Киев.

Команду после выигрыша Кубка кубков никто в московском аэропорту, кроме администратора сборной СССР Бориса Кулачко, не встречал. Борис поздравил старых знакомцев с победой, посадил киевских сборников в микроавтобус и отвёз их в Новогорск — там всю шла подготовка к чемпионату мира в Мексике.

Глава 12

ВНЕЗАПНАЯ ЗАМЕНА

«Что труднее: оценивать событие сразу после того, как оно произошло, по горячим следам, или же спустя время, когда поулеглись страсти? — задавал вопрос Лобановский. И отвечал: — Не берусь судить, для каждого человека по-своему. Главное, чтобы ни в том, ни в другом случае не было скоропалительных оценок, не подкреплённых достоверной информацией».

На время чемпионата мира 1986 года Лобановский, как он сам говорил, предполагал быть в числе миллионов телезрителей или же (всё зависело от календаря всесоюзного чемпионата) съездить в Мексику в специализированной группе советских тренеров, которые всегда присутствуют на крупнейших футбольных турнирах.

Думать обо всём этом ему было недосуг. Клубные заботы вытеснили все остальные. «Помимо того чтобы добиться достойного для нашего футбола результата в Кубке кубков, — говорил Лобановский, — мы преследовали в этом соревновании ещё одну, очень важную, на наш взгляд, цель — наиграть для сборной СССР не только отдельных футболистов, но и целые блоки команды, поскольку в кандидатах в сборную ходили многие киевляне. Забота, чтобы достигнутая ими достаточно высокая форма сохранилась, была одной из первейших».

Лобановский видел, что игроки его команды весьма ответственно относились к тому факту, что через короткий отрезок времени им предстояло защищать честь советского футбола в Мексике, постоянно говорили о чемпионате мира, старались готовиться как можно лучше. Такое отношение игроков к делу радовало тренера, ибо свидетельствовало прежде всего о профессиональном мышлении, стремлении заглянуть в завтрашний день и всё сделать для того, чтобы не омрачить настроение ни себе, ни людям, с нетерпением ждавшим первенства мира.

Одно лишь вызывало озабоченность Лобановского: неудачи на протяжении полугода в товарищеских матчах сборной, которую возглавлял Эдуард Малофеев. Это угнетало футболистов. Причины проигрышей испанцам, мексиканцам, англичанам и румынам, а также ничьей с финнами на своём поле назвать он, разумеется, не мог. Для того чтобы высказать даже своё собственное, субъективное мнение, нужно иметь полную

информацию, а её у Лобановского не было. Он рассказывал, что даже не пытался её получить, потому что было бы это некорректно с его стороны. Да, выполнялась какая-то определённая программа, сборная по ней работала, была какая-то идея, тренеры знали, чего хотели.

«С чем я не согласен, но это моя точка зрения, — говорил Лобановский, — так это с тем, что к контрольным играм можно относиться безразлично. Товарищеские игры — не официальные, это совершенно ясно, и их нельзя сравнивать. Но дело в том, что в контрольных играх закладывается, если есть результат, база уверенности. Каждая из команд, готовившихся к чемпионату мира, в каждой игре боролась за результат, прежде всего потому, что если не будет результата (а ко всему прочему существуют и проблемы в организации игры), то футболисты потеряют уверенность, они не будут верить в то, что могут добиться этого результата. К контрольным играм следует относиться не так, как, повторяю, к официальным, но в них принято добиваться результата и стремиться показать все свои лучшие стороны по состоянию на тот день, когда эта игра происходит».

Часто звучал тогда вопрос: а не форсировала ли подготовку киевская команда «Динамо», выступая в Кубке кубков? Вопрос естественный. Июнь, мексиканский июнь, должен был стать определяющим для сборной месяцем. Именно тогда игроки обязаны были быть в лучшем своём состоянии. Но дело в том, что в январе и феврале 1986 года футболисты сборной в клубах своих не находились, работали с ними по специальной программе, той, которую имела сборная. Тренеры же клубных команд получали игроков в своё распоряжение непосредственно накануне матчей.

Конкретный пример: 27 февраля 1986 года киевские игроки сборной прилетели из Мексики, 28 февраля они перелетели в Тбилиси, уже на следующий день играли первый матч чемпионата страны, а 5 марта встречались в Вене с «Рapidом». «Мы, — вспоминал Лобановский, — имели пять-шесть дней для подготовки к этой игре. Основная же подготовка (в январе—феврале, естественно, закладывался фундамент) велась в сборной. Поэтому о форсировании и речи быть не может».

Говорили и о том, что, дескать, киевлянам не удалось удержаться на пике формы. Это предположение также несколько неверно. Данные, которыми киевские тренеры располагали, свидетельствовали о том, что даже при отличной игре в Кубке кубков вывести игроков на уровень модельных показателей всё-таки не удалось. И в момент финала Кубка кубков большинство динамовских футболистов были далеки ещё от своего уровня. Поэтому впечатление, что киевляне были на пике формы, но не

удержали его, — глубоко субъективное, вызванное только показанным командой результатом. Объективные же данные говорят о том, что была возможность выйти на более высокий уровень.

«Ситуация в сборной накануне её отъезда в Мексику оказалась сложной, — отмечал Лобановский. — Деятельность команды, судя по всему, никого не устраивала. После победы в Кубке кубков я несколько раз летал по маршруту Киев — Москва — Киев, выслушивал различные предложения, соглашался с ними и не соглашался, внутренне для себя по основному из них — возглавить сборную — долго не мог принять определённого решения. С одной стороны, прежним руководством были приглашены в сборную девять игроков киевского “Динамо”, вроде бы сам Бог велел работать с ними динамовскому тренеру из Киева. Но с другой, катастрофически мало времени оставалось для подготовки команды, сообразуясь с тем футбольным направлением, которое исповедую я вместе со своими единомышленниками. Первое обстоятельство перевесило. Разумеется, повлияло и желание большинства игроков сборной работать вместе». Окончательное решение возглавить сборную Лобановский принял 10 мая, через три дня после ничьей в московском матче сборной с финнами.

Не теряя ни одного часа даром, засучив рукава, тренерский коллектив, в который вместе с Лобановским вошли Никита Павлович Симонян, Юрий Андреевич Морозов и Сергей Михайлович Мосягин, приступил к работе. Журналист Юрий Ваньят, «для веса» подписавшись под статьёй в «Московской правде» как «член Национального олимпийского комитета СССР», назвал коллег Лобановского по тренерскому штабу «ручными» (статья была опубликована в 1990 году, уже после того, как штаб сборной прекратил своё существование). Но выбор Лобановским коллег не был случайным: они вместе работали в сборной в 1983 году, когда единственное поражение в отборочной группе чемпионата Европы от португальцев в Лиссабоне (0:1) поставило под сомнение возможности и способности тренеров и они были отстранены от сборной. «На мой взгляд, — говорил Лобановский, — в 1983 году была допущена одна грубейшая ошибка. Речь не о том, что мы были отлучены от сборной, не в этом дело. Ошибка заключалась в том, что начали затем всё сначала, а нужно было продолжать уже сделанное, постоянно, конечно же, дело это совершенствуя. В 1983 году мы говорили: до тех пор, пока у нас не будет единого принципа формирования и подготовки сборных, будут разрушаться клубы. Разрушая клубы, мы разрушаем футбол».

Когда Грамов пытался сказать что-то о невозможности совмещения

Лобановским тренерских постов в сборной и киевском «Динамо», ему сразу же объяснили в ЦК КПСС, что на этот раз совмещение будет, потому что этот пункт стал главным условием, поставленным Владимиром Щербицким. Украинский партийный секретарь хорошо помнил, чем закончилось для «Динамо» отсутствие в команде Лобановского, уехавшего в Москву на работу только со сборной.

В главной тогда в стране информационной программе «Время» была зачитана поступившая из ТАСС информация:

«Президиум Федерации футбола СССР рассмотрел вопрос о подготовке сборной страны к финальным играм чемпионата мира 1986 года. Учитывая личную просьбу Э. Малофеева, а также то, что в состав сборной входят 11 спортсменов команды “Динамо” (Киев), президиум Федерации футбола СССР освободил его от обязанностей старшего тренера и рекомендовал назначить главным тренером сборной СССР В. Лобановского».

После того как на тренировочной базе сборной состоялось собрание, которое вёл сам Марат Грамов, направленный из ЦК «наводить порядок», прежняя тренерская группа из Новогорска уехала. Спустя несколько часов на базе появился Лобановский вместе со своим штабом. В пять часов вечера под руководством Лобановского в Новогорске прошла первая тренировка.

Эдуард Малофеев утверждает, что чиновники предлагали ему «взять Лобановского вторым тренером», но он, гарантировав на чемпионате мира место не ниже третьего, отказал, и тогда его, объявив заболевшим, и заменили — после того как игроки, по его словам, «скатали в Лужниках 0:0 с Финляндией». В одном интервью Эдуард Васильевич говорил, что его «уговаривали чиновники советской Федерации», в другом — «люди из ЦК».

Так, в интервью, опубликованном в журнале «Я+Я» и перепечатанном в программке к матчу чемпионата СССР «Торпедо» (Москва) — «Динамо» (Киев) 2 ноября 1991 года, говорилось дословно следующее:

«Когда Киев выиграл Кубок кубков, меня вызвали на Старую площадь, да, да, не в какой-нибудь там спорткомитет, и настоятельно порекомендовали взять в помощники Лобановского. Ничего дуэтик вырисовывался, да? Я, само собой, отказался. Но в другом пошёл на компромисс — киевляне всё-таки крупный турнир выиграли, и на предложение попробовать кое-кого из них в сборной я согласился. А они взяли меня и успешно “сплавили” — в Лужниках, в игре с финнами на глазах всего начальства, просто стояли и не играли. Я видел тогда, как из

правительственной ложы выскочил гонец, чтобы привести к “отцам” присутствовавшего на матче Лобановского. Он вошёл туда тренером Киева, а вышел тренером сборной, когда даже моя последняя игра не закончилась... Ну, что сделаешь, если не хотели они финнов обыгрывать! Эх, поздно я тогда всё это просек...»

Можно только удивляться феноменальному зрению тренера, увидевшего, как в правительственную ложу московского стадиона привели Лобановского — находившегося в тот момент... в Киеве!

Возможно, Малофеев и встретился в каком-то из кабинетов (или, скорее, в коридоре) с чиновником, чей уровень позволял считать, что Лобановский пойдёт работать под началом Малофеева — ассистентом тренера, запомнившегося лишь тем (если говорить о вкладе в развитие игры), что придумал термин «искренний футбол» (Лобановский, когда его однажды попросили рассказать, как он к этому термину относится, искренне сказал, что понятия не имеет, что это такое). Но их непременно хотели поставить в один ряд, называя Малофеева «принципиальным оппонентом» Лобановского, а обоих — «двумя великими тренерами».

Отличный в прошлом нападающий, ставший однажды в качестве тренера чемпионом страны с минским «Динамо» (впрочем, история там была довольно тёмная), Малофеев по своему уровню и близко не дотягивал до Лобановского. Слабый стратег, он, возможно, был не самым слабым психологом. Но этого «набора», не подкреплённого серьёзными идеями, маловато для того, чтобы претендовать на место в первом ряду отечественных тренеров.

Инициатором замены Малофеева выступил не Блохин, как утверждал позднее Малофеев, а Колосков. Блохин и некоторые его партнёры действительно высказывали своё недовольство уровнем проводимой с ними тренировочной работы («Если у Лобановского, — говорит Олег Кузнецов, — мы после 50-минутного занятия с поля буквально уползали, то у Малофеева через два часа только испарина появлялась») и качеством подготовки к контрольным матчам. Но сложившуюся ситуацию игроки обсуждали между собой и с петициями никуда не обращались.

Колоскову о содержании этих обсуждений поступала самая полная информация от обслуживающего персонала сборной, представители которого всегда, при всех тренерах, знают о внутренней жизни команды больше, чем кто-либо. Никто не писал в адрес Колоскова писем, никто не выступал открыто, но когда руководитель Управления футбола Спорткомитета во второй раз получил информацию о недовольстве, назревшем в сборной, он, не раздумывая, принял решение о замене

Малофеева.

«Ко мне, — поведал Вячеслав Колосков в интервью журналисту Игорю Рабинеру, — пришла группа киевских динамовцев во главе с Олегом Блохиным. У нас состоялся разговор, из которого я понял: тогдашнему руководству сборной объединить группировки не удастся. Я доложил о происходящем председателю Госкомспорта Марату Грамову, и на коллегии было принято известное всем решение».

Самостоятельно Колосков, понятно, сделать это не имел возможности, но подключил всех, у кого такая возможность была, — руководство Спорткомитета и отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС, проинформировав о происходящем сектор спорта, входивший в структуру отдела.

Да, Блохин жёстко выступил на собрании 11 мая, сказав, что выход видит только один — замена тренера, но само собрание состоялось только потому, что его инициировал Колосков.

Минский динамовец Сергей Алейников называет внезапную замену Малофеева «политическим решением»: игроки, по его словам, «в этой ситуации ничего не могли сделать». Но — по большому счёту — игроки как раз всё и сделали.

«Знаю, — утверждал в интервью «Спорт-экспрессу» продюсер Александр Вайнштейн, — что в 1986 году накануне чемпионата мира в Мексике Лобановский снял Малофеева, подговорив ребят». Почему бы не сказать так, не неся никакой ответственности за сказанное?! Не оболгать Лобановского, бездоказательно обвинив его в том, что он «подговорил ребят» и «отжал» пост главного тренера у Малофеева?! В том же интервью Вайнштейн — и вновь без какой-либо попытки что-то доказать — ещё раз «пригвоздил» Лобановского, который якобы «в Киеве поставил договорняки на поток».

Киевские динамовцы готовы были поклясться, что никакого «сплава» Малофеева не было. Другое дело, у киевлян не было веры в тренера, и они зачастую не могли понять, чего же он хочет от них — и чтение Малофеевым стихов в раздевалке пониманию этому не способствовало.

Киевских футболистов, стоит заметить, в четырёх подряд проигранных сборной Малофеева матчах было — «кот наплакал» (полностью все четыре встречи провёл из киевлян только Демьяненко, по два полных матча у Бессонова, Блохина и Кузнецова). Именно после этих матчей, а вовсе не после победы «Динамо» в Кубке кубков, и пошли разговоры о необходимости срочной замены тренера. При чём тут динамовцы Киева, если, скажем, в февральском матче в Мехико лёгкий мяч, принёсший

хозяевам поля победу, пропустил спартаковец Дасаев, капитан сборной; если в проигранных встречах с румынами и англичанами пенальти не забил динамовец Тбилиси?.. Это игра, в игре всё может произойти. А что до нулевой московской ничьей с финнами, так это вообще был первый не проигранный сборной Малофеева матч в 1986 году. Не самая лучшая игра киевских динамовцев в этой встрече объясняется предельно просто: за четыре дня до этого они проводили не контрольный матч со средненькой швейцарской клубной командой, а финал Кубка кубков, после чего не могли столь быстро восстановиться. И физически, и психологически, да ещё и Чернобыль «не выпускающая» из головы.

Малофеев утверждает, что проводившаяся в сборной серьёзная работа «способствовала обретению хорошей формы игроками киевского “Динамо”» и это «дало возможность киевлянам с блеском выступить на европейской клубной арене и завоевать Кубок обладателей кубков». «Я рад, — говорит он, — что в какой-то мере помог киевскому “Динамо” покорить кубковую вершину». То есть, по Малофееву, не «Динамо» поставляло игроков для сборной, а сборная — для «Динамо».

Сборную СССР Лобановского часто называли «киевским “Динамо”», ослабленным игроками из других команд». Жёсткое определение, что и говорить, но по итогам 1986 года авторитетный журнал «World Soccer», называя лучшие футбольные команды, на первое место поставил чемпиона мира — сборную Аргентины, а на второе — «Динамо» (Киев). Ещё в апреле, когда «Динамо» прошло пражскую «Дуклу» в полуфинале Кубка кубков, чехословацкая газета «Млада фронта» написала, что «киевское “Динамо” под руководством опытного и бескомпромиссного тренера Лобановского является командой, превосходящей по стилю и силе сборную СССР».

...Итак, перед новыми старыми тренерами сразу возникло огромное количество вопросов, на решение которых отводились считанные дни, а иногда и часы.

Очень важная задача — объединить людей. Коллектив — и это тренеры поняли сразу — сложился в общем-то неплохой. Игроки нацелились на очень высокую задачу. За время до отъезда на чемпионат мира — в Новогорске — и до первой игры — в Мексике — удалось, по словам Лобановского, «сделать многое. Во всяком случае, необъяснимая иногда робость наших футболистов перед соперниками на важных турнирах, характерная для сборной и клубов, была снята. А хорошая игра, если её удаётся показать, — всегда убедительный аргумент. После первого же матча — с венграми — нас признали. А когда признают, проще

становится играть, проще демонстрировать свои сильные стороны. Уже нас начинают бояться, под нас подстраиваются, уже мы диктуем условия».

Почти двадцатичасовой перелёт с посадками в Шенноне и Гаване. В аэропорту Мехико — толпы болельщиков и собирателей автографов, журналисты, фотокорреспонденты. «Пострадали ли ваши футболисты из-за аварии в Чернобыле?» — бросились спрашивать репортёры. «Пострадали, — с невозмутимой физиономией ответил Лобановский. — После того как пострадали, выиграли сначала финал Кубка кубков у “Атлетико”, а теперь приехали сюда, на чемпионат мира».

На первую же тренировку сборной СССР заявилось несколько тысяч болельщиков. Это бы ладно, но вечером тренировка, на радость соперникам, была показана по телевизору. Пришлось принять некоторые меры, чтобы прекратить утечку информации. Впрочем, «режим секретности» создали вокруг себя все команды. Когда, к примеру, советские «разведчики» попытались подсмотреть товарищеский матч сборной Венгрии в Леоне с одним из местных клубов, они были обнаружены и их деликатно, но настойчиво попросили удалиться.

Первого соперника советской сборной в Мексике, сборную Венгрии, Лобановский перед турниром считал командой очень высокого уровня. Достаточно сказать, что с 1985 года венгры вообще никому не проигрывали. В европейской прессе писали о возрождении венгерского футбола, проводили параллели с великой командой середины 50-х годов, когда Венгрия была одной из сильнейших на континенте, если не самой сильной.

Матч СССР — Венгрия стал на чемпионате мира своего рода сигналом остальным: можно и в условиях Мексики играть на высоких скоростях, чередуя, конечно, темп.

Ведь как было до этой встречи: медленный розыгрыш мяча, редкие всплески скорости. (Пеле так оценил матч сборной Бразилии и Испании: «Я впервые видел такую слабую и медленную игру нашей сборной. Мне, бразильцу, было стыдно слышать, как после окончания матча зрители освистали футболистов. В современный футбол шагом не сыграешь...») Словом, высказывались предположения, что на чемпионате мира все матчи будут проходить неспешно, а тот, кто ловчее поймает соперника на ошибках, тот и выиграет.

«Можно считать, — говорил Лобановский, — что мы подавили соперника уверенностью. Можно говорить также, что два “быстрых” гола Яковенко и Алейникова привели сборную Венгрии в шоковое состояние. Всё это, видимо, так, но не характеризует полностью хода игры, в которой

наше преимущество выразилось в шести голах».

На общую установку перед матчем с венграми опоздали Яковенко и Яремчук. Их вовремя не разбудили администраторы, и установка началась без двух игроков стартового состава. Отсутствия Яремчука и Яковенко никто не заметил. Минут пятнадцать Лобановский, называя каждого игрока, рассказывал, кому, куда и как бежать и какие функции выполнять. Всё уже было почти сказано, и тут... открывается дверь и в переговорную комнату отеля, в которой и проходила установка, вваливаются проспавшие хавбеки. Команда встретила их появление гомерическим хохотом. Улыбки не сумели сдержать даже всегда мрачные Лобановский и Морозов. Нарушители дисциплины, возможно, были бы после игры наказаны, но оба сыграли, как и все их партнёры, на высочайшем уровне. Венгры были разгромлены — 6:0, а каждый из проспавших забил по голу.

В игре с венгерской сборной советской команде во многом удалось реализовать все основные принципы коллективного футбола. Скорость, синхронность, полная взаимозаменяемость уже в первом тайме сделали своё дело. 3:0 — вроде бы всё в порядке, можно и передохнуть, сберечь силы, которые в условиях высокогорья расходуются значительно быстрее, чем на равнине. Но Лобановский считал антипедагогичным просить в перерыве футболистов потихоньку сбавлять темп. Подобная просьба могла привести к нежелательным последствиям, самим же игрокам, большей частью молодым, просто-напросто не хватало опыта, чтобы при таком же результате затратить меньше сил. В футболе умение подавлять эмоции разумом приходит с опытом, причём опытом коллективным.

После 6:0 в матче с Венгрией пошла гулять версия, будто венгры отравились буквально за пару часов до начала матча. Версию эту усердно проводил в массы уже в новейшие времена журналист Олег Винокуров. Над ней смеялись сами венгры, признававшиеся, что после выигрыша у бразильцев контрольного матча со счётом 3:0 они были уверены в лёгкой победе над советской командой. Ещё на разминке они вовсю пижонили, перебрасывались фразами, смысл которых заключался в том, что всё в этой игре пойдёт «по-нашему». Василий Рац, хорошо знающий венгерский язык, перевёл услышанное партнёрам. Рац рассказывал, что четверть века спустя после мексиканского разгрома венгры пригласили ветеранов сборной СССР; команды сыграли два тайма по 30 минут, 5:5, а на банкете гостеприимные хозяева, вспоминая 0:6, шутливо говорили, что тогда, в Мексике, они специально проиграли Советам, поскольку, дескать, страна, входившая в состав Варшавского договора, не имела права обыгрывать страну, организацию эту возглавлявшую...

Стартовый состав советской команды во встрече с французами был таким же, как и в матче с венграми. Если тогда на замену Беланову и Яковенко вышли Родионов и Евтушенко, то в этой встрече Блохин заменил Заварова, а Родионов Яковенко. Отнеслись французы к сопернику безо всякого пренебрежения, наоборот — с большим уважением и профессиональной ответственностью. По всеобщему признанию, матч получился одним из лучших на чемпионате. Правда, быть может, без особых внешних эффектов, но зато внутренне содержательным. Каждая команда очень чутко улавливала не только ближайшие по времени действия другой, но и «заглядывала» на несколько ходов вперёд. Заранее перекрывались все возможные пути атак. Итог — ничья, 1:1.

Матч с Канадой можно было бы назвать проходным, если бы не одно обстоятельство: сборная СССР всерьёз нацеливалась только на первое место в группе, а его могла принести лишь победа. И Лобановский убедил коллег пойти на коренные перемены в составе по сравнению с двумя предыдущими встречами. И результат был достигнут: победа со счётом 2:0.

И, наконец, игра, которая долго будет помниться всем, кто принимал в ней участие, кто наблюдал за ней на стадионе или по телевидению, — игра с бельгийцами. Одна восьмая финала — проигравший едет домой. На следующий же день после полного драматизма матча, 16 июня, английская газета «Гардиан», по части футбольной тематики считающаяся одной из самых компетентных, так рассказала о нём:

«Сборная Советского Союза, продемонстрировавшая великолепный атакующий футбол, пока была основным поставщиком сенсаций на чемпионате мира по футболу. Состоявшийся вчера вечером в Лионе матч против сборной Бельгии стал ещё одним незабываемым событием. Он был полон напряжения: бельгийцы дважды сравнивали счёт и сумели всё-таки добиться дополнительного времени.

Защитник Дель Мольтне незамеченным выпрыгнул у дальней штанги и головой послал мяч в ворота после длинного паса ещё одного игрока обороны Геретса. Произошло это на 101-й минуте, и Бельгия впервые в этом матче вышла вперёд.

Нападающий Класен увеличил преимущество бельгийцев спустя семь минут, однако Беланов сократил разницу в счёте мощнейшим ударом с пенальти почти сразу же после этого, сделав свой хет-трик.

Скорость и точность атак советской сборной часто просто потрясали, и бельгийцам потребовалось всё их умение играть в обороне, чтобы сдерживать русских футболистов на первых минутах. Единственное, чем они смогли ответить, был удар с дальней дистанции флангового игрока

Веркотерена, который Дасаев взял с трудом.

Форвард Кулеманс стремился при любой возможности идти вперёд, и стало ясно, что для Бельгии самое худшее позади. Но на 27-й минуте советская команда забила выдающийся гол. Беланов получил мяч на подступах к штрафной площадке, двинулся вправо и неожиданно нанёс пушечный удар, после которого мяч вонзился в сетку, пролетев мимо ошеломлённого Пфаффа.

Вратарь сборной Бельгии всё сделал правильно, вышел из вратарской площадки, чтобы сократить угол удара, но в разреженном мексиканском воздухе мяч пролетел мимо него. Может быть, Пфафф подумал, что он летит в сторону от ворот, но Беланову было лучше знать. Тому, кто считал, что русские никогда не волнуются, нужно было посмотреть на его лицо.

Бельгийцы сравняли счёт после того, как полузащитник Шифо получил длинный пас, находясь в положении, подозрительно напоминавшем офсайд, и ударил с близкого расстояния. Этот гол вдохновил бельгийцев, советские игроки на некоторое время сбились с ритма, но Беланов снова вывел их вперёд, послав мяч низом мимо Пфаффа.

Бельгия не сложила оружия. Ещё один длинный пас (только таким способом можно было пройти в Мексике блестящее звено советских хавбеков) застал врасплох защитников, и у Кулеманса было время, чтобы принять мяч на грудь и развернуться, прежде чем он нанёс удар по воротам Дасаева. И в этом случае были серьёзные основания полагать, что бельгийский игрок находился в положении «вне игры».

Сравнявший счёт Кулеманс помчался к кромке поля принимать поздравления от партнёров. Шведский судья Фредрикссон отправился в центр поля — гол засчитан. Что же касается бокового судьи, испанца Санчеса, поднявшего было флажок, чтобы зафиксировать положение «вне игры», но затем опустившего его, то он потоптался-потоптался, а затем тоже засеменял к центру. Трудно сказать, понимал ли он, что натворил.

Лобановский — исключительный для него случай (сам он говорил, что это случилось впервые в его тренерской практике) — вскочил со скамейки, бросился к боковому, стал на него кричать, показывая рукой на ворота. Хотел посмотреть в глаза испанцу, говорил потом Лобановский, но тот глаза опустил. Лобановского вернули на лавочку. «Чудом оттащили», — свидетельствовал массажист сборной Михаил Насибов, никогда — ни до, ни после — не видевший Лобановского в такой ярости. Валерий Васильевич сел рядом с Юрием Морозовым и вдруг стал на него заваливаться. Подоспевший доктор Савелий Мышалов быстро привёл в чувство тренера, на мгновение отключившегося.

(За три дня до матча СССР — Бельгия Лобановский, ежедневно бегавший по утрам по своей программе, обратился к Мышалову. По всей вероятности, он не до конца учёл климатические условия, и доктор немедленно отправился с ним в медицинский центр, где у Лобановского сняли кардиограмму. Показатели оказались нормальными. Мышалов тем не менее настоял на сокращении беговой программы.)

Визит в медицинский центр незамеченным не остался. Разузнавшие о нём журналисты пропустили момент, когда Лобановский и Мышалов возвратились из центра в отель, и отправили в свои издания срочные сообщения о серьёзной болезни советского тренера и его госпитализации. Услышав об этом, Ада не могла найти себе места до тех пор, пока не дозвонилась до мужа и не услышала его бодрый голос: «Все претензии к Савелию Евсеевичу. Это он тут панику организовал. Всё в порядке».)

«Наверное, — говорил Лобановский о матче с бельгийцами, — будь у нас — у тренеров и футболистов — побольше времени для совместной работы, возможностей для вариантов игры, мы бы создали больше. В данном же случае создалась экстремальная ситуация: ни Чивадзе — центральный защитник, ни Ларионов — крайний не смогли участвовать в матче, и нам нужно было искать фактически двойную замену.

После игры, конечно, гораздо проще говорить о том, что были допущены ошибки, что неверно выбран состав и т. д. Для нас же самым главным было до матча правильно всё проанализировать и максимально распорядиться своими возможностями.

Так вот, с учётом различной информации о состоянии наших игроков, о сопернике, которой мы обладали и которой не обладали любители футбола, мы, если бы нам пришлось ещё раз начать эту игру, использовали бы только этот состав. Ошибки были. Безусловно. Даже в хорошей игре можно допустить несколько ошибок и проиграть, особенно если на ошибки эти накладываются судейские огрехи.

Кто мог, например, предположить, что вратарь сборной ФРГ Шумахер слабо сыграет в финале? А он очень слабо сыграл, допустил несколько роковых ошибок и фактически проиграл финал. До этого же Шумахер действовал превосходно, исключительно хорошо провёл все игры. И что же, выходит, сейчас мы можем говорить об ошибке западногерманских тренеров, поставивших Шумахера на финал? Не совсем, видимо, это верно.

Мы использовали тех игроков, которые в данный момент находились на более высоком уровне по сравнению с остальными.

Правильно, думается, была выбрана и стратегия матча. Это подтвердили 90 минут основного времени: мы полностью владели

инициативой, имели безоговорочное преимущество перед бельгийцами. Это сложно оспаривать — так было.

Иное дело дополнительное время. Игра несколько распалась. После мяча, забитого в наши ворота, последовал ряд неверно принятых отдельными игроками решений; сборная СССР начала играть в авантюрный футбол, что дало возможность бельгийцам остро действовать на контратаках. Но это же ничего общего не имеет с выбранной стратегией матча, “сломавшейся” на последних минутах из-за двух-трёх грубейших ошибок.

И, проанализировав спустя некоторое время ещё раз матч со сборной Бельгии — как он был построен и как сыгран, мы вновь убедились, что не должны были проиграть этой команде. По всем показателям. Единственная наша ошибка, быть может, заключалась в том, что не сумели мы предвидеть, что кто-то сыграет ниже своих возможностей».

В лагере сборной в Ирапуато Лобановского, по свидетельству Ошемкова, после матча с Бельгией ждали советский посол Ростислав Сергеев, Вячеслав Колосков и руководитель советской делегации — заместитель председателя Спорткомитета СССР Николай Русак. Колосков попытался успокоить Лобановского: «Я со стадиона звонил в Москву. Все в восторге от игры нашей команды, кроют судей, просили поблагодарить и успокоить ребят».

Здесь чья-то неточность. Либо Ошемкова, либо Колоскова. Скорее всего, слукавил Колосков. В Москву он, понятно, звонить мог. В том числе и со стадиона. Мобильной связи тогда не было, но Колоскову как лицу официально вполне могли позволить позвонить со стационарного телефона из какого-нибудь служебного помещения ФИФА — такие комнаты в дни чемпионата мира — с выпивкой, лёгкими закусками, чаем, кофе и телефонами — обязательны для каждой арены.

Но кому он мог позвонить? В Москве — глубокая ночь, телевидение матч не транслировало: лишь в записи следующим вечером. Никто, таким образом, не мог быть дома «в восторге», никто не мог крыть судей и просить «успокоить ребят». Колосков успокаивал прежде всего себя и всех при разговоре присутствовавших.

Ги Тис, бельгийский тренер, давно, ещё до чемпионата мира-86, обратил внимание на беспечность советских футболистов и подметил в их поведении на поле занятную особенность: не дожидаясь решения судьи, игроки часто останавливались и смотрели на арбитра. Иногда даже могли взять мяч в руки. Бельгиец перед матчем попросил своих футболистов доигрывать в матче с СССР каждый эпизод до конца — вне зависимости от

того, был сигнал арбитра или же его не было: «Пусть даже вам покажут за удар по воротам после свистка жёлтую карточку».

Можно, наверное, было бы согласиться с суждением о том, что судья Фредрикссон не убивал сборную СССР в матче с Бельгией, а допустил всего лишь одну ошибку — засчитал гол Кулеманса, забитый из положения «вне игры». Но только в том случае, если бы швед: а) не видел поднятый флажок своего помощника (поднятый и почти сразу же опущенный, потому что испанец «перевёл» для себя ответный взгляд Фредрикссона как «не лезь») и б) не повторил бы «фокус с убийством» сборной СССР на чемпионате мира-90 в Италии, когда Марадона на глазах шведа в матче Аргентина — СССР рукой отбил мяч, посланный в ворота Олегом Кузнецовым. Вместо пенальти и удаления Марадоны — команда: «Играйте!» «Какой смысл удивляться? — говорит Олег Кузнецов. — Ну, не переваривал человек всё советское, органически не переваривал! В то время над нами шутили: пока у вас, ребята, красный флаг развешивается, вас всё время так судить будут».

Как только боковой судья поднял флажок, защитники сборной СССР остановились, хотя перед матчем Лобановский напомнил команде о том, что произошло в той же Мексике в 1970 году в матче СССР — Уругвай: тогда советские футболисты, посчитав, что мяч выкатился за линию ворот, стали сигнализировать об этом судье, но арбитр проигнорировал, и уругвайцы забили единственный во встрече гол.

А ещё в Мексике-86, похоже, повторилась ошибка из Испании-82. Тогда, правда, восьмидневный перерыв между последним матчем первого этапа с Шотландией и первой встречей второго этапа с той же Бельгией был вызван неритмичным календарём, и длительная пауза на пользу советской команде не пошла. В Мексике же перерыв — девятидневный, что очень много для скоротечного турнира, — случился по воле Лобановского. Посчитав после того, как команда обеспечила себе выход в плей-офф, что с канадцами могут сыграть резервисты, а основные игроки тем временем лучше подготовятся к матчу 1/8 финала с Бельгией. Лобановский выставил на игру девять новых футболистов! А ведь сборная СССР, превосходно зарекомендовавшая себя в первых двух турах и названная благодаря уверенной и качественной игре одним из фаворитов чемпионата мира, пребывала, что называется, на ходу, и матч с Канадой вряд ли мог навредить тем девятёрым, кто встречу — в стартовом составе — пропускал. Пяти дней для восстановления после Канады перед Бельгией — более чем достаточно для команды, степень готовности которой сомнений не вызвала. Но игровой ритм у основных футболистов был, похоже, сбит.

Да и на уровень физической готовности почти полуторанедельный перерыв не мог не повлиять: в дополнительное время матча с бельгийцами сборная СССР заметно сдала.

...После того как советская команда споткнулась на Бельгии в Мексике, Лобановский был уверен, что сборную возглавят новые люди. Уверенность его основывалась, во-первых, на традиции — за неудачным результатом автоматически следовали оргвыводы, и, во-вторых, на том обстоятельстве, что с тренерами, работавшими с командой на чемпионате мира, спортивные руководители не вели никаких разговоров относительно их дальнейшей судьбы.

«Парадоксальная сложилась ситуация, — говорил Лобановский. — Нас позвали помочь сборной перед Мексикой, а по завершении чемпионата не сказали ни полслова о том, что же будет с нами дальше. В частных беседах утверждали: вы, мол, будете тренерами сборной до 1990 года — до очередного чемпионата мира в Италии. Когда же я попробовал поставить вопрос официально, напомнил о существовании такой формы, как заключение контракта на какой-либо срок, в ответ последовало: “Вы пока работайте...”».

Основными соперниками сборной СССР по отборочной группе чемпионата Европы-88 были французы, владевшие на тот период титулом чемпиона континента, и футболисты ГДР, давно уже не попадавшие в финалы крупных турниров и намеревавшиеся сделать это. Тем более что фон был благоприятным — спад в игре команд, выступавших в Мексике. Замечено: сборные, прилично выступившие на чемпионате мира, потом некоторое время находятся в тени. Самый характерный пример — итальянцы, победившие в 1982 году в Испании, но не сумевшие затем пройти отборочный турнир первенства континента.

Подтверждением закономерного спада стали ничьи, которыми в Рейкьявике в матчах против Исландии довольствовались и французы, и советские футболисты. Как выразился тогда Анри Мишель, тренер сборной Франции, «заочный счёт между французской и советской командами стал 1:1, и через две недели в Париже во время очной встречи многое прояснится». Можно было бы напомнить, что с исландцами сборная СССР играла без травмированных Яковенко, Чивадзе, Яремчука и Беланова, но перечисление больных игроков основного состава сборной вызывает обычно гнев со стороны людей, далёких от практической работы с футбольной командой и считающих, что, если даже травмированы все одиннадцать ведущих, всё равно коллектив обязан выигрывать любой матч против любого соперника на любом поле, да ещё непременно показывая

«красивый» футбол.

«Перед игрой 11 октября 1986 года на “Парк де Пренс”, — рассказывал Лобановский, — нас больше всего беспокоило функциональное состояние ряда игроков, толком не отошедших после чемпионата мира, на котором было отдано очень много сил, но продолжавших напряжённый сезон в чемпионате страны, европейских турнирах и в матчах за сборную. Показатели медицинского обследования накануне немного нас успокоили. Что же касается настроения... На игру в Париже никого не надо было настраивать. Все понимали, что от результата встречи с французами во многом зависит, попадём ли мы в 1988 году в ФРГ или нет. Анри Мишель заявил, что ничья стала бы для него равносильной поражению. Нас ничья вполне бы устроила. Атаковать — да, но не сломя голову, а обезопасив тылы».

Состав у французов по сравнению с Мексикой изменился незначительно. Вернулся в него Платини — главная звезда сборной Франции. После чемпионата мира он в сборной не играл, но мечтал сразиться с командой СССР.

После поражения со счётом 0:2 Платини покинул стадион через запасной выход, избежав встречи с журналистами и фанатами. «Он это сделал с полным сознанием риска, каким могло обернуться его путешествие в ночи в случае встречи с недовольными болельщиками», — рассказывала газета «Экип». Примеру капитана последовали многие партнёры.

Свой отчёт о матче «Экип» озаглавила — «Советская симфония в мажоре». Команду Лобановского характеризовали как «великолепную, играющую в настоящий современный футбол», с «безупречным коллективизмом, помноженным на индивидуальное мастерство». О голах Раца и Беланова писали, что «они забивались, словно на параде».

При этом отмечалось, что французы уступили не потому, что плохо играли, — просто сборная СССР в этот вечер оказалась на голову выше. «Советские футболисты, — отмечала «Экип», — выглядели свежее и быстрее. Прекрасный пас, особенно во втором тайме, манёвр и взаимозаменяемость стали основными слагаемыми успеха. Наша полузащита выглядела совсем не плохо. Но для того чтобы справиться с игроками средней линии сборной СССР, надо было сделать чуть больше того, что было сделано». «Конечно, это катастрофа, мы оказались на коленях», — делали вывод аналитики ведущего спортивного издания страны. О победителях же сказано: «Сильны, очень сильны, слишком сильны!»

Глава 13

«СЕРЕБРО» В ГЕРМАНИИ

Чемпионат Европы в ФРГ — первый крупный международный турнир на уровне сборных, который Лобановскому как тренеру удалось пройти вместе с футболистами от начала до конца: от первого отборочного матча с исландцами в Рейкьявике 24 сентября 1986 года до финальной встречи с голландцами в Мюнхене 25 июня 1988 года. В общей сложности он продолжался 21 месяц.

В разгар подготовки к играм в ФРГ Лобановский неожиданно угодил в больницу и почти на два месяца был отлучён и от киевского «Динамо», и от сборной. Банальная история. В начале года на ногах перенёс грипп, давший осложнение на сердце. 27 марта, пренебрегая советами врачей, отправился на стадион, на матч своей команды со «Спартаком».

А на следующий день оказался в госпитале, в реанимационном отделении.

Первый звонок прозвенел для Лобановского в 1988 году. Перед февральскими сборами национальной команды в Италии он стал замечать, что слишком долго не восстанавливается нормальный пульс после утренних пробежек, от которых он не мог отказаться и к которым пытался привлекать Юрия Андреевича Морозова, всячески от этого занятия отлынивавшего.

Валокордин не помогал. В Италии его на короткое время госпитализировали. «Он звонил домой, — рассказывает Светлана Лобановская, — и рассказывал нам, что руководство одного клуба попросило его задержаться. Но мы понимали: что-то не так. Потом переводчица, которая находилась с ним, рассказала нам об этом. Папа просто не хотел нас волновать. Это был первый приступ аритмии».

Только ли грипп стал причиной аритмии? Да, наверное, но на фоне запредельных нагрузок: Лобановский тренировал две команды — киевское «Динамо» и сборную СССР, перед каждой из которых стояли серьёзные турнирные задачи, а в дополнение к тренерству занимался во вступившем в перестроечный период Советском Союзе созданием Профессиональной футбольной лиги.

Врачи запретили ему лететь в Грецию на товарищеский матч сборной.

Командой, победившей со счётом 4:0 (три гола забил именно тогда приглянувшийся грекам Протасов и один — Литовченко, также перебравшийся спустя некоторое время в «Олимпиакос»), руководил Никита Павлович Симонян.

Когда стало известно, что сборная СССР летит на коммерческий турнир в Западный Берлин без Лобановского, поползли слухи об исключительно тяжёлом состоянии тренера. В «Советском спорте» опубликовали заметку под заголовком «Так что же с Лобановским?». Киевский корреспондент газеты Г. Борисов сообщил, что 27 марта 1988 года после матча киевского «Динамо» со «Спартакoм» динамовский тренер почувствовал себя плохо: «Заболело сердце. Наутро обратился к врачам, и те решили не рисковать, настояв на госпитализации и тщательном обследовании».

Чемпионат Европы в ФРГ резко отличался от других крупных турниров равным составом участников, каждый из которых мог оказаться впереди. Многие тренеры говорили, что европейское первенство было более интересным, чем, скажем, чемпионат мира в Мексике. Действительно, уровень показанного на стадионах ФРГ футбола выше, чем два года назад в Мексике. На чемпионате Европы мы видели игру, прежде всего основанную на движении и скорости исполнения, игру интенсивную, с гибкими тактическими схемами. На взгляд Лобановского, «в современном футболе бесполезно пытаться оценивать индивидуальные качества каждого игрока, отрывая его от действий всей команды. Футболиста можно оценивать, исходя из его роли в стратегии команды. Идеальный пример тому — Гуллит. Это замечательный игрок. И его огромное достоинство состоит в том, как он подчиняет себя интересам команды».

К победам может быть разный подход. Главное при этом — реально оценивать собственный уровень. Ринус Михелс заметил после чемпионата: «Гол Ван Бастена в ворота русских был, конечно, великолепен, но должен сказать, что финал нельзя выиграть без определённой доли везения». «Везение — следствие многих слагаемых, — добавлял Лобановский, — а отнюдь не абстрактное понятие. Понятно, что на финальный матч мы вышли с одной целью — победить. Не удалось. Можно называть разные причины — и объективные, и субъективные. Наверное, сказалось на игре отсутствие травмированного Бессонова и получившего вторую жёлтую карточку Кузнецова... Сказался, видимо, и слишком короткий промежуток между полуфиналом и финалом — 48 часов (у голландцев было на сутки больше, а каждый час в подобных ситуациях на учёте; да и вообще очень сложно проводить пять таких матчей за 14 дней — меньше 72 часов между

играми получается). И, разумеется, неравнозначны были затраты лидеров сборной СССР и лидеров голландской команды». Что касается второй жёлтой карточки советского игрока, то Лобановский считал принципиально неверным решение УЕФА учитывать предупреждения, полученные в отборочных матчах первенства Европы: в частности, «благодаря этому сборная ФРГ была поставлена в исключительные условия, поскольку в отборочных встречах не участвовала».

До финального матча сборная СССР дошла в блестящем стиле, заняв первое место в своей группе и обыграв в полуфинале со счётом 2:0 Италию.

Для отдыха перед финалом у наших было на сутки меньше, чем у голландцев. Не мелочь. В таких скоротечных турнирах важны не только сутки, но и каждый час. Лобановский был солидарен с Ринусом Михелсом, высказывавшимся за то, чтобы создавать для всех команд в ходе официальных турниров под эгидой ФИФА и УЕФА одинаковые условия.

«Сборной СССР, которая отдала громадное количество сил прессингу по всему полю в матче полуфинала с итальянцами, — говорил Виктор Понедельник, — волею организаторов пришлось иметь на 24 часа меньше отдыха, чем голландцам. Прежде всего, это ударило по нашим крупным (имею в виду конституцию тела) игрокам, таким как Протасов и Михайличенко. Им всегда труднее восстанавливаться, знаю из своего опыта, чем партнёрам с меньшими габаритами. Никакие чудодейственные витамины в таких ситуациях не заменят времени, которое необходимо естественному восстановлению организма после нагрузки».

В футболе высшего уровня всё решается, как справедливо заметил обозреватель журнала «Франс футбол» Жерар Эрно, «в тысячные доли секунды. Вполне достаточно одной случайной ошибки, удара в штангу, или вдохновения Ван Бастена, или дисквалификации Кузнецова — если говорить о финале. Счёт этого матча может показаться достаточно убедительным, но исход его висел на волоске...». Его коллега Жак Тибер отметил, что «сборная СССР не оказалась несостоятельной на поле Олимпийского стадиона. Она помогала родиться великолепному спектаклю, переигрывая голландцев на многих отрезках матча и уступив лишь из-за проклятия, нависшего в тот день над Белановым...».

Через пять минут после сумасшедшего гола Ван Бастена (у Василия Раца, обязанного в том игровом эпизоде контролировать действия голландского форварда, спрашивали, почему он не вышел резко на получавшего мяч нападающего и не помешал ему нанести удар; Рац отвечал: «Мне и в голову не могло прийти, что он развернётся и сразу же

ударит — с такого острого угла нет смысла бить») Мишель Вотро назначил пенальти в голландские ворота.

Беланов взял мяч в руки и принялся устанавливать его на «точке». Все видели, что Беланов в финальном матче излишне возбуждён, но его никто не пытался остановить — ни партнёры, ни тренеры: из находившихся в тот момент на поле игроков пенальтистом был он. Лобановский вспоминал потом, как в год своего появления в Киеве Беланов пробивал пенальти в ворота московского «Динамо», им самим же и заработанный. Пока в той встрече Демьяненко, Бессонов и Блохин совещались, кому из них бить, Беланов подготовил мяч для удара и жестом попросил всех отойти. Лидеры удивились, но возражать не стали: вызвался бить молодой — пусть бьёт. Великие — они все в этом плане покладистые. Беланов забил.

В Мюнхене голландский вратарь Ван Брокелен, никогда не видевший, как Беланов бьёт пенальти, секрет советского форварда всё же разгадал. Секрет же заключался в том, что Беланов, проанализировав действия вратарей при отражении пенальти, убедился: в подавляющем большинстве случаев (99 из 100) киперы не остаются на месте, а бросаются в один из углов: не важно при этом, гадают они или прыгают «по мячу». И Беланов стал бить по центру. В Мюнхене он пробил точно так же. Ван Брокелен упал вправо. Но лишь обозначив прыжок. Потому его опорная нога «задержалась» в центре ворот. Ногой он мяч и отбил. Три-четыре сантиметра выше — был бы гол. Но на мюнхенском олимпийском стадионе — стадионе не только футбольном, но и легкоатлетическом — боковые трибуны не нависали, как на футбольных стадионах, над воротами, а были расположены очень далеко от них. Бьющему из-за этого ворота кажутся ниже, чем на самом деле. Беланов старался прижать мяч к земле, чтобы не пробить выше ворот.

Лобановский говорил, что ему никогда не забыть оба матча с голландцами (первый был проведён на групповом этапе): «Мысленно я был на поле в каждом игровом эпизоде. Но кто-то другой во мне, не тренер, находил время наслаждаться футболом. Конечно, после финала я отчаянно боролся с досадой. А тот, “другой”, урезонивал: “Чего стоит твоя истерика перед красотой такой игры?” Я глубоко благодарен футболистам нашей команды и соперникам за игру, причастность к которой оправдала в моих собственных глазах моё пребывание на тренерской скамейке».

По рассказам свидетелей, Лобановский в первый момент резко отчитал нападающего, но потом остыл и признал, что его команда не уступила голландской в умении аккумулировать силы в турнире высшей сложности и боролась в финале не менее эффективными, нежели соперники, тактико-

техническими средствами.

Лобановский считал, что в спорте профессионалов над пьедесталом « витают демоны иррациональности»: «Причины неудачи и сам отыщешь, а наука выведет на след». Формула успеха в футболе высокого уровня в принципе давно известна: жесточайший отбор выносит на гребень только тех, кто обладает способностью к колоссальной концентрации душевных и физических сил в момент наивысших испытаний. Всё тут предсказуемо, повинуется законам, выстраивается в логический ряд. «А как вот при такой предсказуемости, — спрашивал Лобановский, — взвесить дуновение, качнувшее чашу весов в престижном финальном матче? Порой ведь именно это “чуть-чуть” напрочь перечёркивает “формулу успеха” в тот решающий час финала, когда нужен один, и только один триумфатор».

Перед финалом из-за дисквалификации Кузнецова в тренерском штабе возникли споры по составу. С предложением поставить на позицию центрального защитника Балтачу Лобановский не согласился. Балтача к тому же сказал ему, что у него не в порядке спина. Лобановский отправил в центр обороны Алейникова, великолепно проводшего все матчи в роли опорного полузащитника — «терьера», умело отбиравшего мячи, не дававшего вздохнуть оппонентам. Эти перестановки — стоит признать, вынужденные — ослабили сразу две зоны: центрального защитника и опорного хавбека. Отсутствие Кузнецова, занявшего, к слову, в конце сезона 11-е место в традиционном опросе «Франс футбола» на титул лучшего футболиста Европы, сломало командный, уже отлаженный механизм. Можно быть уверенным, что ни Кузнецов, ни Балтача ни при каких обстоятельствах не позволил бы забить Гуллиту, когда голландец воспользовался замешательством не сумевшего вовремя выйти вперёд Алейникова, к синхронности действий в этом сочетании не привыкшего.

Это был первый гол в финальном матче в советские ворота. При стандартах за Гуллита отвечал Михайличенко. В перерыве он услышал от Валерия Васильевича много чего «интересного», но отвечать не стал. Будучи игроком, Михайличенко считал, что нет смысла вслух высказывать свои претензии или же демонстрировать недовольство, «даже когда чувствовал, что прав». По его мнению, спорить с тренером — плохой тон.

После матча Лобановский извинился перед Михайличенко и сказал, что тот всё делал правильно. Михайличенко полностью выполнил установку тренера: согласно указаниям Лобановского, сразу после того, как мяч выбивали из своей штрафной площадки, все должны были выбегать, создавая для соперника положение «вне игры». Все и выбежали, кроме замешкавшегося Алейникова, и Гуллит «расстрелял» Дасаева.

Против Голландии в финале советская сборная играла лучше, чем против них же во встрече предварительного этапа. Тогда превосходство голландцев (внешнее, во всяком случае) было заметным. Советская команда «закрылась»: отчасти по задумке — турнир только начинался, отчасти вынужденно. Но вряд ли только везением можно объяснять забитый Рацем победный гол. Он был исполнен во время классической скоростной атаки с быстрой доставкой мяча к воротам соперника и классным разящим ударом полузащитника.

Советская команда провела в ФРГ все пять матчей, на которые рассчитывала, когда готовилась к чемпионату. До финала дошла благодаря соответствующей физической подготовке, высокому техническому мастерству, разнообразным тактическим действиям, твёрдому волевому настрою на каждую игру, продуманной стратегии на каждый отдельный матч и на весь турнир. Это не только оценка Лобановского и его коллег по тренерскому штабу, но и мнение многих европейских футбольных специалистов. Тренер победителей Ринус Михелс, например, говорил: «Советские футболисты точно так же, как и мы, поняли, о чём идёт речь: на мировой арене в 90-е годы в футбол успешнее будут играть атлетически подготовленные и мыслящие игроки. Главная идея заключается в словах “футбольная команда”. Лишь создав её, можно рассчитывать на успех. Будущее только за коллективным футболом на высоких скоростях».

Голландцы, о которых после чемпионата Европы говорили — и справедливо! — только в превосходных тонах, в полуфинал попали на излёте матча группового турнира с Ирландией. Вспоминали о нём чемпионы континента как о кошмарном сне. Восемь минут оставалось до того момента, когда Ирландия, а не будущий победитель турнира, выходила в полуфинал. Кифту удалось забить гол. И не важно, что в эпизоде было не зафиксированное арбитром положение «вне игры». Гол засчитали, ирландцы отправились домой, а голландцы продолжили борьбу. А не случись этого гола? Каким бы оценкам тогда удостоилась сборная Голландии? «Полагаю, — говорил мне Лобановский, — не самых превосходных, хотя это в корне неверно, ибо сборная Голландии, имевшая в составе великолепных мастеров, показывала футбол высокого уровня. Это я — к вопросу о примате результата...»

Перед полуфиналом с Италией Лобановский неожиданно для всех, даже для коллег из тренерского штаба, провёл анкетирование футболистов. Никто из игроков не припомнит, чтобы прежде (да и после Евро-88 тоже) в анкете задавались вопросы по выбору тактики. По составу — да, такие опросы тренеры практиковали. Причём не собирались обычно при этом с

помощью проставленных «галочек» решать, кого ставить на игру, а принимали информацию «для сведения». По тактике же спрашивали футболистов впервые. Лобановский хотел узнать у них: а) согласны ли они прессинговать соперника весь матч и б) если да, то готовы ли они к этому. На оба вопроса все ответили утвердительно.

Лобановский вовсе не перекладывал на игроков ответственность за выбор исключительно сложного для реализации тактического варианта, требующего полной выкладки на протяжении полутора часов и синхронных, доведённых до автоматизма действий. Ему было крайне важно видеть реакцию футболистов на поставленные им вопросы. Он давал им возможность взять на себя ответственность вместе с ним, тренером. Тогда произошло единение мощной силы. Одно дело дать на установке задание использовать прессинг, совсем другое — сначала вместе договориться об этом, а уж потом детализировать задание на установке непосредственно перед матчем. Футболистов к этому Лобановский подвёл так, что у них и в мыслях потом не было, что это не их решение. Результаты опроса в Руйте, откуда сборная СССР отправлялась на автобусе в Штутгарт на полуфинал с Италией, стали своего рода прологом к установке на игру.

Фактически настаивая на прессинге, Лобановский отталкивался от результатов постоянно проводившихся обследований и на основе визуальных наблюдений видел, что команда в состоянии предъявить итальянцам такой аргумент, как тотальный прессинг, и, самое главное, физически готова к его исполнению.

Израильский тренер Авраам Грант, одно время работавший с «Челси», регулярно посещал тренировки киевского «Динамо» и сборной СССР, когда эти команды привозил в Израиль Лобановский. Иногда Грант даже ездил посмотреть на работу Лобановского в Киев. У них сложились вполне нормальные отношения двух профессионалов. Израильский специалист был на полуфинальной встрече Евро-88 СССР — Италия и считает её одной из лучших, когда-либо виденных им в исполнении одной команды. Спустя годы Грант спросил у Лобановского, почему тот вдруг перед матчем стал интересоваться у футболистов, готовы ли они применять прессинг на протяжении всего матча. Лобановский, по словам Гранта, ответил так: «Сам для себя я уже решил, что будем прессинговать. Знал, что так же думают и игроки. С тех пор как они выиграли Кубок кубков в 86-м, в их подходе к футболу появились уверенность и здоровая агрессия. Но я хотел, чтобы они взяли на себя больше ответственности за такой выбор».

«Мы понимали, — говорил мне Лобановский, — что основное достоинство молодой итальянской команды, для которой чемпионат

Европы — промежуточный этап в подготовке к чемпионату мира-90 в Италии, — в исключительно разнообразной деятельности игроков середины поля. После совещаний тренеров и обсуждений с игроками было принято решение: применять прессинг по всему полю. Он отнимает много сил, но подготовка команды позволяла пустить в ход это действенное, скрываемое нами до поры до времени оружие. Прессинг лишил итальянцев преимущества в технике, Манчини и Виалли были отрезаны от полузащитников, и наша команда уверенно извлекла выгоды из создавшейся на поле ситуации».

После матча с Италией в раздевалке советской команды было шумно. Кто-то, скорее всего Симонян, скомандовал — и Лобановский услышал клич, который знал только по воспоминаниям старых футболистов: «Гип-гип ура! Ура! Ура!» Разумеется, игроков — обнимающихся, хохочущих, кричащих — никто не останавливал, эмоции должны были выплеснуться.

В разгар веселья в раздевалку вошли президент итальянской Федерации футбола и бывший старший тренер сборной Италии Энцо Беарзот. Они поздравили игроков с победой, а Беарзот — тренер чемпионов мира-82 — сказал: «Я ещё раз убедился в том, что вы великая команда. Вы играете в современный футбол на скорости 100 километров в час. Прессинг, который я сегодня увидел, — проявление высшего мастерства. Физическая форма советских игроков — это плод исключительной, отличной работы».

Таким, как после Италии, рассказывают киевские сборники, тренера ещё никогда не видели: возбуждён, глаза блестят, радость не скрывает, на лице постоянная улыбка. В свойственной ему манере, серьёзно (только глаза смеялись), Лобановский спросил у футболистов в раздевалке: «Слышали, как Виалли спрашивал у Манчини: “А где же мяч?”». Очевидцы (в телетрансляции полуфинала этого не было) рассказывают, что полузащитник сборной Италии Джузеппе Джаннини несколько раз демонстрировал странный жест — сжимал зубами кисть правой руки. Только оказавшись в Италии, где он стал играть за «Сампдорию», Алексей Михайличенко узнал, что сей жест означает. «Вы что, сырого мяса наелись?» — этим жестом итальянцы показывают высшую степень удивления неумолимостью соперников.

«В каком направлении развивается футбол? — размышлял Лобановский после Евро-88. — На мой взгляд, законодатели методов ведения игры в современном футболе — европейцы, прежде всего голландцы, итальянцы и мы. Чемпионат Европы убедил меня: мы находимся на верном пути, совершая поворот к футболу движения,

скорости, ритмичному и разнообразному. С пути этого нет смысла сворачивать. Можно предположить, что основания для подобного вывода мне дал результат чемпионата. Это не так, в верности выбранного направления я не сомневался бы и в том случае, если бы мы в финал не попали. Дело не в результате. Он, как вы понимаете, зависит от “тысячных долей секунды”. Реальность же направления такова: тщательная многогранная подготовка талантливых игроков к непрерывной жесточайшей борьбе, к колоссальным затратам энергии, к высочайшей скорости.

Не сомневаюсь, что в плане подготовки футболистов, в выборе и отработке методов ведения игры мы находимся среди лидеров в мире и Европе. В плане же организации футбольного дела мы безнадежно отстали, и необходимо время, чтобы наверстать упущенное».

Контракт, подписанный Александром Заваровым с итальянским «Ювентусом», был, пожалуй, первым серьёзным шагом в развитии наших деловых контактов с цивилизованным футбольным миром. Как выразился почётный президент «Ювентуса» Джованни Аньелли (он же — владелец фирмы «ФИАТ», которой принадлежит команда), «если будет заключён контракт с Заваровым, мы убедимся, что в советском спорте действительно идёт перестройка».

Безусловно, Заваров был нужен киевскому «Динамо». Но Лобановский прекрасно понимал значение приглашения советского футболиста в такой клуб, как «Ювентус». Это — расширение связей с внешним миром и пропаганда советского футбола в Европе. Заваров был великолепно встречен в Италии — тысячи поклонников «Ювентуса» приветствовали его с транспарантами на русском языке. «И если он, — говорил мне Лобановский, — подтвердит там свой класс — в это очень хочется верить, — то разве это не поднимет вверх планку престижа нашего футбола?»

Можно было ожидать, что после окончания карьеры игрока Заваров останется в футболе в качестве тренера. И опыт работы в профессиональном клубе должен был, несомненно, помочь ему. Советскому футболу, считал Лобановский, нужны люди, которые могут перенести на наше поле то лучшее, что характерно для организации дела в профессиональных клубах.

Контракт Заварова с «Ювентусом» стал хорошим стимулом для роста мастерства многих других советских футболистов. Особенно молодых, которые должны стремиться не только к постоянному совершенствованию, но и к тому, чтобы как можно дольше сохранить себя в футболе на высоком уровне.

«Необходимо, — говорил Лобановский, — разрушать создаваемые у нас годами стереотипы. Почему-то всегда считалось, что футболу должно было всё время помогать государство. Наоборот, футбол должен помогать государству при малейшей возможности. Контракт Заварова — реальная помощь. Миллион долларов из заплаченной за Заварова суммы поступит в госбюджет, два миллиона — Госкомспорту СССР на олимпийские нужды и ещё два миллиона — киевскому “Динамо”.

Клубы должны сами зарабатывать деньги, в том числе и валюту. Благодаря этому можно решать очень многие вопросы, связанные прежде всего с материально-техническим обеспечением. Во всяком случае, в нашей команде появились теперь реальные возможности улучшить условия работы с детьми и юношами и серьёзно заняться подготовкой собственного резерва...»

Лобановский как ребёнок радовался, когда в распоряжение динамовского клуба поступили из Турина суперсовременный автобус, комфортабельные микроавтобусы и автомобили представительского класса — дополнение к выплатам за трансфер Заварова.

Сегодня можно счесть за наивность его слова, прозвучавшие после отъезда нескольких ведущих футболистов сборной, в частности Заварова и Хидиятуллина, в западноевропейские клубы: «Хочу подчеркнуть, мы посылаем в зарубежные клубы не желторотых мальчишек, а взрослых мужчин, пропагандистов наших идей, нашего общества». Но такова была его позиция, таков был его ответ тем, кто продолжал настаивать на запрете футболистам уезжать на Запад.

На встрече 30 мая 1988 года у секретаря ЦК КПСС Егора Лигачёва Лобановский поинтересовался: не будет ли правильным выделить команде в качестве премиальных 10 процентов от суммы, заработанной ею на чемпионате Европы? Прежде Советское государство ограничивалось выплатой по 300-500 долларов на брата. На этот раз Лигачёв, выслушав аргументы Лобановского, с названной им цифрой согласился и, согласившись, поручил помощникам подготовить все необходимые бумаги для Министерства финансов.

За выход на чемпионат Европы сборная СССР заработала тогда от УЕФА два миллиона долларов, за достижения на самом турнире (выход из группы, участие в финале, три победы) — ещё два с половиной миллиона. Для тогдашнего министра финансов СССР Валентина Павлова, будущего активного участника ГКЧП, было невыносимо расставаться с 450 тысячами долларов (10% от полученной суммы). Он всячески тянул с выплатой денег «каким-то футболистам». И тянул до тех пор, пока Лобановский через

помощников Лигачёва не поставил об этом в известность секретаря ЦК. Лигачёв, рассказывают, нашёл такие слова, услышав которые Павлов немедленно распорядился заработанное командой выдать. «Мы получили тогда деньги, — вспоминает Михайличенко, — какие никогда прежде в глаза не видели». Лобановский добился финансового поощрения даже тех футболистов, которые участвовали только в отборочных матчах чемпионата Европы, но на финальную стадию в состав не попали.

«Шефство над сборной СССР взял сам Егор Кузьмич Лигачёв...» — говорили тогда. Под «шефством», по всей вероятности, подразумевается индивидуальная встреча Лобановского с Лигачёвым, проходившая незадолго до отъезда советской команды на чемпионат Европы 1988 года. Её помог организовать помощник Лигачёва Роман Романов. Обсуждались самые серьёзные вопросы, связанные с предлагавшимися Лобановским и его единомышленниками способами и методами реорганизации футбольного хозяйства. В частности, речь шла об образовании Союза футбольных лиг. Лобановский был настолько убедительным, логичным и последовательным в предложениях и выводах, что Лигачев поинтересовался у него, как бы он отнёсся к предложению самому возглавить советский спорт. «Насколько мне известно, — без тени улыбки отреагировал Лобановский, — в газете “Советский спорт” есть главный редактор». — «Нет-нет! — воскликнул Лигачев. — Не о газете речь — обо всём советском спорте!» И тут же, сообразив, что Лобановский уже ответил на его предложение шуткой, рассмеялся. «Я, — сказал Лобановский, — тренер. Это моя профессия. До конца жизни».

В Европе сборную СССР признали безоговорочно. Дома же...

«Валерия Лобановского, руководителя нашей сборной, — написал в статье «Неулыбающаяся команда» фельетонист «Известий» Владимир Надеин, к футболу никакого отношения не имевший, но посланный тем не менее спецкором на турнир, — на чемпионате называют неулыбающимся тренером. Улыбаться или нет — сугубо личное дело Валерия Васильевича. Было бы нелепо навязывать человеку неприсущую ему жизнерадостность, в конце концов, деланая улыбка столь же неприятна, как и должностная угрюмость».

Даже если бы мы не знали о лёгком характере и весёлом нраве ряда игроков сборной (а мы об этом знаем), всё равно невозможно предположить, что среди 20 сильных, честолюбивых молодых мужчин нет ни одного, кто согласился “погадать на чемпиона”, — тем более что гадания эти имеют чёткий аромат шутки. Трудно предположить, что общительный Дасаев отказался бы от интересного интервью, а ироничного

Протасова вывело из себя его собственное остроумие.

Дело, судя по всему, не в коллективной угрюмости, вдруг поразившей весь спортивный коллектив. Дело в давних нравах. В обожествлении конечного результата как апофеоза отчётности. В примитивно толкуемом правиле “победителей не судят”. Судят. И в спорте — тоже. Сборная Голландии проиграла нам (речь о матче на групповом этапе. — А. Г.). Могла выиграть. Это видели все. И все видели, что голландец Гуллит, бывший на поле лучшим, не злился, не психовал, что сразу после свистка судьи его обращение с соперниками было и приветливым, и улыбчивым.

Такие победы не зависят от улыбки случая. Такой гол не засчитать нельзя.

Несколько читателей, позвонив в редакцию, предложили поискать корни невыразительной игры с ирландцами (опять же на групповом этапе. — А. Г.) в жёсткой зарегулированное™ нашей сборной, в её оторванности от общей атмосферы праздничного общения, в идеологической “перекачке”.

А если бы Дасаев отбил тот мяч? Или Протасов забил в ответ два? Если бы, наконец, команда провела бы весь матч блистательно и переиграла ирландцев наголову? Тогда что, запрет на общение с журналистами (и, следовательно, запрет на общение с читателями) был бы оправдан?

Есть ещё одно объяснение того, как появляются у нас “неулыбающиеся команды”. Оно прямо вытекает из того энтузиазма, с которым В. Маслаченко поведал о запрете на общение.

Совершенно ясно, что никакого энтузиазма опытный комментатор не испытывает и испытывать не может. Наоборот, он глубоко завидует своим английским, голландским и прочим коллегам, у которых есть возможность для нормальных контактов с тренерами и игроками национальных команд.

Тогда отчего же эта песнь неулыбчивости? От страха. Уже не раз спортивные лидеры показывали, что у них есть реальные возможности оказать влияние не только на состав сборных, но и на команды пишущих и передающих. Торжествовал принцип: выиграют — ликуйте, проиграют — критикуйте!

Мы хотим, чтобы выиграли. Мы готовы пожертвовать бессонными ночами. И ещё многим. Но не гласностью. Победа гласности дороже всех побед».

Демагог из «Известий» назвал тактику команды Лобановского, поразившую специалистов из Италии, Германии, Англии, Франции, других

стран, «пассивной, осторожной и, можно даже сказать, трусливой».

На следующий день после победы на групповом этапе над Англией в спортивной программе западногерманского телевидения брали интервью у Лобановского. «Вы как тренер, — сказал репортёр, — добились больших успехов, много раз выигрывали звание чемпионов СССР, побеждали в Кубке кубков, Суперкубке, но всё время выглядите каким-то неприступно суровым, не улыбаетесь даже...» В ответ — улыбка Валерия Васильевича и шуточный комментарий: «Если бы улыбка тренера на что-то влияла, я бы улыбался постоянно...»

Второе место в Европе — при игре, получившей на континенте очень высокую оценку, — журналист Аркадий Галинский назвал — просто поразительно! — «выдачей караса за пороса» и поиронизировал над тем, как «специально организованная группа болельщиков» якобы встречала в Шереметьеве Лобановского и его команду скандированием: «Мо-лод-цы!» Всё бы ничего, но самолёте вице-чемпионами Европы приземлился в Киеве. И там команду действительно приветствовали болельщики, всеми правдами и неправдами — никто их об этом не оповещал — узнававшими, когда сборная прибудет в Борисполь.

Президентствовал тогда в Федерации футбола СССР Борис Топорнин, известный юрист из Академии наук, «брошенный» на футбольную отрасль — общественником — ЦК КПСС. Лобановский давно не встречал столь грустного человека, каким выглядел после финала чемпионата Европы в 1988 году в Германии Топорнин. Поправив фалды клубного пиджака, он хмуро поглядел на Лобановского в подтрибунном помещении мюнхенского олимпийского стадиона и задал вопрос, который в тот момент занимал его больше всего: «Чем будем оправдываться?» Возраст Топорнина, советское юридическое образование вынуждали его помнить о полетевших после второго места в Кубке Европы-64 головах, о снятии Бескова, о выволочках в ЦК, о партийных взысканиях, сопровождавшихся инфарктами.

В 1964 году, впрочем, ситуация усугублялась политическими мотивами поражения в финале от Испании. Оно случилось в Мадриде, на переполненном стадионе «Сантьяго Бернабеу». Одним из зрителей был генералиссимус Франко, появление которого во время трансляции по советскому ТВ сопровождалось непристойной паузой.

От гнева Никиты Хрущева, устроившего футбольную разборку за сто с небольшим дней до собственного исчезновения с политической сцены, не спас даже вполне приемлемый для решающего матча на чужом поле счёт — 1:2. В день финала Хрущев находился с визитом в Скандинавских странах, ему доложили о проигрыше команде «испанского каудильо», и

Хрущев распорядился полностью поменять тренерский состав сборной СССР. Правда, расформировывать команду, как это было при Сталине в 1952 году после поражения на хельсинкской Олимпиаде от сборной Югославии, не стали.

— Что с вами, Борис Николаевич? — ответил Лобановский Топорнину.
— Почему на вас лица нет? Вам надо радоваться. Идите в раздевалку, поздравьте ребят. Вдумайтесь только: они — вторые в Европе!

После финала игроки отправили Дасаева к руководству сборной — с просьбой разрешить им посидеть за столом, как полагается в таких случаях. Разрешение получили от Симоняна. Первый тост подняли за Лобановского.

Глава 14

ЛОБАНОВСКИЙ, БУРЯК И БЛОХИН

Буряка глубоко задела — и не могла не задеть — несправедливость, проявленная по отношению к нему 16 мая 1982 года, когда в матче с харьковским «Металлистом» Берников нанёс киевскому полузащитнику — и это накануне чемпионата мира! — серьёзную травму в первом тайме, жёстко въехав подошвой бутсы в левую ногу. Буряк почувствовал острую боль, у него потемнело в глазах, но до перерыва он кое-как доковылял. В раздевалке Лобановский призвал динамовцев не беречь, как он сказал, «ноги для сборной», а после того, как Буряк показал распухшую ногу врачу и тот сообщил Лобановскому, что необходима замена, в сердцах бросил услышанную футболистом несправедливую, а потому обидную фразу: «Мы потом с симулянтами разберёмся!»

«Симулянта» тем временем на «скорой» доставили в ближайший травмпункт, а потом на Подол, к известному специалисту-травматологу Виталию Николаевичу Левенцу. Левенец посмотрел снимок: «Перелом клиновидной кости в трёх местах». — «Насколько это серьёзно? — спросил Буряк. — Я смогу восстановиться к чемпионату мира?» И услышал ответ: «Да какой чемпионат, сынок? Загипсует, а через месяц-полтора посмотрим».

«Не знаю, — говорил Леонид в интервью журналисту Эдуарду Липовецкому, — может, сегодняшний Буряк поступил бы по-другому, но тогда я ушёл. Как оказалось, лишил себя возможности совершить ещё один круг почёта с Кубком кубков в руках и сыграть свой прощальный матч в Киеве. Блохин же поступил мудрее — остался».

Вступая в должность главного тренера киевского «Динамо» в 2005 году, Леонид Буряк сказал, что каждый футболист мечтает возглавить команду, за которую он играл раньше, и заметил, что для него не прошло даром время, проведённое рядом и с Лобановским, и с Севидовым. Только похвалы, что и говорить, заслуживает футболист, вспомнивший тренера, в «Динамо» его пригласившего. При Севидове, однако, Буряку довелось сыграть в составе динамовской команды всего 26 матчей. Остальные 278, проведённые в футболке клуба, — при Лобановском. При Валерии Васильевиче и в список 33-х лучших игроков страны Буряк стал попадать,

и в сборной СССР стал одним из ведущих полузащитников.

Бесконечно благодарный тренеру за годы совместной работы, Буряк называл Лобановского «одним из лучших тренеров мира», который, «в отличие от некоторых других тренеров, всегда видел в футболистах в первую очередь людей. У него не было любимчиков. Он требовал от всех одинаково».

Тогда, после конфликта с Лобановским, Буряк действительно собирался перебраться в «Спартак», даже провёл, по его словам, тренировочную игру в составе спартаковской команды. Но Буряку позвонили из приёмной Щербицкого и попросили, сославшись на пожелание «самого», о «Спартаке» забыть, а перейти в любую другую команду. Первый президент независимой Украины Леонид Кравчук рассказывал, как Щербицкий после ухода Буряка заявил своим помощникам: «Головы вам не сносить, если Леонид наденет футболку “Спартак”».

«Только из уважения к Щербицкому, — вспоминает Буряк, — я перешёл в “Торпедо”. А то, что Лобановскому какую-то гадость на меня и Блохина донесли... Было. Не гадость сама по себе была, а донос. Когда помирились с Лобановским, я у него спросил: “Почему вы не поверили мне? А доверились негодьям, которые сказали, что мы хотим вас снять?!” Он извинился».

«Доброжелатели» воспользовались тогда психологическим состоянием Лобановского, пребывавшего на взводе из-за того, что далеко не всё шло по задуманному им плану. Они и сочинили историю о том, что Блохин и Буряк всерьёз вознамерились снять его, и не только подговаривают партнёров, но и ходили уже в ЦК. Лобановский был в ярости. Он старался сдерживать себя, но перемену в его отношении к Буряку и Блохину заметили все. Лобановский не стал даже делать то, что обычно делал, когда с кем-то из футболистов у него возникали шероховатости, — разговаривать с глазу на глаз.

В своей команде Лобановский хотел видеть Буряка ещё тогда, когда тренировал «Днепр». Однажды после матча в Одессе он попросил давнего знакомого, чтобы тот организовал ему встречу с Буряком. Буряк пришёл в гостиничный номер Лобановского, выслушал предложение переехать в Днепропетровск и ответил Валерию Васильевичу точно так же, как он отвечал гонцам из других клубов, в том числе московских и ленинградского «Зенита»: «Если я когда-нибудь уйду из “Черноморца”, то только в киевское “Динамо”, за которое болею с детства».

В «Динамо» они и встретились. «Наверное, нам всё-таки суждено

поработать вместе, — сказал тогда Лобановский Буряку. — Ты способный, талантливый футболист. Однако талант — талантом, но для того, чтобы достичь чего-то, нужно работать и работать. Иди и работай».

Из чемпионского состава 1981 года в «Динамо» остались лишь Буряк и Блохин. «Долгое время, — вспоминает Буряк, — у нас мало что получалось. Не клеилась игра в середине поля, из-за чего Олегу приходилось отходить далеко от ворот соперника. Он стал меньше забивать. Команда не показывала результат, и руководство стало давить на Лобановского, а он — на нас. Атмосфера накалялась. Я был капитаном, и мне доставалось больше всего. Это сейчас, по прошествии стольких лет, я понимаю, что Валерий Васильевич во многом был прав. Тогда же мне казалось, что тренер слишком несправедлив ко мне. К тому же тогда в руководстве команды был человек, который специально раздувал между нами вражду. Его уже нет в живых, но я всё равно не хочу называть его имени. Мне он якобы по-дружески говорил одно, а Лобановскому докладывал то, чего не было».

Буряк никогда не позволял себе повысить голос на тренера, которому был обязан карьерой, положением, благополучием. В их отношениях возникали сложные моменты, но никто ни на кого не кричал. «Мы могли часами беседовать и отстаивать друг перед другом свою точку зрения, — рассказывает Буряк. — Я понимаю, что Валерий Васильевич обижался, когда я оставался при своём мнении. Бывало по-всякому. Однажды я даже отказался выходить на поле. Было это в 1984 году. Мы играли кубковый матч с московскими одноклубниками. Встреча катилась к ничейному результату и, стало быть, к серии 11-метровых ударов. Минут за 15 до финального свистка Лобановский произнёс: “Буряк, готовься на замену. Будут пенальти — пробьёшь”. Но я не стал разминаться. Попробую объяснить почему. Дело в том, что я только восстанавливался после травмы и был очень далёк от своей лучшей формы. В то время всю ходили слухи, что Лобановского хотят снять. Я опасался, что, не войдя как следует в игру, могу не забить. Представил, что бы сказали обо мне, если бы я не реализовал пенальти. Не иначе как Буряк сплавил Лобановского. Но злые языки внушили наставнику, что я специально не вышел на замену, чтобы не отстаивать Валерия Васильевича».

Однажды Буряк очень обиделся на Блохина за историю с машинами. «В тот год, — рассказывает Буряк, — на команду выделили три автомобиля, а желающих их приобрести было четверо, в том числе и я. Как-то, гуляя вместе с детьми в зоопарке, заметил Олега с супругой. Но, увидев меня, они вдруг повернули и пошли в другую сторону. Что

случилось? Мы ведь тогда не были в ссоре. Позже я узнал, что Олег присутствовал при распределении машин, когда Лобановский принципиально оставил меня ни с чем. И Олег не только не заступился за меня, но ещё и ничего мне об этом не сказал. Для меня дело было не в машине, без которой я вполне мог обойтись, а в принципе. Именно поэтому я и поехал на стадион «Динамо», зашёл к Лобановскому и спросил: «Васильич, неужели я не заслужил если не машину, так хотя бы объяснений?» Разговор у нас не получился. Уходя, я поблагодарил тренера за всё, что он для меня сделал, и... так хлопнул дверью, что она слетела с петель.

Через десять дней один из администраторов передал мне просьбу тренера о встрече. Когда я зашёл в кабинет Лобановского, он и виду не подал, что что-то произошло. «Давай забудем тот всплеск эмоций, — произнёс Валерий Васильевич и протянул мне руку. — Получай форму, поедem на сборы в Руйт». Но к тому времени я для себя уже всё решил. Я чувствовал, что наставник больше не доверяет мне, как прежде. Мне не хотелось повторить судьбу Мунтяна и других ветеранов «Динамо», которые пережили своеобразное унижение, когда перестали попадать в основной состав. Я ещё чувствовал в себе силы играть на высоком уровне».

Лобановский и Буряк не разговаривали больше двух лет. Они даже не здоровались. Как-то случайно встретились на стадионе «Динамо» в один из приездов Буряка из Финляндии, где он тогда играл. Пожали друг другу руки, поговорили по душам. Разговаривали так, будто ничего не произошло. «Это лишний раз свидетельствует о мудрости и гениальности Валерия Васильевича», — говорит Буряк. Тогда, на «Динамо», Лобановский пригласил обоих — и Буряка, и Блохина — к себе в кабинет. Просидели до трёх утра. Разложили по полочкам все недоразумения из 1984 года. Разговор получился очень откровенным и прочувствованным. «Признаюсь, — говорит Буряк, — я, человек практически не пьющий, в тот вечер, единственный раз в своей жизни, не помнил, как добрался домой...»

Лобановскому удалось привести к общему знаменателю интересы команды и интересы Блохина, о котором до появления Лобановского в «Динамо» только и судачили, что «он игрок некомандный, некоммуникабельный». При Лобановском Блохин часто стал брать игру на себя, но почти всегда оправданно, все его действия были подчинены коллективной игре, он вошёл в неё органично. «Вот это сочетание эгоистичной и коллективной игры, — говорил Вячеслав Дмитриевич Соловьёв, — присуще только истинному таланту».

Нив одной из своих команд («Днепр», «Динамо», сборные СССР и

Украины, не говоря уже об ОАЭ и Кувейте) Лобановский не выстраивал игру вокруг отдельного футболиста, пусть даже самого звёздного и талантливого, какими, безусловно, были Блохин и Шевченко, два обладателя европейского «Золотого мяча». Но «Динамо» играло на Блохина и Шевченко, используя их феноменальные качества, и Лобановским, — что бы ни говорили предвзято настроенные критики о том, что тренер «в зародыше душит и губит таланты», — это никогда не возбранялось. Более того, он всячески поощрял индивидуальные действия таких сильных индивидуалистов и импровизаторов, какими были Блохин, Веремеев, Онищенко, Буряк, Мунтян, Заваров, Беланов, Михайличенко, Белькевич, Шевченко, поскольку действия эти, во-первых, никогда не шли во вред командной игре, а, напротив, усиливали её, делали порой непредсказуемой, а во-вторых, ни один из этих футболистов при потере командой мяча не останавливался, дабы переждать, отдохнуть, посмотреть со стороны, как будут развиваться события, а моментально переключался на общекомандную оборону.

До Лобановского Блохин уверенно чувствовал себя только на острие атаки, только в зоне обстрела ворот, только как игрок, завершающий наступление, причём завершающий лишь в определённой обстановке, когда надо было убежать от противников и ударить. Его ходы можно было предвидеть заранее. Его игровой диапазон был ограничен.

После появления Лобановского в киевском «Динамо» роль Блохина изменилась кардинально. Валентин Иванов, сам в прошлом выдающийся форвард, отмечал, что Блохин «по-прежнему силен в главном своём деле, но уверенно чувствует себя в любой точке поля и всюду готов сыграть в зависимости от необходимости — в отборе, дать первый пас в зарождающейся комбинации, продолжить её, сделать завершающую передачу». Блохин, констатировал восхищенный Иванов, «научился — с помощью тренеров, конечно, — видеть всю картину игры во всех её хитросплетениях и всякий раз находить в ней своё место. Он, как и положено большому мастеру нынешнего футбола, делит с партнёрами весь их труд, не сбрасывая ничего на чужие плечи, а ещё и выполняет ту свою работу, в которой он не превзойдён и не заменим».

Тренеры соперников «Динамо» по-разному пытались справиться с проблемой под названием «Блохин».

Персональная опека не помогала: высочайшая скорость, лёгкость, с какой Блохин отрывался от опекунов, не позволяли нейтрализовать киевского нападающего. Зонная защита также не спасала: коллективные действия динамовцев и с таким методом ведения обороны справлялись.

Блохин забивал порой фантастические голы. Такие, скажем, как в первом матче за европейский Суперкубок с «Баварией» в 1975 году в Мюнхене, когда он на скорости отправился в одиночный рейд со своей половины поля и, убедившись затем, что все партнёры отстали и ему не помощники, «раздел» оборону немецкого клуба во главе с тогдашними чемпионами мира Беккенбауэром и Шварценбеком и изящно переиграл ещё одного чемпиона — вратаря Майера.

А четырьмя месяцами раньше, в базельском финале Кубка кубков с «Ференцварошем», «Динамо» открыло счёт после того, как Блохин выдал такой точный пас Онищенко, что и соперника, сторожившего партнёра, отсёк, и, как вспоминал потом Онищенко, «мяч уложил мне прямо на ногу, лучше не придумаешь».

После ухода Лобановского из жизни в Киеве принялись искусственно подтягивать Блохина к тренерским высотам. Стали, например, называть одним из «лучших и самых успешных наряду с Валерием Лобановским и Олегом Базилевичем» украинских тренеров.

Киевский журналист Георгий Кузьмин выдумал новый, в высшей степени нелепый по своей сути, способ ранжирования тренеров. «Я убеждён, — пишет Кузьмин, — что бог футбола в нашей стране один (по системе игрок плюс тренер приходится отодвигать на серебряную ступень Олимпа самого Валерия Васильевича) — это Блохин».

«Система игрок плюс тренер» — это, конечно, сильно. По ней Блохин оказывается на отечественной и европейской тренерских лестницах много выше фигур, которые (если рассматривать их вне «системы», придуманной журналистом), несомненно, сильнее Блохина-игрока и Блохина-тренера.

Блохин-тренер добрался со сборной Украины до четвертьфинала чемпионата мира 2006 года — безусловное достижение! — но полностью провалил работу с киевским «Динамо»: шутка ли — впервые в истории чемпионатов Украины «Динамо» при Блохине, работавшем с командой около девятнадцати месяцев, заняло лишь третье место. Но самое главное: у Блохина-тренера не оказалось в наличии не только собственного тренерского метода, но и метода (или методов), сформулирую так, «заимствованного».

Он сильно раздражался, когда ему пытались напомнить о Лобановском, повышал на пресс-конференциях голос: «Я — не Лобановский! Я — Блохин! Не сравнивайте меня с Лобановским! У Лобановского было своё видение футбола, у меня своё!» И полагал, прислушиваясь к тем, кто будто бы всё касательно происходившего в киевском «Динамо» знал и утверждал: Лобановский будто бы только тем и

занимался, что запрещал «вассалам произносить запретную фамилию всуе». Под «запретной фамилией» имея в виду собственную, Блохина, как, впрочем, запрещал якобы «вспоминать без особой на то нужды Анатолия Фёдоровича Бышовца, ещё одного неординарного и нелюбимого антагониста». Лобановский, дескать, почувствовал в Блохине (получается, и в Бышовце?) конкурента, «понимал, кто именно может оказаться достойным, но отнюдь не желанным наследником его вотчины», а потому, опасаясь конкуренции и сравнений не в свою пользу, всё делал для того, чтобы завершивший карьеру игрок Блохин в тренерской группе ассистентов Лобановского не появлялся.

«И почему я должен кому-то что-то доказывать? — возмущался Блохин. — Брать низшую команду и поднимать её? Если следовать этой логике, то многие наши тренеры, которые сюда вернулись, тоже должны были тренировать плохие команды и выводить их наверх». Под «сюда вернулись», несмотря на множественное число, Блохин подразумевал только Лобановского. Никто больше «отсюда» не уезжал и «сюда» не возвращался.

Занятия Лобановского Блохин никогда не конспектировал. И тренером быть не собирался. Но — стал им. Семь лет проработал в Греции. «Я знаю, — говорил он в 1997 году, — что там, в Москве или Киеве, многие смеются — Блохин работает в какой-то Греции. Как-то приезжал сюда Бышовец, поморщился, и как же, говорит, ты здесь можешь работать? Ну и что, он после этого “Реал” принял? Нет, поехал на Кипр».

Телекомментатор Геннадий Орлов, назвав 20 июня 2012 года в «Советском спорте» шестидесятилетнего Блохина «перспективным тренером», утверждает, что «на Украине он наряду с Бышовцем стал антиподом Лобановского — просто они имели собственное мнение, за что и поплатились. Клан Лобановского не мог допустить, чтобы эти двое взобрались на вершину. Требовалось время, уход Лобановского, чтобы Блохин стал в этом клане своим».

Орлов, надо сказать, ввёл совершенно новое понятие, прежде не упоминавшееся, — «клан Лобановского». Что это означает, кто входит в состав «клана», за какое «собственное мнение» поплатились Бышовец и Блохин и что за этим кроется — об этом телекомментатор не обмолвился ни словом, ни полусловом. Главное — заставить несведущих людей поверить в то, что мифический «клан Лобановского» мало того что карал Бышовца и Блохина за «собственное мнение», так ещё и всё делал для того, чтобы эти двое, не дай бог, не взобрались на вершину.

Никто между тем не мешал Бышовцу, возглавившему «Шахтёр»,

поднять эту команду с её беспрецедентным финансированием на «вершину». Но тренер — к сожалению для тех, кто его позвал, — работу в Донецке завалил (донецкие футболисты прозвали Бышовца «Копперфильдом» — ЗИЛом: «заслуженным иллюзионистом» вместо «заслуженного тренера»).

Как завалил работу в киевском «Динамо» Блохин, которому никто не мешал выиграть с этой командой, по части финансирования и созданных условий «Шахтёру» практически не уступавшей, хотя бы чемпионат Украины, что удавалось почти всем его предшественникам. Игорю Суркису казалось, что «такая харизматичная личность, как Блохин, может вывести команду на новый уровень». Президент клуба готов был делать всё для того, чтобы у тренера это получилось. Но, к сожалению, ничего у Блохина в «Динамо» не получилось.

После отставки Буряка с поста главного тренера сборной Украины и назначения на эту должность Блохина оба затеяли детский спор: кто перед кем и когда должен держать отчёт?

Блохин, понятно, настаивал на отчёте перед ним предшественника. Буряка такая постановка вопроса удивляла. У него, мотивировал он, было соглашение с президентом Федерации футбола Украины Григорием Суркисом, с ним и был разговор, и при чём тут Блохин? У Блохина, напоминал Буряк, есть «номер моего телефона»: пожалуйста, пусть звонит, задаст любые вопросы, на которые получит ответы. А специально приходить к нему «на отчёт» — увольте!

Формально Буряк, разумеется, был прав. В сборной Украины постоянно накапливалась детальная информация, в том числе масса видеоматериалов — с тренировок и матчей. Штаб Буряка из рук в руки передал документы соответствующим службам Федерации футбола Украины. «Что дальше? — спрашивал Буряк. — Перед Блохиным отчитываться? А кто он такой, чтобы я перед ним отчитывался? Я не обязан отчитываться ни перед кем. А что, Лобановский передо мной “отчитывался”? Или Сабо перед Лобановским?..»

Лобановского Буряк в этой ситуации вспомнил, наверное, напрасно. Во-первых, Лобановский фактически настоял перед руководителями украинского футбола на том, чтобы именно Буряк возглавил сборную страны после того, как команда проиграла стыковые игры чемпионата мира Германии и Лобановского отправили в отставку. Во-вторых, перед назначением Буряк — не проходило дня — названивал Лобановскому, советовался, спрашивал, иногда даже приезжал к нему.

Буряк и Блохин, как, впрочем, и остальные «птенцы» из тренерского

«гнезда» Лобановского, обречены на постоянные сравнения с ним. И сравнения эти — не в их пользу. Это раздражало и раздражает. Настолько, что даже недосуг порой вспомнить о своих «достижениях» на тренерском поприще.

Владимир Пильгуй считает, что Блохина с Лобановским и сравнивать не стоит: «Блохину мешает собственное величие, гонор: игрок с таким характером может быть успешным, тренер — никогда».

Умоляя не сравнивать его с Лобановским, сам Блохин — по всей вероятности, в порыве тщеславия — от сравнения удержаться не смог. «Даже великий Лобановский, — с гордостью заявил он после успеха в отборочном турнире, — не выводил сборную в финальную часть чемпионата мира, а тут приходит Блохин, который говорит, что выведет сборную из группы с первого места». Игорь Суркис признался, что слова «даже Лобановский» царапнули его по душе, и динамовский президент сказал об этом Блохину.

Произносил ли Лобановский попавшую в печать фразу: «Я хорошо знал великолепного игрока Олега Блохина, но как тренера его я, к сожалению, не знаю» или не произносил, не суть важно. Киевский журналист Максим Максимов включил её в интервью с Лобановским. В день публикации этого интервью Лобановский сказал мне по телефону, что, во-первых, он интервью вообще не давал: был в тренерской комнате на «Динамо» обычный разговор, какие случаются, а во-вторых, трактовка суждения о Блохине-тренере искажена: получилось, что «я не знаю такого тренера. Я знаю, что он тренировал греческие команды, но их матчей я не видел, как — тем более — не видел эти клубы в тренировочном процессе».

Действительно, откуда Лобановскому знать Блохина-тренера?

Игрок Блохин всегда был с Лобановским — и в «Динамо», и в сборной — рядом, о возможностях его тренер знал не от третьих лиц, а по каждодневной совместной работе. В феноменальности Блохина-игрока Лобановский никогда не сомневался. Он называл футболиста живой историей киевского «Динамо» и советского футбола и говорил, что не может «не присоединиться ко всем добрым словам, сказанным в его адрес в разные годы».

Хотя вывести из себя Блохин мог даже такого крепкого, редко проявлявшего эмоции человека, как Лобановский. Однажды в Тбилиси перед важным матчем Блохин вышел на тренировку и стал рассказывать, что что-то у него побаливает. Лобановский, весь на нервах, среагировал мгновенно: подозвал администратора команды и распорядился немедленно отправить Блохина самолётом в Киев. «Да нет, Васильич, — сказал Блохин,

услышав это, — я буду играть». — «Самолёт. В Киев», — повторил Лобановский. И Блохин улетел.

«Олег, как ты себя чувствуешь?» — спросил как-то раз в 87-м Лобановский сидящего на скамейке запасных Блохина, надеясь выпустить его на замену. Вопрос не случайный, ибо до матча и в перерыве Блохин жаловался на неважное самочувствие, почему и оказался на скамейке запасных.

«А вы как себя чувствуете?» — спросил тот в ответ.

«Всё понятно. Посиди тогда». — Лобановскому было не до смеха, хотя ситуация выглядела забавной, никогда прежде в практике Лобановского не случавшейся. Пришлось искать замену замене.

Лобановский всегда подчёркивал, что «всё в игре делает команда, за всё ответственна она — футболисты и тренеры». Лишь однажды он отступил от этого принципиального правила, публично, на пресс-конференции, назвал фамилию футболиста, блестяще прошедшего матч. Это было в Киеве 5 ноября 1986 года. «Динамо» встречалось в 1/8 финала Кубка европейских чемпионов с шотландским «Селтиком». «Это не самая лучшая игра нашей команды, — вспоминал Лобановский. — Претензии к ней были, но не конкретные, касающиеся отдельных игроков, а в плане реализации коллективного мастерства, ведь образ игры создаёт вся команда. Но я не мог не выделить Блохина — как личность, как спортсмена. Ему в тот день исполнилось 34 года, и действовал он на поле, словно десять лет назад, — образец, на мой взгляд, того, как надо служить футболу, делу, зрителям».

Глава 15

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕМПИОНАТ МИРА

Когда зашёл разговор о составе на Италию-90, по Черенкову Лобановского «пытали» отдельно. Особенно много вопросов по нему было на бюро исполкома Федерации футбола. Лобановский, не вдаваясь в медицинские подробности (связанные с необходимостью постоянного приёма определённых лекарственных препаратов, некоторые из которых могли не выдержать проверки на допинг), объяснил, что решение тренеров не включать Фёдора в состав вызвано прежде всего тем, что ему, как проходящему соответствующий курс лечения, нельзя давать высокие нагрузки. И добавил, что консультации с докторами продолжаются регулярно.

Вокруг взаимоотношений между выдающимся тренером и выдающимся футболистом по сей день много кривотолков. Лобановского, в частности, упрекают в том, что он, будучи тренером сборной, игнорировал Черенкова. Это неправда. В общей сложности Черенков сыграл за карьеру 34 матча в составе сборной СССР. При Бескове — восемь матчей (один официальный, семь товарищеских), при Малофееве — девять (четыре и пять), а при Лобановском — семнадцать (восемь и девять). Спартакowski полузащитник сыграл в пяти из шести проведённых перед чемпионатом мира товарищеских матчах. Лобановский рассчитывал на него, но в последний момент вынужден был от услуг хавбека отказаться. Ключевое слово здесь — «вынужден».

Лобановский всегда был очень высокого мнения об уровне футбольного мастерства Черенкова. Лишь проблемы со здоровьем спартакowski футболиста не позволяли Лобановскому включать Черенкова в состав команды.

Стоны о том, что расцвет таланта Черенкова пришёлся, «увы, на эпоху Лобановского», не прекращались. «Должен сказать, — писал журналист Юрий Юдин, — что Валерий Васильевич сделал всё от него зависящее, чтобы “отцепить” Черенкова от финальных турниров мировых чемпионатов в Испании, Мексике, Италии, путёвки куда (за исключением, пожалуй, Испании) завоёвывались при самом непосредственном участии Фёдора. И что больше всего умиляет, так это то, что в запасе у главного

тренера всегда была наготове масса “объективных причин”, исходя из которых пребывание Черенкова в составе команды считалось нецелесообразным. Склонен полагать, что решающую роль сыграло именно личное неприятие Лобановским футбола Черенкова. Он не был, да и не мог быть “винтиком в механизме командной игры”, он не был роботом — исполнителем на поле».

Поражало (и продолжает поражать) нежелание разобраться в «истории с Черенковым» даже людей футбольных, таких, к примеру, как бывший вратарь «Локомотива» и сборной России Сергей Овчинников, утверждающий, что «Черенков просто не подходил под модель игры Лобановского и стал заложником тактической схемы». Или — как Георгий Ярцев, сам тренер, говоривший о «нежелании какого-то тренера брать Черенкова в сборную», под «каким-то тренером» подразумевая Лобановского.

«Как же надо играть Черенкову, — вопрошал Маслаченко в репортаже о матче СССР — ГДР 24 апреля 1989 года, — чтобы играть в сборной? Общественное мнение надо учитывать. Черенков играет блистательно».

Между тем Лобановский никогда не говорил, что Черенков не подходит для тактических вариантов, предлагаемых его командами сопернику. Если бы он так считал, Черенков не выходил бы на поле в составе руководимой им сборной. Но ведь выходил!

«Я играл в тот счастливый, 1983 год, — рассказывал Черенков в книге «Мастер и мяч. Честный футбол Фёдора Черенкова», — за клуб, за олимпийскую сборную, за первую сборную. Играл и забивал. Чувствовал, что получается хорошо, был уверен в себе. Казалось, что силы мои беспредельны, что я способен выдержать любые, самые запредельные нагрузки. Совершенно забыл о самоконтроле. И сам не заметил, как внезапно навалилась на меня физическая усталость, доходившая порой до полного истощения. Никого не хотелось видеть, не было ни сил, ни желания что-либо делать. Последовал закономерный нервный срыв, за ним другой, третий... Из власти футбола я попал во власть медицины. Тяжело вспоминать время болезни. Болезнь моя, не так уж часто встречающаяся в спорте, протекала долго и трудно».

Лобановский всегда интересовался у спартаковских сборников здоровьем Черенкова («Как там Фёдор?»). Изначально он планировал включить Черенкова в состав на Италию-90. Об этом он говорил Симоняну, Морозову и Мосягину — членам тренерского штаба сборной. Об этом же свидетельствуют технические данные о подготовке сборной. Со 2 по 24 февраля 1990 года она провела 13 контрольных матчей: десять на

итальянском сборе против клубных команд Швейцарии и Италии, три в США в рамках «Кубка “Мальборо”» со сборными Колумбии, Коста-Рики и США. Черенков сыграл в двенадцати встречах, пропустив лишь одну, в Италии. В Америке все три матча он провёл полностью, в Италии полностью пять из девяти, в одной встрече его заменили, в трёх на замену выходил он сам. На заключительной стадии подготовки Черенков полностью провёл 28 марта товарищеский матч с голландцами в Киеве, а 25 апреля в Дублине выходил на замену в игре с ирландцами. 14 дублинских минут стали для Черенкова последними в составе сборной СССР.

После возвращения сборной из США Юрий Андреевич Морозов говорил мне, что «Черенков стал чувствовать вкус к коллективному отбору, встречному отбору, прессингу. Надо смотреть. Всё решат апрель — май...».

Но Лобановский и его коллеги по штабу с сожалением были вынуждены отказаться от услуг Фёдора из-за очередного обострения преследовавшей выдающегося футболиста болезни.

Черенков почти достиг 31-летнего возраста. Он, по свидетельству хорошо знавших его людей, думал в то время «не о чемпионате мира, а лишь о том, как после страшного внутреннего истощения набраться сил, чтобы вновь захотеть играть в футбол». И не «злая» воля Лобановского, о недуге Черенкова не произнёсшего ни одного слова, — тому причина.

«Конечно, — говорил Черенков о годе 1986-м, — я был страшно расстроен тем, например, что Малофеева, у которого я имел стопроцентное место в составе, за три недели до чемпионата мира сменил Лобановский и отцепил меня».

Но так ли это? Первая сборная СССР под руководством Малофеева в 1984—1986 годах провела 24 матча. Черенков принимал участие всего в девяти из них, причём только три игры — в сентябре — октябре 1985-го — провёл полностью. Ещё в двух выходил на замену, а в четырёх был заменён сам. Лобановский, сменив Малофеева, не мог «отцепить» Черенкова по одной простой причине: Черенкова на тот момент в составе не было. Он летал со сборной в январе 1986 года в Испанию (провёл на поле час в проигранной испанцам встрече), в феврале в Мексику (мексиканской национальной команде советская сборная проиграла 0:1, Черенков сыграл 25 минут, выйдя на замену) и в апреле в Румынию (вновь поражение, Черенков был заменён на 41-й минуте). Против финнов в мае в Москве Черенков уже не играл.

После того как за три недели до начала мексиканского турнира команду возглавил Лобановский, вокруг Черенкова развернулась настоящая

эпопея. Лобановский, хорошо осведомлённый о том, что происходило на сборе в Мексике (рецидив болезни), о лечебных курсах применительно к Черенкову, не захотел брать на себя ответственность: в любой момент в условиях длительного отрыва от дома и тренировочных нагрузок у Черенкова мог произойти серьёзный срыв. К тому же, повторю ещё раз, могла возникнуть необходимость принимать такие препараты, в которых содержатся запрещённые компоненты.

Сам, однако, Лобановский о своём решении говорить Черенкову не стал. Никогда прежде ему не приходилось принимать решение, с которым внутренне он сам был не согласен. Лобановский очень переживал сложившуюся ситуацию и попросил врача сборной Савелия Евсеевича Мышалова поговорить с Черенковым: «Деликатно, как вы умеете, дайте ему знать, что в дальнейшем он в сборную привлекаться не будет из-за болезни, которая может в любой момент обостриться».

«Я, — вспоминает Мышалов, — не знал, с какого боку подступиться к этой чёрной для несчастного парня вестью. Взволнованно, путаясь в словах, начал издалека: “Претензий к тебе никто не предъявляет. Но в целях профилактики, чтобы сохранить твоё здоровье... Ведь мы опять летим в Мексику, где на супертурнире возникнет чрезмерная стрессовая нагрузка... К тому же высота может вернуть твои прежние проблемы...”». Черенков, по свидетельству Мышалова, «выслушав это бормотание, не выдержал — заплакал». Затем собрал вещи и уехал из Новогорска.

Но история на этом не завершилась. У «Спартака» всегда была мощная поддержка во властных структурах. Одним из болельщиков клуба слыл, например, некто Дымков, возглавлявший в ЦК КПСС сектор выездов за границу. Прознав, что Черенкова решили не брать на чемпионат мира, он приехал в Новогорск и напрямую отправился в номер Лобановского. Номер состоял из двух комнат. В одной была спальня, в другой Лобановский оборудовал для себя временный кабинет. В нём Дымков и стал объяснять Лобановскому, кто такой Черенков, какое важное значение для страны имеет его — «народного героя, любимца!» — участие в чемпионате мира, и фактически потребовал в присутствии, стоит заметить, Симоняна возвращения Черенкова в состав. Попытка Лобановского объяснить партийному чиновнику причины, вынудившие его принять такое решение, ни к чему не привели. Дымков продолжал настаивать. Тогда Лобановский перевёл «стрелки» на Мышалова: «Идите к доктору. Если он возьмёт на себя ответственность, возражать не стану».

Дымков, по словам Мышалова, разговаривал с ним, «мягко говоря, некорректно». Доктор доходчиво ему объяснил: «Несколько месяцев назад

у Черенкова случился рецидив. Поэтому нет гарантии, что он, даже пройдя в Мексике завершающий этап подготовки без сучка и задоринки, примет участие в первенстве мира...» Не дослушав Мышалова до конца, Дымков вновь отправился в номер Лобановского. И тогда Лобановский, приняв во внимание мнение Мышалова, заявил твёрдо: «Нет, Черенкова мы с собой не возьмём!» Попытки Дымкова надавить на руководство сборной через руководителей более высокого уровня успехом не увенчались.

Когда у Симоняна однажды поинтересовались, возникли ли у него дискуссии с Лобановским по поводу использования в сборной Черенкова, дважды лучшего футболиста СССР, он ответил: «Конечно, мы говорили об этом. Но Валерий Васильевич твердил своё: “Никита Павлович, он ведь не выдержит нагрузок, боюсь я этого...” Я тоже не хотел брать грех на душу».

«Нет, — говорил Черенков, — обиды на Лобановского не держу. В конце концов, он — тренер, он несёт за всё полную ответственность, он рискует — и он имеет право на собственное мнение. Видимо, я “не вписывался” в ту игру, какую Лобановский ждал от своей команды. Говорю это не просто из вежливости. Когда я сам вступил на тренерскую стезю, понял Валерия Васильевича».

Лобановский никогда публично не комментировал свои решения, связанные с Черенковым. Никогда, например, не говорил, что «спартаковский полузащитник не готов функционально» или же «не вписывается в нашу игровую схему» — все эти «оправдания-отговорки» приписаны Лобановскому теми, кто был возмущён отсутствием Черенкова на чемпионатах мира и Европы. Лобановского сделали в связи с этим главной мишенью. О том, что на чемпионат мира в Испанию Черенкова не взял его клубный тренер Бесков, и не вспоминали.

Но довольно о Черенкове. Ибо речь у нас всё-таки идёт о чемпионате мира 1990 года — последнем для Лобановского и для сборной СССР.

Мало кто знает, что в декабре 1989 года Лобановский раздумывал над тем, чтобы изменить свой статус в киевском «Динамо», стать начиная с 1 января 1990 года тренером-консультантом для Анатолия Пузача и Владимира Веремеева, а основное внимание сосредоточить на подготовке сборной СССР к чемпионату мира в Италии. Но по зрелом размышлении от этой идеи отказался. 1 января мы разговаривали с ним, и он сказал мне, что всё остаётся, как было, и что неизменность позиции необходима прежде всего футболистам, которые без постоянной твёрдой руки (как показал опыт 1983 года) жить и работать, к сожалению, не в состоянии.

Наверное, ошибочным можно назвать решение Лобановского заранее, за несколько месяцев до начала чемпионата мира в Италии, объявить

публично о том, что он уйдёт из сборной при любом результате. Это не могло не сказаться на психологическом состоянии футболистов, сразу же принявшихся гадать: что да как будет потом, кто придёт на смену Лобановскому.

Считается, что о решении этом Лобановский объявил весной, за несколько месяцев до турнира. Это не так. Мне, например, он рассказал о решении уйти из сборной почти сразу после возвращения с европейского первенства, в конце июня 88-го. Но то была частная беседа. Публично же впервые он объявил об этом 3 ноября 1988 года в своей статье «Взгляд с гребня», опубликованной в газете «Советская Россия», предложившей Лобановскому ответить на некоторые письма читателей. В числе прочего у него спросили, удобно ли ему «сидеть сразу на двух стульях». — «Всегда было неудобно, — ответил Лобановский. — Утешает, что точно известно, когда это кончится, — в 1990 году. Тренеры сборной у нас не заключают контрактов с Госкомспортом, но такова у меня, можно сказать, джентльменская договорённость с руководством. Я бы не выполнил своего профессионального долга, если б воспользовался отсутствием документа, заменяющего контракт, и подал бы в отставку до чемпионата мира. Глубоко убеждён: тренерский состав сборной должен работать не менее четырёх лет и отчитываться именно по итогам мирового первенства. Так что потерпите. А уж перемены у руля сборной будут обязательно».

«Помимо Михайличенко, игрока для сборной крайне необходимого, — рассказывал Лобановский о кадровых проблемах перед итальянским чемпионатом мира, — из средней линии выбыл Яковенко. Он получил травму в полуфинале Кубка страны с ЦСКА. Нам казалось, что после серьёзной травмы, настигшей Яковенко годом раньше, он пришёл в себя. Полузащитник начал, как он это умеет, безостановочно и осмысленно передвигаться по полю, появляясь в самых неожиданных для соперника точках. Медицинские показатели подтверждали это наблюдение: данные Яковенко свидетельствовали о том, что постепенно он приблизился к своему лучшему состоянию.

К этому следует добавить: нас беспокоили неопределённость состояния Заварова, долгое время не игравшего, ситуация с Добровольским, для которого тренировочный сбор перед чемпионатом мира фактически стал восстановительным после травмы периодом, повреждение у Бессонова.

Михайличенко, Яковенко, Заваров, Добровольский, Бессонов — ключевые футболисты из средней линии. Необходимо было искать оптимальные сочетания полузащитников. С ними или без них. Полностью

или частично.

При всех возможностях проводить в советское время весьма длительные централизованные сборы нам так и не удалось стабилизировать состав. По разным причинам. По причине травм в том числе».

После расшифровки результатов тестирования тренеры внесли некоторые коррективы в программу подготовки и 24 мая приступили к заключительному этапу тренировочной работы. Тестирование, к слову, подтвердило визуальные наблюдения, о которых Лобановский поведал в Ганновере игрокам: одни из них находились в удовлетворительном состоянии, другие — чуть ниже удовлетворительного. Была ещё и третья группа, весьма, стоит заметить, малочисленная — её представители пребывали в хорошем состоянии. После шести дней напряжённой работы провели новое тестирование — положительные сдвиги нельзя было не заметить. На заключительном этапе московского сбора ни у Лобановского, ни у его коллег не было по работе претензий ни к одному из футболистов.

После Израиля советская команда провела два тренировочных матча в ФРГ — с молодёжным составом «Шальке-04» (7:0) и «Ганновером» (4:0). В Германии к тем, кто выезжал в Тель-Авив, добавилась ещё одна группа футболистов, прилетевших из Москвы. Играли все. После «Ганновера» Лобановский попросил помощников собрать игроков для небольшого разговора. Сказал, что состояние большинства из них оценивается тренерами не более чем удовлетворительно, а некоторых — и того меньше, и попросил футболистов сосредоточиться на той работе, которую предстояло выполнить за время, оставшееся до чемпионата мира, и забыть обо всех локальных неудачах первой половины сезона.

Между поездкой в Германию и началом сбора в Новогорске тренеры отпустили футболистов. Фактически на двое суток: со второй половины 21 мая до второй половины 23 мая. У них не было сомнений в том, что это необходимо было сделать. Во всяком случае, с точки зрения психологии. «Если бы мы из Шереметьева, — говорил Лобановский, — отвезли игроков на базу и не выпускали бы их с её территории до дня отлёта в Италию — 4 июня чартерным рейсом, — то вполне могли стать свидетелями психологического срыва».

Лобановскому с коллегами было не до отдыха. Они провели свободный день не вместе, но постоянно созванивались — друг с другом, с врачами, с представителями научной группы, — дабы определиться окончательно по каждому кандидату на 22 места в составе сборной. Лобановский с Симоняном отправились в Госкомспорт СССР на

неизбежную перед каждым серьёзным турниром процедуру: сначала проходило заседание тренерского совета с участием ряда тренеров клубов высшей лиги, потом — полтора часовое заседание бюро исполкома Федерации. Вопросы на обоих собраниях обсуждались одни и те же: состав, степень выполнения программы подготовки, характер заключительного этапа. Лобановский напомнил, что матч с Израилем должен был, согласно предварительной договорённости, состояться 28 мая, а не 15-го. Тренерам ничего не оставалось делать, как перекраивать план подготовки. Они не могли отказываться от этой игры — перед чемпионатом мира днём с огнём нельзя найти свободной квалифицированной команды для тренировочного матча. Быть может, из-за внезапных перемен и игра у команды вышла скомканной.

4 июня утром команда за 20 минут добралась из Новогорска в Шереметьево, откуда на Ту-134 отправилась чартерным рейсом в Пизу. В Италии сборная подчинилась турнирным будням: аккредитация во Флоренции, переезд в Чокко, определение основного состава, выезд в Бари, первый матч с румынами...

Синьор Моруччи, владелец комплекса в Чокко, сказал, что рассчитывает на пребывание здесь советской команды не меньше месяца. Его бы устами...

В каждом из трёх матчей группового турнира в составе сборной СССР выходили на поле по 13 футболистов. Говорят, будто тренер надеялся «только на игроков киевского “Динамо”». Но цифры не сходятся. Во встрече с румынами на поле было 6 игроков других клубов, с аргентинцами — 8, с камерунцами — 7.

Лобановский вполне мог дать профессиональную оценку вратарям. Он, например, понимал, что Александр Уваров на данный конкретный момент был сильнее Рината Дасаева и должен занять место в воротах в первой же встрече в Бари с румынами. Но полагал, что опыт и авторитет Дасаева должны превзойти уровень надёжности Уварова, и настоял на кандидатуре Дасаева, против которого были Никита Симонян и Юрий Морозов. Сергей Мосягин поддержал Лобановского, мнения разделились поровну, но главный в такой ситуации имел, в соответствии с достигнутой «на берегу» договорённостью, два голоса.

Когда Лобановский говорил о том, что команде по силам оказаться в полуфинале, он исходил из её потенциальных возможностей. «Нам, однако, не удалось к матчу с румынами выйти хотя бы на 80-процентный уровень готовности, — констатировал он. — В Германии четыре года назад к первой встрече вышли, а в Италии — не сумели. Но и при этом вполне

могли сыграть с Румынией хотя бы вничью. С Аргентиной же битва была не на жизнь, а на смерть. С обеих сторон, понимавших, что проигравший фактически из Кубка мира выбывает. И судья, как показали события матча, хорошо всё это осознавал. Как это Аргентина выбывает? С Марадоной? Да вы что!..»

Карл-Хайнц Хайманн, издатель авторитетного немецкого еженедельника «Киккер», опубликовал список повлиявших на результат ошибочных решений арбитров в матчах с участием советской сборной на последних крупных турнирах. «Список, — прокомментировал Хайманн, — получился довольно длинным — от матча с бразильцами в 1982 году в Испании до игр на чемпионате мира в Италии. В нём, естественно, и отборочный матч чемпионата Европы 1983 года в Лиссабоне с Португалией, и ошибки Фредрикссона в Мексике во встрече против бельгийцев. Это верно: в важных международных матчах советским командам очень часто приходилось страдать от судей. Но было бы неправильно всю вину сваливать на них».

Кто бы спорил, действительно неправильно! Но ведь страдали. И — слишком часто для того, чтобы назвать это случайным явлением. Случайность — когда один раз. Когда два — быть может, совпадение. Три раза — закономерность. А в истории наших взаимоотношений с международным судейством моментов таких гораздо больше.

Обозреватель итальянской спортивной газеты «Коррьере делло спорт» Массимо Тека назвал чемпионат мира, проходивший в его стране, «настоящей катастрофой судейства». «Быть может, — писал он, — я максималист, но на месте русских после двух матчей на третий я бы не вышел и уехал домой. И моё мнение разделяют многие. После такого скандала ФИФА пришлось бы принимать кардинальные решения».

Могли ли представители сборной СССР настоять, скажем, на замене Фредрикссона, выразить ему недоверие? Наверное, могли. Вот только никто бы их не стал слушать. Судейский комитет ФИФА «своих» не сдаёт. Чего бы они ни наворотили. Вот и после того, как Фредрикссон в матче СССР — Аргентина будто бы не заметил, как Марадона рукой преградил путь мячу, летевшему после удара Олега Кузнецова в аргентинские ворота (за это Фредрикссон обязан был назначить пенальти и удалить Марадону с поля), из международной футбольной организации последовало предположение о том, что арбитр в этот момент всего лишь выбрал не совсем правильную позицию и игру рукой не увидел. А раз не увидел, то и наказывать аргентинцев, получается, не за что. Весь мир видел, как Марадона рукой выбивал из ворот мяч, а швед стоял рядом. Даже,

рассказывал Кузнецов, улыбнулся. Но — не свистнул.

«Команда наша, — недоумевал Лобановский, — попала, такое ощущение, под эксперимент с судейством. Арбитры чудили в обоих наших матчах: с Румынией и Аргентиной. Принципиальность они проявляли только в центре поля.

Судья, который плохо видит, не имеет права выходить на поле. Тем более на чемпионате мира».

С другой стороны, даже если бы Фредрикссон и захотел в Италии-90 отработать без проблем, ему бы всё равно не позволили сделать это чиновники, занимавшиеся назначением судей. Второе поражение Аргентины, уступившей в стартовом матче чемпионата, фактически означало завершение пребывания чемпионов мира-86 в турнире. ФИФА никоим образом не устраивал их досрочный отъезд домой.

В Мексике в 1986 году скрупулёзно подсчитывали судейские ошибки, их оказалось семнадцать, повлиявших на результат (треть матчей!). В Италии считать перестали после предварительных матчей: ошибок было огромное количество.

Мы любим напоминать, сколь регулярно «обижали» нас судьи на чемпионатах мира (1970-й — в матче СССР — Уругвай, 1982-й — СССР — Бразилия, 1986-й — СССР — Бельгия, 1990-й — СССР — Румыния и СССР — Аргентина; плюс отборочная встреча Португалия — СССР к чемпионату Европы-84), но забываем о «помощи» француза Жерара Биге на сеульской Олимпиаде-88, когда он в финале назначил в пользу советской команды пенальти в ворота бразильцев за нарушение, которое было за пределами штрафной площадки. Далёк от мысли, будто в ФИФА существует «разделение сфер влияния», но факт остаётся фактом: тогдашние советские представители в Международной федерации футбола — вице-президент Вячеслав Колосков и член судейского комитета Владимир Зуев — если и имели право голоса по событиям, связанным с чемпионатом мира, то скорее всего его не использовали. Или же к ним не прислушивались. На футбольных же турнирах Олимпиад ситуация иная. Там Колосков как полномочный представитель ФИФА возглавлял оргкомитет по проведению турнира футболистов и вполне мог способствовать благоприятному судейству в матчах с участием команды своей страны.

Колосков не исключает, что аргентинцы и румыны договорились. «После того матча, — рассказывает он, — мне даже Блаттер намекал, что там не всё чисто». Между тем игра Аргентина — Румыния — образцово-показательная с точки зрения стратегии. Аргентинским и румынским

футболистам вовсе не обязательно было договариваться. Они, скорее всего, этого и не делали. Но обе команды устраивала ничья, выводившая их в следующую стадию чемпионата и отправлявшая домой советскую сборную. Игроков Аргентины или Румынии следовало назвать сумасшедшими в том случае, если бы кто-то из них при счёте 1:1 полез бы, оголив тылы, в атаку. Зачем? Обе сборные прилетели в Италию с чётко поставленной перед ними задачей: для начала выйти из группы. Они и вышли.

Поскольку Камерун ещё до матча с СССР обеспечил себе выход из группы, советский тренер африканской команды Валерий Непомнящий собирался выставить на игру резервный состав, считая, что тот сыграет сильнее. Он, надо сказать, опасался не столько проигрыша команде Лобановского, сколько возможной реакции на поражение: умышленно, дескать, отдали. Но резерв выпустить на поле Непомнящему не позволили. В распоряжение сборной позвонил президент Камеруна Поль Бийя и через переводчика попросил советского специалиста состав не менять. Ослушаться президента тренер, понятно, не посмел, отправил на поле тех, кто уже добыл для Камеруна путёвку в плей-офф и нуждался в передышке. Хватило их на 15-20 минут.

...Футбол — игра. Не более того. Я лично особенно остро это почувствовал во время последнего матча нашей команды против сборной Камеруна. В ложе прессы стадиона в Бари было не густо: 153 журналиста — меньше, чем на каком-либо другом матче (рекорд всех чемпионатов мира, кстати, принадлежит теперь финалу Аргентина — ФРГ — 1606 журналистов). Одновременно с началом матча из Неаполя пошла по телемонитору трансляция встречи Аргентина — Румыния. При счёте 3:0 в нашу пользу аргентинец Монсон открыл счёт в Неаполе. Со скамейки запасных сборной СССР оборачиваются каждые три минуты и взглядом спрашивают нас, какова ситуация в Неаполе. Мы отвечаем жестами. На 63-й минуте «карты» сошлись. Нам нужны были 4:0 в Бари и победа любого из соперников в Неаполе. Добровольский забил четвёртый мяч, а в Неаполе всё ещё 1:0. Необходимый «расклад» держался пять минут, а потом румын Балинт в Неаполе сравнял счёт. Если бы не этот гол, сборная СССР получила бы шанс на продолжение борьбы...

После Италии-90 пошли разговоры о том, что, дескать, «стиль Лобановского изжил себя». Во-первых, такого стиля не существовало. Шёл процесс под названием «развитие современного футбола». И Лобановский был одним из самых активных участников этого процесса. Во-вторых, локальный результат никоим образом не должен повлиять на выбранное

направление, заставить изменить ему. «В Италии, — обратил внимание читателей журнала «Киккер» Карл-Хайнц Хайманн, — я слышал много высказываний о том, что стиль Лобановского устарел. Часто это говорили те самые люди, которые два года назад на чемпионате Европы в ФРГ клятвенно утверждали, что сборная СССР демонстрирует футбол XXI века. Я же считаю, что стиль Лобановского отнюдь не изжил себя. Просто в Италии самые важные игроки его команды оказались не в лучшей форме, которая должна была быть у них, чтобы оптимально использовать систему, базирующуюся на темпе и выигрыше пространства».

«Любые сравнения между двумя командами — 88-го года и 90-го — не совсем, мне представляется, корректные, — говорил Лобановский. — Много разных не совпавших составляющих. Да, играли в Германии многие из тех, кто поехал на чемпионат мира. Но в каком они были состоянии там и там? Как относились к себе? Как восприняли очень важный заключительный отрезок подготовительной работы? Как реагировали на трудности? На мой взгляд, мы всё же не до конца изучили личностные качества некоторых футболистов, особенно тех, кто приехал в сборную из-за рубежа. Не хочу называть имена, но включение в состав сборной ряда игроков не оправдало себя не только в чисто игровом плане. В Италии далеко не все оказались готовыми к необходимости сыграть, как два года назад в Германии, через “не могу”. Но и при всём при этом не согласен с теми, кто называет нашу команду “устаревшей на два года”. Румынам проиграли в первую очередь потому, что в первом тайме не сумели реализовать несколько очень хороших моментов, а во втором тайме отправились играть в анархию, но не в футбол. Аргентинцам же — остаюсь при своём мнении — не уступили ни в чём».

Безусловно, игроки имеют право на высказывание критических замечаний, но вряд ли — на швыряние в тренеров камней, чем сразу же после чемпионата занялись некоторые считающие себя звёздными футболисты. Так они пытались прикрыть продемонстрированную ими в дни чемпионата собственную несостоятельность. В Италии же ни один из будущих критиков не пришёл и не сказал, что не разделяет тренерской стратегии. «Выигрывают игроки, проигрывает тренер» — когда-то придуманный афоризм выучили все.

Лобановский не исключал, что подобная реакция со стороны части футболистов могла последовать и в 1988 году в ФРГ, не сыграв команда на предварительном этапе так, как она сыграла. Но тогда отношение всех и каждого к поставленной задаче оказалось на более высоком уровне, нежели в Италии.

«Тот, кто проигрывает, всегда не прав», — говорил Лобановский. К сожалению, этой точки зрения не придерживались некоторые из тех, кто выходил на поле. «Нас перетренировали», — громко заявил Сергей Алейников на страницах итальянской прессы. По мнению доктора Мышалова, именно Алейников меньше всего был вправе говорить о высоких нагрузках на тренировках. Он провёл тяжёлый сезон за «Ювентус», и когда появился в сборной, ему определили индивидуальный, щадящий тренировочный режим. «Перед чемпионатом Европы-88, — вспоминает Мышалов, — футболистам была предложена не менее жёсткая и напряжённая тренировочная программа. И тогда, и перед Италией никто не стонал и не роптал. Уставали настолько, что после тренировок желание у всех было одинаковым — дотащиться до комнат и вытянуть в кровати ноги. Понимали: всё, что делают, необходимо для дела».

Не могу не согласиться с голландцем Руудом Кролом: вряд ли перетренированные футболисты в состоянии один тайм ходить пешком, а во втором носиться, да ещё вдесятером, как это произошло в игре с Аргентиной. Вряд ли Олег Протасов ко 2-й минуте матча с румынами, а Заваров — к 20-й настолько устали, что не могли переиграть вратаря, выйдя с ним один на один. И наконец, сумела бы усталая команда сломя голову практически всем составом рваться во втором тайме матча с Румынией к воротам соперника, за что, кстати, на контратаках должна была быть наказана как минимум пятью голами?

Тренеры очень рассчитывали на «иностранцев», которые первое время после отъезда за рубеж приезжали в сборную с «горящими глазами». Потом энтузиазма у них поубавилось. Это должно было насторожить, но не насторожило. Почему практически ни одному из наших отправившихся за границу футболистов не удалось там громко заявить о себе игрой? Только потому, полагаю, что они с детства привыкли работать из-под палки, а там, где они играли по контрактам, всё рассчитано на самосознание людей, приученных дорожить своей репутацией профессионалов. Полагаю, что тренеры не очень-то вдавались в подробности того, как выглядят на Западе уехавшие туда футболисты, так и не проверив их хотя бы в двух-трёх серьёзных товарищеских матчах. Состав в этих матчах выглядел разношёрстным и несбалансированным. «Помощи от “иностранцев” мы никакой не получили, — говорит Никита Симонян. — Профессионалами они так и не стали. В лучшем случае готов добавить приставку “полу”. А так они остались в чистом виде любителями, изо дня в день рассказывающими остальным, в какие райские условия они попали». В своих же неудачах в новых клубах обвиняли всех, кроме себя.

Профессионализм — это не только или, вернее, не столько деньги, как это представляют себе многие наши футболисты, которых в тренировочном лагере в Чокко одолевали «купцы» из различных клубов, усугубляя и без того нервную обстановку, царившую в команде.

На заседании тренерского совета после Италии-90 Анатолий Бышовец, ничего практически для советского футбола не сделавший, превзошёл сам себя в запальчивости: «Лобановский отбросил советский футбол на несколько десятилетий назад!» Подобной ни на чём не основанной категоричности никогда не позволили бы себе люди, имевшие куда больше прав для резких суждений, — Константин Бесков, Гавриил Качалин, Валентин Николаев... Они детально разбирали тактические промахи сборной, высказывали сомнения в правильности ведения подготовительной работы, формирования состава, но не сомневались в профессиональных качествах человека, который 23 года работал тренером и за спиной которого есть бесспорные и выдающиеся достижения.

Лобановского упрекали в отсутствии самокритичности. Но позволю себе привести несколько публичных высказываний тренера, сделанных в разное время. Они, мне думается, отражают переживания Лобановского за не сделанное им или за сделанное не так, как нужно было: «Мы ошиблись в приглашении некоторых футболистов, которые играют за рубежом... Мы пошли на поводу игроков, настоявших, чтобы в первом матче с румынами в воротах стоял Дасаев, мы обязаны были не допустить этого, потому что видели, что Ринат в плохой форме... Видимо, в матче с Румынией мы не были в перерыве встречи достаточно категоричными, когда просили футболистов не лезть в авантюрную игру во втором тайме... Как показали события, нам не хватило 7—10 дней для того, чтобы во время подготовки вывести большую часть игроков на необходимый уровень, мы должны были предусмотреть и это...» По всей вероятности, эти ошибки повлияли как на качество игры, так и на результат.

Одна из самых крупных, на мой взгляд, тренерских ошибок, связанных с чемпионатом мира-90, — продолжавшееся совместительство. Это ошибка не с сиюминутными, а с отложенными последствиями. Если в 86-м в Мексике и в 88-м в Германии совместительство пошло команде только на пользу, то впоследствии оно стало сказываться самым негативным образом, не давало должного эффекта. Первое время (1986—1988 годы) на хорошем, «машинном», ходу была базовая команда сборной — киевское «Динамо». В 86-м она, кроме чемпионата СССР, выиграла европейский Кубок кубков. На чемпионате Европы в Германии (1988) киевские сборники по-прежнему пребывали в отменном состоянии, что во многом и способствовало

достижению там высокого результата и демонстрации великолепной игры, потрясшей знатоков футбола. Но после Евро-88, на мой взгляд, некоторые киевские футболисты перестали отвечать самым жёстким требованиям, предъявляемым к игрокам национальной команды, и Лобановский, избавясь он по завершении сезона от совместительства и оставив за собой только место в сборной, вряд ли стал бы привлекать в сборную всех тех, кого он продолжал привлекать, оставаясь тренером киевского клуба.

Вовсе не исключено, что выбор Чокко местом дислокации на чемпионате оказался не совсем правильным. Одно дело заниматься в этом известном центре, расположенном в гористой местности (600 метров над уровнем моря), на тренировочных сборах. Совсем иное — жить там во время крупного турнира. Неудобства от такого проживания видны как на ладони. Главное из них — поездки на матчи. Сначала до ближайшего аэропорта добирались на вертолётах (это футболисты основного состава, резервисты отправлялись из Чокко наземным транспортом и ехали не менее полутора часов). Потом все вместе пересаживались на самолёт и вылетали в соответствии с расписанием матчей в Бари, Неаполь, потом снова в Бари. Обратно до базы добирались столь же сложным путём.

Допущена была ошибка и при непосредственной подготовке. Никита Павлович Симонян рассказывал мне, что всё было спланировано верно, особенно учитывая тот факт, что целая группа игроков перед заключительным сбором — Дасаев, Бессонов, Демьяненко, Добровольский, Алейников, Заваров — была не в порядке. Требовалось поднять их функциональное состояние. Это и делалось. «Был лишь один промах, — считает Симонян. — Мы не дали за весь сбор, начавшийся 23 мая в Москве и завершившийся 8 июня в Чокко, ни одного дня отдыха, на чём я, в частности, настаивал».

Лобановский к Симоняну тогда не прислушался, потому что (как, впрочем, и сам Никита Павлович) был введён в заблуждение самими футболистами. Симонян и в подмосковном Новогорске, и в Италии спрашивал многих игроков, видя, какие тяжёлые нагрузки им предлагают: «Как переносите нагрузки? Как ноги?» — «Нормально, — отвечали все как один, — и с ногами всё в порядке». Симонян, разумеется, делился этой информацией на ежедневных тренерских планёрках. Если бы футболисты пожаловались ему на непомерные нагрузки, на навалившуюся усталость, он всё бы сделал для того, чтобы убедить Лобановского выкроить в намеченной тренировочной программе хотя бы один денёк для полноценного отдыха. И, думается, убедил бы его. Пусть нелегко, поскольку Лобановский старался неукоснительно следовать продуманному

плану, но — убедил бы: от жёстких, догматических порой подходов к реализации тренировочной программы Лобановский к концу 80-х годов отошёл — история 1976 года многому его научила.

После второго места нашей команды на чемпионате Европы одним из тех, кто не оказался подверженным состоянию эйфории, был, как ни странно, главный тренер сборной СССР. Разумеется, Лобановский был рад результату, поздравлял и хвалил игроков. Но спустя несколько дней после возвращения из ФРГ он сам сказал мне, что игра советской команды в ФРГ и показанный там результат — «витрина, красивая и броская, за которой пока полупустые полки». Судя по всему, опустела и витрина. Нас в течение десятилетий приучали к мысли, что успехи советского спорта на Олимпиадах и чемпионатах мира прочно базируются на замечательном физкультурном движении в стране, на широкой основе развития того или иного вида спорта. «От массовости к мастерству» — этот лозунг, выцветший от времени, до сих пор висит на некоторых стадионах. Когда выяснилось, что массовое физкультурное движение — полнейшая «липа» (большинству людей просто негде и не в чем заниматься физкультурой для здоровья), что практически в любом виде спорта внимание — и моральное (кто до недавнего времени вспоминал действительно бедствующих ветеранов?), и материальное (зарплата детского футбольного тренера в полтора раза ниже зарплаты уборщицы в московском метро) — уделяется только действующей элите, то в высшей спортивной политике... ничего не изменилось. Успех всё спишет. Когда победа следует за победой (как в хоккее), начинаем вяло вспоминать, что не совсем у нас всё в порядке с детским инвентарём, катков маловато, формула чемпионата могла быть лучше. Когда происходят неудачи (как в футболе), следуют, прежде всего, оргвыводы и шумные рассуждения о том, что царит у нас полнейшая организационная неразбериха, что полей не хватает, календарь чемпионатов безобразный, судейство плохое... И в том и в другом случае всё остаётся по-прежнему. Ничего не меняется. У нашего футбола, полагаю, нет никаких оснований претендовать на место под солнцем. Он находится там, где и должен находиться, — на своём месте. Возможны лишь спорадические вспышки, локальные успехи, и даже не успехи, а удачи. Случайные, а не закономерные. Зависящие только от сверхусилий небольшой группы футболистов и тренеров. Было бы противоестественно, если бы нам постоянно удавалось опережать такие футбольные державы, как ФРГ, Италия, Голландия, Англия. У них — футбольная индустрия, мощная и отлаженная, у нас — кустарная лавочка, в которой заняты в основном тем, как бы не упустить приносящее относительный доход место.

Искажённое ненавистью лицо, горящие глаза, крик... Мне даже не поверилось вначале, что это Эдуард Малофеев. Он вскочил со своего места в предпоследнем ряду зала для заседаний коллегии Госкомспорта СССР, в котором проходил исполком Федерации футбола СССР, задал два вопроса («Возможно, неверным был тренировочный процесс?» и «Почему сдал Заваров?») и потребовал от Лобановского покаяться. Кричал Малофеев так громко, что я, сидя рядах в пяти впереди него, непроизвольно пригнул голову. Лобановский сначала сказал, что опоздавшему Малофееву он уже данные им ответы на эти вопросы переводить на белорусский язык не собирается, а потом резонно заметил, что каяться лучше всего в церкви. Тогда Малофеев вышел на трибуну. «Обязательно нужно каяться. К кающемуся человеку определённые симпатии есть», — сказал Малофеев.

Накануне исполкома на тренерском совете Малофеев пытался донимать Лобановского: «А какую бы оценку вы поставили команде за игру в Италии?» — «Поскольку результата не добились, то “двойку”», — ответил Лобановский. «А я бы, — Малофеев сделал паузу, торжествующе оглядев аудиторию, — кол!»

На месте Лобановского я вообще бы не пришёл на состоявшиеся в середине июля 1990 года заседания тренерского совета и исполкома Федерации. Зачем, для чего? Чтобы в очередной раз услышать оскорбления в свой адрес? Их было достаточно за его тренерскую жизнь. Уровень «дискуссии» на заседаниях заметно походил на обмен мнениями среди болельщиков, собирающихся у огромных турнирных таблиц в разных городах страны: «Не того взяли... Не так держали Лэкэтуша... Не там разместились... Не тех поставили против Аргентины... Сколько заплатили?... А Черенков был бы лучше...»

Глава 16

«НАЗНАЧЕННЫЕ ВРАГИ»

С лёгкой руки не всегда добросовестно пишущей братии, Бышовец и Малофеев были зачислены во «враги Лобановского». Впрочем, самому Лобановскому не было никакого дела до соперничества с кем-либо — тем более с Малофеевым и Бышовцем. Да и с Бесковым — тоже, хотя в Советском Союзе, на мой взгляд, у Лобановского на протяжении всех лет его тренерской карьеры был только один принципиальный оппонент и только один равный ему в профессиональном отношении специалист — и именно Бесков.

Лобановский занимался строительством своих команд. Держал, конечно, в уме перед игрой с тем или иным клубом информацию о том, что тренер соперника может предложить на поле, исходя из своего видения и понимания футбольной игры, но — не более того.

То есть со стороны Лобановского не было никакой вражды — ни с Бышовцем, ни с Малофеевым. По крайней мере он никогда и никого не называл врагом — это они почитали за честь называть себя его врагами! Не дождавшись в ответ на свои измышления ни слова от Лобановского, оба пытались «уколоть» его побольнее.

«Не хочу, — говорил, например, Бышовец, — реагировать на колкости со стороны чемпиона мира по договорным матчам. Не буду отвечать на слова человека, система подготовки которого безжизненна без фармакологии». Голословно обвиняя Лобановского, Бышовец, как это принято у подобного рода обвинителей, не приводит ни одного примера ни «колкостей», ни «договорных матчей», ни применения запрещённых препаратов в киевском «Динамо» и сборной СССР (игроков которых на международном уровне постоянно проверяли на наличие допинга).

Говоря о «колкостях», Бышовец, возможно, имеет в виду приписываемую Лобановскому фразу о том, что олимпийская команда во главе с Бышовцем обыграла на Олимпиаде-88 в Сеуле «парикмахеров». Что ж, если Лобановский действительно сказал так, то, возможно, ошибся: в составах обыгранных советской олимпийской сборной команд в пятом по значимости международном футбольном турнире (после чемпионатов мира, Европы, Южной Америки и среди молодёжных сборных) не было ни

одного парикмахера. Но были, наряду с небольшой группой игроков-профессионалов, таксисты, бармены, банковские служащие, студенты, мелкие предприниматели.

Лобановский считал, что Бышовец, к сожалению, не сумел избавиться от двух сопровождавших его постоянно маний — мании величия и мании преследования. Иногда в порыве нахлынувшей на него откровенности (и зависти к более удачливым коллегам) Анатолий Фёдорович перечислял своих врагов (он так и говорил: «У меня есть враги. Я представляю определённую опасность для них...»). В список этот входили Романцев, Сабо, Морозов и, разумеется, Лобановский... «Хотите, — предложил Бышовец в декабре 2000 года репортёру газеты «Спорт-экспресс», — почти всех назову для печати? Лобановский, Колосков... С ними отношений нет. Остальные, помельче, этим угождают. Морозов, например...» «Футбольные успехи, — продолжал он, — они Бышовцу простить ещё как-то могут, а вот то, что я на “Мерседесе” езжу, сын на БМВ, дом новый построил и вполне уютно себя по жизни чувствую, — простить трудно. Я понимаю...»

Тренерская карьера Бышовца фактически оборвалась в прошлом веке на громком провале в донецком «Шахтёре», с которым Бышовец в 1999 году не сумел выиграть чемпионат Украины, не попал в финал Кубка страны, проиграв «Карпатам», и на самой ранней стадии вылетел из Кубка УЕФА (в 1/16 финала 0:2 от голландской «Роды» в гостях и 1:3 дома): владелец донецкого клуба Ринат Ахметов сказал тогда, что у Бышовца «не получился_ контакт с коллективом», и попросил тренера на выход.

По словам самого Бышовца, его появление в «Шахтёре» напугало Лобановского. На самом деле Лобановского появление Бышовца в «Шахтёре» обрадовало. На момент его приезда в Донецк «Шахтёр» и киевское «Динамо» шли в чемпионате Украины после 22 туров вровень («Динамо», добившемся права играть в полуфинале Лиги чемпионов с «Баварией», было тогда не до внутренних соревнований). Но при новом тренере команду залихорадило, и отставание от киевлян превратилось в неприличное. «Динамо» досрочно стало чемпионом Украины, и Лобановский, отправив доигрывать турнир полурезервный состав, получил неожиданную возможность пораньше уйти в отпуск. Отпуск он провёл с Адой на Кипре, славно отдохнул: рано утром плавал, дышал воздухом на берегу, читал после завтрака на балконе, спал после обеда. Я прилетел к нему на неделю, и вечерами мы вели неторопливые беседы обо всём на свете. «Могу только поблагодарить Анатолия Фёдоровича, — говорил он мне, — за то, что предоставил возможность не нервничать до конца турнира.

За полгода, проведённые в Донецке, Бышовец запомнился лишь интригами против своих помощников, разрушением нормальных отношений с большинством футболистов и конфликтом с главным тренером сборной Украины Сабо.

Бышовец называет свой приезд в Донецк «вызовом монополии»: «Монополизация исключает инакомыслие, независимость... Достаточно вспомнить период лысенковщины. Украинская футбольная иерархия предусматривает существование одной вершины. И надо отдать должное изощрённому умению её обитателей бороться с теми, кто посягает на эту царственную высоту. Изощрённость инквизиторов как раз и состоит в том, что их действия против ереси были ощутимы и при этом тайны. Всё это осталось за кадром. Нет ни одного запротоколированного факта борьбы с Бышовцем».

Вот ведь как можно «упаковать» полный провал, о котором тот же Ахметов сказал: «К сожалению, у него не получилась игра».

После «Шахтёра» начиная с 2000 года Бышовец на протяжении почти двух десятилетий работал в общей сложности один год и девять месяцев в трёх различных клубах — московском «Локомотиве» (год), португальском «Маритиму» (полгода) и томской «Томи» (три месяца).

В 2006 году московский журнал «PRO-спорт» задал Бышовцу логичный вопрос: почему тренер не работает ни с одним из российских клубов? Ответ поразил даже тех, кто был осведомлён о «скромности» специалиста: «Российский футбол ещё не дорос до Бышовца!»

Подтасовка фактов — обычное для людей такого рода занятие. В своей книге «Не упасть за финишем» Бышовец, например, пишет о том, как, будучи тренером олимпийской сборной СССР, позвонил Лобановскому, отправлявшемуся на чемпионат мира в Мексику (1986 год): «Слушай, кто-то из этих трёх — Яковенко, Яремчук, Рац — не будет играть? Или Чанов не будет стоять? Если так, то не заигрывай их, пожалуйста». Лобановский в ответ: «Да нет вопросов!» Но, пишет Бышовец, «заиграл их всех в ничего не значащем матче с Канадой».

Одна несуразица подгоняет другую. Бышовец, рванувший из Киева в Москву в начале мая 1986 года, практически сразу после Чернобыля, возглавил олимпийскую сборную страны в июле, спустя некоторое время после мексиканского чемпионата мира, и, пребывая в дни отлёта национальной сборной в Мексику в технической должности старшего тренера Центрального совета общества «Динамо», не имел никаких оснований просить не заигрывать тех или иных футболистов. Да и что значит «не заигрывать»? Зачем тогда везти их на чемпионат мира?

И с чего это вдруг Бышовец взял, что Яковенко, Яремчук и Рац (Чанов — понятно, он вратарь, как все знали, резервный) не будут играть? Тренер, пусть нигде ещё себя не проявивший, не мог не видеть, как в начале мая 1986 года киевское «Динамо» в поразившем всю футбольную Европу стиле выиграло финал Кубка кубков у мадридского «Атлетико» и важную роль в составе той команды играла тройка динамовских хавбеков (Яковенко в середине поля, Яремчук и Рац на флангах).

Все хорошо знающие Лобановского люди легко подтвердят, что в его лексиконе отсутствовали такие выражения, как «Да нет вопросов!». Тема, затронутая Бышовцем в разговоре с Лобановским — если, конечно, допустить сам факт этого разговора, — настолько серьёзна, что подобного ответа от главного тренера сборной СССР, назначенного в авральном порядке за несколько дней до вылета в Мексику, быть никак не могло. Лобановский — не сумасшедший, чтобы обещать не ставить на матчи чемпионата мира трёх ведущих футболистов, от которых, как и от остальных киевских динамовцев, выехавших в Мексику, во многом зависело, каким будет уровень командной игры. Каким он был, все увидели в матчах с венграми, французами и бельгийцами (а затем и осенью во Франции во встрече в рамках отборочного турнира к чемпионату Европы). Яковенко и

Яремчук забили по голу венграм, Рац открыл счёт в игре с Францией. А вот против Канады большая группа игроков основного состава, Яковенко, Яремчук и Рац в их числе, как раз и не играла: матч действительно ничего не значил.

«Отношения с Лобановским у нас всегда были ревнивыми», — констатирует Бышовец. Но ревность проявлялась только с одной стороны, поскольку у Лобановского вообще не было никаких отношений с человеком, промышлявшим интригами, направленными в основном на то, чтобы занять его место в киевском «Динамо». Иногда их отношения называли «напряжёнными». Но и для «напряжённых отношений» должны быть задействованы как минимум две стороны.

Думается, Бышовец напрасно пытается встать вровень с Лобановским, а заодно и с теми, кто составляет ряд выдающихся отечественных тренеров, — Борисом Аркадьевым, Гавриилом Качалиным, Михаилом Якушиным, Виктором Масловым, Константином Бесковым. У них с ним несопоставимые профессиональные уровни. После победы в 1988 году на Олимпиаде Бышовец тратил в основном время на самопиар и с какого-то момента вообще перестал практиковать. В профессиональном отношении он заметно слабее и таких российских тренеров из новейшей истории, как

Юрий Сёмин, Олег Романцев, Валерий Газзаев, покойный Павел Садырин, Курбан Бердыев, Леонид Слуцкий.

Бышовец несколько раз предпринимал попытку заменить Лобановского на посту главного тренера киевского «Динамо». Первый случай для широкой публики малоизвестен. Относится он к 1976 году, когда после Олимпиады в Монреале в «Динамо» вспыхнул нешуточный конфликт, потребовавший вмешательства и применения кардинальных мер со стороны высшего партийного руководства Украины. Тогда, стоит напомнить, динамовские футболисты настаивали на отставке Валерия Лобановского и Олега Базилевича, и тренер динамовской школы Анатолий Бышовец без ложной скромности считал, что именно он должен возглавить «Динамо», и пытался задействовать все связи, имевшиеся у него на тот момент. Через меня, например, он хотел отправить посыл об этом в прессу. Наш общий приятель попросил меня встретиться с Бышовцем, мы присели днём в кафе гостиницы «Киев», в которой я остановился (приехал для подготовки материала о конфликте в команде). Чай, кофе, пирожные. Бышовец прошёлся по ошибкам, допущенным, на его взгляд, Лобановским и Базилевичем, и сказал, что знает, как исправить эти ошибки, и готов сделать это в том случае, если ему доверят команду. Говорил так в надежде, что его слова дойдут до тех, кто принимал решения.

Связей у него, однако, в ту пору не хватило. В первой половине 80-х их стало больше. Сначала Бышовец попытался внедриться в «Динамо» после ухода Лобановского в сборную СССР в 1983 году — в роли помощника Юрия Морозова. Он якобы «случайно» встретил Морозова на стадионе «Динамо» и прямо попросил взять его помощником. «Вместо кого?» — опешил Морозов. «Хочу работать», — сказал Бышовец. «Давай, — предложил Морозов, — я поговорю с Бакой: в “Черноморце” нет главного». — «Нет, — ответил Бышовец, — я хочу работать здесь».

На следующий день Морозов, сорвавшись с какого-то совещания в городе, приехал в Конча-Заспу минут за десять до начала тренировки, быстро переоделся, вышел на поле и обомлел: Бышовец в тренировочном костюме бил голкиперам по воротам. Морозов — к Пузачу. «Бышовец сказал, — пояснил Пузач, — что его пригласили».

Устраивать скандал на тренировке Морозов не захотел. А после её завершения попросил Бышовца объясниться. «А мне Ерёмин (из Центрального совета общества «Динамо». — А. Г.) дал задание помочь тебе», — ответил Бышовец. Морозов тут же позвонил Ерёмину. «Он что, с ума сошёл? — удивился Анатолий Дмитриевич. — Бышовец приходил ко мне, сказал, что хочет поработать в Киеве. Я ему посоветовал обратиться к

тебе. Только и всего. Никакого задания».

Сам Бышовец между тем утверждает, что ещё до назначения Морозова у него состоялась «встреча с уполномоченными лицами в ЦК КПУ, и такое предложение (возглавить «Динамо». — А. Г.) мне было сделано. Произошло даже утверждение штаба, который должен был со мной работать, но, к сожалению, не сложилось».

Но тогда — и в Киеве об этом всем причастным к футболу людям хорошо известно — обсуждали только две кандидатуры, предложенные Лобановским, — Морозова и Базилевича. Бышовец мог фигурировать лишь в собственных мечтах.

Ещё одну попытку возглавить динамовскую команду Бышовец предпринял после неудачного для неё (уже при вернувшемся из Москвы Лобановском) сезона 1984 года. Он включил все «рычаги», привлёк на свою сторону некоторых высокопоставленных деятелей из ЦК КПУ и Совета министров республики, открыто говорил о готовности взяться за самый важный участок украинского футбола, о том, что он, Бышовец, сумел бы обеспечить успех киевскому «Динамо», которое — надо же! — так провалилось в сезоне. Но — опять ничего не получилось.

А ведь такого рода активные мероприятия, проводимые Бышовцем, ложились на благодатную почву: независимость Лобановского не устраивала многих украинских руководителей, и они терпели тренера только по причине доброго и уважительного к нему отношения со стороны Щербицкого.

Вражде Лобановского с Малофеевым, — которой со стороны Лобановского, как и в случае с Бышовцем, не было и в помине, — также приписывается идеологическая и личная подкладка. Журналист Игорь Рабинер говорит, в частности, о «взаимосвязи идеологического и личного»: Лобановский, дескать, «не уставал насмехаться» над абстракцией Малофеева, введшего в обиход термин «искренний футбол».

Определение, мягко говоря, нелепое. Футбол он и есть футбол — игра. Но Лобановский над ним и не насмехался — как можно насмехаться над тем, чего не существует в природе? У него спросили однажды, как он к «искреннему футболу» относится. Лобановский, повторюсь, ответил, что не знает, что это такое.

Когда «прожжённому практику» Лобановскому по непонятно каким причинам — фигуры-то в футболе несопоставимые! — начинают противопоставлять переполненного «романтическими воззрениями» Малофеева, так и подмывает вспомнить роль «романтика с большой дороги», сыгранную Малофеевым в концовке чемпионата СССР 1982 года.

Тогда, дабы киевское «Динамо» Лобановского не вышло в очередной раз в победители турнира, соратники белорусского тренера по «романтическим воззрениям» из «Спартака» и московского «Динамо» странным образом проиграли в Москве минской команде по матчу (3:4 и 0:7 соответственно) и поздравили её с чемпионством. Особенно весёлым стал матч со «Спартаком», умудрившимся проиграть в манеже, где обыграть его практически было невозможно. Да и на воротах спартаковских, в которые влетело четыре гола, стоял не зелёный новичок, а входивший во всевозможные символические сборные по итогам чемпионата мира-82 Ринат Дасаев, ставший в том сезоне лучшим футболистом СССР!

«Стоит ли говорить, — написал журналист Евгений Зырянкин, — что Малофеев стал для Лобановского личным врагом именно тогда». Вот только Лобановский, опять-таки повторюсь, об этом даже не догадывался.

Как только заходила речь о белорусском футболе, моментально вспоминали Эдуарда Малофеева. Он превращён — прессой и общественностью — в полумифическую фигуру, почти такую же, как Анатолий Бышовец. Годами, а то и десятилетиями за обоими тянется шлейф, сотканный из нескольких лент.

Одна лента — лента победителей, хотя на самом деле выигрышей футбольных что у Бышовца, что у Малофеева — раз-два и обчёлся. Весьма обстоятельная энциклопедия «Российский футбол за 100 лет» не даст соврать.

В победном списке Малофеева, например, — чемпионство с минским «Динамо» 1982 года, третье место с этой же командой год спустя, «серебро» с московским «Динамо» в 1986 году и выход тюменского клуба «Динамо-Газовик» в 1993 году в высшую лигу чемпионата России. Кроме того, Малофеев убеждён в том, что если бы возглавляемая им олимпийская команда отправилась в 1984 году на Олимпиаду в Лос-Анджелес, то непременно выиграла бы там турнир. Команда, однако, не поехала из-за коммунистического бойкота Игр, и потому сейчас можно говорить всё что угодно: «Не было тогда в м и р е (разрядка моя. — А. Г.) сборной сильнее, чем наша олимпийская!»

Успехи Бышовца тоже «впечатляют». Сам он утверждал ни много ни мало, что кроме него «в России достойных кандидатов на пост наставника сборной нет»! «И говорю я это, — объяснял Бышовец, — не из-за отсутствия какой-то скромности... Дело в том, что в России нет тренеров, обладающих такими знаниями и опытом, какими обладаю я. А если кому-то захочется меня раскритиковать за эти слова, то предлагаю подумать над одним вопросом: смог бы плохой тренер сделать юношескую сборную

СССР вице-чемпионом Европы; сделать олимпийским чемпионом сборную СССР; вывести национальную сборную СНГ на Евро-1992; сделать чемпионом Азии сборную Кореи, с футболистами которой позже добился успеха Хиддинк на мундиале 2002 года?.. Из 70 международных матчей у меня только 6 поражений».

Либо память с годами подводит тренера, либо он сам стал верить в то, что противоречит фактам, но произнесено им не единожды. Во-первых, корейская сборная выигрывала Кубок Азии лишь в 1956 и 1960 годах, когда Анатолий Фёдорович был подростком. Лучшее достижение команды Кореи под руководством Бышовца — четвёртое место на футбольном турнире Азиатских игр в Хиросиме, где он дважды — на групповой стадии (1:2) и в матче за третье место (0:1) проиграл сборной Кувейта во главе с Лобановским, а также будущим победителям Игр — узбекским футболистам — в полуфинале (0:1). И нелепость высочайшей степени — утверждение о том, что Хиддинк добился успеха с командой, которую за шесть лет до этого успеха тренировал Бышовец и которая, вопреки его утверждению, чемпионат Азии не выигрывала.

Во-вторых, работая в сборных СССР (включая олимпийскую), СНГ и России, Анатолий Бышовец провёл 49 матчей: 24 победы, 13 ничьих и 12 (а вовсе не 6!) поражений. Разумеется, победа на Олимпиаде в Сеуле — успех, но произошло это в 1988 году. И как относиться к оглушительным 0:3 от Шотландии на чемпионате Европы в 1992 году, к последнему месту в группе и к «рекорду» среди отечественных тренеров — шести подряд проигрышам сборной России в 1998 году?

Вторая лента — лента новаторов в футбольном деле — тоже из мифологического ряда. Ничего для футбола ни Бышовец, ни Малофеев не придумали. Их работа — вторична. Не считать же придумкой высказывания Малофеева об «искреннем футболе» и о необходимости вести «каждодневную духовную обработку» игроков!

И, наконец, третья лента — лента сравнений. Непременно с Лобановским. Во многих интервью Бышовец и Малофеев так или иначе стараются сравнивать себя с Лобановским, задеть мэтра, противопоставить себя ему. И всегда забывают о том, что пребывали — и продолжают пребывать — в совершенно разных с Лобановским «весовых» футбольных категориях.

Ещё одна тренерская встреча Лобановского с Малофеевым состоялась уже после распада СССР, в отборочном турнире к чемпионату мира 2002 года.

Так сложилось, что в составе белорусской сборной играли два

киевских динамовца — Александр Хацкевич и Валентин Белькевич. Украинская команда в Минске соперников превосходила во всех игровых компонентах, победила 2:0 (оба гола забил потрясающе сыгравший Андрей Шевченко), и Малофеев вину за поражение возложил на обоих динамовских футболистов — и отчислил их из сборной.

На пресс-конференции Малофеев, бушевавший в раздевалке, сообщил изумлённым репортёрам, что «за Украину в первом тайме играли двенадцать полевых футболистов».

«В перерыве, — сказал Малофеев, — у нас с Хацкевичем состоялся разговор. В порыве гнева он сказал, что больше не будет играть за сборную. Белькевич ничего не сказал, опустил голову. Сегодня эти футболисты страшно нарушали игровую дисциплину. А ведь они — основная движущая сила нашей команды. Так поступать нельзя. Это предательство. Позор, страшный позор...»

Обвинив Хацкевича и Белькевича в предательстве, Малофеев тогда косвенно обвинил и Лобановского, тренера сборной Украины и клуба, в котором оба «предателя» играли: подготовил, дескать, попросил посодействовать украинской команде...

Странно вот только, что мартовская ничья между этими командами в Киеве (0:0), Лобановского в плане результата огорчившая и сказавшаяся в итоге на турнирном положении сборной Украины, не стала для Малофеева поводом для расправы над «киевскими белорусами».

Белорусский вратарь той поры Геннадий Тумилович считает, что причиной «наезда» на Хацкевича и Белькевича стал всегдашний поиск Малофеевым предателей. «К сожалению, — говорит Тумилович, — это у него в крови. Было такое не только в сборной, но и во всех клубах, где он работал». Поражения же от Лобановского для Малофеева — особенно болезненные. «Вот он, — считает Тумилович, — и не смог смириться. Причём сделал это очень демонстративно. Обвинение в сдаче матча — мерзко и низко».

Для футболистов тренерский вердикт стал шоком. Они приехали в расположение национальной команды с травмами, вполне могли после медицинского обследования вернуться в Киев, но оба очень хотели сыграть. И Малофеев говорил, что без Хацкевича и Белькевича его команде не обойтись. Они и в киевском, и в минском матчах играли изо всех сил, но в ответ получили от Малофеева удар, которого, конечно, не ожидали. Григорий Суркис назвал обвинения белорусского тренера «наглостью». «Человек, — сказал Суркис, — который уважает свою страну и, наконец, самого себя, так делать не имеет права».

Малофеев спустя годы утверждает, что он не обвинял Хацкевича и Белькевича в сдаче игры (а как же в таком случае воспринимать фразу тренера: «Сегодня играли 12 на 8»?). «Мне, — говорит он, — просто не нравились их действия на футбольном поле».

«Просто казалось, — говорит Малофеев, — что у нас были очень напряжённые отношения с Лобановским. В некоторых моментах мы действительно не уступали друг другу. Между нами была конкуренция. С Валерием Васильевичем у нас были разные взгляды на футбол и на жизнь. Но при этом мы были так воспитаны, что не позволяли себе лить грязь друг на друга в прессе — могли разве что перебрать косточки друг другу в кругу друзей».

Глава 17

«ЭМИГРАЦИЯ» НА ВОСТОК

Эмираты для Лобановского фактически начались в августе 1990 года в Глазго, где киевляне играли товарищеский матч. Именно там, в Шотландии, Валерий Васильевич получил от представителей Объединённых Арабских Эмиратов приглашение возглавить национальную сборную. Все переговоры, продолжавшиеся недолгое время, шли через Михаила Ошемкова. Ошемков стал одним из помощников Лобановского в Эмиратах.

Первое время после приезда в Эмираты Лобановский и Ошемков были поражены футбольной инфраструктурой: в голой пустыне возведены современные стадионы с идеальными изумрудными газонами. Удивила поначалу — потом к этому привыкли — обязательная, в определённый час, коллективная молитва, и не имело никакого значения, идёт тренировка или же занятие ещё не начиналось.

23 августа начальник внутренних войск МВД СССР по Украинской и Молдавской ССР генерал-лейтенант Н. И. Чупренко выдал Предписание подполковнику Лобановскому Валерию Васильевичу:

«Предлагаю Вам 27 августа 1990 года убыть в Печерский РВК г. Киева для взятия на воинский учёт как уволенного в запас (отставку) приказом начальника внутренних войск МВД СССР № 091 л/с от 19 июля 1990 г. По статье 89 пункту “а” (по возрасту)».

Так формально завершилась воинская служба Лобановского. Как зафиксировано в его «Удостоверении личности офицера» (личный № Е-822419), началась она 31 июля 1974 года с присвоением ему приказом МВД СССР № 052 л/с звания капитана. Следующие звания он получал раз в четыре года: майор — 7 августа 1978 года, подполковник — 1 октября 1982-го.

Спустя 17 лет, в октябре 1999 года, в независимой уже Украине тогдашний министр внутренних дел страны Юрий Кравченко вручил Лобановскому в госпитале МВД, где тренер проходил курс лечения, документ о присвоении ему звания полковника и полковничьи погоны.

В конце августа 1990 года киевское «Динамо», выиграв дома у «Торпедо» отложенный ещё с мая матч со счётом 4:3, вышло в лидеры усечённого чемпионата страны, а Лобановский вылетел в Дубай, где провёл

заключительный этап переговоров с руководителями Федерации футбола ОАЭ. До него в Эмиратах трудился бразилец Карлос Альберто Паррейра.

Стороны подписали контракт. В силу он вступал 1 октября. В течение месяца Лобановскому предстояло работать в Киеве — так же интенсивно, как он работал до этого, обсудить с руководством кандидатуру следующего динамовского тренера, подготовиться к передаче дел и составить программу для новой команды.

Передавать дела, впрочем, не пришлось: Анатолий Пузач (старший тренер) и Владимир Веремеев (второй тренер) работали вместе с Лобановским. Спустя несколько дней после его отъезда команда выиграла на своём поле у основного преследователя — ЦСКА (4:1) — и за несколько туров до финиша в тринадцатый раз стала чемпионом СССР. Серию из пятнадцати беспроигрышных матчей, начатую при Лобановском, не прервали отъезд не только Лобановского, но и большой группы динамовских «первачей» — Михайличенко, Протасова, Демьяненко, Бессонова, Михайлова. Из киевлян, игравших на чемпионате мира в Италии, в составе остались лишь четверо: Кузнецов, Литовченко, Яремчук и Рац. Во всех справочниках, понятно, тренером чемпионов Советского Союза 1990 года значится Валерий Лобановский. Но сам он всегда говорил: «Победную точку поставил Кирилыч», то есть Пузач.

«Сезон-90 во многом стал для меня переломным, — писал Лобановский в книге «Бесконечный матч». — Я объявил через прессу о том, что после чемпионата мира — при любом его исходе — уйду из сборной. Мне советовали: не стоит делать этого. Аргументировали тем, что преждевременная, “отложенная” отставка отрицательно скажется на психологическом состоянии футболистов, которые привыкли к нашим методам работы и не могли не думать о том, что их может ожидать в случае смены тренерского штаба. И всё же я заранее сообщил об уходе. Во-первых, по той причине, чтобы не было домыслов и кривотолков. Во-вторых, предварительное сообщение, на мой взгляд, наоборот, должно подхлестнуть игроков, если они, конечно, доверяют тренеру и готовы к полному сотрудничеству. И, наконец, для себя я решил по завершении сезона непременно сменить обстановку. Мне крайне необходимо было передохнуть. Двадцать два года я проработал в “Днепре” и киевском “Динамо” (из “Динамо” лишь однажды на год уходил освобождённым тренером в сборную). Возможно, я устал от однообразия. События стали восприниматься без прежней остроты и яркости. Начинался процесс, который называется “замыливание глаз”, — многое в этом случае остаётся за кадром, в стороне, видится совсем не так, как должно видеться. И, кроме

того, признаться, я устал постоянно, из года в год, из месяца в месяц, из недели в неделю, изо дня в день воевать, бороться с агрессивными дилетантами, стремившимися вставлять палки в колёса, мешавшими нормально трудиться, рассказывавшими общественности, как надо тренироваться и играть, и требовавшими “под одну гребёнку причесать” так называемых специалистов из киевского “Динамо”. Смешно, конечно, но однажды мне даже вознамерились было запретить работать в клубе по причине того, что у меня нет высшего физкультурного образования. Придумали: в высшей лиге должны работать специалисты с физкультурным образованием. Я оказался тогда единственным “необразованным”.

В своей ситуации я не вёл речь об отдыхе. Только — о необходимости смены обстановки и необходимости передохнуть. Работа в ОАЭ соответствовала, я полагал, этим моим устремлениям. К тому же она неплохо оплачивалась.

Когда я осенью 90-го года уехал в Эмираты, многие — в Москве и Киеве — радостно поспешили поставить крест на моей тренерской карьере. Предрекали полное или частичное забвение, профессиональную импотенцию и, разумеется, неудачи. Более того, за сам отъезд (как за факт!) — совершенно обычное явление в нормальных странах — стали пенять мне, обвиняя во всех смертных грехах. У меня были приглашения из ряда европейских клубов, но относительно клубной работы сомнения возникли сразу. Как работать, скажем, с итальянскими командами “Бари” или “Ювентус”, не зная итальянского языка? Я не представляю как. Клубный тренер обязан ежедневно контактировать с футболистами. Без знания языка сделать это невозможно. Не станешь же водить с собой весь день переводчика. Да и как через переводчика донести игроку то, что именно ты хочешь ему сказать и как ты хочешь ему сказать. Сборная — всё же несколько иное дело. Там контактная работа — только в дни подготовки к матчам и в дни самих матчей. Всё остальное время — работа “штабная”. Так что вполне достаточно было услуг переводчика. В Эмиратах с нами был очень хороший переводчик — араб, учившийся в Киеве в Институте физкультуры. Чрезвычайно важно, что он свободно владел футбольной и специальной — спортивной — терминологией. И не только владел, но и понимал, о чём идёт речь. Мало того что он многое знал, так он у нас постоянно не стеснялся спрашивать и продолжал тем самым процесс самообразования.

“Кто не помнит широковещательных заявлений будущего тренера сборной Объединённых Арабских Эмиратов, сколь глубоко волнуют его

судьбы футбола в родной стране? — задавался вопросом один деятель, любой мой шаг и любое моё действие переворачивавший шиворот-навыворот (речь об А. Р. Галинском. — Л. Г.). — Кто не помнит ‘альтернативного’ проекта Лобановского применительно к созданию футбольного Союза, визитов его — в том же контексте — к сильным мира сего? Словом казалось, что если Лобановский и осиротит киевских динамовцев, то исключительно ради организаторской деятельности в Союзе футбольных лиг! И вот тебе на — в самый, можно сказать, ответственный момент всё бросил и кинулся выручать Эмираты!”

Ясно, что у меня не возникала необходимость справляться у такого рода деятелей, чем и когда мне заниматься, как строить свою жизнь после чемпионата мира. Ясно также, что если бы я все силы бросил на “организаторскую деятельность”, “аналитики” задались бы вопросом: а почему это вместо того, чтобы тренировать, окунулся в чиновничью деятельность? Всё — не так, а потому оставляю вечных злопыхателей в покое».

Отъезду Лобановского в Эмираты в новейшие времена придали между тем политический оттенок. «В 1990 году Советский Союз отторг Лобановского, — написали в книге «Лобановский. Послесловие» Дмитрий Харитонов и Артем Франков. — Вытолкнул взащей». Это, конечно же, неправда. Никто Лобановского не отторгал и — тем более — взащей не выталкивал. Он сам для себя придумал паузу. Не академический отпуск, который берут некоторые специалисты, объясняя это усталостью (слово «усталость» Лобановский не воспринимал), а именно паузу, но паузу рабочую, продолжая тренировать, пусть даже сборную не самой футбольной страны, что гарантировало щадящий режим, столь необходимый Лобановскому даже не в физическом, а в психологическом плане.

В Киеве он создал профессиональный клуб, в который собирался вернуться. Он бы и вернулся сразу после завершения контракта в Эмиратах, если бы не августовская «революция» в клубе (об этих событиях речь впереди). Имея одностороннюю информацию и — самое главное — веря в тех людей, которые клубными хозяйственно-экономическими делами занимались, он поначалу не понял смысл произошедшего, не разобрался в переменах, а потому отправился не в Киев, а в подвернувшийся Кувейт. Позже он говорил, что никогда бы в Кувейт не поехал, если бы летом 93-го сам для себя верно расставил акценты, анализируя то, что произошло.

Не могла, разумеется, стать причиной отъезда в 90-м году и неудачная попытка Лобановского и его единомышленников создать в СССР Союз

футбольных лиг. Он понимал, что даже его появление не предотвратило бы ни развал футбольного хозяйства огромной страны, ни развал всего государства.

С какой же лёгкостью можно переворачивать всё с ног на голову! «Тотальный футбол, — пишет журналист Алексей Поликовский, — был основан на непрерывном одновременном движении всех игроков по всему полю». Кто бы спорил? Но — вдруг: «Лобановский взял у Михелса идею общего непрерывного движения, но не захотел или не сумел слить её с идеей свободы; тотальный футбол в его прочтении превратился в футбол тоталитарный, где на место импровизации и интуиции заступали дисциплина и работа». Даже практиковавшийся Лобановским прессинг, который, как известно и самым неисправимым дилетантам, требует участия всех без исключения полевых футболистов, журналист называет «общим трудом всех игроков на лесоповале».

Затрудняюсь, признаться, сказать, чего больше в этом посыле — абсолютного непонимания граней творчества тренера, игровых действий киевского «Динамо» и сборной СССР (образца 1986 или 1988 года) или же непреодолимого стремления политизировать всё, на что только глаз упадёт, будь то производство шнурков для ботинок, чайный фестиваль или футбольный процесс? Скорее всего, политические пристрастия автора не позволили ему избавиться от зашоренности. Ну как же! Коли строй был «тоталитарным», значит, и футбол, тем более — футбол Лобановского, не мог не быть таким же.

Олег Базилевич, удивившийся решению Лобановского ехать в Эмираты, считает, что для тренера такого калибра более амбициозный, более «спортивный», что ли, выбор, был бы предпочтительнее, «но он так решил, имел право».

Предложение арабских шейхов было не первым. Итальянцы начали подбивать клинья к Лобановскому почти сразу после чемпионата Европы 1988 года — игра сборной СССР на турнире в ФРГ настолько поразила президентов некоторых итальянских клубов, в частности «Ювентуса» и «Интера», что они поручили соответствующим клубным службам прозондировать почву.

В апреле 1989 года «Советский спорт» опубликовал короткую информацию с ленты спортивной редакции ТАСС: «Известная итальянская фирма “Симод”, специализирующаяся на выпуске спортивной обуви и имеющая свои предприятия в ряде стран, предложила услуги в качестве посредника в заключении контракта между нынешним тренером сборной СССР и киевского “Динамо” Валерием Лобановским и одним из ведущих

клубов Италии. По утверждению представителей “Симод”, в их стране проявляют большой и давний интерес к советскому специалисту, внимательно следят за его работой на тренерском поприще. О возможности подписания контракта, причём уже в ближайшее время, свидетельствуют и длительные личные контакты Лобановского с итальянскими футбольными клубами. И если такое соглашение состоится, то оно станет крупнейшей сделкой года. Правда, если соглашение будет достигнуто, то приступить к работе наш тренер сможет только после чемпионата мира-90».

Непосредственные контакты, которые ТАСС со ссылкой на «Симод» назвал «длительными», у Лобановского имелись с двумя клубами. Он рассказывал мне, что первым был «Ювентус», желавший приобрести после Евро-88 сразу трёх советских футболистов (Заварова, Михайличенко и Протасова) и заключить контракт с хорошо знавшим возможности игроков тренером. Помимо футбольных соображений владельцы «Юве» (они же — владельцы концерна «ФИАТ») держали в уме и соображения торгово-экономического толка. Они хотели увеличить своё присутствие на советском рынке — в условиях перестройки это намерение выглядело более чем разумным.

Заваров и Алейников в «Юве» оказались, причём — в силу различных причин — ненадолго. Лобановский же остался дома, посчитав (и позицию свою руководителям «Ювентуса» высказав), что не может каждодневно работать с клубом такого высочайшего уровня «глухонемой тренер».

Примерно так же объяснил Лобановский свой отказ и миланскому «Интеру», из которого в Киев по поручению Массимо Моратти специально прилетал легендарный футболист «Интернационале» и сборной Италии Джачинто Факкетти. Михаил Ошемков познакомил меня тогда с ним в Киеве. Он был очень сентиментален. На глаза его наворачивались слёзы, когда мы начинали вспоминать Яшина, Численко, Воронина, Стрельцова, Метрели.

12 октября 1988 года в Конча-Заспе состоялась встреча итальянцев (в состав делегации входили также клубные работники Джулиано и Джермани) с Лобановским. Факкетти назвал эту встречу «переговорами». Я спросил у него, сделали ли они предложение Лобановскому стать тренером «Интера». «Представь, что у тебя, — сказал в ответ Факкетти, — появилась возможность пригласить одного из лучших тренеров Европы. Отказался бы ты от такой возможности?»

Шла в Конча-Заспе речь и о продаже в «Интер» Михайличенко. Паоло Джулиано, слышавший наш разговор с Факкетти, проходивший с помощью переводчицы Наташи, сказал, что «как во сне видит возможную связку

Маттеус — Михайличенко».

Через пять дней, 17 октября, когда я встречал в Борисполе, а потом привёз в Конча-Заспу — так сложились обстоятельства — прилетевшего из Италии Заварова (сборная СССР готовилась к отборочному матчу чемпионата мира с австрийцами), мы с Лобановским стояли на крылечке старенькой базы, и он подтвердил, что на переговорах итальянцы «удочку» забрасывали: «Как бы вы посмотрели на то, если бы вам поступило официальное приглашение из “Интера”?» Лобановский ответил им, что к этому вопросу можно вернуться позже. Мне же сказал, что есть, наверное, смысл подумать хорошенько, но только один момент, скорее всего, не позволит ему произнести «да» — всё то же незнание иностранных языков. Он рассказал тогда, что «Интер» готов в обмен на продажу Михайличенко (и не только его — ещё и Протасова с Кузнецовым) принять финансовое участие в строительстве новой динамовской базы. «Увидев эту, — объяснил Лобановский, — Факкетти чуть не упал — такого он никогда ещё не встречал...»

Но вернёмся в Эмираты. Условия для жизни семье Лобановских были предоставлены идеальные: пятикомнатная квартира в доме под названием «Россини» в тихом уютном местечке. В квартире — рабочий кабинет, две спальни, огромный холл, столовая, примыкающая к кухне, и комната для прислуги. Прислуги, собственно, и не было: Ада сама прекрасно справлялась со всем хозяйством.

Когда в Персидском заливе началась война между коалицией стран и Ираком (август 1990-го — февраль 1991-го), Лобановский, подчинившись распоряжению советского посла, настоявшего на эвакуации всех женщин и детей, на время остался со своим помощником — Михаилом Ошемковым. Ночью Миша смотрел телеканал CNN, рассказывал Васильичу об обстановке, ложился спать, днём «кашеварил» — готовил обед и ужин (готовит он, к слову, неплохо). Когда возникали вопросы, звонил в Киев жене Татьяне и справлялся о деталях рецепта приготовления какого-либо блюда, например, грибного супа. Запас продуктов был внушительным. В футбольных делах образовался перерыв. Время от времени совещались по будущим турнирам и сборам. В Эмиратах были рады, что Лобановский и Ошемков не уехали, остались с ними.

Восток, как известно, дело тонкое, но Лобановский не стал подлаживаться под местные условия и идти на компромиссы в вопросах, в которых, как он считал на протяжении всей тренерской карьеры, компромиссы недопустимы. Точно так же, как он с первых дней пребывания в киевском «Динамо» резко пресекал любые попытки

вмешиваться в его работу, он и в Эмиратах не послушался шейха, посоветовавшего тренеру оставить в команде всех тех футболистов, которые играли в сборной страны до его прихода. Лобановский сразу назвал шейху фамилии игроков, которых он не собирался привлекать в сборную. Оказалось, все они — любимцы шейха. «На этой почве, — вспоминает Светлана Лобановская, — у них и возникло недопонимание». Со временем оно переросло в конфликт.

Но кто для Лобановского шейх? Пройдя многолетние испытания «советскими партийными шейхами», он был подготовлен ко всему.

В Эмираты Лобановский отправился, языка, понятно, не зная. Его правой рукой в ОАЭ стал хорошо знавший русский язык переводчик Салим, а в Кувейте — столь же хорошо говоривший по-русски знакомый ему сириец Фараз. Он — выпускник Киевского института физкультуры, владел детальной футбольной терминологией, местные условия для него — не диковинка, в Киеве Фараз часто посещал тренировки «Динамо», с Лобановским был знаком и много раз беседовал с ним, интересуясь методами работы Валерия Васильевича.

Поначалу дела у Лобановского в Эмиратах складывались вполне благополучно. Победы в мае 1992 года в отборочных матчах Кубка Азии над Кувейтом и Бахрейном (3:2 и 3:1 соответственно) стали поводом для досрочного продления двухгодичного контракта ещё на два года. Мало того что договор был продлён, так ещё и существенно улучшились условия соглашения. Федерация футбола Эмиратов, не желая расшифровывать финансовые пункты контракта (Лобановский тоже не стал делать это), допустила тем не менее утечку сведений через газету «Аль-Халидж», которая 6 июня 1992 года сообщила в субботнем выпуске, что ежемесячная зарплата тренера по новому соглашению увеличится с 20 до 24 тысяч долларов и что тренеру будет предоставлена новая вилла — в наиболее престижном районе эмирата Дубай.

Новый контракт Лобановский подписал 4 июня 1992 года и почти сразу после подписания улетел в Киев в отпуск. Лобановский убедил руководителей Федерации футбола ОАЭ в необходимости проведения всестороннего тестирования всех кандидатов во все сборные страны — первую, олимпийскую и молодёжную. Из Киева в Эмираты приехали специалисты из научной группы — Анатолий Зеленцов, Владимир Лазоренко, Александр Штелин, а также врач Владимир Малюта. За четыре дня они, к удивлению хозяев, полагавших, что за такой короткий срок проделать подобный объём работы невозможно, протестировали сотню игроков трёх сборных. На местных компьютерах использовали свои

программы, давно апробированные, а расшифровку тестов, проведённых в педагогических, медицинских и психофизиологических параметрах, прислали Лобановскому из Киева.

Но в конце декабря 1992 года открыто заговорили о возможном возвращении Лобановского домой. Переросшее в конфликт недопонимание с шейхом получило развитие и фактически превратилось в конфронтацию, следствием которой могло стать досрочное прекращение контракта.

История вышла такая. Один местный журналист (Лобановский назвал его «пронырливым») похитил в Федерации служебную записку тренера, в которой он весьма резко высказывался о состоянии футбольных дел в стране. «В этом мире, — говорил потом Лобановский, — не привыкли к критике со стороны иностранцев. Но мне же удалось впервые в истории сделать команду Эмиратов четвёртой на Кубке Азии, розыгрыш которого проходил в Японии. И я, поскольку показал, на что способна команда под моим руководством, имел право высказываться так, как считал нужным, обнажая проблемы».

В Японии сборная ОАЭ получила очень высокую оценку прессы и специалистов. Она вышла в полуфинал из сильной группы, сыграв вничью (оба раза 0:0) с командами Японии и Ирана и обыграв сборную КНДР (2:1). В полуфинале сборная ОАЭ проиграла (0:2) футболистам Саудовской Аравии, объективно, признавал Лобановский, «более сильным в плане индивидуальных действий», а в матче за третье место уступила по пенальти Китаю (основное и дополнительное время завершилось вничью — 1:1).

Но в Эмиратах четвёртое место посчитали неудачей, во всём обвинив тренера. «Всё, — рассказывал Лобановский, — рухнуло. Прежде всего — дисциплина и порядок пошли прахом. Игроки стали пропускать тренировки, вести себя соответствующе: ну как же, они — самые лучшие, а Лобановский плохой. А нам ехать на “Кубок Залива”».

Лобановский написал докладную записку с ультиматумом: или он убирает двух самых сильных, но в то же время самых недисциплинированных игроков, либо Федерация отстраняет тренера. Экстренное заседание Федерации футбола ОАЭ по этому поводу проходило почти всю ночь — до четырёх утра. За Лобановским приезжали трижды. Всякий раз он отказывался, объясняя, что свою позицию изложил в докладной записке и ничего больше добавить не может. «Это, — рассказывал Лобановский, — было воспринято как личное оскорбление: шейхи собрались, члены эмирской семьи, а какой-то тренеришка нами брезгует...»

В Эмиратах привыкли к тренерам-марионеткам, а Лобановский показал свой характер. Он признался спустя время, что «сознательно шёл на конфликт», желая всем показать, что управляемым не будет.

Пётр Шубин, работавший одно время помощником Бескова в «Спартаке», какое-то время находился вместе с Лобановским в Эмиратах, тренировал местный клуб. Он бывал у Лобановского в гостях, они нормально общались. Шубин рассказывал в интервью газете «Спорт-экспресс», что, по его ощущениям, работа со сборной ОАЭ была Лобановскому «не в радость». Там совсем иной подход к делу со стороны молодых людей, занимающихся футболом: запредельная степень избалованности, полное отсутствие даже малейших финансовых проблем. Серьёзно, с полной отдачей, трудиться на тренировках и в матчах игроки не хотят. Если вдруг на занятии что-то им не понравилось, вполне могли, по словам Шубина, сесть в машину и уехать. Рычагов для управления процессом у тренера не было никаких.

Накануне проходившего в середине декабря в Катаре «Кубка Залива» Лобановского отстранили от руководства национальной сборной и заменили польским тренером Антонином Пехничеком (тем самым, который в 1983-м возглавлял сборную Польши, фактически сдавшую на своём поле в отборочном турнире игру команде Португалии только ради того, чтобы не пустить на чемпионат Европы советских футболистов). И даже занятое под управлением Пехничека четвёртое место в «Кубке Залива» (при шести участниках) не заставило Федерацию футбола ОАЭ отменить своё решение.

Чтобы не стать стороной, по инициативе которой разрывался контракт, Федерация предложила Лобановскому возглавить юношескую сборную страны. Ясно было, что тренер, которому 6 января 1993 года исполнилось 54 года и который в случае согласия крупно проигрывал репутационно, принять это предложение не мог. Стороны занялись поисками финансового компромисса, позволившего бы каждой из них остаться при своих интересах. Компромисс не нашли, но и контракт разорван не был. Лобановский подчинился пунктам соглашения и выполнял все распоряжения Федерации. В контракте же было записано, что он обязан был работать со всеми сборными в Эмиратах. Он и стал их консультировать, в том числе — юношескую. Но о серьёзной тренерской работе речи уже не шло.

Возможно, лучшим выходом из такой ситуации был бы полный разрыв контракта, но, как объяснял Лобановский, «нельзя не учитывать немаловажный финансовый фактор: сторона, разорвавшая контракт, обязана выплатить солидную неустойку». Так что всё для Лобановского

оставалось после декабря 1992 года по-прежнему. За исключением того, что у него уже не было главной сборной ОАЭ. Федерация между тем тренера «эксплуатировала» по полной программе. В мае 1993 года она организовала в Эмиратах семинар с участием большой группы специалистов из стран Залива, и Лобановский прочёл курс лекций по теории и практике современного футбола.

В первой декаде июня 93-го Лобановский прилетал в Киев в отпуск. Информация о происходившем в «Динамо» захлестнула его. Он продолжал верить людям, которые ещё до его отъезда пришли в клуб на руководящие должности, и весьма негативно относился к попыткам «сбросить» их.

Возвращаться в Эмираты ему не хотелось, но пришлось. Ещё перед отпуском к Лобановскому обращалась Федерация футбола Катара (она полгода пыталась заручиться его согласием), предлагая условия на порядок выше, чем в Эмиратах, и гарантируя заплатить ОАЭ неустойку за разрыв контракта, который действовал до конца 1994 года. Над катарским предложением Лобановский думал («Катар, — говорил он, — уютный цивилизованный эмират, люди там симпатичные...»), но решил оставить всё как есть. Однако работать в Эмиратах стало совсем невозможно, и когда возник вариант с Кувейтом, Лобановский долго не раздумывал: осенью 1993 года он перебрался из Дубая в Эль-Кувейт.

Внезапная смена тренеров в сборной ОАЭ — событие весьма для этой страны привычное, превратившееся в традицию. Буквально накануне чемпионата мира 1990 года, например, был освобождён от должности известный бразильский специалист Марио Загало. Случай забавный. Загало, находясь в отпуске, дал какое-то не устроившее руководителей Федерации футбола ОАЭ интервью и получил за это чек за выход команды в финальную стадию чемпионата и уведомление о том, что в его услугах больше не нуждаются.

«Для качественной подготовки национальной команды в странах Персидского залива, — говорил Лобановский, — необходимо не менее пяти лет. Это объективная реальность, с которой, однако, не захотели считаться руководители футбола ОАЭ. Хотя работа там дала результаты — удалось создать костяк команды, а за этим последовали первые успехи. Сборная заняла четвёртое место в Кубке Азии, проиграв лишь по пенальти Китаю матч за бронзовые медали. Могли подняться и выше, но возникли проблемы с дисциплиной у некоторых игроков. Двух из них я решил из команды убрать, но руководство Федерации этому активно воспротивилось. Ну а я в таких делах уступать не привык — мне пришлось уйти. В общем, это был обычный профессиональный конфликт. К слову, шеф эмиратского

футбола шейх Абдалла вскоре признал, что совершил ошибку (“Лобановский, — сказал он, — открыл нам глаза на футбол”). При этом, правда, заявил, что и Лобановский — “не подарок”. Но что поделаешь, какой уж есть!»

Как-то на Азиатских играх в Хиросиме осенью 1994 года Лобановский и Ошемков, работавшие уже с Кувейтом, не спеша прогуливались по спортивной деревне. Вдруг с другой стороны улицы примчалась большая группа молодых людей — футболисты сборной ОАЭ в полном составе — и давай обнимать и целовать Лобановского: «Коуч, как дела?..»

Член административного совета Федерации футбола ОАЭ Мухаммед Матар называет Лобановского одним из великих тренеров мира: «Он создал свою собственную школу в мировом футболе и заложил глубокую базу в развитие этой игры в ОАЭ. Он открыл нам глаза на футбол. Имея свой особенный стиль работы с футболистами и тренерами, он оставил о себе прекрасную память у всех специалистов эмиратской Федерации футбола и игроков». Матар работал в сборной техническим представителем Федерации футбола в тот период, когда Лобановский возглавлял команду. «Я всегда учился у своего украинского коллеги, — говорит он, — следил за его работой в Кувейте в течение трёх лет после отъезда из Дубая и в последующем после возвращения “Лобы”, как его здесь называли, в украинскую столицу».

Когда Лобановского в течение полугола уговаривали принять сборную Катара, он отказался. Говорил, что ехать в Залив ему больше не хочется: «Надоело подстраиваться под особенности местного характера, да и климат здесь не для европейского человека». Тем более — не для человека с уже обнаружившимися сердечно-сосудистыми проблемами. Ему бы остановиться тогда на Эмиратах и после отказа Катару отказать и Кувейту. «Он воспринимал сердечно любую мелочь, переживал, — вспоминал Валентин Згурский. — Допустил ошибку, поехав в Эмираты и Кувейт со своим больным сердцем. Целиком отдавался футболу и загнал себя». Но...

Поначалу Лобановский ответил «нет» и представителям шейха Ахмеда, руководителя Кувейтской футбольной федерации и Национального олимпийского комитета. «С какой стати мне менять решение? — говорил он. — Чем Кувейт предпочтительнее Катара?»

И всё же осенью в Киев приехала кувейтская делегация для переговоров. Это была последняя воля эмира — пригласить на должность тренера Лобановского. Делегацию возглавлял сын-шейх, руководитель спортивного ведомства страны. Переводил Фараз: кувейтцы нашли его в другой стране — свидетельство серьёзности их намерений. В Киеве

делегация остановилась в «Президент-Отеле». Туда же на переговоры отправился Лобановский.

«Мне было сделано предложение, от которого я не смог отказаться, — говорил он. — И дело вовсе не в финансовых условиях. Кувейтяне знали условия моего контракта с Эмиратами и предложили не хуже. Но говоря о предложении, перед которым невозможно было устоять, я имею в виду другое. Мне на три года на откуп отдали весь футбол Кувейта. Мне дали возможность привезти своих тренеров, врача и массажиста, работать по собственной системе. Я поставил определённые условия, включающие подготовку нормальных полей для игр, строительство базы для сборной и многое другое. Я просчитал, в какую сумму может вылиться выполнение моей программы, поставил в известность кувейтскую сторону. Мне гарантировали, что всё будет сделано, поэтому с 15 января 1994 года я начал работу по контракту, который заключён на три года».

Великолепная вилла в престижном районе Эль-Кувейта, гараж во дворе на четыре автомобиля — «кадиллаком» и «понтиаком» заняты лишь два места; деревья, тень от которых, однако, не спасает от наступающей в начале апреля жары...

Лобановский давно приучил себя к ежедневным физическим нагрузкам. Много лет каждое утро бегал, потом по рекомендации врачей перешёл на ходьбу. Но в Кувейте днём запредельная жара. По улицам Эль-Кувейта не расходишься, хотя и там в некоторых районах, в том числе и в Мишгрефе, где жил с семьёй Лобановский, появились «тропинки здоровья», и можно было видеть, как вышагивают девушки и женщины, полностью укутанные в национальные одежды, но в современных кроссовках.

Лобановский нашёл выход. Днём ровно час он шагал по своей вилле, оборудованной кондиционером, — благо её размеры это позволяли. Одновременно либо размышлял над очередной проблемой, либо беседовал с коллегами или же говорил по радиотелефону с руководителями киевского «Динамо», не скрывавшими намерений вернуть тренера в Украину.

В те дни, когда я был в Кувейте, этот час здоровья почти целиком был отдан нашим с ним разговорам: мы не виделись два года, и нам было о чём поговорить. Мы вспоминали общих друзей, некоторые из них не так давно ушли из жизни — артист Олег Борисов, футбольный журналист Валерий Березовский, — обсуждали политическую ситуацию на постсоветской территории, пытались спорить о книгах Виктора Суворова, я рассказывал о последних московских новостях (когда ещё Лобановский прочтёт кипу привезённых мной газет и журналов), и, разумеется, футбол также был

одной из тем наших разговоров. Человек весьма сдержанный, эмоции обычно «убирающий», Лобановский светился, когда говорил о том, что почти все, кто играл у него в киевском «Динамо», не только стали тренерами, но и продолжили определённое направление в этой деятельности.

Действительно, процентов 90 из тех футболистов, которые прошли через киевское «Динамо», когда там работал Лобановский, примерили на себя тренерскую одежду. На тот момент — в Украине, Греции, Шотландии, Швеции. В клубах высшей и первой лиг, в национальной и олимпийской сборных страны, в детских и юношеских командах. О футболе разговоры наши начинались с утра, когда мы сходились за завтраком (у Лобановского он состоял из кукурузных хлопьев с молоком), продолжались за обедом (в рационе тренера суп, овощи и фрукты) и за ужином, когда жена Лобановского — Ада, верная спутница, сопровождавшая мужа почти во всех поездках по Союзу с тех пор, как в 88-м у него в Киеве прихватило сердце, подавала на стол какие-нибудь кулинарные изыски.

Я не мог представить себе, чем можно занять свободное время в Кувейте, где некуда пойти вечером (театров нет, в кинотеатрах фильмы на арабском языке), где жарко днём и нет никакого желания выйти на улицу. У Лобановского каждый день был расписан по минутам. Сразу после завтрака он ехал, если возникала необходимость, в Федерацию футбола или же отправлялся к себе в кабинет — работать за письменным столом.

Лобановский редко садился за руль сам. Водитель он неплохой, но ему не доставляло абсолютно никакого удовольствия мчаться по кувейтским автострадам и одновременно следить за указателями: как бы не пропустить нужный поворот. Роль пассажира его устраивала гораздо больше. Машину обычно вела либо дочь Лобановского Светлана, у которой это прекрасно получалось, либо её муж Валерий — оба знали, похоже, каждую улочку в Эль-Кувейте.

Стена кабинета Лобановского была увешана вымпелами из той ещё, киевской жизни: среди них и вымпел в честь блестящей победы киевлян весной 1975 года в Кубке обладателей кубков европейских стран. Днём в Кувейте — сиеста, и работа продолжалась вечером: почти каждый день — матчи национального чемпионата, на некоторых из них Лобановскому обязательно надо было побывать.

Сведения об игроках — кандидатах в сборную Кувейта — Лобановский получал не только из собственных наблюдений за матчами чемпионата страны, но и с помощью высокопрофессиональных методов тестирования, разработанных ещё в киевском «Динамо» и проводимых

только с помощью компьютерной технологии. Раз в год на неделю в Кувейт, как и в Эмираты, прилетала из Киева небольшая группа специалистов во главе с Анатолием Зеленцовым и проводила тестирование всех футболистов, которых называли Лобановский и его помощники. «Когда Лобановский приехал в Кувейт, — рассказывал Зеленцов, — руководство местной федерации предоставило ему список из 150 сильнейших игроков страны, не включив в него большинство футболистов прежнего созыва сборной. Мы решили протестировать вообще всех кандидатов в национальную команду по проверенной методике и отобрали из них 28 с самыми высокими показателями. Как же удивились кувейтцы, когда выяснилось, что 23 футболиста из этой группы были ранее заиграны за сборную. Получается, наша методика из большой группы максимально точно отобрала лучших футболистов».

Благодаря тестированию и налаженной системе получения информации по каждому игроку не только в играх, но и на тренировках, Лобановский быстро приучил футболистов сборной к «понятийному» языку. «К примеру, — рассказывал он, — говорю футболисту: “Ты сегодня сыграл плохо”. А он мне в ответ: “Нет, я сыграл хорошо”. Кто прав? “Понятийный” язык помогал. Он основан на расшифровке действий всей команды и каждого игрока в отдельности. “Разве это хорошо? — спрашивал. — Цифры свидетельствуют: активность низка, много брака, ни одного удара по воротам, ни одной острой передачи, пас только короткий, в основном поперёк или назад...”».

Для кувейтцев поначалу всё это было в диковинку, но потом стало привычным, как и профессиональный анализ каждого матча, действий каждого игрока в отдельности и команды в целом на всех стадиях матча. В Кувейте, в отличие, скажем, от Саудовской Аравии, за сборную играли любители чистой воды, порой даже без приблизительных представлений о дисциплине, без которой в спорте делать нечего. На тренировочный процесс это обстоятельство не могло не влиять. У одного игрока вместо занятия на поле — свадьба друга, другой должен встретить брата, третьего взяли на отдых родители.

Лобановский попытался изменить ситуацию, частично ему это удалось. Но почти все кувейтские футболисты, подходившие по своему уровню национальной сборной, — из богатых семей. Это — не бразильцы, которым футбол даёт единственную возможность выбраться из нищеты. Лобановскому, когда он приехал в Кувейт, говорили: «Возьмите плохую команду и сделайте из неё великолепную». Он объяснял: «Плохую команду можно сделать из очень плохой, хорошую — из плохой и отличную — из

хорошей». И приступил к пошаговым превращениям.

В Кувейт с Лобановским приехал Анатолий Азаренков, работавший ранее в Сирии и Омане и знающий арабский язык. Его «поставили» на юношескую сборную. Юрий Андреевич Морозов возглавил олимпийскую команду. С национальной вместе с Лобановским стали работать Владимир Веремеев и Михаил Ошемков. Физиотерапевтом стал Валерий Горбик — зять Лобановского.

«Штаб полностью укомплектован моими людьми, — констатировал Лобановский. — Никто и никогда такой карт-бланш здесь ещё не получал. Грех было не воспользоваться шансом. Отношение к тренерам в этом регионе своеобразное. Например, саудовцы выгнали сначала наставника, выведшего их сборную в финал чемпионата мира в США, потом столь же легко распрощались с голландцем Лео Бенхаккером, осмелившимся высказать претензии к трём ведущим игрокам. Тренеров здесь меняют как перчатки. А чтобы кому-то полностью доверили руководство футболом страны...»

Саудовцы, с такой лёгкостью избавлявшиеся от тренеров, попросили у Кувейта отдать им Лобановского в «аренду» на период финальной стадии чемпионата мира-94. Согласия Лобановского не спрашивали. Но до этого дело не дошло, Федерация футбола Кувейта деликатно дала понять, что тренер им в этот отрезок времени нужен самим. А если спросили бы, говорил Лобановский, «я бы отказался». Почему? «Мне сегодня это уже неинтересно. Я хочу попытаться создать целую футбольную систему в стране, а не временно замещать другого тренера. На сегодняшний день главное для меня — это организационные вопросы и селекция. По сути, начинать приходится с ровного места».

Поначалу Лобановский вместе со штабом определил первый круг кандидатов в национальную команду. Сборная провела контрольную игру с финалистом Кубка УЕФА «Антверпеном» и выиграла 1:0. Но в данном случае тренера интересовал не результат, а качество игры команды.

«В кувейтских футбольных верхах, — рассказывал Лобановский, — есть группа людей, мыслящих прогрессивно. Однако другие смотрят на современный футбол сквозь призму 80-х годов. Для людей такого склада есть только две точки зрения: моя и неправильная. Что-то доказывать им очень сложно. К примеру, в игре с Туркменией кувейтская сборная применила прессинг. Наверху это встретили в штыки: мол, зачем нам прессинг, давайте играть, как всегда. Удивительно, что футболисты с пониманием воспринимали мои требования, а часть Федерации — нет. Доходило до того, что эти псевдоспециалисты, используя свои связи с

прессой, проповедовали полный бред: зачем, дескать, тренироваться — будем просто играть. Это читали игроки, и управлять ими становилось всё труднее. Работал я, как известно, с любителями, игравшими не за деньги. Кто в армии служит, кто — в полиции, кто трудится на фирме. На тренировку могут прийти, а могут и не прийти. После матча с туркменами пришлось выступить в прессе и открыто сказать, что люди, которые не воспринимают современный футбол, должны отойти от национальной команды и не вмешиваться в её дела. Состоялось заседание Федерации, на котором большинство поддержало моих противников».

К отборочным матчам с Туркменией Лобановский отнёсся, как всегда, с предельной тщательностью. Он собирал всю возможную информацию о туркменской команде. В Москве зимой в «Кубке Содружества» играл ашхабадский клуб «Копетдаг», в составе которого выступали многие футболисты сборной Туркмении, и Лобановский попросил меня, во-первых, проанализировать действия каждого туркменского сборника и, во-вторых, договориться с бывшим видеооператором сборной СССР Евгением Маликовым, чтобы он снял матчи с участием туркменского клуба. Листочки с анализом и видеокассеты с записями игр я привёз Лобановскому в Эль-Кувейт.

В Ашхабаде болельщики очень тепло приняли Лобановского, приехавшего со сборной Кувейта. Те, кто постарше, помнили ещё приезд тренера во главе «Днепра» на матч чемпионата СССР в первой лиге. После кончины Лобановского в Ашхабаде перед встречей первенства Туркмении «Ниса» — «Копетдаг» зрители и футболисты минутой молчания почтили память тренера.

Наученный эмиратским опытом, Лобановский тонко обходил в Кувейте подводные камни. И даже превращал потенциально негативные ситуации в позитивные. Отправилась как-то сборная Кувейта на тренировочный сбор в привычный для Лобановского немецкий город Руйт. В её составе должно быть 25 футболистов, отобранных тренером, но Федерация отправила в Германию 35 игроков. Лобановский: «Кто разрешил? Почему лишние?» А шейх тут как тут: «Понимаете, тренер, это очень перспективный нападающий. Он до вас много голов забивал! И этот хороший, без него тоже нельзя! У нас так принято, мы не можем обижать хороших людей!»

И получилось так, что Лобановский и его помощники отобрали тех, с кем решили работать, а им ещё навязали своих. Да кого? Одному 29 лет, другому давно за 30, третий нужен для организации молитв, четвёртый и вовсе мулла...

И Лобановский дал им нагрузку! «Даже нам, — вспоминает зять

Валерия Васильевича Валерий Горбик, — многое повидавшим, на ребят было жалко смотреть. Им сразу домой захотелось. Некоторые так и сделали, причём — без обид. Поняли, что такое тренировочный процесс!»

Заслуженных по местным меркам ветеранов не без участия Лобановского вскоре удалось устроить в профессиональные клубы Саудовской Аравии. Достаточно было спросить согласия самих игроков, до чего местные функционеры не додумались — они даже представить себе не могли, как можно отправить футболиста из Кувейта зарабатывать деньги в другой стране.

Что касается языка, то Лобановскому и в голову не приходило учить арабский. Однако какие-то слова он понимал: например, когда ему игроки говорили «иншаллах» («если пожелает Аллах»), «мафи мушкеля» («нет проблем»), а какие-то мог иногда сказать сам: «ашра» («быстро»), «халас» («закончили») или «шукран джезира» («спасибо большое») — когда был удовлетворён игрой или работой на тренировке. Здраваться и прощаться с игроками и приставленными к нему работниками Федерации старался по-арабски. Переводчик Фараз всегда во время работы находился рядом и был готов донести до футболистов любое слово «муаллима» (учителя). Но работая с переводчиком, Лобановский окончательно убедился: даже так тренер — некая вариация глухонемого человека, не могущего ни мысли свои донести до собеседника напрямую, ни услышать сказанное в ответ. (К слову: Олег Романцев, у которого в московском «Динамо» играли разноязыкие иностранцы (у каждой группы был свой переводчик), добровольно ушёл из команды. «Однажды во время занятия на базе, — объяснял он, — я остановился, оглянулся и понял, что тренирую не футболистов, а переводчиков».)

Вся подготовка сборной Кувейта в 1994 году была спланирована таким образом, чтобы в октябре успешно выступить на Азиатских спортивных играх в Хиросиме, а в ноябре — на Кубке Персидского залива в Абу-Даби.

По свидетельству Горбика, Лобановскому в сборной Кувейта достаточно было порой одного взгляда, чтобы заставить футболистов полностью отдаваться игре. В Хиросиме на Азиатских играх в первом тайме одного из матчей дела у команды не заладились, ничего не получалось. В перерыве в раздевалке все сидели молча. Лобановский подошёл к одному из игроков и спросил по-русски: «Ты играть будешь?!» Фараз попытался перевести это на арабский, но Лобановский отодвинул его в сторону и снова: «Ты играть будешь?!» В ответ шёпот: «Иншаллах...» И именно этот футболист после перерыва и забил единственный и решающий гол. И сразу же подбежал к скамейке запасных, стал благодарить

Лобановского.

Футбольный турнир на Азиатских играх проходил с 1 по 16 октября. В первый день команда Лобановского в рамках группового турнира сыграла вничью с Оманом (2:2), в следующей встрече — 3 октября — разгромила Непал (8:0), а затем в игре за первое место в группе взяла верх над корейской сборной, которую тренировал Бышовец (1:0, гол на 73-й минуте забил Башир Сальбук).

В четвертьфинале Кувейт обыграл (2:1) прежнюю команду Лобановского — ОАЭ, в полуфинале проиграл Китаю (0:2), а 15 октября в матче за третье место ещё раз обыграл корейцев (2:1).

Два поражения на Азиатских играх от Кувейта и четвёртое занятое место не помешало Бышовцу в одном из интервью сообщить, что сборная Кореи под его руководством... стала чемпионом Азии. При этом ни разу Бышовец к Лобановскому не подошёл, руки не подал, хотя разделяли бывших одноклубников какие-то пять метров. Это было удивительно на фоне атмосферы, которая царила в Хиросиме. Тогда впервые в число участников Азиатских игр были включены команды бывших советских республик — Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении и Киргизии. Так что общения у Лобановского хватало.

Примечательным оказался матч сборной Кувейта с командой Эмиратов. Мало того что после победы над преемником Лобановского поляком Пехничеком кувейтские футболисты устроили настоящий концерт в раздевалке — с танцами, барабанными переключками на стульях и других подручных средствах, так ещё перед отъездом выдал номер один из администраторов команды Исса. «Представьте, — говорит Горбик, — выражение лица Валерия Васильевича, когда Исса заявился прямо в автобус с бутылкой “Пшеничной” (и где только нашёл её в Хиросиме), налил полный стакан и залпом его выпил. Мы все в шоке, а он: “За победу! Я знаю, у вас такой обычай”».

Буквально тут же возле автобуса началась какая-то возня. Сборную Кувейта и так повсюду сопровождали полицейские: боялись провокаций, ведь Саддам Хусейн по-прежнему стоял у границы, угрожая новой агрессией. А тут появилась вооружённая охрана, оцепление. «Выяснилось, — продолжает Горбик, — группа арабов жаждет встречи с Валерием Васильевичем. Кто такие? С какой целью? Оказалось, игроки сборной ОАЭ. Слышим возгласы: “Ло-ба-но-вись-ки! Ло-ба-но-вись-ки!” Лобановский вышел из автобуса. Окружили, благодарят, целуют, чуть ли не плачут. Такую вот память он оставил о себе работой в Эмиратах. Васильич в тот вечер получил хороший эмоциональный заряд, доволен был — я это

видел».

Жара, духота, сумасшедшая влажность воздуха, достигавшая периодами ста процентов, испарения из Персидского залива — только местные жители, но никак не европейцы в состоянии были спокойно, без ущерба для здоровья, жить и работать здесь. (Работали, правда, в основном гастарбайтеры из Азии, в частности филиппинцы). Но и местные жители старались на это время уезжать в страны с иным климатом, в основном в европейские.

В Эмиратах с климатическими условиями было полегче. Лобановский там без проблем сам управлял автомобилем, с 9 до 13 работал в офисе местной Федерации футбола, потом два часа отдыхал, после чего совершал поездки по футбольным делам: просмотр матчей, встречи с клубными тренерами, обсуждение методических и организационных вопросов. Каждое утро плавал в бассейне.

В Кувейте же большую часть времени он проводил дома, в офисе Федерации появлялся редко (Лобановский контракт не нарушал: всё это было оговорено), на матчи клубных команд в большинстве случаев отправлял помощников, необходимые тренировки со сборниками проводил сам.

Лобановский говорил мне, что, помня о климатических условиях Эмиратов, полагал, что нечто похожее будет и в Кувейте. И если бы знал детально, что его ждёт, то в Кувейт не поехал бы. Эмираты, по сравнению с Кувейтом, — оазис для жизни.

Глава 18

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КИЕВ-3

Когда киевское «Динамо» в новейшие уже времена выиграло в 1993 году сначала Кубок Украины, а потом чемпионат страны, в клубе не оказалось средств, для того чтобы выплатить футболистам и тренерам причитающиеся им за победы премиальные. Президент клуба Виктор Безверхий обратился к бизнесмену, генеральному директору совместного предприятия «Динамо-Атлантик», большому любителю футбола Григорию Суркису со слёзной просьбой помочь деньгами. Суркис оплатил выигрыши команды, но близкие к клубу люди, в том числе имевшие отношение к руководству, собрались и вполне резонно задались вопросом: дальше-то что? Ведь денег у «коллективного предприятия» нет, никто не знает, куда они подевались, а долги составили внушительную сумму в пять миллионов долларов. Решили вместо «коллективного предприятия» создать акционерное общество с участием в нём группы бизнесменов, политиков, представителей силовых ведомств. Как быть с президентом?

Безверхий и Суркис находились тогда в нормальных отношениях, и Безверхий сам называл имя нового президента: Григорий Суркис. Себя же он видел в сложившейся ситуации в роли вице-президента. Но спустя несколько дней Безверхий от собственного предложения отказался и заявил, что по-прежнему намерен возглавлять клуб. Вовсе не исключено, что заявление об этом он сделал после консультаций с Лобановским, продолжавшим пристально следить за динамовскими делами издали и верившим тем людям, которые оставались в клубе после его отъезда. Без него не делался в «Динамо» ни один серьёзный шаг.

Информационное пространство Украины, и не только футбольное, буквально взорвала заметка агентства «Укринформ», опубликованная в газетах 20 июля 1993 года:

«Вчера отстранён от должности президента ФК “Динамо” (Киев) Виктор Безверхий. Решение принято на экстренном собрании игроков и тренеров, которые заявили, что неправильная финансовая и хозяйственная политика превратила “Динамо” в банкрота. Клуб сейчас в астрономических долгах, в том числе и в валютных. Признаны невыгодными ряд контрактов на переход футболистов команды в зарубежные клубы. Вчера же по

решению динамовцев создано акционерное общество “Футбольный клуб ‘Динамо’ (Киев)”. Республиканский и городской Совет “Динамо” ему передадут две тренировочные базы и динамовский стадион. Президентом АО избран Григорий Суркис. Учредителями кроме футбольной команды и динамовских Советов стали также коммерческо-консультационный центр “Славутич” и британская фирма NEWPORT MANAGMENT. Уставной капитал — 10 миллиардов карбованцев. Избран и наблюдательный совет, в который вошли руководители республиканских МВД, СБ, пограничных войск и Генеральной прокуратуры».

25 августа 1993 года состоялось общее собрание учредителей коллективного предприятия ФК «Динамо» (Киев), и власть в клубе после этого собрания окончательно — официально — перешла от Виктора Безверхого к Григорию Суркису, что и было зафиксировано на восьми страницах протокола собрания.

Когда Лобановский осенью 1990 года отправился в Эмираты, на счетах «Динамо» было 11 миллионов долларов, клубу принадлежала недвижимость в Закарпатье и Нью-Йорке. Меньше чем за три года эти средства испарились.

Роль Григория Суркиса в возрождении киевского «Динамо» переоценить невозможно. Он вместе со своими партнёрами (но прежде всего — он) не позволил клубу упасть в пропасть, из которой практически нельзя было выбраться, — подхватил на самом краю.

Когда Григорий Суркис стал президентом ФК «Динамо-Киев», клуб находился в состоянии банкротства. Заложены были квартиры и машины игроков, трансферная стоимость футболистов, инфраструктура клуба, стадион, база в Конча-Заспе. Команда фактически оказалась у вдребезги разбитого корыта. У неё не было средств на существование. Не на что было — это край! — купить даже минеральную воду в раздевалку. «Динамо» пребывало в безнадёжном состоянии.

Самое главное, что отличало братьев Суркисов и их единомышленников, сумевших вытащить «Динамо» из пропасти, от прежнего руководства, — любовь к футболу вообще и к киевской команде в частности. Безверхий — человек в футболе случайный. Ему было всё равно, что возглавлять: приватизированную фабрику или футбольный клуб. Лишь бы деньги оказались рядом, в зоне досягаемости, и их можно было снять со счетов в любой момент в любом месте, как, собственно, и получилось в итоге со счетами «Динамо». Футболом должны руководить богатые и умные люди, футболом живущие. Григорий Суркис — ярчайший тому пример.

Суркисы и их единомышленники взяли на себя не только ощутимое финансовое бремя — следовало расплатиться для начала с долгами, выплатить «замороженную» предыдущими владельцами заработную плату, вкладывать деньги в развитие инфраструктуры, — но и огромную ответственность. Необходимо было сохранить многолетние традиции, уникальную атмосферу киевского динамовского клуба.

Просто вложенных средств мало. Нужны люди, способные достигать успеха. Лобановский — в первом ряду таких людей. Вернуть его в Киев хотели много раньше осени 96-го. Но прежде Лобановского предстояло убедить в том, что, как говорит Игорь Суркис, «новые руководители киевского “Динамо” будут заботиться о команде не хуже, а может, и лучше тех, кто опекал команду в 70—80-е годы. Когда Валерий Васильевич понял серьёзность наших намерений и вернулся, стало окончательно ясно, что мы на правильном пути».

Лобановский был первым, кому удалось в бывшем СССР создать профессиональный клуб. «Возможно, — деликатно предполагает Григорий Суркис, — он ошибся в выборе людей, допущенных к клубной казне». Оснований для подобных предположений у Суркиса-старшего было более чем достаточно. Главное из них опровергнуть невозможно: в финансовой пропасти быстро и неожиданно оказался клуб, продавший к тому времени за хорошие деньги Александра Заварова, Олега Протасова, Геннадия Литовченко, Алексея Михайличенко, Анатолия Демьяненко. «Хорошие деньги» испарились мгновенно.

Между тем на первых порах денег в клубе действительно было очень много. За год до грянувшего в 93-м кризиса представители киевского «Динамо» встречали в Борисполе зарубежных партнёров. К работавшему тогда в клубе юристом известному адвокату Виктору Медведчуку, будущему крупному политику, куму Владимира Путина, подошёл его давний знакомый, занимавший в тот период не самый последний пост в украинском правительстве, и поинтересовался динамовскими делами и перспективами развития. Медведчук честно рассказал, что знал: «Того, что имеем, хватит лет на пятнадцать».

Не хватило и на год.

«Ошибочно подобранные» люди ни при каких обстоятельствах не собирались отдавать клуб в чужие руки. Им удалось подключить к своей борьбе и Лобановского, отправившего из Эмиратов весьма обстоятельное письмо в защиту «Динамо» на имя первого президента Украины Леонида Кравчука. Лобановский далеко не сразу воспринял смену власти в киевском клубе. Ему понадобилось время для того, чтобы понаблюдать, как новый

президент и его сторонники поведут дела. Ко всему новому в организационных делах Лобановский относился с осторожностью. Появление во главе «Динамо» Григория Суркиса вместе с другими учредителями исключением не стало. В киевской же прессе ничтоже сумняшеся оболгали Лобановского, написав, будто Валерий Васильевич «с подачи злопыхателей» принялся «честить» Григория Суркиса и его партнёров, «в том числе и по национальному признаку».

Как полагает Игорь Суркис, причины, по которым Лобановский категорически был против смены хозяев клуба, вполне объяснимы: «Валерий Васильевич очень много сделал для клуба, но позднее — осенью 90-го — он уехал из страны и не понимал, что она изменилась. Изменились люди, стали жить по другим законам, страна стала самостоятельной». В отличие от старшего брата, старающегося использовать в определениях выражения, близкие к дипломатическим («возможно, он ошибся в выборе людей»), Суркис-младший резок и конкретен: «Лобановский не ведал, работая за границей, главного: *разворовывается* — не побоюсь произнести это слово — то наследие, которое он, уехав, оставил. *Разворовываются* средства, полученные от продажи игроков. На деньги эти строятся какие-то консервные заводы, паркетные фабрики. Люди эти — не профессионалы, футбол не любящие, а любящие себя в футболе. Этого Лобановский из Эмиратов не видел».

В ошибочности выбора, сделанного Лобановским не непосредственно перед отъездом в Эмираты, а несколько раньше, когда группа бывших комсомольских руководителей во главе с Виктором Безверхим появилась в первом так называемом хозрасчётном клубе Союза, сомневаться не приходится. Ошибка эта вызвана была верой в людей, иногда безмерной, полным им доверием, за которое зачастую приходилось расплачиваться. Вера не от наивности, не от непонимания человеческой сущности, не от неумения спрогнозировать поведение конкретного индивидуума — от воспитания. Вера эта была заложена в Лобановском генетически, сопровождала его всю жизнь. Он не разочаровывался в людях, наплевавших на его веру в них, не обижался на них («Боже упаси!» — говорил) — удивлялся. Если бы Лобановский не уехал на Восток, он ни в коем случае не допустил бы «разгула» со стороны команды Безверхого.

«Доброжелатели», едва не развалившие «Динамо» полностью, хотели, чтобы клуб вообще исчез. Они вбивали клин между Лобановским и Суркисами, всё старались делать для того, чтобы Валерий Васильевич в клуб не вернулся.

Когда Суркис-старший впервые задумался о возвращении

Лобановского? «Я, — рассказывает Григорий Михайлович, — могу назвать точную дату: 11 декабря 1994 года. В этот день в Киеве был проигран матч “Баварии” в Лиге чемпионов (1:4), и Йозеф Сабо положил на стол заявление об уходе. Тогда и возникла идея найти тренера, который бы соответствовал имиджу и задачам киевского “Динамо”. Мы неоднократно встречались с Лобановским, когда он приезжал в Киев, разговаривали по телефону. Однако его контракт с Кувейтской федерацией невозможно было расторгнуть. Возникали и другие кандидаты на пост наставников “Динамо”, но по большому счёту ни одна из них, кроме Валерия Лобановского, всерьёз не обсуждалась».

Примерно за полгода до возвращения в «Динамо» Лобановский уже знал, что вернётся в клуб. Ещё не было близкого знакомства с Суркисами, детальных переговоров, обозначения позиций, постановки задач, а он — знал. Хотя никому ничего не говорил (только Аде сказал: «Скоро — домой»).

Ему регулярнее и быстрее стали доставлять из Киева кассеты с записями матчей не только динамовской основы, но и ближайшего резерва.

Чаще и дольше обычного разговаривал с Киевом по телефону. Запрашивал характеристики на игроков. С блокнотом просиживал перед телевизором. В Кувейте знал о «Динамо» всё. Однажды разговаривал по телефону с Сабо. Сабо находился в тренерской комнате на втором этаже старенькой базы в Конча-Заспе. Кричал в трубку: «Что-то связь плохая, Васильич!» — «И ты не знаешь, почему она плохая? — удивлённо ответил Лобановский. — Там же Серёжа Ребров — радиолюбитель. Наверняка он сейчас с кем-то “беседует”...» «Мы, — рассказывает Света Лобановская, — только переглядывались между собой, когда слышали это. Папа дома не всегда был в курсе каких-то дел, а о том, почему связь с Кончей плохая, знал, да ещё Сабо ставил об этом в известность».

Зять Лобановского Валерий Горбик вспоминает, как Валерий Васильевич «буквально светился, когда возобновились звонки из Киева — из родного “Динамо”». «Там к руководству пришли настоящие профессионалы, люди слова и дела», — говорил Лобановский неоднократно домашним, поясняя свои длительные, порой по полтора-два часа, телефонные разговоры с Григорием Суркисом.

Главная идея Суркиса-старшего, безумно влюблённого в футбол вообще и в киевское «Динамо» в частности (экран телевизора целовал, когда в 86-м динамовцы разгромили в финале Кубка кубков «Атлетико») и поставившего перед собой и единомышленниками благородную цель возродить клуб (а значит, дать новый толчок и развитию украинского

футбола) на новом, более высоком качественном уровне, заключалась в возвращении в Киев Лобановского, в создании для него самых благоприятных профессиональных условий и в представлении ему максимальных возможностей для работы сугубо тренерской, творческой, связанной с ведением тренировочного процесса, разработкой тактических и стратегических вариантов — локальных, на эпизод, и глобальных, на матч и крупный турнир.

Через Чубарова, приехавшего в Кувейт, Лобановский передал Григорию Суркису свои соображения относительно необходимости создания в Украине Профессиональной футбольной лиги — по образу и подобию той, какую он хотел организовать ещё в советские времена на территории СССР. Украинская лига была сформирована в кратчайшие сроки и быстро заявила о себе. После возвращения Чубарова Григорий Суркис стал разговаривать с Лобановским по телефону регулярно и подолгу, обсуждая всевозможные вопросы, связанные с развитием украинского футбола. Неизменной темой каждого разговора было возвращение Лобановского в Киев. Суркис постоянно подчёркивал, что приглашение остаётся в силе и может быть реализовано в любой момент. Каждого нового тренера, работавшего тогда с «Динамо», президент клуба ставил в известность о продолжающихся переговорах с Лобановским и говорил, во избежание возникновения недоразумений в будущем, о возможном появлении Лобановского в «Динамо» — появлении в тот день, который назовёт сам «ближневосточный отшельник». Обсуждались варианты, условия.

Лобановский, слушая собеседника, рассказывал с телефонной трубкой по своему громадному кабинету, занимавшему значительную часть первого этажа кувейтской виллы, подходил к окну, останавливался, наблюдал за играми котят, которых днём подкармливал, возвращался к столу, машинально перебирал правой рукой бумаги и с трудом сдерживал себя от того, чтобы на очередное напоминание о приглашении в «Динамо» не сказать: «Да». В «Динамо» Лобановский видел новый для себя вызов. Его привлекала работа дома. С клубом, который он мечтал запустить на новый европейский виток.

11 мая 1995 года Лобановский прилетел в Киев в отпуск — до 1 июля. Мы разговаривали с ним 14 мая, в день двадцатилетия победы «Динамо» в финале Кубка кубков, и Валерий Васильевич сказал, что уже «ощущает» давление со стороны «Динамо». Из администрации президента Леонида Кучмы его попросили быть готовым к встрече для обсуждения вопросов, связанных с развитием украинского футбола. Такая встреча, совершенно

неофициальная — как говорится, «без галстуков», — состоялась. Лобановский сделал после неё вывод: руководство страны готово содействовать выводу футбола из того состояния, в котором он оказался в результате грандиозных политических перемен. В бумагах Лобановского я обнаружил шпаргалку, подготовленную 15 июня 1995 года к этой встрече и ёмко озаглавленную — «Стратегия».

Между тем осенью 1995 года киевское «Динамо» попало в Европе в весьма неприятный переплёт. События развивались следующим образом. 13 сентября динамовцы выиграли на своём поле матч Лиги чемпионов у греческого «Панатинаикоса». На следующий день после встречи испанский арбитр Лопес Ньето отправил в УЕФА рапорт о том, что его в Киеве пытались подкупить. 20 сентября в Порту контрольно-дисциплинарный комитет УЕФА, фактически только на основании предъявленных Ньето слов, документально не подтверждённых, результат матча аннулировал, отстранил «Динамо» от участия в турнире и дисквалифицировал чемпиона Украины на два года, запретив участвовать в соревнованиях, проводимых под эгидой УЕФА. Кроме того, пожизненную дисквалификацию и запрет на деятельность, связанную с футболом, получили генеральный секретарь «Динамо» Василий Бабийчук и работавший тогда в клубе генеральным менеджером Игорь Суркис — на них, как на людей, якобы пытавшихся осуществить подкуп, указал Лопес Ньето.

Скорость, с которой принималось это решение, объяснялась просто: УЕФА надо было немедленно заполнить освободившееся место в групповом турнире Лиги чемпионов, и европейские футбольные власти не стали проводить необходимое в таких случаях «полицейское расследование». Как потом выяснилось, поступили они крайне недальновидно и довольно скоро были вынуждены ошибки свои, не называя их ошибками, исправлять.

А тогда с разъяснением позиции «Динамо» выступила пресс-служба клуба. «Вчера, — говорилось в распространённом заявлении, — контрольно-дисциплинарный комитет УЕФА принял решение о дисквалификации клуба “Динамо” (Киев) в связи с попыткой подкупа главного судьи матча динамовцев с греческим “Панатинаикосом” в групповом турнире Лиги чемпионов.

При разбирательстве этого дела, инспирированного судьёй матча господином Антонио Ньето, было принято во внимание только сообщение последнего. Информация представителей динамовского клуба, проливающая свет на факты, имеющие место во время пребывания господина Ньето в Киеве накануне матча, не возымела действия.

А факты таковы.

Три года назад господин Ньето посещал Киев: он обслуживал встречу “Динамо” — “Рапид” в качестве судьи на линии. По приезде в наш город 12 сентября нынешнего года господин Ньето, имея некоторый опыт, высказал встретившим его представителям “Динамо” пожелание приобрести меховые изделия, которые здесь несколько дешевле, чем в Европе. В одной из торговых фирм гость выбрал две шубы (по его словам — для матери и жены), которые любезно примерила переводчица, кстати, нанятая клубом по трудовому соглашению и не являющаяся штатным работником “Динамо”. Для других судей также были отобраны шубы, а ещё все четверо заказали по меховой шапке. Гости отбирали товар по собственному вкусу в присутствии продавцов.

Затем кортеж проследовал в гостиницу “Днепр”; отобранные главным судьёй шубы были доставлены в его номер в его присутствии. Шубы и шапки, заказанные его коллегами, должны были быть доставлены покупателям на следующий день. Когда же для господина Ньето пришло время поинтересоваться, а сколько же стоят отобранные им и его коллегами меха, представленный ему товарный чек с указанием цены вызвал у гостей раздражение. В сердцах он сказал: “Раз выставляете такие деньги, не нужно нам ни шуб, ни сувениров”.

Как выяснилось впоследствии в беседе господина Ньето с делегатом УЕФА, цифра, проставленная на чеке магазина, в интерпретации судьи уже квалифицировалась как подкуп. Утром 13 сентября, когда информация переводчицы о содержании беседы между господином Ньето и делегатом УЕФА стала достоянием президента динамовского клуба, Григорий Суркис сообщил по телефону господину Лимахеру из контрольно-дисциплинарного комитета УЕФА об инсинуациях главного судьи. На что был получен ответ: УЕФА не располагает официальными заявлениями на сей счёт; матч состоится согласно расписанию.

Тем не менее господин Ньето, видимо, памятуя о толпе свидетелей либо выполняя какой-то заказ, решил своеобразно подстраховаться.

На заседании контрольно-дисциплинарного комитета вопрос, в конце концов, стал ребром: казнить либо судей, либо принимавшую сторону. Судьи из Испании оказались ближе. Разбирательство носило непривычный процессуальный характер, наверное, поэтому представителям “Динамо” не была дана возможность предоставить свидетельские показания множества людей, видевших весь путь злосчастных мехов — от прилавка магазина до шкафа в гостиничном номере.

Однако руководство динамовского клуба не теряет надежды доказать

легко доказуемое.

Наша сторона подала апелляцию».

Узнав о том, что произошло, Лобановский был в шоке. По свидетельству домашних, он не находил себе места. Молча вышагивал по вилле. Иногда останавливался и разводил руками с выставленными указательными пальцами. Отправлялся в кабинет. Кому-то звонил. Выходил из кабинета. Снова вышагивал.

К осени 1995 года Лобановский уже был, можно сказать, решительно настроен на возвращение в «Динамо». Содержание полученной им в Кувейте в двадцатых числах сентября копии вердикта контрольно-дисциплинарного комитета УЕФА по «шубному делу» (как это скандальное событие назвали в западноевропейских футбольных изданиях) стало для Лобановского серьёзным ударом.

По буквам изучив документ, он сделал для себя несколько неутешительных выводов. Лобановский предположил, что если в УЕФА своё решение не изменят, то в перспективе «Динамо» может лишиться на ближайшие годы стимула выигрывать чемпионат Украины. Для чего? Всё равно ведь вход в самый престижный континентальный клубный турнир будет динамовцам надолго закрыт. Это автоматически приведёт к прекращению весьма существенных финансовых поступлений из УЕФА — одно только участие в Лиге чемпионов приносило в клубную казну два миллиона долларов, а каждая победа оценивалась в 700 тысяч — серьёзные по тем временам деньги. Не исключал Лобановский в возникшей ситуации вариант с продажей ведущих игроков «Динамо», на некоторых из которых, в частности на Андрея Шевченко, сразу же после решения КДК УЕФА нацелились российские клубы.

Все эти вопросы мы обсуждали тогда с Лобановским по телефону. Он был очень опечален. А я опубликовал в газете «Новое русское слово» статью, в которой, основываясь на вынесенном УЕФА вердикте, позволил себе сделать несколько предположений относительно развития дальнейших связанных с «Динамо» событий в том случае, если все пункты дисквалификации останутся в силе. И в заключение предположил, что «вероятность появления на посту главного тренера клуба Валерия Лобановского» теперь «совершенно исключена». «Если продолжающий работать по контракту в Кувейте специалист и подумывал прежде вернуться в “Динамо” до истечения срока контракта (конец 1996 года) и попытаться что-то выиграть в Европе, — прошу прощения за цитирование собственного опуса, — то теперь, конечно же, в оскандалившийся в европейском футболе клуб он не пойдёт».

Все эти предположения, хочу повторить, сделаны были мною лишь применительно к реальной ситуации с реальным серьёзнейшим наказанием клуба.

До сих пор корю себя за этот вывод в концовке статьи, и вряд ли меня извиняет то, что сделан он был на пике охвативших эмоций и переживаний за судьбу команды. Я написал тогда, что «двухлетнее правление нового руководства завершилось полным крахом».

Конечно же, не крахом, и ошибку свою признаю. Как признали свою ошибку в УЕФА, где ограничились в итоге отстранением «Динамо» от участия лишь в том турнире, в который клубу уже невозможно было вернуться, и полностью реабилитировали Игоря Суркиса. Не помиловали, замечу, не амнистировали, а полностью сняли с него все обвинения. Можно предположить, что ни до какой дисквалификации клуба и его официальных представителей дело бы не дошло в том случае, если бы в УЕФА в сентябре 1995 года провели детальное расследование инцидента, а не решали бы всё на скорую руку, доверившись словам Лопеса Ньето.

Так или иначе, наступил момент, когда основные составляющие, от которых зависело возвращение Лобановского, совпали: невыносимость дальнейшего пребывания в кувейтской «клетке», провал киевского «Динамо» в еврокубковых турнирах осенью 1996 года, пограничное с отчаянием положение безысходности, в котором оказались владельцы клуба.

В предварительном раунде Лиги чемпионов киевляне проиграли оба матча венскому «Рapidу» (2:4 и 0:2), а потом, оказавшись в 1/32 Кубка УЕФА, не сумели пройти слабый швейцарский «Ксамакс» (1:2 и 0:0).

В Невшателе, после проигрыша «Ксамаксу», братья Суркисы не пошли с друзьями ужинать и молча сидели вдвоём в гостиничном номере младшего. После длительной паузы Игорь заговорил о настоятельной необходимости появления в «Динамо» значимой тренерской фигуры, способной вывести таких футболистов, как Шевченко, Ребров, Шовковский, Головкич, Ващук, Косовский, Лужный, на качественно новый уровень. В противном случае ничего хорошего не ждёт ни команду, ни самих этих игроков, бесспорно способных. Такой фигурой в киевском клубе мог стать только Лобановский.

В возвращавшем команду из Швейцарии ночном самолёте к Суркису-младшему подошёл Григорий Спектор и сказал: «Говорю только тебе: Лобановский в Киеве». Игорь подсел к брату: «Сегодня мы должны поехать к Лобановскому». — «А где он?» — удивился Суркис-старший. «В Киеве».

В начале 96-го, во время московского турнира за «Кубок

Содружества», Михаил Гершкович, имевший в то время отношение к столичному «Торпедо», которое фактически курировал Павел Бородин, управляющий делами российского президента, спросил у меня в манеже ЦСКА: «Как ты думаешь, если мы обратимся к Лобановскому, согласится он после Кувейта работать здесь, в Москве, с “Торпедо”?» Тем же вечером я позвонил Лобановскому и передал вопрос Гершковича. «Всё идёт к тому, — сказал Валерий Васильевич, — что я вернусь в Киев».

Почти сразу после прилёта из Швейцарии Спектор набрал номер киевского телефона Лобановского. В 96-м Лобановский старался каждую свободную неделю провести в Киеве. Он устал от Кувейта и держался там, как говорится, на морально-волевых. В записях Лобановского, датированных 22 июля 1996 года, я насчитал десять вариантов состава киевского «Динамо», «сформированного» тренером на бумаге с упоминанием фамилий только тех футболистов, которые тогда играли в клубе. Сделал это Лобановский на основании просмотра матчей с участием «Динамо» и полученной о каждом игроке подробной информации.

Они с Адой навещали Свету, бывали на даче, встречались с друзьями, принимая их в квартире на Суворова. О приездах знали только близкие люди. «Я даже сам не знал, что приеду, — сказал он Спектору. — Собрался, как по тревоге, и в аэропорт». Посредническая миссия Спектора оказалась удачной. Лобановский согласился встретиться с братьями Суркисами.

Принял он гостей в гостиной, усадил в мягкие массивные кресла — в них можно было утонуть, на столе чай, кофе, печенье, конфеты. В ногах у собеседников крутилась любимая кошка Лобановского — Матильда, дымчатая персидская шиншилла. Не жалующий кошек Игорь Суркис незаметно старался увернуть от неё ноги. В семейном кругу Матильду именовали Матильдоном; ночью она частенько засыпала у Лобановского под рукой, во сне он её слегка придавливал, и кошка перебиралась в стоявшее неподалёку кресло. Матильда напоминала ему дикую кувейтскую кошку, прибившуюся к его вилле, которую он постоянно подкармливал. Однажды та сильно царапнула его руку, пришлось делать укол: внутренняя аллергия. Кувейтская кошка между тем принесла котят. Валерий посчитал, что маленьким ночью холодно, попросил Аду выделить одеяло, постелил его для котят, кошку продолжал кормить, выставляя две мисочки — с едой и молоком, и ругал кошку-мату за то, что, по его мнению, она мало внимания уделяет деткам. Нарочито строго наставлял её следить за детьми после того, как он осенью уедет в Киев.

Любовь Лобановского к кошкам имела давнюю историю. Весной 77-го, когда «Динамо» выиграло в Киеве у «Баварии» (2:0) и вышло в

полуфинал Кубка европейских чемпионов, поздно вечером Лобановского на пороге встречал рыжий котёнок. За ним стояли улыбающиеся Ада и Света. «А это ещё кто?» — спросил Лобановский, входя в квартиру. «Байерн, — ответила Ада. — Назван так в честь победы над “Баварией”». — «Было бы неплохо, — сказал Лобановский, снимая плащ, — после полуфинала переименовать его, допустим, в Боруссика — нам ведь точно “Боруссия” попадёт...»

Суркис-старший, прирождённый политик, начал, как заметил его брат, с «мягкого давления»: «Мы с вами часто и много говорили последние два года обо всём — о футболе, развитии игры, перспективах киевского “Динамо”, вариантах вашего возвращения в команду. Сегодня наступил момент сказать: да или нет». «То есть брат взял Лобановского чуть ли не за горло! — считает Игорь Суркис. — Лобановского, который любит рассуждать, выдвигать множество условий! Никто не представляет, как сложно с этим человеком разговаривать». Воспользоваться элементами давления Григория Суркиса вынудил цейтнот, в котором он оказался с братом и другими владельцами киевского «Динамо». Возникла ситуация, пограничная с безысходной. Суркисы, оптимисты по натуре, понимали, что если не будет сделан важный шаг, если команду во второй половине 90-х годов не возглавит фигура масштаба Лобановского (а такая фигура — только одна), то впору задуматься над напрасной тратой сил и средств. За несколько лет «Динамо» при новых руководителях успели потренировать Михаил Фоменко, Владимир Онищенко, Николай Павлов, Йожеф Сабо: четыре специалиста в течение трёх лет — непозволительная для клуба, нацеленного на европейские успехи, текучка.

Беседовали около пяти часов. Ключевая фраза — «Я даю добро» — была произнесена Лобановским довольно быстро, почти в самом начале разговора. Он тоже пребывал в цейтноте. Каждое возвращение в Эль-Кувейт приносило ему душевные муки.

Лобановский сразу назвал фамилию своего первого помощника — Анатолий Пузач. Он встречался с ним и заранее всё обговорил. Сабо, пока Лобановский улаживал дела в Кувейте, предложил Пузачу приходить на тренировки, смотреть, что-то для себя помечать. «Мне неудобно, — ответил деликатный Анатолий Кириллович. — Так ведь нигде не практикуют». Сабо, у которого всегда на первом месте были интересы «Динамо», настоял, и Пузач стал входить в курс дела ещё до того, как Лобановский официально возглавил команду.

Детали личных условий тренера, в том числе и вопросы неизбежного финансового урегулирования с кувейтской Федерацией футбола, с которой

у Лобановского продолжал действовать контракт, обозначили в самом конце разговора, в котором речь велась большей частью о том, как должен развиваться футбол в Украине вообще и как должно развиваться киевское «Динамо» в частности. «Мы ударили по рукам», — радостно сообщил Игорь Суркис другу в телефонном разговоре. Формулировка возникших между Лобановским и братьями Суркисами отношений более чем точная. Они действительно просто пожали друг другу руки и не подписывали ни одной бумаги: джентльменские договорённости неукоснительно соблюдались сторонами. Суркисами — и после кончины Лобановского: братья никогда не оставляли без внимания вдову Валерия Васильевича Аделаиду Панкратьевну и его дочь Светлану.

Одним из условий, выдвинутых Лобановским — не в ультимативной, конечно, форме, а, назову её так, в доброжелательно-рекомендательной, — было постепенное возвращение в клуб людей, за которыми тянулся шлейф сотрудничества с Безверхим и неприятия на каком-то этапе нового руководства.

К людям этим, действительно необходимым Лобановскому, поскольку все они являлись профессионалами высокого класса в своей сфере деятельности, относились прежде всего Владимир Веремеев, блестящий аналитик, специалист по оценке любого соперника, Михаил Ошемков, знаток международных дел, и Анатолий Сучков, селекционер милостью Божьей. По-разному затем сложилась судьба каждого из них, но тогда к просьбе Лобановского руководители клуба отнеслись с пониманием.

Возвращение Лобановского было, безусловно, одним из самых важных решений, принятых в пору президентства в «Динамо» Григория Суркиса. Игорь Суркис назвал это событие «историческим», поскольку «приход Валерия Васильевича имел решающее значение для восстановления веры украинского болельщика в киевское “Динамо”».

После поражения от «Рапида» в квалификации Лиги чемпионов и вылета из Кубка УЕФА от «Ксамакса» всё происходило, говорит Андрей Шевченко, «по пословице: не было бы счастья, да несчастье помогло. Неудачи клуба вынудили динамовское руководство вернуть в страну Валерия Лобановского».

Более чем странно отреагировали на эти слова Андрея авторы украинского еженедельника «Футбол». «На самом деле, — сообщили они изумлённым читателям, — Лобановского никто в страну не возвращал, он сам приехал и давно (!) сидел без дела, присматриваясь, оценивая, взвешивая».

Когда стало окончательно ясно, что Григорию Суркису операция по

возвращению Лобановского удалась, один из приближённых к владельцу киевского клуба людей, некогда с Лобановским активно сотрудничавший и первым назвавший фамилию Безверхого, когда в конце 80-х годов зашла речь о том, кто должен стать президентом клуба, сказал Григорию Михайловичу: «Зачем он вам нужен? Он же — памятник. А на памятник можно только сс...ть!» И потом, когда Лобановский, уже вернувшись, начал работать, говорил о необходимости «разогнать научную лабораторию — это всё устарело». Об «устаревшей» методике Лобановского, отдавая дань моде, с пеной у рта говорили люди, понятия не имевшие о её содержании. Только и талдычили — «высокие нагрузки...».

Лобановскому, конечно же, не преминули рассказать о реплике относительно памятника. Он хмыкнул, пожал плечами и сказал: «Взрослый же вроде человек. Много чего повидавший. Уже и соображать пора...»

«Мне никому ничего не надо доказывать. Я давно уже всё доказал», — ответил Лобановский Григорию Суркису, сказавшему ему в квартире на Суворова — они уже обо всём договорились, — что теперь Валерий Васильевич может доказать недоброжелателям свою профессиональную состоятельность. «Но доказывать и учиться, — говорил мне Лобановский, — разные совершенно вещи».

Скептически поначалу отнёсся к возвращению Лобановского и Леонид Буряк. Ещё в марте 1995 года в интервью газете «Ведомости-спорт» он сказал, что, по его мнению, лучшие тренерские годы Лобановского уже позади, «и поэтому дело Лобановского кто-то должен продолжать, ведь его опыт бесценен». В январе следующего, 1996 года та же газета поинтересовалась у Буряка по поводу слухов о том, что сборную Украины может возглавить Лобановский. «Я вам скажу, — высказал своё мнение Буряк, — что в жизни каждого человека есть определённый временной промежуток полезности. Нельзя тренировать футбольные команды по телефону. При всём уважении к Валерию Лобановскому, его можно сделать консультантом, президентом Федерации футбола. Но когда человек в возрасте, толку от него мало (Лобановскому в январе 1996 года исполнилось всего 57 лет; можно вспомнить, что спустя годы Буряк и Блохин в этом возрасте только-только избавились от определения «молодые перспективные тренеры». — А. Г.)... Когда человеку тяжело, когда ему трудно работать — какие могут быть разговоры о тренерстве сборной?»

Заметка эта поступила по факсу Лобановскому в Кувейт. Домашние не успели её спрятать. Лобановский прочитал, вздохнул и произнёс: «Какие же бывают люди...» И никогда потом он ни словом, ни полусловом не напоминал Буряку о «промежутке полезности».

После возвращения Лобановского из Кувейта и достижения с ним договорённости о том, что он возглавит «Динамо», Григорий Суркис в один из осенних вечеров 1996 года организовал на базе в Конча-Заспе товарищеский ужин. За столом сидели братья Суркисы, Леонид Кравчук, Лобановский, Йожеф Сабо, Виктор Медведчук, Александр Чубаров и работавший тогда в клубе пресс-атташе (спустя несколько лет он стал вице-президентом) Алексей Семененко. «До сих пор не знаю, — говорит Семененко, — как я туда затесался. Но помню, что Григорий Михайлович сказал: “Леша, пошли с нами”. Может быть, он хотел, чтобы я, как пресс-атташе, запечатлел увиденное для истории. И действительно, как потом оказалось, это была знаковая встреча».

Первым говорил Лобановский. Он встал, в руке рюмка с крепким напитком (Семененко помнит, что с водкой, но, скорее всего, с коньяком — от водки Лобановский, по совету врачей, отказался весной 1988 года). Окинул присутствующих взглядом и после паузы сказал: «Вы, наверное, знаете, что я не люблю признавать свои ошибки. Но сейчас хочу сказать, что тогда, в 93-м, когда происходили революционные события в моём родном клубе, я был на стороне Виктора Безверхого. Я писал письма тогдашнему президенту страны Леониду Кравчуку (в этот момент Леонид Макарович кивнул, подтверждая, что так и было) с просьбой вмешаться, разобраться и отвести претендентов от этой ситуации. Но прошло время, и я убедился, что был на все сто процентов неправ. Мне нащёптывали на Суркисов. Те, кто делал это, пользуясь отсутствием у меня возможности быть в полной мере информированным, поступали непорядочно не только по отношению к братьям, но и ко мне. И сейчас я готов это признать. За тех, кто реанимировал мой клуб! Кто ведёт его вперёд и с кем я буду с удовольствием работать!»

Признавать ошибки свойственно сильным людям. В подавляющем большинстве случаев Лобановский признавался в ошибках только самому себе — для холодного, безэмоционального анализа, последующего исправления и недопущения в будущем. С годами и опытом он старался после совершения ошибки поступать таким образом, чтобы окружающим не составило труда убедиться в том, что он ошибался.

Лобановский признавался, что если бы у него глаза на новое руководство открылись раньше, он не поехал бы в Кувейт, а ограничился бы «эмиграцией» в Эмираты. Он действительно с огромным удовольствием работал с братьями Суркисами, уважая их, доверяя им и понимая, какую огромную моральную ответственность они взяли на себя, возглавив клуб и вкладывая в его развитие солидные финансовые средства.

Братья были приятно удивлены, когда услышали от Лобановского предложения по изменению инфраструктуры детско-юношеской динамовской школы. Спустя некоторое время после кончины Лобановского на старой базе «Динамо» на Нивках (на ней готовились к матчам чемпионы СССР 1961 года) открылась ультрасовременная база для детей и юношей, аналога которой не было тогда во всей Восточной Европе: классы для общеобразовательного обучения, тренажёры по возрастным категориям, кабинеты для всевозможных восстановительных процедур, качественные поля.

«“Начинку” для этой базы, — рассказывает Игорь Суркис, — мы обсуждали с Валерием Васильевичем. Для чего мы всё это делаем? Не все ребята, которые занимаются у нас в школе, станут профессиональными футболистами. Но те, кто пойдёт по футбольной стезе, должны отчётливо понимать, что их ждёт в будущем. Требования современного футбола таковы, что ему нельзя отдаваться лишь частично — только полностью. Но это не означает, что игрок не должен получить образование, не должен стремиться к тому, чтобы стать разносторонне развитым человеком».

Лобановский многое дал тем, кто его окружал в киевском «Динамо».

Ближе всего он сошёлся, пожалуй, с Игорем Суркисом, назвавшим как-то себя «мостиком — громоотводом» в отношениях между Суркисом-старшим и тренером, двумя мощными личностями. Григорий Суркис вовсе не испытывал желания подмять под себя Лобановского, подчинить своей воле. Да и если бы захотел сделать это, у него ничего бы не вышло.

30 января 1999 года Григорий Суркис, проработавший к тому времени с Лобановским ровно два года, поправил ведущего московской телепередачи «Футбол в диалогах», назвавшего Лобановского «великим» тренером. «Великий, — сказал Суркис, — заменил бы на гениальный». Стоит, полагаю, согласиться с определением Бенедикта Сарнова: можно быть великим и не гениальным, гениальным и не великим. Что же до Лобановского, то, по-моему, правы и ведущий телепередачи, и Григорий Суркис.

По мнению Базилевича, «гениальность Лобановского — личности действительно многогранной — проявлялась в умении свой интеллект и мудрость трансформировать (неприменно совместно с коллегами — в одиночку ничего не добьёшься!) в конкретные достижения».

Игорь Суркис обратил внимание на то, что во время игры, как, собственно, и во время тренировочной работы, слово Лобановского — закон, не подлежащий обсуждению. Иногда Лобановский, прежде чем принять какое-то решение, советовался с помощниками, но последнее

слово всегда было за ним.

Подметил Суркис и такую любопытную деталь. После того как Лобановский в перерыве вносил необходимые коррективы в зависимости от того, что он увидел в первом тайме, во втором команда демонстрировала, вне зависимости от результата, куда более мобильный футбол.

У Лобановского не возникло никаких проблем при возвращении домой. Их и не могло возникнуть. Уезжал он, правда, из одной страны, а вернулся в совершенно иную — с иными хозяйственно-экономическими и политическими реалиями, но сложностей при этом для себя никаких не заметил. Надо полагать, произошло это по той простой причине, что Лобановский давно ратовал за искоренение командно-административной системы — во всяком случае в футболе — и оказался вполне подготовленным к произошедшим изменениям.

Первым делом после официального его представления команде — сделал это Григорий Суркис — Лобановский провёл собеседование с каждым футболистом. Тет-а-тет. Каждому говорил: «Сначала команда, потом — ты». И каждому выдал — в письменном виде — задание на отпуск. На публику игроки о полученных заданиях не распространялись. Но выполнили всё, насколько известно, «от» и «до», и в начале января 1997 года ни у одного из динамовцев не было и грамма лишнего веса.

К официальному представлению новой команде Лобановский готовился очень тщательно. Набрал на листочке тезисы того, что собирался сказать футболистам. Раза два — редчайшая для него вещь! — репетировал своё выступление дома, призвав в слушатели Свету. «Представить себе не мог, — говорил мне Лобановский, — что буду так волноваться перед встречей с ребятами». Но в нужный момент, как всегда, волнение спрятал.

Ему поверили с первого слова, с первого взгляда, за ним хотелось идти. В зал, в котором собрали команду, Лобановский вошёл не спеша, выдержал паузу. «Первое впечатление, — вспоминает Владислав Ващук, — сильный, авторитетный. Привык, что ему подчиняются. В нём нет нервозности или суеты. И взгляд. Цепкий, тяжёлый, очень внимательный».

За киевскими футбольными кулисами игроков предупреждали: он вам покажет, где раки зимуют. Футболисты, среди которых не осталось ни одного игравшего у Лобановского до его отъезда в Эмираты, ждали появления угрюмого, неразговорчивого деспота с кнутом в одной руке и с секундомером в другой.

«Мне рассказывали, — вспоминал Лобановский, — что находились

люди, которые пугали игроков моим возвращением, словно маленьких детей серым волком: “Вернётся Лобановский, он вас кнутом гонять станет — вззоете”. Настороженность футболистов при знакомстве — я беседовал с каждым — была заметна невооружённым глазом. Один игрок, например, едва со мной поздоровавшись, угрюмо сказал: “Всё равно серьгу не сниму”. — “Какую серьгу?” — удивился я. Он повернулся в профиль и показал серьгу в ухе. “Поверь, — сказал я ему, — мне совершенно нет дела до твоей серьги. Пусть даже их будет две. Вопрос только в твоей готовности работать и добиваться места в составе”. Этот футболист, стоит заметить, работал на совесть и спустя несколько лет чаще стал появляться в основном составе. Признаться, ни разу не вспомнил о его серьге и даже не знаю, носит он её или нет до сих пор».

Для конкуренции, заданной тренером на новом, более высоком качественном уровне, не имели значения ни возраст, ни прежние заслуги, никакие иные привходящие факторы. Только работа на тренировках и в игре. Народ, по свидетельству Владислава Ващука, загорелся, забегал. Игроков привлекало абсолютно одинаковое ко всем отношение.

Лобановский был вооружён детальной информацией по каждому игроку — информация, как известно, руководит всем: если ты владеешь ею, значит, у тебя есть возможность управлять процессом в нужном направлении. Знал о сильных и слабых сторонах. И каждому он сказал примерно следующее: мы не начинаем с нуля, мы лишь продолжим дело предшественников. У всех у вас появилась возможность в серьёзной тренировочной работе доказать правомочность появления в основном составе. И у тех, кто в нём уже был. И у тех, кто стоял на его пороге.

Самые первые тренировки с Лобановским и матчи запомнились всем динамовцам. На базе и на сборах он продолжал постоянно разговаривать со всеми вместе и с каждым в отдельности. «Каждая беседа, — вспоминает Шевченко, — воспринималась нами как нечто исключительно важное. И с каждым днём я всё лучше понимал, что от нас требуется».

В новых условиях Лобановскому, разумеется, пришлось забыть о таких мощных рычагах воздействия на футболистов, нарушающих режим, как ссылка в воинскую часть, перевод в дубль (со снижением зарплаты) и отчисление. Но он всё равно хорошо знал, как управлять процессом взаимоотношений с игроками.

После неудач «Динамо» в европейских кубковых турнирах в 1995 и 1996 годах в Киеве заговорили о футболистах как об отработанном материале. Приход Лобановского, сразу объявившего команде об общей цели — создании конкурентоспособного коллектива, позволил игрокам, по

мнению Шевченко, «не потерять веру в себя»: «Нагрузки действительно возросли, а вот играть стало легче. При прежних тренерах трудно было представить, что мы можем бороться на равных с сильными европейскими клубами». Когда Шевченко пригласили в сборную мира для участия в московском матче со сборной России, организованном в рамках празднования столетия российского футбола, Лобановский настоял, чтобы Андрей непременно поехал. Хотя бы ради знакомства с выдающимися футболистами.

«Запомните, — говорил игрокам Лобановский, — когда вы будете играть с самыми сильными командами мира — никогда не подстраивайтесь под их тактику игры. Вы должны играть в свой футбол. Только в таком случае есть шанс на успех. Никогда ни под кого не подстраивайтесь. Если мы выиграли — можете порадоваться успеху. Пятнадцать минут. А потом должны думать о следующей игре. Если проиграли — то можете расстроиться. Тоже на пятнадцать минут. И думать о следующей игре. Вас не касается то, что я говорю прессе после матча, хвалю кого-то или ругаю. Не важно, что я там говорю. Я говорю то, что они хотят слышать, а с вами мы всё обсудим потом и сделаем свои выводы. И вообще: я запрещаю вам читать газеты и смотреть новости. Делайте своё дело, вас не должно волновать то, что о вас говорят. Вы всё равно не будете нравиться всем».

Динамо́вцы, по образному выражению Сергея Реброва, при Лобановском стали работать «как черти». Ребров, ставший позднее главным тренером «Динамо», навсегда запомнил слова Лобановского о том, что «успех — это мгновение. Сегодня ты празднуешь, но уже завтра нужно начинать новую жизнь». Он признается, что при другом тренере не смог бы так выкладываться, и объясняет это мистикой: «Удивительно, но мне достаточно было одного присутствия Лобановского у кромки поля. Какая-то магия. Когда ловил на себе взгляд Лобановского со скамейки, продолжал бежать. Даже если силы были на исходе». Ребров считает, что Лобановского сложно с кем-либо сравнивать. После работы с ним футбол, в который нападающий окунулся в Англии, в «Тоттенхэме», показался ему примитивным.

«Для моего поколения, — говорит Александр Головкин, — имя Валерия Лобановского было настоящей легендой. Мечтать о том, чтобы когда-нибудь играть под его руководством, было всё равно что мечтать о полёте на Марс — настолько великой казалась личность Лобановского в футболе. Что изменилось с его приходом? Многие задавали этот вопрос, ведь команда осталась той же, а играть мы стали по-другому. Не то что мы чему-то новому научились. Просто под руководством Лобановского нельзя было

играть плохо. Я понимал это так, что, если я выхожу на поле в команде великого тренера, значит, я должен быть на его уровне. Именно этой уверенности нам не хватало в предыдущие годы, чтобы осознать себя способными выигрывать у любой команды. Валерий Васильевич не делал ничего сверхъестественного, но одно только присутствие Лобановского на скамейке придавало нам сил. Он был буквально сгустком энергии, и эта энергия передавалась нам. Мне кажется, что для достижения результата мало просто иметь талант и много работать. Нужно быть на сто процентов уверенным, что ты всё делаешь правильно, что идёшь в правильном направлении, не сомневаться в избранном пути. Всё это дал нам Валерий Васильевич Лобановский. Мы поверили сами и заставили поверить других, что для «Динамо» нет непобедимых соперников. И эту нашу уверенность чувствовали не только мы, но и наши соперники, какими бы именитыми они ни были».

Лобановского порадовало, что серьёзная работа пошла с первого же дня его сотрудничества с игроками. У футболистов не возникало никаких бытовых проблем. Все вопросы положительно решались клубным руководством — только работай и отдавайся делу. В «Динамо» — первыми, пожалуй, в Европе — ввели практику видеозаписи тренировок, расшифровки каждого занятия, не говоря уже о расшифровке матчей.

С видеозаписями тренировок связана весёлая история.

Рассмешить Лобановского, тем более на людях, было практически невозможно. Тем не менее игроку киевского «Динамо» Диме Михайленко однажды удалось это сделать. На базе в Конча-Заспе шёл разбор тренировочного занятия. Лобановский остановил на экране ход игрового упражнения, объяснил, что в этом эпизоде оставили без опеки Сергея Фёдорова. «Кто играл с Фёдоровым?» — довольно резко спросил тренер. В просмотрном зале повисла тишина. Пауза. Вдруг голос Михайленко, заставившего смеяться всех — футболистов и тренера: «Могильный и Буре»...

После возвращения из Кувейта от Лобановского сразу же стали ожидать чуда. Желательно — мгновенного. Это его настораживало. Он видел, что потенциально динамовцы были способны на многое, но лишь время могло показать — на что именно. Вместо обещаний говорил: «Только авантюрист мог бы на моём месте оперировать конкретными сроками».

В январе 1997 года на первом после возвращения немецком сборе в Руйте журналист Ефим Шаинский, долгие годы живущий в Германии, поинтересовался у Лобановского, какую задачу он видит для команды главной. Лобановский ответил: создание конкурентоспособной команды,

которая обыгрывала бы не только «Рapid» или «Ксамакс», но и «Барселону» с её миллионерами.

Ровно год спустя, в том же Руйте, репортёр, напомнив о разгромленной дважды «Барселоне», вопрос свой сформулировал так: «Какова теперь ваша задача?» — «Создать конкурентоспособную команду», — невозмутимо ответил Лобановский и, увидев в глазах Шаинского недоумение, добавил: «В мире нет совершенства. Это относится и к футболу. Он развивается. И поэтому надо выходить на новый уровень, ведь требования всё время растут. Никому ещё не удавалось создать конкурентоспособную команду и, не совершенствуясь, держать её на высоком уровне в течение нескольких лет».

Для 1997 года конкурентоспособным было то «Динамо», которое победами в групповом турнире чемпионской Лиги, такими как 3:0 и 4:0 над «Барселоной», поставило «на уши» всю футбольную Европу. «Конкурентоспособным для того периода, — уточнил Лобановский. — И задача поэтому та же, но — для нового периода».

Полная отдача на тренировках непременно приводит к полной отдаче в матчах. Без этого важного элемента в современном футболе делать нечего. Результат может быть любым — но футболисты обязаны отдавать все силы. Однажды динамовцы играли матч в Тернополе. О таких встречах говорят — «проходная». Проходная-то проходная, но им никак не удавалось забить. Вратарь соперников творил чудеса. Всё, что он не сумел парировать, попадало в штанги и перекладину. Преимущество было невероятным. Но — проиграли. 0:1. В раздевалке гнетущее молчание. Войдя в неё, Лобановский сказал: «Претензий ни к кому нет. Спасибо за игру. Готовимся к следующему матчу». Вздох облегчения — ожидали взбучки. А зачем? При спокойном анализе тренер затем детально рассмотрел с игроками ошибки, разобрал оплошности. И ещё раз поблагодарил футболистов за настрой, проявленный характер. Эта ситуация произвела неизгладимое впечатление на Андрея Шевченко.

Вечером 16 сентября 1997 года, за сутки до матча с ПСВ в Эйндховене, у Лобановского поднялась температура. В отеле он, приняв необходимые препараты, не остался, но и на поле во время динамовской тренировки не вышел. Её проводили Пузач, Демьяненко и Михайличенко, а Лобановский сидел на трибуне стадиона «Филипс» рядом с Игорем Суркисом, Йожефом Сабо и Владимиром Веремеевым. Перед занятием Лобановскому доложили, что тренировку хочет посмотреть датчанин Франк Арнесен, технический директор ПСВ: «Как быть? Разрешить или отказать?» Лобановский сказал: «Пусть смотрит». Арнесен, только-только начинавший

блестящую карьеру эксперта (в нулевые за ним будут гоняться ведущие клубы Европы), предупреждал тренера ПСВ Дика Адвоката : «Я был крайне удивлён, познакомившись с “Динамо” поближе. Эта команда может стать настолько же хорошей, как и её предшественницы 70-х и 80-х годов. В её составе играют настоящие атлеты, отлично подготовленные физически. В то же время команда технична, умеет играть в комбинационный футбол».

Вовсе не исключено, что именно с этого эпизода — как же: главный тренер на трибуне! — в Киеве начались разговоры о том, что Лобановский не в состоянии проводить тренировки самостоятельно. Между тем даже сэр Алекс Фергюсон в последние годы своей работы в «Манчестер Юнайтед» практически никогда не проводил тренировки команды — это совершенно нормальная практика для современного тренерского дела. Лобановский после возвращения из Кувейта стал ей время от времени следовать. Это не было его прихотью. И тем более не было вызвано, как пытались представить «доброжелатели», немощью.

У Фергюсона в его кабинете на тренировочной базе «МЮ» было окно, из которого хорошо просматривалось поле. Он наблюдал за работой, делал замечания и вносил коррективы. Никому и в голову не пришло бы обвинить сэра Алекса в том, в чём в Киеве принялись обвинять Лобановского, просматривавшего тренировки «Динамо» с верхотуры и тоже потом делавшего замечания и вносившего коррективы, — в несостоятельности проводить занятия. Работающие «в поле» тренеры из-за невероятной интенсивности предлагаемых сегодня игрокам упражнений не в состоянии наблюдать за всеми футболистами сразу. Мимо же Лобановского, собиравшего команду в 11 утра на базе в зале и подробно объяснявшего, чему посвящено занятие (некоторым игрокам дополнительно растолковывал в индивидуальных беседах), не проходила ни одна важная деталь общей работы.

Братья Суркисы, вне всякого сомнения, знали об уровне работы Лобановского. Им рассказывали об этом люди, работавшие с тренером до его отъезда на Восток. Но увиденное ими в первые же дни после возвращения тренера превзошло все их ожидания. Чёткое понимание того, чего он хочет добиться, и знание, что для этого необходимо сделать. Выстроенная последовательная методика, отлаженный тренировочный процесс («Полное ощущение, что он расписал на много месяцев вперёд не по дням и часам даже, а по минутам и секундам!» — по сей день восторгается Игорь Суркис), принятие решений по всем ключевым вопросам после анализа ситуации, с учётом всех факторов и

моделированием возможных последствий.

«После того как в стартовом матче Лиги чемпионов 97/98 мы обыграли в Голландии “Эйндховен”, — рассказывал Лобановский, — кто-то заметил: Европа прозевала возвращение Лобановского. Сказано, конечно, слишком громко. В Европе всё на виду. В группу мы попали, пройдя “Брондбю” (в Копенгагене выиграли 4:2). Так что все всё видели. Иной вопрос: что видели? Видели, например, наши скоростные фланговые атаки, и “Эйндховен” заметно укрепил свои зоны на флангах. Но мы ведь, во-первых, игру ведём не только на флангах, а во-вторых, у нас есть методы, с помощью которых удаётся “вскрывать” фланговые зоны соперника даже в условиях их усиления противником».

Приезжал в Эйндховен с семьёй из Франции Саша Заваров, проделав на автомобиле путь в 400 километров. Они с Лобановским вспоминали команду 86-го года, выигравшую Кубок кубков. Саша сказал, что сегодняшнее «Динамо» напомнило ему тот коллектив, в котором далеко не на последнем месте был не декларировавшийся, но действовавший на поле девиз «один за всех и все за одного».

Команда в первый же сезон работы в ней Лобановского попала в восьмёрку лучших на континенте. «Динамо» преодолело важный психологический барьер. Прежде магические названия «Реал» и «Барселона» заставляли дрожать ноги и забывать обо всём на свете, в том числе и о собственном умении играть в футбол. Лобановский с первых дней регулярно говорил игрокам — на общих собраниях, индивидуальных беседах, во время просмотра матчей с участием ведущих европейских клубов: вы — не хуже, вы — лучше, не стоит бояться эти команды, с ними надо играть и обыгрывать их.

И — учил, как это сделать. Спустя короткое время динамовцам, выстроившим в межсезонье прочный фундамент физической готовности (некоторые футболисты говорили, что за зиму они бегали столько, сколько не бегали за все предыдущие годы, вместе взятые, — расстояние, равное длине экватора), во внутреннем чемпионате Украины играть стало неинтересно. Матчи были для них лёгкой прогулкой, своего рода отдыхом после напряжённой тренировочной работы.

С проявлениями звёздной болезни Лобановский боролся просто. Показательный пример — Вацук. Однажды, в 99-м, Лобановский вызвал защитника к себе. Пожал руку и сказал: «Влад, ты хороший футболист. Думающий, умный, чувствуешь игру... Очень мне нравишься как человек, импонируешь как личность... Но мы будем прощаться. Всё. Просто время пришло. Иди к Игорю Михайловичу, скажи, что я с тобой больше не

работаю...» «Я, — вспоминает Ващук, — похолодел. Моментально понял, что расслабился и почувствовал себя незаменимым, а в спину всегда кто-то дышит. Пошёл к Суркису — тот говорит: “Ну не знаю, я поговорю с ним, а ты пока тренируйся”. Из команды меня не убрали. Но “звезду” сбили раз и навсегда. С тех пор я точно знаю — незаменимых нет. Я, кстати, только через год узнал, что это был такой метод воспитания. И то — случайно узнал. Но помогло тогда конкретно и надолго. Понял, что всё может закончиться в один момент. Когда меня спрашивают, каким человеком был Валерий Васильевич Лобановский, я даже не знаю, что ответить. Он обладал сумасшедшим, почти мистическим даром убеждения. Человек, поговорив с ним двадцать минут, мог изменить мнение, складывающееся годами».

Матчи в Лиге чемпионов имели для футболистов «Динамо» огромное значение. Мотивация была простой. Григорий Суркис вместе с коллегами по совету директоров клуба принял предложенное Лобановским важное решение: премировать игроков за успешно проведённый матч в Лиге (выигрыши, ничьи на выезде, выход из группы) предельно понятным способом. При выигрыше, например, на команду выделялась ровно половина той суммы, которую выплачивала клубу за победу в каждой конкретной встрече УЕФА. Учитывался, разумеется, вклад футболистов. Игроки основного состава получали больше тех, кто был либо заменён, либо выходил на замену, либо вовсе оставался на скамейке запасных.

У Лобановского был кондуит. Он им пользовался, когда у футболистов возникали спорные вопросы. Миссия эта Лобановского тяготила, он мне в этом признавался, но поделаться ничего не мог — такая у него была договорённость с руководством, считавшим, что на все спорные вопросы, связанные с участием в матчах, следовало отвечать ему.

Сергей Коновалов как-то рассказывал о возникших у него вопросах. Команда тогда вышла из группы, в которой были «Лацио», «Байер» и «Марибор», вышла с трудом, набрав всего семь очков. «Так получилось, — говорит Коновалов, — что в тех матчах, где были набраны очки, я не играл. Когда раздали премиальные, немного не понял, почему не так, как мне хотелось... Я был одним из опытных игроков, одним из стариков в “Динамо”. Подбил капитана команды Сашу Головку, а также Сергея Реброва, Сашу Шовковского, Валика Белькевича и Сашу Хацкевича пойти к Васильевичу и узнать, почему так мало дали. Их всё устраивало, но ребята поддержали инициативу, и на заезде пошли к Лобановскому. Он очень удивился, что вечером к нему пришла такая делегация. И капитан начал ему объяснять, почему пришли. Лобановский — к каждому: мол, у

кого какие вопросы. А я был последним. Он ко мне, и я понимал, что “заднюю” включать уже поздно. Сказал легендарной фразой: “Васильич, тигру не докладывают мяса!” Лобановский ответил в своём стиле, открывая журнал: “Сейчас посмотрим, Серёжа, в каких матчах ты играл и сколько. ‘Лацио’ — ‘Динамо’: ты играл — мы проиграли. ‘Динамо’ — ‘Марибор’: играл — проиграли. ‘Байер’ — ‘Динамо’: играл, но сыграли вничью. ‘Динамо’ — ‘Байер’: выиграли — не играл. ‘Марибор’ — ‘Динамо’: выиграли — не играл”. Я уже сижу красный и думаю, зачем пришёл. “Серёжа, так ты пришёл, чтобы вернуть?” — Лобановский спрашивает. В таких ситуациях и понимаешь, насколько гениальным человеком он был. Даже в таких моментах он тебя на место ставил, но не оскорблял».

Попытки воспитать привычными методами много о себе возомнившего Виктора Леоненко ни к чему не привели. Игрок пользовался особым к себе отношением со стороны Григория Суркиса, расположением президента клуба, потакавшего и многое прощавшего талантливому, но совершенно разболтанному футболисту.

Лобановский не жаловался Суркису на Леоненко, который подминал под себя молодых Шевченко и Реброва, постоянно рассказывал партнёрам, что и как им следует делать на поле, когда и куда давать ему передачу. Просто отправил, сказав, что ещё один тренер ему не нужен, во вторую команду. И если не забыл потом, то не очень-то и вспоминал об игроке, который считал себя суперзвездой европейского калибра. Без малейших, правда, на то оснований.

Однажды, это было ещё до Лобановского, Сабо принялся при всех чихвостить Леоненко за лишний вес, за пристрастие к пиву, за нерадивость на тренировках, за слабую игру и поставил ему в пример Олега Блохина. «Кто такой Блохин? — переспросил Леоненко. — Академика Блохина знаю, по телевизору слышал о нём, а кто такой этот ваш Блохин, понятия не имею. Я — Леоненко, люблю пиво и не скрываю это». Леоненко говорил Сабо, что «во времена Пеле пешком по полю ходили», а «Блохин мне бутсы должен чистить».

Лобановский считал, что футболистов можно — условно, конечно, — разделить на три группы. Вне зависимости от возраста. В первой группе те, кто только играет. Во второй — играют, но при этом говорят. В третью он включил тех, кто преимущественно говорит. «Миграция» из одной группы — из первой во вторую, из второй — в третью, иногда даже из первой в третью — возможна, но невозможна из третьей во вторую или же в первую. От попавших в третью, по мнению Лобановского, пользы для команды ждать не приходится, они приносят только вред, поскольку начинают

считать себя, как Леоненко, тренерами.

Накопление критической массы нарушений привело к тому, что и Калитвинцев перестал удовлетворять своей игрой и поведением Лобановского.

Перед четвертьфиналом Лиги чемпионов с «Ювентусом» в конце февраля — начале марта 1998 года киевское «Динамо» проводило заключительный тренировочный сбор в Израиле. В полулюксе на пятом этаже отеля «Дан Кейсария» сильно болел Лобановский. Почти неделю он не выходил из номера, в основном лежал, иногда подходил к письменному столу, присаживался и делал пометки на поступавших раз в день из Италии факсовых лентах с информацией о «Юве». К нему приходили помощники, приносили расшифровку снимавшихся на видеокамеру занятий, они обсуждали все детали предстоящей тренировки, Лобановский выходил на балкон и — сколько позволяло состояние — наблюдал за проводившейся работой команды на примыкавшем к отелю поле.

Деловая атмосфера нарушилась в одночасье. В Кейсарию приехал кто-то из советских футболистов, доигрывавших в Израиле. С Калитвинцевым в его номере они предались воспоминаниям о прежней футбольной жизни, о матчах и партнёрах, общих друзьях, и легко превратившийся в утро вечер воспоминаний завершился тем, чем и должен был завершиться: гость заснул в кресле и пробудился лишь к полудню, хозяин же, в «Динамо» тогда капитанствовавший, не смог выйти на тренировку, сославшись на недомогание.

Врачи Лобановскому об истинных причинах нездоровья немедленно доложили. Поговорив с Калитвинцевым, тренер не стал делать то, что собирался, — немедленно отправить капитана клуба и сборной домой, а дал шанс. История с Калитвинцевым происходила в Израиле на моих глазах. Сказать, что Лобановский был тогда ошарашен, значит, ничего не сказать. Он только и повторял: «Как же можно так? В такой-то момент?..»

Когда жребий определил «Ювентусу» в соперники по мартовскому четвертьфиналу Лиги чемпионов в 1998 году киевское «Динамо», в Турине обрадовались. Итальянцы считали, что это награда за нелёгкий выход в четвертьфинал, когда у «Ювентуса», финалиста Лиги чемпионов 1997 года, всё висело на волоске.

Лобановскому была понятна причина радости. «Почему они довольны, что жребий свёл их с нами? — рассуждал он. — Руководители “Ювентуса” прекрасно понимают, какие сложности испытывает команда, которая, не играя во внутреннем чемпионате, вступает в борьбу на высшем уровне. Поэтому они считают, что из всех четвертьфиналистов “Динамо” в плане

готовности будет худшим. Выражая удовлетворение жребием, руководители “Ювентуса” не имеют в виду силу соперника, они исходят из профессионального понимания конкретной ситуации, в которой находится “Динамо”».

Калитвинцев считает, что если бы с «Ювентусом» играли осенью, то вполне могли итальянский клуб пройти. В марте же, не имея за спиной ни одного официального матча, можно было рассчитывать только на везение: «В Турине оно было на нашей стороне — отбились, а в Киеве, увы, нет». Итог Калитвинцев признал справедливым.

Не исключено, что ещё в Кейсарии Калитвинцев, даром, что капитан команды, считал исход противостояния с итальянским клубом предрешённым. Чем иначе объяснить тот факт, что в разгар целенаправленной тренировочной работы он позволил себе вольности, не соблюдал установленный режим и подвёл тем самым не только себя, но и команду?

В киевском матче на Калитвинцева нельзя было без сожаления смотреть. Его пришлось менять на 37-й минуте: мелочей в футболе не бывает. И чудесных превращений растренированных футболистов в боеспособных — тоже.

Жизнь иногда заставляет принимать кардинальные решения. После киевской игры с «Ювентусом» Лобановский вызвал семь игроков (трое из них, в том числе Калитвинцев, были задействованы в матче) и предложил им перебраться в старый корпус тренировочной базы, в котором квартировала вторая команда: в неё они были переведены до июня. Было сказано, что если в июне в их игре не начнёт просматриваться прогресс, то они будут выставлены на трансфер. «Да, — говорил Лобановский, — этот процесс неизбежен, но только по-разному к нему можно подходить. Иногда приходится прибегать к оказавшейся необходимой операции из разряда “шоковой терапии”».

В Израиле Лобановский был удручён не самим фактом нарушения режима (он и в начале тренерской карьеры зачастую закрывал глаза на прегрешения, если, конечно, они не становились систематическими), а тем, в какой ситуации — команда готовилась к важнейшим для себя матчам Лиги чемпионов! — это произошло, да ещё в исполнении капитана!

Динамо́ские игры с «Барселоной» в сезоне 97/98, благодаря успехам в которых и состоялся, собственно, выход в 1/4 финала Лиги чемпионов на «Ювентус», стоят особняком. Хотя бы потому, что разделяли киевскую встречу от встречи на «Ноу Камп» всего две недели, и потому также, что матчи эти стали решающими как для «Динамо», так и для «Барсы»:

турнирная ситуация требовала от испанского клуба только побед. Киевляне перед первой встречей с «Барсой» обидно упустили выигрыш во встрече с «Ньюкаслем». Вели 2:0 за 12 минут до конца и пропустили два мяча. После этого матча сдружившиеся молодые форварды Ребров и Шевченко долго сидели в одном из киевских кафе, обсуждали — без алкоголя, стоит заметить, — совершенные ими ошибки (оба, между прочим, забили по мячу) и, по свидетельству Реброва, едва не плакали от досады на себя.

Динамо́вские разведчики, побывавшие в Барселоне на матче «Барселона» — «Эйндховен», доложили Лобановскому, что хозяева поля заметно сдают, как только сопернику удаётся перейти на высокие скорости. Когда голландцы ускорялись (делали они это, правда, нечасто), у «Барселоны» возникали сложности. Лобановский определил: за счёт командных и индивидуальных скоростей на протяжении всей встречи создавать сопернику как можно больше трудностей. Тестирование показало, что почти все игроки «Динамо» пребывали на тот момент в оптимальном функциональном состоянии, а значит, готовы к интенсивным скоростным действиям на протяжении всего матча. Сто тысяч зрителей на «Олимпийском» стали верными помощниками киевских динамовцев на ближайшие полтора часа.

Тренер «Барселоны» Луи ван Гал на предматчевой пресс-конференции в Киеве сказал, что киевский клуб производит на него «хорошее впечатление», что «это — тотальный футбол». В устах голландского специалиста оценка со словом «тотальный» — высочайшая. А после поражения заявил, что не знает, «в какой ещё европейской команде выступают одиннадцать игроков, каждый из которых в меру необходимости может сыграть на любой позиции, в зависимости от того, как этого требует ход матча. Это команда универсалов, и в этом плане она в первую очередь отличается от других клубов. Других таких команд я в Европе не видел».

Слова про «универсалов» — бальзам для Лобановского. Его оценки после матча — самые, пожалуй, сдержанные, если их сравнивать со шквалом обрушившихся на команду комплементарных высказываний. «Я вижу, — сказал Лобановский после киевского матча, — большой потенциал “Барселоны”, но ей нужно время, чтобы вновь заблистать на европейской арене. Пока же блистают другие».

Говоря так, Лобановский, конечно же, не имел в виду киевское «Динамо». Более того, ему необходимо было «приземлить» после такого выигрыша и команду, и её восторженных почитателей. Сделать это было чрезвычайно сложно. Динамовцы действительно по всем статьям превосходили соперника, который временами не знал, что делать и куда

бежать, — настолько высоки были скорости команды при переходе из одной стадии игры в другую, при организации резких выпадов с моментальной сменой направления атак.

После матча динамовцы, взявшись за руки, радостной цепочкой побежали по полю приветствовать зрителей и благодарить их за поддержку. Потом отправились в раздевалку, а Лобановский — на пресс-конференцию. Там он задержался. Когда появился в раздевалке, разговоры и смех моментально стихли, игроки замерли и, как и Григорий и Игорь Суркисы, Леонид Кравчук, Валерий Пустовойтенко, встретили тренера аплодисментами.

Лобановский пытался, как он рассказывал, «представить степень разъярённости “Барселоны” в предстоящем через две недели ответном матче на “Ноу Камп”». Заснуть в ту ночь тренеру удалось около четырёх утра — невозможно было отойти от нервного напряжения матча и уровня футбола, показанного в нём «Динамо».

Но динамовцы обыграли «Барселону» и на «Ноу Камп» — 4:0. Несмотря на многочисленные предматчевые предсказания о том, что «Барса» расправится с Киевом за унижительное поражение двухнедельной давности и не оставит от «Динамо» камня на камне. «Мне-то, — говорил Лобановский, — понятно, за счёт чего мы добились результата, повергшего в шок Каталонию и весьма удивившего футбольную Европу. За счёт тактики, скорости и индивидуального мастерства наших игроков — никаких новых причин разгрома в Барселоне, если сравнивать разгром этого клуба в Киеве, назвать не могу. И в Киеве, и в Барселоне предостерег любителей делать далекоидущие выводы: сегодняшние удачи пока мало о чём говорят. Разве только о том, что мы находимся на верном пути».

Но даже 4:0 не устроили «знатоков». Они объяснили, что три гола Шевченко и один Реброва состоялись только потому, что «стиль “Барселоны” очень подходит для наиболее яркой реализации игровой концепции киевского “Динамо”». И стоит киевлянам столкнуться «с соперником, исповедующим аналогичную манеру игры и при этом обладающим более высоким уровнем исполнителей, они могут испытать серьёзные трудности». «Киевское “Динамо”, — рассказывали «аналитики» на страницах киевской прессы, — находится в той стадии пути, когда команды даже самого высокого уровня, придерживающиеся противоположной (и не самой прогрессивной) манеры игры, уже не способны оказывать сопротивление коллективным действиям киевлян». Если перевести этот «анализ» на нормальный язык, то получится следующее: обыграли киевские динамовцы с общим счётом 7:0

исключительно отсталую с точки зрения ведения игры команду. Разумеется, при этом перечисляются фамилии не сумевших выйти по тем или иным причинам на поле футболистов соперника, будто у динамовцев не бывает ни травмированных, ни дисквалифицированных, ни только-только восстановившихся после болезни игроков.

«Чего в таких суждениях больше — невежества или желания досадить, — говорил Лобановский, — судить не берусь. Просто лишний раз поразило, как же люди умудряются “видеть” то, чего не увидели другие, посчитавшие игру “Динамо” против “Барселоны” — в обоих матчах — игрой высокого европейского класса и признавшие высокое индивидуальное мастерство Лужного, Головки, Ващука, Бусина, Шевченко, Реброва. Все они тогда были поставлены “на учёт” в ведущих клубах континента».

После жеребьёвки четвертьфинала Лиги чемпионов 1998/99 года, 16 декабря 1998 года, когда жребий выбрал для «Динамо» в соперники мадридский «Реал», тогдашний президент «Королевского клуба» Лоренцо Санс сказал в Женеве на фуршете после процедуры жеребьёвки Григорию Сур кису: «Даже и не думай, что нам можно забить, как “Барселоне”, три гола в Киеве и четыре в Мадриде». Потом подумал и попросил: «Пообещай мне, что если вы, не дай бог, выставите нас из Лиги и доберётесь до финала, то ты появишься на “Камп Ноу” (стадион в Барселоне, выбранный для проведения на нём 26 мая 1999 года финального матча) в футболке “Реала” и с нашим шарфом в руках». Динамовский президент с удовольствием пообещал.

Ровно за неделю до первого матча с «Динамо» Санс уволил Гуса Хиддинка за поражение от «Барселоны» со счётом 0:3 в чемпионате Испании. Хиддинк, тренировавший «Реал» всего семь месяцев, только-только разместил на правой стороне своего рабочего стола папку с наклейкой «KYEV», положив в неё листочки с набросками, сделанными после просмотра в Милане товарищеского матча «Милан» — «Динамо» (Киев), на который голландец летал с сыном.

Если Хиддинк передал тогда папку — по наследству — заменившему его валлийцу Джону Тошаку, то тот прочёл следующие заметки своего предшественника о сопернике:

«Результат интересовал “Динамо” меньше всего. Это высокочлассная, организованная и весьма дисциплинированная команда. Она проводит мощные и очень опасные контратаки, в состоянии менять ритм игры с выгодой для себя. В Киеве каждый может участвовать в атаке, но при этом обороняются они все вместе. Киевские футболисты отменно пасуют мяч,

делают это в основном на скорости, пребывают для этого периода в хорошем физическом состоянии, и я не сомневаюсь в том, что за оставшееся до матча с нами время сумеют прибавить.

Киевская звезда Шевченко — великолепный игрок, но его сопровождала доля невезения. Подобное часто происходит, когда футболистом руководит желание понравиться своему будущему клубу. На Каладзе стоит обратить внимание по двум причинам. Во-первых, он самый опасный из тех, кто мощно и агрессивно атакует из глубины. Во-вторых, именно такой универсальный футболист, способный одинаково надёжно действовать при обороне и атаке, нужен «Реалу»».

Футбольная разведка сродни шпионажу в привычном понимании этого слова. Отвечающие за это направление клубной деятельности специалисты стараются использовать все открытые источники для получения необходимой информации — телевидение и прессу прежде всего, — а также пытаются по мере возможностей проникнуть туда, куда посторонних в футбольном мире обычно не пускают, — на тренировки.

Мадридские лазутчики преследовали «Динамо», начиная с первого сбора киевской команды в Руйте и заканчивая последним — в Израиле. Они жили в том же отеле, что и киевляне, сняв два номера с видом на поле, на котором тренировались динамовцы, и все занятия снимали на видеокамеру. Когда Лобановскому доложили об этом, он пожал плечами и сказал: «Пусть снимают».

В Мадриде «Динамо» добилось вполне приемлемого для двухраундовых встреч результата — 1:1. «Реал» непременно должен был в Киеве забивать, и это обстоятельство заставило Лобановского выставить в стартовом составе не Белькевича, а Кардаша, у которого, рассуждал тренер, разрушительные действия получаются лучше. На перерыв команды ушли при счёте 0:0, который «Реал» с Пануччи, Роберто Карлосом, Йерро, Раулем, Зеедорфом и прочими «звёздами» никак не устраивал. И в перерыве Лобановский, попросив своих футболистов прибавить в скорости и действовать совершенно по-другому, заменил Кардаша Белькевичем, придав тем самым командной игре акцент созидательный. Белькевич и выдал изумительный, кардинально изменивший ход игры пас на Шевченко, вывел его на ворота Иллгнера, и выход этот завершился пенальти, который Андрей с первой попытки не реализовал, но зато сумел добить мяч, отбитый голкипером. А потом Шевченко, воспользовавшись передачей Реброва и классно разобравшись с Кампо и Ярри, забил второй гол, и «Динамо», к радости 80 с лишним тысяч зрителей, среди которых были президент страны Леонид Кучма и премьер-министр Валерий

Пустовойтенко, вышли в полуфинал Лиги чемпионов. Вместе с командами «Манчестер Юнайтед», «Бавария» и миланский «Интер». Когда у Лобановского после победы над «Реалом» спросили, с кем ему хотелось бы встретиться в полуфинале, он ответил: «Сразу со всеми вместе».

Регулярные отставки тренеров национальных сборных, отставки самообъявленные или же инициированные местными футбольными властями, — дополнительное свидетельство того, что во главе угла в современном футболе стоит результат, а не так называемая «красивая игра». «Крик “Дайте красивую игру!” — говорил Лобановский ещё в 1983 году, — заглушает все остальные требования, без реализации которых современный футбол существовать не может. Повсеместно внедряется мысль, что “красивая игра” всё спишет. Это заблуждение! Принцип “главное не побеждать, а участвовать” был хорош, когда играли “пять на пять” на лужайке (но и там о нём забывали, если на кону стояло пиво). Сейчас футболом правит результат».

Лобановскому приписывают формулировки: «Посмотрите на табло, результат там» и «Игра забывается, результат остаётся». Но такой подход к футболу не был характерен даже для раннего Лобановского, с самого начала поставившего на службу тренеру обязательность основанного на конкретных цифрах безэмоционального анализа действий команды вообще и каждого футболиста в частности. Анализ позволял ему улавливать неполадки в механизме, вносить коррективы, прогнозировать. Не слова, а бесстрастная статистика становилась важным аргументом в требовании стабильности. Проку от того, что какой-то игрок после важного матча оказался на самом верху в списке, фиксирующем технико-тактические действия, их эффективность и активность при выполнении, а потом, в простейшей игре, переместился в конец, для команды, считал Лобановский, — «твёрдый ноль».

Через год после возвращения Лобановского из Кувейта «Динамо» играло в четвертьфинале Лиги чемпионов, ещё через два — в полуфинале турнира! Игорь Суркис полагает, что это вполне сопоставимо с триумфами «Динамо» в Кубке кубков в 1975 и 1986 годах и, более того, даже превосходит те победы: «Футбол стал настолько коммерциализированным, что даже выступление в Лиге чемпионов для европейских грандов — это не только укрепление авторитета команды, но и возможность заработать очень приличные даже по западным меркам деньги. Добиться успехов в Европе стало намного сложнее».

Григорий Суркис и Лобановский два с половиной года с огромным трудом удерживали равновесие в «Милан» Шевченко. Удерживали,

вспоминает Суркис, не силой, не наручниками, а — убеждением. В тот период президент киевского «Динамо» стал для Шевы финансовым гарантом, страховым полисом — на случай травмы, явления в футболе не самого невероятного. Случись что, и Шевченко получал бы от владельцев киевского «Динамо» ровно столько, сколько ему предлагалось «Миланом». К счастью, до этого дело не дошло.

Спрос в Европе на Шевченко был огромный. Им интересовались клубы Испании, Италии, Германии, Англии, Франции — пяти ведущих в футбольном плане европейских стран. Шевченко, между прочим, мог оказаться за границей ещё в 1994 году. Английский тренер Харри Рэднапп возглавил тогда «Вест Хэм». Ему помогал Фрэнк Лэмпард-старший. «К нам, — вспоминает Рэднапп, — пришли какие-то два странных персонажа, заявившие, что они имеют возможность привезти из Украины очень талантливых ребят. Они крайне убедительно просили нас посмотреть этих ребят. Скажу честно, мы были напуганы манерой общения незнакомцев и согласились». Незнакомцы привезли двух восемнадцатилетних парней. «Вест Хэм» играл контрольный матч против резерва «Барнета». «Один из украинцев, — вспоминает Рэднапп, — забил победный гол. Он не выглядел как-то по-особенному. Нам сказали, что за него просят один миллион фунтов. Фрэнк возразил, посчитав эту цену очень завышенной. В итоге мы отпустили этого парня. Его звали Андрей Шевченко».

И хорошо, на мой взгляд, сделали, что отпустили. Вряд ли Андрей раскрылся бы на рэднапповском конвейере так, как раскрылся потом при вдумчивой работе в Киеве, а затем и в Милане.

Шевченко не мариновали, а выдерживали, как выдерживают хорошее вино. Итальянский клуб хотел купить Шевченко ещё в 1997 году. Григорий Суркис признается, что, «начиная с той поры, нас ждали два непростых года: когда такой клуб, как “Милан”, постоянно напоминает, что хочет видеть в своих рядах Шевченко, это настраивает игрока на определённый лад». Суркис не раз беседовал с молодым футболистом, убеждал его, что «ещё не пришло время для отъезда». И дело даже не в том, что трансферная сумма за Шевченко в 99-м стала выше по сравнению с 97-м. «Отдавая игрока именно в 1999 году, — говорит Суркис-старший, — я не сомневался, что отпускал его в нужное время и в тот клуб, который ему нужен».

Несмотря на то что «удочки» на Шевченко забрасывали и другие именитые клубы, на «Милане» остановились по трём причинам. Во-первых, сработало чувство взаимной симпатии, возникшее у Григория Суркиса и Сильвио Берлускони. Во-вторых, руководители «Милана»

оказались гораздо настойчивее коллег из других клубов. И, наконец, Григорий Михайлович не мог не считаться с желанием самого Шевченко: мальчиком попав на «Сан-Сиро» в составе юношеской динамовской команды, Андрей поставил перед собой цель — непременно вернуться на эту «намоленную» футбольную арену в будущем в качестве игрока «Милана».

«Как было можно, — говорит Григорий Суркис, — отказать Андрею в осуществлении такой романтической мечты». Когда Андрей, к слову, заиграл в «Милане», ему как-то в Киеве, во время очередного приезда в город, сказали, что среди киевских мальчишек он популярнее другого Шевченко — Тараса Григорьевича. «У меня, — ответил Шевченко-футболист, — хватает мозгов понять, кто он и кто я...»

Если Суркис гарантировал Шевченко нормальное финансовое будущее, то Лобановский, ничего и никому, разумеется, не гарантируя, готовил футболиста к тому, чтобы он не затерялся в дебрях итальянского клуба. Примеров, повествующих о сникших в Италии иностранцах — способных, талантливых, игравших сильнее местных футболистов, — огромное количество. Из имён, связанных с киевским «Динамо», — Александр Заваров. Не меньше игроков сумели адаптироваться в Италии, но только год-полтора спустя после появления в одном из ведущих клубов страны. Так было, в частности, с появившимся в «Ювентусе» в ранге европейской звезды французом Мишелем Платини.

Работу с Шевченко — в рамках командных тренировок и индивидуальных бесед — Лобановский проводил, исходя из того, что происходило в итальянском футболе. Он был в постоянном контакте с одним из менеджеров «Милана», грузином Резо Чохонелидзе, игравшим некогда за юношескую сборную СССР и ленинградское «Динамо». Чохонелидзе «вёл» Шевченко: прилетал в Киев и в места проведения динамовских сборов, в частности в немецкий Руйт и израильскую Кейсарию, на матчи и тренировки, собирал об Андрее информацию бытового характера, встречался с его партнёрами, друзьями, знакомыми, родственниками. Основательность «Милана» в подходе к выбору игрока подчёркивало немаловажное обстоятельство: два-три раза в неделю подробные отчёты Чохонелидзе о Шевченко ложились на стол «правой руки» Берлускони по «Милану» Адриано Галлиани.

Лобановский понимал, что в Италии непременно станут говорить о Шевченко как о посланце «Полковника» (так, к слову, и говорили итальянцы, давно наделившие киевского тренера этим прозвищем), и потому хотел, чтобы к Андрею не было никаких претензий по уровню

физической готовности, восприятия и реализации на поле основных тактических вариантов современного футбола и по части коммуникабельности, основой которой для любого легионера является быстрое изучение языка, в данном случае — итальянского.

Валерий Васильевич Лобановский. Фото из семейного архива

В игре и на тренировке

Валерий Лобановский и Олег Базилевич: под одним зонтиком.
Фото Ю. Соколова

Разминка в лесу возле тренировочной базы в Конча-Заспе

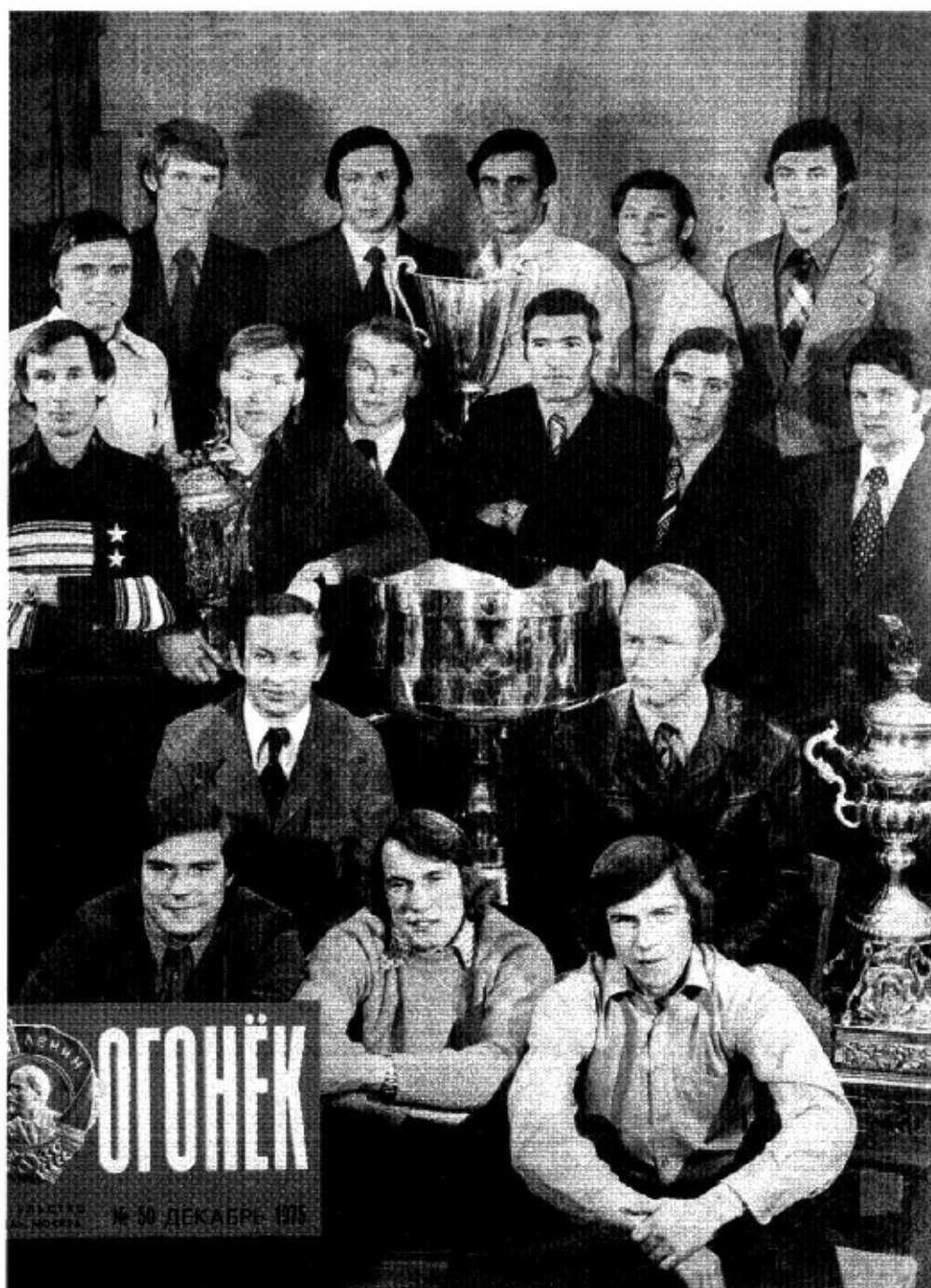
Владимир Веремеев

Владимир Бессонов

Олег Блохин с «Золотым мячом», рядом Анатолий Коньков

Великая команда из 1975 года. Верхний ряд (слева направо): Виктор Матвиенко, Леонид Буряк, Михаил Фоменко, Стефан Решко, Александр Дамин, Анатолий Коньков; второй ряд сверху: Владимир Веремеев, Виктор Колотов, Олег Блохин, Евгений Рудаков, Валерий Зуев, Александр Петрашевский; возле Суперкубка Европы сидят: Олег Базилевич и Валерий Лобановский; нижний ряд: Владимир Трошкин, Владимир Онищенко, Владимир Мунтян

Владимир Васильевич
Щербицкий.
Фото И. Ф. Костина

Анатолий Демьяненко
с Кубком СССР. 1987 г.

Мгновения после победы

Александр Заваров
(с Кубком СССР) и Алексей
Михайличенко. 1987 г.

Игорь Беланов с «Золотым
мячом». 1986 г.

Тренерский штаб
киевского «Динамо».
Слева направо:
Валерий Лобановский,
Владимир Веремеев,
Анатолий Пузач.
Из архива А. Хомича

Тренерский штаб сборной.
Слева направо:
Юрий Морозов,
Никита Симонян,
Валерий Лобановский

На матче киевского дубля с Олегом Борисовым (справа)
и автором книги

С Виктором Понедельником (слева) и Львом Филатовым.
Фото Ю. Соколова

С Константином Ивановичем Бесковым (в центре)
и Нодаром Ахалкаци

С Николаем Петровичем Старостиным

Сборная СССР
на чемпионате
Европы 1988 года

Автограф на память

С женой Адой и дочерью Светой: встреча в аэропорту после чемпионата Европы 1988 года

С командой «Динамо» (Киев) в Иерусалиме у Стены Плача

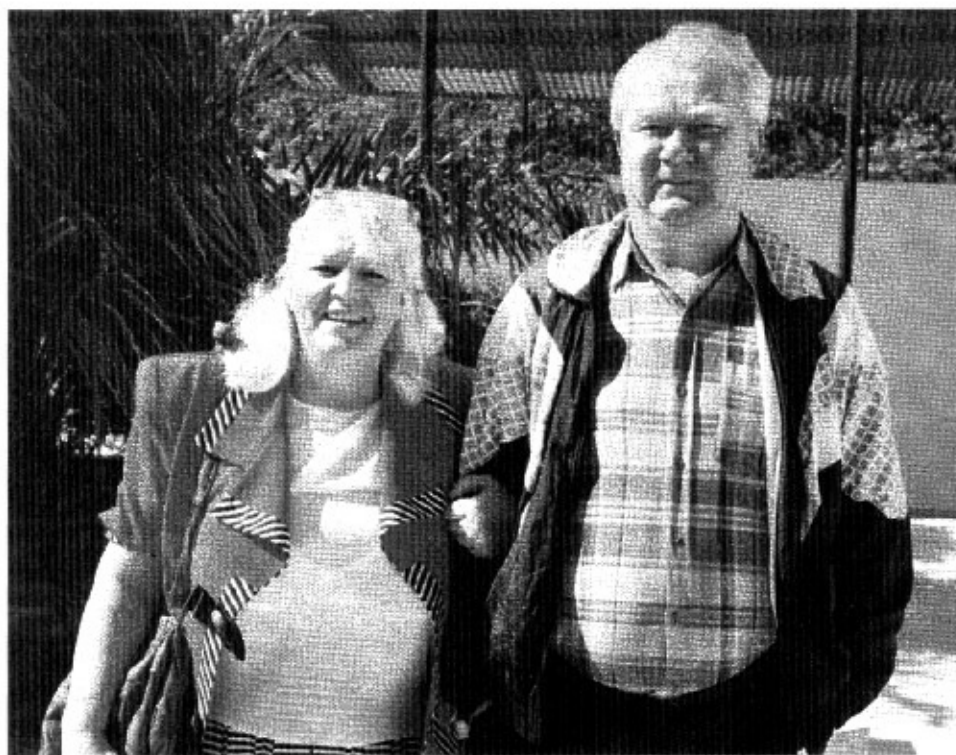

С Игорем Суркисом (слева) и Григорием Суркисом

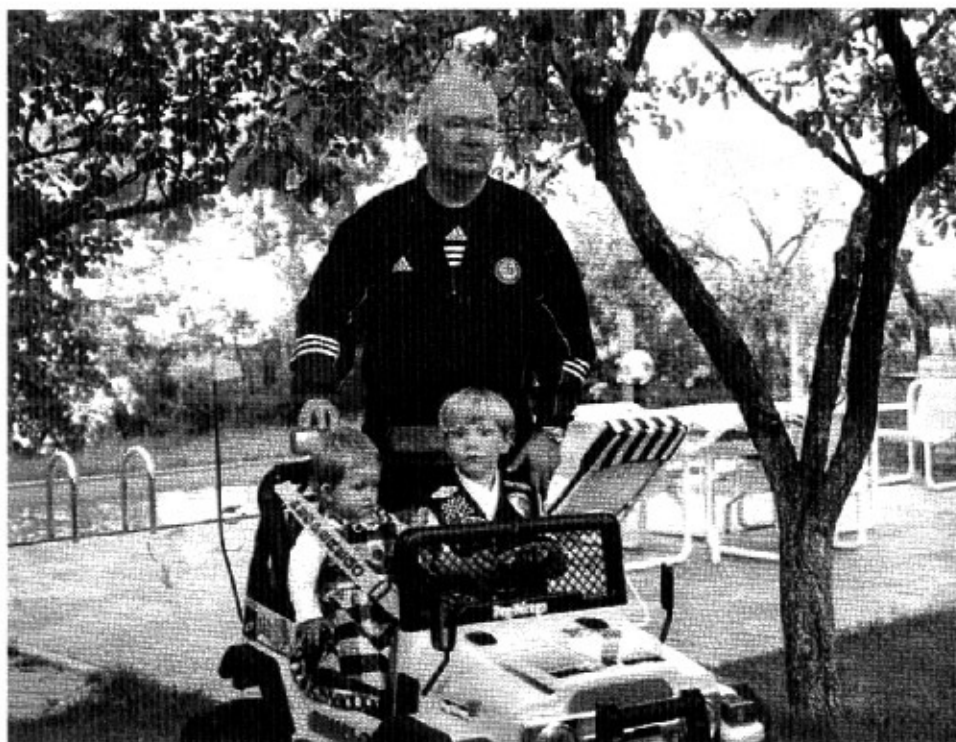
На тренерской скамейке сборной Кувейта

С женой Адой

С внучкой и внуком — Ксенией и Богданом

Запорожье. 7 мая 2002 года. Последний матч Валерия Лобановского.
Рядом — Анатолий Демьяненко, Алексей Михайличенко, Игорь Суркис

Андрей Шевченко с «Золотым мячом» у памятника Валерию Васильевичу
Лобановскому

Тренер с большой буквы

Лобановский сыграл большую роль в переходе Шевченко в «Милан». Он считал, что именно этот итальянский клуб — идеальный вариант для талантливого нападающего. Лобановский, владея информацией — от Чохонелидзе, например, — о том, как складываются отношения внутри миланской команды, и о тренерских подходах к футболистам, исходил прежде всего из стиля игры «Милана». «Мнение Валерия Васильевича, — считает Чохонелидзе, — имело для Андрея большое значение».

О том, что с Шевченко — рано или поздно — может произойти в Италии, Лобановский предупреждал сразу после переезда Шевы из Киева в Милан. Даже не «после», а «до».

В лето отъезда в «Милан» Андрей Шевченко с родителями прилетел на Кипр, снял в отеле «Лонда» в Лимасоле два номера и отправился к Лобановскому. Дорога заняла пять минут — ровно столько следовало пройти пешком до дома, где у Лобановского была квартира и где он после сезона отдыхал. Шевченко хотел поблагодарить Лобановского и получить его благословение. Они разговаривали вечером, когда на балконе можно было спокойно сидеть. Жара спадала. С моря дул лёгкий ветерок.

Лобановский напомнил тогда Шевченко о том, что во многом сила его — в постоянной тренированности, позволяющей вести игру на высоких скоростях на протяжении всего матча и способствующей проявлению всех лучших качеств, природных и приобретённых. Андрей больше слушал, чем говорил. Иногда — отвечал на вопросы. Лобановский отмечал потом, что ему понравилась уверенность Андрея в своих силах. Не самоуверенность, а именно уверенность, базировавшаяся на рассудительности.

Благословение, равно как и россыпь дельных советов, Шевченко в Лимасоле от Лобановского получил.

Первый год в Италии Шева работал неистово, посмеиваясь над физическими кондициями партнёров и в шутку иногда предлагая выполнить привычные для киевского «Динамо» беговые упражнения.

«Я тебе не рассказывал, что Шевченко сделал в “Милане”? — спросил меня Лобановский по телефону 5 января 2000 года. — Андрей позвонил мне 31-го, поздравил с Новым годом. Рассказал, как он сидел с миланскими игроками и они обсуждали, что происходит, почему они так играют. Шевченко им и сказал: вы же не готовы. Они: как не готовы? Видимо, поспорили, и Андрей предложил им выйти и протестироваться. Пробежал 7х50 за 60 секунд каждый отрезок. На втором месте кто-то оказался, кто только за 66. Бобан отказался. Испанец новый молодой пробежал 4х50 и рухнул. Костакурту начало рвать. Андрей сделал паузу 8 минут и ещё раз пробежал 7х 50 за 60. “Сколько же вы получаете в Киеве?” — спрашивают.

“4—5”. — “И за такие деньги вы столько бегаете?” А у нас сегодня было шесть километров скорости: три раза — 100—200—300—400—400— 300 —200—100. Там люди играют за счёт класса, прогресса быть не может. Дзаккерони ничего сделать не может. Ветеранов заставить невозможно».

Второй год Шевченко не стал держаться на старом багаже, а продолжал работать так, словно ничего ещё в футболе не добился. Резо Чохонелидзе секретом успеха Шевченко называет «трудолюбие и профессиональное отношение к своему делу», привитые ему Лобановским. Андрей в «Милане» приезжал на тренировку утром в 9.15, а уезжал домой в 19.15. Шевченко понимал, Лобановский ему это объяснил, что ни в коем случае нельзя враз прекращать те нагрузки на организм, какие практиковались Лобановским в Киеве. Чохонелидзе, работавший тогда в «Милане», вспоминает, что Шевченко выполнял тот объём работы, который давал на тренировках Дзаккерони, а потом оставался и делал то, что ему давал Лобановский.

На третий год молодой миллионер полностью адаптировался к местной жизни. Много времени стали занимать рекламные проекты, съёмки, тусовки (он и прежде-то их жаловал, в том числе и в Киеве, но столько, сколько их было в Милане!), демонстрация модной одежды, благотворительные акции... Разумеется, он посещал тренировки, но они стали дополнением к происходившему вокруг. Тут как тут оказались травмы. Они всегда оказываются рядом с теми, кто отпустил тренировочные вожжи. Одна из них — ушиб ахилла (партнёр на тренировке постарался) — вынудила Шеву пропустить несколько недель: гематома.

Блицвизит в Киев Шевченко совершил за два дня до наступления нового, 2005 года. Как и обещал, привёз в Киев «Золотой мяч», вручённый ему журналом «Франс футбол» как лучшему игроку Европы. Вряд ли можно согласиться с утверждениями о том, будто «Мяч» украинский форвард получил «по совокупности достижений в последние сезоны», хотя достижения эти, несомненно, в определённой степени повлияли на выбор голосовавших. «Золотой мяч» Шевченко поставил на стадионе «Динамо» на скамейку рядом с сидевшим на ней бронзовым Лобановским — точно так же, как Андрей ставил рядом с тренером Кубок Лиги чемпионов, выигранный им с «Миланом».

Лобановский говорил Шевченко, чтобы тот не торопился с отъездом в «Милан», хорошо представляя, что ждёт Андрея в самом «мужском» в мире футболе. Конечно, хотелось отправиться в серию «А» побыстрее, но и Шевченко, и руководители «Динамо» — Григорий и Игорь Суркисы —

прислушались к мнению Лобановского. Без благословения Лобановского Шевченко никуда бы не уехал. Тренер считал, что Андрей, для того чтобы не останавливаться на достигнутом, а продолжать прогрессировать, должен играть на более высоком качественном уровне.

Летом 2005 года Игорь Суркис сказал: «Сегодня Шевченко никто бы не продал, любыми путями мы оставили бы его в “Динамо”. Тогда было другое время, были другие возможности, мы, может быть, были не настолько мощными, чтобы материально убедить Шевченко остаться в “Динамо”».

Вот только выиграл бы от этого — от того, что он остался бы в Киеве, — сам Шевченко? Стал бы он для Европы, а значит, для «Динамо» и Украины, тем футболистом, каким стал в «Милане», получив титул лучшего футболиста континента?

Исключительно важным в тренерской работе делом Лобановский считал умение держать руку на «мотивационном пульте». Потеря мотивации автоматически означала для него снижение футболистами требований к себе. Путей для разрешения этой проблемы Лобановский видел два.

Первый: немедленно отказаться от игроков, потерявших мотивацию, то есть снизивших к себе требования.

Второй: попытаться, если это возможно, мотивацию им вернуть.

Лобановский считал (это уже в новейшие времена, после возвращения из Кувейта), что с футболистами, живущими мыслями только о том, чтобы год-другой «перекантоваться» в киевском «Динамо», а потом куда-нибудь рвануть, следует расставаться как можно быстрее: они уже не помощники, к работе относятся формально, не живут ни футболом вообще, ни клубом в частности.

Он приводил в пример Шевченко. «Андрей, — говорил Лобановский, — уходил от нас полтора года. Не знаю, может быть, где-то там, во сне, у него тоже были подобные мысли — скорее бы пересидеть, не особенно выкладываясь, — и в путь. Но на поле он всегда выходил предельно мотивированным и в каждом матче играл с максимальной отдачей».

Может показаться, что слишком уж легко Лобановский расставался с самыми сильными, самыми талантливыми игроками того созыва. Нет, ему было жаль терять их, потому что они составляли костяк уже заявившей о себе в Европе команды. Но он хорошо понимал, что процесс необратим. Всем этим футболистам был необходим новый виток мотивации. «Динамо» они «пересидели».

«Суперзвёзды-мультимиллионеры, такие как бразилец Роналдо,

ничего, кроме вреда, футболу не приносят», — огорошил Лобановский футбольную общественность незадолго до наступления 1998 года. И пояснил, почему он так считает: «Они попросту убивают игру, поскольку, получая огромные деньги, которых они не заслуживают, заставляют порой всю команду работать на них в ущерб тактическому разнообразию. Да и эксплуатация собственного таланта длительное время продолжаться не может и ни к чему хорошему не приведёт».

Заявление Лобановского зацепило многих. В Италии, где тогда играл Роналдо, разгорелись нешуточные страсти. Публика разделилась на две примерно равные части. Представители одной считали, что «Полковник» тысячу раз прав: футбол, в котором главенствует основательно раскрученная звезда, действительно становится беднее и однообразнее.

Представители другой утверждали, что русский тренер (на Западе долго всех, кто жил на территории бывшего Советского Союза, называли «русскими») сошёл с ума, и не могли поверить, что Лобановский стал бы противодействовать появлению того же Роналдо в составе своей команды.

Уже после того как Шевченко заиграл в «Милане», новый президент «Реала» Фернандо Мартин (занял этот пост на короткое время, до этого работал вице-президентом), посмотрев 8 марта 2006 года матч миланского клуба с «Баварией» (4:1, на счету Андрея гол и голевой пас), сказал, что ради появления Шевченко в Мадриде «готов расстаться с десятком таких игроков, как Роналдо. А если только с Роналдо, то готов отдать вместе с ним несколько десятков миллионов долларов».

Иметь набор волшебников, каждый из которых способен в одиночку выиграть матч за счёт своего таланта? Не об этом ли мечтает каждый тренер? Серьёзные тренеры между тем, как и Лобановский, весьма осторожно подходят к ответу на этот вопрос. «Когда волшебники, — говорит Моуриньо, — оказываются вдруг в плохом настроении, всё их волшебство куда-то исчезает. В эти моменты и оказываются такими нужными стабильные игроки, которые никогда не подведут».

Лобановский ничего не имел против таких звёзд, как, скажем, Зидан, общая игровая эффективность которого (её составные части — сумма технико-тактических действий, процент брака, коэффициент полезного действия в атаке и обороне) всегда была стабильно высока. А вот эксплуататоров таланта не воспринимал.

Глава 19

«ГРАБЛИ» СОВМЕСТИТЕЛЬСТВА

Вклад украинского футбола в составы всех сборных Советского Союза — от юношеских до первой — был огромным: порой до 70 процентов игроков в этих командах представляли клубы Украины. Летом 1975 года, стоит напомнить, в московском товарищеском матче с Италией в стартовом составе сборной СССР на поле вышли только киевские динамовцы. Они составляли заметный костяк команды на чемпионате мира 1986 года и на «серебряном» для советского футбола чемпионате Европы-88.

Если говорить о национальной сборной Украины, то она потеряла много лет из-за того, что в первые годы независимости в силу самых разных причин большая группа футболистов оказалась за пределами украинской территории. Никифоров, Цымбаларь, Саленко выходили на поле в первом матче украинской сборной против Венгрии 29 апреля 1992 года на стадионе «Авангард» в Ужгороде (1:3), а затем оказались в России и играли за российскую сборную. Потом к ним присоединились Цвейба, Канчельскис, Онопко, Юран. Россия с удовольствием приняла великолепных мастеров, оказавшихся ненужными дома. Квартиры в Москве, солидные подъёмные и, главное, участие в чемпионате мира 1994 года стали серьёзными аргументами. В то же время, например, Алексей Михайличенко и Олег Кузнецов сделанное им предложение отклонили, сказали, что намерены играть за свою страну. «Можете представить себе, — спрашивал Михайличенко, — шотландца, играющего за Англию?»

Отъезд из Киева в Москву высококвалифицированных игроков основательно разрушил фундамент, на котором начиналось строительство новой сборной Украины. Её становление застопорилось.

Если забыть о финансовых проблемах Федерации футбола Украины того периода, то список потенциальных игроков сборной Украины образца 1992 года впечатляет. Лужный, Никифоров, Цымбаларь, Саленко, Щербаков, Чанов, О. Кузнецов, Цвейба, Заваров, Канчельскис, Литовченко, Михайличенко, Онопко, Яковенко, Беланов, Лютый, Протасов, Юран, Добровольский, Яремчук! Да ещё тренером бы к ним добавить Лобановского! Два десятка футболистов высокого класса. Сам Лобановский говорил мне, когда мы обсуждали эту тему, что с удовольствием поработал

бы с таким мощным контингентом: то же самое сделал бы любой тренер, знающий потенциал этих футболистов.

У футбольной Украины просто-напросто не было тогда денег. На первый матч с Венгрией национальная Федерация собирала средства, публикуя объявления-призывы-просьбы о помощи в спортивной прессе. С трудом нашли комплект формы на матч.

Кадровые стартовые возможности, если говорить о сборной страны, у Украины были, на мой взгляд, повыше, нежели у России. Но именно Россию, сыгравшую первый товарищеский матч под российским флагом позже Украины — 16 августа 1992 года, — ФИФА допустила к участию в отборочном турнире чемпионата мира-94. Тогдашний президент Федерации футбола Украины Виктор Банников, призывая руководствоваться спортивным, а не правопреемническим, то есть политическим принципом, предложил устроить специальный турнир между заинтересованными постсоветскими странами за право играть в отборочных соревнованиях, но в ФИФА эту идею даже не стали рассматривать.

Специалисты говорят, что ситуацию с комплектованием сборной Украины в период её становления изменило бы возвращение в страну Лобановского. Его авторитет позволил бы привлечь на первых порах серьёзных спонсоров. Виктор Банников, понимая это, перед первым в новейшей истории матчем сборной Украины решил на всякий случай выдать желаемое за действительное — сообщил в прессе, что у Лобановского заканчивается срок действия контракта в Эмиратах и он готов возглавить сборную Украины. Это, понятно, не произошло.

4 марта 1992 года в день матча киевского «Динамо» с «Барселоной» в Киеве состоялось заседание исполкома Федерации футбола Украины. В числе обсуждаемых был вопрос о сборной страны. Помимо того что был сформирован тренерский совет, в состав которого вошли многие специалисты, работавшие в украинских командах высшей лиги, приняли решение: сделать Лобановскому официальное предложение возглавить сборную.

О возможном возвращении Лобановского в 1992 году параллельно с Банниковым говорил, применительно к киевскому клубу, тогдашний президент «Динамо» Виктор Безверхий. Всё это оставалось на уровне произнесённых слов. Ни Банников, ни Безверхий с самим Лобановским эти варианты не обговаривали.

В октябре 1996 года Валерий Пустовойтенко, тогдашний фактический премьер-министр, глава оргкомитета по подготовке страны к зимней Олимпиаде 1998 года в Нагано и летней в 2000 году в Сиднее, президент

Федерации футбола Украины, спортивный, словом, человек, говоря об украинской сборной, назвал в еженедельнике «Футбол» фамилию Бышовца: «Я сторонник того, чтобы тренер сборной был освобождённым. Потому что все неприятности, стрессы, которые любой человек может получить в клубе, неизбежно сказываются на работе со сборной. Что касается подходов к выбору кандидатуры, то они известны. Это должен быть высокоэрудированный, грамотный специалист, способный найти контакт с командой. У нас есть целый ряд таких тренеров, среди них и Лобановский, и Бышовец, и Колотов, и Фоменко... Необходимо сделать безошибочный выбор. Нам ведь тоже неприятна бесконечная смена тренеров. Надо хоть отборочный цикл продержаться...»

«Список Пустовойтенко», пусть приблизительный и неполный, любопытен сам по себе. Ясно, что упомянутый первым Лобановский и должен был возглавлять предложенный премьер-министром ряд. Ясно также, что Колотов и Фоменко по праву оценивались в то время как наиболее заметные представители группы относительно молодых тренеров. Но с какой стати при перечислении возникла вдруг фамилия Бышовца? Да ещё с уточнением «у нас есть...». «У нас», то есть в Украине, Бышовца тогда не было и в помине. Оставив Киев сразу после черныбыльской катастрофы, он переселился в Москву.

Между тем Пустовойтенко вовсе не случайно назвал его фамилию. Через многочисленных своих киевских знакомцев из так называемой элиты Бышовец «выходил» на Пустовойтенко и закидывал удочку на предмет своего тренерства в сборной Украины. Во все не случайным в таком контексте выглядит замечание Пустовойтенко относительно необходимого разделения тренерских полномочий в клубе и сборной. Пустовойтенко, разумеется, знал, что Лобановский пришёл на клуб и, быть может, назвав мэтра для проформы, хотел сделать в сборной ставку на Бышовца. Или — хотя бы попытаться.

Бышовец как-то поведал, что когда в Киеве — в «Динамо» и сборной — было, какой выразился, «какое-то тренерское безвластие», он случайно встретился с Йожефом Сабо на Кипре и Сабо намекнул ему на возможность поработать в Украине. Бышовец ответил: «Подожди. Я пока работаю в Корее». После завершения срока корейского контракта Бышовец приезжал в Киев на похороны тёщи. Это было до возвращения Лобановского из Кувейта. Бышовец встречался с Пустовойтенко. «Ни о чём конкретном, — говорит Бышовец, — речи не велось, хотя предварительно мы обговаривали возможность сотрудничества». Виктор Банников в одном из интервью сказал, что с Бышовцем не сошлись в цене, но Анатолий

Фёдорович заявление это опроверг, сказав, что «понятие цены для него не существует», поскольку для него важно другое — интерес «ко всему, что связано с футболом».

Валерий Пустовойтенко первый раз переговорил с Лобановским на предмет тренерства в сборной в декабре 1996 года, некоторое время спустя после того, как было объявлено о назначении Валерия Васильевича в киевское «Динамо». Глава кабинета министров и по совместительству президент Федерации футбола Украины позволил себе во время беседы в Конча-Заспе даже повысить тон, но быстро вспомнил, что разговаривает он не с подчинённым по кабмину, а с человеком, подобного отношения к себе не терпевшим и в более сложные времена. Лобановский лишь удивлённо посмотрел на Пустовойтенко, и премьер-министр моментально тон сбавил.

Пустовойтенко сообщил потом, что «Валерий Васильевич считает: тренер национальной сборной должен заниматься только этой работой, а не совмещать её с клубной. Его задача — селекция, сбор различной информации, тренировочный процесс».

После беседы Пустовойтенко с Лобановским состоялось расширенное заседание исполкома Федерации футбола Украины. На нём был избран тренерский совет. Лобановский стал его председателем, согласившись консультировать тренерский штаб сборной.

Причиной непопадания на чемпионат мира во Франции (Украину в стыковых матчах обыграла Хорватия) Лобановский назвал «политику и деньги». По его мнению, «Украину просто убили». «Украину, — говорил он, — никто не ждал на чемпионате мира. Хорваты со своими звёздами для многих были предпочтительнее, ведь все думают о деньгах, а следовательно, и о кассовых сборах на стадионах. Бывает, арбитры судят плохо. Судейство же в матчах с хорватами нельзя назвать даже предвзятым. Нас просто убили, особенно в Киеве. Чтобы не засчитать такой гол, который мы забили, надо иметь поразительную наглость. Потом, неоднократно пересматривая эпизоды матча, мне очень хотелось спросить судью Педерсена: где, когда и какое он узрел нарушение правил, отменив забитый нами гол».

Лобановский назвал команду «нашей», употребил «мы», «нас», «нами». Он не был тренером той сборной, с ней работал Сабо, но Лобановский говорил о стране и помнил о том, что костяк сборной составляли киевские динамовцы, которых тренировал он.

На момент матчей Украина — Хорватия Лобановский тридцать лет пребывал в профессии. Чего он только за эти десятилетия не повидал в футболе, однако так и не перестал удивляться судейскому разбою. Сколько

у него в карьере было таких «педерсенов»? Одни только француз Конрат из 1983 года и швед Фредрикссон из 1986-го и 1990-го чего стоят!

С появлением института сборных, который возглавил Лобановский, исполнилась давняя мечта тренера — о ней он говорил ещё в советские времена, когда пытался пробить создание вертикали организационного управления сборными — от национальной до юношеских.

Консультируя, как и договаривались, тренеров первой сборной Украины, Лобановский говорил Сабо: «Йожеф, что бы я тебе ни советовал, что бы кто-то другой тебе ни советовал, принимать окончательное решение только тебе, потому что только ты отвечаешь за результат. И никто другой».

Накануне первого — киевского — матча со сборной России Сабо и Лобановский обсуждали состав команды, его оптимальный вариант, способный добиться необходимого результата. Сабо настаивал на участии в матче с первых же минут нападающего Скаченко. Лобановский был против этого и сказал Сабо: «Я считаю, что Скаченко у тебя не сыграет, но это твоё дело. Тебе, повторяю, решать».

Сабо поставил Скаченко в состав. Форвард, по которому можно изучать историю распада СССР (он родился в Казахстане, по национальности русский, выступал за Украину), сыграл в том матче важнейшую роль. Ему хватило одного тайма для того, чтобы затерзать вместе с Ребровым и Шевченко оборонительную линию российской сборной во главе с Игорем Чугайновым, забить гол (счёт после его удара стал 2:0) и быть полезным при оборонительных действиях хозяев поля. В перерыве Сабо заменил Скаченко на Калитвинцева, а после победы с гордостью посмотрел на Лобановского. «Вот видишь, — сказал Лобановский, — значит, у тебя есть чутьё, значит, ты угадал».

Причина уверенности Сабо в Скаченко перед тем знаменитым и памятным для российского и украинского футбола матчем кроется в том, что он постоянно видел игрока в тренировочном процессе и лучше, нежели Лобановский, знал его возможности на тот конкретный момент.

На ответную встречу в Москву Лобановский не летал. Смотрел в Киеве по телевизору. Потом внимательно изучал информацию, предоставленную научной группой. И предостерегал украинских журналистов от проявлений эйфории, в который уже раз пытаюсь заставить их, привыкших оперировать голами и результатами, задуматься о содержании игры. Добытая на последних минутах ничья — благодаря глупейшему шагу Александра Филимонова — поставила крест на выходе России из группы, а Украину вывела на стыковые игры со Словенией. Бывший российский премьер-министр Сергей Степашин, побывавший

после игры в раздевалке российской команды, говорил, что «больше переживал, когда Филимонов пропустил этот гол», чем когда Ельцин отправил его в отставку.

«Нормальный анализ, — сказал тогда Лобановский, — показал, что сборная Украины в Москве проиграла. Не по результату — по сумме индивидуальных и командных действий. Игрокам следует предъявлять конкретные претензии. В современном футболе простое и привычное “вы, дескать, плохо сыграли” не срабатывает. Не воспринимают футболисты такой анализ. Есть критерии, по которым определяется уровень каждого игрока в каждой конкретной ситуации, будь то матч или тренировка». Результаты стыковых матчей со Словенией его анализ подтвердили.

«Что по сборной?» — спросил я у Лобановского в телефонном разговоре 4 января 2000 года. «Будут уговаривать, — ответил он. — Не знаю, браться за это дело или не браться. Здоровье не то. В 40 можно, в 50 можно. Сейчас — не знаю. Да и душа, признаюсь, не лежит».

Лобановский всё-таки не прислушался к голосу интуиции — к способности таланта пользоваться — порой неосознанно — накопленным за долгие годы опытом.

Его — это о здоровье — должно было насторожить и, наверное, заставить отказаться от сборной тревожное обстоятельство: осенью 99-го Лобановский заболел. Выбыл на месяц. Из госпиталя он вышел 1 ноября, и ему были предписаны несколько дней «домашнего стационара».

2 января 2000 года динамовцы приступили к работе в Киеве. Первый раз за последние пятнадцать лет команда не поехала в Руйт, когда-то открытый Лобановским. Руководители «Динамо» создали все условия для нормальных тренировок дома: превосходная база, поля, в том числе и искусственное, с песком, на котором можно работать в бутсах, всё необходимое для восстановления и медицинского и медико-биологического контроля, рядом лаборатория для исследований. Экономия средств, в конце концов.

В начале января Лобановского постоянно перечисляли в украинской прессе среди тех, кто «является кандидатом» на пост главного тренера сборной. Так и писали: «Семь кандидатов». И среди них называли Лобановского, хотя любому было ясно, что, если бы он дал своё согласие, все остальные бы исключались автоматически.

21 января 2000 года в 10 часов утра Пустовойтенко встретился с Лобановским в штаб-квартире Народно-демократической партии Украины. Полтора часовая беседа с глазу на глаз плавно перетекла в пресс-конференцию, на которой о назначении Лобановского в сборную объявлено

не было, но на которой стало ясно, что это событие через три-четыре недели произойдёт.

После беседы Лобановский сказал: «У нас был лишь предварительный разговор, ничего конкретного мы не обсуждали. Договорились встретиться после приезда “Динамо” с Кипра. Если предложенная мной программа покажется чересчур сложной, я за сборную не возьмусь, поскольку привык работать серьёзно. Необходимость выхода Украины в финал чемпионата мира — само собой разумеющееся дело, но нужно позаботиться о том, чтобы оставить после себя фундамент для дальнейших успехов национального футбола вообще и сборной в частности. Когда пункты программы будут не только приняты, но и воплощены в жизнь, тогда и можно будет давать конкретный ответ». В конце февраля 2000 года Лобановский дал согласие и 2 марта был официально объявлен главным тренером сборной Украины.

Сразу после жеребьёвки, определившей команде Лобановского в соперники по отборочной группе сборные Норвегии, Польши, Уэльса, Армении и Белоруссии, в киевской прессе почему-то смело заговорили о том, что у украинских футболистов не будет никаких проблем с завоеванием путёвки на чемпионат мира-2002. Был выдвинут лозунг: «Наша цель — 2002!» Между тем два соперника выглядели — на бумаге, во всяком случае, — сильнее, чем Украина. Это Норвегия, которую авторитетный «Франс футбол» поставил на первое место в европейской таблицы о рангах, и Польша, которую перед чемпионатом Европы 2000 года с огромным трудом опередила в группе Англия. Проигранной Украиной дома матч с Польшей (1:3) стал дополнительным тому подтверждением. Лобановский спустя время признавался, что он и сам считал: группа Украине досталась из проходимых. Тренер был уверен, что опасаться его команде стоило не поляков, проигравших почти все контрольные матчи, а норвежцев и армян, в играх с которыми далеко не всегда прежде сопутствовала удача.

Смелость украинских прогнозов, сделанных после жеребьёвки, была связана в основном с результатами киевского «Динамо» в Лиге чемпионов, когда клуб оказался в шаге от финала. Но тот успех должен был остаться только в памяти — не более того. На его основании ни в коем случае нельзя было делать далекоидущие выводы.

Состав «Динамо» с приходом Лобановского в команду заметно обновился. Причём на первые роли стали выходить не футболисты, имевшие право играть за сборную своей страны, а легионеры из так называемого ближнего зарубежья. В основе «Динамо» почти постоянно

появлялись белорусы Белькевич и Хацкевич, Каладзе и Деметрадзе из Грузии, Герасименко и Мамедов из России, Шацких из сборной Узбекистана. Исключительно важный для Украины базовый принцип формирования сборной действовать перестал.

Кроме того, большая группа украинских футболистов, выступавших тогда за рубежом, пребывала в совершенно иных, нежели у Лобановского, условиях тренировочной работы, и это была данность, с которой никто, даже Лобановский, ничего не мог поделать — в его распоряжение приезжали игроки на короткое время, и их практически невозможно было безболезненно ввести в подготовительный процесс, присущий Лобановскому. И ведь игроками-«иностранцами» на тот момент были далеко не последние люди для сборной — Шевченко, Лужный, Ребров, Кандауров, Максимов, Парфенов, Скрипник... С разным уровнем притязаний в своих клубах, с разным игровым временем, предоставляемым им в командах, с разными подходами специалистов к тренировочному процессу.

Хотя Лобановский, по мнению многих, после возвращения с Востока изменился, стал помягче, добавилось у него гибкости во взаимоотношениях с футболистами и руководителями, он всё равно оставался тренером-диктатором. Пусть и «бархатным», но тем не менее — диктатором, каким сформировался в годы становления в профессии, поскольку только основанное на диктаторских принципах единоначалие приносило тогда успех в спортивных играх (можно вспомнить в связи с этим «баскетболистов» Александра Гомельского и Владимира Кондрашина, «гандболистов» Анатолия Евтушенко и Игоря Турчина, «хоккеистов» Анатолия Тарасова и Виктора Тихонова, «волейболистов» Вячеслава Платонова и Николая Карполя...). И «диктаторские начала» никак не могли способствовать плодотворной работе с совершенно разными футболистами, приезжавшими в сборную. Согласие возглавить сборную автоматически выбивало Лобановского из налаженного за несколько лет после возвращения с Востока ритма клубной деятельности и вынуждало гнаться за «ветряными мельницами совместительства», как точно оценил эту совершенно новую для Лобановского ситуацию (в сборной СССР он совмещал два поста, имея под рукой базовое на тот момент киевское «Динамо») киевский журналист Игорь Линник. И в самом начале этой «погони» на плечи Лобановского взгромоздили ответственность за результат. Или — точнее — он сам на себя взгромоздил эту ответственность, хотя с самого начала было ясно, что из трёх как минимум разных групп игроков (несколько динамовцев, игроки «Шахтёра» и

«иностранцы» во главе с Шевченко) невероятно сложно создать цельный и боеспособный коллектив.

Лобановский как-то заметил, что на строительство сборной СССР, превосходно сыгравшей на чемпионате Европы 1988 года, у него ушло почти пять лет.

Для слепого переноса публикой клубной калки на сборную Украины, которую почему-то заведомо причисляли к фаворитам отборочной группы, не было никаких оснований. Не все, разумеется, дилетанты агрессивны, но те из них, кто занимается формированием общественного мнения, — агрессивны всегда. У меня складывалось такое впечатление, что эти люди только и ждали малейшей осечки «Динамо», чтобы посредством имеющихся у них возможностей побольнее лягнуть клуб, благодаря которому об украинском футболе и осведомлены в Европе.

«У нас, — говорил Лобановский перед важным ответным матчем с поляками, от результата которого зависело, попадёт сборная Украины в стыковые матчи или не попадёт, — нет средней линии, не всегда удовлетворён своим пребыванием в “Милане” Шевченко, время от времени остаётся в запасе в “Арсенале” Нужный. И, скажите, разве можно требовать от команды игры четырёхлетней давности, если футболисты давно уже не играют вместе?»

Первый раз о желании уйти из сборной и работать только с «Динамо» Лобановский сказал мне в телефонном разговоре 3 сентября 2000 года. То есть на следующий день после домашнего проигрыша полякам. Он понял для себя, что двойной ноши не выдержит, а если и выдержит, включив для этого все морально-волевые ресурсы, то затраты физических и психологических сил могут стать необратимыми.

Его уговаривали остаться. Он — оставался. Но разговор об уходе время от времени возобновлял. 29 октября 2000 года Лобановский говорил об этом с братьями Суркисами. Они попросили его не делать поспешных шагов и не объявлять о своём желании уйти на пресс-конференции, проведение которой было намечено на 30 октября в Конча-Заспе. Лобановский и не объявил.

Тренерское совместительство в футболе — советские грабли, на которые постоянно, в силу различных причин, наступали в странах СНГ. Лобановский не стал исключением. Умом пагубность совмещения тренерских постов в клубе и сборной понимали почти все, но как только принимались искать главного для сборной, моментально упирались в фигуру Лобановского.

Затея с совместительством с самого начала пришлась ему не по душе.

А потому и отношение к ней не вызывало дополнительного прилива сил и эмоций. Жёстко сказать «нет» в феврале 2000 года не получилось, а сказать «нет» и уйти в разгар отборочного турнира он никогда бы не смог.

Отказ от сборной в его представлении был сродни предательству. «Как ни парадоксально, — говорил Лобановский, — на тот момент у меня просто не было выбора. Всё было обставлено таким образом, что и коллеги, и пресса в один голос твердили мне: только вы, Валерий Васильевич, можете вывести сборную в финал чемпионата мира. Тогда я и предположить не мог, насколько сложным окажется для меня совмещение должностей в “Динамо” и сборной. Такое ведь и молодым было бы не под силу. Один матч национальной команды по нервному напряжению стоит пяти-шести игр чемпионата». Для сборной выделялось очень мало тренировочных дней, а работал он, как всегда, на совесть — иначе не умел. Однако справиться с набором объективных и субъективных обстоятельств не вышло. Постфактум Лобановский и сам потом это признавал: он ошибся, дав согласие на совместительство.

Как-то в августе 1998 года у Йожефа Сабо, возглавлявшего на тот момент сборную, деликатно поинтересовались, как он относится к разговорам о том, что Лобановский не сегодня-завтра может стать тренером сборной. «Одного из инициаторов этих разговоров вы видите сейчас перед собой, — ответил Сабо, при котором, стоит сказать, сборная Украины в рейтинге ФИФА с 79-го места поднялась на 21-е. — Да, да я сам едва ли не ежедневно убеждаю Валерия Васильевича сделать этот шаг. И объясняю это очень, по-моему, доходчиво: костяк сборной составляют игроки киевского “Динамо”, с которыми он, Лобановский, работает круглый год и лучше, чем кто бы то ни было, знает возможности каждого игрока. Когда я в своё время совмещал должность главного тренера “Динамо” с работой в сборной, мне было проще. Будет логично, если и он пойдёт по тому же пути. Причём сделать это именно сейчас, на старте отборочного цикла, — самое время. А я готов ему помогать».

Спустя одиннадцать лет Сабо признал: «Это была моя ошибка. Я подвёл Лобановского и вряд ли когда-то себе это прощу. Валерий Васильевич был консультантом. Мы общались каждый день. Даже по составу “Динамо” Лобановский советовался со мной. Такой был контакт и взаимное доверие. Никогда не забуду слова Лобановского: “Сабо я доверяю, потому что это один из самых порядочных людей, кого я знаю”. Однако после поражения от Словении у меня сдали нервы, я понял, что устал и больше не хочу тренировать сборную. “Йожеф, я тебя прошу, останься ещё на один цикл”, — говорил Валерий Васильевич. Пришлось ему самому

тренировать обе команды. Нагрузка колоссальная, здоровье сгорело. Я очень виноват перед Лобановским...»

Никто, разумеется, силой Лобановского взять сборную не заставлял. Заставило его присущее ему всегда чувство долга. Он был вынужден согласиться с Пустовойтенко и Григорием Суркисом.

«Я думаю, — говорил Григорий Суркис недели за две до официального объявления о совместительстве Лобановского, — что Валерию Васильевичу не привыкать возглавлять одновременно и клуб, и сборную. Возможно, киевское “Динамо” в чём-то и проиграет, но если этого требуют интересы национального футбола, то руководство клуба готово взять на себя ещё одну очень важную и ответственную задачу — выход сборной в финальную часть чемпионата мира».

16 августа 2000 года Григорий Суркис занял пост президента Федерации футбола страны. И год спустя, 9 октября 2001 года, сказал, что считает ошибкой то, что он согласился на предложение Валерия Пустовойтенко, чтобы Валерий Лобановский возглавлял и сборную, и клуб, и теперь Лобановскому будет предложено оставить одну должность. Суркис пришёл к выводу, что совместительство не пошло на пользу ни «Динамо», ни сборной Украины: поскольку в профессионализме «мэтра» никто не сомневается, перед ним будет поставлен вопрос: какую из двух команд он хочет возглавить — сборную или киевское «Динамо»?

Заявление о том, что после завершения отборочного цикла с институтом совместительства будет покончено, было сделано до матчей с немцами. На мой взгляд, Суркис, хорошо Лобановского знавший, вполне мог повременить с этим. Или же обговорить сначала, до публичного выступления, все детали с Лобановским и не допустить того, чтобы Валерий Васильевич все новости на эту тему узнавал из газет.

Лобановский говорил мне, что так и не понял смысл приезда в Киев хорватского тренера Мирослава Блажевича, его четырёхчасовых переговоров с Григорием Суркисом 12 декабря 2001 года, о которых оба их участника рассказали на пресс-конференции.

На ней Григорий Суркис вполне однозначно сказал, что ему бы «очень хотелось, чтобы’ национальную сборную Украины возглавил именно Мирослав Блажевич», но заметил при этом, что «вопрос о назначении главного тренера будет рассматривать такой коллегиальный орган, как исполком ФФУ». «Если после Лобановского, — высказал своё мнение Олег Блохин, — приглашается иностранный тренер, то это или кризис украинского футбола, или кризис украинских тренеров».

Но многим показалось, что Суркис уже тогда знал, что новым

тренером сборной Украины будет Леонид Буряк. Буряк им и стал. От него на заседании исполкома ФФУ руководители некоторых клубов украинской премьер-лиги решительно требовали отказаться от применения в своей работе на посту главного тренера сборной методов и разработок Лобановского. Буряк не менее решительно объяснил, что будет не только следовать идеям Лобановского, разрабатывая их с учётом реалий, с которыми ему придётся столкнуться, но и советоваться при необходимости с Валерием Васильевичем. Что он, к слову, и делал, приезжая домой к Лобановскому и подолгу с ним беседуя.

Когда Лобановский консультировал в национальной команде Йозефа Сабо, это было одно. Когда же поддался на уговоры — совсем другое. Двойная нагрузка — при его-то здоровье! Невероятная ответственность — при его-то гипертрофированном чувстве ответственности! Моментально возросшая степень угрозы репутации — при его-то исключительной щепетильности во взаимоотношениях с репутацией! Прибавление к «мишени для прессы», нарисованной на груди тренировочного костюма, ещё одной мишени, на спине, — при его-то чрезмерном внимании к тому, что пишут о его команде и о нём! А уж в спину палить ничего не понимающие в футбольном деле «журналисты новой волны» — с огромным удовольствием. Тем более в такую спину. Лобановский называл свой приход в сборную ошибкой. Сложно припомнить, когда бы ещё он переживал так, как после поражения 1:4 в Дортмунде.

Это был очередной, не знаю уж какой по счёту, круг исключительно дилетантских, порой злобных, так называемых «критических суждений» о том, что делает Лобановский. «Дилетантскими» называю их не потому, что люди даже приблизительно не ведали того, о чём пространно, зачастую с нелепыми советами рассуждали в прессе и на телевидении, но потому лишь, что подавляющее большинство критиков, отталкиваясь, понятно, исключительно от результатов, даже попыток не предпринимали вникнуть в суть происходящих на тренерской «кухне» Лобановского процессов.

За сборную Германии в отборочных играх против Украины было сразу несколько обстоятельств. Немаловажное из них — старт на поле соперника. В таких встречах, как известно, гол, забитый в гостях, ценится вдвойне, идёт за два, а потому лучше начинать не дома. Для того чтобы дома потом, отталкиваясь от первого результата, выстраивать игру в соответствии с конкретными тактическими и стратегическими задачами. В киевском матче, проходившем 10 ноября 2001 года на «Олимпийском» при потрясающей поддержке болельщиков — гимн в исполнении почти девяностотысячного хора, зрители, облачённые в накидки цветов

государственного флага (на сиденьях верхних ярусов лежали голубые накидки, на сиденьях ярусов нижних — жёлтые), — немецкая команда поставленную перед собой задачу выполнила. Не проиграла и забила гол в гостях. Лобановского результат, безусловно, огорчил, но он понимал, что могло быть и хуже: пропустив гол на 19-й минуте, немцы дважды попадали в перекладину украинских ворот, забили гол, который итальянский арбитр Стефан Браски не засчитал — не потому, конечно, что он симпатизировал сборной Украины, а всего лишь из-за ошибки: он не видел, что мяч, отлетев от перекладины, ударился сначала в землю за линией ворот, а затем вылетел в поле (немцы готовы были четвертовать итальянца), — сравнивали счёт, могли выйти вперёд.

Могло, впрочем, быть и лучше: и в штангу украинцы попадали, и «один на один» с Оливером Каном безрезультатно выходили.

Понимал Лобановский также, что его команда играла в тот футбол, в какой позволяла ей играть сборная Германии: по уровню исполнительского мастерства немецкие футболисты соперников, несомненно, превосходили.

В матчах с Германией сборная Украины изначально была, на мой взгляд, обречена. Она, понятно, могла выиграть дома — но не могла, думается, при этом не пропустить от «бригады», в составе которой находились такие монстры европейского класса, как Новотны, Баллак, Асамоа, Хаманн, Циклер, Янкер... Но так или иначе, её ни в коем случае не пропустили бы в Японию и Южную Корею, оставив Германию за бортом чемпионата мира. Коррупционеров в ФИФА, как спустя годы выяснилось, было немало, но только — не сумасшедших. Деньги считать там всегда умели и умеют. И — считают.

Когда сборной России выпало в 1997 году играть стыковые отборочные матчи чемпионата мира с итальянцами, у неё тоже не было никаких шансов на попадание во Францию. И не потому, что она слабее Италии (хотя, стоит признать, действительно слабее, но в матчах «на вылет» всё может случиться), а только потому, что, как сказал тогда открытым текстом Мишель Platini (этнически, к слову, на четверть итальянец), возглавлявший оргкомитет по проведению турнира, он «не представляет чемпионат мира без Италии».

Что такое Германия на чемпионате мира? Прежде всего армия немецких туристов. Это ещё одно немаловажное обстоятельство. Оно, однако, ни в коей мере не свидетельствует о том, что Германию тогда втащили в финальную часть чемпионата мира «за уши» — за счёт, например, судейских решений. Нет, умение судей высокого уровня доводить дело до нужного итога не понадобилось. Немцы оказались

сильнее и без их помощи. В Дортмунде Украина была разгромлена — 4:1. Матч проиграли в первые пятнадцать минут, пропустив из-за невероятных, необъяснимых ошибок три гола. «Немецкая заноза» навсегда застряла в сердце Лобановского.

И — началось! Лобановского в Киеве принялись добивать. «Кому проиграли?!» На него набросились с таким остервенением, словно украинская команда не сражалась в силу своих возможностей с одним из наиболее вероятных претендентов на победу в мировом первенстве. Киевская пресса, словно по кем-то отданной команде «фас!» (и вовсе не исключено, что — по команде), принялась топтать Лобановского, не выбирая слов и выражений, приписывая ему всяческие несуразности и не утруждая себя даже попытками анализа игры и сопоставления футбольного уровня двух стран, квалификации игроков и общей ситуации.

Да, в клубных турнирах «Динамо» тоже приходилось играть с высокочеловеческими командами из несопоставимых в плане футбола с Украиной стран и выигрывать. У «Барселоны», «Реала», ПСВ, «Арсенала», «Байера», «Баварии», «Андерлехта»... Но то — «Динамо», с которым Лобановским велась целенаправленная каждодневная работа, результатом которой, помимо громких локальных побед, стал выход весной 1999 года в полуфинал Лиги чемпионов. Пять сезонов подряд, к слову, киевляне после возвращения Лобановского играли только в чемпионской Лиге. Но той осенью, когда состоялись стыковые матчи с Германией, они в еврокубке выглядели очень слабо.

Набросившаяся на Лобановского «стая» принялась привычно приписывать тренеру всё, что только приходило ей на ум — не обременённый знаниями, необходимыми для того, чтобы квалифицированно оценивать как общую ситуацию, связанную с развитием футбола в стране, так и частности одного отдельно взятого матча.

Счёт в матче с Германией? Разумеется, Лобановский со всеми своими «моделями, привлечением науки в тренировочный процесс» устарел. Идеи его — немедленно «на свалку истории!...». Лобановский «боится играть в открытый, атакующий футбол»... Он «изматывает футболистов», нагружая их на тренировках... Ему наплевать на интересы болельщиков...

Главный редактор киевского еженедельника «Футбол» Артем Франков издевательски поместил на обложке своего издания («Мы и вклеили тогда “креативную обложку”», — похвалялся он потом) фотографию выходящей из автобуса сборной Украины во главе с грузным Лобановским и заголовок: «Вынос тела». А потом редактор удивлялся, что Лобановский принял это на свой счёт.

«Сборная была не готова вовсе...»; «в том, что Украина настолько слабее Германии, виноваты тренеры и только они»; «не знали худшего унижения. И от кого — от инвалидной команды, чей лазарет переполнен игроками основного состава!»; «этой сборной Германии ничего не светит на чемпионате мира (ну да, не светит — итоговое второе место! — А. Г.), и нам остаётся только молиться, чтобы она не облажалась там совсем»; «на фоне сборной Украины любой сколько-нибудь добросовестный коллективчик выглядел бы чемпионом мира»; «сплошная гнусь»; «единственный гол Шевченко — ложка сахара в озеро дерьма», «ля-ля, ля-ля, наша сборная...».

Спустя пятнадцать лет тот же Франков, рассуждая о выступлении украинской сборной на чемпионате Европы 2016 года во Франции, фактически охарактеризовал свои собственные действия той, 2001 года, поры и высек, не выбирая эпитетов, вроде бы других, а на самом деле — себя:

«У нас что среди болельщиков, что среди журналистов хватает упырей, для которых нет ничего лучшего, чем провал да как можно позорнее — тогда к футболу можно присосаться и как следует подкормиться свежей кровушкой, периодически приговаривая “а я другого и не ждал”. Где-то сие связано с клубными пристрастиями и соответствующими установками, где-то — с обыкновенной злобой неудачника, где-то — с намерением прокатиться на чужих эмоциях, пусть даже пропитанных слезами и болью. Я смотрю, генеральная линия партии высветилась чётко — виноваты динамовцы и Фоменко, а вот шахтёровцы общим числом шесть невинно пострадали из-за некачественных тренеров».

Всё верно, очень точно подмечено. И к ноябрю 2001 года, когда принялись в Киеве безудержно топтать Лобановского, вполне применимо. И насчёт «упырей», и относительно возможности «присосаться к футболу и как следует подкормиться свежей кровушкой», и с «соответствующими установками» — в самую точку.

«Выйди после игры с Германией Лобановский к журналистам, — писали в Киеве, — признайся, что не угадал с составом, скажи пару слов об общем, несопоставимо разном уровне украинского и немецкого футбола, ему бы слова дурного никто не сказал — вынесли бы на руках, как отца родного!»

Вот, оказывается, чего ждали те, кто принялся после 1:4 наотмашь бить Лобановского, фактически спасшего украинский футбол. Выйти он должен был к ним, бухнуться в ножки, покаяться, признаться в грехах совершенных, в неверно угаданном составе (как же надо было не знать

Лобановского, чтобы утверждать, будто при выборе состава он играл в «угадайку»!), пролепетать что-то о разном уровне развития футбола в двух странах, порадоваться снисходительному похлопыванию растаявшими от счастья журналистами по плечу и дожидаться затем, когда, вместо того чтобы уничтожать публично, стремясь ударить побольнее, понесут, словно «отца родного», на руках.

И всё ведь сделали топтанием Лобановского, публичным его уничтожением, нацеленными по нему ударами для того, чтобы человек раньше времени ушёл из жизни.

Алексей Семененко считает, что «в конце 90-х Лобановский приблизил к себе Артема Франкова, редактора украинского еженедельника “Футбол”». Истине это, мягко говоря, не соответствует. Франков, в отличие, скажем, от Игоря Линника, никогда не входил в число журналистов, отмеченных Лобановским не просто как фиксаторы событий, но и как желавшие учиться, получать знания о футболе. Более того, Франков для Лобановского, как и ещё один небезызвестный персонаж — Николай Несенюк, принадлежал к ряду тех, кому тренер, не желая их обидеть, мог с иронией посоветовать: «Лучше вам, уважаемый, в Гималаи походить. Зачем вам футбол?» «Амбиций, — говорил мне о Франкове Лобановский, — много. Немотивированных. Знаний — мало».

Лобановскому по душе были репортёры, интересующиеся предметом, а не выставляющие себя всезнайками, готовыми поучать — и поучали ведь! — тренеров. Лобановский всегда готов был разъяснить журналистам даже какие-то локальные моменты, связанные с действиями футболистов.

«Ушатами словесных помоев» назвал Йожеф Сабо выплеснутую на головы тренеров и игроков критику после Дортмунда. «Наиболее забавно, — говорит Сабо, — что пуще всех лезут из кожи вон именно те, кто ещё накануне матчей плей-офф расшаркивался перед национальной сборной в лакейских реверансах. А более всего меня забавляют начинающие журналисты, позволяющие себе поучать именитых специалистов, что и как им следует делать».

В ноябре 2005 года во время веб-конференции на украинском сайте «СпортОбоз» Франкова спросили, правда ли то, что после проигрыша сборной Украины сборной Германии он написал ряд разгромных статей о Лобановском по заданию Григория Суркиса, чтобы отвести критику от президента ФФУ и направить её в сторону тренеров команды. «Неправда, — ответил Франков. — Я вообще никогда ничего не делал по заданию Григория Суркиса по той простой причине, что ему не подчиняюсь. Под рядом разгромных статей вы, видимо, понимаете отчёт об 1:4 в Дортмунде

и рассказ о пресс-конференции в январе. Так вот, этих статей было всего две, и не были они такими уж разгромными, хотя вину Лобановского в том позорище считаю очевидной. Мы вообще порой слишком мягки». Франков поведал публике о том, что отношения, в которых он находится с руководством киевского «Динамо», позволяют ему «свободно высказывать любую критику в адрес команды».

Зачастую наблюдается разноудалённость к так называемой «критике». Армен Джигарханян, к примеру, рассказывал, что с некоторых пор перестал читать театральные рецензии, поскольку окончательно убедился: их авторы «элементарно не понимают, о чём пишут, не знают предмета разговора»: «Никто ведь из них ни разу не выходил на сцену, понятия не имеет, в чём заключаются актёрское мастерство, работа режиссёра. Но это не мешает судить обо всём категорически, безапелляционно. Скажите, хотя бы приличия ради, общую фразу “мне так кажется” или “я так думаю”, но нет — рубят сплеча, на сто процентов уверенные в собственной правоте. Иногда даже завидую: откуда такая убеждённость?»

Режиссёр Марк Захаров, если сравнивать его позицию с позицией Джигарханяна, предельно сдержан: «В отношениях с журналистами, с теми, кто пишет о театре, я стараюсь быть крайне осторожным. Если даже с чем-то не согласен, если чувствую себя оскорблённым, не иду на конфликт. Мы находимся в слишком неравных условиях, не смогу достойно оппонировать, у меня нет такой трибуны».

Лобановскому ближе подход Джигарханяна. С одной только разницей. На пользу Лобановскому, безусловно, не шедшей. Он, к сожалению, не только читал всё, что пишут о его команде и о нём, но чересчур близко пропускал это через сердце.

Его сердце, сердце доброго человека, от несправедливости страдающего, не заслуживало того, чтобы сквозь него пропускались глупости, нелепости, клевета, пасквилы, сочинённые либо по недомыслию, либо по воле тех, кто «заказывал музыку» и наблюдал затем за переживаниями немолодого человека с ранимой душой.

Насмотревшись в конце 90-х футбольных передач, ведущими в которые рванули (чаще всего по блату) молодые ребята с подвешенными языками, но с минимальными знаниями о футболе, начитавшись статей, сочинённых новоиспечёнными журналистами, пребывавшими в возрастном диапазоне от восемнадцати до двадцати двух лет, Лобановский признался: «У меня сложилось мнение, что журналисты разбираются в футболе лучше, чем кто бы то ни было. Они, например, рекомендуют тренерам проводить занятия не два раза в день, а один. Советуют, когда давать

интенсивные нагрузки, а когда не стоит. Уверенно рассуждают о составе: вот этого и этого вместе с тем надо было поставить на игру, а такого-то и такого следовало оставить в запасе. Есть вообще уникамы. Они критикуют программы подготовки, научно-техническое обеспечение и с лёгкостью употребляют слово “стратегия”, понятия, правда, не имея о том, что оно означает». «Не имеет права журналист, — возмущался Лобановский, — рассказывать, как надо тренировать. Это всё равно что я буду давать советы физикам-ядерщикам. Я же полный дилетант в этой области!»

Лобановский советовал определённой категории журналистов, которых он называл «воинствующими, а потому опасными для футбола дилетантами», поступить на вечернее или заочное отделение Института физкультуры. «Потом, — растолковывал он, — после прохождения двухгодичных курсов совершенствования вам уже не нужна будет журналистика. Вы превратитесь в готовых тренеров. Только поторопитесь — у нас их дефицит».

Никогда практически не проявляя внешне чувств, Лобановский только с виду казался «железным», «железобетонной конструкцией». «Железный Полковник», как звали его в западноевропейской прессе, на самом деле был очень мягким, ранимым человеком.

О ранимости Лобановского говорил Никита Павлович Симонян. Он приехал в Киев почти сразу после 1:4 от Германии, в ноябре 2001 года, на юбилей выдающегося футболиста Юрия Войнова (29 ноября тому исполнилось 80 лет), с которым играл в сборной СССР на чемпионате мира-58 в Швеции. Лобановскому, заставшему Войнова-игрока в киевском «Динамо» и работавшему под началом Войнова-тренера в одесском «Черноморце» (Лобановский и Войнов покоятся на Байковом кладбище неподалёку друг от друга), нездоровилось. Пойти на юбилейное торжество он не смог и пригласил Симоняна к себе домой, на улицу Суворова. Там-то Никита Павлович, проработавший с Лобановским в советской сборной в общей сложности пять лет, и услышал — впервые — не то чтобы жалобу, просто фразу, многое объяснявшую: «Никита Павлович, у меня плохое настроение». Симонян не мог припомнить, чтобы прежде что-то так выбивало Лобановского из колеи.

Я, признаться, тоже. Сразу после Германии мы не встречались, только перезванивались. Меня поразила его реакция на статью одного киевского журналиста в еженедельнике «Футбол», связанную не только с матчем Германия — Украина, но вообще с работой Лобановского — его методами ведения тренировочного процесса, тактическими воззрениями, выбором состава. Обычно Васильич в таких случаях просто посмеивался, с

выражением цитируя очередные выпады в свой адрес и по два раза зачитывая («Ты только послушай!..») наиболее «понравившиеся» ему места. На этот же раз он говорил со мной поникшим голосом и только повторял: «За что они меня уничтожают? Что плохого я им сделал? Почему они выставляют меня нулём в футболе?..» Разговор этот состоялся 21 ноября 2001 года — аккурат между матчем в Дортмунде и киевской встречей Лобановского с Симоняном.

Только ранимость не позволяла Лобановскому сказать, как говорил кто-то из великих в адрес злопыхателей: «Мне всё равно, *что* вы обо мне думаете. Я-то о вас вообще не думаю».

Иногда Лобановский на тему злопыхателей шутил. «Скажу по секрету, — говорил он, — на мне всегда бронежилет». На людях ранимость никогда не показывал. Мог сказать в присутствии помощников, прочитав мерзкий по отношению к нему текст: «Собаки лают, караван идёт». Или, когда ему предлагали прочитать газету со статьёй, резко и, как это бывало в подавляющем большинстве случаев, немотивированно, голословно и предельно поверхностно его критикующей, Лобановский мог сказать: «Да я всё это уже читал». — «Как читали, газета — сегодняшняя, только вышла?» — «Не имеет значения: всё это уже было написано. В прошлогодних газетах».

Но дома потом мог не находить себе места с одним только вопросом: «За что?..»

Только и оставалось — обращаться к нему словами Александра Трифоновича Твардовского, писавшего Илье Эренбургу: «Вы слишком крупны, Илья Григорьевич, чтобы унижаться до такой памяти относительно причинённых вам обид и огорчений, слишком много чести для тех, кто это делал, чтобы помнить о них».

Ещё летом 2001 года, до завершения отборочного цикла сборной и стыковых матчей с Германией, Игорь Суркис тоже поставил вопрос о том, чтобы Лобановский перестал совмещать работу в клубе и сборной. «Моё заявление, — сказал Игорь Михайлович в интервью агентству «Спортивные новости» 9 августа 2001 года, — было сенсационным не только для вас, журналистов. Оно, по-моему, было сенсационным и для самого Валерия Васильевича Лобановского. Но не будет сегодня главный тренер киевского “Динамо” совмещённым тренером».

Сообщив, что он, естественно, хотел бы видеть Лобановского в киевском «Динамо», Суркис-младший добавил: «Но если Валерий Васильевич выберет сборную, это тоже его право». Вкладывавший в «Динамо» немалые средства, он вполне оправданно ставил — для себя, во

всяком случае, — клубные дела превыше всего. «Я считаю, — объясняет он своё «сенсационное» заявление, — что, если киевское “Динамо” и национальная сборная долгое время не добиваются успеха на международной арене, — значит, что-то происходит. Надо всегда смотреть с головы. Голова всему кто? В тренировочном и воспитательном процессе — главный тренер. Валерий Васильевич сегодня не молодой человек, человек не совсем здоровый. Естественно, 35 лет быть в футболе и переносить массу нервных стрессов и нагрузок, критику и благодарность может не каждый человек».

Руководитель «Динамо» — да и не только он — видел, что физическое состояние Лобановского не позволяет ему одинаково энергично работать с обеими командами, а гипертрофированное чувство ответственности заставляет его трудиться через силу, забывать о здоровье.

Лобановского — он мне об этом говорил — огорчило то, что вся эта история тогда стала достоянием прессы. Валерий Васильевич считал, что все вопросы, связанные с прекращением совместительства, можно было обговорить только с ним лично, а уже потом дать информацию о том, что он в силу таких-то и таких-то причин займётся только тренировочной работой в «Динамо». Лобановский, несмотря на то что понимал, что в новейшие времена процесс принятия решений и обнародования их совершенно иной по сравнению с тем, что было когда-то, случившееся переживал. Чересчур, на мой взгляд, преувеличивая значимость этого события, его вес. По Киеву между тем разползлись слухи о том, что братья Суркисы вовсю уговаривают Лобановского уйти на отдых и предлагают ему стать консультантом в «Динамо».

Всё было совершенно иначе. Игорь Суркис, который ни в коем случае не хотел расставаться с Лобановским, проявил завидную настойчивость, договорился о встрече с ним на Суворова. Они проговорили несколько часов, и Игорь Михайлович сумел убедить Валерия Васильевича остаться. «Он согласился, что без футбола ему будет ещё тяжелее, — рассказывает Суркис-младший. — Кроме того, я сказал, что вовсе не обязательно ездить на все матчи, а одно только его присутствие во время тренировки на балкончике в Конча-Заспе прибавит игрокам энергии и уверенности в своих силах. Лобановский был редким психологом: ему достаточно было просто посмотреть в глаза футболистам, чтобы, выйдя на поле, они взяли верх над самым сильным соперником».

На фоне ставшей заметной всем психологической усталости Лобановского возникла некоторая напряжённость во взаимоотношениях с руководством. «Ситуация деликатная, — говорил мне Лобановский 28

ноября 2001 года. — Я оттягиваю это дело — встречу с руководством. Но придётся». В разговоре со мной 3 декабря Лобановский не исключил вероятности того, что он уйдёт «на отдых».

«Валерий Васильевич, — сказал Суркис-младший Лобановскому после Германии, видя, в каком моральном и физическом дискомфорте пребывает тренер, — двери клуба для вас всегда открыты. Если не хотите заниматься тренерскими делами, выбирайте любую должность. Если хотите, придумайте для себя новую. Только оставайтесь. Мы нуждаемся в ваших советах, идеях, мыслях». Через несколько дней после этого разговора Лобановский позвонил президенту клуба: «Игорь Михайлович, ты бы мог ко мне подъехать?» «Встретил, — вспоминает Игорь Суркис, — словами: “Ну, что будем делать?” Я ответил: “Считаю, что вы должны работать в ‘Динамо’ ”». По словам Игоря Михайловича, «за пять месяцев до рокового матча в Запорожье с Лобановским был подписан пятилетний контракт».

Ада рассказывала, что у Валерия состоялся весьма непростой разговор с Григорием Михайловичем. Можно даже сказать, он с Суркисом-старшим, человеком властным (иногда «коса» Валерия Васильевича находила на «камень» Григория Михайловича, и «громоотводом» становился Суркис-младший), повздорил. «Всё, — сказал он Аде, — я ушёл».

Следующим утром Лобановский долго разговаривал с приехавшим к нему домой Игорем Михайловичем. После разговора повеселел. Аде, проводив гостя, сказал: «Я поторопился». Обложился бумагами. Рад был и тому, что, не успев уйти, вернулся, и тому также, что состоялись хорошие разговоры — дома с Игорем Михайловичем и по телефону с Григорием Михайловичем. Ада позвонила тогда Суркису-старшему и сказала: «Наш дедушка сегодня утром летал по квартире». Он не представлял себя вне футбола.

«Что касается Валерия Васильевича Лобановского, — сказал Игорь Суркис 6 декабря 2001 года на пресс-конференции, — то да, у нас был с ним очень тяжёлый разговор. Валерий Васильевич работает в команде пять лет, пять лет мы становились чемпионами страны, пять лет мы попадали в Лигу чемпионов. Он меня убедил в том, что на сегодняшний день у нас делается абсолютно новая команда. Из команды 99-го года, когда мы играли в полуфинале Лиги чемпионов, в этом году на поле в Лиге чемпионов выходило четыре футболиста: Ващук, Головкич, Белькевич, Хацкевич. Причём Хацкевич не всегда в самом лучшем своём состоянии».

Отдых на Кипре после жуткой для него — с точки зрения турнирных показателей «Динамо» в Лиге чемпионов и сборной в отборе к чемпионату мира — осени пошёл Лобановскому на пользу. Он вновь почувствовал себя

готовым к основательной работе, отныне только с клубом, в хорошем физическом и психологическом состоянии отправился с командой в январе 2001 года в Москву на «Кубок Содружества», но почти в самом начале турнира, посидев во время тренировки на холодной скамейке в «Олимпийском», сильно простудился, можно сказать, свалился, и всё оставшееся до завершения соревнований время проводил в своём номере в посольской гостинице.

Глава 20

ДИКТАТУРА ЛОБАНОВСКОГО

Журналисты поинтересовались однажды у мудрейшего Николая Петровича Старостина, в чём, по его мнению, разница между Лобановским и Бесковым. Ответ был моментальным: «Они оба — диктаторы. Только Бесков — диктатор бархатный». По поводу «бархатности» Константина Ивановича, правда, можно поспорить — помня о регулярности, с какой он изгонял из команд ведущих (и не только) футболистов.

Год 1976-й многому научил Лобановского. Поиск нового почти всегда сопровождается ошибками. Главное — видеть их и исправлять. Лобановский исправлял. Он и раньше, достаточно просмотреть его высказывания после ухода из «Шахтёра» и прихода на тренерскую работу в «Днепр», говорил о необходимости видеть в игроках прежде всего людей, а уже потом — футболистов, с которыми предстоит пройти тяжелейшие испытания — изматывающими тренировками, решающими для достижения результата матчами, психологическими стрессами. И не только говорил, но и делал. В 1976 году, в первой его половине, — как заклинило. И это обстоятельство, как и неверно разработанная программа — не к тому времени овощ, — в немалой степени способствовало негативной обстановке в обеих командах — и в сборной, и в киевском «Динамо». И самым пагубным образом сказалось на результатах.

После 76-го педагогическая составляющая в работе Лобановского стала занимать важнейшее место. Все, кто оставался с ним — а оставались лишь футболисты, проникшиеся идеями тренера, связанными с высокими нагрузками, интенсификацией учебно-тренировочного процесса и совершенно новыми подходами к выстраиванию игры, и таких было большинство, — превратились в его единомышленников на всю жизнь.

Он заставлял парней только одному ему ведомыми способами верить в себя, ощущать уверенность в том, что горшки обжигают не боги. «Это было его главной идеей! — говорил один из лучших игроков команды Лобановского «третьего созыва» Валентин Белькевич. — И под эту идею он подбирал исполнителей. Васильич умело находил единицы среди потока материала, попадавшего к нему в руки».

«Они такие же люди, как и вы, — говорил о соперниках Лобановский.

— Из того же теста слеплены. Соперника не надо бояться, его надо уважать. Почему вы их не можете обыграть? Главное, чтобы вы “беленькими” не выходили на игру. Не надо бояться громких имён.

Беланов называет Лобановского, сумевшего объяснить обладателю «Золотого мяча» 1986 года, как ему удержаться от соблазна зазнайства и мании величия, «особенным» и говорит, что «Лобановский умел привить дух победителя». Когда динамовцы выходили на поле, им было всё равно, против кого предстояло играть: они могли, по словам Беланова, «порвать» и «Барселону», и кого хочешь...

Победы команды над «громкими именами» — «Барселоной», «Реалом» и т. д., достигнутые после возвращения Лобановского из Кувейта, заставили футболистов киевского «Динамо» ощущать себя способными обыграть любые «имена». Только чудо, стоит признать, спасло «Баварию» в полуфинале Лиги чемпионов весной 1999 года, когда в Киеве немцы вместо 1:4 неожиданно для них самих получили «подарок» в виде ничьей 3:3. Сэр Алекс Фергюсон тогда опасался, что в финале его «МЮ» придётся играть с Киевом, а не с «Баварией».

Занимаясь в августе 2005 года поиском нового тренера для киевского «Динамо», Игорь Суркис пришёл к парадоксальному, с одной стороны, и совершенно понятному — с другой, выводу: «Динамо» нужен тренер-диктатор. Лобановский считал — и говорил об этом, — что диктаторы — калифы на час, так, во всяком случае, учит опыт человечества.

Диктатура и жёсткие методы работы, основанные на требованиях неукоснительного соблюдения дисциплины, — разные вещи. Немецкий специалист Эдвард Гейер, не раз ссылавшийся на Лобановского ещё в те времена, когда он работал со сборной ГДР (был, к слову, последним тренером этой команды, а в капитанах у него ходил Маттиас Заммер — будущая звезда европейского футбола, обладатель «Золотого мяча»), принял клуб «Энерги» (Котбус) в третьем дивизионе и поднял его до бундеслиги только за счёт доведённого до идеала соблюдения порядка во всём, что имело прямое и косвенное отношение к футбольным делам. Когда Гейер заходил в раздевалку, все должны были вставать. Все обязаны были молчать, когда он начинал говорить. Гейер требовал, в частности, чтобы после матчей и тренировок футболисты сами чистили бутсы.

Один из самых мощных в истории мирового футбола тренеров — сэр Алекс Фергюсон — говорил, что если он потеряет «над всеми этими мультимиллионерами контроль в раздевалке», то он — «труп». «Контроль над командой, — считал Фергюсон, — очень важен. По мне, так он вообще важнее всего. Самый главный человек в “Манчестер Юнайтед” — тренер».

Математически выведенная теорема лауреата Нобелевской премии Кеннета Эрроу утверждает, что единственное рациональное правило, по которому могут приниматься коллективные решения, — это диктатура. Эрроу обнаружил: собрав людей и заставив их голосовать, невозможно застраховаться от совершенно идиотских результатов. Коллективный выбор будет универсальным, ответственным и разумным только тогда, когда он осуществляется одним-единственным человеком из данного коллектива при полном игнорировании мнения остальных.

Диктатура Лобановского исключала игнорирование — тем более полного — мнения остальных. Прежде чем принять решение, — «универсальное, ответственное и разумное», — он старался получить от других не только дополнительную информацию, но и суждение по каждой возникавшей ситуации. Им двигало убеждение, что даже в среде единомышленников, если они, конечно, единомыслят не в угоду какой-то фигуре, не из-под палки, заставляющей поступать так в условиях жёсткой финансовой зависимости, а осознанно, должны возникать различные взгляды, пусть даже и происходит это в рамках одного направления. Блестящий мастер анализа, Лобановский выискивал в спорах с единомышленниками рациональные крупинки, уязвимые места, выпуклее для него становились собственные ошибки.

Один из самых важных перед каждым матчем моментов — выбор состава. Учитывается при этом масса деталей, прежде всего состояние собственных игроков, турнирная стратегия, уровень соперника, его возможности и мотивация, тактика...

«Диктатура, как я её представляю, — говорит Анатолий Коньков, — это стремление задавить своим личным авторитетом всех и вся и уж точно не прислушиваться к мнению окружающих. Лобановский любил своё дело самозабвенно, истово, знал себе цену как тренеру, не переносил, если кто-то из футболистов выпадал из учебно-тренировочного процесса, был с такими людьми очень строг, порой даже беспощаден, однако диктаторских замашек я в нём не замечал. Диктатор всё делает для себя и под себя, а Лобановский — только для футболистов. Если бы всё обстояло иначе, вряд ли в “Динамо” существовал бы тренерский совет из шести человек, в который я имел честь входить, пока выступал за киевский клуб. Это был вполне демократический институт.

Вопросы обсуждали сугубо профессиональные. За рамки футбола мы не выходили, в личную жизнь футболистов не вмешивались. Наиболее острой полемикой, как правило, сопровождался ввод молодого игрока в основной состав. Для “Динамо”, где люди притирались друг к другу

годами, это был самый сложный вопрос. Прежде чем принять окончательное решение, Лобановский стремился получить как можно больше информации о новичке, и мы старались ему в этом помочь».

Несколько лет совместной работы позволили ведущим игрокам лучше понимать его, Лобановского, видение футбола. Понимать и разделять те задачи, которые он ставил перед собой. У Лобановского это касалось не столько «добычи» очков, сколько принципов построения команды. В середине 90-х он ещё раз заглянул в будущее, и ему одному из первых в европейской футбольной истории тренеров удалось осознать, что в современной игре вопросы психологии, внутрикомандного взаимодействия выходят на первый план и становятся не менее значимыми, нежели вопросы качественной функциональной подготовки и тактических разработок.

Над вопросами этими он задумывался и в середине 70-х, но тогда они представлялись ему рядовыми, необходимыми, конечно, в командной жизнедеятельности, но — рядовыми, в какой-то степени дополняющими главные, и без них вполне можно было обойтись.

У Лобановского во второй половине 90-х никогда, ни при каких турнирных приключениях и жестоких поражениях, без которых футбол не обходился, не обходится и не будет обходиться, не состоялся бы послемонреальский вариант — со скандалом на всю страну, конфликтом с игроками, рукоприкладствами в среде футболистов, изгнанием тренеров и возвращением одного из них.

Парадокс в том, что после ухода Лобановского из жизни в «Динамо» априори не могло быть тренера-демократа.

Ни Михайличенко, в главные перешедший из помощников спустя несколько недель после похорон Лобановского; ни Сабо, ровесник и одно время критик системы Лобановского, а потом — последователь; ни Буряк, внедрившийся сначала при посредничестве Лобановского в сборную помощником, а затем главным тренером, и получивший в итоге долгожданный пост сначала спортивного директора в «Динамо», а спустя время первого тренера — никто из них к демократическому тренерскому лагерю не принадлежал и принадлежать не мог. Каждый старался установить жёсткую дисциплину — увещеваниями и штрафами, попытками создания атмосферы доверительности и жалобами на игроков руководству, формированием игрового состава с оглядкой не только на показатели в тренировочном процессе, но и на прегрешения.

Но диктаторы из них вышли никудышные. Копируя Лобановского, копируя какие-то внешние признаки диктатуры, на основании которых

широкая публика и делает выводы о диктаторских замашках (молчаливость, угрюмость, сосредоточенность, жёсткость в высказываниях, будто бы предназначенных — через прессу?! — игрокам), все его преемники, за исключением, пожалуй, Демьяненко, не уяснили, наверное, главное: подчинение игроков Лобановскому носило осознанный характер. Прежде чем довериться ему, воспринимать его суровые зачастую требования дисциплинарного характера и старательно — по возможности — им следовать, футболисты убеждались в правоте тренера. Степень воздействия Лобановского на игроков была удивительно высокой. Иногда достаточным для понимания оказывался только взгляд, брошенный Лобановским в Конча-Заспе на футболиста.

Почти сразу после смерти Лобановского во внутриклубных взаимоотношениях, разворачивающихся обычно по простой схеме «руководитель (президент) — тренер — футболисты», произошли два важных изменения, замеченных не сразу, на жизнь команды, безусловно, повлиявших, но исправлению, в силу ряда причин — объективных и субъективных — не подлежавших.

Линия «президент — тренер» при Лобановском была выстроена вполне устраивавшим обе стороны образом.

И после его ухода эта линия устраивала обе стороны, однако «вес тренера» резко снизился.

Однажды — один из любимых рассказов игроков поколения 80-х — Пузач сообщил Лобановскому о том, что на балконе (происходило это ещё на старенькой базе) ребята курят. Реакция Лобановского: «А ты-то что там делал?» Но всё равно Лобановский был в курсе всего, что происходило за пределами базы. Он получал информацию о поведении своих футболистов в городе — мест, где они проводили время, в те годы в Киеве было раз-два и обчёлся.

Некоторые футболисты жили на улице Урицкого. Михаил Михайлович Коман иногда приезжал туда, ходил по квартирам неженатых игроков, звонил в дверь и, если обнаруживал девушек, выпроваживал их: «Ребятам надо спать». На этой же улице располагался бар, названный «гадюшником». Работал допоздна. Туда съезжались со всего Киева, в том числе и знакомые футболистов, приходившие после посещения бара в гости к игрокам. Приходили не пустые, и всё это влияло на соблюдение режима. Рассказывают, что когда о существовании «гадюшника» доложили Лобановскому, то через некоторое время на месте бара открыли... библиотеку.

«В Конче по утрам, — рассказывает Сергей Юран, — нам измеряли

давление. Лобановский всегда стоял рядом. Помню, укоряет Баля: “Андрюша, давленьице скачет”. — “Васильич, наверное, кофе многовато выпил”. — “А-а, я уж волноваться было начал, что облако над домом у тебя другое...” Говорил Лобановский мало. Зато взглядом такой рентген делал, что я по минутам готов был рассказать, когда в туалет ходил в последние три дня!»

Юран вспоминает случай, когда он однажды столкнулся с Лобановским на лестнице базы. Лобановский внимательно взглянул на Юрана и молча пошёл дальше. У Юрана, по его словам, подкосились ноги. Он судорожно стал перебирать в памяти: «Так, вчера вечером где был? Дома спал. Позавчера — вроде тоже. А до этого? Точно! Мы же в баре посидели...» В зал, где команда собиралась перед тренировкой, Юран шёл, как на плаху. Лобановский не сказал ему ни слова. «Однако, — говорит Юран, — мне и взгляда хватило. Пропотел, как после кросса».

Юран после травмы — даже тогда, когда сняли с ноги «аппарат Илизарова» и футболист постепенно начал тренироваться, — выпивать не бросил. Однажды он с коллегами по «Динамо», Беженаром и Матвеевым, так отметил Международный женский день 8 марта, что ни один из них не был в состоянии утром проснуться к тренировке. Когда «трио» появилось на тренировочной базе, Лобановскому достаточно было одного взгляда на загулявших игроков. Последовало: «В часть. Завтра же».

Два месяца в воинской части 3217 на Подоле, заполненные типичными буднями рядового солдата — чистка картофелин, уборка территории, дежурство в казарме, коллективное рытье канавы, ежедневное приведение обмундирования в порядок, — привели Юрана в чувство. Он стал регулярно звонить Демьяненко, Балю и Бессонову и просить замолвить словечко перед «Папой»: мол, Юран всё осознал и исправился. Словечко замолвили. Лобановский распорядился вернуть Юрана в команду, но при этом сказал просителям: «Теперь ответственность за него вы взяли на себя». Юран друзей не подвёл, но после отъезда Лобановского на Восток стал сначала проситься в «Спартак», куда его непустили, потом устроил в самолёте публичный скандал, оскорбив Веремеева, и Лобановский, когда ему сообщили об этом, распорядился из Эмиратов: «Если есть возможность отправить Юрана за границу, немедленно продавайте». Так талантливый нападающий, сыграв в основном составе киевского «Динамо» всего лишь 31 матч, оказался в португальской «Бенфике».

Александр Хацкевич после зимнего отпуска почти всегда приезжал в физическом состоянии, вынуждавшем Лобановского отправлять его во вторую команду. В прямом смысле этого слова. Тренер так и говорил ему:

«Тут недалеко, перейдёшь через поле на старую базу и — работай. А потом — посмотрим».

Поначалу игрок на тренера обижался («Словно из генералов разжаловали в рядовые!»). Но по прошествии времени реакция его выглядит вполне взвешенной: «Лобановский знал, что делал, и всегда был прав. Он видел, что после зимы я не имел оптимальной формы, находился в неподходящем психологическом состоянии. А к середине сезона втягивался в игровой режим. Вообще, думаю, что за годы совместной работы я его ни разу не подвёл. Лобановский был сильнейшим психологом. Великолепный тактик? Безусловно. Но главное: он каждого человека видел насквозь. Это какой-то дар. Он понимал, на кого надо прикрикнуть, кого стоит похвалить. Были случаи, когда Валерий Васильевич поднимал зарплату футболисту, который вроде этого и не заслуживал. Таким образом он подстёгивал человека. Сам Лобановский никогда игроков не унижал, не оскорблял. На разборах матчей никому конкретно ничего не говорил. Но перед теми же разборами вызывал к себе и без всякого негатива высказывал претензии, объяснял ошибки, вместе с человеком анализировал их. Когда команда проигрывала, Валерий Васильевич никогда не кричал в раздевалке. У него всё было профессионально, эстетически правильно и честно. Его отношение к футболистам характеризует то, какие у нас были контракты. В “Динамо” люди играли не за премиальные, а за свою зарплату. Премиальные, конечно, платились, но они не были главным источником дохода. Люди чётко знали, сколько заработают за год, не волновались, что останутся ни с чем в случае травмы».

Разумеется, Лобановский знал, что игроки собираются после каждого матча и отмечают победы и поражения. Традиция сложилась до него, и не ему её было ломать. Футболисты выходили из положения даже в тех случаях, когда после матчей их не отпускали домой, а завозили на базу. Вот любимая «рассказка» киевских динамовцев второй половины 80-х годов. Однажды, когда их после матча сразу привезли на тренировочную базу для восстановительных процедур, «старики» (у кого-то из них в этот день было какое-то событие, требовавшее обязательного отмечания) и ещё несколько игроков обосновались в стоявшей несколько в сторонке, на полпути от базы к тренировочному полю, «избушке» сапожника, «накрыли поляну» (заранее припасли пиво, кое-что покрепче, рыбку, еду принесли из столовой) и обнаружили отсутствие хлеба. На кухню отправился лёгкий на подъём Андрей Баль. Дверь каморки за ним, понятно, закрыли: он знал, как надо постучать, чтобы впустили.

Когда раздался условный стук в дверь «избушки», сомнений в том, что

вернулся посланец, ни у кого не возникло. Толя Демьяненко в предвкушении трапезы даже пошутил, подойдя к двери: «У нас все дома. Кто там? Фамилия, имя, отчество». В ответ прозвучало: «Лобановский, Валерий Васильевич». Поскольку за хлебом ходил Баль, ответ был приписан ему: Андрей мог пошутить, изменив голос. Демьяненко открыл дверь. Каково же было изумление компании, когда на пороге из темноты возник Лобановский. Немая сцена. Тренер оглядел собравшихся, стол, на котором вместо инструментов сапожника аккуратно были расставлены подготовленные к «ужину» припасы, и сказал, обращаясь к молодому Олегу Саленко, только-только перебравшемуся в киевское «Динамо» из «Зенита»: «Ну, они-то (Лобановский обвёл рукой выстроившихся вокруг с опущенными головами ведущих игроков) — ладно. Их я понимаю. А ты-то как тут оказался? Рано ещё». Повернулся и вышел.

Ольга Трофимовна Подуран почти 50 лет проработала на базе киевского «Динамо». Не могу вспомнить её официальную должность, но комфорт и уют для динамовцев в Конча-Заспе всегда создавала «мама Оля», как звали её игроки. Она знала, кто что любит, всегда на сей счёт интересовалась у официанток и старалась сделать так, чтобы каждому было хорошо, чтобы каждый чувствовал себя на базе как дома.

Иногда в «зелёной» комнате — на кухне, там, где режут овощи, — по распоряжению Ольги Трофимовны ставили ящик пива (а то и не один), и футболисты перед ужином пропускали по стаканчику-другому для аппетита, пропадавшего после изнурительной работы.

Валерий Васильевич подозвал как-то Ольгу Трофимовну и спросил: «Трофимовна, куда это они бегают один за другим?» — «А ругать не будете?» — «Нет, конечно». И Трофимовна призналась. «Ладно, — сказал Лобановский, — продолжайте. Но только чтобы я не знал».

Перед очередным матчем сборной СССР в Клёве Лобановский пригласил в свой кабинет Демьяненко, который за несколько дней до этого был замечен, скажем так, в нарушении режима. «Как ты думаешь, — спросил Лобановский, — на какой позиции ты будешь сегодня играть?» Демьяненко привычно ответил: «Левым защитником». — «Нет, — поправил его Лобановский, — сегодня ты будешь играть левым защитником, левым полузащитником и левым нападающим. И от того, как сыграешь, зависит, будет ли проводиться разбор вашего “загула” или же о нём забудут». Демьяненко был назван лучшим игроком матча.

Максим Шацких, вспоминая о своей первой встрече с Лобановским, произошедшей после того, как нового для «Динамо» нападающего привезли из Калининграда в Киев, рассказывает: «Сразу из киевского

аэропорта мы отправились на базу, где находились братья. Суркисы и Лобановский. Валерий Васильевич сидел ко мне спиной. Когда увидел эту белую голову, меня пробил холодный пот, очень сильно заволновался. Ещё вчера смотрел на него в Лиге чемпионов, и вот он передо мной. Лобановский задал мне буквально два-три “игровых” вопроса: где себя вижу, как поведу в конкретной ситуации. Я ответил. Видать, мыслили мы одинаково. Насколько я понял, он услышал то, что хотел».

Шацких называет Лобановского своим вторым отцом и считает, что таковым он был для многих динамовских футболистов. «Очень сильный психолог! — говорит Шацких. — Знал, в какой момент нужно кого-то выдернуть, дать совет. Либо напротив — не трогать человека. Я, к примеру, самокритичен. Сыграл плохо — уничтожаю себя. На разборе прошедшего матча настраиваюсь на критику в свой адрес. С Лобановским получалось наоборот: он делал акцент не на негативе, а на проделанной черновой работе. Ты вдруг понимал: если главный тренер доволен, значит, не всё так плохо. На базе мог позвать к себе в комнату, пообщаться один на один, объяснить, успокоить. Он всё видел, чувствовал. Не припомню, чтобы Валерий Васильевич хоть раз повысил голос. Когда мы проигрывали в Лиге чемпионов, почти ничего не говорил, в перерыве мы находились в раздевалке пару минут. Обвёл взглядом: “Ну что вы сидите? Идите, выигрывайте”. Всё. Мы сами понимали, что у нас не так, не надо было ещё сверху пихать. Выходили и делали своё дело».

25 ноября 1998 года динамовцы играли в Киеве матч Лиги чемпионов с греческим «Панатинаикосом». В морозную погоду. И снег к тому же шёл не переставая. Киевские футболисты надели шерстяные рейтузы, чтобы чувствовать себя на поле комфортнее. Греки вышли на игру в трусах, никакие утеплившись, и повели после первого тайма в счёте (1:0). Лобановский в перерыве зашёл в раздевалку, оглядел всю команду, покачал головой, сказал: «Они голами вас обыгрывают. Не стыдно?» — и вышел. Футболисты моментально рейтузы сняли и во втором тайме греков «понесли» (2:1).

«Настоящий тренер, — говорил Лобановский, — никогда не должен в перерыве матча задавать футболистам два вопроса: “Что случилось?” и “В чём дело?” Тренер сам должен знать ответы на эти вопросы. И ни в коем случае не должен тренер говорить футболистам “вот в наше время... когда я играл...”. Иначе ему лучше поменять место работы».

Истерик и разносов он никогда не устраивал. Однажды, когда игра у команды в важном для неё матче не ладилась, забить никак не удавалось, футболисты, придя на перерыв, сели в раздевалке в ожидании серьёзного

«втыка» от Лобановского. Он какое-то время не приходил. Потом пришёл и стал молча расхаживать из одного угла раздевалки в другой. Продолжалось это минут пять-семь при полной тишине. Вдруг Лобановский остановился, обвёл всех взглядом, улыбнулся, развёл руками и вышел. Во втором тайме команда, к изумлению всех, кто за игрой наблюдал, преобразилась до неузнаваемости — высокие скорости, непрекращающееся давление на соперника, три безответных гола. Кто-то из начальства стал после игры допрашивать Чубарова, присутствовавшего в раздевалке во время перерыва: «Что Лобановский сказал им в перерыве? Какими словами он заставил их изменить ход игры?» Чубаров честно признался, что Лобановский не произнёс ни одного слова. И услышал в ответ от начальника: «Ты со мной не шути, а то без работы останешься!» «Начальники, знавшие только один метод — “накачку”, не выбирая при этом слов, — говорит Чубаров, — не могли себе представить, что именно молчание Лобановского в тот конкретный момент действовало на динамовцев сильнее самой суровой выволочки».

Чубаров сам однажды получил выволочку от Лобановского. Динамовцы прилетели на матч в Москву, нерасторопные администраторы хозяев поля два часа промурыжили киевскую команду в холле гостиницы, не сумев справиться с возникшими при заселении проблемами. «Ну, ничего, — сказал Лобановскому перевозбуждённый Чубаров, — приедут они в Киев, я их поселю на хоздворе». — «И сразу же, — невозмутимо среагировал Лобановский, — отправишься за ними вслед. Как ты мог даже подумать о таком? Ты же работаешь в киевском “Динамо”. Ты должен поселить гостей за две минуты...»

После крупного домашнего проигрыша в Лиге чемпионов «Ювентусу» (1:4), когда футболисты сидели молча в раздевалке, опустив головы, в ожидании нагоняя от Лобановского, тот вошёл, посмотрел на них и произнёс фразу, которую каждый из игроков запомнил навсегда: «Молодцы, что *так* проиграли. Теперь в Европе нас будут меньше бояться». О своей команде он, к слову, всегда говорил «мы», «нас», «наша», от футболистов себя не отделяя... После завершившегося 1 октября 1997 года вничью киевского матча с «Ньюкаслем», отвечая на вопрос телерепортёра, не кажется ли ему, что команда не до конца выполнила тренерскую установку, Лобановский сказал: «Моя команда, молодой человек, всегда выполняет установки на игру до конца».

Лобановскому не нужны были психологи. Ни в одной из команд, которые он тренировал. Лобановский сам был психологом, от которого шла, как говорит Беланов, «дьявольская энергия» (по словам Василия Раца,

Лобановский действовал на них «гипнотически»). Иногда тренер, в постоянной уверенности которого мало кто сомневался, становился вдруг на глазах игрока, с которым беседовал, обеспокоенным, взволнованным, и это выглядело настолько правдоподобно, что футболист сам порывался успокоить его.

Перед первым четвертьфинальным матчем Кубка кубков с венским «Рапидом», проходившим в Вене 5 марта 1986 года, Лобановский, как всегда, вызывал футболистов по одному на собеседование. Дошла очередь до Беланова. «Что будем делать, Игорь?» — «Как что, Васильич? Играть будем!» — «А как же нам с ними играть, если у них такой состав, такие футболисты... Пакульт один чего стоит!» И Беланов не выдержал: «Да какой, к чёрту, Пакульт? Пошли они все... Мы их всех за Можай загоним!» Беланову даже привиделось, что он успокоил Лобановского, и вышел он от него готовым вместе с командой «порвать» любого соперника. «Рапид» был обыгран 4:1, а Беланов забил два гола.

В 1993 году «Барселона» не выпускала футболистов киевского «Динамо» за центр поля. То же самое делал год спустя ПСЖ. Осенью 1996-го команда проиграла слабому «Ксамаксу», и проигрыш тот можно назвать закономерным: киевляне выглядели во встречах со второразрядным клубом закомплексованными. Лобановский избавил их от комплексов. Через год работы с ним — а работали, как черти, — те же самые футболисты играючи расправлялись с ПСВ, «Барселоной», не боялись никого — ни «Реала», ни «Баварии».

«Видимо, эти резервы заложены в каждом, — рассуждает Сергей Ребров, — но их нужно уметь нащупать, развить. Лобановский расширял зоны действия всех своих игроков, приучив нас к осмысленной работе, избавил от боязни ошибки. И чаще стало получаться».

Ребров, и не только он, обнаружил вдруг, что выкладываться с появлением в команде Лобановского они стали несопоставимо больше, нежели при прежних тренерах. Ребров называет это «волшебством». «Мне, — говорит он, — оказалось достаточно одного только присутствия Лобановского на скамейке у кромки поля. Ловил на себе его взгляд и продолжал бежать, даже если сил уже совсем не оставалось».

Он никогда не унижал футболистов. И в помине не было того, что вытворял в «Кёльне» работавший там Ринус Михеле, который на тренировке мог «подбадривать» игроков определениями «тупицы», «идиоты», «дилетанты», и, как и его не менее известные коллеги — Хеннес Вайсвайлер, Зденек Земан, Эрнст Хаппель, — относился к футболистам с немалой долей презрения, обращался с ними, по воспоминаниям игроков

«Кёльна», «как с рабами».

Лобановского ни разу не видели паникующим, как бы ни играли динамовцы. 5 октября 1997 года «Динамо» возвращалось из Львова, проиграв «Карпатам» 0:1. В самолёте гнетущая тишина. Настроение у братьев Суркисов, мягко говоря, неважное. Лобановский, обращаясь к ним и к сидевшему рядом Сабо, говорит: «Вот, если вы обратили внимание, сегодня постановка игры “Динамо” отвечала всем требованиям современного футбола. И необходимая подстраховка была, и забегания, и активная работа на флангах. Да, эти действия не завершились голами, а чуть ли не единственная ошибка привела к взятию наших ворот, но катастрофического ничего не произошло». Присутствовавший при этом Чубаров вспоминает, что Валерий Васильевич «настолько убедительно всё аргументировал, что ещё минута, и я подумал бы, будто мы выиграли 5:0. Обрисовал картину в таких красках, что не только успокоил, но и обнадёжил».

Виктор Скрипник вспоминает, что после общения с Лобановским тет-а-тет «можно было высушивать одежду — она вся пропитывалась потом». Футболисты говорили, что по пути в кабинет Лобановского на разговор вспоминали все свои последние прегрешения, но из кабинета чаще всего выходили окрылёнными: Лобановский никогда не кричал на них, не оскорблял, очень тонко чувствовал, когда и что игроку нужно сказать или что для него необходимо сделать.

Олег Кузнецов многие годы с дрожью вспоминал, как в бане на базе просил у Валерия Васильевича квартиру. «Я, — говорит он, — человек скромный: думал, раз не дают жилплощадь, значит, ещё не заслужил. Но старшие товарищи — Блохин с Балтачёй — убедили меня, что игроку сборной СССР как-то негоже жить в общежитии. Короче, решился я на разговор с тренером. А тут как раз случай удобный подвернулся.

Сидим мы в парилке после тренировки — и вдруг заходит Лобановский. Ребята, подмигнув друг другу, тут же вышли. Остались мы с наставником вдвоём. У меня сердце колотится, слов никак подобрать не могу. Хотел сказать одно, а выдал... В “Спартак”, говорю, приглашают, в московское “Динамо”, квартиру обещают. Васильич пристально так посмотрел мне в глаза и с удивлением говорит: “Тебя в ‘Спартак’ зовут? Вот повезло человеку! Так чего же ты ждёшь? Беги скорее в прославленный клуб!” После этого тренер употребил в мой адрес немало горячих слов. Я же словно в прострацию впал, даже не помню, как из парилки вышел. Думал, ну всё, вылечу из основного состава, как пробка из бутылки. Но мои опасения не подтвердились. Тренер вёл себя, словно и не

было никакого разговора, а через месяца два-три я уже праздновал новоселье».

По мнению Владимира Трошкина, сила Лобановского заключалась не столько в предложенной им тренировочной методике с заоблачными нагрузками (хотя она, конечно, делала своё полезное дело), сколько в умении внушить футболистам, что все нагрузки, весь их огромный труд не окажутся напрасными. «Вооружившись конспектами Лобановского, — говорит Трошкин, — сегодня могут работать — и работают — многие тренеры. Однако второго Лобановского среди них нет и не будет. Так умело обращать игроков в свою футбольную веру, как это делал он, не дано никому».

Произносил ли Лобановский фразу, превратившуюся со временем в афоризм — «Футболист не должен думать, за него думаю я»? Скорее да, чем нет, хотя никто из тех, с кем он работал, не может подтвердить это. Почему же тогда — да? Только потому, что фраза эта никоим образом не относится непосредственно к игре, а только к подготовительной перед матчем работе. Она могла прозвучать, например, во время собеседования, когда футболист, получив исчерпывающие установки на матч, вдруг решал порассуждать: «А я думаю...» Андрею Гусину Лобановский однажды сказал в ответ на подобного рода рассуждения: «Если так считаешь, садись на моё место и тренируй, заканчивай играть!»

Никита Павлович Симонян подтверждает, что Лобановский на самом деле «суров и авторитарен», но добавляет при этом, что «подобные определения ещё ни о чём не говорят: любое абстрактное (назовём это так) свойство по-разному преломляется в личности». Симоняну импонировало, что Лобановский не терпел беспорядка даже в мелочах, малейшего нарушения дисциплины, никому, невзирая на имена и заслуги, не делал поблажек, но и никогда при этом Симонян не слышал, чтобы Лобановский кого-то оскорбил или унизил.

«Диктатор» Лобановский никогда ничего не забывал, никогда не нарушал данного им слова, всё, о чём он говорил, делал, всё, что пообещал, — выполнял. Не щадил ни себя, ни тех, кто находился рядом. «Такого же отношения, — говорит Леонид Буряк, — требовал и от остальных. Поэтому с ним бывало трудно. Он суховат, очень скуп на похвалы, уклончив и не слишком откровенен». Футболисты — народ наблюдательный и ранимый. Ни один из игроков, с которыми работал Лобановский, — а это несколько поколений: футболисты, родившиеся и в 1942 году, и в 1979-м, — не мог и не может сказать, что Лобановский сваливал на них вину за неудачу. «Игру, — всегда говорил он на публике и держа ответ перед начальством, —

проиграли все. Мы сами разберёмся».

Магическое воздействие Лобановского на окружающих — не просто слова. Николай Павлов, работавший в 90-х годах тренером в «Динамо», рассказывал, как однажды ему домой позвонил Лобановский, для того чтобы получить информацию о динамовских игроках — Валерий Васильевич уже готовился к возвращению домой. Трубку взяла теща Павлова: «Коля, тебя кто-то спрашивает». А после разговора, к которому прислушивалась, потрясённая спросила: «Коля, это тебе Лобановский звонил?» «Для неё, — говорит Павлов, — как и для многих девушек 39-го года рождения, Лобановский был и остался кумиром на всю жизнь. Трудно представить себе, как я после этого поднялся в её глазах...»

Когда Лобановский звонил Реброву в Лондон, жена Сергея, по его словам, цепенела, услышав в трубке его голос.

Одним своим присутствием Лобановский заставлял людей жить рядом с ним по-другому.

Однажды на зимнем итальянском сборе в год чемпионата Европы-88 вдруг «взбрыкнул» Заваров. Стал на глазах меняться, халтурил на занятиях, врезал на тренировках партнёрам, неадекватно себя вёл, нагрубил Лобановскому во время работы по скоростной выносливости. «Не понимает Саша наших целей и задач, — сказал Валерий Васильевич с улыбкой Симоняну. — Нам такие футболисты на чемпионате Европы не нужны». После тренировки Лобановский попросил Симоняна: «Заварова нужно отправить домой. Он не хочет готовиться, не хочет тренироваться». — «Отправить — нет проблем, — отвечал Симонин. — Сейчас позвоню, ему возьмут билет из Рима или Милана. Господи, но это всё-таки Заваров! Может, принять какие-то меры? Надо бы с ним поговорить...» — «Вот вы и поговорите».

Симонин посадил Заварова перед собой: «Саша, что случилось? Какая муха тебя укусила? Ты понимаешь, что вопрос стоит о том, чтобы тебя отправить домой?» — «Да, Никита Павлович, — я понимаю, что действительно вышел из рамок. Попросите Валерия Васильевича, чтобы меня оставили». Симонян рассказал Лобановскому о содержании разговора и сделал вывод: «Он всё понял». — «Хорошо, — сказал Лобановский, — тогда пусть работает».

Лобановский мог выгнать футболиста, даже ведущего, за неправильное поведение или халатное отношение к делу с тренировки. Но что потом, ведь важный матч на носу? Обратиться к изгнанному при всех с занятием? Ни в коем случае. Не поставить на игру? А замены нет. И поэтому Лобановский просил зайти к нему самых авторитетных игроков, которые,

после беседы с тренером, шли к нарушителю, объясняли ему — будто бы от себя, — что самым лучшим выходом для него было бы извиниться перед Лобановским, чтобы тот вернул его в состав. Извинения принимались, и возвращённый в состав футболист выкладывался на поле полностью.

Конкуренцию в команде за место в составе и на поле Лобановский считал одним из основополагающих элементов её жизнеспособности. Ещё в 1974 году, первый раз придя в «Динамо» в роли тренера, Лобановский обнаружил незримый барьер, отделявший игроков основного состава от дублёров. Своего рода дедовщина. Молодняк не били, конечно, и не унижали, но, например, когда обедали футболисты первого состава, резервисты не имели права зайти в столовую. Та же история — в душевых комнатах. Лобановский эту складывавшуюся годами систему поломал, разъяснив: все игроки «Динамо» — одна команда.

На зимние сборы в Руйт, самые в этот период основательные, создававшие задел на оставшуюся часть сезона, Лобановский всегда брал человек сорок, разбавляя группу «маститых» новичками, либо «рекрутированными» из клубного резерва, либо приехавшими на просмотр игроками. И «маститые» не филонили — боже упаси! Валентин Белькевич говорил, что Лобановский расширял группу на сборе неспроста: тренер давал понять, что всем игрокам основы, даже Реброву, Шевченко, Каладзе, ему — Белькевичу, место в составе не гарантировано. О старых заслугах Лобановский предлагал всем забыть.

Блестящий, на мой взгляд, психологический ход, использовать который можно было только в условиях постсоветской реальности, когда футболисты ещё не вступили, в силу воспитания и происхождения, на суровую профессиональную стезю, а пребывали в статусе продвинутых любителей. Ни в одном из серьёзных западноевропейских клубов такие номера не проходили. Там — контракты с невероятным количеством пунктов и подпунктов, расшифровывающих не только права, но и обязанности. Там условный Хацкевич никогда не появится после зимнего перерыва в полуразобранном состоянии — штраф и проблемы с местом в составе, а значит — и с возможными бонусами. Лобановский со своим Хацкевичем поступал точно так же. Он отправлял его во вторую команду — до лучших времён и до лучших премиальных.

И «маститые» футболисты (Ребров, Каладзе, Белькевич, Шевченко, практически подготовленный тогда к серьёзной в финансовом плане продаже), и тренеры, включая Лобановского, и руководители клуба, конечно же, знали, что вся «элита» сохранит свои позиции. Но в то же время игроки понимали — каждый для себя, — что из-за нерадивости

можно и проскочить мимо состава, старые заслуги не спасут. Знание и понимание шли на пользу — отлынивающих не было: Лобановский никогда не доводил дело до того, чтобы у него работали из-под палки.

Так в командах Лобановского было всегда. «Я даю тебе шанс, но за тебя я играть не могу» — эти слова от Лобановского слышали многие динамовские футболисты. Они, видя, что в первую очередь он предъявлял высокие требования к себе, заражались его убеждённой и целеустремлённостью.

Андрей Баль вспоминал, что даже те, кто играл постоянно, перед каждым матчем переживали: на собеседовании перед игрой Лобановский «такого наговорит, что чувствуешь — ты вообще никто и звать тебя никак. Начинаешь тревожиться: а будешь ли в составе? Когда на установке слышали свою фамилию, все одиннадцать выдыхали: “Уф-ф-ф...”».

У Лобановского не было любимчиков. В футбольной команде очень тонко чувствуют, когда тренер кому-то отдаёт предпочтение, кого-то выделяет, ставит выше других. Такому тренеру не доверяют. У Лобановского, не устававшего повторять, что лидеры команды определяются только после игры, всегда играли сильнейшие. Одно только это обстоятельство делало, по словам Хацкевича, «отношения между ним и футболистами предельно простыми — профессиональными».

Андрей Шевченко, возможно, в первый момент обиделся на Лобановского, не разрешившего ему остаться в Киеве на свадьбу сестры, однако затем отнёсся к этому так, как и должен был отнестись профессионал: осознал правоту тренера.

В те январские дни у команды был очень плотный график тренировок на базе. В день свадьбы Елены Шевченко «Динамо» вылетало в Москву на «Кубок Содружества». Андрей пытался отпроситься и собирался «догнать» команду на следующий день, но Лобановский ответом своим — «Нет! Даже разговора быть не может!» — обсуждения ситуации не допустил. Команда есть команда. Все должны быть вместе. Конечно, Лобановский, будучи полностью уверенным в Шевченко, мог позволить ему задержаться на один день в Киеве, но в таком случае он автоматически дал бы понять партнёрам Андрея, кто ходит у него в любимчиках и кому в команде разрешено больше, нежели остальным.

Подчёркнуто корректный и ровный в отношениях абсолютно со всеми игроками, Лобановский никогда не давал волю эмоциям — не «размазывал по стенке» даже из рук вон плохо сыгравшего футболиста, но и не возносил до небес выдавшего суперигру.

Жёсткость и строгость Лобановский считал союзниками успеха. Его

жесткость можно, конечно, называть «напускной», но принципиальность была самой что ни на есть настоящей. В зависимости от ситуации Лобановский мог повысить голос и наказать, но до крика, вспоминают все, кто с ним работал, дело никогда не доходило, а уж матерных слов от него вообще никто никогда не слышал (разве что в анекдоте каком проскользнёт, когда не обойтись без этого). А мог промолчать, сделав вид, будто ничего не заметил. Не увидеть, не услышать, не сказать — три заповеди уважающего себя тренера, которые Лобановский никогда не забывал.

Однажды — дело было в подмосковном Новогорске, в сборной, перед чемпионатом Европы-88, — у Лобановского были какие-то дела на первом этаже, неподалёку от холла. Проходя мимо группы игроков, он услышал живописный, с применением ненормативной лексики рассказ Вагиза Хидиятуллина, вокруг которого собрались в основном новички сборной. Лобановский не остановился. Попросил потом администратора подняться к нему в номер вместе с Вагизом. «Вагиз, — сказал Лобановский, — к тебе в сборной прислушиваются. Не могут не прислушиваться, поскольку человек ты в команде авторитетный. И вдруг такие выражения. Надо избавляться. Я же не могу при всех делать тебе замечания». — «Больше не услышите, обещаю вам». — «Да я и не слышал. Может же так быть — померещилось...»

Симоняну в роли начальника сборной СССР работалось с Лобановским очень легко. Лобановский собеседника не перебивал, не подавлял, своего мнения не навязывал; каждый мог аргументированно отстаивать свою позицию. Переубедить его можно было, только предъявив абсолютно доказательные контраргументы. Точку при принятии решений ставил, понятно, Лобановский, но обсуждение было коллегиальным и проходило, случалось, на тонах, к повышенным приближавшихся.

Борис Воскресенский, известный украинский футбольный функционер, одно время вице-президент Федерации футбола, как-то сказал, что Лобановский «никогда не хотел видеть рядом с собой сильных, равных ему по характеру людей. Не терпел возражений. Держал возле себя исполнителей, которые делали то, что им говорят».

Но равных ему по характеру людей в отечественном футболе не было, а если бы и были, то они ни при каких обстоятельствах не работали бы с Лобановским ни в киевском «Динамо», ни в сборной — у них непременно был бы свой, самостоятельный путь. А вот сильные личности рядом с ним как раз были. И к ним он прислушивался. Но и эти сильные личности, после того как достигались договорённости «на берегу», выполняли всё, о чём договорились. Было бы, наверное, нелепым и даже глупым, если бы

после точки, поставленной Лобановским в результате коллективного обсуждения, кто-то из участников этого обсуждения стал бы гнуть при определении состава или во время установки на матч свою линию.

Спорили Лобановский с коллегами порой остро. Через четверть часа Лобановский, человек, по убеждению многих (в частности, Симоняна), «абсолютно незлопамятный», забывал все резкие слова, будто они и не были произнесены. Качество, надо сказать, для тренеров редкое. Некоторые даже выдающиеся тренеры совершенно не считались и не считаются с чужим мнением и расставались с помощниками с такой мотивировкой: у нас разные взгляды на футбол.

Лобановский же считал — хорошо, что разные. Различие во взглядах и мнениях стимулировало его к более глубокому изучению футбола, помогало, благодаря дискуссиям с коллегами, не останавливаться на пути постоянного постижения тонкостей игры, заставляло учиться.

Самым эмоциональным на «производственных посиделках» был Морозов. Лобановский выслушивал его, призывал иногда Юрия Андреевича «сбавить речевое напряжение», вызывал на собеседование игроков и лишь потом принимал окончательное решение.

Симонян соглашается с теми, кто считает Лобановского человеком по натуре весьма упрямым, никогда практически не соглашавшимся с чужой точкой зрения сразу. Важное уточнение — «сразу». После основательных обсуждений важных кадровых и тактических вопросов Лобановский ложился спать, а наутро, вспоминая Симонян, «всё переварив, говорил: будем делать то-то и то-то, но уже оформлял сказанное как своё окончательное решение, учитывая при этом многое из того, о чём накануне мы ему говорили — все вместе и порознь».

Перед важным матчем Лобановский должен был видеть всех своих игроков. Виктор Чанов как-то приехал на базу простуженным. Перед тренировкой Владимир Малюта докладывает Лобановскому: «Чанов заболел. Температура 39». — «Он ходит?» — «Ходит». — «Вот пусть и гуляет вокруг поля». И на игру Чанова Лобановский тогда поставил: «Уже 38? Я же говорил, что всё будет нормально».

Сергей Алейников в контрольном матче сборной травмировал большой палец на ноге. Утром сказал, что ему больно бить по мячу, нужна пауза в работе. Лобановский пожал плечами: «Хорошо. Будешь работать с Юрием Андреевичем. По специальной программе». Программа, к ужасу Алейникова, состояла из беговых серий. Сначала 100, потом 200, 300 и 400 метров. После короткой паузы — 400, 300, 200 и 100. По завершении серий Алейников помчался к Лобановскому и сообщил, что боль затихла и он

готов тренироваться вместе с командой.

В 70-е и 80-е годы Лобановский ездил из Кончи на «Динамо» с командой на матч дублёров. Подобные поездки практиковались не всегда. Лобановский чувствовал, перед какими играми стоило это сделать. Он понимал, что игроков основного состава матча резервистов интересуют постольку-поскольку. Ехали они на «Динамо» в основном для того, чтобы повидаться с близкими — жёнами, детьми, подругами. Как только становилось известно о поездке на дубль, у единственного телефона, установленного на первом этаже в Конча-Заспе рядом со входом в просмотровый зал, выстраивалась очередь.

Лобановский говорил игрокам, понимая, что конфликты между ними неизбежны — большой коллектив, состоящий из амбициозных в основном парней: «Я не прошу вас дружить семьями, не прошу собираться за пределами футбольного поля и ходить друг к другу в гости, хотя в идеале это было бы неплохо для сплочения коллектива. Но я прошу, чтобы вы, когда выйдете на игру, были единым целым и бились за себя, за партнёров, за команду».

Когда собирались — редко, к сожалению, из-за отсутствия времени — люди, которым Лобановский доверял, общение с которыми его радовало, он преображался, на глазах исчезал образ сухого, замкнутого, молчаливого человека, и появлялся человек весёлый, азартный, любящий пошутить и понимающий шутки других. «Он, — вспоминает Леонид Буряк, — знал много забавных случаев из жизни и всем этим по-доброму делился. Я никогда не слышал из его уст злой шутки как в адрес присутствующих, так и в адрес тех, кто отсутствовал. Если о ком-нибудь он отзывался, то только по-доброму, хорошо».

Подчас приходится слышать «рассказы-ужастики» о том, сколько мог выпить Лобановский. Меня рассказы эти попросту веселят. Во-первых, «достоверными сведениями» наперебой делятся только те, кто ни разу с Лобановским не выпивал и с кем он не стал бы выпивать ни при каких обстоятельствах. Во-вторых, никто, никогда и нигде ни разу не видел его не только пьяным, но и просто подвыпившим. И, наконец, дай бог каждому обладать такой высокой культурой питья, какой обладал Валерий Васильевич, предпочитавший хорошие сорта водок, а после того, как врачи порекомендовали ему из-за возникновения аритмии коньяк, — хорошие коньяки: «Наполеон», «Хеннеси», армянский. Он мог, если вдруг возникала экстремальная ситуация, «выдержать удар», никогда не теряя при этом ясность мысли, но старался таких ситуаций избегать, заранее просчитывая возможность их возникновения. Одна-другая (ну, может быть, третья)

порция коньяку в хорошей компании да за хорошей едой и приятной беседой — что может быть лучше?

Игроком Лобановский крепкие напитки себе не позволял, только шампанское. На тренерской позиции всё поменялось. К шампанскому он не прикасался, крепкими напитками время от времени стресс снимал. Только вечером — уговорить его пропустить по рюмочке за обедом, по словам Сабо, было невозможно.

Фантазировали, будто после Чернобыля, для того чтобы вывести из организма стронций, он — только вдумайтесь! — каждый вечер выпивал бутылку водки. Лобановскому только и оставалось, что смеяться над подобной чушью. После Чернобыля он, по совету специалистов, какое-то время употреблял хорошее красное вино и советовал, называя это «профилактическим мероприятием», то же самое делать другим. А после того как у него обнаружили аритмию, ему нельзя было пить. «Только иногда, — говорит дочь Лобановского Светлана, — папа мог позволить себе рюмку коньяку».

Застолья, основательные по времени, но редкие, поскольку времени никогда не было, с небольшим количеством алкоголя — крепкого (никаких вин-суррогатов), с разговорами-дискуссиями на самые разные темы, от обсуждения новой книжки Виктора Астафьева до разбора феномена голландской сборной; застолья моментальные, на ходу, с кратким обменом мнениями о происходящем в футбольной жизни — все они непременно завершались одним и тем же — придуманным поэтом Наумом Коржавиным тостом, всегда произносимым не без иронии: «За успех нашего безнадёжного дела!»

Был ли Лобановский суеверным человеком? Смотря что называть суевериями. Если, скажем, считать таковым с первых тренерских дней, ещё днепропетровских, заведённое правило — в клубном автобусе и в раздевалке должны находиться только тренеры, игроки, врач, массажист и администратор («Все производственные вопросы, — говорил Лобановский начальникам, — мы будем решать в кабинетах, а не здесь»), то это не проявление суеверия. Это — неукоснительное следование раз и навсегда заведённому порядку, ставшему привычным для всей команды укладу, соблюдение каких-то привычных ритуалов и традиций.

Все знали, например, что в день матча звонить Лобановскому нельзя было ни в коем случае. Перед игрой он отдавал очки Чубарову, а потом забирал их. На игру непременно надевал костюм, в котором был на первом победном матче сезона. В автобус заходил последним, всегда садился на одно и то же место — на первый ряд слева, сразу за водителем. В Киеве на

матч автобус неукоснительно должен был следовать одним и тем же маршрутом. Однажды по каким-то причинам улицу, в маршрут входившую, перекрыла машина автоинспекторов, милиционеры никого не пропускали. «Звоните, куда угодно, — сказал им Лобановский, — но мы должны ехать здесь». Стражи порядка куда-то позвонили, и автобусу было дано разрешение.

Последним выходил из раздевалки на игру. Отправляясь к тренерской скамейке, никогда не наступал на линии между беговыми дорожками и на стыки между тартановыми плитками.

В Киеве перед матчем всегда последним заходил в туалет раздевалки. Как-то — так вышло — после него заскочил вратарь Михайлов. Выиграли. «Миша, — попросил Лобановский перед следующим матчем, — и сегодня давай последним».

Но в том же «Днепре» Лобановский сразу попросил кладовщика Максима Ивановича изымать из поступавших комплектов формы футболки с номером «13» и никому из игроков их не выдавать.

Финальный турнир чемпионата Союза среди ФШМ проходил в 1957 году в Воронеже. Команды разместили в студенческих общежитиях. В каждой комнате — по пять-шесть человек. Украинские ребята обратили внимание на надутую, словно воздушный шарик, медицинскую перчатку, которую Валерий повесил над своей кроватью. «Чего это ты?» — спросили у него. «На фарт», — ответил Валерий. Он загадал: если не сдуется перчатка, киевская ФШМ турнир выиграет. После трёх побед подряд перчатка лопнула, последовал проигрыш грузинской команде. Но накануне решающего матча с ФШМ из Ленинграда — матча, в котором, собственно, всё и решалось, — Лобановский, по рассказу Сергея Богачека, собрал сохранившиеся обрывки перчатки, долго над ними колдовал, скрутил, наконец, из них несколько небольших резиновых шариков и повесил на то же место. Над чудачеством Лобановского ребята смеялись, подначивали его, но перестали делать это после того, как выиграли у ленинградцев со счётом 3:1 и стали победителями чемпионата страны.

«Все, — рассказывал Сергей Богачек, — молчат, ждут, что скажет Лобановский. А он ходит гоголем, на нас смотрит свысока, но тоже молча. Когда ехали в поезде домой и собрались в его купе, он не выдержал: “Ну что, деревня, перчатка-то была волшебная”. Все дружно расхохотались».

В своё время, в 70-е и 80-е годы, в день каждой домашней игры, Ада тщательно гладила ему костюм, рубашку. Григорий Спектор отправлял за одеждой машину. Всё было просчитано: сколько ехать от Конча-Заспы до улицы Суворова и обратно. Одежда доставлялась Лобановскому на базу к

двум часам. После обеда и отдыха он переодевался и ехал на игру. Однажды динамовский водитель Володя Якушко, опаздывая, столкнулся при въезде на территорию базы с машиной Колотова, разбил её вдребезги, но «фартовую» одежду доставил в срок.

Раздевалка перед матчем — святая святых. Перед самым выходом команды на поле Лобановский в наступавшей по его просьбе тишине — так обычно присаживаются на дорожку — смотрел на часы и, когда стрелка проходила седьмую секунду, хлопал в ладоши. Он считал, что после последних указаний необходимо выдержать паузу. Происходила концентрация внимания игроков, они сосредотачивались на поставленной задаче. Резкий хлопок выводил футболистов из этого состояния.

Глава 21

ТЕРРОР СРЕДЫ

Профессор Андрей Андреевич Золотов приводил мне слова композитора Георгия Васильевича Свиридова, с которым дружил: «Сейчас не те времена, чтобы правительство, репрессивные органы что-то сделали со мной. Сейчас я боюсь террора среды».

Лобановский в годы тренерства не раз и не два становился жертвой террора среды.

...Невыход киевлян осенью 2000 года в следующий раунд Лиги чемпионов возвели — удивительное дело: в Москве! — в ранг трагедии. Разумеется, ничего приятного для клуба и его болельщиков в том, что команда не продолжит борьбу во втором групповом турнире, не было. Но вряд ли стоило говорить в трагедийном тоне о команде, занятой постепенной внутренней перестройкой. Годом раньше за пределами Лиги после первого тура остались, к примеру, немецкие клубы «Байер» и «Боруссия», английский «Арсенал», голландский ПСВ, итальянский «Милан», турецкий «Галатасарай». Ну и что с того?

Бывшая советская правительственная газета «Известия» никак не могла избавиться от коммунистических замашек и привычно продолжала вмешиваться в дела профессионалов. Коэффициент некомпетентности у эссеистов, которые эпатажными выступлениями на спортивные темы пытались прежде всего вызвать интерес к собственным персонам, был довольно высок. Один из известинских авторов стал, например, объяснять киевскому «Динамо», как ему жить дальше, а его партнёр по газете — советовать руководителям украинской команды заменить Валерия Лобановского, приводя при этом список возможных преемников.

Публикация Игоря Порошина под названием «Трудно быть богом» особенно удивила. С чего это вдруг газета пытается, покопавшись в своих скуднейших запасах познаний о футболе и обзвонив нескольких киевских информаторов, вмешиваться в дела зарубежного клуба?

Возможно ли представить, например, чтобы футбольные журналисты общеполитической испанской газеты стали публиковать предложения руководству, скажем, голландского ПСВ по замене тренера? Или же итальянские репортёры, футболом живущие, принялись вдруг

«обрабатывать» президента норвежского «Русенборга» и советовать ему выбрать нового тренера из представленного ими списка?..

«Закат эпохи Валерия Лобановского», «проповедуемый Лобановским атлетичный, ориентированный на оборону футбол», «у руководства есть время подумать, как поступить с Лобановским» — ожившие в современных «Известиях» цитаты из советской прессы 70-х и 80-х годов, когда по указаниям партийных и спортивных властей футбольные идеи Лобановского, связанные с ведением игры и методами тренировочного процесса, объявлялись «вредными», конечно же, нелепы и смешны.

Благодаря киевскому «Динамо» Украина после возвращения Лобановского получила в Лиге чемпионов ещё одно место, а украинский футбол стал высоко котироваться на континенте.

Статистику обмануть сложно. После восьми сезонов Лиги чемпионов киевское «Динамо» в официальном справочнике УЕФА занимало десятое место среди всех чемпионов европейских государств, принимавших участие в Лиге. После всех же сезонов Кубка чемпионов и Лиги чемпионов (с 1955/56 по 1999/2000) киевский клуб находился на седьмом месте в таблице из 345 команд. Впереди «Динамо» находились «Реал», «Бавария», «Бенфика», «Ювентус», «Аякс» и «Милан».

Да, не преодолели в 2000 году первый этап. Для команды, к успехам которой привыкли в Европе и относились как к должному дома, — бесспорно, неудача. И вопрос лишь в том, чтобы аккуратно, без спешки разобраться в причинах этой неудачи. Заметно, например, что ряд игроков киевского «Динамо» исчерпали собственные резервы в психологическом плане: потеря мотивации — не финансовой (с этим проблем в киевском клубе не было), а игровой, что вызвано желанием побыстрее отправиться в западноевропейские команды. Некоторых футболистов необоснованно возвели в ранг «звёзд», они в это поверили, стали думать только о себе, резко опустив планку критической самооценки.

Разумеется, отъезды на Запад Шевченко, Лужного, Реброва — высококлассных исполнителей «оркестра Лобановского» — не могли не сказаться на результатах киевского «Динамо», но с потерями лучших игроков ничего поделать нельзя — не крепостное право. Не стоит, кроме того, забывать и о таких «мелочах» футбольной жизни, как накопление усталости и высочайшие нагрузки, выпавшие на долю ведущих динамовских игроков.

Французский тренер лондонского «Арсенала» Арсен Венгер считает, что для клуба, участвующего в Лиге чемпионов, необходимы как минимум 20 футболистов высокого класса. Но вряд ли команды, представляющие

страны Восточной Европы, в состоянии приобретать и содержать по 20 высококлассных игроков. Сила киевского «Динамо» при Лобановском в том и заключалась, что эта команда — «команда-звезда», а не команда «звёзд».

Затеянная Лобановским перестройка, которая не могла этот клуб миновать (без неё, к слову, вряд ли можно было бы обойтись и в случае выхода «Динамо» во второй круг), была направлена на восстановление мощи, которую за последние годы прочувствовали на себе лучшие европейские клубы, «команды-звёзды».

Летом 1986 года на заключительной перед отъездом сборной СССР в Мексику пресс-конференции Лобановский поставил на место очень известного комментатора, из бывших футболистов. Тот в переполненном зале на базе в Новогорске встал и сказал: «А вы знаете, Валерий Васильевич, вам всё-таки надо Бессонова поставить вперёд. Так будет, по-моему, лучше». — «Комментатор вы, конечно, хороший, — спокойно ответил Лобановский, — но если вы сделаете хоть одну команду в какой-нибудь деревне чемпионом этой деревни, тогда мы с вами и поговорим, кого и куда мне ставить».

Конечно, это раздражало. Не могло не раздражать и не вызывать желания «лягнуть» Лобановского — при случае и без того — побольнее. Самому или с группой коллег.

При мощно развитой у него самокритике Лобановский не мог, к сожалению, отстранённо поглядывать на «знатоков», бесновавшихся во все годы его пребывания в футболе. Он повторял время от времени эпиграмму Валентина Гафта — ответ на выпады театральной критики, не менее агрессивной, злой, беспощадной и некомпетентной, нежели критика футбольная:

Как столб относится к собакам,
Так отношусь я к критикам-писакам.

Эльдар Рязанов рассказывал, что давно понял: самовыражение для критиков — важнее сути. Он скептически относился и к тем, кто хвалил. «Иногда, — говорил, — такие идиоты расточают комплименты, что хочется провалиться сквозь землю от стыда». Кинорежиссёр сформулировал единственный для себя критерий в отношениях с критиками: «Они должны быть умнее меня или хотя бы на равных. Если человек не знает столько,

сколько я, не понимает того, что понимаю я, зачем мне его слушать? Я не могу всерьёз воспринимать комариные укусы газет, да и пасовать перед нынешней невежественной братией мне совсем не к лицу».

Своё мнение по поводу статьи «Трудно быть богом» высказал и тогдашний президент Федерации футбола Украины Григорий Суркис: «Признаться, после рокового для нашего клуба поражения в киевском матче с ПСВ (речь о матче, состоявшемся в Киеве 24 октября 2000 года, когда «Динамо» проиграло голландцам со счётом 0:1. — А. Г.) я несколько дней искал повод сказать Лобановскому, что считаю его выдающимся тренером и не намерен отказываться от сотрудничества с ним до тех пор, пока он сам не пожелает расторгнуть контракт. Надеюсь, деликатность момента достаточно понятна, чтобы я мог обойтись без пространных объяснений, почему мне не хотелось обращаться к Валерию Васильевичу с таким экспрессивным текстом на фоне рутины будней. Моя искренность могла утонуть в напыщенности, это смахивало бы на проявление жалости. Явно требовались какие-то другие декорации».

Сергей Полховский, работавший тогда в «Динамо» пресс-атташе, считает, что в глубине души Лобановский соглашался с комментариями Порошина, «но не мог позволить себе показать это на людях». Ну, конечно, соглашался, как же!.. С тем, например, что победа киевского «Динамо» в рамках второго группового турнира Лиги чемпионов в Тронхейме над «Русенборгом» (8 марта 2000 года, 2:1) была названа «халявой»?! Именно таким был заголовок «аналитической» статьи в «Известиях», в которой автор сообщил, в частности, что «для описания того, как повезло киевскому “Динамо” в снежном Тронхейме, в русском языке есть единственное подходящее, хотя и довольно грубое слово — халява». Порошин, по мнению Полховского, «с щемящей болью писал репортажи о последних матчах Лобановского». Но автор «Известий» — всего лишь любующийся собой графоман. «“Динамо” играло так, — написал он, например, о кубковом матче динамовцев с «Шахтёром», — словно представляло древнюю, изощрённую, усталую культуру, обречённую на гибель в столкновении с другой, молодой, исполненной силы и варварски здоровой».

Лобановский при жизни регулярно подвергался нападкам. Близкие и друзья не раз просили его не принимать поступки потерявших совесть дилетантов близко к сердцу и не реагировать на них. Лобановский, ко всему относившийся серьёзно, не мог заставить себя не реагировать на сказанные и написанные о нём и о его команде глупости, грубости, на размышления случайных людей, ничего не понимающих в игре, о футболе,

о командах, им тренируемых. Очень редко он делал это публично. Когда совсем уж «доставали». Но всегда — переживал в себе. Негодяи, как расплодившиеся возле футбольного поля тараканы с ущербным желанием видеть своё имя рядом с именами великих тренеров и спортсменов, бесспорно, способствовали сокращению отпуска Мастера срока.

Не оставили Лобановского в покое и после его кончины. Всё тот же приткий и не обременённый даже остатками совести представитель «молодой, резвящейся журналистики» вновь оскорбил Лобановского — на сей раз в развлекательном «мужском» журнале.

Вернувшись из Кувейта, Лобановский с удивлением обнаружил, что некоторые киевские журналисты смотрят футбол по ТВ, а потом пишут «аналитические» материалы, в которых в пух и прах разносят команды, игроков, тренеров. Ему вспомнилось, как однажды группа советских специалистов (и Лобановский, тогда ещё молодой тренер днепропетровского «Днепра», в их числе) отправилась на чемпионат мира в Мексику. Специалисты базировались в Мехико, смотрели проводившиеся там встречи «вживую», а остальные — по телевизору. Ездить в другие города не могли: смета не позволяла. Пытались что-то рассмотреть по маленькому гостиничному телевизору, выставленному внизу.

В разгар слишком бурного обмена мнениями, вызванного очередным просмотром матча по телевизору, Борис Андреевич Аркадьев, умнейший интеллигентный человек, гениальный тренер, дождался паузы и произнёс: «Молодые люди, остыньте. Какое вы имеете право судить о том, что происходит на поле, глядя в этот маленький экран. Вы же профессиональные тренеры. Как же вы можете опускаться до уровня любителей, болельщиков и, не видя ничего, рассуждать. Вам показывают лишь мяч и не показывают то, что за кадром. А ведь главное в футболе происходит там, где мяча *нет*». Эта гениальная фраза Лобановскому запомнилась на всю жизнь.

«К критике, — говорил он, — можно относиться по-разному. Моя позиция по этому вопросу выработана давно, я считаю, что критиковать не только можно, но и нужно. И если критика конструктивна, если в ней есть какие-то разумные начала, то она идёт только на пользу критикуемым. К сожалению, встречаются ещё голословные утверждения, базирующиеся прежде всего на абсолютном незнании сути дела, на всевозможных слухах и домыслах, на дилетантском подходе к предмету, на нежелании объективно разобраться в процессе под названием “футбольная игра”.

Причём относится это не только к болельщикам — их дилетантизм в большой степени оправдан, но и к журналистам, а уж они-то профессией

призваны докапываться до истины и доносить её до миллионов людей, приходящих на стадионы, воспитывать любителей футбола, разъяснять им тонкости игры и моменты, связанные с современным её развитием. Для того чтобы это делать, нужно знать.

В одном из писем Чехова есть такая, возможно чисто ироническая, фраза: “Я знаю, что Шекспир писал лучше Златовратского, но объяснить почему — не могу”.

Дело серьёзных критиков — объяснять.

Полностью согласен со своим уважаемым коллегой Константином Ивановичем Бесковым, который через день после того, как “Спартак” в 1987 году стал чемпионом, сказал в одном из интервью: “Можно критиковать игру, и я далеко не всегда ею доволен, и далеко не каждый выигрыш улучшает мне настроение. Но беспардонно вмешиваться в мою работу... И хотя за годы тренерской работы я ко всему вроде привык, мне странно видеть в команде, возле команды людей, предрекающих нам провал, готовых, стоит нам чуть оступиться, камня на камне не оставить от построенного нами таким тяжким трудом”».

«Мы, — говорит один из главных, наверное, в новейшие времена хулителей Лобановского киевский журналист Артем Франков, — не могли вести себя иначе (по отношению к Лобановскому! — А. Г.), не могли воспринимать всё, как есть! Лобановский сам, своими победами поднял планку требований к себе и своим командам на недостижимую для большинства высоту. И если он эту высоту не брал, мы принимались его покусывать. Он переживал, порой искренне обижался».

Планка Лобановским поднята не победами, а всей его жизнью в футболе. Его памятное «мы с пониманием относимся к вашему непониманию» — не форма защиты, а констатация уровня «оппонентов», хорошо освоившихся в околофутбольной жизни, но ничего не смыслящих собственно в футболе и не желающих учиться, понимать, благодаря учёбе, процессы, с игрой связанные.

Франков, как он сам говорит, «глубоко убеждён» (любопытно бы знать, на чём основывается его убеждение?), что «все эти неприятности» были для Лобановского «не более значимы, чем укусы комариной стаи для слона на водопое». Сказать так — совершенно не знать, какие раны наносили Лобановскому «укусы» воинствующих дилетантов. «Сильное потрясение, — рассказывает Игорь Суркис, — вызвал у Лобановского стыковой матч со сборной Германии. Это был очень тяжёлый период в жизни тренера. Ему трудно было смириться с огульным неприятием, с перечёркиванием всего, что было сделано». «Если бы хоть критика была профессиональной!» —

сокрушался тогда Лобановский.

В непрофессионализме, огульности и перечёркивании всё дело.

Почему же у Франкова «мы», а не «я»? И не «покусывал» он, а старался побольнее «лягнуть», будучи прекрасно осведомлённым об абсолютном неприятии Лобановским несправедливости, измышлений, некомпетентности суждений, лжи, о его ранимости, степень которой после возвращения из Кувейта — с возрастом, сопровождаемым вспышками болезней, — существенно возросла.

Насчёт «лягнуть» вовсе не утрирую. Именно так. Двигали Франковым — он сам в этом признается — «осознание равенства и даже панибратства: мол, мы-то с вами знаем, что старик может и не прав оказаться», а также «максимализм молодости», когда «тебе по плечу любые премудрости, а авторитеты... Да что они — на дрова и в печку!».

«Максимализм молодости...» В год возвращения Лобановского из Кувейта Франкову, главному редактору украинского еженедельника «Футбол», выпускнику радиوفизического факультета Харьковского университета и Харьковской военной инженерной радиотехнической академии ПВО (какого специалиста приобрёл украинский футбол!), было 27 лет, а в 2001 году, когда сдерживающие центры у него совсем «полетели» и он даже слова, клеймя Лобановского, перестал подбирать, — 31 год. Ничего себе — молодость!..

После 1:4 от Германии, говорит Франков, «не мне одному все заслуги Лобановского показались прошлыми, а Лобановский — мягко говоря, устаревшим».

Авторитет Лобановского? Да на дрова его — в печку! Кто он такой, этот Лобановский, что он сделал для футбола?.. И ссылка «не мне одному» — не работает. Потому что — кому-то ещё, кто подсказал заботливо — «не стесняйся, в печку его, устаревшего!..».

«Когда я в 97-м году, — рассказывает Франков, — совершенно случайно пришёл в “Футбол” и сразу на должность и. о. главреда, сказал себе, что не большой я специалист в футболе, никогда им не буду, потому что не играл, не тренировал и т. д., истинно глубинного понимания процесса у меня тоже никогда не будет (правда, не факт, что оно и надо), а потому я должен разговаривать с читателями на их языке, одновременно пытаюсь как-то приподнять их уровень — благо по определению чуть более сведущ, нежели среднестатистический болельщик. Вот этим и занимаюсь».

Бить наотмашь по Лобановскому, благодаря которому украинский футбол вообще и киевское «Динамо» в частности заняли достойное место в системе европейских футбольных координат, означает, по Франкову,

«разговор с читателями на их языке», свидетельствует о попытке «приподнять их уровень»?.. Несложно было, и близко даже не приближаясь к пониманию процесса, выполнять пожелания со стороны по систематическому уничтожению Лобановского.

«Валерий Лобановский, — говорит выпускник ещё одного вуза — Московского института радиотехники, электроники и автоматики, продюсер мюзикла «Метро», многолетний исполнительный директор теннисного турнира «Кубок Кремля» Александр Вайнштейн, — своей работой доказал, что он, бесспорно, — тренер первого ряда за всю историю советского футбола. Но правда, на мой взгляд, заключается также и в другом. Если оценивать не только то, что он выиграл, а то, на что был способен по своему потенциалу и возможностям тех команд, которыми руководил, полагаю, реализовано им было хорошо если процентов на пятьдесят, не больше». Когда-то именно Вайнштейну Константин Иванович Бесков сказал: «Футбольный тренер — совершенно особая профессия, и журналисты в ней разбираются слабо». И почему 50 процентов, а не 30 или не 70? Впрочем, выпускнику такого вуза, как и радиофизику-радиотехнику Франкову, виднее — подсчитал без калькулятора...

Франков, если заняться градацией, по части прямых издевательств над Лобановским — не спонтанных, а хорошо продуманных и тщательно подготовленных, делит первое место с ещё одним киевским журналистом — Николаем Несенюком. Несенюк сам себя запрограммировал на нанесение постоянных ударов по Лобановскому — по поводу и без оного. Вовсе не исключено, что оба получали «заказы» на тексты, не дававшие бы Лобановскому «скучать». Так, во всяком случае, оценивают их выпады против Лобановского киевские коллеги.

И после смерти Лобановского — тринадцать лет спустя — тот же Несенюк, получив, стоит заметить, должность главного редактора журнала «Динамо-Киев», то есть место в клубной структуре, продолжает рассказывать сказки о команде, доходившей до полуфинала Лиги чемпионов и бывшей и «Барселону», и «Реал». Потому, дескать, что клубы эти пребывали тогда в состоянии кризиса. А те, у кого кризиса не наблюдалось, команду Лобановского обыгрывали.

Вообще-то в клуб Несенюка взяли на работу в 2000 году. Лобановский признавался мне, что это его, мягко говоря, удивило: тренера возмущала целенаправленная травля Несенюком команды. Потом Несенюк стал подниматься по клубной лестнице.

«Когда Николая Ивановича Несенюка, — вспоминает вице-президент «Динамо» Алексей Семененко, — президент клуба назначал директором

департамента (по работе со СМИ и болельщиками. — А. Г.), он позвал меня к себе в кабинет и попросил, чтобы я поддерживал Николая в его работе. Я согласился. Но при этом сказал, что те публикации, которые выходили в различных изданиях за подписью Николая примерно с 1993 по 2000 год относительно сначала Григория Суркиса, затем Валерия Лобановского, Андрея Шевченко и других динамовцев, навсегда оставили зарубки в моём сердце и от них уже не избавиться».

Надо сказать, попытки принизить успехи «Динамо» неважным, будто бы, состоянием соперников — не новость. И в 1975 году после выигрыша Кубка кубков и Суперкубка Европы, после побед сборной СССР, в форме которой играли по девять—одиннадцать киевских динамовцев, писали: «Приятно, конечно, что киевляне “разделали” “Баварию”, однако эта команда была не в лучшей форме, а вот интересно было бы увидеть наших лидеров в игре с “Боруссией”, а нашу сборную — в матчах с голландцами или англичанами...» (Лев Лебедев в еженедельнике «Футбол-хоккей»).

За несколько дней до того, как киевляне в июне 1977 года обыграли на своём поле в матче чемпионата страны ЦСКА со счётом 4:0, в «Правде» в футбольном обзоре Валерий Винокуров назвал «Динамо» командой, которая «плохо подготовилась к сезону». Формулировка не только на тот момент не выглядела веской, но и вообще была притянута за уши.

Могла ли команда, не готовившаяся к сезону (а только не готовясь можно подготовиться плохо), продемонстрировав бойцовские качества, выиграть в марте (когда все остальные советские клубы пребывали в заключительной стадии раскочки перед чемпионатом страны) четвертьфинал Кубка европейских чемпионов у трёхкратного победителя этого турнира — мюнхенской «Баварии» и впервые в истории советского футбола выйти в полуфинал самого популярного в Европе соревнования? Стоит согласиться, наверное, что это не совсем одно и то же — выиграть официальный поединок у «Баварии» и, скажем, встречу 1/16 розыгрыша Кубка СССР, пусть даже на поле соперника, у команды второй лиги, что сделало московское «Динамо», в том самом обзоре в «Правде» удостоившееся от Винокурова похвалы.

Могла ли «неподготовленная» команда в полуфинале Кубка европейских чемпионов сражаться в апреле с «Боруссией», задававшей тогда тон в немецком футболе? И, наконец, «неподготовленный» клуб делегировал в сборную СССР шестерых игроков, которые, по словам старшего тренера команды Никиты Симоняна, сказанным на одном из совещаний, «даже находясь в состоянии психологического спада после поражения от “Боруссии”, были лучше остальных». С этой шестёркой в

составе сборная выиграла в Тбилиси отборочный матч чемпионата мира у венгров (2:0).

Примерно в таком порядке я изложил тогда в одной из своих статей аргументы в ответ на ремарку Винокурова по поводу «плохо подготовившейся к сезону» команды Лобановского и услышал от него при встрече, что его обозрение в «Правде» получило высокую оценку не от кого-нибудь, а от самого секретаря ЦК КПСС Михаила Зимянина. Мне только и оставалось поинтересоваться: а что по этому поводу думает товарищ Брежнев?..

На континенте ахнули, когда киевское «Динамо» с вернувшимся в команду Лобановским расправилось с ПСВ в групповом турнире Лиги чемпионов и разгромило, к изумлению всех непредвзято настроенных европейских футбольных наблюдателей, «Барселону». Дома тем временем заголосили «наблюдатели» местные. Голландцы, мол, киевское «Динамо» недооценили, а «Барса» вообще «не та», «такую» «Барселону» что уж не обыграть, любой сможет.

Не важно, что нельзя было не заметить (и непредвзятые наблюдатели, разумеется, заметили), как «Динамо» вчистую тактически переиграло в гостях «Эйндховен», которому не помог даже из кожи вон лезший норвежский арбитр Педерсен, обложивший в конце матча киевлян штрафными и тянувший с финальным свистком (дотянул, кстати, до третьего динамовского гола — на 94-й минуте).

Не важно, что «Барселона» и тогда задавала тон в одном из сильнейших в Европе национальных чемпионатов и после провала в киевском матче её игроки землю готовы были грызть — только бы взять реванш.

Местные «наблюдатели» всё, конечно, видели и понимали лучше, нежели тренер «Барселоны» той поры Луи ван Гал, назвавший «Динамо» «командой без слабых мест», и знаменитый французский специалист Ги Ру, заявивший после двух подряд разгромов «Барселоны»: «Триумф украинцев связан с возвращением Лобановского. В своё время он воспитал суперзвезду мирового калибра Олега Блохина, а теперь готовит новое поколение». Считалось, что в Киеве не было такого ярко выраженного лидера, каким в амстердамском «Аяксе» был Йохан Кройф. Именно эти команды, в которых не было прочной привязки каждого игрока к определённой позиции, сравнивали, потому что они — «Аякс» и киевское «Динамо» времён первого появления там Лобановского-тренера — виртуозно покоряли футбол в первой половине 70-х годов. И некоторые зарубежные эксперты объясняли отсутствие такого лидера в «Динамо»

...тоталитаризмом Советского государства. Лобановский, однако, считал, что в команде должно быть несколько лидеров, чем больше, тем лучше, и каждый из них, по образному выражению Джонатана Уилсона, мог стать лидером «пчелиного роя, в котором вожак внешне ничем не отличается от других пчёл, не бросается поэтому в глаза, но именно от него и только в каждый конкретный момент зависит траектория полёта роя».

«Нельзя говорить, что наши соперники по группе находились не на том будто бы уровне, забывая о “Динамо”, — реагировал Лобановский. — Давно заметил, что каждое наше поражение смакуется в газетах так, словно люди, занимающиеся, по их мнению, футбольной критикой, получают от процесса невероятное удовлетворение. Наши же победы преподносят под соусом “такой уж слабый соперник попался”. Этим людям футбол и смотреть не обязательно. 4:0 над “Барселоной” не устроили “знатоков”. Они написали, что “стоит киевлянам столкнуться с командой, которая играет тактически, как они, но с более высоким уровнем исполнителей, и они будут иметь серьёзные проблемы”. А далее перечисляются травмированные и дисквалифицированные игроки команды-соперника. Как будто у нас таковых нет! Чего больше в таких суждениях — невежества или желания досадить — судить не берусь».

То, что киевское «Динамо» обыгрывало при Лобановском только «слабаков», — не новость. Он над попытками принизить успех его команды поначалу смеялся. Потом старался не обращать на них никакого внимания. В конце жизни они стали его заметно огорчать.

Повелось так с первых дней пребывания в киевском «Динамо». Обыграли в финале Кубка СССР «Зарю» в (974 году — повезло, потому что «Заря» могла забить гол в конце основного времени при счёте 0:0, но не забила, а в дополнительное время предстала предельно уставшей.

«Зенит» был обыгран в Киеве с крупным счётом при высококлассной игре — так это «Зенит» пешком проходил весь матч.

На высоком уровне провели встречу с «Араратом» — «Арарат» не в форме.

Стали чемпионами? А взгляните на турнирный расклад и поймёте, что соперники «Динамо», «перебив» друг друга, сыграли в его пользу.

ПСВ прошли в 1975-м в полуфинале Кубка кубков? Да если бы голландцы при счёте 0:3 в киевском матче забили хотя бы один гол в динамовские ворота, они бы не пустили киевлян в финал.

Как только не пытались унижить Лобановского, довести до уровня плинтуса его профессиональные наработки, приписывая ему то, что и близко в природе не существовало.

«Науки в его “спортивной кибернетике” не больше, чем в трудах Трофима Лысенко или психотерапии Анатолия Кашпировского, — писал, например, Юрий Борисёнок в московском политическом еженедельнике «Профиль». — ...Он программировал команду на победу, как заводят часы на полвосьмого... Как-то промолвил по поводу так называемых договорных матчей: “Покупать — покупал, продавать — никогда!”». Автор похода приписал Лобановскому фразу, авторство которой на самом деле принадлежит тренировавшему днепропетровский «Днепр» Геннадию Жиздику. И звучала она иначе: «Купить мы можем, продать — нет».

В то время, когда весь футбольный мир с исключительной тщательностью и вниманием к каждой детали подходил к изучению новых методов ведения тренировочного процесса в киевском «Динамо», дома утверждали: «Систему Лобановского 1973—1990 годов можно смело называть тоталитарным футболом: такие эксперименты можно было проводить только с советскими людьми при советской власти». Или: «Личность для Лобановского — мусор... Он категорически не воспринял индивидуализм».

Это Лобановский-то не воспринимал индивидуальные проявления игроков? Он, наоборот, поощрял эти проявления, шедшие на пользу коллективной игре, украшавшие её и помогавшие приносить результат. В его командах — не в чьих-либо других — воспитаны сразу три обладателя «Золотого мяча», три лучших футболиста Европы — Блохин, Беланов и Шевченко (пусть и получил Андрей «Мяч», уже играя в составе «Милана», но всё равно при этом воздавал должное Лобановскому и сразу же привёз приз к памятнику Учителю).

«Никакой он (Лобановский), конечно, не “тренер-титан” и не “тренер столетия”, а обычный специалист, можно сказать, средней руки, — гнул свою линию Аркадий Галинский. — Можно сказать, он был гораздо хуже находившихся под его эгидой футболистов. При том созвездии игроков, которыми он ежесезонно располагал, выигрыш восьми чемпионатов страны — это мизер... Всё, что делалось в киевском “Динамо” в области тренировки, понижало индивидуальное мастерство игроков».

Уже в мае 1997 года, через пять месяцев после начала работы Лобановского с «Динамо», его, словно по команде «фас!», стали в Киеве обвинять в неумении готовить команду к решающим матчам. «Неужели, — вопрошал спортивный обозреватель телеканала УТ-1 Сергей Клопов, — кроме киевских динамовцев, функциональная подготовка которых оставляет желать лучшего, у нас нет других игроков?..» «Динамо» на тот момент лидировало в чемпионате Украины, опережая «Шахтёр» на 12

очков.

«Шахтёр» 15 ноября 2000 года сыграл вничью в Симферополе с «Таврией». В киевских и донецких газетах — обычные заголовки, предпосланные отчётам о матче. Но стоило только потерять очки киевскому «Динамо», как тут же — «шапки», заголовки с фамилией: «Осечка Лобановского», «Лобановский теряет очки», «Провал команды Лобановского»...

Лобановский пытался убедить себя в том, что стрелы язвительные выпущены были в него давно, а в новый киевский период это не стрелы, а «маленькие укусы». «Вы знаете, — говорил он на своей последней большой пресс-конференции 14 марта 2002 года, за два месяца до смерти, — сколько было выпущено стрел в своё время... Столько, что больше просто уже невозможно выпустить. Поэтому я нормально отношусь к этим вещам. Главное, чтобы стрелы не были направлены на футбол, — вот это самое страшное. А то, что критикуют, — так это нормально, критика должна быть всегда. Неинтересно было бы жить на свете, если бы не критиковали. Будет даже неинтересно работать.

Разумно критиковать, конечно, нужно, а когда разумная критика превращается в дилетантское критиканство, то это, конечно, неприятно. А в общем и целом я к этому подготовлен давно. Я не “железный”, но умею пропустить это через себя». Если бы...

На публике Лобановский держался, как всегда. Выглядел уверенным, строгим, чётким в суждениях. Знал цену слова. Круг с двумя станциями — «восхваление до небес» и «втаптывание в грязь» — за десятилетия тренерской карьеры проходил не раз и давно перестал удивляться тому, что на станциях этих заправляли одни и те же люди. Но и опыт десятилетий не помогал, когда в наспех сварганенных текстах в газетах и воробьями выпущенных телекомментаторами словах обнаруживал не злобу или стремление уязвить, а махровый дилетантизм. Публичная глупость расстраивала Лобановского, приводила его в состояние растерянности. Массовая вопиющая некомпетентность прессы — из постоянно угнетавших Лобановского обстоятельств. Футбольная безграмотность, исключительная поверхностность восприятия происходившего на поле, апломб, усугубленный относительной известностью (мелькание на телеэкране, регулярное появление фамилии на страницах популярных изданий), — база для «серьёзных» выводов людей, поражавших Лобановского катастрофической неосведомлённостью.

Лобановский не сомневался: даже если бы он все тренировки делал открытыми для прессы, уровень её оставался бы прежним. Знать

околофутбольную жизнь — по слухам, по догадкам, по обрывкам разговоров, по частичной информации, просочившейся из команды, — совсем не означает знать сам футбол. Это всё равно что повторять попугаем бесконечные актёрские байки, не видя спектаклей, не бывая на репетициях, не вникая в режиссёрский замысел, не читая, в конце концов, пьесы, и настаивать при этом на умении профессионально воспринимать театр и на праве публиковать не только рецензии, но и исследования о путях развития театра.

«Поразительно, на мой взгляд, — размышлял Лобановский, — следующее обстоятельство. Мы готовимся к матчу, входящему в сложную систему нашего пребывания в футболе. Тренируемся. Обсуждаем, как нам лучше построить игру в тактическом плане. При этом мы обладаем большим объёмом информации — по своим игрокам, по игрокам противостоящей нам команды, по массе других определяющих факторов. Проводим матч. Выигрываем его, играем вничью или проигрываем — не суть важно. Не в этом дело. И матч этот, навязывая своё мнение публике и специалистам, игру по каким-то причинам не видевшим, оценивают в массе своей дилетанты. Потрясающее несоответствие!

Они, не зная, как работала команда, чем вызваны те или иные перестановки, советуют производить замены на свой вкус, объясняют нам, как следует тренировать команду. Когда знакомлюсь с нелепыми и претенциозными рассуждениями так называемых футбольных журналистов, возникает желание дать один простой совет: возьмите команду, если вы всё так хорошо знаете, начните со второй лиги. И далее — вверх по ступенькам.

Говорят, что уровню развития футбола не соответствует судейство. Да, это так. Оно заметно отстаёт. Но ещё заметнее не соответствует и отстаёт, по-моему, пресса. Легче простого — сложить бессмысленный, если судить строго профессионально, текст на бумаге или наговорить его с экрана и ни за что при этом не отвечать. За слова свои, написанные или произнесённые, — не отвечать. Констатация результата, даже облачённая в красиво составленные предложения, убивающие пустотой, только констатацией и остаётся. Для этого достаточно двух строчек от информационных агентств».

Он не знал, что предпринять, сосредотачивался на прочитанном и услышанном, иногда заикливался на этом, да так, что ни о чём ином в течение вечера говорить порой не мог. Отвечать или не отвечать? Нет, конечно, советовали друзья. Не обращай внимания, перестань читать газеты и отключай звук при телетрансляциях.

Без прессы Лобановский себя не мыслил, потому что не мог жить без информации. Ежедневно прочитывал кипу газет. На крыше каждого из домов, где он жил, — в Киеве, за городом, на Кипре, — были установлены спутниковые тарелки. Даже в госпитале МВД, когда он там лежал, палата Лобановского была оборудована всем необходимым для получения привычных телесигналов.

В кипрскую квартиру Лобановских, когда удавалось выбраться на несколько дней подышать морским воздухом, в заведённое расписанием время приходили по факсу из клубной пресс-службы выжимки из газет, причём не только на футбольную тему, и статьи, заинтересовавшие Лобановского, пересылались ему целиком. Он планировал обучиться работе на компьютере и вникнуть в возможности Интернета.

«Появилось, — говорил Лобановский, — очень много мальчиков, которые совершенно случайно взяли в руки микрофон: им, наверное, просто нравится разговаривать — они словно бабочки-однодневки... Но на развитие футбола они не влияют, на восприятие — да...»

Но мальчики, случайно оказавшиеся у микрофона и радостно жонглирующие придуманными словами: «оборонцы», «обезмячить» (вот бы их «обезмикрофонить»...), — ладно. Лобановского удивляло, например, на каком невысоком уровне вёл репортажи Владимир Маслаченко. «Видно, считает, — говорил Лобановский, — что на фоне необразованной молодёжи он и в самом деле выглядит мэтром...»

«Я, — писал журналист Дэви Аркадьев в книге «Футбол Лобановского», опубликованной почти сразу после отъезда тренера в Эмираты, — твёрдо убеждён в том, что не вина, а беда Лобановского, человека, бесспорно, очень талантливого и одарённого, в том, что он, израсходовав много сил и здоровья, нервной энергии и интеллектуальных ресурсов, так и не стал великим тренером (хотя именно так нарекали его иные журналисты в пору преуспевания киевского “Динамо”»).

И не только «иные журналисты» — они-то как раз в последнюю очередь. И не только «в пору преуспевания» команды. Великим тренером Лобановского называли очень многие его западноевропейские коллеги и футбольные аналитики, руководствуясь не конъюнктурными соображениями (победами клуба или его неудачами), а только работой Лобановского, кардинальным образом изменившего подходы к ведению учебно-тренировочного процесса, задавшего новое направление, разработавшего совершенно иной подход к игре и внёсшего неоспоримый вклад в развитие мирового футбола.

Утверждая, что у Лобановского бывали «нередкие перебои,

перерастающие порой в дефицит», с «добротой, справедливостью и правдой», Д. Аркадьев говорит: «Давно известно, что нет подлинного величия там, где нет доброты, справедливости и правды» и задаётся вопросом: «Почему Лобановский, даже работая в комфортных условиях моральной поддержки высшего партийного и советского руководства Украины и располагая всем её футбольным потенциалом, пока не стал великим тренером и не создал “чудо-команду”, шагающую от победы к победе. Да и станет ли ещё? Создаст ли? Пожалуй, нет».

Любопытный, надо сказать, пассаж. На что же расходовал Лобановский силы, здоровье, нервную энергию и интеллектуальные ресурсы, если ему были созданы «комфортные условия моральной поддержки»? Да и все футбольные ресурсы республики были под рукой. Дефицит, оказывается, у него был с «добротой, справедливостью и правдой».

Вдогонку Лобановскому много чего тогда наговорили. И совершенно логично, что тот же Аркадьев после возвращения Лобановского с Востока, признаваясь в том, что «испытывает определённые угрызения совести за эти строки», сразу же стал говорить о том, что Лобановский «был на век впереди многих из тех, кому посчастливилось жить с ним в одно время».

Не нам судить о доброте, справедливости и правде Лобановского. Только — футболистам, с ним работавшим, и коллегам, находившимся рядом, в одном тренерском штабе. Их высказываний на сей счёт — не счесть. И никто из игроков и тренеров, за редчайшим исключением (например, обиженный Леоненко, так и не понявший, что он сам стал «кузнецом своего счастья»), ни на йоту не сомневается в доброте и справедливости Лобановского. Особенно — по прошествии времени.

С несправедливостью, как известно, либо сотрудничают, либо сражаются. Других вариантов нет. Лобановский сражался всегда. Даже в мелочах.

Однажды Лобановский вместе с Ошемковым возвращался из Австрии. Вместо Шереметьева самолёт — из-за непогоды — приземлился во Внукове. На таможне «трясли» русскую женщину, прилетевшую из Вены. У неё в багаже были видеодвойка (телевизор и видеопроигрыватель в одном корпусе) и видеоманитофон. Провозить по тогдашним правилам можно было что-то одно. Лобановский, видя эту картину, взял у плачущей женщины, у которой хотели что-то — одно из двух — отобрать, коробку с видеоманитофоном и сказал: «Таможню мы ещё не прошли. Так что пока находимся за границей. Женщина вот подумала и решила подарить мне этот видеоманитофон. Правда?» Та удивлённо посмотрела на Валерия

Васильевича и, сообразив, в чём дело, подтвердила: «Именно так». Потом, когда прошли таможеню, магнитофон ей, конечно, вернули, но пришлось ждать довольно долго: таможенники, раздосадованные тем, что внезапно «уплыло» что-то из видео, приступили к мести — отобрали у Лобановского набор сыров, который он вёз Свете — «для санитарного контроля» («Вы бы, — сказал им Лобановский, — свою колбасу и туалетную бумагу на контроль взяли»), и чистые видеокассеты — «для проверки: нет ли на них запрещённых для показа в СССР записей» (Лобановский только плечами пожал).

Лобановского в 70-е, 80-е и 90-е годы не критиковали даже, а уничтожали за тот футбол, в который в XXI веке играют все ведущие клубы и национальные сборные мира. В 70-е Лобановский заглянул в «завтра», а когда оно наступило, то обнаружилось всё то, о чём он и говорил: компактное расположение игроков на поле, и не просто расположение, а синхронное групповое передвижение в необходимых направлениях, диктуемых ходом матча; обязательное участие всех без исключения форвардов в оборонительных действиях — у Лобановского это делали и Блохин, и Беланов, и Ребров, и Шевченко; коллективный отбор мяча, к которому лучшие команды мира приступают в тот самый момент, когда теряют мяч — на каком бы участке поля это ни происходило.

Глава 22

ЛОБАНОВСКИЙ И ПРЕССА

Однажды Лобановский — вместе с репортёром, бравшим у него интервью, — фактически спас известного советского поэта Александра Ткаченко, в те времена, в 80-е годы, диссидентствовавшего. Об истории этой, включённой журналистом Гагиком Карапетяном в посвящённую Ткаченко книгу «Сердце, которое не сокращалось», поведал Николай Боднарук, один из немногих журналистов, которым Лобановский давал интервью, будучи спокоен, что его слов не переврут, не поставят всё с ног на голову и не заставят краснеть и оправдываться. Николай работал тогда в «Известиях», к спортивному отделу не имел никакого отношения, и его интервью с Лобановским газетные полосы, конечно же, украшали.

«В 1996 году, — рассказал Боднарук, — я короткое время работал первым замом главного редактора. По вечерам мы имели обыкновение спускаться на первый этаж в столовую, которая превращалась в бар, и за разговорами баловались пивком. В один из таких вечеров к нашему столу подошёл невысокий крепко сбитый мужчина. Кто-то тихо сказал, что это Александр Ткаченко, гендиректор русского ПЕН-центра. Поэт и прозаик, в прошлом диссидент, ныне — правозащитник. И профессиональный футболист, играл в командах высшей лиги — за “Таврию”, “Зенит” и “Локомотив”. Стали знакомиться.

Когда назвали моё имя, Ткаченко напрягся и переспросил: “Как-как имя-фамилия?” Я назвал. Он молча развернулся и направился к стойке бара. Люди за столом удивлённо переглядывались, не понимая, чем вызван этот демарш и как на него реагировать. Через несколько минут Ткаченко вернулся и со стуком поставил передо мной бутылку виски.

“Много лет назад, — сказал он, — я дал себе слово, что если когда-нибудь встречу человека с этим именем и фамилией, то поставлю ему бутылку. Виски устроит?”

Сижу, тупо уставившись на поэта, наслаждающегося мизансценой, жду продолжения спектакля.

“Когда-то ты меня спас”, — по-свойски, словно мы сто лет знакомы, продолжал Ткаченко.

“Ничего такого я не...”

“Спас, спас, просто не знаешь об этом, — перебил он. — История такая. Я в то время жил в Симферополе, и за меня всерьёз взялась гебуха. Дело шло к аресту, мне один болельщик-чекист об этом стукнул. Я уже готов был ко всему, но вдруг что-то где-то перевернулось. Иду утром по улице, навстречу знакомый обкомовский работник — весь сияет, руку жмёт, поздравляет. Вчера ещё чуть не ногами на меня топал, а сегодня желает успеха на поэтической ниве, а также — дружить. Я обалдел, думал, умом тронусь, не мог понять, с чего вдруг такой крутой разворот. Позже узнал: ‘Известия’ в тот день опубликовали интервью с Лобановским. Тогда он возглавлял сборную СССР, которая готовилась к чемпионату мира в Мексике, и был в большом почёте. Так вот мэтр сказал в интервью, что хорошему футболисту, кроме ног, нужны ещё и мозги, и в качестве примера назвал меня. Мол, когда-то был хороший футболист Ткаченко, а теперь есть хороший поэт Ткаченко... Две строчки! И всё! Что-то у них там щёлкнуло, и меня оставили в покое. Так что хотел ты того, не хотел, а спас меня своим интервью”.

Вот уж воистину никогда не угадаешь, как слово отзовется! Трудно сказать, что щёлкнуло в той ситуации. Вряд ли те, кто преследовал Ткаченко, рассупонились от похвал в его адрес от самого Лобановского. Скорее, местные партийные бонзы, уверенные, что в стране ничего просто так не происходит, приняли строчки в центральной газете за сигнал и на всякий случай решили тормознуть. Или же кто-то из болельщиков в лампах просто воспользовался случаем, вставил словечко — поди, угадай, что у наших вершителей судеб в голове?»

Ни Боднарук, ни Лобановский со стихами Ткаченко знакомы не были. Лобановский помнил, что был такой футболист, и знал, что есть такой поэт. Боднаруку же о Ткаченко, о том, как его «прессовали по полной программе», в редакционном буфете рассказал как-то спецкор газеты Эдуард Поляновский. Боднарук рассказ запомнил и, встретившись с Лобановским, предложил ему поддержать Ткаченко, попавшего в опалу. «Валерий Васильевич, — рассказывал Боднарук, — легко согласился и сказал истинную правду: футболисту, кроме ног, действительно нужны ещё и мозги, кто бы спорил. И привёл убедительный пример. Сказал и сказал, напечатали и забыли. И кто мог подумать, что слово Лобановского обладает такой страшной силой?»

С первых дней тренерской работы Лобановский с предельной тщательностью относился к публикациям интервью с ним. Анатолий Косый, днепропетровский журналист, работавший в заводской многотиражной газете, вспоминает своё первое интервью с начинающим

тренером. Осенью 1968 года они встретились в спорткомитете города (их познакомил приятель Косого, судья всесоюзной категории Анатолий Гладкий), проговорили минут сорок — совершенно рутинный разговор («Много ли, — говорит Косый, — может сказать начинающий тренер начинающему журналисту из многотиражки?») — и разошлись. Молодой репортёр был удивлён, когда 29-летний Лобановский, узнав номер телефона многотиражной газеты, позвонил, попросил прочитать текст уже подготовленного интервью и, выслушав, «завизировал» его. Первая собственная публикация Лобановского-тренера относится к Днепропетровску — в 1972 году в новогоднем номере воссозданной после длительного перерыва газете «Днепр вечерний» под заголовком «Экзамен на зрелость».

Руководители клуба настояли после возвращения Лобановского из Кувейта на его обязательных пресс-конференциях. Возражал он вяло, вынужден был согласиться, считаясь с мнением тех, от кого во многом зависит клубное благосостояние. Оговорил лишь право устанавливать собственную периодичность и не посещать сиюминутные послематчевые встречи с прессой.

Как ко всякому занятию, за которое он брался, к пресс-конференциям Лобановский относился чрезвычайно серьёзно, готовился к ним, проверял на предварительных собеседниках некоторые формулировки и не скрывал, что намерен воспитывать журналистов, заставлять их думать, воспринимать идеи современного футбола и доносить их до публики. Может быть, в душе и сомневаясь в полезности просветительской миссии, тем не менее приходил в зал и часа по два беседовал с репортёрами, вдалбливая в них, собственно, всякий раз одно и то же.

Пресс-атташе «Динамо» Алексей Семененко сидел рядом с ним и краешком глаза видел заготовки Лобановского — исписанные страницы: с подчёркиваниями и выносами отдельных фраз на поля.

Когда накапливалась информация, которой он хотел поделиться с журналистами, говорил Семененко: «Что-то мы давно с прессой не общались». Выбирали день, час, и динамовский зал для пресс-конференций, рассчитанный на 150 мест, заполнялся до отказа. Послушать Лобановского приходили не только репортёры, но и тренеры, работники клуба.

Такие встречи Лобановский любил. К ним можно было основательно подготовиться, высказать всё, что на данный момент хотелось высказать, вести обстоятельный разговор, не поглядывая на часы. Не любил он моментальных, на скорую руку пресс-конференций сразу после матчей. У

него не было под рукой необходимых для квалифицированного анализа и возможного обсуждения данных — распечаток игровой деятельности команды и каждого футболиста, а отделяться стандартными фразами он не умел и не хотел. Такие — по горячим следам — пресс-конференции его раздражали, и он старался по возможности посылать на них своих ассистентов.

Не меньше раздражали Лобановского поражавшие пустотой вопросы. От них он отмахивался, как от надоедливых мух. «Вы можете вспомнить, что вы сказали перед “Ньюкаслем” на установке? Главная ваша мысль?» — «Не могу. Каждый день приходится говорить. Не конспектирую». — «Ну а перед “Барселоной”? Всё ведь ещё свежо». — «Каждый день приходится говорить. Не только перед “Барселоной” и “Ньюкаслем”. Каждый день».

31 декабря 2000 года мы разговаривали с Лобановским, и он сказал мне, что его очень огорчила публикация в газете «Команда» интервью с ним за подписью Максим Максимов: «Он привёл на стадион какого-то человека, сказав, что тот в Москве пишет обо мне книгу. Пожалуйста, пусть пишет, но я говорить ничего не собираюсь». Какие-то вопросы они Лобановскому задали, на некоторые из них он ответил, но подчеркнул: это — не для публикации. И вдруг открывает 29 декабря «Команду» и с удивлением видит напечатанное интервью, в котором Максимов, помимо всего прочего, многое переврал, в частности — фразу Лобановского о тренерстве Блохина. «Очень высокий коэффициент недобросовестности, — сказал мне Лобановский. — С Линником же я почти три часа говорил, и он не позволил себе ничего подобного...»

Если Лобановский не хотел давать интервью, он его не давал. Когда был помоложе, просто говорил «нет» или «сейчас не время». После возвращения с Востока отказы обставлял иначе. Дмитрий Гордон из газеты «Бульвар» рассказывает: «Подошёл к нему после первой пресс-конференции, он: “Дима, здравствуй! ‘Бульвар’ читаю, мне все номера в Эмираты привозили...” Я: “Валерий Васильевич, так, может, интервью?” — “Обязательно. Обязательно”. И вот выходит в “Бульваре” революционное на тот момент интервью с Йожефом Сабо, который камня на камне не оставил от существовавшей системы футбола, раскритиковал её в пух и прах, всё своими именами назвал. Я подошёл к Лобановскому уже после этого: “Так как насчёт интервью?” — “Да ты понимаешь... — ответил Валерий Васильевич. — После Сабо теперь не могу. Он — главный тренер сборной, а я — клуба, он должен мне разрешить”. Я принял эту игру и обратился к нему через некоторое время: “Сабо разрешил”. Он: “Ну, хорошо. Вот ещё чуть-чуть, и сделаем”. Потом выходит интервью с

Блохиным, в котором он резко высказался: дескать, вторым у Лобановского не буду, только первым. И опять я слышу: “Ну, после Блохина даже не знаю, что и сказать... Разве что в конце сезона...” Подхожу в конце — Лобановский: “Так новый сезон начинается...” Я: “Ладно, спасибо, понял”. На этом мы расстались».

Лобановский тем не менее всегда старался входить в положение репортёра. Так было, например, с корреспондентом «Советского спорта» Александром Владыкиным, которого редакция в сентябре 1986 года командировала в Рейкьявик на отборочный матч чемпионата Европы со сборной Исландии. Лобановский, несмотря на порывистый ветер и холодный дождь, не стал отказываться от утренней пробежки (тогда он ещё бегал). Владыкин терпеливо ждал тренера, хотя врач Савелий Мышалов отговаривал его от интервью: «Может, в следующий раз поговорите, а то у Валерия Васильевича небольшая температура». Но Лобановский, узнав, что Владыкину через некоторое время передавать материал в газету и что он всё это время ждал его под дождём, согласился: «Поговорим по дороге, но потом возьмите у доктора что-нибудь согреться, а то простудитесь».

Лобановский никогда не звонил редакторам газет и не просил прислать на интервью того или иного журналиста.

От интервью он вообще старался отлынивать, но когда не удавалось сделать это, тренер с репортёром встречался и разговаривал — умно, как всегда, с тонким юмором, информативно и, разумеется, без крика. Алексей Семененко, всегда приезжавший с «Динамо» в Москву на «Кубок Содружества» и державший — по должности — «руку на пульсе» контактов Лобановского с прессой, лишь плечами пожимал недоумённо, когда ему на глаза попадались «интервью» с Лобановским, которых быть не могло, потому что их не было. «Лобановский, — рассказывает Семененко, — избегал контактов с назойливыми журналистами, отказывал в интервью девятерым из десяти». Некоторые левые «интервью» — короткие, оперативные. Другие, такие, к примеру, как в пилотном выпуске московского журнала «Профессионал», — объёмные, напичканные фразами Лобановского из интервью реальных, одобренные суждениями придуманными. Авторы подделок, которым Лобановский будто бы «тыкал», не удосуживались даже прояснить, хотя бы для себя, что тренер никогда к незнакомым и малознакомым ему людям не обращался на «ты».

Однажды он позвонил мне, и так совпало, что как раз в этот момент я читал опубликованное в свежем номере «Советского спорта» огромное — на две полосы — интервью с ним украинского автора. Лобановский был удивлён: он ни газете этой, ни автору, подпись которого стояла под

материалом, интервью не давал. Когда в Киеве стали разбираться, выяснилось, что парень то ли из Днепропетровска, то ли из Харькова решил удивить московское издание своим мастерством, обработал несколько старых интервью Лобановского, создал из них своё и отправил в газету. Хорошо ещё глупостей никаких Лобановскому не приписал, как это сделал автор в журнале «Профессионал».

Поначалу Лобановский не собирался реагировать на многочисленные, появившиеся словно по команде публикации, уничтожавшие команду, за исключительно короткий отрезок времени выигравшую у «Эйндховена», дважды разгромившую «Барселону» и добившуюся права играть в четвертьфинале Лиги чемпионов в компании с «Реалом», «Баварией», «Манчестер Юнайтед», «Монако», «Ювентусом», «Боруссией» и «Байером». Но потом подумал и понял, что был бы не прав по отношению прежде всего к футболистам, добившимся такого результата, если бы не вмешался.

«Вы знаете, что команда сейчас находится в отпуске, — обратился Лобановский к журналистам на специально созванной пресс-конференции. — Необходимо отдохнуть — за спиной напряжённый сезон. Вы знаете также, что перед уходом в отпуск мы практикуем индивидуальные беседы с игроками. Так вот, во время этих бесед многие футболисты отказывались уходить в отпуск, уезжать в тёплые страны до тех пор, пока не пообщаются с прессой и не зададут несколько вопросов по поводу подведения некоторых так называемых “итогах” выступления команды за год, по поводу оценок действий клуба вообще и игроков в частности. С трудом удалось уговорить их не аннулировать уже оплаченные туры. Миссию по уточнению неясностей я обещал им взять на себя».

У Лобановского сложилось впечатление, что далеко не все поняли иронические нотки, прозвучавшие в его вступительном слове. Только потом, спустя время, лица некоторых журналистов расплылись в улыбке, и они принялись перешёптываться друг с другом. «Первый вопрос, — сообщил Лобановский собравшимся, — игроки попросили меня задать вам такой: “А почему мы должны всех обыгрывать?” Почитали мы прессу после игры с “Ньюкаслем”. Разные были там мнения. Но так оно в принципе и должно быть — ведь мы пребываем на пути в демократическое общество. Видимо, поэтому можно писать всё что угодно. Например, кто с кем и где сидел рядом в самолёте — это ведь очень важно. Или какие кто пил напитки...

У каждого опубликованного материала — свой уровень. У подобного рода материалов — уровень низжайший. Одно дело, когда такие статьи

публикуются в бульварной прессе. В этом её предназначение. Она и существует только для того, чтобы сообщать определённой категории озабоченных читателей, кто с кем спит, как спит, в каких позах. Но когда речь идёт о серьёзных вещах, а я отношу футбол к вещам серьёзным, то надо искать возможность писать о футболе так, чтобы пропагандировать его. Мы удивляемся зачастую снижению интереса к игре со стороны публики, задаёмся порой вопросом, почему так мало зрителей на трибунах. Ответ прост: сплошной негатив в средствах массовой информации ничего футболу, кроме вреда, не приносит. Уж пользы-то не приносит точно.

Очень часто в разговорах о футболе я употребляю слово “мотивация”. Это очень объёмное слово. За ним ясно видится попытка подняться на качественно новый уровень. Именно *подняться*, а не стоять на месте, даже если место это довольно высокое. Это касается всех, причастных к футболу людей: руководителей, тренеров, игроков. И, конечно же, журналистов.

Тренер с мотивацией всегда будет пытаться обзавестись информацией о зарубежном футболе, о новинках в тактике, в системе подготовки, а не пользоваться лишь местными материалами, довольствуясь только своим накопленным опытом. Без мотивации тренеру не поспеть за эволюционными изменениями в футболе.

В том случае, если мотивация отсутствует у игроков и они не хотят стать лучше, то ни о каком положительном результате, повышении уровня, успехе и речи быть не может».

В рамках мотивационного поля, на взгляд Лобановского, должны работать и журналисты. Стараться, во всяком случае, не отставать от тренеров и игроков, тех, прежде всего, которые пытаются не только идти в ногу с эволюционными событиями в развитии футбольной игры, но и опережать их.

«Пресса, — не сомневался Лобановский, — в достаточной степени влияет на общественное мнение. Она, если исходить из этого, может влиять на слабовольных тренеров, оказывать воздействие на игроков, которым удобнее не расти, а лишь присутствовать в футболе. Но влиять она может только в том случае, если сама постоянно поднимается на новый качественный уровень в том, что касается понимания футбола. Поднимается, а не остаётся на позициях вчерашнего дня и пытается сделать вид, будто никаких эволюционных процессов в нашем любимом футболе не происходит.

У каждого своё мнение. Каждый может его отстаивать. Плюрализм. Но навязывать своё мнение миллионам людей... Я всегда, высказывая ту или иную мысль, оговариваюсь: “С моей точки зрения”, “На мой взгляд”, “По-

моему”, “Мне представляется”... Мне непонятно, почему так не поступают многие журналисты, отправляя сотням тысяч читателей свои безапелляционные порой, с очень высоким коэффициентом дилетантизма суждения о футбольных матчах».

На матч чемпионата СССР «Динамо» (Киев) — «Арарат» в августе 1973 года прилетел из ФРГ главный редактор одного из самых авторитетных в Европе еженедельников Карл-Хайнц Хайманн. Он приехал повидаться со своим давним другом, тренером «Арарата» Никитой Симоняном, с которым они были знакомы с 1964 года. Симонян, после того как они договорились о встрече, созвонился с Лобановским — они к тому времени уже были хорошо знакомы, регулярно общались по телефону — и сказал: «Если будешь в те дни в Киеве, присоединяйся к нам. Я тебя с ним познакомлю».

Ереванская команда разместилась в гостинице «Москва» — лучшей в то время в Киеве. Вечером 20 августа после матча, который, стоит заметить, «Арарат» проиграл (1:3), Хайманн поднялся в люкс Симоняна, поздоровался с ним и увидел поднявшегося из кресла высокого стройного парня. «Это Валерий Лобановский, — представил его Хайманну Симонян. — Он тренирует “Днепр”». Днём раньше днепропетровцы проводили встречу тура в Алма-Ате, выиграли в серии послематчевых пенальти, и Лобановский, прилетев на выходной в Киев, задержался ради знакомства с Хайманном. Был накрыт стол с местными и привезёнными из Еревана деликатесами и, конечно же, армянским коньяком.

«Как сейчас помню, — вспоминал Хайманн, — Валера сидел в углу номера. Никита нас познакомил. Лобановский тогда так высоко отозвался о моих статьях, что я даже не поинтересовался, как ему удаётся их читать, а просто покраснел. Мы быстро подружились. Когда он привозил в Руйт под Штутгарт “Динамо”, а потом сборную Кувейта под Нюрнберг, моя жена ворчала: “Опять Лобановский приехал, а значит, тебя вечером не будет все эти дни дома”». Лобановский, его ассистенты и Хайманн каждый вечер посиживали в ресторанчике, в меру выпивали и, разумеется, допоздна разговаривали.

К встрече с Хайманном, как и ко всем заранее запланированным встречам с незнакомыми людьми, Лобановский основательно подготовился. По его просьбе был сделан перевод нескольких последних материалов Хайманна. Лобановский их прочитал и легко, к месту, оперировал фактами и мыслями из хайманновских статей, чем изрядно удивил немецкого журналиста и даже несколько смутил его.

Киевский журналист Виталий Галинский, хорошо Хайманна знавший,

часто с ним во второй половине 70-х годов встречавшийся, а в 90-е годы работавший на «Киккер» из Киева, считает, что Лобановский и Хайманн познакомились поздней осенью 1973 года в канун первого матча 1/8 финала Кубка УЕФА «Динамо» — «Штутгарт», состоявшегося 27 ноября. Но это была уже их вторая встреча. Они увидели друг друга на предматчевой тренировке немецкой команды. Хайманн обратился к Лобановскому с просьбой подробнее рассказать для читателей «Киккера» о себе и о киевской команде. Лобановский, уже получивший к тому времени назначение на пост главного тренера «Динамо», но за играми своей новой команды наблюдавший с трибуны (так что матч со «Штутгарт» никак нельзя назвать динамовским дебютом 34-летнего тренера), действительно побывал на предматчевом занятии «Штутгарта» и детально затем поведал динамовцам об увиденном.

Во многом благодаря Хайманну киевское «Динамо» получило благоприятную прессу в Западной Европе ещё до того, как добилось первых успехов.

В 1964 году сорокалетний Хайманн занял кресло главного редактора журнала «Киккер» (тогда же он первый раз в качестве автора появился на страницах московского еженедельника «Футбол» в № 22 за 1964 год — как Карл Гейнц Гейман), превратив еженедельник местного значения в авторитетное в мировом футболе издание. «За более чем полувековую работу в футбольной журналистике, — рассказывал он, — я не встречал такого тренера и человека, как Валерий Лобановский. Это был умный, интеллигентный собеседник, располагавший к себе с первых минут разговора. Он жил своей работой 24 часа в сутки и не мыслил себя вне футбола. Валерий не только генерировал очень интересные идеи, но и умел воплощать их в жизнь. Если однажды он принимал решение, то переубедить его и навязать иной подход к проблеме, особенно в 70-е и 80-е годы, было бесполезной затеей. Лобановский был значительной личностью. Он никогда не держал на сердце зла. Поверьте, мне приходилось встречать на извилистой журналистской тропе немало великих игроков и тренеров, но общение с ними оставило в памяти разве что их профессиональный облик. Лобановский же запечатлелся в моём сердце. Я видел в нём выдающегося футбольного мыслителя и своего близкого друга. Ни с одним из тренеров Германии, Италии, Англии, Франции, Испании не сложились у меня такие тёплые многолетние отношения, как с Валерием. Всё объясняется просто: с ним можно было не соглашаться, но нельзя было не восхищаться им».

Лобановского, наряду с Хеннесом Вайсвайлером, немецкий журналист

относил к величайшим тренерам современности.

Карл-Хайнц Хайманн очень хорошо говорил по-русски. Язык выучил в плену, в который в двадцатилетнем возрасте попал на следующий день после окончания войны, 10 мая 1945 года. В плену провёл четыре года: под Рыбинском строил плотину, в Туле и Орле укладывал дороги. Первыми учителями русского языка стали водители грузовиков, а первыми узnanными словами, как несложно догадаться, — матерные. В Туле по субботам, имея свободный пропуск, он ходил на стадион, где проводились футбольные матчи, милиционеры его приветствовали: «Здравствуй, фриц!» — а рядовые болельщики угощали хлебом, салом, огурцами и наливали водку.

С лёгкой руки Михаила Комана, киевские динамовцы называли Хайманна «наш немец», чем Карл-Хайнц, хорошо знавший советский футбол и очень многих людей советского футбола, в частности Гавриила Качалина (Гавриил Дмитриевич говорил: «Вот если бы все советские газетчики так знали наш футбол, как Карл-Хайнц...»), Константина Бескова, Льва Яшина, Игоря Нетто, Виктора Понедельника, Валерия Воронина, Славу Метревели, Анатолия Коршунова, Нодара Ахалкаци, Гиви Чохели, страшно гордился.

С Лобановским Хайманн спорил постоянно, и в их спорах зачастую рождалась истина. Как-то раз на даче Лобановского в Козине между ними разгорелся такой ожесточённый спор, что каждый перестал слышать друг друга. Ада заняла сторону Хайманна и сказала: «Слава богу, Валеранька, что нашёлся хоть один человек, который может с тобой спорить...»

Однажды, впрочем, они крепко поссорились. Причина — статья Хайманна, в которой он критиковал Лобановского за перевод Бессонова сначала из нападения в полузащиту, а потом из полузащиты в защиту. Статья была написана по заказу «Советского спорта». Прочитав её, Лобановский позвонил Хайманну, пытался объяснить что-то об универсализме, Хайманн объяснения не принимал, настаивал на своём, Лобановский в сердцах сказал, что ничего Хайманн в футболе не смыслит, и повесил трубку.

Они не общались длительное время, но случай помог им встретиться и помириться. Хайманн из Франкфурта отправлялся в Лиссабон на матч Португалия — Германия. Два места рядом с ним в самолёте были свободны. Стюардесса привела двух пассажиров. Ими были Лобановский и Михаил Ошемков, летевшие в Лиссабон на разведку — сборная СССР играла в одной отборочной группе с португальцами. Первые минут двадцать полёта Лобановский молчал, разговаривали друг с другом только

Хайманн и Ошемков. Потом Ошемков по просьбе Лобановского подозвал стюардессу и попросил принести коньяк. Мир в полёте был восстановлен.

Лобановский видел в Бессонове прообраз универсала будущего. Перевод в оборону высветил дополнительные возможности игрока, амплуа которого — нападающий? полузащитник? защитник? — определить не удавалось никому. Высокий уровень при отборе мяча, эффективные подключения к атакам, качественные действия в обороне, умение дать точный пас, внезапно подключиться к развитию событий впереди и оказаться в их гуще.

В сентябре 2001 года, спустя 18 лет после той ссоры, Хайманн прилетал в Киев, и они виделись с Лобановским последний раз. Конечно же, посидели в ресторане «У мэтра», где за ними ухаживали владельцы заведения, дочь Лобановского Светлана и её муж Валерий. Конечно же, многое вспоминали. В том числе и ту историю. «Ну и кто был тогда прав? — Лобановский не мог не затронуть важную тему. — Сейчас универсальные футболисты такого класса, как Бессонов, стоят огромные деньги, они — нарасхват, за ними — будущее».

В роковом для Лобановского мае 2002 года, когда тренер оказался в запорожской больнице, Хайманну с информацией о его здоровье каждый день звонили Леонид Буряк, Владимир Веремеев, Виталий Галинский. Когда Хайманну сообщили о смерти Валерия, он испытал потрясение.

Глава 23

ДОГОВОРНЫЕ МАТЧИ И ОЧКИ ПО ПРИКАЗУ

После финала Кубка кубков в Базеле (14 мая 1975 года) и сверхнапряжённого официального матча с Ирландией (18 мая), против которой в форме советской сборной на поле вышли одиннадцать киевских динамовцев (двенадцатый — защитник Решко — появился во втором тайме), Лобановский и Базилевич предоставили команде два дня отдыха. Затем предстояло переключиться на чемпионат страны.

Первый во внутреннем турнире матч заметно уставшей физически и выхолащенной психологически команде предстояло сыграть во Львове с «Карпатами». 2:2, и спустя годы Стефан Решко назовёт этот матч «договорным». Как относиться к тому, что Львов, засевший на дне таблицы, попросил помощи у измочаленного на тот момент Киева, а измочаленный Киев на просьбу эту положительным образом среагировал? Тем более что перед отъездом во Львов динамовцев навестил не самый последний их куратор — заместитель председателя Совета министров Украины Владимир Семичастный и сказал, «тонко» намекая на «толстые» обстоятельства: «Это — наши львовские друзья, надо им помочь. Посмотрите, может, своих обижать не надо?»

К Семичастному, который обращался к команде не только от себя, но и, по всей вероятности, от Щербицкого, прислушались. «Но нам и самим, — говорит Стефан Решко, — после финала и матча с ирландцами надо было отдохнуть морально».

На мой взгляд, ничего в этих 2:2 предосудительного нет. Игру никто не покупал и не продавал. В букмекерской конторе на её результат ставок не делали, потому что их — контор этих — в СССР не было. Существовали, по слухам, подпольные тотализаторы, но их участники не могли воздействовать ни на команды в целом, ни на отдельных футболистов так, как воздействуют на них в XXI веке азиатские представители легальных и нелегальных контор, подкупая игроков.

Киевские динамовцы, насколько известно, никогда ни у кого очки не просили. Просили у них, да и то обычно в конце сезона, когда «Динамо» ничего уже не было нужно, а «просители» хотели либо спастись от вылета

из высшей лиги, либо подняться на более высокое место. Об одном из таких матчей рассказывает Вадим Евтушенко:

«Разговоры о таких подозрительных играх шли часто. Мы приехали в Кутаиси в ранге чемпионов СССР. Местный клуб висел над пропастью, и ему нужно было побеждать кровь из носу. В зоне риска находилось много команд — московское “Динамо”, “Кайрат”, “Нефтчи”, “Черноморец”. Тогда существовал лимит на ничьи. Кутаисский клуб его исчерпал, и в случае ничьей с нами команда не набирала ни одного очка. Нас настойчиво просили сдать матч, пригрозив, что в противном случае живыми из Грузии не выберемся. С другой стороны нам говорили, что в Киеве уже ожидают премиальные от других команд. На Лобановского давило московское “Динамо”. Игроки собрались, обсудили эту тему и пришли к единогласному решению — играть! Самое интересное, что поединок этот мы всё равно проиграли — 1:2. Проиграли честно. Через пару часов после игры мы должны были улетать рейсовым самолётом, который курсировал два раза в неделю. Но нам сообщили в раздевалке, что самолёт... улетел без нас. Я же вспомнил эпизод, случившийся в штрафной хозяев в конце матча, когда я пытался замкнуть передачу партнёра в падении головой. Промазал самым непостижимым образом, мяч пролетел в пяти сантиметрах от штанги. Даже не представляю, что было бы, если бы встреча завершилась со счётом 2:2! Из Кутаиси улетели мы только через три дня».

После игры во Львове в мае 1975 года «Динамо» проводило матч в Одессе против «Черноморца». В Одессе киевляне проиграли. Одесситы, рассказывают, просили ничью, но на этот раз динамовцы отказались (Семичастный, видимо, за Одессу не хлопотал...). Доминировали на протяжении всей встречи, однако пропустили в начале игры гол, оказавшийся единственным. И тут же клеймо — «договорняк». После поездки во Львов и Одессу в команду, которая только-только выиграла европейский Кубок и в майках сборной показала отличную игру, пришло письмо от болельщиков: «Назвать вас командой классной — стыдно. А за игру с “Черноморцем” абсолютно нельзя. Можно сравнить с дворовой командой. Зазнались, лодыри! Ленились бегать за мячом. Головокружение у вас получилось от зазнайства. Чем так играть, лучше не выходить на поле. Фу! Фу! Ещё раз фу! Позор!»

17 октября 1975 года «Динамо» проиграло в Ташкенте «Пахтакору» с ужасным для действующего чемпиона и обладателя европейского Кубка кубков и Суперкубка счётом 0:5. На следующий день, за субботним обедом, члены Политбюро ЦК компартии Украины только и говорили об этом поражении, называя его «позором».

«Хотя у меня и была с тренером прямая связь, — рассказывал тогдашний куратор киевского «Динамо», секретарь ЦК Яков Погребняк, — я впервые пригласил Лобановского через приёмную. Он зашёл слегка встревоженный, но не боязливо. Валерий Васильевич всегда отличался сдержанностью. В беседе выяснилось, что “Динамо” проиграло умышленно. Дело в том, что тогда “Пахтакор” тренировал Соловьёв, под руководством которого Лобановский начинал футбольную карьеру в киевском “Динамо”. Лобановский не мог допустить, чтобы команда его учителя вылетела из высшей лиги. И динамовцы особо не напрягались».

«Пахтакор» действительно тогда пребывал на грани вылета. И в итоге, к слову, вылетел. Но дело в том, что на момент матча с киевлянами тренировал ташкентскую команду Гавриил Дмитриевич Качалин, по ходу сезона заменивший заболевшего — инфаркт — Вячеслава Дмитриевича Соловьёва. Лобановский, вполне возможно, хотел поддержать серьёзно захворавшего учителя, но с таким счётом матчи поддержки не проигрывают. 0:1 от «Пахтакора» 29 июня того же года в Киеве, когда Соловьёв ещё сидел на тренерской лавочке, — да, это было похоже на помощь от уверенной в своих силах команды. Но 0:5?!

Яков Погребняк вполне мог за давностью лет спутать киевское поражение с ташкентским. Очевидно, именно после киевского Лобановский говорил ему об «учителе».

Вячеслав Кольцов, некогда выступавший за «Пахтакор» на вратарской позиции, а впоследствии проявивший себя в профессии футбольного селекционера, вспоминал спустя годы, что «в начале игры пахтакоровцы около двадцати минут не давали киевлянам даже прикоснуться к мячу. Вот такой темп навязали они гостям...».

Капитан ташкентской команды Михаил Ан рассказывал, что когда «Пахтакор» выиграл у киевского «Динамо» в 1975 году со счётом 5:0 во втором круге, перед матчем хозяева поля собрали восемь тысяч рублей. «Я, — говорил Ан, — лично возил деньги в гостиницу, где проживало “Динамо”. Киев категорически отказался. Не взяли они ни копейки. Я потом нашим ребятам деньги раздавал. Половину из восьми мы сами собрали, половину республика подбросила».

Не стоит, полагаю, забывать о двух весьма важных обстоятельствах, сопутствовавших ташкентскому матчу.

Во-первых, он состоялся через одиннадцать дней после динамовского триумфа в европейском Суперкубке и через пять дней после победы сборной СССР (с десятью киевлянами в составе) в отборочном матче чемпионата Европы в Швейцарии. Гости прилетели в Ташкент (а маршрут

их перелётов после выигрыша у «Баварии» был в течение полутора недель такой: Киев — Москва — Цюрих — Москва — Киев — Москва — Ташкент) в полуразобранном, мягко говоря, состоянии. Более того, и после «Пахтакора» киевское «Динамо» в двух следующих матчах чемпионата страны сумело взять всего лишь одно очко.

Во-вторых, в силу ряда причин в стартовом составе у «Динамо» произошли заметные изменения, на качество игры, несомненно, повлиявшие. Не было вратаря Рудакова, двух мобильных фланговых защитников Трошкина и Матвиенко, ключевых игроков середины поля Веремеева и Колотова.

Ни одно из этих обстоятельств, разумеется, 0:5 от вылетающей команды («Динамо» проиграло в чемпионате-75 четыре матча, два из них — «Пахтакору») киевский клуб не оправдывает, но оба тем не менее на характер игры воздействие оказали.

Не собираюсь оправдывать киевских динамовцев, игравших матчи, которые принято называть «договорными», то есть завершившимися с заранее обговорённым результатом. Не с конкретным счётом — а только результатом. Хотел бы лишь обратить внимание на следующий весьма важный момент. Матчей таких было мизерное количество. Это только молва приписывала киевскому «Динамо» невероятное число «левых» матчей, и на основании этих слухов выстраивались теории, объясняющие «нечестность» команды при достижении всех успехов и выигрыше всех титулов. И только на основании слухов, достоверность которых, разумеется, никто и никогда не проверял, Владимир Перетурин назвал Лобановского «отцом договорных матчей». Так, по всей вероятности, телекомментатору было велено называть. Перетурин, человек футбольный, конечно же, знал, что договорные матчи в советском футболе (и не только советском) игрались задолго до того, как Лобановский сам стал футболистом, а потом тренером, игрались и при Лобановском (и не только киевским «Динамо»), и после того, как Лобановский уехал на шесть лет на Восток, игрались в чемпионатах России, Украины и других стран. И — будут играть.

Огульное обвинение киевского «Динамо» в нечестности, в широкомасштабном участии команды в договорных матчах, навешивание на Лобановского ярлыков — на мой взгляд, составная часть кампании по дискредитации киевского клуба. За два почти десятилетия у «Динамо» — ничтожное количество встреч с заведомо известным исходом, не больше, чем у остальных команд, выступавших в чемпионате СССР. Но только на Киев раз за разом обрушивались с обвинениями в нечестной игре.

5 мая 1981 года в Киеве состоялся матч «Динамо» — ЦСКА. Армейский клуб тренировал тогда Олег Базилевич. К встрече этой динамовцы подошли в роли лидера, набрав 10 очков из 12 возможных. ЦСКА в таблице расположился рядышком — 9 очков, но из 14 возможных: армейцы провели на матч больше. Совершенно разумным, полагаю, с точки зрения турнирной стратегии был выбор Лобановского и Базилевича: максимально, пусть даже в ущерб зрелищности, обезопасить собственные ворота. ЦСКА при поражении получил бы заметное отставание от лидера, «Динамо» при проигрыше теряло лидирующие позиции. Обстановку перед матчем нагнетали. Всезнающая «молва» запустила слух о договорном характере предстоящей встречи, о том, что «руководители этих клубов договорились разойтись вничью» (руководители — это начальники из Украинского совета общества «Динамо» и Спорткомитета Министерства обороны СССР?). Когда встреча действительно завершилась вничью (0:0), против обоих тренеров выкатили «тяжёлую артиллерию»: матч стали разбирать на президиуме Федерации футбола СССР. Определение «договорный» обвинители не применяли, потому что это стало бы серьёзным обвинением, предъявленным официально, и потребовались бы доказательства сговора, которых, понятно, не было и в помине — одни эмоции. Ограничились выражениями «голый практицизм», «отказ от борьбы», «неуважение к зрителям».

«Володя, — как-то поинтересовался репортёр у Владимира Бессонова, — много на вашей памяти договорных матчей?» Бессонов, к удивлению журналиста, назвал игру киевского «Динамо» со «Спартак»», завершившуюся вничью. «Его можно назвать договорным?!» — воскликнул репортёр. «Наоборот, — сказал Бессонов, — про этот матч никто бы не сказал, что договорились. Зато любой ничейный результат с украинским клубом — ага, всё понятно... На поле идёт битва, но счёт 1:1, и тут же делаются выводы... А если “Динамо” победило на выезде, значит, местные сдали игру».

«Допустим, я уже чемпион страны, — рассуждает Олег Протасов, — решил свою задачу. А ты, к примеру, в последнем матче играешь против меня, и от того, как покажешь себя на поле, зависит дальнейшая судьба твоей команды. Ты из кожи вон лезешь, для тебя это вопрос жизни и смерти, а я, хоть меня убей, не смогу выложиться на все сто процентов. Я — чемпион, думаю уже об отпуске. И не хочу тебя топить, понимаешь? Человеческий фактор. Я не могу сказать, что отдал игре всё. Нет, не отдал. Потому что мне тебя жалко. Это договорный матч?..»

Футболистов, надо сказать, память иногда подводит. К приводимым

ими фактам следует подходить с известной долей осторожности. Стефан Решко, например, поведал о том, как киевское «Динамо» в 1977 году умышленно проиграло в Тбилиси местным одноклубникам со счётом 0:1 только для того, чтобы не пропустить «Спартак» в призёры. «Мы лишь однажды подарили два очка, — говорит Решко об этом матче. — Мы досрочно стали чемпионами СССР. Едем в Тбилиси, грузины нас встречают хлебом-солью и с вышитым рушником как национальных героев. С грузинами мы всегда жили хорошо. Им нужны были очки для бронзы как кровь из носа. Если не “Динамо” (Тбилиси), то московский “Спартак”. Мы посоветовались и решили подарить им победу, чтобы не пустить “Спартак” на пьедестал. Никто из начальства не знал об этом. Если бы узнали, то на игру поставили бы дубль. Выходим на тбилисский стадион “Локомотив”, 40 тысяч зрителей нам аплодируют и поздравляют с чемпионством. “Динамо” проигрывает со счётом 0:1, но показывает хороший футбол. Никто не догадался, что мы подарили грузинам победу. Подчёркиваю, мы подарили, а не продали матч за деньги».

Всё бы ничего, но вот незадача. «Спартак» в 1977 году играл в первой лиге и ни в какие призёры, понятно, не стремился. В Тбилиси киевское «Динамо» сыграло в том сезоне 0:0. Грузинская команда до самого конца чемпионата боролась не за «бронзу», а за «серебро», и в итоге его получила.

Когда киевляне в ранге чемпионов СССР проиграли в 1985 году два заключительных матча чемпионата в Тбилиси и Кутаиси и отправлялись на два коммерческих матча по мини-футболу в США, президиум Федерации футбола СССР, во-первых, «подверг острой критике руководителей команд, проводивших отдельные матчи на заключительном этапе чемпионата страны пассивно, без должной спортивной борьбы и ответственности перед зрителями», и, во-вторых, «выразил озабоченность степенью готовности киевского “Динамо” к зарубежным матчам».

«Всё понятно» было и задолго до матча «Динамо» (Киев) — ЦСКА. Причина очевидна — команды возглавляли друзья-единомышленники: обязательно договорятся! Заседание президиума Федерации можно было собирать до игры и обвинять тренеров в том, что они собираются договориться. Ведь все же об этом говорят!

Через год с небольшим, осенью 1982-го, Федерация футбола не стала почему-то разбирать два матча минского «Динамо» в московских манежах, после которых, выиграв у столичных одноклубников 7:0 и у «Спартака» 4:3, минчане стали чемпионами Советского Союза. Никто не скрывал тогда, и спустя годы всё это подтвердилось, что московские команды «Динамо» и

«Спартак», мягко говоря, «без должной спортивной борьбы» проиграли минскому клубу. «Динамо» — по ведомственной принадлежности, «Спартак» — из-за «любви к искусству»: только чтобы не Киев, который осенью 1976 года победой над москвичами посодействовал их вылету в первую лигу, стал чемпионом.

«Спартак» тогда, по словам бывшего спартаковского футболиста Александра Бубнова, «сдал игру в пик своего злейшему врагу, киевскому “Динамо”». «У Бескова, — говорит Бубнов, — была информация, что игроки помогли минчанам. И он постоянно об этом напоминал. Но здесь было хотя бы оправдание: помогли минчанам, чтобы Киев не стал чемпионом. В “Спартаке” они не боялись договариваться, потому что понимали, что в подобных случаях, как со СКА и Минском, Бесков закроет на всё глаза».

Глаза закрывал не только Бесков — деятели из Федерации футбола, с радостью набросившиеся из-за 0:0 на Лобановского и Базилевича, не стали ничего обсуждать ни после спланированной минской «феерии» в Москве («Чистой воды “искренний футбол”», — если вспомнить терминологию Эдуарда Малофеева!), ни после того, как «Спартак» в конце 1979 года обыграл в Ростове упомянутый Бубновым СКА. Бубнов, ссылаясь на защитника ростовского СКА Александра Андрющенко, рассказывает о том, как «Спартак» в 1979 году стал чемпионом: «Тогда ростовчане в последнем туре сдали ему матч со счётом 2:3. Бесков догадывался, что игроки между собой могут договориться. Сам он участия в этом не принимал. Но тогда ситуация сложилась так, что “Спартаку” во что бы то ни стало надо было победить, потому что в случае поражения его мог настичь “Шахтёр”».

Разбирать и обсуждать матчи — не проходные из седьмого тура только-только начавшегося чемпионата, каковым был привлёкший внимание «общественности» матч «Динамо» (Киев) — ЦСКА, — а повлиявшие на исход чемпионата, никто не стал и не собирался этого делать по той простой причине, что среди «фигурантов» не было Лобановского с его киевским «Динамо».

Не припомню, чтобы в те годы мелькало выражение «двойные стандарты», но подобная разница в подходах и есть «двойные стандарты». Более того, под них была подведена теоретическая база. Называя киевское «Динамо» «нечестной командой», Аркадий Галинский не отказывал себе в удовольствии делить договорные матчи на «неправедные» и «праведные». «Спартак» принимал минское «Динамо» в памятном матче под крышей манежа, в котором спартаковцы, можно сказать, не знали себе равных — они будто родились и выросли на бетоне, покрытом зелёной тряпкой (в ту

пору искусственных газонов новейших поколений не было и в помине). Развесёлый манежный футбол начался с того, что спартаковцы открыли счёт. Не прошло, однако, и сорока минут, как они пропустили четыре мяча. Потом спокойно забили два и поздравили минчан с чемпионством.

«Когда речь идёт о матче “Спартак” и минского “Динамо”, — говорил Галинский, — я совершенно не исключаю, что у спартаковцев могло возникнуть аналогичное (перед этим Аркадий Романович рассказывал о сочувствии футболистов сталинградского «Трактора» к ЦДКА в 1947 году, когда команда из Сталинграда на своём поле проиграла московским армейцам матч с нужным москвичам для победы в чемпионате счётом 0:5. — А. Г.) сочувствие к минчанам. Во-первых, из-за симпатии к их игре; во-вторых, из-за нелюбви к киевскому “Динамо” или, вернее, к той системе, которую олицетворяла эта команда».

«...Не было ли это прежде всего реакцией молодых ребят на несправедливости, существовавшие тогда в нашем футболе? — Владимир Степанов в книге «Спартак — 8 лучших лет моей жизни» идёт в рассуждениях о договорных матчах с минчанами и ростовчанами ещё дальше. — Когда киевляне априори имели ежегодный гандикап перед другими клубами и вся страна, в том числе и спартаковцы, в борьбе за чемпионство 1982 года, собственно, болели за минчан. И я уверен, что здесь больше был порыв души, чем пошлая корысть».

Стратегический расклад, сделанный Лобановским и Базилевичем в начальной стадии чемпионата, подвергается жёсткой обструкции («Нас, — говорил на заседании президиума Федерации Лев Филатов, — тревожит их сомнительная репутация. Оба ежегодно попадают в скандальную хронику. Высказываемые на совещании сомнительные идеи проявляются в игре команд, которыми они руководят»), а по сдаче матчей, результаты которых называли чемпионов страны, — полное молчание радетелей за чистоту футбола, в мощный бинокль рассматривавших соринку в киевском глазу и не замечавших бревно в глазу московском. «Сочувствие к минчанам», «нелюбовь к киевскому “Динамо”», «порыв души» — разве такие благородные позы «романтиков с большой дороги» подлежат обсуждению и осуждению?..

Константин Иванович Бесков, к слову, ещё в 1968 году на страницах «Советского спорта» говорил: «Я не могу привести точных фактов и доказательств, но впечатление складывается такое, что в конце сезона некоторые результаты матчей чемпионата были достигнуты благодаря “договорным” началам».

В условиях жесточайшего цейтнота — постоянные матчи и

тренировки, в сборной и клубе, перелёты-переезды, — заниматься восстановлением сил (просто — восстановлением, об отпуске нормальном и речи не было!) приходилось на ходу. «Это означает, — говорил Лобановский, — что с каждой конкретной командой мы будем играть по-разному. С одной на максимуме, с другой — на “достойном минимуме”».

«Класс команды, её мудрость как раз в том и состоит, что, играя со слабым соперником, она затрачивает лишь необходимое для сохранения статус-кво количество усилий. В высшей степени неразумно требовать от команды только шумных и убедительных побед. При таком подходе (такова уж, к сожалению, психология многих болельщиков и кое-каких руководителей команд) мы вознесём её до небес за две-три победы над второразрядными коллективами и сами же утопим после первой неудачи в ответственном матче».

Лобановский никогда не бросался случайными, спонтанными высказываниями. Это, датированное 1974 годом, то есть тем периодом, когда Лобановский и Базилевич фактически начали работать в киевском «Динамо», тоже хорошо продумано. Лобановский пытался «застолбить» право высококлассной команды, в состав которой входили не по два, как в XXI веке, примерно равноценных футболиста на одну позицию (если говорить о серьёзных клубах), а весьма ограниченное число игроков действительно высокого уровня, — на проходные матчи. Матчи, в которых можно было бы не выкладываться в полную силу, считая их своего рода дополнительными тренировочными занятиями, не заниматься бессмысленной работой в ситуации, когда вполне можно было обойтись, сыграв на классе, «малой кровью» и сохранить силы и свежесть для встреч, в которых без предъявления предельных усилий никак не обойтись.

«Динамо» время от времени и проводило, не выкладываясь полностью, подобные матчи. За кулисами их называли «договорными». Впрямую — «матчами, в которых отсутствовала спортивная борьба». В обоих случаях называли бездоказательно, поскольку никаких доказательств сговора — ни за кулисами, ни во время публичных разборов — предъявить не могли.

Так проводило ли киевское «Динамо» договорные матчи? Да, наверное, если считать договорными встречи, перед которыми хозяева поля, занимавшие не самое лучшее турнирное положение, обращались с просьбой к пребывавшим на завидном ходу динамовцам особенно не усердствовать и заведомо согласиться с ничейным исходом. Такого рода просьбы вполне вписывались в стратегию турнирного поведения «Динамо», и киевляне — не так часто, как могло казаться и казалось со

стороны — просьбам этим шли навстречу. И припоминают-то динамовцам — из публикации в публикацию — с дюжину подобного рода матчей. За шестнадцать-то лет!.. «Разве можно, — говорил Юрий Войнов, — упрекать команду, которая в воскресенье “дарит” на выезде ничью аутсайдеру, а в среду так выкладывается в матче в рамках еврокубкового турнира с грандом из Германии, что все только диву даются?»

Помимо решения задач стратегического свойства, трата минимума усилий, достаточных при этом для достижения необходимого в данный конкретный момент результата, позволяла Лобановскому держать под контролем такой важный фактор, особенно для команды с весьма ограниченным количеством высококвалифицированных игроков в составе (13—14: очень и очень мало для сезона внутреннего и международного), как баланс функционального состояния футболистов. На длинной дистанции сезона не так уж и легко распределять силы. Надо уметь делать это. Тот, кто умеет управлять усилиями, достоин уважения.

И ничего, на мой взгляд, страшного нет в том, что Блохин юбилейный свой гол — 200-й — забил в Харькове в ничейном (2:2) матче с «Металлистом» — матче, возведённом в разряд договорных. И в том также, что повеселили публику голами (3:3) футболисты ростовского СКА и киевского «Динамо», когда при счёте 2:2, обе стороны устраивавшем, вышедший на замену молодой ростовчанин Курятников, о задуманном не ведавший, вколотил потрясающий по красоте гол в киевские ворота, тут же получил взбучку от опытных партнёров, в следующем игровом эпизоде заваливших в своей штрафной ради немедленного пенальти Блохина. С кем-то следовало играть, как говорил Лобановский, «на максимуме», а с кем-то — «на достойном минимуме».

Выражение «выездная модель», будто бы объясняющее футбольную философию Лобановского, стало нарицательным. Таковым его сделали, не вникая в суть явления, безудержные критики Лобановского, никогда не принимавшие, не принимающие и не желающие принимать в будущем взгляды киевского тренера на футбол только потому, что взгляды эти — Лобановского. Выражением этим пугают «романтиков», пытаются объяснить отсутствие зрителей на трибунах стадионов, неудачи клубов и сборных: «Как они могут что-то выиграть, если взяли на вооружение пресловутую выездную модель Лобановского?»

Буряк смеётся над выражением «выездная модель», придуманным журналистами для характеристики игры киевского «Динамо» в гостевых матчах. «Не было никакой “выездной модели”, — говорит он. — Наши соперники не шли вперёд, хотели лишь одного — не проиграть. Мы

пытались их выманивать, катали мяч на своей половине поля. Наш рационализм был спровоцирован соперником».

«В понимании тренеров и футболистов киевского “Динамо” то, что некоторые журналисты называют “выездной моделью”, — объяснял Лобановский, — является всего лишь одним из многих способов ведения игры. Причём мы используем его не все полтора часа матча, а на отдельных временных отрезках. В зависимости от различных обстоятельств команда либо борется за пространство, перенося активные действия на половину поля соперника, либо отдаёт пространство сопернику, желая получить оперативный простор для скоростных атак, либо применяет попеременно оба варианта игры.

Во всех случаях преследуется одна цель — победить. Иначе ведь невозможно выиграть турнир. Но: какова цель матча — такова и модель игры.

Когда мы считаем, что успех в игре с конкретным соперником может быть обеспечен искусственным — нами предложенным! — созданием оперативного пространства для наших скоростников, и избираем соответствующий стратегический план на матч, нас называют рационалистами. Когда же киевское “Динамо”, играя подобным образом, добивается победы (как, например, в матче с венским “Рапидом” в четвертьфинале Кубка кубков весной 1986 года, окончившемся со счётом 4:1 на поле соперника), о “выездной модели” никто и не вспоминает».

Не стал бы пользоваться отговоркой: «А кто этим не занимался?» (как не вспомнить, например, о массе «стратегических результатов» на чемпионатах мира и Европы, в групповых турнирах Лиги чемпионов, таких как, скажем, победа ФРГ над Австрией в 1982 году в Хихоне с необходимым для обеих сборных счётом 1:0), потому что она уводит в сторону от главного. Главное же в том, что подавляющее большинство матчей, названных «договорными», является на самом деле не результатом сговора, а порождением стратегии. Плохая стратегия? Не знаю. Хорошая? Тоже не знаю. Но она была в футболе, как в любой другой игре, от карточной до бейсбольной, есть и будет. Тренер сборной Юпп Дерваль, к слову, отметил после Хихона: «Мы хотели всего лишь пройти в следующий этап, о футболе мы не думали», а ведущий игрок сборной ФРГ Лотар Маттеус сказал: «Мы прошли дальше. Только это имеет значение».

На чемпионат мира в Испанию сборная СССР попала, стоит напомнить, выиграв отборочный турнир в группе, в которой вместе с ней выступали команды Чехословакии и Уэльса. Последний отборочный матч советские футболисты проводили 29 ноября 1981 года в Братиславе против

сборной Чехословакии. Очки гостям уже не были нужны. Хозяевам же, для того чтобы получить путёвку на чемпионат мира, вполне хватало одного очка. Матч завершился вничью — 1:1 (на гол Олега Блохина, забитый на 14-й минуте, ответил на 35-й чехословацкий защитник Воячек), и Уэльс открыто обвинил Москву и Прагу в сговоре. Офицер КГБ Валерий Балясников, сопровождавший команду, косвенно подтвердил, что сговор был. «Вызывает меня руководство, — рассказывал он на страницах журнала «Матч». — Следует примерно следующий диалог: “Вы летите с командой? — Да. — Нужно сыграть вничью. — А я при чём? — При том”. Комментарии, как говорится, излишни. До матча решил ничего не предпринимать, ни с кем не разговаривать — думал, обойдётся без меня. Сажу на трибуне, стадион переполнен. Наши, как назло, играют очень хорошо. Блохин, Буряк, Гаврилов, Дараселия, Шенгелия — состав самый боевой. На 14-й минуте Блохин забивает гол. Ну, думаю, если так дальше пойдёт — задание мне не выполнить. Пришлось спуститься к скамейке запасных... Сыграли 1:1».

В самолёте, летевшем в Москву, сокрушался телекомментатор Николай Николаевич Озеров. Переживал, что его не предупредили о ничейной договорённости — проинформировали только постфактум: «Я бы иначе построил репортаж!»

В разговоре с журналистом Дэви Аркадьевым Лобановский привёл пример из чемпионата СССР: «Динамо» (Киев) играет в Ленинграде. Ничья — и «Зенит» призёр, а киевское «Динамо» — чемпион: «Вот вы, как педагог, скажете игрокам: “Да нет, надо играть! Лучше лишимся чемпионского звания, но будем рисковать, биться за победу...” А игроки что? Дураки, что ли? Да нет, конечно... Дело в том, что иногда это делается без тренера, который порой и повлиять на эти вещи не может. Всё это было, есть и будет! Ничего нельзя сделать. И повлиять на это никто не может. И тренер бывает бессилён. Не хотят одни, хотят другие, третьи...»

Практицизм Лобановского неразрывно связан с таким понятием, как стратегия. Лобановский разделял её на несколько видов — стратегия турнира, стратегия матча, стратегия эпизода — и в работе своей строго придерживался законов, связанных с этим понятием. Основной из них — игра против каждого конкретного соперника с предельной для себя выгодой: с учётом турнирной ситуации, места проведения встречи, состояния противника, собственных — на данный конкретный момент — командных и индивидуальных возможностей, значимости следующего матча, логистики необходимых передвижений (автобус, поезд, самолёт).

Практицизм, по Лобановскому, — свидетельство силы, а не слабости.

Команда, умело владеющая методами, присущими практицизму, практически всегда диктует свои условия на футбольном поле. Она, будучи отменно подготовленной физически, в состоянии либо, выложившись полностью, подавить соперника всей своей мощью, либо сыграть с предельной осторожностью, граничащей с расчётливостью, затратив минимум усилий. Считается, что осторожная, расчётливая игра не нравится публике. Ещё как нравится, если она приносит желанный результат в турнире.

Договорные же матчи, на мой взгляд, — это доказанные, подтверждённые неопровержимыми фактами деяния, связанные с финансовым обеспечением услуг футболистов и тренеров. Все остальные разговоры о договорных матчах — художественная самодеятельность.

За истину выдаётся чья-то давняя выдумка: дескать, по указанию первого секретаря ЦК компартии Украины Владимира Щербицкого украинские клубы «обязаны были дома играть с киевлянами вничью, а в Киеве проигрывать». Так пишет в «Советском спорте» журналист Геннадий Ларчиков и утверждает, что только первый выигранный командой «Динамо» (Киев) чемпионат СССР — в 1961 году — «не вызывает подозрений», а все остальные, в которых с «Динамо» побеждали тренеры Виктор Маслов (трижды), Александр Севидов (один раз) и Валерий Лобановский (восемь) — подозрения вызывают. И как, действительно, не подозревать чемпионские титулы, завоёванные, к примеру, «Динамо» при Маслове в 1966, 1967 и 1968 годах? Мыслимое ли дело, команда мало того что три года подряд выигрывала чемпионаты СССР, так она ещё и полностью всех соперников превосходила по всем показателям. В 110 матчах, проведённых масловским «Динамо» в эти годы, оно 65 раз побеждало и лишь в восьми встречах (за три года!) проигрывало, а в 74 играх (67 процентов от общего количества) не пропустило ни одного мяча. Разве не подозрительно?

Если же серьёзно, то вброшенная некогда «утка» об «указе Щербицкого» «летает» и по сей день.

«В один из мартовских дней 1968 года, во время предсезонных сборов команд и судей в Сочи, — пишет в книге «Футбол оптом и в розницу» бывший арбитр Марк Рафалов, — мы с известным судьёй Сергеем Алимовым решили навестить парную гостиницы “Интурист”. Одновременно с нами туда пожаловали знаменитый тренер Олег Ошенков и харьковский арбитр Юрий Сергиенко. Видимо, хороший пар и последовавшее затем обильное застолье расслабляюще подействовали на наших друзей. Под большим секретом нам сообщили, что на днях в Киеве

состоялось совещание тренеров украинских клубов, представленных в высшей лиге. От имени и по поручению одной из организаций, считавшей себя “умом, честью и совестью нашей эпохи”, участникам “тайной вечера” было предписано безоговорочно при выездах в Киев жертвовать “старшим братьям” по два очка, а у себя дома позволялось (и то только при благоприятных обстоятельствах) изобразить ничью. Став обладателями подобных секретов, мы с повышенной заинтересованностью ожидали дальнейшего хода событий. Нет, не обманул нас Олег Александрович. С “Черноморцем” киевляне сыграли 4:2 и 2:2, с “Шахтёром” — 3:2 и 1:1, с “Зарей” — 2:0, и получалось, что ещё в марте, до начала чемпионата страны, в сейфе киевлян уже лежало ДЕВЯТЬ очков!»

Можно ведь, во-первых, и по-иному повернуть: партийные власти Украины своим «решением» заведомо лишили киевское «Динамо» 25 процентов очков, фактически «запретив» им выигрывать все матчи у украинских команд. Во-вторых, получается — по Рафалову — так, что до 1968 года никаких «указов» подобного рода не было, и, значит, с команды Маслова времён 1966 и 1967 годов снимаются все подозрения. И, наконец, группа наблюдателей во главе с Рафаловым с радостью убедилась в том, что их «не обманули», но не стал Марк Михайлович по каким-то причинам уточнять, что вничью «Динамо» сыграло с «Шахтёром», «Зарей» и «Черноморцем» на своём поле, причём произошло это в начале чемпионата (в Кировабаде и Баку в первых турах тоже были ничьи), когда была заметна «стартовая пробуксовка» киевлян, а выиграло у этих же команд в гостях, когда набрало ход и когда киевлян остановить было невозможно.

Не оперирует Рафалов и ещё одной немаловажной деталью. В том же 1968 году киевское «Динамо» встречалось в чемпионате и с московскими клубами, коих было пять. Так вот, в матчах с ними киевские футболисты набрали ровно 75 процентов очков — столько, сколько якобы требовали для «Динамо» украинские партийные власти от своих команд, причём с ЦСКА, «Спартак» и «Торпедо» киевский клуб сыграл по «заданной» схеме — победа дома и ничья в гостях, — с «Динамо» победы разделил, а у «Локомотива» обе встречи выиграл. Так что московские команды вложили в «сейф киевлян» в общей сложности 15 очков из 20 разыгрывавшихся.

И вот так, с цифрами наперевес, можно пройтись по всем «подозрительным», по мнению недоброжелательно настроенных по отношению к киевскому «Динамо» «знатоков», чемпионатам Советского Союза, в которых команда из столицы Украины, к их нескрываемому неудовольствию, побеждала. Странное совпадение, но основными распространителями сведений, ничего общего с тем, что и как происходило

на самом деле, стали телекомментаторы.

«В своё время на Украине, — говорил, например, на страницах «Советского спорта» Владимир Перетурин, — был приказ по команде Лобановского: все украинские команды должны отдавать игры в Киеве и сводить вничью домашние матчи». «Сегодня, — вторит Перетурину его молодой коллега Василий Уткин, — никто не спорит с тем, что делёж очков с киевлянами всеми украинскими клубами по принципу “ничья дома — поражение в гостях” является фактом. Тому очень много есть самых разнообразных свидетельств, их давно устали опровергать».

Даже такой вроде бы серьёзный телекомментатор, как Геннадий Орлов, сам в футбол, в отличие от подавляющего большинства своих коллег, на относительно серьёзном уровне поигравший, не удержался от ретрансляции явной выдумки. «Механизм выведения киевского “Динамо” на верх турнирной таблицы, — заявил он на страницах «Советского спорта», — был разработан ЦК компартии Украины во главе с Владимиром Щербицким. Его первый секретарь (кого — его? ЦК? Щербицкого? — А. Г.) обзванивал коллег из Луганска, Донецка, Харькова, Днепропетровска и Одессы. В трубку он наговаривал примерно следующее: “Динамо” — наш республиканский флагман, надо помочь. Давайте у вас дома сыграем вничью, а в Киеве на равных. Чемпионат начинается, а у “Динамо” уже есть очки в запасе».

В тех сезонах, что киевским «Динамо» руководил Лобановский, его команда лишь в пяти случаях из восемнадцати отбирала у клубов Украины 75 процентов (и более) очков и четыре раза при этом становилась чемпионом СССР! Московские же команды за эти годы киевляне лишали 75 процентов (и более) очков шесть раз. Что ж: Щербицкий и в Москву звонил и диктовал условия московским начальникам?..

В среднем же у клубов Украины киевское «Динамо» набирало за сезон 66,8 процента очков, у московских — 64,4 процента, у всех остальных — 67,4 процента. «Джентльменский набор» обвинителей киевского «Динамо» вообще и Лобановского в частности — «приказ Щербицкого», «победа дома — ничья в гостях», «нечестно выигранные чемпионаты...». «Все знали, — писал Аркадий Галинский, создававший из выдуманных им пазлов любую конструкцию, — что остальные украинские команды высшей лиги — “Шахтёр”, “Днепр”, “Черноморец”, “Металлист”, “Заря” — отдавали динамовцам Киева потребные им для чемпионства очки... Давно уже пора сказать, что эта команда, повторяю, команда, а не её игроки, была нечестной. А в период, о котором у нас идёт речь (когда динамовцев тренировал Лобановский. — А. Г.), особенно нечестной,

потому что отбирала по повелению сверху, из украинского ЦК, очки у целой группы сильных команд республики».

«Меня, — говорил мне Лобановский, — всегда забавляют досужие домыслы о том, что, дескать, с украинскими командами киевское “Динамо” набирает столько очков, сколько ему нужно, оставляя соперникам жалкие крохи. Свои изыскания авторы подобных утверждений иногда публикуют в виде статистических сведений, так, между прочим, под видом “неофициального чемпионата Украины”. Странно, но после сезона 1987 года, когда “Шахтёр”, “Днепр”, “Металлист” отобрали у нас восемь очков из двенадцати возможных, информация об этом факте на страницах печати не комментировалась. Легко, между прочим, подсчитать, что, если эти восемь очков приплюсовать нам, место наше в турнирной таблице было бы следующим за “Спартакoм”. Поиски несуществующего точно так же отравляют жизнь футбола, как и случающиеся ещё неспортивные моменты реальные...»

Глава 24

ЛОБАНОВСКИЙ И ЩЕРБИЦКИЙ

Эпизоды, детали, ситуации, крупные события, имевшие отношение к киевскому «Динамо» вообще и к Лобановскому в частности и прямо или косвенно связанные с именем Щербицкого, разбросаны по книге, но любовь Щербицкого к футболу, его участие в футбольной жизни Украины и уважение к Лобановскому заслуживают, на мой взгляд, отдельной главы.

Без соседства с именем Щербицкого киевское «Динамо» времён Лобановского в новейшие времена практически не упоминали, акцентируя внимание публики на том, что только поддержка и покровительство партийного секретаря и позволили, дескать, Лобановскому добиться того, что он в футболе добился.

Стоит, думается, в связи с этим заметить, что Щербицкий, высокопоставленный болельщик, в тренировочный процесс динамовской команды никогда не вмешивался, игровыми построениями не занимался, на поле, понятное дело, не выходил, но всё, что необходимо, делал для того, чтобы «Динамо» — тренеры, футболисты, обслуживающий персонал — не знало никаких проблем в том, что имело отношение к обеспечению жизнедеятельности клуба.

Клуба как такового, в привычном на Западе, а в новейшие времена и на постсоветском пространстве значении, ещё не было, а «президент» у него фактически был — Владимир Щербицкий. Президент идеальный — понимание сути спорта, невмешательство в профессиональные футбольные дела, постоянная помощь, фантастическое терпение, высочайшая степень доверия тренеру, которого Щербицкий считал выдающимся специалистом.

«Динамо» при Щербицком — как и сборная СССР, к которой Щербицкий никакого отношения не имел, — выигрывало и проигрывало. И не в Щербицком дело, когда речь идёт о турнирных результатах. Лобановский в любой другой советской команде оставался бы Лобановским, что, к слову, подтверждает тот уровень, на который тренер вывел киевское «Динамо» уже после возвращения из Кувейта: ни страны прежней уже не было с её правилами и устоями, ни Щербицкого.

Он вовсе не чувствовал себя в новой жизни чужим, не понимавшим, что изменилось за время его отсутствия, удивлявшимся переменам и

растерявшимся. Из новых обстоятельств, доселе неведомых, Лобановский, уехавший в 1990 году из одной страны и вернувшийся через шесть лет в другую, извлекал пользу. Не для себя (для себя он никогда ничего не извлекал и ни у кого ничего не просил) — для футбола.

Рычаги управления футболистами кардинально изменились. Воинскую часть на Подоле, куда ссылали провинившихся, заменили прописанные в контрактах игроков штрафы и сохранившаяся из прежних времён возможность перевода в резервный состав. И безоговорочная вера футболистов Лобановскому тоже осталась. Вернее, после возвращения из Кувейта ему удалось обратить игроков в свою веру. Веру осознанную, не из-под палки.

Но — дело и в Щербицком, если говорить о продуманной помощи команде, представлявшей республику не только в стране, но и в Европе. Важными для «Динамо» делами Щербицкий занимался сам и требовал, чтобы ими занимались курировавшие команду люди — не потому, что этого требовала его болельщицкая душа, заставлявшая его конспектировать матчи, на которых он бывал, а потому, что он прекрасно осознавал степень воздействия на людей игры и результатов киевской команды.

«Владимир Васильевич, — говорил помощник Щербицкого Константин Продан, — понимал, что спорт — это политика, а футбол, благодаря его воздействию на настроения миллионов, заслуживает постоянного внимания первых руководителей республики. В этом отношении В. В. был и навсегда останется яркой личностью, которая вошла в историю украинского футбола, его действия в этом отношении достойны всяческого подражания».

При неудачах «Динамо», когда некоторые люди из окружения Щербицкого, желая потрогать начальнику, принимались чихвостить Лобановского и футболистов, Владимир Васильевич обрывал их на полуслове и настаивал на том, чтобы они уделяли команде ещё большее внимание.

Леонид Кравчук, первый президент Украины, при Щербицком работавший в ЦК КПУ и возглавлявший отдел агитации и пропаганды, говорит, что Владимир Васильевич «знал команду и её проблемы в деталях». По его словам, «учитывая менталитет партийно-государственной системы, даже если бы он ничем не занимался, а был только болельщиком и посещал игры, одно это заставило бы всех остальных всё делать для “Динамо”».

Твёрдость Лобановского была сродни твёрдости Щербицкого. Оба — прирождённые лидеры. Хорошо знавший Щербицкого академик Николай

Михайлович Амосов всегда уважал его и называл «приличным человеком», «человеком идейным», ничего себе лично не хапавшим и не обогащавшимся. Щербицкий, например, спокойно «пропустил» дерзость тренера в ответ на вопрос о том, почему не играют или играют мало «выдернутые» из Днепропетровска Литовченко и Протасов.

Было это так. «Многие кадровые решения в “Динамо”, — вспоминает Леонид Кравчук, — принимались Щербицким. По предложению Лобановского. Первый секретарь тренера лично знал, часто ему звонил, они встречались. Однажды в моём присутствии Щербицкий говорит: “Валерий Васильевич, ну как это так, из ‘Днепра’ взяли людей, они лавку у вас протирают, а мне звонят, спрашивают, зачем я обезглавил днепропетровскую команду”. Лобановский посмотрел на него и отвечает: “Владимир Васильевич, когда вы ведёте политбюро, я вам советую?” Мне стало плохо. Щербицкому никто ведь никогда не возражал, тем более в такой форме! Но Первый неожиданно замолчал. А Лобановский продолжает: “За команду и за игру отвечаю я, а не ЦК. Мне и решать”. Щербицкий улыбнулся и выдал: “Наверное, ты прав”».

После этого Лобановский с Кравчуком отправились в кабинет Кравчука, и Валерий Васильевич спросил: «Я не очень резко возразил?» — «Да нет, — ответил пришедший в себя Кравчук. — Надо же кому-то говорить правду. Вам это сказать легче, чем сотруднику аппарата».

Перебрались Литовченко и Протасов из Днепропетровска в Киев по настоянию Лобановского и при поддержке Щербицкого, без участия которого этот переход вполне мог бы и не состояться. Леонид Кравчук вспоминает, что когда решался вопрос с Литовченко и Протасовым, ему незадолго до полуночи звонил домой «глава днепропетровского обкома Качаловский и чего только не наговорил! Вы, мол, такие-сякие, хотите обезглавить “Днепр”, но я никого не отдам! Человек просто вышел из себя». Кравчук, по его словам, спокойно Качаловского выслушал и предложил ему позвонить Щербицкому и всё это повторить. А потом спросил: «Или мне передать ему ваши слова?» Качаловский моментально остыл и пошёл на попятную: «Нет-нет, не надо!»

Вполне возможно, что кто-то из Днепропетровского обкома партии и звонил Кравчуку по поводу перехода Литовченко и Протасова в киевское «Динамо», но вряд ли звонившим был Евгений Викторович Качаловский. Он возглавлял Днепропетровский обком в течение семи лет, с 1976 по 1983 год, потом был назначен первым заместителем председателя Совета министров УССР, а Литовченко и Протасов перебрались в киевское «Динамо» лишь в 1988 году.

«Не хапавший» и «не обогащавшийся», по определению Амосова, Щербицкий служил примером честности для всех, кто работал рядом с ним. Поверить в это из дня сегодняшнего невозможно (да из тогдашнего, наверное, — тоже), но Яков Петрович Погребняк, 16 лет курировавший на посту секретаря ЦК КПУ торговлю, ни разу бесплатно не пообедал ни в одном из киевских ресторанов. В служебной квартире председателя Совета министров Александра Ляшко стояли устаревшие казённые мебельные гарнитуры с инвентарными номерами. Министр торговли УССР Владимир Старунский говорил Погребняку, что как-то предлагал Ляшко дефицитные товары, но Александр Павлович ответил: «Не надо, я сам разберусь!»

В Киеве шутили: когда, дескать, Лобановский приходил к Щербицкому, Щербицкий встречал его со своим мнением, а когда Лобановский уходил, у Щербицкого было мнение Лобановского.

Щербицкий и Лобановский относились друг к другу с уважением. Щербицкий любил Валерия Васильевича и высоко ценил его человеческие и профессиональные качества. Никогда напрямую не звонил Лобановскому. Лобановский, соблюдая дистанцию («открывал дверь ногой в его кабинет» — измышления), никогда не обращался к Щербицкому через головы тех, кто работал рядом с руководителем республики и в любой момент мог доложить ему о том, что Лобановский просит о встрече. Встречи, надо сказать, были нечастыми.

Щербицкий всегда поздравлял Лобановского с днём рождения. Присылал подарки. Ваза, подаренная Щербицким, до сих пор в квартире Лобановских. Как и портрет Щербицкого, переданный Лобановскому охранниками Владимира Васильевича после его смерти.

После десятого места «Динамо» в 1984 году в Киеве моментально понеслось: немедленно уволить, поставить нового, оздоровить. Сразу же нашлись добрые люди, которые стали лоббировать на партийном украинском верху своего протекте, нещадно при этом понося Лобановского. На заседании секретариата ЦК украинской компартии в конце 84-го обсуждался вопрос о киевском «Динамо». Щербицкий предложил выступить всем собравшимся и внимательно, ни разу не перебив, их выслушал. Большинство предлагало заменить Лобановского. Звучали имена возможных преемников, в том числе, конечно же, и Бышовца, основательно потрудившегося на лоббистской ниве. Вывод Щербицкого был кратким: «За команду спрошу с вас со всех, а тренером “Динамо” будет Лобановский, которому вы все должны помогать. Вопрос закрыт».

«К Лобановскому, — рассказал журналисту Дэви Аркадьеву многолетний помощник Щербицкого Константин Константинович Продан,

— у Владимира Васильевича было отношение, я бы сказал, тоже профессиональное. Как и к футболу в целом. Помню, что на Лобановского из-за его сложного характера, подчас упрямства и негибкости как личности, как тренера киевского “Динамо”, неоднократно жаловались кураторы команды: “С ним работать невозможно”, “Надо найти нормального, коммуникабельного”, — говорили Щербицкому. Одним словом, им хотелось найти такого, чтобы сидел, раскрыв рот, слушал и выполнял их указания. На сей счёт Владимир Васильевич тоже говорил: “Хорошо, вы поищите, может быть, найдёте лучшего. Но я считаю, что мы ценить должны не по тому, приятен он вам или неприятен, а давать оценку работе по результатам. Каковы результаты! Лобановский в футболе личность действительно яркая!” Так что Владимир Васильевич всячески нивелировал негативные отношения и к футболу, и к киевскому “Динамо”, и к Лобановскому. Будь то в ЦК или на уровне города, да, впрочем, и на всех других уровнях В. В. Лобановского защищал. И слава богу. Потому что время подтвердило правоту Щербицкого».

«Сказать, что В. В. любил футбол, был искренним почитателем этого замечательного вида спорта, означало бы не сказать ничего, — вспоминал Продан. — Будучи человеком основательным, он досконально знал футбол, его организацию, кадровое обеспечение, внутреннюю кухню, тончайшие нюансы самой игры, судейство. Знал многие другие параметры футбола на уровне профессионала. Сам он, непосредственно, не общался, скажем, с коллективом киевского “Динамо”, которое занимало особое место в его жизни, но он постоянно держал в поле зрения всю околофутбольную ситуацию...

На стадионе В. В. не щёлкал, как некоторые, семечки и не пил пиво. Он сидел с ручкой и блокнотом, делал свои пометки, после чего мог сделать профессиональный разбор игры секретарям ЦК — одним из кураторов команды. Им-то приходилось непосредственно вникать во все стороны жизни коллектива и каждой игры в отдельности.

Хочу ещё раз подчеркнуть, что В. В., если брался за дело, всегда стремился глубоко разобраться в сути проблемы, спрогнозировать последствия принимаемых решений. И доводил начатое дело до логического конца. Если говорить о развитии украинского футбола в 1960—1980-е годы, то мы вправе сказать, что именно эти годы вошли в летопись украинского спорта золотыми страницами. Получил массовое развитие детский и юношеский футбол, в центре и регионах создавались спортивные школы. Они комплектовались лучшими тренерами, вводились новые тренировочные поля. Замыкалась эта цепочка школами высшего

мастерства, дублирующими и основными составами команд высшей лиги. Всё вышесказанное ещё раз подтверждает, что развитие украинского футбола было связано с системным, комплексным подходом, который В. В. последовательно и настойчиво проводил в жизнь».

«Привожу классический факт, — говорил Валентин Згурский. — “Динамо” играет на Центральном стадионе. Наши забивают. Щербицкий вскакивает (немолодой уже человек) и бежит к телевизору смотреть повтор. “Ну что, — говорит, — всё правильно. Тут чистый гол! Каков молодец! Обошёл слева, так, нормально”. Смотрит дальше. Вдруг забивают нам. А министр спорта Бака Михаил Макарович стоит в углу, потому что не имеет права садиться в ряд, где члены правительства и Политбюро. Щербицкий снова вскакивает: “А где Бака?” — “Я здесь, Владимир Васильевич”. — “Что ты творишь? Как ты играешь? Ты что, с ума сошёл? Принимай меры!” Разрядился и сел. Бурно реагировал Щербицкий как на положительные, так и на отрицательные игровые моменты. У него в столе был журнальчик, в котором он отмечал, сколько каждый футболист забил, на какой минуте, как играла команда. Многие члены Политбюро к футболу относились пассивно. Но поскольку “первый” был болельщиком, аплодировали забитым голам вместе с ним».

Бака называл большим везением то, что Щербицкий был постоянным и внимательным болельщиком. «С его участием, — говорил Михаил Макарович, фронтовик, двадцать пять лет возглавлявший вначале украинское спортивное общество «Динамо», а затем Госкомспорт Украины, — решались многие вопросы обеспечения и комплектования команды. Любовью к футболу Щербицкий “заразил” всё своё окружение, министры и заместители непременно посещали матчи “Динамо”».

«Заражённые», надо сказать, до такой степени «влюблялись» (не по собственному желанию) в футбол, что, случалось, не фиксировали своё внимание только на результате — за хороший хвалили, за плохой ругали. Однажды Баке позвонил заведующий отделом административных органов ЦК компартии Украины Дмитрий Опанасюк, курировавший, как принято говорить в новые времена, все силовые структуры Украины, и сказал: «Товарищ Бака, что будем делать? Мы впереди всех в турнирной таблице. Да, очки есть, но игры-то нет!...»

На футбол Щербицкий ходил всегда. В Днепропетровске — вместе с женой. Рада Гавриловна вспоминала, что на местном стадионе «стояли ровные лавки, державшиеся на какой-то цементной основе», и она не могла понять, почему после каждого матча у мужа каблуки на ботинках были стёсаны. Мало того что, переживая за свою команду, Владимир Васильевич

беспрестанно курил, постоянно вскакивал, так он ещё «играл» время от времени вместо футболистов — каблуками по цементу.

«Володя, — рассказывала Рада Гавриловна в интервью журналисту Дмитрию Гордону, — без футбола не мог. В Киеве, даже если смотрел матчи дома, всё старался записывать. Не только кто забил и когда, но и кто какой дал пас, на какой минуте — всё это ужасно ему нравилось. Я, честно говоря, к футболу была равнодушна, и поэтому он у себя в кабинете болел. Никто ему не мешал: телевизор, сигареты, пепельница, ручка, блокнот. Иногда загляну, а он ворчит: “Ну вот, видишь, только пришла, наши гол пропустили”. Он не только футбол любил, но и ребят — футболистов и относился к ним, как к своим детям. В перерывах иногда заходил в раздевалку (в Днепропетровске. — А. Г.), а потом мне рассказывал: “Боже, какие они побитые, какие несчастные”. Он их очень жалел». После свадьбы Олега Блохина с Ириной Дерюгиной Владимир Васильевич встречался с выдающимися украинскими спортсменами и разговаривал с ними за чаем сорок минут.

На отдыхе в Крыму Щербицкий в дни матчей киевского «Динамо» (речь о начале 60-х годов) не находил себе места. К вечеру просил коменданта государственных дач подполковника КГБ Александра Федоренко «организовать телевизор», если, конечно, игра транслировалась. Однажды, когда киевляне в первой половине 60-х играли в Москве с «Торпедо» (а команды эти в те времена задавали тон в советском футболе), Щербицкий, возглавлявший тогда Совет министров УССР, привычно устроился перед телевизором, но на экране замелькали какие-то фигуры, и толком посмотреть матч не представлялось никакой возможности.

Федоренко, видя, что нервы у предсовмина на пределе — Щербицкий принялся, насупившись, ходить взад-вперёд, поглядывая на экран, — предложил немедленно отправиться на 1-ю дачу. Госдачи в Крыму проходили в разговорах и письменных отчётах комендантов под номерами. В 1-й постоянно останавливался Хрущев. От коллег Федоренко знал, что Хрущев уже уехал и на 1-й не осталось ни одного сотрудника, только охрана. Щербицкий на 1-ю не хотел ехать ни в какую. Федоренко еле-еле уговорил его на вариант со 2-й дачей, находившейся рядом с хрущёвской и предназначавшейся, в соответствии с партийным протоколом, гостям из Москвы. Она тоже пустовала.

Сели в машину, примчались, включили телевизор. Видимость — чуть лучше, но всё равно почти ничего не понять. В Ялте тогда ретрансляторов ещё не было, сигнал из Симферополя доходил слабо. «Владимир Васильевич! — взмолился Федоренко. — Давайте всё же поедem на 1-ю.

Там же никого нет!» Комендант и старшина из охраны уговорили Щербицкого. На большой скорости приехали в хрущёвскую резиденцию. Пospели ко второму тайму. Телевизор стоял в холле и показывал хорошо. Щербицкий попросил у сестры-хозяйки две бутылки столовой воды, два листа бумаги и карандаш. За 45 минут второго тайма выпил всю воду, изрисовал и исписал всю бумагу, выкурил полпачки сигарет, прикуривая иногда одну от другой. Федоренко с ним даже разговаривать боялся.

Киевляне в тот день выиграли. Щербицкий сиял. Предложил коменданту немедленно вернуться на свою дачу и отпраздновать победу. Жили они на 7-й даче. Приехали затемно: везде горели огни, на море — лунная дорожка. Щербицкий отпустил сестру-хозяйку, жившую в Ливадии, и они с Федоренко вдвоём сели за стол, рассчитанный на 22 человека. Под хорошую закуску и настроение выпили бутылку водки. Щербицкий встал и сам принёс из холодильника вторую. Затем на некоторое время вышел из столовой. Федоренко удивило, насколько хорошо Щербицкий знал футболистов, семьи игроков, подробно рассказывал о каждом.

По свидетельству коменданта, дальше началось самое интересное. Время — за полночь, а зал вдруг стал постепенно заполняться гостями. Щербицкий обзвонил всех, наверное, отдохавших в те дни в Крыму высокопоставленных по советским меркам чиновников — прежде всего секретарей компартий союзных республик и партийных секретарей из соцстран. Свободных стульев за столом больше не было. Победу киевского «Динамо» над «Торпедо» отмечали почти до рассвета.

Далёкий от футбола Федоренко не помнит, что это был за матч и почему Щербицкий бурно радовался победе. Ведь не отмечал же он так все выигранные киевлянами в ту пору и позже встречи — чаще всего реагировал сдержанно. Скорее всего, подсказывают справочники, украинский руководитель устроил запомнившееся торжество после игры «Торпедо» — «Динамо» осенью 1961 года. Победа над «Торпедо» открывала киевской команде путь к первому в истории советского футбола чемпионскому титулу, завоёванному немосковским клубом.

В ранге председателя Совета министров Щербицкий на старенькую динамовскую базу на Нивках приезжал почти перед каждой игрой. Никаких накаток — лишь спрашивал, в чём команда нуждается. Когда «Динамо» возглавило таблицу, Щербицкий пригласил команду на «своё поле» — в Совет министров. «В кабинете, который своими размерами напоминал поле для мини-футбола, — вспоминал Владимир Щегольков, — “накрыли поляну” — лёгкая закуска и минеральная вода. Щербицкий потряс нас своими знаниями футбольной статистики: в его записной книжке были

зафиксированы результаты всех матчей украинских команд всех лиг, знал он и фамилии наиболее значительных игроков и тренеров».

Работавший с Щербицким секретарь ЦК КПУ Яков Погребняк рассказывал украинскому еженедельнику «Футбол», как однажды, когда Погребняк был первым секретарём обкома в Ивано-Франковске, Владимир Васильевич приезжал вручать области орден и вдруг попросил Погребняка сделать перерыв в торжественной части. «Я, — говорит Погребняк, — не понял зачем, но сделал. Владимир Васильевич вышел и отправился, уже не помню, то ли по телевизору смотреть, то ли по радиоприёмнику слушать репортаж о матче “Динамо”. Послушал и довольный (“Динамо” тогда, кажется, выиграло) вернулся на своё место».

Леонид Кравчук, возглавлявший в ЦК КПУ партийную организацию, пришёл однажды в кабинет Щербицкого (тот вызвал его, чтобы сдать партийные взносы и проставить в партбилете штамп и подпись). «Захожу в кабинет, — вспоминает Кравчук, — вижу: стоит первый секретарь у телевизора, по которому идёт трансляция какого-то матча. Глаза горят, нога отведена для удара, мелко подрагивает... Он фактически играл в футбол! Я встал скромно в угол, Щербицкий на меня ноль внимания. Постояли мы минут десять, закончился первый тайм, и вдруг он меня замечает: “А ты что тут делаешь?” — “Так вы же пригласили!” — “Извини...”».

Борис Воскресенский утверждает, что «никто футболом из ЦК так, как описывают, не занимался». И напрасно, по его мнению, говорят «если бы не Щербицкий...». Базилевич с этим утверждением не согласен: «Хотя о роли компартии сейчас речь ведут только в негативном плане, должен заметить, что без помощи ЦК, снявшего массу проблем, мы самостоятельно вряд ли справились бы».

На первой после возвращения из Кувейта большой пресс-конференции Лобановский привёл пример одной из публикаций о команде в довольно солидной газете, где, с его точки зрения, было «всё искажено». Речь шла о том периоде, когда первым человеком на Украине был Щербицкий, который так любил команду, что для неё якобы «всё делалось». «Да ничего не делали вообще! — воскликнул Лобановский. — Кроме квартир и машин. Больше не было ничего. Да, старались делать всё, что можно было. А что было можно? Можно было, повторяю, дать квартиру и машину. Больше ничего нельзя было». И обратил внимание репортёров на то, что говорит так, сравнивая те времена с нынешними: «Вы же понимаете, что изменилась система. Уже живём в совершенно другом государстве, где никто ничего не запрещает. Если есть возможности. И я считаю, что клуб “Динамо” (Киев) и его руководители делают всё, чтобы игроки не думали о

каких-то житейских проблемах, а только о футболе. Им созданы абсолютно все условия! Для того чтобы они были не ремесленниками, а творческими людьми, которые бы пытались расти вместе с командой и каждый в отдельности».

В советские времена премия футболисту в 400 рублей считалась очень большой, на неё требовалось найти деньги, в бюджете не заложенные. А в новейшие времена игроки объявленные за победу в важном матче призовые в размере 10 тысяч долларов (это — в дополнение к высокой зарплате!) считают небольшими.

Между тем и при Щербицком с игроков, по мере тогдашних возможностей, снимали все бытовые вопросы. Они получали хорошие квартиры в хороших домах, их детей определяли в детские сады, жён, если требовалось, устраивали на работу; на базу в Конча-Заспу поставлялись самые дефицитные товары и продукты. Власти закрывали глаза на то, что футболисты «Динамо», покупая — за свои деньги — автомобили «Волга», перепродавали их по спекулятивным ценам на Кавказ, неплохо на этом зарабатывали (Анатолий Демьяненко, например, называет автомобильные заработки футболистов «самыми большими»), а для себя приобретали манёвренные «Жигули».

Подробнее других, пожалуй, помнит об организации торговли на базе и об автомобилях Стефан Решко. «Перед праздниками — Новым годом, майскими, октябрьскими — нам завозили икру, которой тогда в магазинах не было, — вспоминал он в интервью киевскому изданию «Сегодня». — Она недорого стоила — 5,50 за баночку. Можно было взять пару баночек красной, чёрной, другой дефицит — прибалтийские шпроты, паштеты. Для жён — французские духи. Плюс где-то раз в год привозили на базу ковры. Каждый мог купить один большой и один маленький. Или приезжал из Совмина человек: “Зима идёт, дублёнки нужны?” — “Да, было бы неплохо”. И нам привозили турецкие дублёнки по 270-300 рублей. Всё это было благодаря тому, что первое лицо страны — болельщик. При Шелесте такого не было. Его “пробить” было тяжелее. Но самое главное благо, которое мы имели, это возможность раз в пару лет покупать машину. В “Динамо” — такого нигде больше в Союзе не было — весь состав ездил на ГАЗ-24. В “Спартаке”, ЦСКА, тбилисском “Динамо” новые “Волги” были у единиц. Они нам завидовали. Но мы ведь и выигрывали почти у всех. За победу в Кубке кубков-75 нам больших денег не дали. Но мы попросили Семичастного, зампредсовмина, чтобы нам дали возможность купить машины. Очередь разбили до весны 76-го. Но когда мы обыграли “Баварию”, Семичастный зашёл в раздевалку, всех расцеловал, передал

привет от Щербицкого и заявил: “Все свои вопросы вы решили сегодня на поле”. Как сейчас помню, в 75-м “двадцать четвёрка” стоила 9162 рубля. Но её можно было перепродать в несколько раз дороже и купить новую по номиналу. К слову, мы могли брать совминовские номера, начинавшиеся на “80”, чтобы гайшники не останавливали. А в отношении квартир Щербицкий говорил: “Эти люди заслужили выбрать жильё в любых домах”».

На обсуждении в ЦК вопроса о необходимости предоставления квартиры Евгению Рудакову Щербицкий распорядился выделить ему жильё в совминовском доме на улице Суворова, причём непременно квартиру под номером один: «Рудаков у нас вратарь номер один, пусть и квартира у него будет под первым номером».

Жена Евгения Рудакова Валентина рассказывала, что их дочка поначалу огорчилась: «Квартиры под номером один во всех домах предназначены для дворников, живущих в самом низу, на первом этаже», но потом выяснилось, что дом — тот самый, в котором потом стала жить семья Лобановских, — стоит на сваях и в «первую» квартиру можно добраться на лифте.

Владимир Щегольков из чемпионского состава 1961 года после неудачных попыток заняться тренерским делом приступил к работе в «питании», стал работать в Политехническом институте. Однажды туда по случаю юбилея этого учебного заведения приехал Щербицкий. «Встретились мы, — рассказывал Щегольков, — как старые знакомые, сфотографировались на память. И начальство, видя это, тут же поспешило выдвинуть меня на место директора треста на Печерске».

Валерий Поркуян считает, что равных Щербицкому по любви к футболу среди советских политических деятелей не было. «Однажды Щербицкий, возглавлявший тогда Совет министров Украины, — вспоминает Поркуян время, когда играл в одесском «Черноморце», — находился в Москве и позвонил в Киев сыну. А я как раз заехал к Валерию, с которым дружил, за какими-то остававшимися у него моими вещами. Владимир Васильевич, узнав, что я на следующий день прилетаю в Москву, попросил заскочить к нему в гостиницу “Москва” — в 316-й, как сейчас помню, номер. Может быть, ему нужно было выговориться, но в тот день я много чего интересного услышал — к примеру, как Хрущев его отправил из Киева в Днепропетровск, обвинив в том, что он занимается спортом, а не сельским хозяйством. И многое другое. А в конце разговора Щербицкий спросил: “Может, обратно в ‘Динамо’ вернёшься?” Я вежливо отказался, и Владимир Васильевич меня понял».

После выигрыша киевлянами Кубка кубков и Суперкубка и безоговорочных домашних побед решено было снять о команде, прежде всего о Лобановском и Базилевиче, художественный фильм. Режиссёр Николай Малецкий говорит, что идея создания фильма возникла у Щербицкого. Так, во всяком случае, он понял из разговора с председателем Госкино Украины Василием Большаком. «Диалог, — вспоминает Малецкий их с другим режиссёром, Владимиром Попковым, приход к Большаку, — был афористичным. Он: “Хлопцы, любите Лобановского?” Мы, как голодные волки, сверкнули глазами и задохнулись. Он: “Не только вы его любите. Есть ещё один человек...” Мы: “Знаем!” Он: “Вы понимаете, насколько это ответственно?” — “Мы готовы!” — ответили мы в один голос, ошалев от собственной значимости. “Садитесь и давайте конкретно разберёмся: как, что и для чего”».

На роль Лобановского претендовали десятки актёров, но режиссёры, посчитав, что поскольку фильм о совершенно новом подходе к футбольному делу, решили: на экране должно появиться новое лицо. Они остановились на Степане Олексенко из киевского Театра имени Ивана Франко. Знали его Малецкий и Попков очень хорошо. «Образованный, интеллигентный человек, — говорит Малецкий. — Именно таким виделся нам тренер Бушуев, прототипом которого стал Лобановский. Чиновникам из Госкино, однако, казалось, что в Олексенко нет упрямства Лобановского, что он слишком мягок, к нему трудно приклеить ярлык “неудобного человека”, который был у Валерия Васильевича. В Госкино хотели в этой роли видеть кого-нибудь из популярных в то время актёров. Пришлось показать оппонентам “Гамлет” Козинцева, где Степан блестяще сыграл Лаэрта. Больше вопросов не было». Поддержали выбор режиссёров и сам Лобановский, и консультант фильма Михаил Ошемков. Отстояли и других актёров.

Перед авторами фильма (а сценарий писали Вячеслав Винник и известный в советское время спортивный журналист Станислав Токарев) поставили жёсткое условие: не должно быть даже намёков на «договорные матчи», на судей, которые «берут», на подпольный тотализатор и прежде всего на то, что футбол в СССР — профессиональный. «А нам, — вспоминает Малецкий, — хотелось с экрана рассказать о псевдолюбительстве в футболе, о том, что спортсменов эксплуатируют, а спорт политизируют. С этим хотят покончить тренеры с новыми взглядами и на футбол, и на всё, что происходит вокруг него. Василий Большак, обнимая меня, шептал в ухо: “Хлопцы, не лезьте поперёд батьки в пекло!”».

Однажды вели съёмку на стадионе — надо было снять живое дыхание болельщиков. Режиссёры с оператором попросили динамовцев на пару минут задержаться с выходом на поле, чтобы под их видом вышли артисты во главе с Олексенко. Когда «игроки» появились, стадион взорвался привычными аплодисментами и криками — никто не понял, что это артисты. Сцену сняли быстро, и когда «кинокоманда» покидала поле, а динамовцы в таком же порядке выходили на него, трибуны задохнулись от восторга, люди вскакивали с мест с криками «Даёшь двух Лобановских!», «Ура дублю “Динамо”!».

Песню к фильму — «Осколок луны» — написал Юрий Визбор. Он же её и исполнил. Она — фактически о Лобановском:

Осколок луны над антеннами колок,
И вновь виражом начинается жизнь.
Ты в сердце своё этот лунный осколок,
Как знак рубежа, навсегда положи.

Ведь дело мужчин, пересилив тревогу,
Надёжно держать чуть дрожащий штурвал
И молча глядеть на ночную дорогу,
Чтоб компас души верный путь указал.

Нас грохот турбин постоянно находит,
Чужих городов нам мелькают огни.
От прошлых времён мы, конечно, уходим,
И всё ж, уходя, дорогой, оглянись.

И в час неудач так неловки движенья,
И кажется вдруг, что уж всё решено,
Что жизнь состоит из одних поражений,
А наши победы забыты давно.

Вот скрылась луна, как ночная бегунья,
Сквозь тучи видны лишь её миражи.
Но дело всё в том, что придёт полнолуние,
И полная радость, и полная жизнь...

И быстро бегут, то зимой упрекая,

То в радость неся, где бушует весна, —
Дороги, которые мы выбираем,
Дороги, которые выбрали нас.

Последний куплет Визбор дописал уже во время съёмок. Отлучился, по словам Малецкого, на час и пришёл с этим куплетом. Возможно, поэтому он не вошёл в текст, опубликованный в двухтомнике Юрия Визбора.

Малецкий и Попков даже фильм хотели так назвать — «Дороги, которые выбрали нас». Но назвали иначе — «Такая она, игра».

«Злоключения, — рассказывает Николай Малецкий, — начались с показа фильма главному человеку украинского спорта тех лет — Баке. В Госкино вместе с ним приехали человек 15. Смотрим. Я сидел за пультом и имел возможность наблюдать за реакцией руководства. Бака вёл себя как ребёнок: смеялся, кивал... Ну, думаю, сейчас целоваться полезет. Но гаснет экран под песню Визбора, и вдруг слышу жёсткое и нервное: “Что вы нам показали?.. И вообще — для чего вы посадили футболистов на ‘Волги’? Это же раздражает людей. Пускай ездят на ‘Жигулях’”, — изрёк министр, резко поднялся и со свитой направился к выходу. Всегда румяный Василий Большак побледнел так, что спрашивать: “А что теперь?” не имело смысла.

Поднимаемся с Володиёй Попковым и с директором студии Альбертом Путинцевым в кабинет, Большак по “вертушке” звонит в ЦК и спрашивает, что делать. Помощник Щербицкого говорит, что завтра фильм будет смотреть Ельченко. Назавтра всё начинается сначала, но я уже от пульта глаз не поднимаю, успеваю только вытирать мокрые ладони. Опять гаснет экран, Ельченко улыбается, говорит: “Молодцы! Скажу Владимиру Васильевичу” — и идёт к выходу.

В Москве фильм сдали якобы без проблем, но акт приёмки не выдали: дескать, пусть посмотрит Щербицкий. Объясняем, что смотрели Ельченко, Бака, идеологический отдел ЦК КПУ. Но Котов (куратор Украины во всесоюзном Госкино) упёрся: подавай ему мнение первого секретаря. И ещё выяснял, что думает Лобановский. Лобановский, посмотрев, сказал, что “клюквы в фильме почти нет”.

Мнение Лобановского не сработало. В Москве ждали, что скажет Щербицкий. Через два дня после возвращения из Москвы в Киев раздался звонок: “Щербицкий выходил из зала, довольно улыбаясь...”».

Поддержка сильных мира сего? Она была, есть и будет во все времена,

при всех режимах. По-разному только «сильные» именуются, но без них — не обойтись. Футбол — социальное явление, шоу, бизнес: всё в одном флаконе. Разумеется, Владимир Васильевич Щербицкий многое старался сделать для того, чтобы лучшая команда Украины как можно чаще становилась лучшей и в огромном СССР. Назвать «неограниченной» поддержку Щербицким, которая, к слову, относилась не только к Лобановскому, а ко всем, кто при нём тренировал «Динамо», не представляется возможным. Она ограничивалась «зоной компетентности», граница которой проходила, образно говоря, по порогу раздевалки футбольной команды: перешагивать через неё не позволяли никому ни Маслов, ни Лобановский. От власти требовалось создание режима наибольшего благоприятствования: финансы на премии, квартиры и автомобили. В зону ответственности тренеров власть не допускалась. Да она и сама старалась не вмешиваться в спортивные дела. Вернее, её приучили быть такой. Ни Маслов, ни Лобановский перед властью никогда не заискивали. Оба никогда ничего не просили для себя.

Ничего не просил для себя и Константин Иванович Бесков, когда откликнулся поздней осенью 1976 года на просьбу самого «сильного московского мира» той поры, первого секретаря МГК КПСС, члена Политбюро ЦК КПСС В. В. Гришина вернуть «Спартак» в высшую лигу. Не просил, ограничив поддержку команды со стороны власти её содержанием и обговорив принципы невмешательства в тренерскую работу.

На Западе тоже всегда были свои «сильные мира сего». Сильвио Берлускони в «Милане», семейство Аньелли в «Ювентусе»... В Лондоне уже в новейшей истории появился российский олигарх Роман Абрамович, купивший «Челси», нанимавший на работу тренеров и увольнявший их точно так же, как поступали в СССР в тех случаях, когда тренер не добивался с командой успеха.

Свои «сильные» появились в России: Леонид Федун в «Спартаке», Сергей Галицкий в «Краснодаре»... А разве не «сильные мира сего» братья Суркисы, благодаря которым возродилось киевское «Динамо», или Ринат Ахметов, поднявший «Шахтёр» на невиданную прежде для этого клуба высоту?..

И все они, что на Западе, что в России, оказывают нанятым специалистам огромную поддержку, ограниченную лишь тренерскими условиями невмешательства в их дела. До поры, правда, до времени.

Глава 25

ПЕЛЕНА ЛЖИ И ПЕРЕСУДОВ

«Таких людей, как Лобановский, — говорил известный тренер Виктор Прокопенко, — после смерти обычно окутывает пелена лжи и пересудов». Остаётся только пожалеть о том, что воспоминания об ушедших людях часто отличаются «безнадзорностью и безответственностью». «Иногда, — с печалью говорил Александр Ширвиндт, — в них встречается не просто небрежность, а враньё. И трудно поймать за руку, потому что чем больше проходит времени, тем меньше остаётся очевидцев. Иногда хочется сказать: “Подождите, я это знаю, я это видел, я при этом присутствовал”, чтобы немножечко остудить это оголтелое враньё».

Без упоминания об этом не обойтись. Хотя бы ради того, чтобы выдумки, несуразности и глупости не «застряли» в памяти тех, кто интересовался и продолжает интересоваться футболом вообще и киевским «Динамо» и Валерием Лобановским в частности.

Выдумки о Лобановском конструировались не на принципах точности изложения фактов, а в полном соответствии с тем, что намеревались преподнести читателям их авторы. Случались порой просто казусные вещи.

Вот несколько примеров.

21 февраля 1990 года на страницах «Литературной газеты» Аркадий Галинский статью «Играют руководители», размешенную под рубрикой «Заметки об антифутболе», начинает так:

«Когда В. Лобановский стал тренером и команда “Днепр” на третьем году его работы в ней стала решительно пробиваться в высшую лигу, я предложил писателю Аркадию Арканову совершить со мной путешествие в автобусе “Днепра” по маршруту Днепропетровск — Кишинёв — Одесса — Днепропетровск (предварительно согласовав, конечно, всё это в команде). В результате Арканов поместил в журнале “Юность” очерк, в котором предсказывал Лобановскому завидную тренерскую судьбу. В очерке, правда, не упоминалось, что наше турне оказалось короче запланированного: в Одессе мы сели в московский самолёт, ибо матч “Черноморец” — “Днепр” решили не смотреть...”

И дальше Аркадий Романович рассказывает, почему Арканов и он в 1971 году не остались в Одессе смотреть матч между «Черноморцем» и

«Днепром». «Когда мы, — поведал Галинский, — ехали в автобусе “Днепра” из Кишинёва в Одессу, футболистов в дороге проинформировали о распоряжении Спорткомитета УССР, которое заключалось в том, чтобы “Черноморец” матч проиграл».

Днепропетровская команда на момент игры в Одессе обеспечила себе право на переход в высшую лигу. Точно так же, как и его конкурент в борьбе за первое место в турнире лиги первой — московский «Локомотив», который в тот же день принимал дома «Крылья Советов» из Куйбышева. В случае побед «Днепра» и «Локомотива» обе команды набрали бы по 63 очка и пришлось бы учитывать разницу забитых и пропущенных мячей — основной (после очков) показатель, определяющий победителя. На момент заключительного тура разница эта у «Днепра» была +51, у «Локомотива» +48. Простая арифметика: победа «Днепра» в Одессе со счётом 1:0 заставляла «Локомотив» для завоевания «малых золотых медалей» забивать «Крыльям» пять безответных мячей, 2:0 «потребовали» бы шесть мячей, 3:0 — семь...

Всем наблюдателям за исходом борьбы в первой лиге было ясно: «Днепр» своего не упустит и у «Черноморца» (который ни подняться в таблице с третьего места в случае выигрыша не сумел бы, ни опуститься в случае поражения ниже) непременно выиграет.

Неясно лишь, в каком виде в «Днепр» поступило «распоряжение Спорткомитета УССР», предписывавшее «Черноморцу» (а в «Черноморец» — поступило?..) проиграть, о чём упоминает Галинский. Срочной телеграммой, доставленной фельдъегерем, догнавшим передвигавшийся между Кишинёвом и Одессой автобус на мотоцикле? Пересказом содержания документа по телефону (в те времена, правда, мобильной связи не существовало)? Почтовым голубем?..

Но любопытно даже не это, а та версия той же истории, которую Аркадий Арканов в интервью газете «Спорт-экспресс» в 2012 году назвал «смешной». Оказывается, Арканов никуда с Галинским из Одессы не улетал и на матче «Черноморец» — «Днепр» присутствовал.

«Лобановский, — рассказал Арканов, — знал: “Крылья” получили указание проиграть. Ситуация безнадёжная. Но он провёл всех. Я прилетел (а как же автобус, в котором Галинский путешествовал вместе с Аркановым? — А. Г.) в Одессу, пришёл в его номер. Лобановский спрятал меня за портьерой, а сам пригласил на разговор тренера “Черноморца”. Тот садится за стол: “Валерий Васильевич, я вас поздравляю с выходом в высшую. Завтра играть против вас будем, но саблю уберём”. Мне Лобановский потом сказал коротко: “Обстановка будет благоприятная”.

Далее он протягивает помощнику конвертик и посылает в Москву — раздать лучшим игрокам “Крыльев” по 250 рублей. Чтобы бились с “Локомотивом” всерьёз. То, что теперь зовётся “стимулированием”.

Самое главное из сценария Лобановский от меня скрыл, хотя посадил на скамейку “Днепра”, чуть позади себя. 18.00 — начало матча. Иgraют минуты две. Арбитр свистит — на поле выбегают пионеры. Читают стихи, поздравляют “Днепр” с повышением в классе. Даже галстуки кому-то повязали. На это уходит минут пятнадцать. Матч возобновляется. Я пока ничего не понимаю. Вскоре на стадионе Черноморского пароходства вырубается электричество. За время, что чинят, в Москве завершается первый тайм. И становится известно: “Крылья” ведут 1:0. А в Одессе по нулям. Матч-то не начинался толком. И когда начался второй тайм, в Куйбышеве матч закончился (на самом деле играли в Москве! — А. Г.). В итоге “Днепр” спокойно выиграл 3:1, а “Локомотив” с трудом сравнял счёт. Лобановский взял первое место. Светился от того, как его ловушка сработала. Комбинация удалась. Я вот не знаю — это неспортивно или маленькая хитрость? Жульничеством это не назвал бы. Лобановский перехитрил условия, в которых оказался».

История действительно «смешная», прав Аркадий Михайлович. Как не посмеяться, если один Аркадий — Галинский — утверждает, что они с Аркановым на игру в Одессе не остались и вместе улетели в Москву, а другой Аркадий — Арканов — в подробностях рассказывает, как он прятался за портьерой в номере Лобановского, а потом сидел на скамейке «Днепра»? Разве не весело, когда Арканов говорит о том, что он «прилетел в Одессу», а Галинский утверждает, что они приехали в город на автобусе днепропетровской команды?

И совсем становится смешно, — ну, что поделать, писатель, тем более сатирического жанра, он и есть писатель! — когда Арканов пытается заставить читателя всерьёз поверить сюжету с «портьерой» и с «приглашением на разговор» одесского тренера (им был на момент завершения сезона Анатолий Зубрицкий) в гостиничный номер коллеги из гостевой команды, не говоря уже о совершенно анекдотичном варианте с пионерами, выбежавшими на поле уже после того, как игра началась, и с вырубившимся электричеством.

Несведущий человек, можно предположить, на всё это легко купится. Сведущий же удивится, поскольку: а) «Днепр» к 20-й минуте матча, вовремя, стоит заметить, начавшегося, вёл со счётом 3:0 (первый гол гости забили на 3-й минуте — это к ремарке «в Одессе по нулям») и б) сразу по завершении одесского матча футболисты «Днепра» не знали, как

завершилась встреча в Москве: они отправились в раздевалку и молча сидели в креслах. Обрадовались и бросились обниматься лишь после того, как спустя несколько минут после победной игры в раздевалку быстрым шагом зашёл Лобановский и сказал: «В Москве “Локомотив” сыграл вничью. Поздравляю всех! Малые золотые — ваши!»

«В Кувейте, — рассказывает в интервью газете «Спорт-экспресс» Савелий Мышалов (ни разу за три года у Валерия Васильевича там не побывавший), — Лобановский мало двигался. Условия у него были как у падишаха. Завтрак доставляли на подносе прямо к бассейну. И рюмочка прилагалась, как я понимаю».

«Падишах»... На завтрак у Лобановского (и не только в Кувейте — везде) были молочные продукты, каша, иногда сосиска. Завтракал он в Эль-Кувейте на вилле за столом на кухне. Бассейна на территории виллы не было вовсе. Лобановский, и это опять же может подтвердить каждый, кто тренера знал, никогда, ни при каких обстоятельствах не позволял себе выпить что-то алкогольное даже днём, за обедом, не говоря уже об утренней поре.

«В мою бытность главным редактором издательства “Физкультура и спорт”, — рассказывает журналист Валерий Винокуров, — у нас вышла книга Лобановского. Заехав за авторскими экземплярами, он сразу зашёл ко мне в кабинет: “Пришёл тебя поблагодарить”. — “Это мы тебе благодарны, — ответил я, — за то, что принёс рукопись нам, а не в другое издательство”. — “Да не в этом дело, — продолжил он, — а в том, что ты ничего в ней не вычеркнул. Ничего из того, где я с тобой спорил и возражал тебе”. — “Как же я мог! Ведь ты же не можешь ничего вычёркивать из моих статей!” Всегда скупой на проявление эмоций, уходя, он не ограничился рукопожатием, как бывало прежде. Мы обнялись. Словно бы предчувствуя, что больше не увидимся».

Оставлю за скобками целенаправленную травлю Лобановского, выбранного им и его единомышленниками направления, травлю, одним из самых активных участников которой был Винокуров. Позволю себе внести ясность относительно сказанного Валерием Изидоровичем. Я был литературным помощником Лобановского. Книгу «Бесконечный матч» мы делали вместе по инициативе директора издательства Василия Жильцова. Начну с того, что после выхода книги в свет (весна 1989 года) Лобановский никогда не приезжал в издательство «Физкультура и спорт» за авторскими экземплярами. Не уверен, признаться, что он вообще знал, где находится это издательство. Авторские экземпляры, а также несколько дополнительных пачек с книгами я привёз к себе домой, откуда их, как

только представился случай, забрали возвращавшиеся в Киев на микроавтобусе сотрудники административной группы киевского клуба. Кроме того, «Бесконечный матч» не есть полемика с каким-то отдельным журналистом. В процессе работы над книгой и близко не возникал вопрос о том, что Лобановскому с кем-то надо спорить и кому-то возражать. Редактором книги была Вера Шабельникова, с которой оперативно решались все вопросы и по просьбе которой вносилась минимальная, чисто редакторская правка. И, наконец, странноватым, мягко говоря, выглядит «предчувствие» Винокурова, будто бы обнявшегося с Лобановским, о том, что они больше не увидятся — в 89-м до кончины тренера оставалось тринадцать лет...

А вот ещё хлеще. Лобановскому, сообщил в интервью газете «Спорт-экспресс» Герман Зонин, «Юрка Морозов перевёз все мои конспекты. По ним работал... С какого-то момента Лобановский работать перестал — только стоял на балконе, покрикивал оттуда. Взял Морозова к себе в комплексную группу...».

И этому пассажи прочитавшие его поверят. А как не поверить? Ведь не человек же с болельщицкой улицы говорит, а тренер, приводивший в 1972 году луганскую «Зарю» к чемпионскому титулу.

Какие «конспекты» мог перевезти Лобановскому «Юрка Морозов»? И — когда?

Во-первых, Морозов по праву, в отличие от Зонина, считался одним из крупнейших в нашей стране специалистом по организации тренировочного процесса с привлечением в него достижений спортивной науки.

Во-вторых, в сборной СССР Морозов стал работать с Лобановским в 1975 году, до этого они близко знакомы не были. А в 1975-м киевское «Динамо» под руководством Лобановского и Базилевича выиграло европейский Кубок кубков и чемпионат Советского Союза (годом раньше чемпионат и Кубок страны), полным составом входило в национальную сборную. Герман Зонин же в 75-м с огромным трудом удержался с «Зенитом» в высшей лиге советского чемпионата, заняв четырнадцатое место из шестнадцати. Сложно представить, как Лобановский теребит «Юрку Морозова» и просит его привезти в чемпионскую команду, заставившую в те годы заговорить о себе футбольную Европу, в том числе и благодаря современным методам ведения тренировочного процесса и построения игры, конспекты тренера, команда которого едва не вылетела в первую лигу, и наконец-то приступить к работе по этим конспектам. И уж тем более невозможно представить Лобановского, стоящего на балконе, покрикивающего с верхотуры, и Морозова, всегда с Лобановским

тренировавшего сборную СССР, в комплексной группе.

Не мог Герман Семёнович, один из главных «Мюнхаузенов» отечественного футбола, не поведать и о своей «лепте», внесённой в дело появления Лобановского на тренерской скамейке «Динамо». Для начала он рассказывает о том, как прямо на взлётной полосе (неизвестно вот только, на каком аэродроме) его запикивали в чёрную «Волгу» и везли на аудиенцию к Щербицкому. «Щербицкий, — говорит он, — даже звал меня возглавить “Динамо”, но я отказался, когда он сказал, что для меня снимает Севидова. Я на живое место ни за что не пошёл бы».

Рассказывает Зонин и о том, как после матча последнего тура чемпионата СССР «Днепр» — «Заря», в котором его «Заря» обыграла «Днепр» (2:1), они втроём — Олег Александрович Ошенков, возглавлявший тогда отдел футбола украинского Спорткомитета, Лобановский и Зонин — сидели в гостинице, и Ошенков сказал: «Я без вас, Герман Семёнович, в Киев возвращаться права не имею!» А Зонин, по его словам, в ответ принялся нахваливать Лобановского, сидевшего рядом: «Он, дескать, и моложе, и рисковать ещё имеет право. В отличие от меня. Так и увезли его в Киев».

Герман Семёнович не уточняет, к сожалению, что было раньше: запикивание в чёрную «Волгу» и отказ от работы в киевском «Динамо» на аудиенции у Щербицкого (о факте которой, к слову, не мог вспомнить ни один из помощников Владимира Васильевича) или же отказ Ошенкову, «не имевшему права» возвращаться в Киев без Зонина.

По части переданных Лобановскому «конспектов» Зонин не одинок. В октябре 2001 года, после выхода очередного номера журнала «Огонёк», я позвонил Лобановскому и поинтересовался, почему он мне никогда не рассказывал о том, как пришёл к своим тренерским идеям: мы бы могли использовать это в книге «Бесконечный матч».

— Ты сейчас о чём? Поясни, — попросил Лобановский.

Я прочитал ему, не называя источник, отрывок из интервью Владимира Маслаченко, опубликованного в «Огоньке».

«Я работал в республике Чад тренером, — рассказал Маслаченко. — Постоянно экспериментируя, я пришёл к удивительным выводам и разработал новую тактику игры в футбол. Я в 1972 году утверждал, что практически всего можно достичь со средними футболистами и что многое, ох, как многое, зависит от физической и технической подготовки игроков. Тогда я об этом рассказал Лобановскому, и после этого Лобановский взял и стал применять эти мои тактические схемы. Все говорят: вот Лобановский новый тотальный футбол придумал, и никто не вспоминает, что весь этот

тотальный футбол, которым сейчас восхищаются и в который сейчас играет весь мир, придумал не кто иной, как ваш покорный слуга Маслаченко. А Лобановскому я всегда говорил: Лобан, ты, извини, ты звёзд с неба не хватаешь... Я сам с Украины, но никогда не любил киевский футбол. Лобановского я просто не люблю. Но, с другой стороны, он действительно молодец: взял и смог воплотить лучшие мои идеи в жизнь. Ведь что он делает? Он просто берёт молодых футболистов и заставляет их бегать, как лошадей, а также выполнять другие сложные физические упражнения. Всё! Больше ничего... К тому же он не совсем правильно меня понял в том смысле, что он чересчур увлёкся физическими нагрузками и совсем забыл о технике...»

— Признайся, — удивился Лобановский, выслушав отрывок, — что ты всё это выдумал для очередного своего фельетона.

— Нет, Васильич, — ответил я, — всё это правда: только-только опубликовано. Так всё же — почему ты этого никогда не рассказывал?

— Перестань, — сказал Лобановский. — Прочти лучше ещё раз.

Я прочитал. Никогда прежде и никогда после этого не слышал такого смеха Лобановского. Он не мог остановиться. Иногда сквозь смех прорывалось: «Мои тактические схемы...», «придумал тотальный футбол...», «воплотил мои идеи в жизнь...».

Вволю насмеявшись, Лобановский сказал: «Даже предполагать не хочу, чем вызван этот, как бы помягче сказать, никого не обидев, пограничный с манией величия всплеск закомплексованного человека. Пусть другие догадываются... Поверить в этот бред невозможно...»

«“Система Лобановского”, — просвещал читателей со страниц еженедельника «Футбол + хоккей» (не путать с традиционным «Футболом-хоккеем») бывший профессиональный фехтовальщик Андрей Морозов, — это колоссальный фарт, который был у Лобановского, когда в его команде играл Блохин. В своё время, когда киевляне выигрывали чемпионат СССР, первый секретарь Компартии Украины Щербицкий обычно дарил команде пару талонов на приобретение вне очереди явной роскоши — автомобиля “Волга” чёрного цвета. Динамовцы так часто выигрывали союзное первенство, что “Волги” были у всех. Но Щербицкий продолжал их дарить... Так вот, когда Лобановскому приходили талоны на машины, он вызывал лидеров команды. Талонов обычно было меньше, чем лидеров. Кидали жребий. И Блохин всё время выигрывал! Тренеру даже предлагали отдавать Блохину машину без жребия — всё равно выиграет! Так что везучесть Блохина — его главное тренерское качество...» Ну здесь уж, как говорится, вообще без комментариев!

Александр Бубнов, абсолютно не имея даже начальных знаний в области спортивной фармакологии и не играя в киевском «Динамо», утверждает, что «применение фармакологических препаратов в Киеве было поставлено на самый высокий уровень». «Киевлян, — говорит он, — так прокалывали, что к соревнованиям весь допинг выходил. Правда, тогда ещё не было такой чувствительной аппаратуры, как сегодня, которая позволила бы обнаружить следы применения допинга. Всё это в Киеве тщательно скрывали».

Бубнов между тем делает вывод: «По сути “Динамо” и “Спартак” оказывались в неравных условиях. И как Бесков, который, конечно, знал о применении допинга в Киеве, мог бороться с “Динамо”, если там использовали фармакологию, а мы шли на собственном ресурсе».

С этим выводом, совершенно бездоказательным, не стыкуется бубновское же предположение о том, что его партнёр по «Спартаку» Фёдор Черенков мог принимать предложенный спартаковским врачом допинговый препарат. «Я, — пишет Бубнов в книге «Спартак: 7 лет строгого режима», — от допинга отказался, но в тот момент даже не подумал, что другие могли согласиться. И когда у Феди Черенкова начались проблемы с психикой, невольно закружилась мысль, а не в допинге ли причина. Федя же носился как угорелый. Мог ли допинг дать побочный эффект? Всяко могло быть».

Сотрудник Совинтерспорта Владимир Абрамов рассказывает, как во Франции, где играл клиент этой обиравшей футболистов организации, Сергей Скаченко сообщил жене, что летит на сбор в Киев: «Лобановский собирает нас после ноябрьских праздников». — «Ага, беги быстрее, а то никак не наиграешься, — отреагировала, со слов Абрамова, жена Скаченко. — Давно враскоряку не ходил?! Как вернётся со сборов — ходить не может, вся промежность воспалена. Как в Киев поедет, у него там каждый день понос, чем их там кормят?»

И Абрамов на основании этого занимательного супружеского диалога принимается рассуждать о Валерии Васильевиче как о большом знатоке «специфического питания», утверждает, что, «пожалуй, лишь Блохин, который состоялся в “Динамо” без всевидящего ока Лобановского (? — А. Г.), мог позволить себе пообедать без приёма горсти таблеток», и, щеголяя поразительной наблюдательностью, со знанием дела сообщает о том, что все вечера «“Динамо” в полном составе сидело на “горшках”, растирая туалетной бумагой зад до красноты».

Только и остаётся, возвращаясь к обмену репликами четы Скаченко, добавить, что при Лобановском Скаченко в национальную команду

Украины не приглашался *ни разу*. «После ухода Сабо из сборной, — уточнил Скаченко в интервью журналисту Михаилу Спиваковскому, — я за эту команду не выступал. Лобановский меня не вызывал».

Журналист Борис Минаев рассказал на страницах «Огонька», что из привычек Лобановского, «любившего порассуждать о засолке грибов или огурцов», «самой знаменитой была одна — грызть во время игры семечки». «Эту же привычку, — пишет Минаев, — перенял и весь тренерский штаб. Видимо, Лобановский говорил им: чем курить, лучше грызите. Проживёте дольше. А может быть, не хотел, чтобы они говорили глупости, пусть лучше жуют, рот будет занят. После игры вокруг скамейки запасных всегда оставался густой слой подсолнечной шелухи. В Барселоне к ним подошли представители “Барселоны” и предложили несколько кило очищенных семечек. Лобановский гордо отказался. “У нас свои, с Украины”, — сказал он».

И эта публикация, случись она при жизни тренера, вызвала бы его обращённый ко мне вопрос: «Ну, признайся, что сам выдумал?!»

Во-первых, Лобановский никогда не рассуждал о том, что его не интересовало, что он не знал и знать не хотел — засолка грибов и огурцов в список этих тем входила по умолчанию.

Во-вторых, он *никогда* не грыз семечки и не любил, когда кто-то грыз их рядом с ним. Представить себе густой слой шелухи возле скамейки запасных киевского «Динамо» невозможно! Аккуратист, поддерживавший чистоту и порядок везде, где он находился, Лобановский только за попытку погрызть во время игры семечки выгнал бы с лавочки любого без права возвращения на неё.

Однажды в Эль-Кувейте мы со Светой и её мужем Валерой устроились на вилле в гостиной за какой-то увлекательной настольной игрой и машинально грызли при этом семечки. В какой-то момент из своего кабинета вышел Валерий Васильевич. Оглядев нашу компанию, сказал, глядя на меня: «Ну, они — ладно, уже пропащие. А ты-то зачем на поводу у них с этими семечками пошёл?..»

В-третьих, хотел бы представить картину: на «Камп Ноу» (!) к Лобановскому, сосредоточенному перед важнейшим матчем Лиги чемпионов (!), подходят люди в клубных костюмах с эмблемой «Барсы» и пытаются всучить мешок с очищенными семечками, прося при этом переводчика объяснить господину Лобановскому, что очищали их специально для того, чтобы «вокруг скамейки запасных уважаемого нами клуба не оставался густой слой шелухи»!

«Валерий Васильевич, — рассказывал 15 апреля 2016 года (опять же

— в интервью «Спорт-экспрессу») Валерий Петраков, бывший футболист «Торпедо», сам потом вставший на тренерский путь, — с Козьмичом (речь о Валентине Козьмиче Иванове, замечательном торпедовском тренере. — А. Г.) в хороших отношениях были. Встречаемся на сборах в Адлере, так они закрывались после игры и сидели двое суток! Потом выходят — чёрные, обросшие».

Для чего Петраков выдумывал такое, понять невозможно. Ради красного словца? Ради того, чтобы унизить Валерия Васильевича и Валентина Козьмича, «приземлить» их, поставить в один ряд с собой?.. Лобановский всегда и во всём был для своих футболистов примером — в том, что касалось отношения к делу, к товарищам по команде, быту... Его никто и никогда, кроме жены Ады в редкие утренние минуты, не видел небритым. Тщательно выбритым он был всегда. Иногда, если вечером предстояла какая-то важная встреча, он брился второй раз в день. Даже в палате в запорожском медицинском центре, находясь фактически при смерти и редко приходя в сознание, он в минуты просветления первым делом настаивал на том, чтобы его побрили.

Глава 26

«ПРОРОКОВ НЕТ В ОТЕЧЕСТВЕ СВОЁМ...»

Тактика под игрока или игрок под тактику? До сих пор многие тренеры, когда им начинают объяснять, в каком направлении развивается футбол, говорят: «Это всё хорошо. Но вот у меня такие игроки и других нет. Значит, я должен под них подстраиваться». В таком случае о перспективе, о будущем, об эволюции футбола говорить бессмысленно.

По Лобановскому — игрок под тактику. Только так. В этом он видел прогресс футбола. Тренер, считал он, должен видеть образ игры. А если тактика под игрока, то тренер, грубо говоря, опускается до уровня футболиста, попадает в зависимость, его творческие идеи уже не реализовываются, он довольствуется тем, что у него есть. «Да, — говорил Лобановский, — может быть, он сумеет решить какую-то локальную задачу в чемпионате, в розыгрыше кубка страны или в каком-то турнире. Но — не более того. Лишь когда игроки подбираются под образ игры, которая будет, возможно, даже не завтра, не послезавтра, а ещё позже, — вот тогда и может быть прогресс футбола. Без этого — не будет».

Часто вспоминают звёздные для киевского «Динамо» 75, 86, 88-й годы. Тогда игроки подбирались под тот образ игры, который видел Лобановский. Разумеется, при этом в команде главенствующую роль играл налаженный в соответствии с требованиями современного футбола тренировочный процесс, поскольку следовало подготовить игроков так, чтобы они могли реализовывать ту тактику, которую предлагает тренер.

Лобановский приводил пример с Заваровым. Это был фрагментарный игрок, форвард, который делал какое-то индивидуальное действие и потом на несколько минут выпадал из игры. «Заваров — талантливый», — говорили о нём. Но вот попал он в киевское «Динамо», где другие принципы игры. Три года он осваивался в новой обстановке. Когда адаптировался и — главное — усвоил законы развития современного футбола, превратился в совершенно иного футболиста. Если в прежней игре Заварова было немножко таланта, то в новой — грани его таланта засверкали ослепительно. Заваров стал играть по всему полю, великолепно вёл борьбу. Он и забивал, и созидал, и разрушал. «Так вот, скажите, —

спрашивал Лобановский, — он прибавил в своём мастерстве или же мы помешали развиться его таланту? Конечно, он прибавил, потому и стал очень дорогим, по тем временам, футболистом в Европе. Хочу заметить, что уже тогда фрагментарные игроки, которые умеют хорошо делать только что-то одно, были не нужны».

Приводил Лобановский и пример из своего постближневосточного периода: Андрей Гусин. Он бывший центрфорвард. Играл за сборную Украины на этой позиции, даже гол хорватам в товарищеском матче забил. И в Израиль ездил пробовать себя на месте центрального нападающего. Лобановский же, видя его потенциальные возможности, решил раскрыть их, реализовать. Гусин умеет блестяще играть головой? Так он будет оказываться в штрафной соперника, действуя и в середине поля. Он чувствует голевую позицию? Так он и будет её чувствовать, никуда это от него не денется.

Что же произошло с Гусиным? Лобановский, увидев его во второй динамовской команде и удивившись («А этот парень что здесь делает? Немедленно в первую!»), расширил зону его действий — от штрафной до штрафной. Он блестяще проявлял себя в отборе, отлично играл при разрушении атак соперников, мог дать точную передачу, неожиданно для соперника врвался в штрафную. Гусину в «Динамо» создали условия для того, чтобы он использовал весь свой потенциал. И он стал совершенно другим футболистом. К матчу с ПСВ в Лиге чемпионов динамовцы готовились в Израиле. Местные тренеры, которые знали Гусина, подходили после контрольных матчей к Лобановскому и говорили: «Да это же совсем другой футболист!»

Лобановскому пеняли: разработанные им модели тренировочного процесса мешают развитию индивидуальных качеств, тормозят прогресс игрока, лишают футболиста возможности раскрыть свой талант в полной мере. «Нет, — твёрдо отвечал он. — Всё наоборот: модели, если им неукоснительно следовать, помогают, как ничто иное, развитию индивидуальных способностей каждого игрока. Но существуют принципы коллективного ведения футбольной игры. Их ни в коем случае нельзя игнорировать, потому что в таком случае и командные действия, и лучшие проявления индивидуальных способностей превратятся в бессмыслицу. Один из важнейших принципов: непрекращающаяся борьба на футбольном поле. Если надо бороться, то всем без исключения следует делать именно это — бороться. А если кто-то иначе мыслит и не будет бороться, то это означает одно: в коллективе разные представления о способах достижения цели.

Без понимания требований современного футбола сделать конкурентоспособную команду невозможно. Игроки должны понимать, воспринимать и делать даже больше того, что им предлагает тренер, дабы быстрее прогрессировать».

Когда Лобановский говорил об эволюции футбола, то подчёркивал: изменения происходят также в сознании болельщиков, журналистов, специалистов: «Если раньше главенствовал тезис: “Выиграла команда — выиграли игроки, проиграла команда — проиграл тренер”, то сейчас всё изменилось. Есть тактика и есть её реализация. Тактику реализовывают игроки». «Если бы до наступления эры тотального футбола, — рассуждал Лобановский, — кто-то сказал футболистам и тренерам, что грядёт эпоха именно такого футбола, никто бы не поверил “пророку”, не воспринял бы это всерьёз. Но в том-то и прелесть футбола, что он развивается независимо, например, от мнения Вальдано. Или от мнения Лобановского. Или — Бескова. Это — процесс. Процесс развития. И никто не может его остановить. И в сегодняшнем футболе совершенно иные, в сравнении с прежними, критерии оценок работы футбольных специалистов».

Рассуждая о системе современного футбола, Лобановский напоминал: история развития игры свидетельствует о том, что без Бориса Андреевича Аркадьева, без Виктора Александровича Маслова, которые подвергались жесточайшей критике, но делали своё дело, отечественный футбол не прогрессировал бы.

Английский журналист Джонатан Уилсон называет трёх выдающихся советских тренеров. Это, во-первых, Борис Аркадьев. Именно он первым в мире стал играть по схеме с четырьмя защитниками, прививал ЦДКА стиль быстрых коротких передач. Аркадьевские идеи оказали огромное влияние на развитие всего советского футбола.

Во-вторых, считает Уилсон, потрясающим тренером был Виктор Александрович Маслов. Схема 4—4—2 стала применяться Масловым и сэром Альфом Рамсеем в одно и то же время. По мнению Уилсона, прессинг в футболе изобрёл и первым стал применять Маслов в киевском «Динамо», и этот момент может считаться моментом рождения современного футбола со всеми вытекающими — из прессинга — последствиями.

«Команда великого русского тренера Виктора Маслова, — пишет Уилсон, — активно атаковала владеющего мячом соперника, и система была настолько хороша, что позволяла ликвидировать разрывы, которые в других обстоятельствах противник мог бы использовать. Этот метод получил дальнейшее распространение в киевском “Динамо” великого

Валерия Лобановского и в “Аяксе” Ринуса Михелса. Стил “Аякса” органично прививался футболистам, игравшим вместе с юных лет. Лобановский, первым начавший использовать в футболе компьютерные технологии, насаждал тем временем своё видение игры в “Динамо”. Этот стиль достиг апогея в “Милане” Арриго Сакки, выигравшем Кубок чемпионов в 1989 и 1990 годах, — клубе, завоевавшем главный европейский трофей два года подряд».

И, наконец, Лобановский, который вывел тот же прессинг на совершенно новый уровень, максимально используя в футболе достижения науки. Он создавал продуманные до мелочей тренировочные программы, тестировал игроков, анализировал игры — словом, делал всё то, что сейчас в футболе считается аксиомой. «Но Лобановский, — говорит Джонатан Уилсон, — опередил время».

Арриго Сакки в 1988 году был восхищен прессингом, продемонстрированным сборной СССР на чемпионате мира в ФРГ. Лобановский тогда, будучи убежден, что уровень функциональной готовности всех игроков позволяет его команде активно прессинговать на протяжении почти всего матча, поразил футбольную Италию. Сакки, взявший для «Милана» на вооружение основные методы ведения коллективного отбора мяча, приёмы эти тренировавший и применявший их на практике, сравнивает прессинг той сборной Лобановского с прессингом «Барселоны» при Гвардиоле и находит схожесть между этими командами. «Мы в “Милане”, — говорит он, — также придавали большое значение прессингу. Начинали оказывать давление на соперника уже на его половине поля... Прессинг утомляет противника, выбивает его из колеи и заставляет делать то, к чему стремишься ты. И даже в том случае, когда мячом владеет соперник».

Фабио Капелло, выдающийся итальянский тренер, с улыбкой вспоминал, как в феврале 1988 года он, молодой тогда специалист, работавший с одним из молодёжных составов «Милана», занимал в Чокко место либо на возвышении, либо на крыше административного корпуса и с блокнотом в руках наблюдал за тренировками сборной СССР, которую к чемпионату Европы готовил Лобановский.

«Я не пропустил ни одного занятия советской команды, — говорит Капелло. — Да и не мог пропустить, потому что мне посчастливилось наблюдать за работой тренера, заставившего коллег иначе взглянуть на возможности командной игры. Лобановский расширил их. В часы тренировок советской сборной мне удавалось переносить с разрешения руководителей свои тренировки, и я несколько об этом не жалел».

Неправда, однако, будто Капелло конспектировал лекции Лобановского на тренерских курсах в академии в Коверчано и учился по ним. Капелло не был ни на одной лекции, прочитанной Лобановским, и даже не был знаком с советским тренером. Иное дело, Капелло не раз и не два видел матчи команд Лобановского и тренировки киевского «Динамо» и сборной СССР и считает, что они были для него познавательными даже тогда, когда он сам уже работал тренером. А вот Ренцо Уливиери знал Лобановского и общался с ним, когда тренер читал лекции в Коверчано. «Но чувствовалось, — вспоминает Уливиери, — что Лобановский многого недоговаривал, не хотел до конца раскрывать свои секреты».

Кто-то выдумал, будто все итальянские тренеры, приступившие к практической работе во второй половине 70-х и в 80-е годы, являются учениками Лобановского. Миф, да и только! Речь должна вестись не об «учительстве» и «ученичестве», а о том лишь, что все действительно великие итальянские специалисты (Капелло, Марчелло Липпи, Арриго Сакки, Карло Анчелотти) спокойно, без боязни быть уличёнными в чём-то предосудительном, признавались, что всегда внимательно наблюдали за играми (а при случае и за тренировками) команд Лобановского и просмотр этих матчей и занятий заметно пополнял багаж их тренерских знаний.

Липпи, к слову, в отличие от Капелло, лекции Лобановского в академии Коверчано слушал. Когда Липпи привёз 12 ноября 2002 года «Ювентус» в Киев на матч Лиги чемпионов с «Динамо» — через полгода после кончины Лобановского, — на предматчевой пресс-конференции он сказал: «Прежде чем говорить о футболе, мне хотелось бы вспомнить о человеке, которого уже нет с нами, — это Валерий Лобановский. Когда я последний раз был в Киеве, “Динамо” тренировал ещё этот человек, и сегодня мне хотелось бы вспомнить о нём, вспомнить только добрым словом об этом великом человеке, об этой крупной фигуре в футболе. Он многому всех нас научил. Футбольный мир всегда будет помнить о нём. Хотя и с опозданием, но мне хотелось бы почтить его память».

Сакки с присущей ему дотошностью изучал методическую продукцию различных футбольных школ, в том числе предлагавшуюся киевским «Динамо». Сакки — один из тех выдающихся футбольных тренеров (Жозе Моуриньо в этом же ряду), кому так и не посчастливилось, несмотря на непередаваемую любовь к игре, стать профессиональным футболистом. Карьера игрока у него не задалась. Любовь же к футболу сохранилась: Сакки прекратил учёбу на бухгалтерских курсах, остался без диплома и целиком погрузился в изучение тренерского дела. К нему скептически относились сумевшие поиграть на высоком уровне коллеги. Сакки отвечал

им фразой, приписываемой Лобановскому: «Для того чтобы стать большим тренером, нужно убить в себе игрока». (Сам Сакки убеждён, что в футболе «пришло время для тренеров, которые не достигали игроцких вершин»; «Не обязательно быть лошадью, — говорит он, — чтобы потом стать наездником».)

Блестящий журналист, лучший, наверное, в России знаток итальянского футбола Алексей Логинов считает, что очень чётко просматриваются идеи Лобановского в таких аспектах футбола Сакки, как «отношение к звёздам, стремление к универсализации, внимание к мелочам». Итальянский специалист, как и Лобановский, требовал (и не на словах, а в тренировочном процессе и в матчах), чтобы футболисты владели навыками игры на разных позициях. Сакки не воспринимал наличие в команде так называемых «плеймейкеров», как и Лобановский, не воспринимавший само понятие — «диспетчер». «Для современной команды, — говорил он (и не на стыке веков, а гораздо раньше — в середине 70-х годов), — весьма накладно держать на поле так называемого диспетчера». Бальзам на душу Лобановского — слова Сакки: «Диспетчер, на мой взгляд, это тот игрок, у которого в данный конкретный момент находится мяч».

«В Италии пик популярности Лобановского, — пишет Логинов, — наступил после поражения от сборной СССР в полуфинале Евро-1988. Незабываемое впечатление на итальянцев произвела система игры, которую тут же окрестили футболом будущего. С того самого дня Лобановского в Италии стали называть не иначе как “Maestro del'calico del duemila” — учитель футбола нового века. После матча тренер Адзельо Вичини заявил, что ему нечего стыдиться этого поражения. Футболисты сборной СССР с первых минут взяли итальянцев в тиски прессинга (согласно терминологии Марчелло Липпи — “систематического прессинга”), из которого не смогли выбраться такие мастера, как Роберто Донадони, Джузеппе Джаннини и Фернандо Де Наполи». «“Тактика важнее игроков” — за одно это суждение Лобановского можно считать итальянским тренером».

На матче «Динамо» с «Ювентусом» в Турине побывал тогдашний главный тренер сборной Италии Чезаре Мальдини, глава знаменитой итальянской футбольной династии. Он честно сказал после встречи, что игра киевлян его разочаровала. «И не только меня, — добавил Мальдини-старший в интервью репортёру «Спорт-экспресс журнала» Георгию Кудинову. — Но у Лобановского, которого я хорошо знаю и уважаю как классного специалиста, была уважительная причина: его команда играла

первый матч после долгого перерыва, и чудес от неё ждать было трудно».

Чезаре Мальдини, как и многие его коллеги, не во всём соглашался с Лобановским, но очень высоко ценил умение киевского тренера ставить командную игру и его последовательность в деле создания не команд звёзд, а «команды-звёзды».

Капелло, побывавший в 1986 году на чемпионате мира в Мексике, тридцать лет спустя после турнира вспоминал, какое неизгладимое впечатление произвела на него сборная Лобановского. «Она, — сказал итальянец в интервью, опубликованном на портале чемпионат.ком 16 декабря 2012 года, — играла в очень быстрый — даже по сегодняшним меркам — контратакующий футбол. Это было нечто противоположное тому, во что играет та же “Барселона” с огромным количеством коротких передач. Советская команда искала кратчайший путь к чужим воротам. И знала, как его найти».

Капелло, как опытный тренер, подметил немаловажную деталь: Лобановский научил своих футболистов резко менять направление атак посредством точных, не тормозивших развитие игры, диагональных передач с фланга на фланг. Не мог итальянец не обратить внимания и на высокие скорости полузащитников, прежде всего реактивного Ярмчука, за два года до чемпионата мира ещё игравшего во второй украинской лиге, и нападающего Беланова, за два сезона превратившегося в киевском «Динамо» в форварда высокого европейского класса и ставшего обладателем «Золотого мяча».

«Я сразу понял, — сказал Капелло, — чей футбол мне напоминает стиль, практиковавшийся Лобановским. Моего учителя Эленио Эрреры! В “Интер” и “Роме” он ставил именно такую игру». Капелло говорит, что Эррера научил его «не бояться соперника, настраиваться на матчи и быть уверенным в собственной победе».

Эррера — один из самых почитаемых в Италии иностранных тренеров. Он на долгие годы заложил основы тактического направления, которое развивали многочисленные итальянские последователи Маэстро. В футбольной Италии всегда, в том числе в «золотые годы» калчо — «периода величайшего взлёта», как его назвал Алексей Логинов, никто не считал зазорным учиться не только у тренеров-сограждан, но и у иностранцев, прежде всего у Ринуса Михелса, творца тотального футбола, и у Валерия Лобановского, о котором автор книги об эволюции футбольной тактики англичанин Джонатан Уилсон сказал: «Весь футбольный мир живёт по Лобановскому. Его концепция повлияла на футбол больше, чем что-либо другое за последние 30—40 лет».

Лобановский входит в число тренеров, записи тренировок которых всегда на рабочем столе Липпи. Киевский тренер пленил его победой «Динамо» в Кубке кубков 1986 года и игрой советской сборной на чемпионате Европы 1988 года.

Липпи, по его признанию, испытал настоящее потрясение от игры команды Лобановского в полуфинале европейского первенства против Италии. Его мнение о матче полностью совпало с мнением выигравшего в 1982 году чемпионат мира Энцо Беарзота: «Советы играли с нами в футбол XXI века».

Уже в первых своих серьёзных клубах — «Чезене», «Аталанте», «Наполи» — Марчелло Липпи старался применять использовавшиеся Лобановским тренировочные методики. Против команды Лобановского Липпи с «Ювентусом» играл дважды — ничья 1:1 в Турине и победа 4:1 в Киеве в четвертьфинале Лиги чемпионов весной 1998 года. После киевского матча Липпи сказал: «Чтобы обыграть Лобановского, надо самому стать чуточку Лобановским».

«Лобановский, — вторит итальянцам знаменитый французский тренер Жерар Улье, — один из ведущих специалистов Европы, большой практик и теоретик футбола. Я очень хорошо знаком с его идеями. Они вдохновили большую группу тренеров. Я читал многие из его работ и получил от этого большое удовольствие. Особенно меня впечатлили разделы о роли скорости в футболе. Конёк Лобановского — быстрый атакующий футбол. В своё время он был пионером в области анализа статистических показателей».

Большая группа российских специалистов отправилась в конце сезона 1997 года на стажировку в итальянские клубы. Тренеров возили в «Милан», «Парму», «Фиорентину» и «Ювентус». Они знакомились с клубной инфраструктурой, наблюдали за тренировками и матчами, задавали специальные вопросы именитым итальянским коллегам. Липпи поинтересовался у гостей в Турине, откуда они приехали. Узнав, что из России, вымолвил: «Странно. У вас же есть Лобановский. Почему бы вам не спросить у него? Хотя бы о таком его изобретении, как моделированные тренировки».

Ещё одна группа российских специалистов выезжала в Италию в 1998 году. В её составе был и Никита Павлович Симонян. Гости просмотрели работу молодёжных команд «Милана», «Аталанты», «Пармы», «Фиорентины» и «Ювентуса». Тренером молодёжной команды «Милана» как раз тогда был назначен завершивший карьеру игрока правый защитник клуба Мауро Тассотти. Тренировку по физподготовке проводил он. «И что мы увидели на базе “Милана”? — вспоминает Симонян. — Сорок минут

мощнейшей работы без мяча! Когда тренировка закончилась, мы окружили итальянского тренера и один наш занимавшийся научной работой специалист спросил: “За счёт чего вы добиваетесь такого высокого уровня функциональной подготовки?” Тассотти рассмеялся: “Но мы же учились по вашей методике, по учебникам Зациорского, Верхошанского, Виру... Мы постоянно наблюдали за работой Валерия Лобановского...”».

Симонян с полным знанием предмета говорит о том, что итальянские и другие европейские клубы «переняли методику Лобановского с её акцентом на функциональную, атлетическую подготовку».

А что же Тассотти? Как только Андрей Шевченко стал в 2016 году главным тренером национальной сборной Украины, он сразу же пригласил Тассотти на роль одного из своих ассистентов.

Известный итальянский специалист по физической подготовке футбольных команд Винченцо Пинколини, многие годы работавший в «Милане» сначала с Сакки и Капелло, затем с Мальдини, Теримом и Анчелотти, в «Интере» с Липпи и на двух чемпионатах мира ассистентом главного тренера сборной Италии, называет Сакки «фанатом Лобановского». Зимой киевское «Динамо» и сборная СССР, когда её тренировал Лобановский, частенько приезжали в Италию, и, свидетельствует Пинколини, «многие итальянские специалисты отправлялись туда, где квартировала советская команда, — посмотреть на тренировки».

Липпи никогда не стесняется вспоминать, как в своё время слушал лекцию Лобановского, приглашённого на тренерский семинар в Италию. По наблюдениям Олега Базилевича, «наши тренеры, скорее всего, подобными воспоминаниями не обременены, потому что живут в полном согласии с постулатом насчёт роли пророка в своём отечестве». Впрочем, некоторые люди, работавшие с Лобановским бок о бок, утверждают: по большому счёту его опыт, пусть даже обобщённый в тысяче лекций мэтра, был бы всё равно неповторим.

«Ещё одно доказательство этому, — рассказывал украинский журналист Юрий Юрис, — я получил, когда волею судьбы познакомился с другим известным итальянским наставником — Невио Скалой. Мы беседовали на испанском сборе донецкого “Шахтёра”, толковали, что называется, о всяком разном. И надо было видеть, как сразу оживился итальянец при упоминании фамилии Лобановского! “Этим великим тренером нельзя не восхищаться, — сказал Скала. — Благодаря Лобановскому украинский футбол имеет достойную историю. Мы отлично знаем, что он сделал в киевском ‘Динамо’, мы многому у него учились”.

Вот так: они у него учились... А мы?»

«Когда я увидел занятия Лобановского, просто опешил, — рассказывает Курбан Бердыев, ставший одним из лучших тренеров в России. — Это сравнимо с ощущением, когда видишь процесс работы великого художника. Команда работает на тренировке как часы, и я, записывая содержание упражнений, подумал, что сам так сделать не смогу никогда». Это, безусловно, был переворот в учебно-тренировочном процессе, резко изменился подход в подготовке футболистов.

Представлять динамовский тренерский тандем на чемпионат мира 1974 года отправился Базилевич. Лобановский остался в Киеве. И — увидел гораздо больше коллеги. Руководитель информационной службы «Динамо» Михаил Ошемков (он же — единственный в середине 70-х её сотрудник) организовал не только «подсмотр», выражаясь телевизионным языком, всех матчей финальной стадии мирового первенства, но и запись игр — на японский катушечный видеомэгнитофон, только-только появившийся в те годы. Записывали в Киеве и Ужгороде, откуда плёнку распорядились доставлять через Министерство гражданской авиации — рейсовыми самолётами из Закарпатья.

«На следующий день после матчей, — свидетельствует Ошемков, — Лобановский не просто просматривал вместе с футболистами записи матчей с повторами тех или иных эпизодов. Он проводил ещё углублённые теоретические занятия, делая акценты на характерные, с его точки зрения, индивидуальные и коллективные действия».

Начало и середина 70-х — исключительно важный период в развитии мирового футбола. Период «последней революции». Дальше всё пошло по эволюционной спирали. Лобановский был одним из немногих тренеров, уловивших тенденцию. А возможно, и единственным, сначала задумавшимся, а затем и занявшимся детальной разработкой совершенно новой методики подготовки игроков.

«Валерий Лобановский, — говорил голландский тренер английского «Тоттенхэма» Мартин Йол в декабре 2006 года, — по-прежнему остаётся для меня образцом для подражания. Он был провидцем. Кроме него могу охарактеризовать так, пожалуй, лишь Ринуса Михелса и Луи ван Тала. Может быть, в один ряд с ними встанет и Жозе Моуриньо, но ему ещё предстоит это доказать. А таких тренеров, как Лобановский, по моему разумению, больше нет».

«Лобановский был гением своего дела! — высоко отозвался о киевском тренере Арриго Сакки в интервью журналисту еженедельника «Советский спорт-футбол» Георгию Кудинову. — Убеждён, весь

европейский футбол многим обязан этому тренеру! И мне он многое дал — я ведь на самом деле внимательно следил за его работой. Было дело, даже несколько дней провёл на базе Аппиано Джентиле под Миланом, где тренировались его команды. Но это был единственный случай. Обычно я посылал за ним по всей Европе своего помощника... А что вы хотите — Лобановский ведь опередил своё время! Он всё время что-то изобретал, фантазировал. Мне никогда не было скучно, когда я изучал его труды. У него был такой высокий авторитет и уважение в футбольном мире — ой-ой-ой! При этом он никогда не боялся показывать свои тренировки и не прятался от чужих глаз. Понимал, что мало увидеть, какие у него методы, надо ещё уметь воплотить их в жизнь».

«Лобановский — лучший тренер мира, — сказал на пресс-конференции перед матчем Лиги чемпионов «Байер» — «Динамо» тренер немецкой команды Кристоф Даум 28 сентября 1999 года в Леверкузене. — Я многому у него научился. Помню, во время европейского чемпионата 1988 года прорывался на тренировки руководимой им сборной СССР и записывал в блокнот всё, что делал советский тренер».

«Команды Валерия Лобановского, — говорит Луис Арагонес, чей клуб — мадридский «Атлетико» — киевское «Динамо» обыграло в финале Кубка кубков в 1986 году со счётом 3:0, — представляли собой футбольные машины, подавляющие соперников физически и подкреплявшие этот фактор тактической выучкой. Лобановский был новатором».

Вот так: «Опередил своё время» (Сакки), «многому у него научился» (Даум), «Лобановский был новатором» (Арагонес)... Как тут не вспомнить Анатолия Бышовца, буквально кричавшего летом 1990 года в зале на Лужнецкой набережной во время обсуждения выступления сборной СССР на чемпионате мира в Италии: «Лобановский отбросил наш футбол на несколько десятилетий назад!»...

Перед стыковыми матчами между украинской и немецкой сборными осенью 2001 года журнал «Sport Bild» опубликовал о Лобановском очерк, озаглавленный «Перед этим человеком дрожит Германия». В этой стране его называли «футбольным гением», «живой легендой» и «Генералом».

«Это был колосс, прочно стоявший на футбольной земле, — охарактеризовал Лобановского французский тренер Ги Ру, долгие годы работавший в одном и том же клубе — «Осер». — Так или иначе, мы все учились у него и его команд и старались совершенствовать его методы. Меня поразило, когда он, вернувшись после шестилетнего пребывания на Востоке, вновь превратил киевское “Динамо” — с неизвестными тогда игроками — в конкурентоспособный на континенте клуб. Лобановскому и

его «Динамо», считаю, не повезло, когда они не прошли в полуфинале Лиги чемпионов «Баварию»».

Отмар Хитцфельд, ту «Баварию» тренировавший, считает невероятным везением, когда в киевском матче счёт 3:1 в пользу «Динамо» трансформировался в 3:3. «Лобановский, — говорит Хитцфельд, — с первых минут обрушил свою команду на наши слабые места — мало кто из тренеров так умел находить их у соперников. Больше всего я, признаться, боялся, что 3:1 превратятся в 5:1. Киев был близок к этому. Гораздо ближе, чем мы к тому, чтобы сравнять счёт».

Моуриньо, в футбол на высоком уровне не игравший, «с молодых ногтей», как он сам говорил, готовился к тренерской профессии. В детстве Жозе специально для того, чтобы читать в оригинале издававшийся в Париже специализированный еженедельный журнал «Onze Mondial», выучил французский язык и попросил отца, вратаря сборной Португалии, напрямую договориться с редакцией о том, чтобы ему присылали каждый экземпляр (выписать его тогда не представлялось возможным). Он тщательно, «от корки до корки», штудировал все футбольные источники — журналы, газеты, книги — на пяти языках: португальском, английском, французском, испанском, итальянском и ставил перед собой высокие цели. «Я, — признается Моуриньо, — всегда мечтал стать не просто успешным тренером, но и оставить после себя что-то полезное для следующих поколений. Вряд ли я смогу встать в один ряд с такими великими теоретиками, как Ринус Михелс, Валерий Лобановский, Бела Гуттман или, скажем, Джованни Трапаттони. Но надеюсь, последователи ещё долго будут пользоваться моими методическими наработками».

Как и Лобановский, Жозе Моуриньо считает, что времена «великих тактических открытий остались позади» и что вряд ли «возможны перевороты в данном учении». Как и Лобановский, Моуриньо не сомневается в том, что «в области методик ещё можно найти нечто совершенно новое и неизвестное».

Как-то новичок бундеслиги «Хоффенхайм» из маленького немецкого городка стал «зимним» чемпионом, и все в Германии вдруг заговорили о том, что сила дебютантов не в привычной эйфории выходцев из низшего дивизиона, а в хорошо поставленной игре и в высоком уровне физической подготовленности. Заговорили и о заслуге тренера — Ральфа Рангника, который не скрывает, что многому научился у Валерия Лобановского.

«Это было много лет назад, — поведал Рангник. — Я только начал работать тренером в “Виктории” (Бакнанг). При этом и сам иногда как игрок выходил на поле. Мы проводили товарищескую встречу против

киевского “Динамо”, возглавляемого Лобановским. Советская команда тогда как раз была на сборе в Руйте под Штутгартом. У динамовцев блистали Олег Блохин, Алексей Михайличенко и другие. Матч проходил в феврале на искусственном покрытии. Поле, помню, было ужасным. Я был играющим тренером, и в какой-то момент мне показалось, что в “Виктории” на три человека меньше. Я даже на поле быстренько всех пересчитал. Нет, футболистов в обеих командах было поровну. Динамовцы попросту оказались на три головы сильнее нас. После этого стал ездить в Руйт на каждую тренировку Лобановского. Наблюдая за занятиями этого большого тренера, узнал для себя очень много нового. Динамовцы играли в совсем другой футбол — он резко отличался от того, который показывали тогда клубы бундеслиги».

Рангника больше всего поразила слаженность динамовской игры при прессинге. Он вспоминает, как немецкий журналист спросил у Лобановского, в чём, по его мнению, суть современной футбольной философии, и Лобановский ответил: «Прессинг. На всех участках поля».

«Лобановский был не из тех, кто много говорил, — сожалеет Рангник о том, что ему не удалось плотно пообщаться с советским тренером. — Когда я попытался с помощью переводчика задать ему несколько вопросов, сразу понял: это не очень коммуникабельный человек. Но я не пропускал потом ни одну его тренировку. В последующие годы и динамовцы, и сборная СССР в Руйте тренировались часто. Когда я узнавал, что Лобановский в окрестностях Штутгарта, тут же всё бросал и приезжал в Руйт».

Лобановский и Базилевич считали, что сам по себе тотальный футбол не был только голландским изобретением. Он продукт своего рода интегрального творчества, в котором, помимо голландских, принимали участие лучшие команды мира — немецкие, французские, бразильские... «Своё применение эти наработки, — говорит Базилевич, — нашли и в киевском “Динамо”». «Шинель» тотального футбола была в Киеве наброшена на хорошо подготовленные к этому наряду крепкие к тому времени плечи. Лобановский и Базилевич и без подсказок со стороны примеряли на себя одежды футбола будущего. Закрытость советской системы в какой-то степени позволяла им обойтись без слепого копирования.

Как-то Лобановскому попался на глаза «любопытный» (так он его назвал) анализ Евро-96. Журналист высказал такую мысль: всё увиденное на чемпионате Европы по сути сводится к тому, о чём Лобановский говорил ещё десять лет назад, и футбол развивается в направлении силовых

единоборств, атлетизма, скорости, быстроты принятия решений. «Так и есть, — говорил Лобановский. — Кому-то это нравится, кому-то — нет. Например, известный тренер Хорхе Вальдано предъявляет претензии к наставникам команд — участниц Евро-96: мол, такой футбол никому не нужен, он не зрелищный. Но, позвольте, я видел мадридский “Реал”, возглавляемый этим специалистом, и особого зрелища не заметил — ставка делалась на результат. Тенденцию развития современного футбола ещё раз подтвердила сборная Германии, которая по большому счёту, если не считать Заммера, Клинсманна и ещё нескольких исполнителей, не так уж богата на звёзд. Но ведь эта команда, выходявшая на поле без “выпадавших” по разным причинам трёх-четырёх игроков, показывала современнейший, очень организованный футбол. Пусть чуть упрощённый, пусть без ярких красок, но весь смысл игры у немцев был направлен на достижение результата. В этом направлении и дальше будет развиваться футбол.

Сегодня все научились хорошо готовить команды функционально. На уровне и психологическая готовность, велики материальные стимулы, не говоря уже о патриотизме. Многие овладели и техническим арсеналом. В чём же резервы? В тактике, в этом бесконечном процессе творчества. Почему я делаю упор на тактику? Раньше бытовало мнение, что главное — наигрывать состав. Многие и сейчас так рассуждают. Но дело в том, что, если мы под разного соперника выбираем разные модели игры, некоторые из “наигранных” людей не подходят, даже если они хорошие игроки. Просто модель такова, что они не смогут выполнить свои функции. Значит, на смену им должны прийти другие люди, и этого не надо бояться.

В моём возрасте убеждения не меняют. На поле надо выходить не “ради процесса”, а играть в такой футбол, который не дал бы сопернику шансов продемонстрировать его лучшие качества, то есть — разрушать его замыслы. Это — в первую очередь. И параллельно создавать игровые условия, которые способствовали бы проявлению достоинств твоей команды. Чтобы победить соперника более высокого класса, необходимо поймать его на какой-то неожиданности. Толи это прессинг, то ли опережающая скорость, то ли согласованные коллективные действия. Другими словами, заставить его ошибаться как можно чаще. А это реально лишь при условии высокого уровня функциональной готовности игроков».

Суть футбола — в гармонии. Уже в Днепропетровске — первом городе, в котором начал работать Лобановский-тренер, — он отказался от деления футбола на атакующий и оборонительный, назвав тот футбол, который он хотел бы видеть в исполнении своей команды, гармоничным.

Гармонии он пытался достичь и на детально подготовившихся тренировочных занятиях. Суть каждой тренировки Лобановский доступным каждому языком объяснял в течение 15—20 минут перед началом каждого занятия. На поле не было никаких объяснений. Все игроки знали, что им предстояло сделать в следующую минуту. Знали они также и зачем это нужно. «От изнурительных тренировок можно было повеситься, если бы не знать, что каждая из них детально готовит нас к такой игре, в которой мы в состоянии добиться хорошего результата», — говорил мне капитан киевского «Динамо» Анатолий Демьяненко. Все модели тренировочных занятий были заложены в компьютерную систему, которая в общей сложности разрабатывалась почти двенадцать лет. В штате киевского «Динамо» работали программисты. Они ежедневно закладывали в машину многочисленные физические и биохимические характеристики на каждого футболиста, определявшиеся постоянным тестированием игроков по различным параметрам. В любой момент тренер получал распечатку обобщённых данных на любого футболиста и пользовался этими данными не только при проведении тренировок, но и при определении индивидуальных тактических задач на матч.

Оппоненты часто обвиняли Лобановского в «роботизации» футбола. «Да, — отвечал Лобановский, — на тренировках мы не просто гоняем мячик, а моделируем ситуации, которые возникают на поле в матчах. Но чем больше у футболистов в памяти будет автоматических навыков действия в элементарных ситуациях, тем более времени у них останется на импровизацию, которая, вопреки расхожим утверждениям, нами всячески поощряется». Моделирование игры для того и придумано, чтобы облегчить футболистам выбор неординарных решений в сложных тактических ситуациях. Чем больше смоделированных действий в типических положениях откладывается в блоках коллективной памяти команды, тем больше времени и сил остаётся в игре у каждого футболиста для принятия неординарных решений в непредвиденных ситуациях.

Типические ситуации, не возникающие спонтанно, а постоянно тренируемые во время подготовки к матчам и постоянно в матчах возникающие, — оружие весьма действенное. Виктор Александрович Маслов рассказывал, что киевские динамовцы, например, всегда знали, что, «если Серебряников выходит к воротам соперника справа, следует укороченная передача на ближнюю штангу, куда стремительно выходили Хмельницкий или Пузач. От Лобановского же передачи шли на дальнюю штангу, и на них откликался Базилевич. На дальнюю же штангу подавал слева Серебряников, а Биба справа производил прострел, при котором мяч

летел на средней высоте или низом, — и это тоже знали партнёры».

Критика оппонентов вызвана скорее всего нежеланием разобраться в том научном обосновании, которое Лобановский и его помощники применяли к футбольной игре: к тренировке и тактическому построению. Они считали, что привнесение в игру научных рекомендаций, да ещё с помощью компьютера, только вредит ей. Лобановский же полагал, что футбол может и должен использовать многие достижения науки и техники. Его соратник Анатолий Зеленцов считал, что в процессе тренировки игроки должны запомнить и отработать разнообразные модели поведения в различных игровых ситуациях. Ему модель поведения спортсмена представлялась в виде «многоэтажной» пирамиды. Тренировочный процесс и игра моделируются, помимо всего прочего, при помощи достоверных сведений о каждом футболисте, выдаваемых компьютером после тщательного обчёта технико-тактических действий игроков в каждом матче. Информация о соперниках всегда пользуется спросом. Рассказывают, например, что в начале 50-х годов, когда в Москву приезжали проводить товарищеские матчи команды из «братских» стран, в гостинице, в которой они жили, были установлены подслушивающие устройства, причём именно в тех помещениях, в которых тренеры делали установку на матч. В XXI веке развернулась «охота» за компьютерными сведениями о соперниках.

Лобановский, Базилевич и Зеленцов ввели в обиход слово «коалиции» применительно к футбольным командам, состоящим в игре из больших, средних и малых «коалиций». Когда Лобановский однажды произнёс слово «коалиция» на каком-то совещании в Управлении футбола Спорткомитета СССР, его строго поправили: мы смотрели в словаре у Даля — это слово к футболу неприменимо...

Сакки с этим определением знаком. Дело не в схеме. «Не в 4—4—2 или 4—2—1—3, — говорит он, — Важно иметь команду, которая упорядочена, в которой игроки связаны друг с другом, двигаются вместе, как одно целое. Немногие ставят во главу угла взаимопонимание, очень немногие. Большинство команд состоит из маленьких групп. Между ними нет связи, они оторваны одна от другой». Сакки не произносил слово «коалиция», которым оперировал Лобановский и на том этапе, когда работал вместе с Базилевичем и Зеленцовым, и тогда, когда был полностью самостоятелен, но именно это вытекает из его суждений относительно коллективных передвижений («как одно целое») и слабости в тех случаях, когда маленькие группы игроков «оторваны одна от другой».

Основной посыл коалиционных действий — компактность. Для того

чтобы понять, что это такое, достаточно представить себе синхронно действующую группу из десяти полевых игроков, в которой расстояние между линиями обороны и атаки составляет метров 25 (а то и меньше), и этот живой организм слаженно противостоит сопернику, перемещается вместе, перекрывая при обороне все зоны и не позволяя противнику выкарабкаться из-под пресса, а в атаку — желательную скоростную — бросая малые, а то и средние (до шести-семи игроков) коалиции. Карлос Альберто Паррейра, выигрывавший со сборной Бразилии титул чемпиона мира, вовсе не шутил, когда говорил в 2003 году на тренерском семинаре в Рио-де-Жанейро, что футбольная тактика в своём развитии непременно придёт в будущем к схеме 4—6—0. В интересах достижения максимально возможной компактности. С шестёркой универсалов, способных играть с высокой степенью надёжности в обороне и на высоких скоростях, изобретательно в атаке. И каждый из них — плеймейкер. Тот, у кого мяч. Об этом же ещё в 80-х годах говорил Лобановский, откровенно смеявшийся над теми, кто предлагал увеличить число форвардов до двух, трёх, а то и до четырёх. Финал Лиги чемпионов в 2008 году «Манчестер Юнайтед» выиграл, вообще не имея в составе так называемых «чистых» нападающих.

Борис Андреевич Аркадьев, выдающийся советский тренер, говорил, что те, кто разбирает футбол на составные части, не видят дальше своего носа. Футбол един. «И потому, — настаивал Аркадьев, — он пойдёт по пути развития тактики, обеспечивающей предельно большое количество наступающих и такое же количество защищающихся».

Никаких строго фиксированных позиций. «Все наши игроки, — говорит Сакки, — всегда имели четыре ориентира: мяч, расстояние, соперник, партнёр». Все игровые ситуации, связанные с видением именно этих ориентиров, Лобановский моделировал в тренировочном процессе, доводя действия своих игроков до автоматизма. В тех ситуациях, в которых и следовало играть автоматически, ни на секунду не отвлекаясь на раздумья о том, как же себя вести в сложившемся положении, и высвобождая игрокам, особенно игрокам творческим, время для импровизаций и импровизации эти, если они, конечно, шли на пользу команде, всячески поощряя. Футболисты (по Лобановскому и по Сакки) должны проявлять себя в рамках, предложенных тренером.

Игроки у Лобановского не любили тренировки, направленные на достижение должного автоматического взаимопонимания во всех коалициях. Называли их скучными и однообразными. Лобановский выступал в роли университетского преподавателя, вынужденного разжёвывать каждое упражнение, объяснять, для чего его следует

многократно выполнять, и заставлял терпеть.

Киевские футболисты не одиноки в своей нелюбви к каждодневной рутинной работе. Арриго Сакки рассказывал, сколько сил и слов он потратил на то, чтобы растолковать суть необходимых занятий Рууду Гуллиту. «Я говорил ему, что пять организованных игроков всегда победят десять неорганизованных, — вспоминает Сакки. — И я это доказывал. Я брал пятерых игроков: вратаря Галли, защитников Тассотти, Мальдини, Костакурту и Барези. Их, включая Гуллита, ван Бастена, Райкарда, Анчелотти, было десять человек. У них было 15 минут, чтобы забить гол моей пятёрке. Единственное правило было следующим: если мы перехватывали мяч, то они должны были начинать со своей половины поля. Я практиковал это постоянно. Они никогда не забивали. Ни разу».

Футбол в исполнении киевского «Динамо» (Лобановский), «Аякса» (Михелс), «Милана» (Сакки) стал, по мнению Джонатана Уилсона, «возможным только с развитием спортивной науки, обеспечивавшей реализацию высоких требований к функциональному состоянию игроков». В полностью систематизированном командном механизме поблажек не давали никому — каждый должен был выполнять свою часть работы. И — не только свою.

В командах Сакки, в том числе и в сборной Италии, которая в 1994 году стала второй на чемпионате мира в США, проиграв бразильцам финал по пенальти, все группы («коалиции») — большие, средние и малые — тесно взаимодействуют одна с другой, плавно меняют, в зависимости от происходящих на поле событий, численность и задачи.

К пониманию футбольной игры как противостояния коалиций мир пришёл постепенно. Малые и средние коалиции, выполняя в каждый конкретный момент локальные задачи, входят, разумеется, в хорошей, крепко сбитой команде в состав коалиций больших, и от действия больших зависит в первую очередь происходящее на поле.

За «рациональный футбол» Лобановского нещадно критиковали. «Давайте, — предлагал Лобановский, — попытаемся увидеть проблему под иным углом, учитывая факторы научно-технического прогресса, который, разумеется, не обошёл стороной и спорт. Рационализм в игре — это стремление добиться результата наиболее эффективными средствами. Разве представители других видов спорта не стремятся с помощью науки изыскивать скрытые резервы и возможности? Однако этот, скажем так, метод игры требует чётких, согласованных, многократно проверенных действий не только отдельных игроков, но и всех звеньев команды. Это ещё пока не всем удаётся... Некоторые наши оппоненты говорят, будто

“рациональный футбол” лишён эмоциональной увлечённости, накала, романтизма. Не могу согласиться. Ведь игра постоянно изменяет привычные черты, намного сложнее стала тактика. Зрелищность сегодня — это постоянная динамика борьбы, высокие скорости, подчинённое командным устремлениям индивидуальное мастерство выдающихся игроков, а не демонстрация — ради демонстрации! — технических приёмов, каскадов, трюков, больше пригодных для показа на цирковой арене. В футболе основным критерием силы той или иной команды является результат, стабильность выступлений».

Лобановский говорил, что футбол находится на пути от разумной до полной универсализации. Конечно, даже не в середине, а в начале этого пути. Но к полной универсализации придёт обязательно. «Сто лет пройдёт или тысяча, — рассуждал Лобановский, — я не знаю, сколько, но всё равно футбол к этому придёт».

В Советском Союзе споры относительно универсализма велись ещё в конце 60-х годов. И об игре на разных позициях говорили, и о расширении зоны действий игрока того или иного амплуа. Виктор Александрович Маслов, стоит заметить, возглавлял многочисленный отряд тех, кто резко выступал против универсализма. «Нет смешению функций! — отмечал он в статье, опубликованной в 1966 году после чемпионата мира в Англии. — Вряд ли наступит время, когда любой игрок будет одинаково хорошо нападать и обороняться. Это настолько различающиеся и по технике, и по тактике, и по психологии функции, что футболисты всегда будут делать одно лучше, а другое хуже. Подключение полузащитников и защитников к атаке только тогда имеет смысл, когда оно носит эпизодический, а потому и неожиданный характер...»

Константин Иванович Бесков, публично свою позицию не афишируя, представлял противоположный лагерь. Принципы универсализации он внедрял не на словах, а на деле. Юрий Сёмин, сам ставший после завершения игроцкой карьеры (он играл, в частности, у Бескова в «Динамо») заметным тренером, свидетельствует о том, что на бесковских тренировках «было много упражнений, когда футболисты играли на чужих позициях. Когда кто-то из нас во время игры попадал на эту позицию, то чувствовал себя так же уютно, как на своей основной». Сёмин, начинавший нападающим, играл у Бескова центральным полузащитником, а однажды и на позиции флангового защитника.

Как и предсказывал Лобановский, в XXI веке наступила эпоха разумной универсализации. Картинку игры определяет скорость передвижения мяча. Теория универсализации, подразумевающая в числе

прочего нетривиальные, связанные с определённым риском и нарушающие общепринятые условности ходы, присуща и серьёзному бизнесу. В литературе можно встретить многочисленные тому примеры. В частности, знаменитая финская компания «Нокиа» была вполне рядовой до тех пор, пока возглавивший её Нормо Оллила не стал разрабатывать хаотичный, на взгляд со стороны, стиль поведения кадрового состава. Топ-менеджерам Оллила предложил после совершенно нормальных дискуссий с каждым из них (и вовсе не на уровне «начальник—подчинённый») меняться местами и сегодня заниматься тем, чем коллега занимался вчера. Сотрудники конструкторского отдела стали проводить встречи с потребителями, разработчики моделей телефонных трубок участвовали в совещаниях финансистов компании. Рассказывают, что главный дизайнер «Нокиа» сравнил однажды менеджмент компании с «импровизированным концертом джазовой группы».

Лобановский, включивший в январе 1998 года Роналдо в число суперзвёзд, «эксплуатирующих свой талант и ничего футболу, кроме вреда, не приносящих», попутно заметил, что в составе его киевского «Динамо» не нашлось бы места не только Роналдо, но и английскому нападающему Алану Ширеру.

Фраза эта, произнесённая Лобановским после просмотра игры, в которой форвард всего лишь дюжину раз коснулся мяча, но забил два гола, запомнилась динамовским футболистам той поры. «Нападающий, — пояснил Лобановский, — обязан пахать на поле наравне со всеми». «Мы, — рассказывает Сергей Ребров, — пытались его переубедить: пусть не бегают, как все, если в каждом матче будет забивать по два, но Валерия Васильевича наше мнение не убедило».

Лобановский между тем был убеждён, что «“эксплуататоры собственного таланта” не совершенствуются, не развиваются, не растут, ничего нового футболу не дают и не дадут, а их пребывание в футболе может продолжаться лишь столько, на сколько хватит природных ресурсов». Андрея Шевченко Лобановский ставил выше Роналдо, считая высококлассным профессионалом-универсалом, играющим прежде всего для команды, а уже потом — для себя.

Называя суперзвёзд «эксплуататорами» собственного таланта, приводя при этом в пример Роналдо, постоянно пребывавшего тогда на слуху и на виду, «отказывая» Ширеру в предоставлении ему места в составе, Лобановский вовсе не эпатировал и не стремился привлечь к себе внимание. Он, во-первых, воспитывал своими суждениями динамовских игроков и, во-вторых, благодаря умышленному утрированию собственной

позиции настаивал на приоритете командной игры, в которой, разумеется, есть место для выдающихся футболистов, но не должно быть таких суперзвёзд, которые развитие игры тормозят.

Алексей Михайличенко благодарен Лобановскому, помимо всего прочего, за то, что он научил любить черновую работу — отбирать мяч. Михайличенко называет «ерундой» суждения относительно того, что «в командах Лобановского футболисты — винтики». «Да, — говорит он, — каждый выполнял определённую работу, но сколько было импровизации, красивых моментов!»

Перед двумя остававшимися в чемпионате СССР 1986 года матчами с московским «Динамо» Лобановский побывал в итальянском Коверчано на тренерском семинаре ФИФА по итогам мексиканского чемпионата мира.

Итальянские организаторы семинара, воспользовавшись статусом «хозяев поля», пригласили на семинар тренеров команд, выступающих в чемпионате страны. Им позволялось задавать вопросы: «Как и сколько вы тренируетесь?», «Какой была тактическая направленность игры сборной в Париже с французами?», «Как вам удалось вывести киевское “Динамо” после чемпионата мира на столь высокий уровень готовности к матчам с “Селтиком”?»

Лобановский рассказывал коллегам, что количество тренировочных часов ни на что не влияет. Главное — напряжённость тренирующих воздействий и такое чередование циклов, при котором учитываются законы адаптации организма к нагрузкам. Рассказывал он также, что принцип разумной универсализации футболистов позволит избегать схематичности действий не только на продолжительном отрезке матча, но и в каждом типичном игровом эпизоде...

Вопросов к Лобановскому — от итальянских в основном специалистов — было столько, что он едва не опоздал на поезд в Рим, откуда предстояло лететь сначала в Москву, а затем в Киев.

18 ноября 1997 года, после того как футбольная Европа увидела то, что сделал с «Динамо» вернувшийся с Востока Лобановский, Английская футбольная ассоциация прислала ему приглашение с просьбой выступить в мае 1998 года в Моттрам-холле перед слушателями курса переподготовки менеджеров и тренеров. «Я осведомлён о том, — написал в приглашении технический директор ассоциации Ховард Уилкинсон, — что участники предстоящих курсов горят желанием выслушать Ваши соображения о современном футболе и почерпнуть Ваш опыт».

Подобные приглашения поступали в киевский клуб регулярно.

«Собственно говоря, — отмечает в книге «Наедине с футболом» Лев

Филатов, — после сезона 1975 года, когда киевское “Динамо” под началом 37-летнего О. Базилевича и 36-летнего В. Лобановского выиграло Кубок кубков, Суперкубок и чемпионат страны, показав выдающуюся игру, можно говорить о том, что передача “власти” состоялась. И замелькали в прессе очерки и исследования. А сами герои помалкивали и уклонялись от интервью. Это не было ломанием и важничанием; мне кажется, что они, хотя всё у них было и рассчитано и предусмотрено, были не в состоянии сразу принять свои победы как должное и, вполне естественно, хотели посмотреть, что же их ждёт дальше. Вот и меня не тянет к торопливым, беглым характеристикам, к скороговорке общих похвал. Всему своё время. Время же, уверен, на их стороне.

И всё же что-то из романтического опыта старых мастеров уцелеет. Как для нынешних моряков примеры из времён парусного флота. И море остаётся морем, и игра игрой».

Филатов — журналист высочайшего уровня, но он — представитель старой (и не в возрасте вовсе дело) генерации наблюдателей за футбольным действием, ностальгирующих по футболу, который они называли (и называют) «романтическим», и чувств своих не скрывающих. Это — не хорошо и не плохо. Просто — так есть.

Филатов — одна из сторон конфликта между отношением к футболу как к зрелищу легковесному, воздушному и отношением к нему как к профессии. Лев Иванович воспитан — в том, что касается футбола, — на романтике кассилевского «Вратаря республики» с его псевдоконфликтами, коллективными увещеваниями зазнавшегося Антона Кандидова и патриотичной победой над буржуазными «чёрными буйволами». Сегодняшний же футбол — военный конфликт. Хорошо ещё, что пока — по правилам.

«Если бы Лев Иванович Филатов, по праву считающийся одним из родоначальников советской спортивной журналистики, хотя бы на 50 процентов понимал футбол, как Александр Вит, какая бы это была помощь нашему футболу! — говорил Лобановский. — Ведь Виттенберг буквально в кровь дрался со всеми, отстаивая, например, Маслова, которому вменяли в вину, что он “обрезает крылья атаки”... “Как можно играть без крыльев?!” — прямо-таки вопили апологеты доисторической системы “дубль-вз”».

Игра времён «парусного» спорта между тем навсегда исчезла (и никогда не вернётся) с появлением и бурным расцветом совершенно иного, нежели прежде, отношения публики к футболу, превратившемуся за короткий отрезок времени в исключительно серьёзный бизнес, повсеместно развивающийся. Игра, вокруг которой крутятся сотни

миллиардов евро, заточена только на результат.

Трансформируется и понятие «зрелищности». Красота и эстетика футбола становятся иными. Основатели «Спартака» братья Старостины, резко выступавшие против применения такого технического приёма, как «подкат» (благодаря ему заметно изменились условия для отбора мяча у соперника), перевернулись бы в гробу, узнав о том, как спартаковские футболисты из 2017 года, дабы сохранить в матче победный для себя счёт, совершают подкат за подкатом на чужой половине поля, а после выигранного матча получают за это щедрую порцию похвал от экспертов и журналистов.

Зрелищным, например, многие телекомментаторы считают такой элемент игры, как проход с мячом. Лобановский называл «плохими» команды, которые используют этот приём по 140 раз за матч. «Команды, делающие это 30 раз, — говорил он, — являются коллективами экстра-класса».

«Зрелищный футбол? — переспрашивал Лобановский интервьюировавшего его для сайта УЕФА киевского журналиста Игоря Линника. — Я не понимаю, что это значит. Не существует работника клуба или болельщика, который будет доволен поражением своей команды, хотя та продемонстрировала зрелищный футбол. Футбол — это военный конфликт. И у каждого из соперников одна цель — победа». Лобановский был убеждён в том, что если он вместе с командой не может реализовать свои задумки на поле, то дело не в том, что задумки плохие, а в уровне их реализации.

Футбол для тех, кто выходит на поле, — работа. Работа тяжёлая. Когда её удаётся хорошо выполнить, игроки получают наслаждение. Но это не означает, что в следующем матче работа будет легче. Романтически настроенные экзальтированные любители футбола считают, что Йохан Кройф, перейдя в тренерский цех, поставил в футболе крест на слове «работа», заменив его словом «наслаждение», наполнив тем самым игру совершенно иным философским подходом и попутно заявив, что «хорошему игроку не нужна физическая сила».

Кройф был не просто хорошим игроком — гениальным. Но грош цена была бы его гениальности в том случае, если бы он не обладал силой, скоростью, выносливостью, позволявшими ему проявлять мастерство на протяжении всего матча практически без усталости.

Хотелось бы на протяжении 90 минут понаблюдать за игрой Месси или Роналду, Гризмана или Ибрагимовича, Неймара или Диего Косты в том случае, если бы они не обладали физической силой, то есть не были бы

готовы физически для того, чтобы играть в интересах команды весь матч. Футболистов «Барселоны», которых тренировал тогда Кройф, «грохнул» (3:2) ЦСКА под руководством Геннадия Костылева в 1992 году в Лиге чемпионов, не пропустив в следующую стадию турнира. Только потому, что они были на тот момент слабо подготовлены: сил не хватило.

«Милан» в финале Лиги чемпионов в 1994 году просто уничтожил «Барселону» Кройфа со счётом 4:0. «Милан», который тренировал тогда Фабио Капелло, Йохан Кройф публично критиковал за так называемый «сухой» стиль. Перед финалом. А после 0:4 в матче, в котором футболисты «Барселоны», в отличие от коллег из «Милана», не «работали», а, по всей вероятности, «наслаждались футболом», чего уж критиковать?.. «Сухой стиль» соперника стал причиной разгрома.

Кройф, к слову, резко критиковал и потрясающую сборную Голландии, которая в 2010 году вышла в финал чемпионата мира в ЮАР, где должна была — столько возможностей не использовали! — обыгрывать Испанию, но проиграла в один мяч. Критиковал Кройф своих соотечественников за то, что играли они не так, как ему хотелось бы, — не романтично.

Не иметь физической силы при сегодняшних командных и индивидуальных скоростях, резко изменившихся требованиях к общей и специальной выносливости при мгновенных переходах из одной игровой стадии в другую — с тех пор, как о необходимости достижения высокого уровня функциональной готовности аргументированно стали в середине 70-х годов говорить Лобановский и Базилевич, — невозможно. Футбол в таком случае становится бессмыслицей.

С момента показательного разгрома «Барселоны» «Миланом» прошли многие годы. Апологеты голландца убеждены, что найдётся не так много людей, кто между футболом Капелло и футболом Кройфа выберет первый.

Но футбол, вообще-то, один. Нет «футбола Кройфа», нет «футбола Капелло», нет «футбола Лобановского»... Капелло, если говорить о финале Лиги чемпионов-94 (да и вообще о том периоде в европейской футбольной истории), трактовал футбол *так* и свято в свою правоту верил. Кройф трактовал *эдак*. И тоже верил. А помнят все не трактовку, а счёт — 4:0. «Реликтовое племя любителей “зрелищного” футбола, — говорит Олег Базилевич, — никак не хочет понять, что в этой самой охаиваемой ими простоте и таится гениальность. Особенно в футболе, где, беря на себя смелость сыграть сложно, моментально ставишь под сомнение успех и надёжность этого приёма».

Гарри Каспаров, хорошо знающий о том, что «когда тонешь, не время думать о том, красиво ли ты плывёшь», в книге «Шахматы как модель

жизни» писал словно о стратегическом и тактическом подходе Лобановского не только к матчам и турнирам, но — к жизни. Попутно Каспаров вспоминал знаменитую формулу Томаса Эдисона: «Успех — это один процент вдохновения и девяносто девять процентов пота», которую всегда произносил в разговоре с новичками «Динамо» Лобановский (вместо слова «вдохновение» он говорил «талант»).

«Тигран Петросян, — отмечал Каспаров, — преуспел в “шахматной профилактике”. Это искусство превентивных действий, укрепления собственной позиции и ликвидации возможных угроз ещё до их возникновения. Петросян владел искусством защиты так хорошо, что зачастую атака его соперника заканчивалась, не успев начаться, — иногда даже ещё до того, как тот успевал о ней подумать. Петросян выстраивал идеальную оборону, сковывая силы своих соперников и подталкивая их к неосторожным шагам. Он выискивал малейшую слабость и с филигранной точностью использовал чужие ошибки.

Петросян был мастером создания безопасных для себя ситуаций. Он разработал стратегию “бдительного бездействия”, позволявшую ему зачастую выигрывать без атакующих действий. Сначала он искал угрозы со стороны соперника и устранял их в самом зародыше. И лишь когда его собственная позиция становилась неуязвимой, он начинал создавать свои угрозы. Такая “железобетонная” стратегия Петросяна оказалась очень эффективной, но мало кто из шахматистов смог бы воспроизвести его уникальный стиль».

Каспаров приводит пример из собственной практики. «Складывалось впечатление, — рассказывает он об одной из партий с Петросяном, — что его оборона вот-вот рухнет, но Петросян невозмутимо лавировал. Мои фигуры сновали вокруг его короля, и я был уверен, что решающий удар — лишь вопрос времени. Но где же этот удар? Уставший и раздосадованный, я совершил одну ошибку, другую — и проиграл...»

Великий шахматист говорит о том, что, по его мнению, нечто подобное произошло в одном из важнейших матчей чемпионата мира 1982 года в Испании, когда «итальянский оборонительный стиль *catenaccio* восторжествовал над атакующим бразильским стилем *jogo bonito* (эффективная игра): “Иногда ключ к успеху — это искусная защита!”».

Даже новичкам тренерского цеха ясно, что всем командам, независимо от того, какого стиля они придерживаются, на контратаках играть легче, нежели взламывать массивную оборону, составленную из десяти полевых футболистов. Для проведения хорошей скоростной атаки необходимы два условия — время и пространство.

Высококвалифицированные мастера контратак получают, благодаря этим условиям, возможность доставлять мяч от ворот до ворот за восемь-девять секунд. За это время только что атаковавшей, но потерявшей мяч стороне невозможно перестроиться и занять все важные оборонительные позиции.

Стратегией «бдительного бездействия» — среди прочих стратегических подходов, связанных с собственным состоянием, состоянием соперника на данный конкретный момент, турнирной ситуацией и другими моментами, — пользуются в современном футболе почти все ведущие клубы мира: «Манчестер Юнайтед», «Ливерпуль», «Челси», «Бавария», «Реал», «Барселона», «Атлетико», равно как и их тренеры: Жозе Моуриньо, Юрген Клопп, Антонио Конте, Карло Анчелотти, Зинеддин Зидан, Луис Энрике, Диего Симеоне...

Важно лишь не просто декларировать свою приверженность к ней, а знать, как поступать в соответствии с её требованиями. «Побеждает не тот, кто просто хочет победить, а — подготовленный», — говорил Лобановский.

«Подготовленный» Петросяном Каспаров через два года после полученного урока выиграл, благодаря отменной стратегической выдержке, претендентский матч у Корчного. «Я, — вспоминает проигравший тогда первую партию Каспаров, — решил отказаться от бесплодных попыток обострить игру и изменил стиль: вместо резких ходов стал избирать самые надёжные, даже если они вели к спокойным и пресным позициям. Это освободило меня от психологического давления, вызванного “обязанностью” навязать сопернику свою игру в каждой партии. Отныне я просто играл в шахматы!»

Команды Лобановского лучших времён («Динамо», например, из 1986 года и сборная СССР образца 1988-го) всегда, усилив по максимуму игру в обороне (от этой «печки танцуют» все лучшие тренеры мира), предоставляли сопернику исключительно мало возможностей, но сами при этом забивали в решающие моменты.

Жозе Моуриньо в бытность свою тренером «Челси» частенько получал «пинки» от «знатоков» за «слишком оборонительную манеру» игры лондонского клуба. «Как мне надоела эта чепуха о нашем якобы “закрытом” футболе. — Реакция Моуриньо на немотивированные оценки вполне объяснима. — “Челси” — не оборонительная команда! Мы готовы посоревноваться в агрессивности с любым соперником. Но — не в авантюристичности. Иногда матч складывается так, что нужно в какой-то период защёлкнуть все замки. Скажем, когда ведём — 1:0, а противник играет сильнее нас, ведь и такое бывает. Это нормально, приемлемо. Но никто не имеет права говорить, что “Челси” убивает игру».

Сергей Ребров, при Лобановском уехавший из Киева в «Тоттенхэм», считает, что Лобановского сложно с кем-то сравнивать. «После работы с ним, — рассказывал Ребров, — футбол, в который я окунулся, показался примитивным. В “Тоттенхэме”, например, форварду не вменялось в обязанности отрабатывать в обороне. Там от нападающего ждали лишь одного — голов. После потери мяча ты мог отдыхать, не навязывая сопернику борьбу. Лишь с приходом в “Челси” Жозе Моуриньо в английской премьер-лиге задумались над тем, что у нас в “Динамо” являлось при Лобановском не просто нормой, а обязательной программой.

“Челси” потому и вызывает восхищение, что в этой команде из игры не выключается никто. Каким бы именитым ни был футболист, он везде отрабатывает до конца. В том числе и нападающие».

В «Динамо» Ребров вернулся, толком не заиграв ни в «Тоттенхэме», ни в «Фенербахче», ни в «Вест Хэме». Он оказался вне системы Лобановского, вне привычных обстоятельств и, не обладая таким талантом, как Андрей Шевченко, моментально превратился в «одного из». Таких — много везде. Клеймо неудачника, прилипшее к Реброву в Англии и Турции (23 гола за пять сезонов — мизер для лучшего бомбардира украинских чемпионатов), позволяло противникам его появления в Киеве — в 31-летнем, стоит заметить, возрасте — громко рассуждать о бессмысленности намерений руководителей «Динамо» вновь обратиться к его услугам. Игорь Суркис, откровенно, в течение многих месяцев, обсуждая с игроком сложившуюся ситуацию, осознавал, разумеется, степень риска задуманной им акции по возвращению Реброва. Однако пошёл на неё смело, понимая, что Ребров возвращается не просто в «Динамо», а в систему «Динамо», если точнее — то в систему Лобановского, выпав из которой он резко остановился в росте, но, к счастью для киевского клуба и сборной Украины, не сломался.

Простоты решений Лобановский настоятельно требовал только при обороне. В атаке, как бы ни упражнялись оппоненты тренера в навешивании на него ярлыков, не существовало никаких ограничений. Во главу угла ставилось движение. Группа в составе пяти-шести футболистов регулярно должна была врываться на чужую половину поля на скорости, используя любые технические элементы при продвижении. «Если этого не происходило, — вспоминает Ребров, — задача, вне зависимости от счёта, считалась невыполненной. Так что впереди всё зависело от нашей изобретательности. И если было движение, найти адресата для передачи не представляло сложности. Поэтому на контратаках мы “разрывали” любую команду».

У киевлян имелись, конечно же, домашние заготовки для позиционной

атаки. К ним обращались в ситуациях, когда контратака с нешаблонными перемещениями не получалась и приходилось выстраивать осаду оборонительных линий. Важно было заставить соперника ошибиться. Тот, кто умеет делать это чаще всего, подсказывает опыт развития футбола, и выигрывает.

Глава 27

ЛОБАНОВСКИЙ И МОРОЗОВ

Морозов на поле играл против Лобановского. В составе «Зенита» и «Адмиралтейца». Действовал Морозов в середине поля. Пересекался с Лобановским нечасто. Но когда пересекался, бутсы искры высекали. Борьба разгоралась нешуточная. По словам Морозова, игрокская часть советского футбольного общества Лобановского недолюбливала. Из-за его независимого поведения и нежелания под кого-либо подстраиваться. Это, по мнению Юрия Андреевича, было одной из основных причин отсутствия к Лобановскому интереса со стороны тренеров сборной СССР. Они — Гавриил Дмитриевич Качалин прежде всего — не хотели запускать в состав игрока, который, как они считали, совершенно не занимаясь интриганством, был способен одним только присутствием в коллективе внести элементы раздора в содружество людей, желавших стричь под себя любого новичка. Лобановского подстричь было невозможно. Он выделялся непохожестью на других, в шумных послеигровых компаниях не появлялся, пьяных застолий избегал, а потому своим не слыл.

Вне игры Морозов — надо сказать, выпускник, как и Лобановский, технического вуза (окончил физико-химический факультет Ленинградского технологического института) — с Лобановским никогда не встречался. Не встречались они и после завершения игровой карьеры.

Разумеется, друг о друге они знали. Лобановский работал в «Днепре», Морозов на футбольной кафедре лесгафтовского института. Константин Иванович Бесков пригласил Морозова ассистентом в сборную СССР, которую возглавил в 1973 году. Так что тренерскую карьеру Морозов, в отличие от Лобановского, начинал не в клубе, а в сборной. После жестокого поражения в конце 74-го в Дублине — 0:3 от Ирландии в отборочном матче чемпионата Европы — Бескова, как водится в таких случаях, с работы сняли. По его собственной, надо сказать, инициативе: Бесков (и Морозов был с ним солидарен) посчитал, что «ломать» работавших в Киеве по иной методике шестерых-семерых динамовских сборников нет смысла. Пусть этим займутся другие.

Морозов, как и Бесков, заявил о своём уходе из сборной. Руководитель Спорткомитета Сергей Павлов уговаривал Бескова остаться, но тот был

непреклонен. Морозов договорился о возвращении на кафедру и уехал в ноябре 74-го на двухнедельную стажировку в Голландию, из которой на свет божий и появился в те годы футбол, названный тотальным. Уехал не один — во главе небольшой делегации, в которую входили переводчик, главный тренер бакинского «Нефтяника» Ахмед Алескеров и... Лобановский. Разместились неподалёку от Амстердама. Местная футбольная Федерация договаривалась с клубами — «Аяксом», «Фейеноордом», другими. В них и уезжали на целый день. Алескеров съездил раз-другой, потом перестал. «Да чего там можно увидеть. Они играть не умеют. Мы лучше играем», — говорил жизнерадостный бакинец и отправлялся по магазинам, из которых привозил горы отрезов — они хорошо «шли» на советском неофициальном рынке.

Летом 74-го, ещё работая в сборной, Морозов с Бесковым побывали на чемпионате мира в Германии. Игра голландцев произвела на Морозова неизгладимое впечатление. Как и на Лобановского, наблюдавшего за матчами чемпионата по телевизору. Так что во время стажировки оба использовали пребывание в Голландии по максимуму, вникая в мельчайшие детали ведения тренировочного процесса и построения игры местными клубами.

Вечера проводили по-разному. Ездили в Амстердам, играли в отеле на бильярде. Много говорили о футболе. Спорили до хлопанья (Морозовым) дверью. Спорили они, стоит сказать, постоянно. И потом, когда подружились и работали в сборной, — тоже. Да ещё как! Лобановский — само спокойствие, Морозов — сверхэмоционален. Лобановский больше слушал. Обычно выслушивал до конца. Морозов нанизывал фразу на фразу, аргумент на аргумент. В какой-то момент Лобановский вдруг произносил: «Стоп, Юрий Андреевич, стоп!..» Морозов удивлённо смотрел на Лобановского, замирал, а Лобановский говорил: «Вот то, что ты только что сказал, — с этого и надо было начинать!.. Так и сделаем. Ты совершенно прав...» Градус спора понижался. И так — до следующего. Потом сами для себя с удивлением отмечали, что спорили в основном по мелочам. По вещам серьёзным, имевшим отношение к выбранному в футболе направлению, их мнения чаще всего совпадали. Редко, но иногда Юрию Андреевичу всё же удавалось выводить Лобановского из себя. На их отношениях, тёплых, доверительных и дружеских, это никоим образом не сказывалось. Изрядно повеселил однажды телекомментатор Олег Жолобов, сказавший в репортаже о матче «Зенит» — «Торпедо» о Морозове: «Не зря его считают учеником Валерия Лобановского».

Часто встречаться (когда они, разумеется, не работали в сборной) у

них не получалось — издержки профессии. По телефону разговаривали практически каждый день, обычно по утрам, а в игровые дни после матчей. Не поговорив день-другой, каждый чувствовал себя не в своей тарелке. Зимние отпуска в советские времена старались проводить вместе. Во времена новейшие Галина и Юрий Морозовы навещали друзей на Кипре, где у Лобановских была квартира.

Лобановский подначивал Морозова поражением в Дублине. Морозов защищал Бескова: «Кто ты такой, чтобы критиковать Бескова? Ты один раз всего чемпионат Союза выиграл, а он уже десятилетия работает». Лобановского такая позиция Морозова подкупала. Кто знает, может быть, там, в Голландии, он проводил своего рода проверку возможного партнёра по работе на верность. Окажись на месте Морозова другой собеседник, он вполне мог потрафить Лобановскому, который, как казалось непосвящённым со стороны, на дух не переносил тех, кто предлагал мнение, противоположное его собственному. Но на самом деле он не переносил, когда ему смотрели в рот и слова своего не могли вымолвить.

Морозов же хлопал дверью. Утром завтракали вместе, но молча. Лишь к вечеру Морозов отходил, и они отправлялись в Амстердам пить примирительное пиво. Дежурства распределили так: в тот день, когда один занимается организацией ужина, другой несёт ответственность за чистоту в номере.

В Голландию они ехали, едва знакомые друг с другом. Вернулись добрыми товарищами. После следующего чемпионата мира, проходившего в Аргентине в 1978 году, Лобановский и Морозов в сборнике, выпущенном издательством «Физкультура и спорт», опубликовали статью — исчерпывающий анализ: «Характерные игровые действия южноамериканских команд». Работа была рекомендована к изучению в Высшей школе тренеров.

Лобановский не был согласен с теми, кто считал, что при Морозове в киевском «Динамо» «даром прошло время». При Морозове в команде фактически начали играть Заваров, Яковенко, Михайличенко, Олег Кузнецов, Евсеев. Да, в Киеве Морозов слыл тренером мягким, но — только на фоне уехавшего тогда в Москву жёсткого Лобановского.

«С дистанции прожитых лет, — говорил Олег Блохин, — я понял, что чрезмерная мягкость Морозова (после жёсткой требовательности Лобановского!) была восторженно воспринята игроками как добро, но вскоре для них же обернулась злом...»

«Когда Лобановского, — вспоминал Морозов, — в приказном порядке сделали освобождённым тренером сборной, меня вызвали в ЦК партии

Украины и попросили принять эстафету у Валерия Васильевича. Первый секретарь Ленинградского обкома партии Григорий Романов не мог скрыть своего возмущения: “А почему, собственно, наш тренер должен переезжать в Киев?!” Тем не менее, когда их пути со Щербицким пересеклись, украинский партийный вождь, видимо, уговорил ленинградского. И я оказался в “Динамо”. Но вся беда заключалась в том, что как раз в этот период в команде началась смена поколений. Уже ушли Решко, Фоменко, Коньков, Матвиенко, Трошкин, Онищенко... Серьёзнейшую травму получил Бессонов. Из золотого состава остались, по существу, лишь Блохин, Буряк и Веремеев. Конечно, “Динамо” и в тот момент было хорошей командой, но ради будущих успехов я вынужден был переформировать состав. Появились Яковенко, Олег Кузнецов, дебютировал Михайличенко. Но то ли после Лобановского я выглядел в глазах игроков не таким авторитетом, как он, то ли повлияла перестройка на ходу, но мы заняли лишь седьмое место. Правда, и Васильич, вернувшись в команду, в следующем сезоне поделил с “Жальгирисом” и “Кайратом” 8—10-е места. В общем, на рождение нового “Динамо” потребовалось два года. Кстати, Лобановский хотел, чтобы я остался его помощником в клубе. Но я подумал, что после этого мне сложно было бы снова стать первым в другой команде, и отказался».

Киевский опыт многому научил Юрия Андреевича: ведущие футболисты «Зенита» после возвращения тренера из Киева ходили даже как-то жаловаться президенту клуба на деспотизм Морозова. А потом они горой стояли за своего «Деда».

«Лобановский, — говорит известный российский тренер Борис Игнатьев, хорошо знавший обоих специалистов, — верил Морозову как самому себе. На мой взгляд, их просто нельзя разорвать, воспринимать порознь. Юрий Андреевич действительно был человеком из штаба Лобановского, единомышленником. И, по большому счёту, говоря об успехах сборной второй половины 80-х, неправильно говорить, что это была сборная только Лобановского. Это была команда, которую он сотворил вместе с Морозовым. Я часто бывал в ту пору в Новогорске на базе сборной и видел, как тандем этих тренеров разрабатывает программу подготовки, реализовывает её. Просто Лобановский был главным, но Морозов — всё-таки не рядом, а вместе. Знаю, что у них было много творческих споров. Но когда обрушилась опала на Лобановского, именно Морозов прямо и открыто поднялся на защиту Валерия Васильевича.

Когда после Португалии в 83-м году штаб сборной был отстранён от работы с невероятно глупой формулировкой, мы, тренеры, ещё раз

осознали очевидную мысль: футболом должны руководить люди, которые пришли из футбола, а не кабинетные “грамотеи”. Только они могли придумать такую обидную и несправедливую формулировку. Помню, Лобановский сказал тогда, конечно, не для печати: “Мы с Морозовым уйдём в окопы, без работы не останемся. Только, боюсь, сборная окажется не в тех руках”. Это было смелое заявление, но жизнь доказала справедливость этих слов. Она, жизнь, всё расставила на свои места буквально через два с половиной года. Оказалось, что без Лобановского и Морозова сборной у нас попросту нет. Она действительно затормозилась в своём развитии, отстала от ведущих команд. Тренеры вернулись и доказали абсурдность обвинений в свой адрес. А те, кто их уничтожал, — кто их знает сейчас? Кто помнит?..»

Бесков и Морозов познакомились весной 1967 года в Самарканде, где Константин Иванович находился вместе с московским «Динамо», а Юрий Андреевич — в составе научной группы «Зенита». Бесков интересовался тем, что делает Морозов; Морозов подробно обо всём рассказывал. Бескова привлекли рассуждения Морозова о придуманной им методике записи игровых действий футболистов и методике экспресс-контроля соревновательной и специфической тренировочной деятельности (по этой части параллельно работали Лобановский, Базилевич, Зеленцов с одной стороны и Морозов — с другой, ничего друг о друге пока не зная).

Когда Бесков поддался на уговоры Андрея Петровича Старостина и взялся в 1977 году за возвращение «Спартак» из первой лиги в высшую, он пригласил Морозова. Морозов к тому времени полтора года — 1975-й и половину 1976-го — проработал с Лобановским и Базилевичем в сборной. Зная о различиях в подходах Бескова и Лобановского к тренировочному процессу, Морозов поначалу от предложения Бескова отказывался. Константин Иванович был настойчив.

«Но на сборах, — вспоминал Юрий Андреевич, — где Бесков ставил игру, базировавшуюся на ювелирной технике, коротких и средних передачах, я стал активно пропагандировать функциональную подготовку, полярные тактические решения, а если коротко — то футбол “по Лобановскому”, который мне импонировал в большей степени. Бескову показалось, что Морозов переступил рубеж, отделяющий второго тренера от первого. Я почувствовал это и в один прекрасный день сказал ему: “Константин Иванович, готов сотрудничать, но не беспрекословно выполнять указания”. Николай Петрович Старостин возражал против моего отъезда из Сочи, хотя в душе понимал, что тандема единомышленников из нас с Бесковым уже не получится. Я не мог пойти против собственного “я”

и уверен, что правильно сделал». Поводом для разрыва стало возражение Морозова, сделанное в присутствии других людей, относительно тактического варианта, предложенного Константином Ивановичем. Подобные вещи Бесков не прощал.

Конечно, Морозов был среди тех, кого Лобановский позвал на Восток поработать вместе с ним. В Эмиратах Юрий Андреевич возглавлял клуб «Шарджа», в Кувейте — олимпийскую сборную, но недолго, всего один год, потому что так и не смог привыкнуть к местным условиям и, как ни отговаривал его Лобановский, решительно вернулся домой. После него, к слову, олимпийскую команду Кувейта возглавил Олег Базилевич.

Когда в конце марта 2002 года у «Зенита» возникли проблемы с местом для тренировок (в Санкт-Петербурге не позволяли заниматься погодные условия, а лететь куда-то за границу — не было денег), Лобановский договорился с Григорием и Игорем Суркисами, и «Зенит» побратски был принят на базе в Конча-Заспе для проведения совместного тренировочного сбора с киевским «Динамо». Содержание тренировок Лобановский и Морозов обговаривали заранее, проблем не возникало, потому что оба тренера мало того, что понимали друг друга с полуслова, так ещё и пользовались примерно одинаковыми тренировочными методиками.

«Ну, вы и буржуи!» — восхищался Морозов, вспоминая старенькую зенитовскую базу в Удельной, потрясающим тренировочным комплексом в Конча-Заспе: многоэтажным жилым корпусом со всей необходимой «начинкой» — уютными номерами для футболистов, тренажёрными залами, бассейном, медицинскими кабинетами, барокамерой с горным воздухом, рестораном, спутниковым телевидением, классом для теоретических занятий, семью тренировочными полями, крытым манежем с полем нормальных размеров... Экскурсию по базе для Морозова проводил Лобановский, невероятно гордившийся «творением Суркиса», как он называл этот фантастический центр. Морозов рассказывал мне, что не припомнит, чтобы Лобановский *так* гордился чем-то ещё, имеющим отношение к футболу.

Вечера они проводили в 510-м номере, который после кончины тренера так и остался своего рода мемориальным. Выпивали? А почему бы и не погреть в руках бокалы с хорошим коньяком двум старым друзьям? Они не догадывались, конечно, что это последняя их встреча на грешной земле. В день рождения Юрия Андреевича, 13 мая, Валерий Васильевич скончался вечером в запорожской больнице... После звонка Ады («Нашего дедушки больше нет...») я сразу позвонил Андреичу. Он заплакал.

Днём раньше его «Зенит» играл в Москве финал Кубка России с ЦСКА. Незадолго до этого Юрий Андреевич перенёс инфаркт, врачи были против его появления на зенитовской скамейке запасных, а перед тем как лететь в Киев на похороны Лобановского, он их и спрашивать не стал. Полетел с сыном Сергеем. «Даже если бы ему запретили, — говорит Сергей Юрьевич, — он бы всё равно полетел. Взяли с собой сумочку с лекарствами».

В Ленинграде Лобановские в конце 70-х — первой половине 80-х всегда останавливались в гостинице, названной в честь города. Каждое утро, вне зависимости от погоды, Валерий совершал пробежку. Маршрут пролегал по Пироговской набережной через Литейный мост на набережную Кутузова, по ней — до Кировского моста, потом — по Петровской набережной мимо домика Петра I и «Авроры» — в гостиницу.

Сергей Морозов вспоминает, как ездили в Пушкин и Павловск с Олегом Борисовым. В Царскосельском лицее Лобановский осмотрел комнатки с фанерными перегородками, подумал, покачал головой и с непроницаемым лицом сказал: «Смотрите, кто здесь жил! Пушкин жил, Горчаков, Кюхельбекер... И нормально ведь жили. А к нам приходят футболисты — сразу трёхкомнатную квартиру им давай...»

Глава 28

ЛОБАНОВСКИЙ И БОРИСОВ

Многие удивляются, когда узнают о принадлежности великого русского артиста Олега Борисова к клану людей, не равнодушных к футболу. Собственно болельщиком, в привычном понимании этого слова, назвать его сложно. С такими болельщиками из мира искусств, как, скажем, Дмитрий Шостакович, Борисова сравнивать не стоит. Шостакович регулярно посещал матчи, вёл таблицы чемпионата, пополнял список бомбардиров, писал письма на футбольные темы — своего рода отчёты об играх; в его кабинете висел портрет Матвея Блантера, сочинившего «Футбольный марш». Для Шостаковича игра была зрелищем, наблюдая за ней он сопереживал всем её участникам. Борисова интересовал внутренний мир футбола, в который он был введён Валерием Лобановским и Олегом Базилевичем.

На трибунах Олег Иванович замечен был не однажды. Он не подпрыгивал на скамейке, не кричал и не свистел, не плакал и не смеялся. Сосредоточенность его была сродни тренерской. Переживания — за друзей и вышедших на поле их единомышленников. Впрочем, дома, у телевизора, он давал волю эмоциям. Телевизионные трансляции старался не пропускать. Если они совпадали со спектаклями, в антракте звонил домой: «Какой счёт?»

Это в Москве прорва команд высшей лиги, все друг с другом конкурируют, город разделён на несколько частей — в соответствии с интересами поклонников. А в Киеве команда одна. Значимость киевского «Динамо» для жителей украинской столицы сродни значимости «Динамо» тбилисского для столицы грузинской. В Тбилиси в своё время говорили: если в январе, когда команда начинает тренировочный сезон, вывесить на местном стадионе футболки динамовских игроков на просушку, соберётся тысяч двадцать болельщиков.

В Тбилиси, впрочем, подобный интерес к своему клубу — в прошлом. В Киеве же он переместился в настоящее. И в прошлом, и в настоящем главной фигурой в «Динамо» был Валерий Лобановский, которого Олег Борисов в дневниках «Без знаков препинания» называет своим «лучшим другом».

В гостях у Борисовых в Киеве часто бывала сестра Олега Базилевича Оксана. Она и познакомила Олега с его футбольным тёзкой, а уж он потом — познакомил Борисова с Лобановским. «Я увидел его в первый раз на “Динамо” (этот стадион, расположенный в уютной паровой зоне в центре Киева, носит сейчас имя Валерия Лобановского. — А. Г.), — описывает Олег Борисов факт знакомства. — Зашёл к Базилевичу в раздевалку: все футболисты, их подружки, бездельники-журналисты “точили ляды”. Не было только Лобановского. Он сидел в автобусе на заднем сиденье. С книжкой. Нас познакомили, но от книжки он оторвался ненадолго. После этого я увидел его уже в Донецке: они с Базилевичем там заканчивали играть».

Олег с юношеских лет любил играть в футбол. В школьные годы они с братом Львом гоняли мяч в Ново-Братцеве. Лев играл в воротах, Олег — в нападении. В киевском Театре имени Леси Украинки, куда Олег приехал работать, сформировалась большая группа любителей футбола. Они не только посещали матчи с участием киевского «Динамо», но и сами — в выходные дни, в свободные от спектаклей вечера — выбирались на природу и гоняли мяч до изнеможения.

И в ленинградском БДТ Олег Борисов не остался без футбола. Играл за сборную театра. О ежегодных матчах БДТ с командой газеты «Вечерний Ленинград» знал весь город, отчёты о нём неизменно появлялись в местных изданиях.

Спорт для Борисова, всегда пребывавшего в отменной форме — что исключительно важно для сложнейшей работы в театре и кино, — одним только футболом не ограничивался. Он увлекался конным спортом, даже имел разряд (кажется, второй), потом увлёкся теннисом. Играл сам и любил смотреть теннисные поединки по телевидению. Тяжело болея, незадолго до кончины, он полулёжа смотрел игры турнира профессионалов и вполголоса комментировал их для домашних.

В Ленинграде главной газетой в доме был «Советский спорт». Юрий Андреевич Морозов выписывал для Борисова «Футбол-хоккей» — в те времена издание выходило почти двухмиллионным тиражом, но было жутким дефицитом: подписаться на него могли только близкие к футболу люди. Выписывалась — к изумлению ленинградских почтальонов — киевская «Спортивна газета» на украинском языке. Это была единственная для Олега Борисова возможность иметь относительно полную информацию о том, как складываются дела у Лобановского в «Днепре» и у Базилевича в кадиевском «Шахтёре».

С Базилевичем у Олега Борисова сохранились нормальные отношения.

С Лобановским они стали друзьями.

Каждый январь — это на долгие годы превратилось в ритуал — Лобановский с женой Адой прилетал в Ленинград в гости к Борисовым. Олег заранее составлял программу. Она включала в себя посещение спектаклей, музеев, поездки в Пушкин, Павловск и Петродворец и неизменные ужины в «Садко» — за полночь, с бесконечными беседами о театре, футболе, новинках литературы, деталях тренировочного процесса и репетиций. БДТ, Малый оперный, Эрмитаж, Русский музей, просмотр кинокартин на «Ленфильме» — много чего было в программе январских визитов в Ленинград киевского тренера.

Лобановский три раза смотрел спектакль «Три мешка сорной пшеницы», странным образом разрешённый ленинградскими партийными властями. После первого просмотра они сидели с Олегом за ужином. Лобановский молчал. Олег спросил: «Как тебе?» Лобановский ответил фразой, которую всегда адресовал себе и тем, с кем работал: «Надо думать». После второго просмотра Лобановский с восхищением говорил о режиссуре Товстоногова, об актёрской игре Борисова, об испытанном им потрясении. На третий просмотр привёз киевское «Динамо», пребывавшее в ранге обладателя европейского Кубка кубков (Олег Иванович, стоит сказать, в 75-м из него глоток-другой шампанского выпил), в полном составе — говорят, «Три мешка...» по просьбе Лобановского и Борисова при вёрстке репертуара БДТ включили на определённый день после того, как был опубликован календарь чемпионата СССР по футболу и стало ясно, когда динамовцы Киева прилетят в Ленинград играть с «Зенитом».

«Они, — говорил Лобановский о своих футболистах, — должны увидеть этот спектакль, прочувствовать, что пережила наша страна, что пережили люди в эту страшную войну, и никогда об этом не забывать».

Один из самых лучших советских футболистов 70-х Владимир Веремеев попросил разрешения пройти до гостиницы после спектакля пешком — ему нужно было в одиночестве осмыслить увиденное, потрясшее его театральное действие.

В середине 70-х Борисов заинтересовался новым для футбола явлением — аритмией. Мне казалось, что, наблюдая за футбольным действием, Олег Иванович проецирует свою театральную работу на футбол, находит что-то общее между футболом и театром. Сам он между тем говорил: «От меня ждут всевозможных аналогий, сравнений игры со спектаклем, с искусством. Но я, представьте себе, всегда отвергал подобные банальности. Искренне любя футбол, всё же был против подобных параллелей. Не стоит понимать превратно: не оттого, что одно

занятие считал более высоким, другое — низменным, и даже не потому, что в понятия игра артиста и игра футболиста вкладываю совершенно разный смысл. Мне представляется сравнение неверным потому, что в игре на сцене и в игре на поле гораздо больше различий, чем схожести».

Аналогии действительно не совсем уместны. Однако сравнения подходов к создаваемому — в футболе и на сцене — вполне могут быть. Борисов при встречах с Лобановским постоянно задавал ему вопросы о методах тренировочной работы, взаимоотношениях с игроками, с коллегами. Идея аритмии стала предметом обсуждений Борисова и Лобановского. Олег Иванович, думается, уловил в объяснениях друга и в матчах киевлян, им виденных, одну очень важную вещь: взаимоотношение через заданный ритм с публикой. Наверное, театральные критики готовы разобрать детально многие роли Олега Борисова на предмет применения им принципов аритмии. Со своей дилетантской точки зрения замечу лишь, что в потрясающей по воздействию на зрителя «Кроткой», которую Лобановский видел в те времена, когда она шла на ленинградской сцене, Борисовым был задан самый сложный ритм — с акцентированными и вместе с тем неожиданными, заставлявшими вздрогнуть и сопереживать паузами и взрывами, чередование которых не поддавалось строго отмеренному временному следованию. Олег Иванович, полагаю, разрабатывая вместе с выдающимся режиссёром Львом Додиним идею сценовой аритмии, хорошо понимал, что управлением ритма во время спектакля можно добиться весьма сильного эффекта воздействия на зрителей.

Выплеск всего себя Борисовым в «Кроткой» можно сравнивать с отдачей Лобановского на тренерской скамейке в важных матчах, таких как матчи Кубка кубков в 1975 и 1986 годах. Борисов восхищался концентрацией Лобановского в играх. Если и представлять Олега Ивановича в какой-то роли в футболе, то только, наверное, — в роли тренера.

У меня было ощущение, что во время матчей с участием киевского «Динамо» Борисов старался перевоплотиться в своего друга, который маятником раскачивался на скамейке запасных, и страстно хотел тем самым другу помочь.

Спустя несколько дней после Чернобыля, 2 мая 1986 года, киевляне играли в Лионе на стадионе «Жерлан» финал Кубка кубков с мадридским «Атлетико». Олег Иванович позвонил мне сразу после игры, завершившейся динамовской победой 3:0: «Ты видел?» Радостный невероятно. Повторяющий эпизоды игры, потрясающе проведённой динамовцами. Смакующий эти эпизоды: «А как они второй забили! Веер

слева — направо. Четыре передачи на скорости и — гол. Испанцы, кажется, так и не поняли, что произошло». И — потом: «Неужели они Васильича после этого в сборную не возьмут?»

Несколько дней спустя после победы «Динамо» в Кубке кубков еженедельник «Футбол-хоккей» уделил матчу и его анализу почти половину номера под одним названием «Игра во всех её проявлениях». В части первой был отчёт о матче, написанный одним из лучших футбольных журналистов Валерием Березовским. В части второй был профессиональный разбор финала, сделанный Никитой Симоняном. В части третьей выступил — первый, кажется, и последний раз в спортивной прессе — Олег Борисов.

Олег Иванович надиктовал репортёру то, что он думал о футболе, о киевском «Динамо», о матче и о возникшей ситуации со сборной. А думал он, в частности, вот что:

«Говорить хочу о людях, на высочайшем профессиональном уровне работающих в области, которая волнует меня как зрителя, как любителя, как сотоварища, наконец, испытывающего определённую сопричастность, неизъяснимую общность, единство — мыслей, чувств и кажется, что и взглядов. Это и понятно: когда зримо видишь творческий процесс и не менее зримо — его результаты, невольно становишься единомышленником. И не устаёшь удивляться этому чуду созидания почти что материальной осязаемости результата.

...Не счесть команд, волевых, мужественных и даже вполне умелых — без лидера, руководителя, умеющего организовать игру, знающего, как это сделать, они многого не добились. То, что мы видели в матчах киевского «Динамо», сыгранных на пути в финал, и что особенно явственно ощутили в финальном матче, лично меня потрясло. Сила динамовцев в поразительно точной организации коллективных действий. Это же надо так подготовить людей! Регулярно читая спортивную прессу, каждый из нас, болельщиков, премного наслышан и вроде как бы даже разбирается в различных методиках подготовки. Знаем мы и о выводе игрока на пик его возможностей. Но чтобы вот так — всех! До единого! Хоть кто-то, скажите, выпадал из ансамбля? Никто!

...Единомыслие в понимании игры такими разными и по характерам, и по природным свойствам людей просто-таки поражает. Какое фееричное разнообразие атак показали динамовцы! И какое согласие! В этом плане их игра, готов согласиться, искусство. Искусство реализовать все свои знания и умения, выразить их в едином понимании игры. Мы увидели в Лионе демонстрацию возможностей предельно отлаженного механизма атаки и

импровизации в необходимых каждому локальному эпизоду объёмах.

О сочетании заданности и импровизации в футболе рассуждают даже больше, чем на театре. И часто, как понимаю я своим любительским умом, уходят в рассуждениях в сторону, порой готовы принять за импровизацию любой жонгляж, любой эффектный трюк, проделанный с одной лишь целью — поразить воображение нетребовательного зрителя. Мне же представляется, что импровизация хороша лишь тогда, когда основательно выстроен каркас игры, создана определённая модель командных действий, модель игры. Импровизация хороша, на мой взгляд, в разумных и реальных пределах.

...Не могу, не вправе не сказать о том, что тревожит, знаю, не только меня — тысячи поклонников футбола. На протяжении более чем года мы все убеждаемся в том, что даже самые хорошие футболисты, попав в чужие руки, становятся неузнаваемыми. Без тренера-единомышленника, без тренера, которого они знают и которому целиком доверяют, а он знает все их возможности и пределы, они превращаются в безликую массу. И потому нет у нас уверенности в том, что через месяц в Мексике киевские динамовцы сыграют так, как в Кубке кубков. Но лично я верю, что с Лобановским они быстро преодолеют неизбежный, наверное, и, будем надеяться, недолгий спад — к июню вновь войдут в форму. Увы, в своё время Лобановскому было поспешно отказано в доверии, и, как я понимаю, именно поэтому сборная, теперь уже практически наполовину составленная из киевлян, фактически в полной мере неуправляема. Убеждён, что промах надо незамедлительно, не пугаясь того, что все сроки прошли, исправить.

...Я высказал здесь своё сокровенно личное мнение, но тешу себя надеждой, что оно не только моё. Убеждён! И уже поэтому к нему следовало бы прислушаться...»

На следующий день после выхода этого номера «Футбола-хоккея» — 12 мая — тренерский состав сборной СССР был заменён. Далёк от мысли, что статья повлияла на события. Но она не могла остаться незамеченной. Возможно, стала последним аргументом для тех, кто принимал решение.

Возглавить команду Лобановский согласился только при одном условии: в тренерский штаб войдут только те специалисты, которые работали с ним перед несправедливым и диким образом обставленным увольнением, — Никита Симонян, Юрий Морозов и Сергей Мосягин. До чемпионата мира оставалось 22 дня.

В день вылета сборной в Мексику мы с Олегом Ивановичем поехали с утра на подмосковную тренировочную базу в Новогорск. В двухкомнатном

номере Лобановского всё было подготовлено к отъезду. «Васильич, — сказал Борисов, — понимаю, что о шансах спрашивать нелепо, но всё же...» — «Времени потеряно много, — ответил Лобановский. — Кое-что удалось сделать, но полностью сбалансировать готовность киевлян и не киевлян пока не удалось».

Венгры были разгромлены в Ирапуато 6:0. «Ты видел?» — в ночи позвонил Олег Иванович. И снова, как и после Лиона, мы перебирали с ним эпизоды, восхищались скоростной командной игрой сборной и уровнем её готовности, вполне сбалансированной. О советской команде заговорили тогда как о теневом фаворите чемпионата мира. Были уверенный выход из группы, классная ничья с французами. А потом был матч 1/8 финала с Бельгией, в котором команда Лобановского дважды вела в счёте и контролировала ход встречи, но шведский арбитр Фредрикссон засчитал два бельгийских мяча, забитых из положения «вне игры», и советская команда была вынуждена вернуться домой...

Новый, 1979 год Олег Борисов встречал в больнице. Это было начало его тяжкого недуга, с которым он боролся последние шестнадцать лет. Первыми в январе навестили его Юрий Морозов и Валерий Лобановский. Лобановский попросил возглавлявшего лабораторию киевского «Динамо» Анатолия Зеленцова разработать, в соответствии с диагнозом, научно обоснованную систему бега для Олега — для быстрого восстановления сил, здоровья, поддержания формы. Борисов системой пользовался многие годы.

...Оказалось, что почти нет фотографий Валерия Лобановского и Олега Борисова вместе. Отношу это к тому, что оба не любили сниматься. Когда оказывались вместе, им было не до снимков: для встреч выпадало мало времени, а переговорить надо было о многом.

Они встречались в Киеве и Москве; во Львове, куда Борисов с сыном Юрой заехал на машине из Ленинграда, узнав о том, что киевские динамовцы проводят там матч чемпионата СССР с тбилисским «Динамо» (это был 1979 год, киевский стадион готовили к футбольному турниру Олимпиады-80); и в Козине, на даче Лобановского — жарили шашлыки, купались в Козинке, бродили по лугу, топили баньку; в Ленинграде, куда Лобановский с верной своей спутницей Адой регулярно приезжал в январе, в отпускное время для футбола.

Однажды они все вместе — с семьёй Морозовых, Юрием и Галиной, отправились ужинать в популярный тогда ресторан «Садко». У входа — огромная очередь. Люди — в ожидании освободившихся столиков. Морозов и Борисов на правах аборигенов, в городе не последних,

попытались уговорить бдительного швейцара. Не тут-то было! Непреклонность стража ресторанных дверей оказалась поразительной: «Отойдите, не мешайте». И вдруг швейцар увидел скромно стоявшего в сторонке Лобановского. «Вот товарищ Лобановский, — объявил он, — пусть проходит. Он заказывал столик». — «А они, — отмеченный швейцаром Лобановский показал на Юрия Андреевича и Олега Ивановича, — со мной». Морозов ещё долго дулся на швейцара, его не признавшего, а «этого, из Киева приехавшего, — пусть бы там его узнавали!» — пустившего.

Как-то вечером после спектакля в БДТ Олег Борисов задержался в гримбурной, его жена Алла, отменная кулинарка, отправилась домой чего-нибудь приготовить, а Лобановский с женой Адой зашли в гастроном купить к столу сладкого и шампанского. В магазине они встали в очереди в соответствующие отделы. К высокому стройному Лобановскому, стоявшему последним — в дублёнке, пыжиковой шапке на голове, подошёл скромно одетый человек и вежливо спросил: «Не будете ли третьим?» Лобановский с невозмутимым лицом ответил: «Нет. Только первым». — «Ничего, к сожалению, не получится. Первый у нас уже есть».

Каждая встреча Олега и Валерия приносила обоим радость, отдохновение в их напряжённой творческой жизни. У Борисова и Лобановского было много общего — трудоголики, максималисты, однолюбцы. Оба жили обособленно от толпы, от тусовок. Жизнью выдающихся творческих личностей, посторонних к ней не подпуская.

Лобановский был убеждён, что современному футболисту, и тем более футболисту будущего, недостаточно обладать высокой скоростью, мощным ударом, умением делать точные передачи. Во главу угла ставится интеллект, позволяющий мыслить на поле, с предельным пониманием относиться к тренерским установкам, органично дополнять усилия партнёров в рамках ведения командной игры. На тот момент образцом в этом плане для Лобановского был Андрей Шевченко — незаурядная личность не только на футбольном поле, но и за его пределами.

Однажды в машине, когда ехали из Ленинграда в Пушкин, Олег Борисов поинтересовался у Лобановского:

— Каким футбол будет через тридцать лет?

— Через тридцать — не знаю. Может быть, ещё такой же. А через пятьдесят, восемьдесят, сто — умным. В футбол будут играть люди мыслящие, в меру интеллектуальные.

— Такие, как ты?

— Как я или как ты. Будут литературные программы, математические.

Кто первый высшую математику, высокий театр выдаст на поле, тот будет новым Пеле... Нам не дожить. Соответственно, и тренеры. Сначала — философы, потом — учителя изящной словесности, по совместительству бухгалтеры и психологи и уже только потом, в последнюю очередь, тренеры.

— Неужели это возможно? Не верится...

— Это и артистов коснётся. Людям когда-нибудь надоест на идиотов смотреть...

Книгами с Борисовым Лобановский не только обменивался — и поездом переправлял в Ленинград, а потом, когда Олег перебрался из БДТ во МХАТ, и в Москву, с оказией, — но и обсуждал, когда встречались, прочитанное. С хорошими книгами в советские времена была «напряжёнка». Борисову по случаю достался «Карманный оракул» испанского философа XVII века Бальтасара Грасиана, вышедший в серии «Литературные памятники». Олег книгу прочитал дважды. Сначала, глотая, без остановок. Потом — не торопясь, вдумчиво, останавливаясь, возвращаясь к прочитанному и снова продвигаясь вперёд. Лобановский, когда право на «Оракула» перешло к нему, обратил внимание Борисова на два момента. «Вовремя, — пишет Грасиан, — прекращай игру. Правило опытных игроков. Когда удачи громоздятся одна на другую, есть опасность, что всё рухнет. Непрерывное везение всегда подозрительно». «Васильич, — вспоминал Борисов, — аж хмыкнул от удовольствия: “Зачем же прекращать, если и так уже всё рушится?”».

И совершенно не согласился Лобановский с суждением Грасиана о том, что «надо избегать обязательств». «Чем их больше, — сказал он Борисову, — тем лучше для дела. Только под их гнетом, тяжёлым бременем, можно воспитать хорошего ученика!» Он признался тогда (вторая половина 80-х годов) Олегу, что мечтает «кому-нибудь передать своё дело». «Вот только, — развёл, по свидетельству Борисова, руками, — кому? Воспитывать надо с пелёнок...»

Как-то Лобановский прочитал Борисову статью французского учёного об «электрическом рационализме». Покачал головой: «Сколько можно выработать на поле электричества? Знаешь? А я знаю... Только энергия эта механическая, заводная, а у тебя на сцене — чистая (постучал кулаком по лбу), от мысли. Такую энергию выработать на поле пока не удаётся... Идея в том, чтобы понять (ударение в этом слове Лобановский всегда ставил на «о»), откуда ты её в таких количествах получаешь». Олег сказал ему: «Когда Ньютона спросили, как он открыл законы всемирной механики, он ответил предельно просто: “Думал об этом денно и ночью”. Артисты не

“ньютоны” и не гении. Мы — очень обыкновенные, потому что любим отдохнуть, покутить, подхалтурить. “Денно” и “ночно” — к нам не относится, разве что в отношении к себе, в механике самолюбования. У некоторых она хорошо отработана».

«В футболе то же самое, — подхватил Лобановский. — Но вперёд продвигаться можно только в том случае, если “денно и ночью”. Учиться надо всегда. Учиться. Когда-то, быть может, полученных в школе и институте знаний хватало на всю жизнь. Сегодня это абсолютно исключено. Прогресс, постоянные изменения, шквал информации — это заставляет учиться всё время, каждый день. Стоит только перестать учиться, как моментально можешь выпасть из процесса — примеров подобного сколь угодно много».

И, выдержав паузу, добавил на чистом глазу:

«Олег, запомни, какой-нибудь пятнадцатилетний пацан начнёт забивать по-балетному красиво, между тренировками читать Лермонтова и ещё наймёт репетитора учить гаммы. Футболисты будут образованными!» И почему-то, вспоминал Борисов, «засмеялся при этом своим отдельным, “демоническим” смехом». Что он — шутил или пророчил, — узнать Олегу не удалось, хотя по части актёров ему это было особенно важно. Лобановский при подъезде к Пушкину объяснял идею создания новых футбольных школ и лицеев сыну Олега Ивановича Юре, предложил тому должность учителя шахмат (вспомнив, по-видимому, как Юра его обыгрывал), а самому Олегу — театрального педагога.

Отношения у Лобановского с Борисовым возобновились — плотные, так-то они связь изредка поддерживали по телефону, — осенью 1973 года в Куйбышеве. «Днепр» играл там матч очередного тура с «Крыльями Советов», а БДТ в это время находился на гастролях. Жили футбольная и театральная команды в одной гостинице — «Волга». Там вечером за день до матча в номере Лобановского и договорились: в январе 74-го Валерий с Адой приезжают в Ленинград. Прилетели из Киева 2 января. Начало традиции — «январской недели» в Ленинграде было положено. Вечер 6 января, канун Рождества и день рождения Лобановского, непременно проводили в «Садко».

«Удивительно, что за те годы, пока я веду дневник, я ещё ничего не написал о своём лучшем друге, — это из записей Олега Борисова. — Наверное, оттого, что футбол — не в основном фарватере, о футболе — всегда успеется. Но ведь и сам Василия (я буду его называть так) никогда не попадал в основной фарватер, всегда был сам по себе.

Он каждую зиму приезжает в Ленинград на каникулы. Приезжает

“совершенствоваться”. И даже в каникулы выполняет программу, которую составляет для себя сам. Утром бегают, днём его Юра образовывает по части музеев, потом у них партия в шахматы, вечером — обязательное посещение БДТ. (Цель — пересмотреть весь репертуар — давно перевыполнена. В тот день, когда в БДТ выходной, идёт слушать “Евгения Онегина”, но выдерживает недолго: не находит идеи.) После спектакля — неизменный ужин в “Садко”. Выполняет программу даже тогда, когда подаётся его любимое блюдо: “осетрина по-монастырски”. У нас текут слюнки, льётся водочка, но его мозг работает. Чуть расслабляется он только к двум часам ночи, когда на сцену выходят цыгане. В свой первый приезд просит посодействовать команде “Динамо” попасть на спектакль “Три мешка сорной пшеницы”. Достает календарь игр на следующий сезон и бронирует двадцать пять мест за полгода вперёд. Мне это приятно, но всё-таки сомневаюсь: нужно ли это всей команде? Спектакль тяжёлый, длинный, у них заболят ноги и... они проиграют “Зениту”. “Всё будет по программе, — последовал ответ, который можно было предвидеть. — Мы в этот день дадим на ноги нагрузку поменьше”.

Через полгода точно в назначенный день команда в строгих костюмах и галстуках, когда зрители уже расселись на местах, появляется в партере. В зале аплодисменты. Ещё бы — чемпион страны и обладатель Кубка кубков в полном составе! Антракт затягивают на полчаса: у команды — режим, она ужинает за кулисами. Случайно слышу реплику одного из игроков: “Ну и кому это нужно? Тренера (ударение, конечно, на “а”) хотят свою образованность показать!” Пересказываю это Лобановскому. Он смеётся: “А что ты хотел? Всё понять с первого раза им трудно. Надо будет ещё раз сводить, в следующем году”. (В слове “понять” упорно делает ударение на “о”. Сколько я ни намекал...)

В больницу Василия принёс график бега. Разработал специально для меня — лёгкая трусца! Всё высчитал по секундам с учётом даты и времени моего рождения, биоритмов. Вот выйду отсюда, куплю секундомер и побегу.

Нужно жить по программе — пора бы это на старости лет понять!...»

Глава 29

ДОМАШНИЙ ЧЕЛОВЕК

Неправда, что всё остальное, кроме футбола, оставалось для него вторично. Дом и семью он никогда не считал вторичным. Для Лобановского они были — вместе с работой — всем. Чувство дома, семьи ему было присуще всегда, но особенно обострилось оно в период работы в Эмиратах и Кувейте. Он говорил Аде и Свете: «Жизнь устроена так, что мы всё время находимся вне дома. Поэтому давайте там, где мы находимся, создавать для себя домашнюю атмосферу». При всей своей внешней публичности Лобановский — человек сугубо домашний, семейный.

Ада Емельяненко и Валера Лобановский познакомились на свадьбе её двоюродного брата — Вали Коваленко, учившегося с Лобановским в одной школе. Ада ещё была школьницей. Когда на свадьбе начались танцы, Лидия Григорьевна увела дочку домой.

Ада училась в 58-й, рядом с площадью Победы. В школу из дома она шла вверх по бульвару Шевченко. Валерий, студент Политехнического, доезжал 29-м или 10-м трамвайчиком до того самого уголка, откуда «стартовала» Ада, пересаживался на 23-й или 6-й и ехал в институт. И вот на этом уголочке они часто пересекались. Здоровались, перебрасывались несколькими фразами, и каждый продолжал свой путь.

Спустя какое-то время Ада вызвалась помочь двоюродной сестре отнести Валентину и его жене продукты. У них уже родился сын Гена — крестник Ады. Время было позднее, и Ада сказала маме, что заночует у брата. Когда пришли, у Валентина в гостях был Валерий. Они играли в шахматы. Команда должна была куда-то лететь, был сильный снегопад, вылет перенесли на утро, и Валерий решил навестить Валентина. Ада сразу сказала Валентину, что останется у них ночевать, но Валерий что-то прошептал на ухо другу, и Валентин сказал: «Нет, сегодня ты не можешь у нас остаться. Приехала родственница из Боровичей, нас вон сколько, просто негде спать». И добавил: «Валера тебя проводит».

Ада и Валерий вышли из дома. Дошли до автовокзала, потом зашли в какой-то магазин, Валерий купил Аде большой кулёк шоколадных конфет, они сели в троллейбусе на заднее сиденье. Это был первый раз, когда Валерий проводил Аду до дома.

Потом они стали встречаться. Лидия Григорьевна знала, что позже одиннадцати вечера её дочь домой никогда не придёт. Свидания назначали на том самом месте, где пересекались когда-то утром школьница Ада и студент Валерий. Под часами. Валера, когда договаривались встретиться, говорил: «Адюнь, я тебя очень прошу — не опаздывай». А Ада про себя: «Как это не опаздывай? Все девочки опаздывают». «Не опаздывай, — продолжал Валерий, — потому что у меня очень мало времени. Если я прибегаю к тебе на час, между тренировками или перед заездом на сборы, то хотел бы это время провести с тобой, а не в ожидании на улице».

Новый, 1963 год Ада и Валерий встречали у друзей в старом доме писателей. Все танцевали и пели. Слуха музыкального у Лобановского не было. «Мне, — говорил, — медведь на ухо наступил». — «Не медведь, — поправляла Ада, — ты, Валеранька, только не обижайся, а — слон». Он соглашался и на слона. «Жила бы страна родная...» — единственная песня, которую он мог в редких случаях затянуть, но и её не осиливал.

Они вышли на кухню, и Валерий сказал: «Адюня, я хочу сделать тебе предложение. Давай поженимся. У меня отпуск. Пятнадцать дней. Распишемся и уедем в санаторий. Мне дают путёвку на 28 дней. Мы её поделим пополам и пробудем две недели вместе». Ада ответила согласием.

1 января они поехали к двоюродному брату Валерия — Славе Бойченко — поздравить его и жену его Зою с Новым годом. Когда Слава поинтересовался у Валерия, где он собирается отдыхать, Валерий сказал: «Мы и приехали попросить тебя помочь нам как можно быстрее расписаться». «Валерка, — ответил Слава, — надо три месяца ждать, пока разрешат». Безвыходная ситуация: футболистам тогда — негласное правило — разрешали расписываться только зимой. Но для этого следовало заранее подавать заявление и ждать три месяца. Слава Бойченко, работавший в обкоме партии, помог: Ада и Валерий зарегистрировали брак 3 января 1963 года в знаменитом «Шоколадном домике» на Шелковичной улице. Когда ехали к назначенному часу на «Волге» — той ещё, которая с оленем на капоте, Валерий был за рулём, и на повороте, на льду, машину раз пять крутануло на одном месте. «Ты посмотри, что делается, — засмеялся Валерий. — Даже природа против нас...»

Свадьбы как таковой не было. И платье на Аде было красивое, но обычное, не свадебное. Они не хотели, договорившись друг с другом, устраивать из этого событие для кого-то. Только — для себя. Родной брат Валерия Женя был в «Шоколадном домике» единственным свидетелем. Поздравил молодожёнов. Фотографии не делали. Из «домика» отправились к Славе: Зоя всё приготовила — посидели вместе, скромно отметили. В

новейшие уже времена Валерий 3 января шутил: «Бабушка, а ты меня так и не поздравила». «А я боюсь вспоминать об этом», — отвечала Ада: она старалась не считать годы.

Александра Максимовна поначалу была настроена против Ады, но очень скоро её признала, и отношения между ними сложились совершенно доброжелательные. Иными они и не могли быть — при безмерной любви Ады к близким людям, её уважении к ним, постоянном стремлении помочь и быть вместе в любой ситуации, радостной или горестной.

13 ноября 1963 года в Киеве в семье Лобановских родилась Светочка. Команда отправилась в те дни в самый сложный выезд: 15-го в Москве игра с ЦСКА, 20-го в Тбилиси с одноклубниками и 24-го в Кишинёве с «Молдовой». Все матчи киевляне проиграли — 2:3, 0:1 и 0:1 соответственно.

В Тбилиси диктор по стадиону, получив информацию от друживших с динамовцами Киева местных футболистов, торжественно объявил, что «в семье нападающего киевского “Динамо” Валерия Лобановского — пополнение: родился ребёнок». И, выждав, когда стихнут аплодисменты публики, добавил: «Сын». Кто же ещё мог родиться у известного советского форварда? Только сын. В Грузии так и решили, когда узнали о рождении ребёнка.

После игры в Тбилиси Лобановскому подарили пинетки для мальчика. Они хранятся в домашнем музее.

Квартиру на улице Героев Революции помог получить Вячеслав Дмитриевич Соловьёв, когда узнал, что ютились Лобановские в небольшой квартирке. Валерий мылся в коридоре в тазике. «Ты что же молчишь?» — пенял ему Соловьёв. «А кому говорить?» — спрашивал в ответ Лобановский.

На Героев Революции дали квартиру, в которой прежде жил приехавший из Москвы в «Динамо» с женой Юрий Ковалёв. Они развелись, квартира освободилась. Только Валерий и Ада собрались в неё въезжать, как туда из другой квартиры, окна которой выходили во двор и в которую никогда не попадал даже лучик солнца, вселились Зайцевы (нападающий Игорь Зайцев приехал из московского «Локомотива»). Валерий бороться не стал, остановился на прежней зайцевской. Развелись и Зайцевы, и в ту квартиру вселилась пара, к футболу отношения не имевшая. Муж пил, жену Полину гонял, она частенько на лестнице сидела — выжидала, когда муж утомится. Валерий говорил Аде: «Хорошо, что мы в эту квартиру не вселились. Видишь, какая она несчастливая».

«Перед Новым, 1965 годом, — вспоминает Ада, — у него схватило

бок: аппендицит. Удалили, но оставили какой-то тампон, и на третий день поднялась температура. Положили в больницу. В другой в это время оказалась моя мамочка с астмой. Я с маленькой Светой ношусь между двумя больницами. Потом обратилась к хорошему нашему знакомому Всеволоду Надеждину, работавшему в Шевченковском райисполкоме, и попросила: “Севочка, сделайте, пожалуйста, так, чтобы их положили в одну больницу, чтобы я не летала по городу...”».

Когда не удавалось длительное, время находиться в Днепропетровске (в Киеве в заботе нуждались Александра Максимовна, Лидия Григорьевна и школьница Света), Ада «челноком» моталась между двумя городами. Когда «Днепр» улетал на выездные игры, Ада на Як-40 отправлялась в Киев. К возвращению «Днепра» подгадывала и свой прилёт в Днепропетровск. Прилетала пораньше, садилась в машину и ждала прибытия команды — такая у них с Валерием была всегдашняя договорённость. Из Киева привозила приготовленные вместе с обеими бабушками его любимые вареники, грибочки, фаршированную рыбку...

Однажды она села в Киеве в самолёт, он вырулил на взлётную полосу, и вдруг выяснилось, что один мотор не работает. Всех высадили. Неисправность устранили и сказали: кто хочет, может сдать билеты, их без вопросов примут, а кто хочет, тот может лететь. Желающих лететь после такого сбоя оказалось немного. «А я, — вспоминает Ада, — подумала: приедет Валерочка, один, зайдёт в пустую квартиру... И что же я за жена такая, если буду сидеть тут и бояться или ехать — до утра — поездом? И — полетела: как Боженька даст, так и будет».

Во время «московской командировки» Валерий в 1983 году жил в служебной квартире Спорткомитета рядом со станцией метро «Бауманская», в Аптекарском переулке. Две просторные комнаты, кухня. Лобановскому предлагали сдать в Киеве жильё и получить в Москве трёхкомнатную квартиру, пытались оставить его в столице. Он, не раздумывая, отказался. Ада приезжала в Москву при первой возможности. Она старалась и в этой казённой квартире создать уют, всё сделать по-домашнему. И — делала, несмотря на возникшие тогда проблемы со здоровьем.

Убрала на антресоли всё казённое (посуду, скатерти, занавески), купила всё новое, на свой вкус, разложила и расстелила так, как привыкла. Ходила на ближайший рынок. Грузчик Валентин Петрович (Ада навсегда запомнила имя этого доброго человека) помогал ей не только доносить покупки до квартиры, но и сам потом закупал по списку, подготовленному Адой. Просто говорил: «Вы можете подойти с этим списком, дать его мне и

идти обратно: я всё принесу». Иногда Ада снаряжала посылки в Киев. В основном с фруктами — для Александры Максимовны, мамы Валерия, своей мамы Лидии Григорьевны и для Светы, учившейся тогда в университете. Валентин Петрович Аде помогал. Приносил покупки домой, Ада заказывала такси, водитель поднимался наверх, ехали на Киевский вокзал, носильщики заносили сумки в вагон, знакомые проводницы знали, кто приедет в Киеве за посылками.

Как-то раз Валентин Петрович принёс по просьбе Ады ящик чернослива, который очень любил Валерий. Ада была занята, попросила Валерия посмотреть, кто там. И грузчик потом рассказывал Аде, что стеклянную дверь на площадку возле лифта открывал ему «сам Лобановский». «Да-да, — отвечала Ада, — я знаю. Это наш сосед...»

В еде Лобановский был непривередлив. Раб желудка — это не про него. Ел всё, что подавали на стол, но немного: размеренно, не спеша. Когда садился завтракать на Суворова, просил помогавшую Аде по хозяйству тётю Аню (Анну Николаевну Бабенко, прошедшую хорошую школу в составе обслуживающего персонала у председателя Совета министров Украины Александра Ляшко) не больше двух ложек каши. Сердобольная тётя Аня, конечно же, перекладывала — на работу ведь едет, надо подкрепиться. Съедал ровно две: «Я же просил...»

Любил мочёные помидоры, небольшие солёные огурчики, квашеную капусту, печёную картошку, селёдочку. В Кувейте — свежую рыбу и морепродукты. Света Лобановская помнит, что «на похвалу отец был скуп». Если блюдо ему нравилось, мог сказать: «Хорошо», а если нет: «Можно было сделать лучше».

До отъезда на Восток, если выдавались во второй половине дня свободные часы, да ещё в погожий денёк, Валерий Васильевич ехал с друзьями на дачу в Козин, затапливал баню. Пока она «дозревала» до нужной температуры, сосед занимался приготовлением рыбы. У соседа была небольшая самодельная коптильня, изготовленная на основе стерилизатора для медицинских инструментов, и он коптил речную рыбу на вишнёвых или на ольховых щепках.

«Не могу, — говорит Светлана Лобановская, — сказать, что он любил что-то конкретное. Главное, чтобы вкусно было. Очень любил мамин “Наполеон”. У нас в ресторане мы готовили “Наполеон” по рецепту нашей мамы. Мы, наверное, и занялись ресторанным бизнесом только потому, что у нас в семье все бабушки очень хорошо готовили. У папиной мамы свекровь была полькой, поэтому бабушка знала очень много рецептов из польской кухни. По соседству жили евреи, и бабушка часто готовила по их

рецептам. Есть такие вещи, которые у бабушки получались просто потрясающе, — фаршированная рыба, бигос. Я видела, как она готовила, кухарила вместе с ней, но как вкусно, как у неё, у меня не получается. Мама готовила папе всё, что он просил. И блины, и борщи...»

Валерий звонил Аде каждый день. Где бы ни находился. Когда со сборной СССР жил на базе в Новогорске (мобильных телефонов, стоит напомнить, и близко тогда не было), каждое утро, договорившись заранее с Адой, в восемь часов спускался к единственному телефонному аппарату и не сам набирал номер (чтобы не вводить в расходы организацию: междугородний ведь звонок), а дожидался, когда позвонит Ада. Она звонила ровно в восемь, и они разговаривали. По основным вопросам, связанным с его работой, с приглашением, скажем, на работу в киевское «Динамо» в 1973 году, Валерий советовался с Адой примерно так: «Как ты считаешь, если бы вдруг?...» «Я постоянно, — говорит Ада, — шла за ним. Как он решил, так и должно быть. Я понимала, что никогда не приму правильное решение. Я всегда прислушивалась к его мнению. Тысячу раз убеждалась в его правоте. Что бы я ни говорила, выходило спустя время так, как он предсказывал. Я понимала, что он больше, чем я, знает и дальше, чем я, видит».

Ссорились редко. На пальцах одной руки можно подсчитать — за сорок-то без малого лет. «Так, — говорил Валерий, — сели. Мы что, расходиться собираемся? Нет! Так и нечего бузу заводить. Успокоились. Всё в порядке!»

Однажды Ада со Светой поехала в Ессентуки. «Днепр» играл где-то в Прибалтике. Света немного простыла, небольшая температура, и Ада — у неё был день рождения — спустилась в ресторан заказать обед в номер: не хотелось, чтобы простуженная дочка куда-то выходила. Когда вернулась, увидела: на кресле шикарный женский плащ и красивая сумочка. Света лежит, молчит, только пальчиком показывает в сторону душа. «Кто это к нам приходил?» — громко, улыбаясь, спросила Ада. «Мама, — сказала Света, — я лежу, вдруг открывается дверь и появляется рыженькая головка...» После матча в Прибалтике, проходившего под страшным ливнем, команда вернулась в Днепропетровск. Валерий, высушив и погладив промокший костюм, полетел в Минеральные Воды, откуда на такси помчался в Ессентуки — ему хотелось побыть в выходной день со своими, поздравить Аду с днём рождения.

Когда у Ады начались проблемы со спиной, Валерий, приезжая домой, садился возле кровати, часами сидел рядом, разговаривал с ней, держа за руку.

Валерий любил, когда Ада встречала его в аэропорту или на вокзале. После Монреаля-76 она, несмотря на боли в спине, встречала его в Борисполе, откуда все тренеры с жёнами отправились ужинать в ресторан гостиницы «Киев». Валерий сказал тогда Аде: «Мы не знаем, кто и как оценил наш труд, но мы его оцениваем как достойный». Домой вернулись в три часа ночи. Наутро у Ады была в институте защита диплома. Она собиралась ещё почитать что-то, но Валерий посоветовал ей прилечь. «Отдохни несколько часов, — сказал он. — Потом поедешь, и всё будет в порядке». Защита прошла успешно.

В детстве Свете очень не хватало общения с папой. Застать его дома было трудно: работа, работа, работа... Света помнит, как ей хотелось, чтобы папа отвёл её за руку в первый класс. Но он тогда тренировал «Днепр», вырваться хотя бы на день не получилось, так что из Днепропетровска дочка получила только поздравительную телеграмму. «Но как только предоставлялась малейшая возможность, — вспоминает Светлана, — мы с мамой летели к папе. Или же он прилетал в Киев. Почти каждый вечер он звонил домой и узнавал, как у нас дела... После окончания школы мне удалось провести с папой целых две недели! Может, кто-то меня и не поймёт, но я была так счастлива! Он взял меня в Ялту, чтобы я немного отдохнула перед вступительными экзаменами в университет. За многие годы я научилась ценить каждую минутку, проведённую рядом с отцом».

Знакомство с будущим зятем — Валерием Горбиком — состоялось в Эмиратах. Прошло время после того, как они со Светой начали встречаться, и ребята решили расписаться. «Надо же об этом родителей в известность поставить, — вспоминает Валерий Горбик. — Полетели в Дубай, заказав предварительно номер в гостинице, настроились, как следует, и — в гости».

Лобановские жили в шикарной квартире в самом центре Дубая — жильё, полагавшееся по контракту, снимала местная Федерация футбола. На улице жара — градусов под 40! Европейские туристы в шортах, летних тапочках. «Угораздило, — рассказывает Валерий Горбик, — и меня одеться столь же легкомысленно. Валерий Васильевич и виду не подал, что ему что-то не нравится во мне, в моей одежде, в поведении. Расспрашивал о жизни, чем занимаюсь, кто такой. Я и рад стараться — выложил всё как на духу. Васильич сразу расположил к себе, проникновенно слушал. И только годы спустя я узнал, что мои шорты и тапочки тогда пришлись ему совсем не по душе. На его взгляд, для знакомства не лишними были бы костюм и туфли. Потом в подходах к одежде я стал брать с него пример».

Горбик, занимавшийся боксом в Краснодаре, откуда его пригласили в

киевские «Трудовые резервы», в новейшие времена начал заниматься коммерцией. Организовал фирму, которая поставляла мебель и видео-и аудиоаппаратуру для киевских гостиниц «Москва» и «Крещатик». Валерий Васильевич при знакомстве намекнул ему, чтобы в делах своих коммерческих он был безупречен с точки зрения законности. Для Лобановского честь всегда была превыше всего.

Активно занимаясь спортом, Валерий Горбик времени зря не терял. Окончил Институт физкультуры в Краснодаре, курсы лечебного, гигиенического и спортивного массажа, получил красный диплом физиотерапевта. Лобановский спустя некоторое время предложил ему поехать в Кувейт и поработать там вместе по контракту. На кувейтцев, надо сказать, диплом Горбика не произвёл никакого впечатления. Нужно было пройти тестирование непосредственно у них, что благополучно и было сделано.

Лобановский на дух не переносил людей, которые много болтают, но ничего не делают. Говорил: «Когда человек работает, то чем бы он ни занимался, это не может быть непрестижным. Непрестижно, когда человек не хочет работать».

Конечно, прежде чем принять какие-то важные решения в своей жизни, Света всегда пыталась переговорить с отцом, выслушать его мнение. Но он никогда не говорил ни да, ни нет. «Ты должна решить сама» — таков был итог всех бесед отца с дочерью. После того как она познакомилась с родителями Валерия Горбика, она спросила отца: «Ну как?» Ей очень не хотелось повторять прежних ошибок в личной жизни. «Света, — ответил папа, — не нам с ним жить. Решай сама».

«Сухарь», «застёгнутый на все пуговицы», «человек без эмоций»?.. У каждого из тех, кто его знал, свой Лобановский.

...Динамовцы прилетели в Москву в воскресенье, 26 октября 1980 года. Разместились, как обычно, в примыкавшей к ресторану «Пекин» гостинице. Отдельный неприметный вход в отель находился на 2-й Брестской улице. Вывески никакой не было. Сразу за входной дверью — небольшой холл, стойка, за которой происходило оформление гостей. На стене телефон внутренней связи. Лифт. Эта часть «Пекина» принадлежала КГБ. Работники этой организации, приезжавшие из союзных республик в командировку, смотрели на футболистов киевского «Динамо» и тренеров как на инопланетян, разве что пальцем не показывали.

Вечер мы с Лобановским провели в его номере, в компании с помощниками тренера Михаилом Михайловичем Команом, Толей Пузачем и администратором Григорием Спектором. Мы ужинали, слегка выпивали,

разговаривали о всякой всячине, обсуждали игру завтрашнего соперника «Динамо» — «Локомотива». Коман и Пузач время от времени выходили — вместе или порознь — проверить, всё ли в порядке у футболистов.

— Вы когда и как уезжаете? — спросил у меня Лобановский, знавший о моём с женой предстоявшем отъезде на работу в отделение ТАСС в Финляндии.

— Вечером 31-го, поезд Москва — Хельсинки, билеты в кармане, вагон, кажется, седьмой, документы в порядке.

— В Ленинграде поезд останавливается? — Вопрос, признаться, меня несколько удивил: какая разница, останавливается или нет.

— Раньше заезжал в Ленинград с приличной по времени стоянкой. Сейчас город обходит стороной. Около трёх ночи притормаживает минуты на две-три в Ручьях, станция есть такая.

(Поезд Москва — Хельсинки до открытия Ладожского вокзала совершал короткую стоянку в Ручьях).

— Мы, — сказал Лобановский, — 31-го играем дома со «Спартакoм». Если выиграем, приедем с Адой вас проводить. В Ручьи. К седьмому вагону.

— Как это возможно?! — Изумлению моему не было предела.

— Это уже наша забота. Будем думать.

На следующий день холодным московским вечером (температура ноль градусов, а то и ниже) динамовцы сыграли вничью с «Локомотивом». В автобусе, в котором я отправился во Внуково провожать команду, Лобановский сказал: «Вот посмотришь, обязательно в прессе будут намекать на слишком миролюбивый характер матча. Не понимают люди: ничья в сложившейся турнирной ситуации нас полностью устраивает. Да, вели в счёте, да, не удержали победу, пропустив ответный мяч с пенальти. Но пенальти нам били минут за десять до конца игры. И что же, лезть потом напролом, попытаться забить, но, не забив, пропустить? Мы ведь чемпионат начинали для того, чтобы его выиграть, а не на выезде у «Локомотива», причём в матче, результат которого нас полностью устроил. В следующей игре, со «Спартакoм» в Киеве, многое решится».

Когда расставались во Внукове, Лобановский сказал: «До встречи в Ручьях». И добавил, улыбнувшись: «Если выиграем у «Спартакa»».

31-го, заранее собравшись в дорогу, я в семь вечера присел у телевизора. Рюмку-другую «за отъезд» позволил себе только в перерыве матча. Республиканский стадион был заполнен — 100 тысяч зрителей. Непогода, дождь, временами снег, сильный ветер, холод публику не остановили: самая, пожалуй, громкая футбольная афиша 80-х. Киевское

«Динамо» против московского «Спартака». Лобановский против Бескова. Одно футбольное направление (или стиль, если угодно) против другого. Одна большая группа игроков сборной СССР против другой.

Ликование стадиона уже на 4-й минуте: Дасаев ошибся после не самого сложного для вратаря удара Буряка со штрафного. Несколько приличных голевых моментов подряд, созданных «Динамо», — Хапсалис, например, попал в перекладину. Нервная концовка, когда «Спартак», у которого в той игре не очень-то получалось, пошёл «ва-банк» в надежде сравнять счёт, и Буряк воспользовался потрясающим по точности пасом Бессонова и забил второй гол, 2:0. «Спартак», действующий на тот момент чемпион страны, фактически был лишён возможности повторить прошлогодний успех.

И для меня у телевизора концовка матча оказалась нервной. Тассовская машина давно уже стояла у подъезда, медлить нельзя: можно и на поезд опоздать. С финальным свистком арбитра Азим-заде я стал выносить к машине вещи.

Поезда до Хельсинки в те времена ходили почти пустыми. В вагоне СВ — никого, кроме нас с женой и проводника. Иван Петрович, невысокий, худощавый «проводник-ветеран», как он представился («Только на этом маршруте около двадцати лет!»), поил нас чаем, рассказывал истории из железнодорожной жизни. Одна запомнилась. Как-то выборгские таможенники поспорили с Иваном Петровичем на ящик водки: ни за что, мол, не провезёшь в своём вагоне из Хельсинки бутылку финского пива так, чтобы мы её не нашли. Конструкцию вагона таможенники знали, как хороший механик знает нутро автомобиля. С закрытыми глазами могли найти любой потаённый уголок. Но Иван Петрович вагон свой знал лучше, чем таможенники. Они только что по частям не разобрали вагон в поисках спрятанной бутылочки пива. «Лапин култа», — вспомнил название пива Иван Петрович. В переводе с финского «Lapin kulta» — «Золото Лапландии». Советские телевизионщики, рассказывают, привозили из командировок в Финляндию упаковки этого пива тогдашнему теленазначнику по фамилии Лапин.

Бутылочку таможенники не нашли. Иван Петрович попросил их выйти из вагона, чтобы они не засекли тайничок, спустился на перрон, вручил проигравшим спор пиво и отправил в магазин за водкой, чтобы они успели принести ящик до отхода поезда.

Я попросил Ивана Петровича разбудить нас минут за пятнадцать до остановки поезда в Ручьях — на всякий случай: невозможно было представить, что увижу кого-то посреди ночи на перроне

полузаброшенной, фактически находящейся в отдалении от городских магистралей станции. И рассказал ему — опять же на всякий случай, — что нас могут прийти провожать.

Из тамбура, куда Света и я вышли за минуту до того, как поезд остановился, увидели, как к нашему седьмому вагону бежит группа людей. Они подбежали ровно в тот момент, когда Иван Петрович открыл дверь вагона. Лобановский с Адой, Юрий Андреевич Морозов, возглавлявший тогда ленинградский «Зенит», с женой Галей и Юра Борисов, сын Олега Ивановича. Олег улетел тогда с БДТ на гастроли в Аргентину и сокрушался по возвращении, когда ему рассказали о «ручьевской эпопее», что не было у него возможности присоединиться к такой компании.

Только мы начали было прощаться на перроне, как Иван Петрович решительно скомандовал: «Заходите в вагон быстро! Все!» Он открыл ещё одно купе. Мы всемером в нём разместились и приступили к раннему — на часах около четырёх утра — завтраку: Светины пирожки, необыкновенной вкусноты мясо, приготовленное отменной кулинаркой Галей Морозовой, солёные огурцы, хлеб, и всё это, конечно же, под водочку.

Васильич рассказал, как ему с Адой удалось успеть к короткой ночной стоянке поезда Москва — Хельсинки. Билетами на самолёт из Киева в Ленинград он запасся заранее. Как только закончился матч, прошёл в раздевалку, поздравил каждого футболиста, объявил время тренировки, назначенной на 2 ноября, отправился затем к поджидавшей его машине, в которой уже сидела Ада, и на большой скорости автомобиль помчался в аэропорт Борисполь вслед за машиной сопровождения, относительно которой Васильич договорился опять же заранее с милицейским начальством. Только так можно было успеть на последний авиарейс до Ленинграда, где Лобановского встретил Юрий Андреевич и привёз к себе домой. Спать они не ложились, чтобы не проспать, и зенитовский автобус затем доставил их в Ручьи. Автобус с надписью «Зенит» на боку ждал компанию провожавших: прощание ведь, как все думали, должно было ограничиться перроном. И тронулся с места автобус только тогда, когда водитель увидел, что все переместились в вагон. Юра Борисов о затее тренеров, к сожалению, не знал и до Ручьёв добирался на такси.

Два незабываемых утренних часа, проведённые в тесноватом, что и говорить, купе (но на тесноту никто не обращал внимания), пролетели как одно мгновение. В Выборге в те времена поезд Москва — Хельсинки фактически окружали пограничники. Они ещё до прибытия выстраивались цепью на перроне, для обычных граждан в те часы недоступном. И не забыть выражение лица пограничного лейтенанта, когда он увидел

выходящих из седьмого вагона «проводящих». Изумление от увиденного было настолько мощным, что лейтенант даже не стал делать втык Ивану Петровичу за неположенный провоз безбилетников, да ещё в вагоне, следующем за границу. Лишь спросил меня, показывая на Васильича: «Это — Лобановский?» Услышав, что он не ошибся, вымолвил: «Как же так?.. Я ведь вчера по телевизору матч из Киева смотрел... Он же там на скамейке раскачивался... Они же “Спартак” обыграли... В девять вечера... А сейчас раннее утро, и он на вокзале в Выборге... Как же так?..»

Лобановский рассказывал мне потом, что они всей компанией побродили по Выборгу, пообедали в ресторане, а затем на такси отправились в Ленинград, и вечером он с Адой вернулся в Киев.

12 ноября 1980 года Лобановский вновь прилетел в Ленинград. На этот раз с командой. Матч с «Зенитом», проходивший в манеже (погода не позволяла играть на стадионе), завершился вничью (2:2). Уже в следующем туре киевляне стали чемпионами СССР, а морозовский «Зенит» впервые в истории клуба оказался на призовом — третьем — месте.

...Дочь Валерий Васильевич никогда не баловал. Говорил, что если баловать, то ей впоследствии постоянно будет чего-то не хватать: «Когда потребности выходят за рамки разумности, это очень плохо».

«В детстве, — вспоминает Света, — мне казалось, что детям, которым родители иногда “дают ремня” в воспитательных целях, легче, чем мне, которую пальцем ни разу не тронули. На самом деле отцу достаточно было повысить голос — и душа уходила в пятки».

При поступлении на филологический факультет Киевского госуниверситета пришлось выдержать серьёзный конкурс. За спиной Света иногда слышала шепоток: дескать, дочь Лобановского, ясное дело, без папиной протекции не обошлось. «Только люди, так говорившие, — рассказывает она, — плохо знали отца. Когда я объявила дома, что собираюсь поступать в университет, он очень серьёзно сказал: “Прежде чем отнесёшь документы, я сам проверю твои познания в русском языке и литературе. Не хочу, чтобы дочь меня опозорила”».

Знаменитая фамилия Свете больше мешала, чем помогала. К ней зачастую относились с каким-то предубеждением. Хотя она и старалась не афишировать свою причастность к этой фамилии, шила в мешке не утаишь. Молодые люди, с которыми она знакомилась, как правило, сразу проявляли футбольный интерес. Просили, например, билеты на матч. Или автографы кланчили — тренеров, футболистов.

«Из-за “фамилии”, — говорит Света, — я, к сожалению, не окончила университет так, как хотел бы мой папа. После каждой сессии в зачётке у

меня обязательно была тройка. Делалось это для того, чтобы я, не дай бог, не получила стипендию. Дескать, для Лобановской это было бы роскошью. “Вы и так из обеспеченной семьи”, — объясняли мне. А папа никак не мог понять, почему я получаю тройки по литературе. «Боже мой, Света! Ну как можно не выучить ‘литературу’? Это возмутительно!» — строго говорил папа в ответ на мои робкие попытки объяснить, что дело вовсе не в моих знаниях. Он не мог в это поверить, а я не могла ничего доказать. В университете я просила не ставить мне тройку только ради того, чтобы не давать стипендию, ставьте, говорила, по знанию предмета, а стипендию я буду вам возвращать. “Нет, — отвечали, — так нельзя”».

Для того чтобы разозлить Валерия Васильевича, вывести его из себя, не надо было делать ничего особенного. Надо было просто затеять с ним спор. Желательно о футболе. «Мы, — говорит Света, — с папой похожи не только внешне, но и характерами. Оба, что называется, упёртые.

Каждый стоял на своём “до последнего патрона”. А черту под дискуссией он всегда подводил одинаково: “Думай...” И тут же добавлял: “Если можешь”. Когда я заходила слишком далеко, он иронично-снисходительно улыбался, характерно вскидывая брови: “О, так ты и в футболе разбираешься?!.”».

Взять кого-то из семьи на выездной матч «Динамо» в Европу — это было исключено. Света, случалось, намекала отцу, но в ответ слышала одно и то же: «Что вам там делать? Хочешь, чтобы потом все рассказывали, как Лобановский возит родственников на футбол?..» Репутация значила для него очень и очень много.

Представить Лобановского вернувшимся из поездки за границу с пакетами было невозможно. Во время командировок он никогда не ходил по магазинам, считая это занятие бессмысленной тратой времени в тот момент, когда нужно сосредоточиться только на подготовке к игре. Футболистам позволялось посещать магазины только после матчей. В том случае, правда, если команда не улетала сразу. Однажды сборная СССР улетала домой на следующий день после матча в ГДР. По пути в аэропорт был какой-то большой магазин. К нему и подъехали, поскольку до этого купить что-то не было никакой возможности. Игроки поинтересовались у остававшегося в автобусе Лобановского: «Сколько у нас времени?» Он, взглянув на часы, ответил с непроницаемым, как всегда, лицом: «Семь минут». «И мы, хоть и понимали, что это всего лишь шутка, — вспоминает Александр Бородюк, — буквально носились по лабазу, заставляя восточных немцев жаться по стеночкам».

Когда у Ады и Светы появилась возможность выезжать за границу,

Валерий Васильевич обрадовался: вот теперь, пожалуйста, — сами... Света иногда пыталась что-то заказывать отцу, но максимум, что он привозил, — это аудиокассеты с её любимой музыкой. Только раз, в 1986 году, в Мексике, где проходил чемпионат мира, приобрёл 12-томное издание «Музеи мира». На испанском языке — другого не нашёл. «Как он только их довёз, — удивляется Света, — ведь книги были очень тяжёлые... Он и в наши-то магазины почти никогда не заглядывал, даже не знал, по-моему, сколько хлеб стоит».

«Дети очень тяжело мне дались, — рассказывает Светлана, — я их, по нашим меркам, родила поздно. Помню, когда появился Богданчик, вся реанимация была в шоке: “Надо же, вылитый Васильич!” А когда родила Ксюшу, всё допытывалась у врача, на кого же дочка похожа. Он говорит: “Возьми зеркальце, посмотришь в него и представишь свою уменьшенную копию”».

Во внуках Валерий Васильевич души не чаял. В первый раз он увидел Богдана, когда тому исполнился месяц. Очень боялся его, крохотного, на руки брать. И Богдан, и Ксюша помнят деда. Богдану очень не нравилось, когда на турнире памяти Лобановского ему доставалась роль «свадебного генерала» — первый удар по мячу. Он, как и дед, не любит излишнего внимания. Такой же стеснительный, застенчивый, деликатный. Приходил, становился в дверях спальни и ждал, когда дедушка скажет: «Богдасенька, иди сюда скорее!..» Подбегал, залезал на кровать, толкался у деда на животе и рассказывал ему стихотворения.

«Появление обоих, — говорит Света, — стало для него такой же неожиданностью, как раньше моё рождение, окончание школы, замужество... “Как — уже?” — это была папина коронная фраза. Всё, что происходило в нашей семье, заставляло его на бегу».

Богдан родился в мае 1997 года. Лобановский в этот день прилетел с какого-то матча. Ада ему сказала: «Валеранька, сядь, у нас теперь есть Богданчик». — «Как — уже?!» Ксюша появилась на свет в марте 99-го, в день победы «Динамо» над «Реалом» в четвертьфинале Лиги чемпионов. Домой он приехал поздно. Ада, поздравив с победой, сказала: «Сегодня ты стал дважды дедушкой. У Светы родилась Ксения». — «Как, уже?» — невозмутимо спросил Лобановский, но глаза его, рассказывает Ада, светились от счастья. Он знал о предстоящем событии в жизни дочери и её мужа и, конечно же, переживал за Свету.

Валерий мечтал о внуках. Ада вспоминает, как однажды они сидели с ним вдвоём и смотрели телевизор. Показывали какую-то передачу о детях. Валерий приобнял Аду и сказал: «Мне страшно представить». — «Что тебе

страшно представить?» — спросила Ада. «Вот уйдём мы, — сказал он. — После нас останется Светочка. А уйдёт Светочка — никого после нас не останется». Ада и Валерий были, как говорит Ада, «на десятом небе», когда Света сообщила им о том, что находится в положении. Это обстоятельство стало исключительно важным для принятия Лобановским решения о возвращении в Киев.

В январе 1989-го, спустя три недели после своего пятидесятилетия, отмечавшегося в узкой компании в Руйте, Лобановский впервые побывал в Иерусалиме...

Он не стал оставлять в Стене Плача записочку, как это сделали многие динамовцы, покрывшие головы кипами. Постоял лишь у Стены, мысленно помолившись и попросив у Всевышнего здоровья для Ады и Светы. И ещё — внуков.

Лобановский был глубоко верующим человеком. Ничего показного, всё — внутри. Никогда имя Господа всуе не поминал. Никто не видел его крестившимся. Он молился за своих близких, за своих футболистов; проезжая из Кончи в город на автобусе или автомашине мимо Выдубицкого монастыря, непременно бросал взгляд налево вверх и глазами крестил храм. Балкон и окна квартиры на Суворова выходили в сторону Киево-Печерской лавры. Каждое утро, когда он был дома, Лобановский подолгу смотрел на купола Лавры. Выходя к скамейке запасных перед матчем, шёл за командой, останавливался на какое-то время на выходе из-под трибун, крестил вышедших на поле игроков глазами и отправлялся на «электрический стул». Телекамеры во время игр то и дело выхватывали на киевской скамейке Лобановского с правой рукой под левым лацканом пиджака. Поговаривали: успокаивает сердце. Он держался не за сердце, а за крестик и за освящённый в Лавре текст Тропаря (глас 2-й): «Всех скорбящих Радосте, и обидимых Заступнице, и алчущих Питательнице...»

«С семьёй Валерия Васильевича я знаком достаточно давно, крестил его внуков, — вспоминает архимандрит Феогност — духовник семьи Лобановских. — Нас познакомила его супруга Аделаида Панкратьевна во время богослужения. Лобановские вместе посещали Свято-Успенскую Киево-Печерскую лавру. Особенно любили бывать в Кресто-Воздвиженском храме, в Ближних и Дальних пещерах. Валерий Васильевич старался не пропустить ни одно важное событие в монастыре. Так, Лобановские всей семьёй приходили поклониться мощам великомученика и целителя Пантелеймона, а также апостола Андрея Первозванного, когда их привозили в Киев. Церковь никогда не высказывалась против спорта. Но не могла примириться с неправильным

отношением к нему. Священное Писание по этому поводу говорит: “Всё мне позволительно, но не всё полезно; всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною”. Валерий Васильевич никогда не относился к футболу как к зрелищу или азартной игре. По его мнению, футбол — это искусство. Игроки собираются на поле не только для того, чтобы получить гонорар за игру. Футболисты — не просто хвастуны, которые стремятся попасть в эфир. Игра в футбол — это не развлечение. Это труд. Подумать только: сколько усилий нужно приложить, чтобы выйти на стадион и показать красивый футбол.

Сколько я помню Валерия Васильевича, он всегда совершал добрые дела и помогал людям. Это лишний раз говорит о том, что он был верующим человеком. Родился он в православной семье, принял Святое Крещение в Свято-Вознесенской Демиевской церкви. Люди старшего поколения, близко знавшие тренера, говорят, что с самого детства в нём были заложены христианские добродетели, которыми он руководствовался всю жизнь. По словам Валерия Васильевича, он не представлял себе, как можно жить без веры. Поэтому, если появлялось свободное время, а его всегда не хватало, тренер приходил на богослужения в Кресто-Воздвиженский храм (его там и отпевали всю ночь накануне дня погребения. — А. Г.). Как священник, я могу сказать, что у Валерия Васильевича было то, чего катастрофически не хватало другим тренерам. Вера в Бога. Поэтому он не спешил записывать успехи и заслуги на свой счёт, так как считал, что за всё следует благодарить Бога. Священное Писание говорит о том, что каждому человеку Господь даёт какой-то талант. И его необходимо приумножать и развивать своим трудом».

«Папа, — говорит Света, — всегда старался избегать шумных торжеств». Единственным юбилеем, который Лобановский отметил должным образом, было его сорокалетие. Тогда тренера тепло поздравили в команде, а уже вечером дома собрались близкие друзья. «Вспоминаю, — рассказывает Света, — смешной эпизод в день его сорокалетия. Был заказан шикарный торт в виде футбольного поля с сахарными воротами и огромным шоколадным мячом в центральном круге. Этот мяч разбудил во мне все условные и безусловные рефлексy собаки Павлова... Не в силах дотерпеть, когда же дело дойдёт до десерта, я пробралась в комнату, где ждал своей участи торт, и потянулась за круглым шоколадным чудом... В это время случайно зашёл отец, и я услышала за спиной: “Марш с поля!...”».

Шестидесятилетие своё Лобановский отмечал в Руйте. Днём у команды были две тренировки. «Ты знаешь, — сказал он мне вдруг 6 января, когда я с трудом дозвонился до него с поздравлениями, — что с

первым ударом часов на Новый год надо написать на бумажке пожелание, сжечь её, пепел бросить в бокал с шампанским, выпить — и всё это успеть за двенадцать секунд. Я так не делал. Но если бы делал, написал бы только одно слово — “здоровье”».

Днём 6 января 1999 года возле тренировочного поля в Руйте можно было наблюдать такую картину. Пожилой грузный Мастер — кепочка, тёплые куртка и ботинки — сидел на лавочке и наблюдал за занятием своей команды. В широком окне административного корпуса время от времени возникала фигура Чубарова, принимавшего поздравительные звонки Лобановскому со всего мира и старательно фиксировавшего имена звонивших. Факс в Руйте дымился.

Директор базы Франц организовал торжество в зале на первом этаже. Григорий и Игорь Суркисы, уговаривавшие Лобановского отметить юбилей в Клёве, но не уговорившие, прилетели в Германию на своём самолёте вместе с близкими к команде людьми. Улетели на следующий день. «Тут-то суеты было — хоть отбавляй, — рассказывал мне Лобановский. — Можно только представить, что творилось бы в Киеве. Ещё раз убедился в правильности принятого решения — спрятаться. Пусть и не полностью, но — спрятаться».

Лобановский и за границей старался быть в курсе главных событий в стране. Доходило до того, что в Эмираты Света летала с двумя чемоданами — перегрузка веса, приходилось доплачивать, — в которых везла видеокассеты и кипы периодики. Газеты и журналы Света начинала скупать в киосках примерно за месяц до отъезда; покупала и кассеты с записями популярных украинских и российских телепередач, концертов, информационных выпусков. Даже (рассказывая об этом, Света просила не удивляться) — заседаний сессии Верховной рады Украины! Не говоря уже о футбольных кассетах с матчами киевского «Динамо». Эмиратская таможня получала головную боль на целую неделю: быстрее просмотреть всю эту фильмотеку на предмет «политкорректности и лояльности» было просто невозможно.

«Его нельзя было убедить в том, чтобы он всё это не читал, не обращал на это внимания, — говорит Ада. — Но точно так же и он меня не мог убедить в том, чтобы я не обижалась на тех людей, которые ему делали больно». Ада, добрый по натуре человек, не понимала людей-хамелеонов, запросто менявших свои вчерашние принципы и взгляды на сегодняшние, конъюнктурные, перестраивавшихся моментально в угоду кому-либо. Валерий просил её не придирается к людям и принимать их такими, какие они есть.

Сабо говорит, что он учился у Лобановского сдерживать себя, наблюдая, как Васильич ведёт себя в неординарных ситуациях, и прислушиваясь к тому, что тот советует. Когда кто-то начинал говорить Лобановскому о несдержанности Сабо, он отвечал: «Воспринимайте его таким, какой он есть. Он уже не изменится». То же самое Лобановский говорил, когда начинали осуждать высказывания и действия Блохина.

Дома его пытались отговорить от согласия на предложение возглавить сборную Украины. Логика Лобановского в ответах Аде и Свете была простой: не могу пренебрегать интересами своей страны. Такими же принципами руководствовался он и в советские времена.

В конце декабря 2001 года, во время своеобразного совещания с родными, Лобановский, сидя за столом кипрской квартиры, завёл такой разговор: «У меня заканчивается контракт с “Динамо”. Вот и думаю — уходить из команды или нет». «Только не доставай меня помидорами», — обратился он к Свете (та говорила ему: «Уйдёшь, будешь выращивать помидоры, продавать их...»). Дочь и жена не колебались ни секунды: «Конечно, уходи! Будешь отдыхать, внуками заниматься...» Однако, как оказалось, он не столько советовался с семьёй, сколько разговаривал сам с собой. «Но без работы я умру», — задумчиво произнёс Валерий и одновременно дал понять, что тема — закрыта...

В Киеве весной 1989 года для участия в повторных выборах в Верховный Совет СССР зарегистрировались три десятка претендентов на «подвисший» мандат. Лобановский — в их числе. Кандидатом в депутаты его выдвинули 27 коллективов: от ФК «Динамо» (Киев) до завода ЖБИ-5. В архиве Лобановского сохранились сформулированные им «Тезисы программы предвыборной кампании» — на четырёх машинописных страницах с хвостиком. Листовки с этими тезисами и портретом тренера «на ура» проходили у футбольных болельщиков.

На вопрос, для чего ему нужна вся эта затея с выборами, мне Лобановский ответил так: «Обыкновенные люди пришли ко мне и предложили выдвинуть мою кандидатуру. Когда я поинтересовался у них, почему именно ко мне они обратились, услышал: “Мы видим, как вы сражаетесь с несправедливостью и как отстаиваете свою правоту”. Мне что, нужно было отказать этим людям?..»

Баллотировался Лобановский в Киеве по национально-территориальному округу. Занял, к счастью, лишь третье место. Почему «к счастью»? Потому что поражение Лобановского на выборах, проходивших 14 мая 1989 года, — это победа футбола. Каждый должен заниматься своим делом.

Ада и Света изначально были против его участия в выборах. Даже сказали, что пойдут голосовать против него. В итоге, правда, вообще не пошли.

Мне понятно честолюбие Валерия Васильевича, но больше, чем он (и без депутатского мандата), никто украинскому футболу пользы принести в остававшееся до отъезда в Эмираты время не мог. Лобановский между тем в разговоре со мной 16 мая сказал, что доволен местом в первой тройке (его опередили экономист Владимир Черняк и главный редактор «Вечернего Киева» Виталий Карпенко). «Для дебюта, — засмеялся, — вполне прилично».

В Эмираты как-то по случаю — летели на войну, да в Дубае застряли — заглянули в январе 1991 года два корреспондента «Комсомольской правды» и, не получив от Лобановского интервью, резко прошлись и по нему, и по Аде. «Старшему тренеру национальной сборной Объединённых Арабских Эмиратов В. В. Лобановскому было не до нас, — сообщили С. Заворотный и И. Черняк в заметке, озаглавленной «Лобановский и в Эмиратах шейх?». — Пару дней назад Совмин СССР издал распоряжение об эвакуации из ОАЭ семей советских дипломатов и специалистов. Жена Валерия Васильевича уезжать не хотела. Оно понятно. Перспектива невесёлая: из сказочных краёв, где богатые добродушные арабы и вечное лето, да в слякотную киевскую зиму, к разгулу преступности, длиннющим очередям и прочим “достопримечательностям” нашей сегодняшней жизни. Но приказ есть приказ. Лобановским пришлось подчиниться».

Этим двум молодым людям сложно было понять, что Адой в возникшей неожиданно ситуации двигали не меркантильные интересы, а желание быть рядом с мужем, помогать ему, служить опорой. Она делала это постоянно на протяжении сорока лет, что они были вместе.

На матче с «Кривбассом» 31 марта 2002 года Лобановский не был. Остался дома: «не пустила» спина. Счёт 0:0 огорчил руководителей команды. Огорчился и сам он, когда просмотрел видеозапись, хотя моменты были. 11 апреля первый раз за последние дни вышел из дома. Отправился на тренировку.

Светлана уверена, что здоровье отец подорвал не на Востоке, а ещё до того, как уехал в Эмираты. «Критика, зачастую огульная, — говорит дочь Лобановского, — на отца накатывалась огромными волнами в течение почти полутора десятков лет. Папа вроде как не обращал на эту критику внимания, но на самом деле это его больно ранило. В итоге в конце 80-х годов у папы появилась аритмия, и он уже не имел возможности делать то, что делал раньше, — поддерживать своё здоровье, тренируясь вместе с

командой».

В апреле 2002 года он собирался лететь в Стокгольм на вручение ему награды УЕФА. Шутил по этому поводу: «Не сумею поехать, поедет Ада. Она уже чемоданы собирает». Поехать не сумел. Костюм ему новый сшили, а вот обувь цивильную, не кроссовки, подобрать для больных ног оказалось невозможно. Да и врачи не рекомендовали лететь. В клубном пресс-релизе сообщили, что «Валерий Лобановский получит орден, как только сможет увидиться с представителями УЕФА».

Перелёты занимали не последнюю строчку в списке врачебных запретов для Лобановского. Он определял, когда самочувствие позволяет лететь, а когда лучше остаться дома. Делал вид, будто принимал решение об этом не сам, а вынужденно соглашался с волей докторов. Это был единственный способ узнать, как он себя чувствует. С некоторых пор ему понравилось отвечать на этот вопрос классическим «Не дождётесь!».

Только Ада и близкие друзья знали, что скрывается за очередным не вылетом на игру. Болезненные уколы по расписанию, когда ценой невероятных усилий он заставлял себя сдерживаться и не закричать в присутствии врача; гора лекарств — не помещались на прикроватном столике ни дома, ни на обеих дачах; скачущее давление; бешеная аритмия («Ну что ты будешь делать, опять ритм нарушен. Никак не восстанавливается», — сокрушался по телефону Лобановский, никогда не жаловавшийся); опухшие непослушные ноги; короткий тяжёлый сон — проснувшись, он звал кошку Матильду, любившую его и ревновавшую ко всем.

На даче он уже не мог подниматься на второй этаж. Ему оборудовали комнату для отдыха на первом. И душ — с сиденьем.

Едва восстановившись, он ехал на тренировочную базу и летел вместе с командой на очередную игру. Он не желал показывать свою слабость. Чубаров вспоминает, как несколько раз Лобановскому на трапе самолёта отказывал голеностоп и стоило огромного труда удержать его. «Убери руки! Я что, инвалид? Сколько тебе говорить — убери руки!..» — едва не кричал Лобановский.

Ему уже трудно было спать лёжа. На даче в Бышове, на «деревяшке», как он её называл (она целиком, как и дачи соседей — братьев Суркисов, сделана из дерева), Ада приспособила для отдыха объёмное кресло и средней мягкости кожаный пуф. С вечера Лобановский ложился на кровати. Засыпал в редких случаях. Чаще всего, бесполезно проворочавшись, выходил в тренировочном костюме в громадный холл, устраивался в кресле сам, пристраивал на пуфе ноги, утеплённые светлыми шерстяными

носками, и засыпал. Ада вставала и накрывала мужа пледом.

После сезона он собирался окончательно перебраться в Козин. Ему там нравилось всегда. Место полюбил с той поры, когда в 70-е на паях с приятелем купил остов сгоревшего дома. Предлагал Базилевичу. Тот отказался.

После покупки, состоявшейся, стоит заметить, вслед за выигрышем киевским «Динамо» Кубка обладателей кубков и Суперкубка Европы, на Лобановского написали анонимку: хоромы, дескать, куда смотрят партия и государство? На анонимку последовала моментальная реакция. В Козин зачастили одна проверочная комиссия за другой. Обнаружив вместо хоромах скромнейшее (даже по тогдашним меркам) сооружение, делали вывод: сведения не подтверждаются. Наконец, пожаловала комиссия во главе с Иваном Клоповым из ЦК компартии Украины. Вместе с ним смотреть «дворец» приехала целая делегация. И хорошо, что крупный чин из ЦК оказался не один. Когда Клопов полез на второй этаж, чуть не упал; сподвижники вовремя подхватили его. Оказавшись в безопасности, Клопов вымолвил последнее слово, после чего послание анонимщика подшили к делу и проверять перестали: «Ничего тут нет!» «Единственное, — рассказывает Иван Клопов, — что я тогда ему посоветовал: “Валера, вот ты тут завёз чешскую сантехнику, так у нас не в каждой квартире такая есть! Камин обложил какой-то необычной плиткой... Зачем ты эту роскошь делаешь? Ты особенно не разгоняйся!”».

Сад у Лобановских уникальный. Это всегда понимали в семье знаменитого тренера: достался он от хозяина, легендарного Николая Гришко, прославившего Киев созданием великолепного Ботанического сада. Совсем старыми стали роскошные яблони, посаженные рукой выдающегося садовода.

Ада поехала тогда в горисполком подписывать разрешительную бумагу. Председатель горисполкома Владимир Алексеевич Гусев посоветовал: чтобы не было никаких нареканий, не стоит связываться с частниками, только с официальными строительными организациями. И лучше всего — подписать с ними договор и копии всех накладных — на все без исключения строительные расходы — всегда иметь при себе. Так и поступили. Ада, разбирая дома бумаги, только в июле 2010 года, то есть 35 лет спустя после начала дачной эпопеи, выбросила грудку квитанций, счетов, накладных на кирпичи, доски, болтики-винтики.

Приезжали туда редко, но дом не выглядел нежилым. Ада поддерживала порядок и уют. Печник сработал неважно: камин дымил. Лобановский, растапливая, сердился: дым попадал в комнату с накрытым

столом. Ада приговаривала: «Валеранька, ничего страшного, пусть подымит немного, потом проветрим». После жаркой бани с вениками — парились в построенной в углу заднего двора низенькой, приходилось сгибаться в три погибели, баньке — устраивали, если позволяла погода, шашлыки. Утром деревенские соседи приносили парное молоко. Лобановский спускался к лугу, бежал к Козинке, купался в речке, возвращался, завтракал и уезжал на тренировочную базу, оставляя на даче Аду и гостей. Козинских дней за год набегало не густо, чуть больше недели. Он, как и футболисты, жил в основном в Конча-Заспе.

Ада, Света и Валера решили, что хватит ему дневать и ночевать на базе, и всё сделали для того, чтобы он бывал там как можно реже, а старался чаще бывать в Козине. Да и он сам к этому пришёл. Там всё переменилось до неузнаваемости. Прежние полдома отдали Свете с Валерой и внукам. Они всё перестроили, переделали на свой вкус, но порядок при этом неукоснительно соблюдали. Валерий Васильевич мог приехать и с помощью спичечного коробка проверить высоту газона на участке. В шутку, конечно. Он ни во что не вмешивался. Когда позвали на новоселье, узнал только место: всё — новое. Сами они с Адой в том же Козине, от детей идти пять минут, построили дом для себя.

Дети часто зазывали на домашний ужин. Он не был против того, чтобы несколько видоизменить образ жизни. Свежий воздух, полноценный сон, правильное питание — здоровье ведь было уже не то. Незадолго до Запорожья Света и Валера с детьми — Богданчиком и Ксюшей — наведались к нему в гости. Он был в прекрасном расположении духа — сидел в кресле, работал телевизор. Трёхлетняя Ксюша беззаботно ползала по животу деда. Он нежно её придерживал. «Что интересно, — рассказывает Валера Горбик, — прошло много времени, а дети в деталях, хоть и совсем маленькие были, помнят все подробности того вечера». Поинтересовался, готовы ли дети ехать вместе с ним и Адой на отдых на Кипр.

Отдых для него длился, как правило, два дня из запланированной недели, потом всё — пора на работу, в клуб, хватит бездельничать! Когда Лобановские первый раз приехали отдохнуть на Кипр, Игорь Суркис заказал для них номер в гостинице «Аполлония» в туристической зоне Лимасола, а день-два спустя подбил их посмотреть квартиры в двух домах — Solferino WEST и Solferino EAST — на предмет возможной покупки. В доме WEST посмотрели сначала квартиру на седьмом этаже. В ней жили англичане, собравшиеся уезжать. Квартира не показалась. В той, которую смотрели на первом этаже (фактически — на втором), не жил никто. На ней

и остановились. Когда Валерию удавалось выкраивать несколько дней для отдыха, они с Адой отправлялись на Кипр. Вставал Лобановский и там рано. Сразу шёл на море, заходил в воду с пологой стороны, плавал в бухте параллельно берегу. Так просила Ада. «Я тебя буду с балкона контролировать», — говорила она. «Чем ты поможешь?» — «Хотя бы закричу». Поплавав, он садился на берегу, грелся на мягком утреннем солнце, подолгу смотрел на море.

Киев совершенно не привлекал его. Квартира на Суворова в последнее время угнетала. Раздражал шум вечного ремонта где-то наверху. Давили стены.

В последнем своём сезоне Лобановский на базе ночевал редко. В город продолжал ездить по причине, о которой мало кому говорил. Лобановский считал, что нельзя было менять маршрут поездок на успешно проведённые матчи. Раз уж выезжал на победные для своей команды игры из городской квартиры, значит, надо продолжать делать именно так, по меньшей мере до конца сезона. Это был ритуал, обязательный для участников любой азартной игры, в том числе и для участников футбольного действия.

Глава 30

ЗАПОРОЖЬЕ. ПОСЛЕДНИЙ МАТЧ

На последний свой матч — в Запорожье — Лобановский, разумеется, тоже отправился из городской квартиры. В тренировочном костюме, с курткой в руках. В подготовленных верными оруженосцами-администраторами кроссовках с отрезанными пятками. Радовался он им как ребёнок: в обычные ноги уже не помещались. Ада, как всегда, стояла в дверях, наблюдая, как он преодолевает пятнадцатиметровый путь до лифта, вызывает кабину и уезжает. Он не позволял сопровождать себя. Внизу, у лифта, его ждал водитель Дима, сразу же сообщавший Аде по мобильному, что всё в порядке, аккуратно страховал на ступеньках, и они вместе шли до машины. Дима старался поставить её как можно ближе к подъезду. Дом строился для работников ЦК компартии Украины и Совета министров. Вокруг разбили скверик. Машинам к подъезду не подобраться.

Лететь в Запорожье не было никакой необходимости. Вышколенные помощники справлялись с командой и в более сложных случаях. Киевское «Динамо» в тот момент лидировало в чемпионате страны. Отрыв от донецкого «Шахтёра» составлял четыре очка. Отрыв этот требовалось сохранить. Лобановский знал, что одно только его присутствие на скамейке запасных позитивно влияло на команду. Происходил мощный процесс передачи энергии — от массивной фигуры тренера, всегда занимавшего правое кресло, к щуплым с виду фигуркам игроков, отменно подготовленных физически и нуждавшихся в постоянном присутствии «Папы».

Ада отговаривала его от поездки в Запорожье. Но Лобановский полетел. Он ясно представлял, что потерю очков в Запорожье восполнить вряд ли удастся. Богатые клубы Украины той поры — в первую очередь «Шахтёр» и вынужденное последовать за ним киевское «Динамо» — ввели моду на финансовое стимулирование соперников, игравших с конкурентами. Они не подкупали своих противников, не сулили им деньги за поражения в матчах с собой, но обещали премии за ничьи и выигрыши во встречах, соответственно, с Киевом или Донецком. Ничего нового в такой форме заработка нет. Скрыть её существование невозможно. Игроки всегда делятся информацией друг с другом. Знают двое — знают все.

В Испании система «мотивации третьих команд» существует давно. Предосудительной её никогда не называли. Это не подкуп. Но в украинском чемпионате система приняла гипертрофированные формы. Команды стали основательно готовиться только к матчам с «Шахтёром» и киевским «Динамо» и играть с ними изо всех сил, выкладываясь по полной программе в надежде хорошо заработать. Особенно — в конце сезона, перед отпуском, при пустой казне собственного клуба.

В Донецке «Металлург» бился за Киев. В Запорожье приготовился сражаться за «Шахтёр».

Этот матч стоит относительно подробного рассказа о нём, потому что для Валерия Лобановского все происходившие в игре события стали последними в жизни.

Тысяч десять зрителей пришло на запорожский стадион «АвтоАЗ-ДЭУ» — аббревиатура указывает на принадлежность к совместному автомобильному предприятию.

«Динамо» повело в счёте — румын Флориан Чернат вколотил мяч в ворота с близкого расстояния. Потом динамовцы пропустили от Андрея Демченко. Югослав Горан Гавранчич в начале второго тайма вывел Киев вперёд, а на 74-й минуте Валентин Белькевич красивым, поверх «стенки», ударом забил со штрафного, назначенного за снос нигерийца Лаки Идахора, третий гол. Чернат, Гавранчич, Идахор, а ещё венгр Ласло Боднар, румын Тибериу Гиоане, болгарин Георгий Пеев — легионерский молодняк, найденный селекционной группой киевского «Динамо», пришедший в команду «сырым», а у Лобановского заигравший так, что к его представителям стали пристально приглядываться западноевропейские клубы.

«Металлург» между тем не собирался просто так отказываться от возможного донецкого бонуса. Сразу после гола Белькевича запорожцы забили свой гол. Арбитры его не засчитали, зафиксировав (последующий видеопросмотр подтвердил справедливость принятого решения) офсайд.

Обстановка накалилась. С трибун на поле полетели пластиковые бутылки — пустые и с водой. Игру на некоторое время пришлось остановить. Температура воздуха — двадцать градусов. На город с юга надвигался грозовой фронт. Резкое понижение атмосферного давления перед дождём. На проблемы с самочувствием жаловались даже вполне здоровые люди на трибунах. «Ощущение было такое, — говорил после матча один из болельщиков, — будто мозги вдавливают в переносицу».

«Металлург» наседал. Лобановский принял решение о тактической замене, позволившей бы его команде перевести в конце матча дух. Тренер

повернулся к администратору: «Чубаров, Несмачного давай...» Защитник Несмачный быстро переоделся и заменил Юрия Дмитрулина. Арбитр показал, что добавил четыре минуты. И вдруг раздался крик Анатолия Демьяненко, ассистента Лобановского: «Васильич, что с вами, Васильич?!...» Рядом с Лобановским сидели Демьяненко и Михайличенко в спортивных куртках и Игорь Суркис в пиджаке с эмблемой клуба.

На скамейке произошло следующее. Лобановский привалился к спинке, побледнел, глаза закатывались. «Игоревич!» — закричал Чубаров. Мгновенно подскочил доктор команды Владимир Игоревич Малюта и сразу же ухватил Лобановского за подбородок, пытаясь открыть ему рот и высвободить язык. С трудом, но сделать ему это удалось. Лобановский резко вдохнул воздух, словно вернулся «оттуда»: «А-а-ах!...» Непонимающе осмотрелся вокруг: что происходит, где я?.. Малюта нашатырём протёр ему виски. К скамейке подъехала машина «Скорой помощи». Давление 230 на 120. Матч закончился. Малюта и доктор «Скорой» настаивали на немедленной госпитализации. Хотели положить Лобановского на носилки и внести в машину. А он уже пришёл в себя. Встал. Его поддерживали. Лобановский, судя по всему, не сомневался, что из этой ситуации выкарабкается, как выкарабкивался из многих других, — могучий организм, успешно до сей поры сражавшийся с различными напастями.

Вот и сейчас... Он доберётся до аэропорта, окажется в самолёте, часа через полтора — дома. А там и стены помогут... Там Ада возьмёт за руку и скажет: «Дедуленька, всё будет в порядке. Мы с тобой». Главное — домой. «Я еду домой. — Слова стоили ему большого напряжения. — Всё! Едем в аэропорт и летим домой».

Бледный Игорь Суркис, обладающий интуицией потрясающей силы, первым, похоже, на фоне всеобщей растерянности осознал, что происходит — лететь нельзя ни в коем случае, не довести: «Валерий Васильевич, ничего страшного, надо ненадолго подъехать в больницу, самолёт будет нас ждать. Команда улетит другим. Вам нормализуют давление, всё, что нужно, сделают. Как только почувствуете себя лучше, мы тут же полетим. Надо будет полежать немного, — полежите...» Игоря Лобановский послушался.

Минут за пятнадцать до конца матча Игорь Михайлович, увидев, как резко ухудшаются погодные условия — небо стало неожиданно темнеть, поднялся сильный ветер, с северо-запада надвигалась огромная грозовая туча, — предложил Лобановскому немедленно отправиться на аэродром, чтобы успеть вылететь в Киев — самолёт был уже наготове. «Что вы, Игорь Михайлович? — удивился Лобановский. — До конца матча ещё целых пятнадцать минут. С этим шутить нельзя». «Как знать, — говорит

Игорь Суркис, — если бы я настоял на своём, сумел убедить Валерия Васильевича уехать со стадиона, не дожидаясь завершения игры, может, и не произошло бы то, что произошло». Всё это, понятно, из области предположений.

А тогда от носилок Лобановский категорически отказался. Сосредоточился, включил все волевые ресурсы, взялся за поручни, с трудом поставил ногу на ступеньку и медленно подтянул с помощью рук тело. «Я понимаю, — говорит Ада, — как ему было это трудно — встать, подойти к машине “Скорой помощи” и зайти внутрь, но он, не сомневаюсь, думал о том, что это смотрят по телевизору, и делал это для нас — для меня и для Светы, чтобы мы успокоились и поняли, что у него всё в порядке». Света позвонила маме: «Ты видела, что дедушка встал и сам прошёл в “Скорую”?» — «А вы где?» — «Мы с Валерой в Жулянах». — «А чего же это вы в Жулянах, если всё в порядке?» — «Мы для того здесь, чтобы забрать дедушку, когда он прилетит, и приехать с ним вместе».

Валерий сказал Аде перед отъездом в Запорожье: «Ты поезжай на дачу, приготовь там ужин, а Дима за мной в Жуляны заедет и “быстрой” дорогой привезёт к вам. Игру будут транслировать, и ты будешь знать результат. Много с собой не бери, потому что потом мы, возможно, поедем с тобой на “деревяшку”».

Несколько тысяч оставшихся на месте запорожских зрителей, понимавших, что у киевской скамейки происходит что-то странное и страшное, разразились овацией. Но даже тогда — среди тысяч нормальных, переживавших людей — нашлось несколько негодяев-отморозков, которые, видя, как тяжело Лобановскому, кричали, по словам Чубарова: «Что это он притворяется?!..»

Кадры эпизода — последние кадры из жизни Лобановского — в тот же вечер прошли в новостных программах всех мировых телеканалов.

Я ждал звонка из Запорожья. Он всегда звонил мне после матча — где бы ни играла команда. Не дождавшись, позвонил в Киев Аде. Она сказала, что ему на матче стало плохо, потом он звонил, сказал, чтобы она не волновалась: всё будет в порядке. Позже Игорь Суркис сообщил ей из Запорожья, что рано утром из Киева полетит частный самолёт с бригадой уже оповещённых врачей и надо, чтобы она полетела с ними.

Домой он позвонил из медицинского автомобиля. Номер набирал Чубаров. Встревоженный местный врач пытался уговорить Лобановского лечь. Он отказывался. Врач и Чубаров сумели его уложить. «Что ты мне тут устраиваешь? — говорил Лобановский Чубарову. — Ты вообще можешь здесь жить, а я еду домой...»

Света и Валера сразу после запорожского матча отправились в «Жуляны», куда возвращалась команда. Чубаров передал Свете куртку Васильича и его очки. Михайличенко убеждал Свету в том, что «всё будет нормально». «Ребята, — говорит Света, — и подумать не могли, что дедушка не сумеет выкарабкаться. Настолько привыкли, что всегда всё заканчивалось нормально».

Каких-то плохих предчувствий у Светланы в тот день не было. Игру в Запорожье смотрела по телевизору. «Папе стало плохо, — рассказывает она. — С нами связался Игорь Михайлович Суркис, сказал, что папа в больнице. Мне и маме предложили в четыре утра вылететь в Запорожье с киевскими врачами. Но я не могла — у меня были маленькие дети. Я такая мама, которая никому не доверяет. Даже на мужа ни Богдана, ни Ксюшеньку надолго не оставляю. В Запорожье полетела мама. Мы с ней созванивались почти каждый час. Мама все эти дни не отходила от реанимации. С папой она разговаривать боялась, чтобы ему не стало хуже. Просто стояла и неотрывно смотрела на него через стекло».

Приехали в больницу, забегали врачи. Силы стали оставлять Лобановского. Вдруг он позвал Серёжу. Из близких людей это имя — только у киевского племянника. Ещё — у тренера второй динамовской команды Богачека, с которым в юности Лобановский играл. Подошёл Чубаров: «Васильич, вы меня звали?» — «Нет». — «А кого?» Он помолчал сначала, а потом: «Что ты устроил?» — «Я ничего не устраивал...» И вдруг Лобановский произнёс фразу, которая всех его знавших — Игоря Суркиса, ещё одного вице-президента клуба Йожефа Сабо, Чубарова — поначалу успокоила: «Я тебе знаешь, что могу сказать: Гавранчич очень слабый... Очень! Пять технико-тактических действий!..» — «Валерий Васильевич, а кто второй гол забил?» — «Ты меня ещё проверяешь? Гиоане». — «Да нет, Гавранчич! А вы говорите слабый». — «Слабый, слабый... Что с тобой говорить...» — «Мы вас ждём, — сказал Игорь Суркис, — никуда пока не летим». Потом Лобановский стал говорить какие-то непонятные слова, произносить отдельные слоги, смысл которых уловить было невозможно.

«Валерий Васильевич, — сказал 8 мая в интервью запорожскому телевидению Игорь Суркис, — находится в тяжелейшем состоянии, и этим всё сказано. Хочу выразить благодарность всем, прежде всего — запорожским врачам, которые сделали всё необходимое для того, чтобы Валерий Васильевич пришёл в себя. Само собой, мы отправили самолёт в Киев, чтобы в Запорожье прилетели ведущие специалисты из Института нейрохирургии, ведущие кардиологи и невропатологи страны... Будем надеяться и молиться Богу, чтобы Валерий Васильевич побыстрее

выздоровел».

«Если мы говорим медицинским языком “состояние стабильно тяжёлое”, — сказал главврач Центра экстремальной медицины Владимир Бурлай, — то это означает, что тяжесть, несомненно, по диагнозу есть. Тем не менее нам удалось стабилизировать развитие процесса».

В сознание за неделю Лобановский приходил два раза. Суркисы и их друзья держали готовыми к немедленному вылету в Запорожье два оборудованных по последнему слову медицинской науки и техники самолёта — в Германии и Израиле. Хотели, когда наступит улучшение, перевезти его в один из зарубежных госпиталей. Не сосчитать, сколько раз братья предлагали Лобановскому пройти курс лечения в любой клинике мира. Он не соглашался. «Ну, если на лечение не согласны, Васильич, — говорил Григорий Суркис, — давайте полетим просто на обследование». Так всё и осталось...

Из Киева на машине Лобановского приехал его постоянный водитель Дима. На ней пришлось гнать в Днепропетровск за срочно понадобившимся лекарством — в Запорожье не нашлось, а прилетевшая бригада докторов его забыла.

На замену Чубарову прилетел другой администратор — Виктор Максимович Кашпур. Его и администратором-то назвать нельзя: в последнее время он стал тенью Лобановского, верным ординарцем. Когда Лобановский первый раз пришёл в себя, рассказывал Кашпур, первым делом спросил: «Почему я небритый?» Он патологически не терпел беспорядка, не допускал небрежности в одежде, его никто ни разу не видел небритым. Кашпур обрадовался, быстренько настроил бритву. Лобановский вдруг посмотрел на него как на незнакомого. «Васильич, — спросил Кашпур, — а вы знаете, кто я?..» — «Максим Перепелица, я тебя сразу не узнал... Не надо больше. Я завтра встану и сам побреюсь... Что ты там возишься — я привык бриться сам».

Аде выделили пустовавшую ординаторскую комнату — через одну от той палаты, где лежал Валерий. Она не контактировала с ним. Только беседовала с врачами. Смотрела на него через окно в двери палаты. И — молилась. 11 мая в 18.45 она рассказала мне: «Ему сегодня сделали операцию. Убрали там кое-что, чтобы не давило. Вчера разговаривал даже. Максимыч его брил. Он сказал, что через пару дней сам будет бриться. Вечером кормили его кашкой. Овсяной. Он сказал, что не любит овсянку. Хочет гречку. Игорь постоянно держит самолёт маленький. Врачи сегодня собрались из Киева рано утром. Операцию сделали днём. Сейчас будем ждать».

Ежедневно в реанимационном отделении по два-три раза собирались консилиумы. Постоянно проводилась необходимая консервативная терапия. Но тяжесть протекания болезни своё дело сделала.

Ровно за два месяца до смерти Валерий Лобановский провёл последнюю пресс-конференцию. «Я 33 года работаю без пауз в футболе, без длительных отпусков, — сказал он. — Некоторые тренеры говорят: “Я уже не могу, я должен отдохнуть, я больше не в состоянии находиться на этой сковородке”. Но дело в том, что мы не находимся на сковородке. Какая сковородка, если на игру приходит две тысячи зрителей?!» Но в конце Лобановский добавил: «Я не железный».

Мне он в сентябре 2001 года, когда мы последний раз виделись на его «поле», так и сказал в Козине: «Ты не представляешь, как я устал! Пусть другие придут и хотя бы повторят то, что удалось сделать мне».

Утренняя прогулка после завтрака, обед, сон, бассейн, выключенный телефон, кино по телевизору — не для него. Он — из тренеров, которых, как говорит тренер олимпийских чемпионов по гандболу Евгений Трефилов, «выносят с поля ногами вперёд». Как Игоря Турчина, которого Лобановский безмерно уважал.

12 мая врачи оценили состояние Лобановского как стабильное и соответствующее степени тяжести болезни.

Киевское «Динамо» в этот день играло матч чемпионата Украины с «Таврией». Перед встречей динамовцы вышли на поле в майках с портретом Лобановского, а болельщики вывесили огромный плакат «Васильич, ты нам нужен!».

В понедельник 13 мая у Лобановского, по словам Бурлая, примерно в 19.35 остановилось сердце. Врачи начали применять экстренные реанимационные меры по восстановлению сердечной деятельности, но они оказались напрасными. В 20.35 была констатирована смерть.

Утром 14 мая в 9.45 гроб с телом Лобановского отправили на Ан-24 в Киев. В 10.50 самолёт приземлился в аэропорту «Жуляны». Гроб отвезли — Света и Валера встречали самолёт — в морг госпиталя МВД. Там Валерия Васильевича подготовили к обряду прощания и в огромном гробу привезли в Лавру — в Кресто-Воздвиженский храм. Поначалу Ада хотела, чтобы, по православному обычаю, гроб был установлен дома. Но, оказалось, его невозможно было доставить на 10-й этаж дома 13 по улице Суворова — ни на руках по узким лестничным пролётам, ни тем более лифтом. Но даже если бы исхитрились и доставили, гроб не вошёл бы в дверной проём. Аде посоветовали поставить его в церкви.

15 мая, в среду, президент Украины Леонид Кучма подписал указ №

458/2002 о присвоении Лобановскому Валерию Васильевичу звания «Герой Украины» (посмертно).

Григорий Суркис, используя свои связи в УЕФА, всё сделал для того, чтобы 15 мая вечером перед финальным матчем Лиги чемпионов в Глазго между мадридским «Реалом» и немецким «Байером» была объявлена минута молчания. Игроки обеих команд, обнявшись, застыли в центре поля. На табло шотландского стадиона — фото Лобановского.

Всю ночь с 15-го на 16-е в Кресто-Воздвиженском храме священнослужители читали молитвы. Утром — служба, отпевание. И — в последний путь (все улицы в округе были перекрыты для движения): сначала на улицу Суворова, где военные, пройдя с огромным гробом на руках 90 метров, установили его на некоторое время под аркой дома, в котором жил Лобановский, потом — на «Динамо». Там с Валерием Васильевичем прощались десятки тысяч людей, около трёхсот тысяч, по некоторым оценкам.

На стадионе с Лобановским прощались с десяти часов утра до двух часов дня. На табло — фотография Лобановского в траурной рамке и надпись: «Прощай, Великий Мастер!». Всем желающим пройти мимо гроба, установленного в левой центральной части поля под тентом (на случай дождя, и ливень действительно разразился), не удалось. Цветы они оставляли возле колонн перед центральным входом, под огромным портретом Лобановского и новым названием арены «Стадион “Динамо” имени Валерия Лобановского» и у выезда со стадиона на Парковую улицу. Солдаты потом наполняли цветами кузова грузовиков — везти на кладбище. Под траурный колокольный звон в Киево-Печерской лавре.

«Милан» с Андреем Шевченко находился в те дни в США — совершал коммерческое турне. Узнав о кончине Лобановского, Шевченко попросил немедленно отправить его в Киев. Андрею сказали, что гонорар клуба за матчи с ним в составе — один, без него — другой, меньше. Шевченко попросил вычесть разницу из своей зарплаты и улетел.

И — путь на Байковое кладбище: вдоль Крещатика и Красноармейской, по обе стороны улиц тысячи людей, под проливным дождём ждавших проезда траурного кортежа. В окнах жилых домов и офисов — сплошные лица.

«Не знаю, правильно это или нет, — говорит Света, — только на кладбище я бывать не люблю. Лишь там до конца осознаешь, что случившаяся беда необратима. В любом другом месте мне до сих пор кажется, что папа... уехал на сборы и мы, как обычно, ждём его возвращения. Я привыкла видеть его дома от силы месяц в году. Всё

остальное время проходило в “режиме ожидания”».

Света иногда подходит к той самой куртке, из Запорожья, уткнётся в неё, вдохнёт глубоко-глубоко, и ей кажется, что папа только что вышел и через минуту вернётся...

Когда киевские динамовцы многих поколений — те, с кем играл Лобановский, или те, кого он тренировал, — собираются вместе по какому-нибудь поводу, первый тост у них — за «Папу».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Английский специалист Джонатан Уилсон считает, что «весь мир теперь живёт по Лобановскому: его концепция повлияла на футбол больше, чем что-либо другое за последние 30-40 лет».

Во всевозможных списках-рейтингах лучших тренеров мирового футбола Лобановский присутствует неизменно. Места в этих списках у него разные (и второе, и седьмое), но суть дела от этого не меняется: он всегда среди тех, кто определял и продолжает определять судьбу мирового футбола. И дело не в титулах — во вкладе в развитие игры.

В списке пятидесяти лучших тренеров за всю историю мирового футбола, составленном английской газетой «Таймс», представлены специалисты из четырнадцати стран (в основном, конечно, футбольных — Англии, Италии, Германии, Аргентины, Бразилии, Испании, Франции...). После фамилии «Лобановский», зафиксированной на седьмой строчке, стоит — «Украина». Так оно и есть.

Не стоит, однако, забывать, что большая часть тренерской карьеры Лобановского протекала во времена Советского Союза, в который составной частью входила Украина. Самая футбольная, во многом благодаря Лобановскому, республика большой страны — основной в 70—80-е годы поставщик игроков для всех сборных СССР, от юношеских до национальной.

Лобановский знал: не с него всё в футболе начинается. Он видел дальше других не только потому, что встал на плечи гигантов — таких как Борис Аркадьев, Эленио Эррера, Олег Ошейков, Хеннес Вайсвайлер, Виктор Маслов, Стефан Ковач, и учился у них, но и потому ещё, что сумел, развивая выбранное в работе направление, совершенствовать его, вносить в развитие футбола новое, своё, и продолжать совершенствовать достигнутое.

Лобановский — не из перерожденцев. Он — патриот страны, в которой родился, а родился он в СССР; он патриот земли, на которой вырос, а вырос он на земле Украины; он патриот Киева, патриот улиц, пустырей и стадионов, на которых рос и на которых воспитывался. Но Лобановский при этом — человек мира. В мире футбольном он вненационален. К нему относятся не как к гражданину Советского Союза, родившемуся на Украине и выросшему в Киеве, а как к Мастеру, внёсшему

огромный вклад в развитие игры. «Я работал, — говорил он, — на футбол вообще — вне идеологических и экономических формаций».

Мощь выдающихся тренеров не только в результатах — достигнутых, к слову, Лобановским в советские годы не «благодаря», а «вопреки»: то, как над ним измывались разнокалиберные московские партийные и спортивные начальники, зарубежным коллегам Лобановского и присниться не могло. Включённые «Таймс» вместе с Лобановским в список пятидесяти самых выдающихся тренеров мирового футбола Арриго Сакки, Марчелло Липпи, Фабио Капелло, а также Ги Ру, Жерар Улье и другие известные европейские специалисты не лукавят, когда говорят об огромном вкладе Валерия Лобановского в развитие футбола, и, появляясь в Киеве, несут цветы к памятнику Мастеру. Направление потому и называется направлением: его глупо копировать, его можно только развивать. Что, собственно, и делал сам Лобановский. И делают теперь многие тренеры, развивая направление, заданное Лобановским и его единомышленниками.

«Его революционный научный подход к процессу подготовки команды вошёл в историю футбола» — так Союз европейских футбольных ассоциаций (УЕФА) представляет включённого в список рекордсменов тренерского цеха Лобановского, работавшего с киевским «Динамо» почти 22 года, после перечисления его титулов. И называет его «футбольным учёным».

«Я — тренер, — говорил Лобановский. — В этой работе смысл моей жизни. Вместе с товарищами по футбольному цеху — игроками и тренерами, с которыми вместе работаю, — я обязан делать всё для того, чтобы команда была на высоте. Поддерживать уровень, на который она поднялась. И возвращать на него, если он потерян.

И я обязан делать всё для того, чтобы в результате совместной работы не только приобретались очки, призы и медали, но и появлялись единомышленники, которым в самое ближайшее время предстоит развивать и совершенствовать игру, сто с лишним лет назад названную футболом».

Не в одних победах дело. И, может быть, не только в данных Мастеру — в дополнение к победам — учениках, в последователях, способных, удачливых, образовавших после игроцкой жизни в киевском «Динамо» и в зарубежных клубах «тренерскую территорию Лобановского» на Украине.

В идеях футбольных, наверное, прежде всего дающих — одна за другой — яркую жизнь поколениям игроков. «Просто сказать, что тренер “хороший” или “плохой”, “нормальный” или “великий” без критериев? Я такого не понимаю, — говорил Лобановский. — Я всегда считал, что

основная заслуга тренера не в количестве побед, хотя это — результат его работы. Не в количестве поверженных соперников. А ведь это уже не только команда, но и тренер. На мой взгляд, заслуга тренера — это всё-таки верность своей идее! Это самое главное».

Цену себе Лобановский знал. И знал также (чем, безусловно, гордился), что оставил после себя направление, связанное с методикой тренировочного процесса и совершенно иным подходом к игре.

Дело ведь в принципах, которыми руководствовался тренер, убеждённый в том, что отсутствие принципов или же измена им — не что иное, как беспринципность. В принципах, за следование которым Лобановского и его единомышленников пытались нещадно в советские времена бить — наотмашь в прессе, резко с высоких спортивных и политических трибун, грубо в начальнических кабинетах.

Тренер-академик, он не изменял выбранным принципам, совершенствуя их в условиях приобретаемого бесценного опыта. В Советском Союзе Лобановского фактически объявляли «еретиком», пытаясь заставить тренировать возглавляемые им команды так, «как все», и требовали от него, чтобы они играли, «как все». Он был вынужден порой волею обстоятельств бороться с дураками, указывающими, какой дорогой следует идти. От выбранного направления, базирующегося на очень серьёзной научной основе, Лобановский, несмотря на перераставшие зачастую в настоящую травлю гонения в советской прессе и со стороны некоторых ныне совершенно неизвестных советских спортивных и партийных руководителей, не отступил ни на йоту. С достоинством в ответ, как говорил Станиславский, на «хамодержавие».

Вдогонку ему, уставшему, не находившему дома новые витки мотивации для своей команды и отправившемуся осенью 90-го года сначала в Эмираты, а затем в Кувейт, понеслись улюлюканье и очередные обвинения в тренерской несостоятельности.

Время рассудило и это.

Нет футбола «по Лобановскому» или же названного по фамилии ещё какого-нибудь тренера. Нет футбола итальянского, бельгийского, английского, украинского, российского, немецкого... Есть только современный футбол, за тенденциями развития которого необходимо следить каждодневно. И трудиться каждодневно, как Лобановский трудился, чтобы не только не отстать, но — опережать. «Тренер, — говорил он, — должен учиться всю жизнь. Если зачерствел, перестал учиться — значит, перестал быть тренером».

Он учился не переставая. И тренером быть не перестал. Умер

фактически на тренерской скамейке.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. В. ЛОБАНОВСКОГО

1939, 6 января — в Киеве родился Валерий Лобановский.

1946, 1 сентября — Валерий пошёл в первый класс средней школы №39.

1952 — начал заниматься организованным футболом в детской спортивной школе.

1955 — продолжил футбольное образование в ФШМ.

1956, май — окончил среднюю школу № 39 с серебряной медалью.

Август — поступил на первый курс Киевского политехнического института.

1957, январь — получил приглашение в дубль киевского «Динамо».

1959, 29 мая — первый матч в основном составе киевского «Динамо» в чемпионате СССР в Москве против ЦСК МО: на поле вышел за 32 минуты до завершения встречи.

1960, 29 марта — скончался Василий Михайлович, отец Лобановского.

4 сентября — первый матч Лобановского в составе сборной СССР: в Вене против Австрии.

1961, 17 октября — стал чемпионом СССР в составе киевского «Динамо», впервые в истории нарушившего победную монополию московских команд.

1963, 3 января — в старинном киевском ЗАГСе в «Шоколадном домике» состоялось бракосочетание Ады Емельяненко и Валерия Лобановского.

13 ноября — в семье Ады и Валерия Лобановских родилась дочь Светлана.

1964, 2 июля — последний матч в основном составе киевского «Динамо»: тренер Виктор Александрович Маслов, приступивший к строительству новой команды, решил расстаться с нападающим Лобановским.

1965, 6 апреля — приказ о зачислении в Одесский политехнический институт.

15 апреля — первый матч Лобановского в составе одесского «Черноморца» (2:3 в Тбилиси).

1966, 21 июня — окончил Одесский политехнический институт и получил диплом «инженера-промтеплоэнергетика».

17 ноября — последний матч за «Черноморец» (1:0) в Кутаиси).

1967, 2 апреля — первый матч в составе «Шахтёра» (2:0 в Донецке с ленинградским «Зенитом»),

1968, 14 июля — последний матч за «Шахтёр», конфликт с тренером Олегом Александровичем Ошенковым, уход из «Шахтёра».

31 октября — официальный тренерский дебют Лобановского в матче «Днепр» (Днепропетровск) — «Металлург» (Куйбышев).

1971, осень — под руководством Лобановского «Днепр» вышел в высшую лигу советского футбола.

1972, 4 апреля — первый матч тренера Лобановского в высшей лиге: 2:1 — победа в Днепропетровске над ЦСКА.

Осень — дебютировав в высшей лиге, команда Лобановского сразу заняла шестое место.

1974, осень — первый чемпионский титул тренера Лобановского (киевским «Динамо» он руководил тогда вместе с Олегом Базилевичем).

1975, 1 января — Лобановский (вместе с Базилевичем) приступил к работе со сборной Советского Союза.

2 апреля — первый официальный матч сборной СССР под руководством Лобановского и Базилевича: победа над сборной Турции в Киеве со счётом 3:0.

14 мая — в финале европейского Кубка кубков киевское «Динамо» обыграло в Базеле венгерский клуб «Ференцварош» и стало первым советским клубом, добившимся столь крупного успеха на континенте.

9 сентября — «Динамо» под руководством Лобановского и Базилевича выиграло в Мюнхене первый матч за Суперкубок у «Баварии» (1:0).

6 октября — киевские футболисты и в ответной встрече переиграли мюнхенский клуб (2:0) и стали обладателями Суперкубка Европы.

1976, август — неудачи киевского «Динамо» в Кубке европейских чемпионов, сборной СССР в чемпионате Европы и олимпийской советской команды в Монреале завершились «бунтом» в киевском клубе, результатом которого стало, в частности, увольнение Базилевича.

1982, 26 августа — официально объявлено о назначении Лобановского главным тренером сборной СССР.

1983, 13 ноября — проигрыш в Лиссабоне сборной Португалии из-за судейской ошибки (0:1), непопадание в финальную стадию чемпионата

Европы и увольнение из сборной с формулировкой: «Никогда более впредь не привлекать...»

1985, 23 июня — победой в финале Кубка СССР над донецким «Шахтёром» команда Лобановского начала второй поход за европейским Кубком кубков.

1986, 2 мая — вторая победа тренера Лобановского и его команды в европейском Кубке кубков: в финале во французском городе Лионе обыгран мадридский «Атлетико».

12 мая — Лобановский вновь, несмотря на продолжавшее действовать постановление от 1983 года, назначен главным тренером сборной СССР.

11 октября — сборная СССР в отличном стиле обыграла в Париже в отборочном матче к чемпионату Европы команду Франции (2:0); этот матч Валерий Лобановский называл одним из самых ярких в своей тренерской карьере.

1988, 30 мая — состоялась встреча Лобановского с секретарём ЦК КПСС Е. К. Лигачевым, после которой футболистам сборной СССР было дано официальное разрешение получать за успешно проведённые чемпионаты мира и Европы 10 процентов заработанного от ФИФА и УЕФА гонорара.

22 июня — в Штутгарте сборная СССР под руководством Лобановского провела феерический полуфинальный матч чемпионата Европы с командой Италии (2:0) и вышла в финал турнира.

25 июня — в финале команда проиграла сборной Голландии (0:2) и стала в Европе «серебряной».

1989, апрель — в Москве тиражом 150 тысяч экземпляров вышла книга Лобановского «Бесконечный матч».

1990, 11 марта — ушла из жизни Александра Максимовна, мама Лобановского.

18 июня — последний матч тренера Лобановского со сборной СССР: победа над Камеруном (4:0) на чемпионате мира в Италии.

1 октября — с этой даты стал действовать контракт Лобановского с Федерацией футбола ОАЭ.

1994, 1—16 октября — футбольный турнир на Азиатских играх в Хиросиме: сборная Кувейта под руководством Лобановского заняла третье призовое место.

1996, осень — президент киевского «Динамо» Григорий Суркис и Валерий Лобановский достигли договорённости о том, что Валерий Васильевич возглавит команду.

1997, 1 января — Лобановский официально приступил к работе с

киевским «Динамо» после возвращения из Кувейта.

15 марта — киевское «Динамо» провело в чемпионате Украины первый матч после возвращения Лобановского: 2:0 — домашняя победа над «Черноморцем».

12 мая — родился внук Лобановского Богдан.

22 октября — в Киеве в рамках группового турнира Лиги чемпионов блистательно обыграна «Барселона» (3:0).

5 ноября — разгром «Барселоны» продолжился и в ответном матче на поле каталонцев — 4:0.

1999, 18 марта — родилась внучка Лобановского Ксения.

7 апреля — «Динамо» — впервые в истории постсоветского футбола — играло в полуфинале Лиги чемпионов (3:3 дома с «Баварией» и 0:1 21 апреля в Мюнхене).

2000, 21 января — Лобановский дал согласие возглавить сборную Украины, продолжая при этом работать в киевском «Динамо».

2001, 14 ноября — футболисты Украины проиграли в Дортмунде стыковой матч за право выхода на чемпионат мира команде Германии (1:4) — последняя игра Лобановского в национальной сборной.

2002, 25 апреля — на конгрессе УЕФА в Стокгольме объявлено о награждении Лобановского рубиновым орденом этой организации «За заслуги перед футболом».

7 мая — Запорожье, последний матч тренера Лобановского: «Металлург» (Запорожье) — «Динамо» (Киев).

13 мая — Валерий Васильевич Лобановский скончался в Запорожье.

Похоронен на Байковом кладбище в Киеве.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лобановский В. В.* Бесконечный матч. М.: Физкультура и спорт, 1989.
- Абрамов В. Н.* Деньги от футбола. М.: Империиум Пресс, 2005.
- Андреев С. В.* ...И всё ещё впереди. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 2002.
- Анчелотти Карло.* Автобиография / Пер. с англ. А. Качалова. М.: Эксмо, 2017.
- Аркадьев Д. А.* Футбол Лобановского. К.: Изд-во УСХА, 1991.
- Аркадьев Д. А.* «Динамо» Киев. Возрождение. К.: Изд-во «АТВ-Стиль», 1998.
- Базилевич О. П.* Система, или Размышления о футболе. К.: Український письменник, 2013.
- Блохин О. В.* Гол, который я не забил. К.: Молодь, 1981.
- Бомбардир из Ташкента Геннадий Красницкий / Авт.-сост. Э. Аванесов.* Ташкент: Изд-во «Узбекистон», 1990.
- Борисов О. И.* Без знаков препинания. М.: Артист. Режиссёр. Театр, 1999.
- Бубнов А. В.* Спартак: 7 лет строгого режима. М.: Эксмо, 2015.
- Буряк Л. И.* Я жил в счастливое футбольное время. К.: Новий друк, 2007.
- Бышовец А. Ф.* Не упасть за финишем. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб., 2009.
- Визбор Ю. И.* Сочинения. В 2 т. Т. 1: Стихотворения и песни. М.: Локид, 1999.
- Галедин В. И., Щукин А. М.* Бесков. М.: Молодая гвардия, 2015 (серия «ЖЗЛ»).
- Галинский А. Р.* Не сотвори себе кумира. М.: Молодая гвардия, 1971.
- Галинский В. Л.* Валерий Лобановский. Четыре жизни в футболе. К.: КомпьютерПресс, 2002.
- «Динамо» (Киев). М.: Московский большевик, 1948.
- «Динамо» Киев. Фотоальбом. К.: Мыстэцтво, 1988.
- Зеленцов А. М., Лобановский В. В.* Моделирование тренировки в футболе. К.: Здоров'я, 1985.
- Карапетян Г. А., Мышалов С. Е.* Чего не видит зритель. М.: Эксмо, 2011.

- Каспаров Г. К. Шахматы как модель жизни. М.: Эксмо, 2007.
- Колосков В. И. В игре и вне игры. М.: Детектив Пресс, 2008.
- Кузнецов А. А. Олег Блохин (Биографический очерк). М.: Книжный клуб, 2000.
- Кузнецов А. А. Валерий Лобановский (Биографический очерк). М.: Книжный клуб, 2001.
- Левицкий М. Ю. С «Шахтёром» навсегда! Донецк: ООО «Рекламный дом», 2007.
- Макаров В. В. Футбол без грима. Владивосток: Изд-во «Уссури», 1994.
- Мамаладзе Т. Г. Танго Испания. Тбилиси: Изд-во ЦК КП Грузии, 1983.
- Мехико-86: События и размышления / Авт.-сост. А. А. Горбунов. М.: Физкультура и спорт, 1987.
- Мирский В. И., Семибратский В. А. Атакующая вершины. К.: Здоров'я, 1980.
- Михаилов М. И. «Динамо» (Киев). М.: Физкультура и спорт, 1975.
- Нилин А. П. Невозможный Бесков. М.: Физкультура и спорт, 1989.
- Пирогов Б. А. Футбол. Хроника, события, факты. М.: Советский спорт, 1995.
- Президент футбольной Украины / Руководитель проекта С. Васильев. К.: ИД «Аванпост-Прим», 2014.
- Рабинер И. Я., Франков А. В. Украинский футбол: Легенды, герои, скандалы в спорах «хохла» и «москаля». М.: Астрель, 2012.
- Рафалов М. М. Футбол оптом и в розницу. М.: Вагриус, 2006.
- Сборная СССР / Ю. И. Ландер (авт.-сост.), Н. И. Травкин (авт.). Харків: Изд-во «Харків», 1991.
- Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002.
- Сердце, которое не сокращалось: Древо памяти Александра Ткаченко / Ред.-сост. Гагик Карапетян. М.: Зебра Е; АСТ, 2009.
- Твардовский А. Т. Новомирский дневник. Т.1: 1961 — 1967. М.: ПРОЗАиК, 2009.
- Уилсон Джонатан. Книга о футбольных тактиках / Пер. с англ. Д. Курочки. М.: Эксмо, 2014.
- Футбол-89: Альманах / Сост. Л. Г. Лебедев. М.: Физкультура и спорт, 1989.
- Харитонов Д. В., Франков А. В. Лобановский. Послесловие. Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
- Цяпка В. Валерий Лобановский. Харьков: Фолио, 2010.